

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Челябинский государственный университет»

На правах рукописи

Монгилёва Наталья Викторовна

**ДИСПОЗИТИВНОСТЬ ДИСКУРСА: МОДЕЛИ ИНТЕРРЕЛЯЦИИ
ВО ФРАНЦУЗСКОЙ, РУССКОЙ, КАЗАХСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ**

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант:
доктор филологических наук, доцент
Кушнерук Светлана Леонидовна

Челябинск – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ	
ИССЛЕДОВАНИЯ ДИСПОЗИТИВНОСТИ ДИСКУРСА	30
1.1. Гносеологические предпосылки изучения диспозитивности в дискурсологии	31
1.2. Теоретические основания анализа диспозитивности дискурса	37
1.2.1. Интерпретация языковая и дискурсивная. Значимость речевого знака.....	37
1.2.2. Концепции «бессубъектного» дискурса.....	48
1.2.3. Понятие <i>диспозитива</i> в методологии анализа дискурса	53
1.3. Диспозитивность как категория дискурса.....	59
1.3.1. Специфика исследования дискурса объекта.....	59
1.3.2. Диспозитивность как когнитивно-конструктивная категория дискурса объекта.....	69
1.3.3. Диспозитивность в анализе лингвокультурной специфики дискурса объекта: социокультурные конструкты и ресурсы интерпретации	70
1.3.4. Конститутивные признаки диспозитивности	78
Выводы по первой главе.....	84
ГЛАВА 2. МЕТОДОЛОГИЯ И ИНСТРУМЕНТЫ СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА	
КАТЕГОРИИ ДИСПОЗИТИВНОСТИ ДИСКУРСА МЕЖЛИЧНОСТНЫХ	
ОТНОШЕНИЙ.....	88
2.1. Межличностные отношения как объект речи.....	88
2.2. Общие и частные методологические принципы исследования диспозитивности дискурса	100
2.2.1. Методологические принципы исследования диспозитивности.	100
2.2.2. Методы анализа диспозитивности и терминологический аппарат исследования	106

2.2.3. Методика когнитивно-функционального анализа категории диспозитивности	111
2.3. Анализ общекогнитивных условий диспозитивности	116
2.3.1. Моделирование инвариантов: референтная сцена, событие, модель события	116
2.3.2. Инварианты интерреляции: движение, объект, процесс	120
2.3.3. Концептуальная рамка модели интерреляции	124
2.3.4. Референтные сцены высказываний и концептуальные векторы инварианта	125
2.4. Анализ дискурсивных условий диспозитивности	130
2.4.1. Регулирующее действие социокультурных конструктов	131
2.4.2. Скрипты дискурса объекта как инференциальный компонент контекста	137
2.4.3. Код субъективной позиции в дискурсе межличностных отношений	144
2.4.4. Регулярные метафоры в дискурсе объекта	148
2.4.5. Механизмы языкового сознания и дискурсивные условия диспозитивности	153
Выводы по второй главе	155
ГЛАВА 3. МОДЕЛИ ИНТЕРРЕЛЯЦИИ В ДИСКУРСЕ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ	159
3.1. Вариативно-репрезентативный аспект анализа диспозитивности	159
3.1.1. Модель интерреляции СУЩНОСТЬ 1 – ПРОСТРАНСТВО – СУЩНОСТЬ 2	160
3.1.2. Семантика речевых средств, реализующих инвариант движения	163
3.1.3. Модель интерреляции СУЩНОСТЬ 1 – ОБЪЕКТ – СУЩНОСТЬ 2	167
3.1.4. Семантика речевых средств, реализующих инвариант объекта	169
3.1.5. Модель интерреляции СУЩНОСТЬ 1 – ЦИКЛ –	

СУЩНОСТЬ 2	174
3.1.6. Семантика речевых средств, реализующих инвариант цикла ...	177
3.1.7. Концептуальные векторы инварианта в референтных сценах и семантике речевых средств	180
3.2. Семантико-когерентный аспект анализа диспозитивности	185
3.2.1. Модель интерреляции СУЩНОСТЬ 1 – ПРОСТРАНСТВО – СУЩНОСТЬ 2 в системе метафорических проекций	185
3.2.2. Модель интерреляции СУЩНОСТЬ 1 – ОБЪЕКТ – СУЩНОСТЬ 2 в системе метафорических проекций	193
3.2.3. Модель интерреляции СУЩНОСТЬ 1 – ЦИКЛ – СУЩНОСТЬ 2 в системе концептуальных метафор	203
3.3. Интерреляция и продуктивность метафорических моделей	208
3.3.1. Культурно-специфичные метафорические образы	209
3.3.2. Метафорическая детализация моделей интерреляции	212
Выводы по третьей главе	218
ГЛАВА 4. ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА МОДЕЛЕЙ ИНТЕРРЕЛЯЦИИ	222
4.1. Социокультурный конструкт <i>личное пространство</i> во французском дискурсе и интерреляция движения	225
4.1.1. Скрипты согласованного действия, личной автономии, рационального действия во французском дискурсе	226
4.1.2. Код <i>свободного выбора</i> во французском дискурсе межличностных отношений	237
4.1.3. Инвариант движения в социокультурном преломлении	243
4.2. Социокультурный конструкт <i>общность</i> в русском дискурсе и интерреляция объекта	249
4.2.1. Скрипты русского дискурса: сопричастности, созависимости, единения	251
4.2.2. Код <i>эмоциональной общности</i> в русском дискурсе межличностных отношений	259

4.2.3. Инвариант объекта в социокультурном преломлении.....	262
4.3. Социокультурный конструкт <i>родовая группа</i> в казахском дискурсе и <i>интерреляция цикла</i>	266
4.3.1. Скрипты казахского дискурса: ориентированности на группу, ориентированности на традицию, координативного действия	270
4.3.2 Код <i>уважения</i> в казахском дискурсе межличностных отношений.....	278
4.3.3. Инвариант цикла в социокультурном преломлении	282
4.4. Адаптация моделей интерреляции социокультурным конструктам: сравнительно-сопоставительный анализ высказываний о ревности	287
Выводы по четвертой главе	298
ГЛАВА 5. ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ МОДЕЛЕЙ ИНТЕРРЕЛЯЦИИ	302
5.1. Влияние лингвокультуры на организацию референтных сцен.....	302
5.1.1. Методика психолингвистического исследования интерреляции в высказываниях о семье	303
5.1.2. Речевые маркеры интерреляции и референтные сцены в высказываниях о семье	313
5.1.3. Концептуальные векторы инварианта и принадлежность лингвокультуре.....	323
5.2. Психолингвистическое исследование лингвокультурной специфики моделей интерреляции.....	337
5.2.1 Методика переводческого эксперимента в исследовании моделей интерреляции	337
5.2.2. Концептуальные векторы инварианта интерреляции в интерпретации метафорического образа	348
5.2.3. Перевод средств референции к объектам сферы межличностных отношений.....	354
5.2.4. Скрипты дискурса межличностных отношений и объективация кода субъективной позиции	362

Выводы по пятой главе.....	368
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	371
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	383
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ИНСТРУКЦИЯ ДЛЯ ИНТЕРВЬЮЕРА ПО ПРОВЕДЕНИЮ НЕСТРУКТУРИРОВАННОГО ОПРОСА "РАССКАЖИТЕ О СВОЕЙ СЕМЬЕ"	463
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. МАТРИЦА АНАЛИЗА РЕЧЕВЫХ МАРКЕРОВ ИНТЕРРЕЛЯЦИИ В РАССКАЗАХ О СЕМЬЕ	464
ПРИЛОЖЕНИЕ 3. ЗАДАНИЕ-ПРИГЛАШЕНИЕ К УЧАСТИЮ В ПЕРЕВОДЧЕСКОМ ЭКСПЕРИМЕНТЕ.....	467
ПРИЛОЖЕНИЕ 4. РЕЧЕВОЙ МАТЕРИАЛ, ПОЛУЧЕННЫЙ В РЕЗУЛЬТАТЕ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА.....	469

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее исследование посвящено комплексному анализу общекогнитивных и дискурсивных условий реализации категории диспозитивности дискурса межличностных отношений.

На современном этапе развития науки о языке высокую актуальность имеют фундаментальные вопросы о природе сложных понятийных категорий. Трансфер знаний дает возможность раскрыть сущность комплексных феноменов в лингвистике, к числу которых относится рассматриваемое в диссертации понятие диспозитивности как категория дискурса межличностных отношений. Многоаспектный характер работы обеспечивается интеграцией положений когнитивной лингвистики, дискурсологии и лингвистического интерпретационизма.

Понятие диспозитивности сложилось в риторике и стало активно разрабатываться в теории права для обозначения свободы и ограничения выбора субъекта, обусловленных существующими правовыми нормами. Философская концепция диспозитива Мишеля Фуко утверждает существование комплекса из знаний, дискурсивных и социальных практик, который структурирует дискурс об объекте или явлении. Диспозитив трактуется как механизм, предрасполагающий интерпретацию явлений и регулирующий поведение людей, в том числе речевое.

Ориентация современной лингвистики на междисциплинарность открывает широкие возможности для осмысления понятия диспозитивности с позиций теории языка, что способствует приращению знаний об интерпретирующей природе дискурсивного процесса в пределах оппозиции «свобода выбора — пределы выбора», заданной дискурсом как средой речевых взаимодействий.

Проблематика диспозитивности в теории языка основывается на понимании интерпретативности речемыслительной деятельности. Дискурс — это не обмен текстами, а истолкование смысла на основе поступающей

информации, а также создание смысла для других, то есть *оречевление*, осуществляемое в единстве вербально-семиотических ресурсов, моделей интерпретации, индивидуально-языкового и коллективно-языкового опыта.

Разработка понятия диспозитивности применительно к анализу дискурса позволяет исследовать модели и средства речевой интерпретации в следующем научном ракурсе: с учетом того, что в процессе оречевления говорящий осуществляет индивидуальный (свободный) выбор из репертуара возможных в языке средств; в лингвокультурном контексте его выбор определяется и одновременно ограничивается характером дискурсивных практик.

Фактически диспозитивность раскрывает комплексную природу интерпретации: она ориентируется индивидуальными когнитивными моделями субъекта, его концептуальной системой и регулируется коллективным опытом, усвоенным дискурсивно в речевых взаимодействиях с членами своей лингвокультурной общности, то есть «межсубъектно». В результате дискурсивной деятельности говорящего формируется высказывание, отражающее выбор речевых знаков и содержащее индивидуальную интерпретацию объекта речи.

Проблематика данного исследования возникает в результате осмысления диалектики субъектности дискурсивной деятельности и межсубъектности дискурса. *Субъектность* определяется интенциональностью личного смысла говорящего, который подлежит оречевлению, и наличием в его распоряжении безграничного разнообразия речевых средств. *Межсубъектность* складывается из объективной реальности коллективных конвенций и регулярных явлений дискурса, усвоенных говорящими в прежних речевых взаимодействиях. Принятие идеи о диалектическом единстве двух факторов позволяет выделить категорию диспозитивности дискурса. В настоящей диссертации термин «**диспозитивность**» используется для обозначения процесса и результата интерпретации объектов речи в сфере межличностных отношений, которые

определяются и ограничиваются дискурсом как средой речевых взаимодействий.

Степень разработанности проблемы. В рамках когнитивно-коммуникативной парадигмы интерпретирующая природа дискурса раскрывается в соотнесении с условиями коммуникации (Н. Д. Арутюнова, В. З. Демьянков, А. А. Кибрик, Е. С. Кубрякова, Л. Г. Лузина). В большинстве работ выделение дискурса как аналитического конструкта происходит с учетом экстралингвистических оснований: по связи со сферой общения (научный, политический, академический, бытовой), по тематическому содержанию (экономический, расистский, экологический), согласно национальному лингвокультурному параметру (английский, французский) и т. д. На этом фоне без внимания остаются двуединство интерпретационного процесса и его связь с общим кодом, обеспечивающим продуцирование бесконечного множества высказываний, качество которых предопределяется факторами коммуникативной ситуации и сферой социального опыта.

Смещение фокуса научного внимания на *внутрилингвистические* параметры исследования выводит на первый план **дискурс объекта** – аналитический конструкт, формируемый совокупностью кореферентных высказываний, объединенных на основе референции к социально значимому феномену или сегменту социального опыта (В. И. Тюпа, Л. О. Чернейко). Высказывание выступает фрагментом дискурса как эмпирической реальности интерпретации объекта речи. В данной работе дискурс межличностных отношений исследуется как дискурс объекта во французской, русской и казахской лингвокультурах. Представляется, что подход к изучению дискурса объекта в перспективе от абстрактного социального феномена («межличностные отношения») к конкретному высказыванию позволяет углубить понимание интерпретирующего феномена дискурса и его специфики в каждой из трех лингвокультур.

В этой связи важно подчеркнуть, что в когнитивной лингвистике проблемы интерпретирующей природы дискурса по-разному решаются

специалистами, что находит отражение в системе понятий, значимых для анализа его коммуникативной организации: субъект [Серио 1993], субъектный принцип [Дубровская 2015], когнитивная доминанта [Болдырев 2016; Фурс 2004]. Изучение познавательной активности субъекта раскрывает антропоцентричность дискурсивной деятельности [Голованова 2011; Манерко 2013]. Интерпретирующими являются механизмы обработки эмпирических данных коммуникативной ситуации. В этом кругу вопросов также рассматриваются: распределение фокуса внимания, выделение активного и пассивного объекта, фигуру-фоновых отношений, выбор точки референции, направление перспективы [Арутюнова 1990; Кибрик 2003; Кубрякова 2000; Магировская 2009, 2014; Фурс 2004; Chafe 1994; Neisser 1967; Tomlin 1995]; ракурс и ориентиры осмысления коммуникативной ситуации, заданные конфигурацией знаний субъекта [Голованова 2016, 2020; Дейк 2013; Ирисханова 2014a; Hutchins 2014]; эпистемические модели, посредством которых ситуация связана с ценностями и установками членов социокультурного общества [Алефиренко 2010; Лингвистика и аксиология 2011].

Достижения в сфере изучения познавательной деятельности позволяют представить дискурс оперативным концептуальным пространством, созданным участниками коммуникации [Беляевская 2016, 2017; Галич 2018; Дубровская 2015; Ирисханова 2013, 2014; Магировская 2016a, 2016b; Манаенко 2016; Ноблок, 2007; Ржешевская 2014]. В научный оборот вводится термин «дискурсивная картина мира» [Ермоленкина 2014, Орлова 2010; Резанова 2006, 2011a], под которым понимается система общих концептов, вплетенных в типовые ситуации речевой деятельности. Развитие проблематики интерпретирующего потенциала языка, интерпретативной деятельности коммуникантов, когнитивного моделирования и ментально-языковых особенностей репрезентации действительности в дискурсе определяет траектории развития теории текстовых миров [Андреева 2016, 2019, 2021; Огнева 2022b; 2023; Эмер 2011; Gavins 2007; Tinchewa 2015; Werth

1999], теории когнитивно-дискурсивного миромоделирования [Кушнерук 2011, 2012; 2018, 2019; Огнева 2022a]. Моделирование дискурса как универсальной коммуникативной системы, функционирование которой осуществляется за счет активации базовой матрицы языкового сознания, открывает путь к изучению дискурсивного пространства [Александрова 1997; Казыдуб 2006], семиотического пространства [Шейгал 2000], художественного пространства [Огнева 2022b].

Интерпретирующее влияние дискурса на оречевление исследуется сквозь призму событийности. Речевое взаимодействие предполагает выбор говорящим цели коммуникации, позиции по отношению к объекту речи, а также направленность на адресата. Знания участников трансформируются в мнения, убеждения, установки [Арутюнова 1993; Дейк, Кинч 1988; Хабермас 2000]. В широком поле лингвопрагматики элементы дискурса рассматриваются в качестве стратегических инструментов достижения прямых и косвенных целей [Остин 1986; Серль 1986; Searle 1999]. Интерпретирующая природа дискурса исследуется в режиме динамики процесса через непосредственно используемые знаки и модели [Богоявленская 2013, 2016]. Однако связь оречевления с коллективными схемами, усвоенными ранее и существующими в среде речевых взаимодействий, остается малоисследованной.

Влияние дискурса на оречевление смыслов раскрывается при его онтологизации как среды речевых взаимодействий, обусловленной конфигурациями знаний [Лассуэл 2006; Фуко 1996, 2008; Derrida 2002]. Появляется эпистема *власти дискурса*, в ракурсе которой разрабатываются проблемы навязывания субъектам способа интерпретации социальной действительности, вскрываются отношения доминирования и контроля, осуществляемого социальными институтами [Автономова 1972, 1994; Барт 2005; Бодрийяр 2000; Дейк 2013; Жижек 1999; Laclau 2001]. Названная эпистема определяет власть «самого языка» в формировании социальной идентичности, культуры, социальных отношений [Fairclough 1989], позволяет

обнаружить предзаданность имеющихся социальных установок в рассуждениях о социально значимых феноменах [Moscovici 2019; Potter 1996]. В научном поле разрабатывается понятие *диспозитива*. Речь в основном идет о том, что синтез дискурсивных и недискурсивных практик создает информационное пространство, задающее ракурс производства значений и понятий [Фуко 1996; Jäger 2001, 2009]. Формулируются положения об эффективности дискурса в плане его соответствия технологиям воздействия в социальном пространстве [Плотникова 2011]. Достижения концепций о власти дискурса получают распространение в исследованиях масс-медиа [Кожемякин 2010; Майоров 2015; Пастухов 2019; Wodak 2021], но практически не обнаруживаются в анализе бытового личностно-ориентированного общения.

В современной науке о языке интерпретативность дискурса, как правило, изучается в ее обусловленности спецификой лингвокультуры, которая признается абстрактным конструктом, сформированным из общих убеждений, знаний, идей и объективируемым в деятельности членов культурной группы [Лотман 1992б, Маслова 2001, 2004; Телия 1991, 1996, 1999; Caballero 2013, Geertz 1973]. Специалисты практически единогласно признают, что дискурсивная *среда неотделима от лингвокультурной*. Распространение и хранение культурного знания происходит через коммуникативный обмен шаблонами, паттернами поведения, идеями, понятиями и языковыми средствами [Колмогорова 2012; Hutchins 1980, 2012; Kövecses 2009]. Сущностные характеристики дискурса исследуются в соотношении с речемыслительной деятельностью говорящих как представителей лингвокультуры [Бабаева 2008; Попова 2019; Степанов 1993, 1995, 2001]. Устанавливается культурная специфика речевых ходов [Alexander 2001; Mercer 1995]. Влияние лингвокультурной среды на речевую деятельность подтверждается в исследованиях стиля как манеры речи, взаимосвязи языковой культуры и речевого выражения [Гришаева 2007: 305; Колмогорова 2006; Цурикова 2007: 104]. Обращает на себя внимание, что в исследованиях лингвокультурной специфики речи взаимодействующих

коммуникантов выбор говорящим речевого средства учитывается, но ограничительные условия коммуникативной ситуации, как правило, не принимаются во внимание. Разделяя мысль о том, что фактор лингвокультуры способствует объяснению причин существования регулярных способов репрезентации смысла в речи, важно понять, почему в разных лингвокультурах средствами интерпретации объекта речи становятся те или иные когнитивные модели и языковые формы.

Поднимая данную проблему, полагаем, что трансфер понятия диспозитивности в дискуртологию дает аналитический инструмент для исследования условий выбора говорящим моделей и средств интерпретации. С одной стороны, модели и средства интерпретации являются предзаданными интенциональностью речевого действия, с другой — конвенциональностью внешних по отношению к говорящему явлений (коллективных моделей, языковых значений, социокультурных и языковых норм и т. д.).

Отдельные аспекты *диспозитивности* и сопряженные с этим феноменом понятия получают разработку в риторике и теории языка. Наряду с термином «диспозитивность» используется смежный термин «диспозиция», означающий этап риторического канона, на котором, сообразно целям и замыслу оратора, определяются идеи и композиции речи [Анисимова 2004; Клюев 1999]. Внимание к этосно-мотивационно-диспозитивным координациям позволило определить мировоззренчески-диспозитивную структуру в лингвориторических параметрах дискурса [Анистратенко 2009], охарактеризовать языковую личность автора [Кузнецова 2013], выявить лингвориторическую специфику советского официального дискурса [Хачецукова 2007] и др. Таким образом, под *диспозицией* в риторике понимается общий замысел, определяющий организацию содержания и выбор речевых средств.

При анализе социального феномена языковой нормы установлено, в частности, что выражающиеся альтернативными вариантами диспозитивные компоненты в равной степени допустимы в речи [Федяева 2011]. Понятие

диспозитивности оказывается востребованным в анализе выбора речевых средств из ряда возможных в судебной речи [Мальцева 2011], а также в спортивном репортаже [Богословская 2003].

В отличие от этих подходов в настоящей работе понятие диспозитивности разрабатывается для изучения интерпретативности дискурса с учетом наличия у коммуникантов общих знаний об объекте речи и имеющихся в их распоряжении ресурсов языка. Принципиальную значимость для исследования имеют общекогнитивные и дискурсивные ресурсы интерпретации, сформированные в лингвокультурной среде и усвоенные коммуникантами дискурсивно.

Думается, что диспозитивность дискурса должна анализироваться с учетом коллективной природы моделей интерпретации явлений и их обусловленности прежними речевыми взаимодействиями. В таком случае значимой характеристикой дискурса выступает концептуальная целостность как онтологическое свойство дискурса, которое обнаруживается в исследованиях макроструктуры [Дейк 1978, 1989], дискурсивной матрицы [Григорьева 2018], когнитивно-дискурсивной интерпретанты [Дубровская 2015], концепта дискурса [Федулова 2019]. Исследования *пропозиции* и *пресуппозиции* [Андерсон 2002; Михальская 1998; Олешков 2005; Столнейкер 1985], *интертекстуальности* [Михайлова 1999; Олизько 2009] объясняют механизмы организации «нового» знания в индивидуальные ситуационные модели. Категории *концептуальной целостности* и *антропоцентричности* систематизируют данные о зависимости ситуативных образцов дискурса от мира значений, моделей и идей с фокусированием на познавательную активность субъектов, их стремление быть понятым и понять смысл извне [Болдырев 2016; Григорьева 2018; Дубровская 2015].

В работе отстаивается идея о том, что выделение когнитивно-конструктивной категории диспозитивности позволяет лучше понять интерпретативные свойства дискурса как среды речевых взаимодействий представителей лингвокультуры. Порождаемые говорящими высказывания не

нарушают существующий порядок дискурса и одновременно конструируют уникальное концептуальное содержание.

Актуальность настоящей диссертации обусловлена следующим. Во-первых, в современной дискурсологии остается значимым решение проблем разграничения субъектной и межсубъектной природы дискурса, понимания интерпретирующего феномена дискурса, а также лингвокультурной специфики коллективных когнитивных моделей, определяющих и одновременно ограничивающих интерпретацию объекта речи. Во-вторых, трансфер понятия диспозитивности из теории права в анализ дискурса открывает возможности исследования интерпретативной деятельности субъекта в диалектике коллективного и индивидуального. В-третьих, выделение категории диспозитивности дискурса межличностных отношений позволяет исследовать осмысление сферы социальных взаимодействий в разных лингвокультурах, раскрывая ее специфику на основании регулярности воспроизводства отдельных сегментов коллективного опыта в моделях интерпретации межличностных отношений.

Объектом исследования выступает диспозитивность как категория дискурса, упорядочивающая представления об общекогнитивных, дискурсивных и культурно-специфических факторах интерпретации объекта речи.

Предмет исследования – модели интерреляции, реализующие диспозитивность дискурса межличностных отношений во французской, русской и казахской лингвокультурах.

Цель исследования – выявить общекогнитивные и дискурсивные условия реализации диспозитивности в дискурсе межличностных отношений и закономерности активации моделей интерреляции во французской, русской и казахской лингвокультурах.

Поставленная цель конкретизируется следующими **задачами**:

1) рассмотреть содержательные характеристики диспозитивности в проблемном поле интерпретирующего феномена дискурса;

2) разработать методологический аппарат и аналитический инструментарий для описания диспозитивности как категории дискурса;

3) выделить набор устойчивых и контекстуально-зависимых характеристик дискурса межличностных отношений, реализующих его диспозитивность;

4) исследовать когнитивно-дискурсивные условия осуществления говорящим выбора модели и средства интерпретации объекта речи в дискурсе;

5) описать модели интерреляции, выделить инварианты и систематизировать их проявления во французских, русских, казахских высказываниях о межличностных отношениях;

6) выделить специфичные для каждой из лингвокультур социокультурные конструкторы, обеспечивающие невербализованные компоненты контекста;

7) провести психолингвистическое исследование моделей интерреляции с учетом лингвокультуры и дискурсивных практик говорящих.

Гипотеза исследования. Когнитивно-конструктивная категория диспозитивности раскрывает интерпретирующий феномен дискурса. Онтологически она обеспечивается изоморфизмом (или общностью, отраженной в структурных свойствах) лингвокультуры – моделей интерпретации – дискурса. Диспозитивность дискурса межличностных отношений реализуется в культурно-обусловленных моделях интерреляции, которые реконструируются на основе речевого материала. Инварианты интерреляции предопределяют качественные характеристики контекстов о межличностных отношениях. Реализующие инвариант модели интерреляции обладают лингвокультурной спецификой во французской, русской и казахской культурах.

Материалом для исследования послужили 62 460 высказываний о межличностных отношениях представителей французской, русской, казахской лингвокультур в период с 2015 по 2024 год. Выборка охватывает разнотипный материал, что определяется спецификой исследования дискурса

объекта. Анализ дискурса объекта предполагает моделирование системы ресурсов (когнитивных и лингвистических), активируемой в интерпретации социального феномена или абстрактного понятия (В. И. Тюпа, Л. О. Чернейко) вне зависимости от дискурсивного жанра или вида.

За **единицу анализа** принимается высказывание или его фрагмент. В отдельных случаях рассматривались два или более высказываний, объединенных референцией к со-отношению субъектов. Работа с эмпирическим материалом производилась в несколько этапов:

1. Для изучения оречевления смыслов о межличностных отношениях была составлена авторская картотека из обиходных высказываний представителей трех лингвокультур на французском, русском и казахском языках. В данную группу вошли высказывания, записанные во время личных бесед, а также в ходе повседневного общения с носителями русского и казахского языков (8000 контекстов); транскрипции бесед-интервью, собранных обучающимися Костанайского регионального университета в рамках учебных проектов и магистерских диссертаций в период с 2012 по 2018 год (180 аудиозаписей); записи личных бесед с ассистентами Французского культурного центра в г. Костанайе и преподавателями-французами, участвующими в программе академической мобильности (15 транскрипций); записи, сделанные участниками данной программы во Франции (20 транскрипций); транскрипции фрагментов телевизионных интервью, где герой передачи рассказывает о личных (семейных) отношениях (30 контекстов). Общий объем данной части картотеки составил 19 985 контекстов.

2. Вторую группу источников составили сообщения, размещенные на интернет-форумах о межличностных отношениях (высказывания о конфликтных ситуациях с близкими, проблемах, связанных с расставаниями, знакомствами, отсутствием взаимопонимания). В корпус исследования вошли контексты, отобранные по тематическому критерию: с русскоязычного форума <https://lady.mail.ru/forum>; с франкоязычных форумов

<https://www.forumfr.com->, рубрика Quotidien, под рубрики Education et Famille, Amour et Séduction; сообщения и комментарии к ним с казахскоязычного форума <http://www.kazakh.ru> под рубрики Махаббат жайында, Жалпы казакша; ответы пользователей на вопрос *qu'est-ce que c'est la famille / le mariage/ les traditions familiales pour vous*, размещенный на форуме <https://answers.yahoo.com..> Данные высказывания аутентичны и приближены к устной речи (26500 контекстов).

3. Французские высказывания и их переводы на русский язык, извлеченные из ресурсов контекстного словаря Reverso <https://context.reverso.net> (2 000 контекстов).

4. Для получения промежуточных выводов исследования были привлечены тексты-советы психологов, письма-обращения к психологам и ответы психологов и консультантов, размещенные на русскоязычных интернет-сайтах [Life-Reactor URL: <http://www.life-reactor.com>; Women's day URL: <https://www.wday.ru/seks-otnosheniya>; Story- Woman.ru URL: <http://www.story-woman.ru>], франкоязычных сайтах [Psychologies URL: <http://www.-psychologies.com>; Rougeframboise URL: <https://www.-rougeframboise.com>; ELLE URL: <https://www.elle.fr>; Pourquoi docteur URL: <https://www.pourquoidocteur.fr>], а также сайтах на казахском языке [Zharar URL: <https://www.zharar.com/kz>; Massaget.kz URL: <https://massaget.kz>; Nur.kz URL: <https://kaz.nur.kz>; Kerekinfo.kz URL: <http://kerekinfo.kz/blog>]. В результате собрано 12 885 контекстов.

5. Корпус контекстов высказываний о межличностных отношениях был также дополнен данными (2000 контекстов) из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и Алматинского корпуса казахского языка.

6. Эмпирическим материалом исследования стали данные психолингвистических экспериментов, неструктурированного опроса (60 участников) и переводческого эксперимента (23 участника). В результате получено 1033 и 1380 контекстов соответственно.

Анализ диспозитивности дискурса межличностных отношений,

базируется на комплексе **методов**: *философско-логические* (анализ, синтез, доказательство, аргументация, объяснение, обобщение, интерпретация, диалектический анализ); *общенаучные* (наблюдение, моделирование, аксиоматико-дедуктивный метод, рефлексия), а также *частнонаучный метод герменевтического анализа* в интерпретации контекстов высказываний как фиксированного результата взаимодействия языкового сознания и лингвокультурной среды; *дисциплинарные* методы определяются установками когнитивно-дискурсивной парадигмы: *многофакторный анализ объекта* в соотнесении фактов языка и форматов знания, погруженных в контекст коммуникативной ситуации и лингвокультуры; *методики концептуального анализа* в соотнесении значений речевых средств и актуализированных мыслительных структур, *контекстуальный анализ*, подразумевающий использование приемов выявления эксплицитных, имплицитных и инференциальных компонентов содержания; элементы *сопоставительного метода* в работе с речевыми контекстами трех лингвокультур, а также *лингвокультурологический метод*.

В диссертации использован также *метод метафигурирования* в проецировании характеристик целого на возможные потенциальные конфигурации элементов, *метод культурного комментария* для выявления смысловых лакун и определения наиболее значимого для говорящих компонента содержания. *Психолингвистический эксперимент* (верификация моделей и их взаимозависимостей) проводится с применением методик *неструктурированного опроса* и *переводческого эксперимента*.

Методологическая база исследования представлена достижениями науки о языке в рамках антропоцентрического подхода, при котором феномены речи соотносятся с целями и потребностями говорящего. Основные теоретико-методологические принципы сформулированы под влиянием эвристик следующих научных направлений:

философия языка, представленная концепциями изучения связи языка и идеологических контекстов (Л. Альтюссер, Ж. Делез, Ж. Ж. Лакан, М. Фуко,

З. Ягер), языка и познавательной среды (Л. Выготский, Э. Кларк, М. Коул, Ж. Мандлер, Ж. Пиаже, Э. Хатчинс), языка и воплощенного познания (М. Альтман, А. Барнабе, Д. Боттино, Ф. Варела, Й. Златев, Е. Итконен, А. В. Кравченко, У. Матурана, М. Мерло-Понти, Р. Франк, Т. Хасимото, Ф. Шарифиан);

теория интерпретации (В. З. Демьянков) и *интерпретирующей функции языка* (Н. Н. Болдырев и представители Тамбовской школы когнитивной лингвистики Л. В. Бабина, В. Б. Гольдберг, В. С. Григорьева, О. Г. Дубровская, О. В. Магировская, Л. А. Панасенко, Л. А. Фурс);

теория текста и дискурса (П. Бергер, М. В. Йоргенсен, Э. Лакло, Т. Лукман, М. Л. Макаров, Ш. Муфф, Л. Дж. Филлипс, Н. Фэйрклаф, V. Wigg, K. Gergen), а также концепция *дискурсивного конструкционизма* (Дж. Поттер, Д. Эдвардс), *теория социальных репрезентаций* (С. Московичи); *социокогнитивные теории дискурса* (Д. Гирэртс, С. Грис, Т. А. ван Дейк, Р. Дирвен, О. К. Ирисханова, В. Келлер, Г. Кристиансен, П. Морган);

исследования когнитивной семантики (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, И. К. Архипов, Н. Н. Болдырев, К. Ванделуз, В. З. Демьянков, Е. В. Ерофеева, С. А. Жаботинская, О. К. Ирисханова, В. Б. Касевич, С. Д. Кацнельсон, Т. Клаузер, У. Крофт, Е. С. Кубрякова, Т. Г. Попова, Э. Рош, И. А. Стернин, Л. Талми, А. Ченки), *теория инвариантных моделей* (Дж. Лакофф) и ее развитие в концепциях *когнитивной грамматики* (М. Джонсон, В. Крофт, А. Круз, Р. Лангакер, Л. Талми), *методологии конструирования смысла* (Р. Лангакер), *фреймовой семантики* (Ч. Филлмор), *концептуальной метафоры* (Т. Адамсон, А. Н. Баранов, Р. Гиббс, Ю. Н. Караулов, Дж. Лакофф, Т. Г. Попова М. Тернер, Ж. Фоконье, А. П. Чудинов), *культурологической специфики концептуальных моделей* (Н. Йю, А. В. Колмогорова, И. Малкольм, А. Мусольф, Т. Г. Попова, Д. Тай), *психолингвистики* (Л. Барсау, Н. И. Жинкин, А. А. Залевская, А. А. Леонтьев, С. В. Лурье).

Следуя принципу экспансионизма современной научной парадигмы,

методология данного исследования интегрирует аналитические инструменты смежных областей гуманитарного знания: *философское понимание диспозитивности* (Гегель, Т. Гоббс, И. Кант, Д. Локк) с учетом способов ее интерпретации в *теории права* (Р. Б. Брюхов, О. А. Красавчиков, Т. Н. Молчанова), *риторике* (Т. В. Анисимова, Е. В. Ключев), а также *теория позиционирования в социальной психологии* (Б. Дэвис, Р. Харре).

В фокус анализа диспозитивности помещается *речевой знак* – воплощение смысловой версии об объекте речи, уникальность которой обеспечивается фактом выбора говорящим модели и средства интерпретации в пределах, созданных дискурсом.

Положения, выносимые на защиту:

1. Интерпретативность речемыслительной деятельности служит основанием для выделения когнитивно-конструктивной категории диспозитивности дискурса, которая упорядочивает представления об общекогнитивных, дискурсивных и культурно-специфических факторах интерпретации объекта речи. Диспозитивность раскрывает свойство дискурса быть способом представления знаний о мире в речевых знаках, которые комбинируются под влиянием закономерностей, существующих как общее знание участников коммуникации. Категория диспозитивности дискурса межличностных отношений реализуется в системе интерреляций – моделей и разноуровневых средств объектно-событийного формата репрезентации социального взаимодействия в кореферентных высказываниях.

2. Конститутивными признаками диспозитивности являются когнитивное варьирование и дискурсивная регулярность. Они соответствуют двум типам ресурсов интерпретативной деятельности – когнитивных и речевых. Их одновременная активация обеспечивает процесс оречевления и определяет необходимый ракурс видения объекта речи. Модель интерреляции адаптирует индивидуальный смысл конгруэнтно ценностным установкам социума и культуры, при этом развертывание высказывания ограничивается закономерностями дискурса: 1) возникновением в контексте

невербализованных компонентов высказывания, соотносимых с социальными идеями; 2) исключением нерелевантных импликаций; 3) актуализацией традиционных для лингвокультуры метафорических образов.

3. Интерреляция – ментальный конструкт, репрезентирующий значимое устремление субъекта взаимодействия на другого и ожидание ответного устремления, реконструируется на основе речевого материала во французской, русской и казахской лингвокультурах. Модель интерреляции конфигурируется тремя элементами: сущности (C1 и C2) и образная схема ПРОСТРАНСТВО, ОБЪЕКТ или ЦИКЛ, задающая перспективу в осмыслении со-отношения между ними. Выбор модели интерпретации в кореферентных высказываниях о межличностных отношениях ограничивается инвариантами движения, объекта, цикла. Они обеспечивают реализацию общекогнитивных условий диспозитивности дискурса, что получает выражение в системе речевых средств в трех лингвокультурах.

4. Модель интерреляции с инвариантом движения C1 – ПРОСТРАНСТВО – C2 активизирует знания, обобщающие физический опыт движения участников к совместным целям. Концептуализация межличностных отношений в высказываниях на французском, русском, казахском языках осуществляется на основе образных схем ПУТЬ, ДИСТАНЦИЯ, ТРАЕКТОРИЯ, ЦЕЛЬ, ДВИЖЕНИЕ ВПЕРЕД, СОПОЛОЖЕНИЕ ТЕРРИТОРИЙ. В трех лингвокультурах инвариант движения объективируется двумя группами речевых средств: 1) глаголами и существительными с семами движения, прилагательными с семантикой акциональности; 2) существительными с пространственной семантикой. Во французском и русском языках инвариант также объективируется предлогами. На основе интерреляции движения единообразно в трех лингвокультурах развиваются метафорические модели ОТНОШЕНИЯ – ПУТЬ и ОТНОШЕНИЯ – СОПОЛОЖЕНИЕ ТЕРРИТОРИЙ. Инвариант движения накладывает ограничения на активацию значений с семантикой остановки, закрытых пространств, близкой дистанции.

5. Модель интерреляции с инвариантом объекта C1 – ОБЪЕКТ – C2 обеспечивает концептуализацию объекта речи на основе опыта манипуляций с предметами. Осмысление межличностных отношений осуществляется посредством образных схем ПРЕДМЕТ ВЛАДЕНИЯ, ОБЩИЙ ПРЕДМЕТ, СВЯЗЬ, ОБЪЕКТ, ОБЪЕДИНЕНИЕ, ПОЛОЖЕНИЕ МЕЖДУ. Инвариант объекта реализуется четырьмя группами средств, передающих семантику: 1) контроль и перемещение материальных предметов; 2) действия по созданию объекта, материальные свойства объекта; 3) собственность, «неотчуждаемая» собственность; 4) знания об инструментах, выполняющих функцию удержания, действиях со связующими предметами. На основе интерреляции объекта единообразно во французской, русской, казахской лингвокультурах развиваются метафоры ОТНОШЕНИЯ – СВЯЗЬ и ОТНОШЕНИЯ – ОБЪЕКТ. Инвариант объекта накладывает ограничения на активацию значений самостоятельного движения субъекта от объекта устремления.

6. Модель интерреляции с инвариантом цикла C1 – ЦИКЛ – C2 репрезентирует смыслы о межличностных отношениях на основе знаний о природных, социальных, внешних и внутренних процессах. Интерпретация осуществляется за счет образных схем ПРИРОДНЫЙ ПРОЦЕСС, ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ, ЦИКЛ, СОСТОЯНИЕ, ПЕРЦЕПТИВНОЕ ВОСПРИЯТИЕ, ВИЗУАЛЬНЫЙ КОНТАКТ, КРУГ, ДВИЖЕНИЕ ПО КРУГУ, ДВИЖЕНИЕ К ЦЕНТРУ, ЦЕНТР – ПЕРИФЕРИЯ. В трех лингвокультурах инвариант цикла реализуют пять групп речевых средств: 1) указывающих на естественные процессы растений; 2) отсылающих к знаниям о стадиях развития и жизнедеятельности человека или животного; 3) передающих знания о физических процессах; 4) обобщающих опыт восприятия внешней среды органами чувств; 5) имеющих семантический компонент «движение по кругу». На основе интерреляции цикла единообразно в трех лингвокультурах развиваются метафоры ОТНОШЕНИЯ – ПРИРОДНЫЙ ПРОЦЕСС, ОТНОШЕНИЯ – ПЕРЦЕПТИВНОЕ ВОСПРИЯТИЕ, ОТНОШЕНИЯ – ДВИЖЕНИЕ ПО КРУГУ, ОТНОШЕНИЯ – ЖИВОЕ СУЩЕСТВО. Инвариант

цикла накладывает ограничения на активацию значений линейной последовательности в причинно-следственных связях.

7. Лингвокультурная специфика моделей интерреляции во французской, русской и казахской лингвокультурах предопределяется действием социокультурных конструктов как динамических структур коллективной природы, аккумулирующих социальные идеи о личности. Во французской лингвокультуре доминирует социокультурный конструкт «личное пространство», в русской — «общность», в казахской — «родовая группа». Идиоэтничность диспозитивности проявляется на уровне имплицитных и инференциальных компонентов высказываний о межличностных отношениях. В контекстах на французском языке выделяются скрипты согласованного действия, личной автономии, рационального действия; дискурсивный код свободного выбора; метафорические проекции ОТНОШЕНИЯ – МОРСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ, КОНФЛИКТ – РАСПОЛОЖЕНИЕ ЛИЦОМ К ЛИЦУ, ОТНОШЕНИЯ – ФИНАНСОВАЯ ОПЕРАЦИЯ. В контекстах на русском языке устанавливаются скрипты сопричастности, созависимости, единения; дискурсивный код эмоциональной общности; метафорические проекции КОРОТКАЯ СВЯЗЬ – ОГРАНИЧЕНИЕ, ДЛИННАЯ СВЯЗЬ – ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ СВОБОДЫ ДЕЙСТВИЙ, ОТНОШЕНИЯ – УДЕРЖАНИЕ ЖИВОТНОГО. В контекстах на казахском языке определяются скрипты ориентации на группу и традицию, скрипт координативного действия; дискурсивный код уважения; метафорические проекции ОТНОШЕНИЯ – ОГОНЬ, УВАЖЕНИЕ – ОДАРИВАНИЕ, ГАРМОНИЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – ХОРОШО ВИДЕТЬ, ПЛОХИЕ ОТНОШЕНИЯ – ПЛОХО ВИДЕТЬ.

8. Экспериментально подтверждается, что лингвокультурная специфика диспозитивности дискурса проявляется на уровне языкового сознания представителей казахской и русской лингвокультур, что свидетельствует об изоморфизме лингвокультуры – моделей интерпретации – дискурса. Результаты неструктурированного опроса свидетельствуют о несовпадении

моделей интерреляции при осмыслении семейных отношений респондентами-казахами и респондентами-русскими. Высказывания казахских респондентов выстраиваются на основе интерреляции с инвариантом цикла, у русских респондентов более востребованной оказывается модель интерреляции с инвариантом объекта. Результаты переводческого эксперимента доказывают, что идиоэтничность диспозитивности предопределяется качеством дискурсивной среды и содержанием социокультурных конструкторов о личности. Переводы французского текста на русский язык, выполненные носителями русского языка, отражают комплекс идей о приоритете общих интересов над индивидуальными, закрепленных в социокультурном конструкторе «общность».

Научная новизна исследования заключается в следующем:

- 1) в теоретико-методологическом отношении доказано и обосновано выделение диспозитивности как категории дискурса, определяющей его интерпретирующую природу;
- 2) разработаны аналитические инструменты исследования диспозитивности в системе когнитивно-дискурсивных условий выбора говорящим модели и средства интерпретации;
- 3) впервые выделены категориальные признаки диспозитивности дискурса;
- 4) осуществлено описание дискурса межличностных отношений как дискурса объекта;
- 5) дано научное описание моделей интерреляции в дискурсе межличностных отношений;
- 6) осмыслены общекогнитивные и дискурсивные условия диспозитивности, реализующие интерпретирующий феномен дискурса межличностных отношений;
- 7) осуществлено описание инвариантов интерреляции и моделей, развиваемых на основе каждого из них в трех лингвокультурах;
- 8) в научный оборот введены термины *диспозитивность дискурса*,

инвариант интерреляции, модель интерреляции, скрипт дискурса межличностных отношений, код субъективной позиции;

9) выделены и описаны социокультурные конструкты о личности, обуславливающие скрипты и коды субъективной позиции во французском, русском и казахском дискурсах межличностных отношений;

10) представлена методика когнитивно-функционального анализа категории диспозитивности, в которой выделяются вариативно-репрезентативный, семантико-когерентный, эпистемически-референтивный и психолингвистический аспекты, а также инструменты и приемы исследования общекогнитивных и дискурсивных условий реализации диспозитивности дискурса;

11) выработана авторская методика установления имплицитных и инферентных компонентов высказывания, привлеченных в контекст дискурсом как средой речевых взаимодействий;

12) предложена методика экспериментального исследования лингвокультурной специфики моделей интерреляции и механизмов интерпретативной деятельности сознания представителей разных лингвокультур, в рамках которой разработаны процедуры проведения неструктурированного опроса и переводческого эксперимента, предложены инструкции, алгоритмы сбора эмпирического материала и параметры анализа результатов.

Теоретическая значимость работы заключается в выделении понятийной категории диспозитивности для анализа интерпретирующего феномена дискурса; разработке понятийно-терминологического аппарата, пригодного для анализа интерпретирующей деятельности говорящего и изучения дискурса объекта; обосновании методологического подхода для исследования дискурса объекта применительно к разным лингвокультурам.

Работа вносит вклад в теорию языка, дискуртологию, когнитивную лингвистику, когнитивную семантику, лингвокультурологию, теорию языкового сознания. В диссертации показано, что в широком понимании

категориальный статус диспозитивности обеспечивается процессами когнитивного варьирования – фундаментальным свойством речемыслительной деятельности. В узком понимании диспозитивность предполагает ограничение, накладываемое дискурсивной средой на индивидуальную интерпретационную активность говорящего. Установлено, что диспозитивность является *когнитивно-конструктивной категорией, раскрывающей взаимосвязь дискурса и языкового сознания представителей лингвокультуры.*

Предложенный в работе инструментарий позволяет анализировать речевой знак как результат субъектной деятельности языкового сознания и одновременно фактический образец, воспроизводящий дискурсивные закономерности и лингвокультурную специфичность. Выявление моделей, определяющих предзаданность дискурса вносит существенный вклад в теорию *дискурса объекта*. В диссертации предлагается методология комплексного когнитивно-функционального анализа категории диспозитивности дискурса, которая позволяет устанавливать социокультурные конструкты, предопределяющие ракурс интерпретации объекта речи во французских, русских и казахских высказываниях о межличностных отношениях. Предлагаемая авторская методика моделирования инвариантов интерпретации объектов речи и их влияния на контексты расширяет метаязыковой потенциал когнитивно-дискурсивных исследований.

Практическая ценность исследования заключается в возможности использования ее материалов в университетском преподавании теории языка, теории дискурса, анализа речевой деятельности, когнитивной лингвистики, межкультурной коммуникации, а также применения собранного эмпирического материала в сопоставительных исследованиях французской, русской и казахской лингвокультур. Проведенный в диссертационной работе анализ может служить базой для дальнейших изысканий в области когнитивно-дискурсивного анализа, а также в преподавании спецкурсов по

сопоставительному и типологическому языкознанию, общему языкознанию, когнитивной семантике, этнопсихолингвистике, лингвосемиотике.

Обоснованность и достоверность результатов диссертации обеспечиваются методологической базой исследования, репрезентативностью и объемом эмпирических данных, последовательной методологической организацией исследования, а также использованием современных методов анализа и обработки речевого материала.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на заседаниях кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета, научных семинарах кафедры иностранной филологии Костанайского регионального университета имени Ахмет Байтурсынулы. Положения диссертации были представлены на VII, VIII, X, XII международных конгрессах по когнитивной лингвистике (Белгород 2017, Екатеринбург 2020, Москва 2018, Нижний Новгород 2024), на международных научных конференциях в Российской Федерации (Екатеринбург 2018; Москва 2024; Санкт-Петербург 2024, Тамбов 2018; Томск 2015; Челябинск 2014, 2016, 2018, 2022, 2024), в Республике Казахстан (Алматы 2017, Астана 2012, 2017; Костанай 2012, 2013), а также дальнем зарубежье (Льеж, Бельгия 2017; Париж, Франция 2018). Отдельные фрагменты работы прошли апробацию в рамках научного проекта AP23485644 «Повышение аттрактивности казахстанского университета: разработка эффективных стратегий дискурса через анализ социокультурных диспозитивов веб-сайтов зарубежных вузов», поддержанного грантом Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (2024 г.). Научная деятельность диссертанта была отмечена грамотой министра науки и высшего образования Республики Казахстан (2023 г.), а также званием Почетный работник КРУ имени Ахмет Байтурсынулы (2024 г.).

По теме исследования опубликовано 52 работы, из них 1 монография, 3 статьи в изданиях, включенных в базу данных SCOPUS, 19 статей в журналах, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов диссертаций на

соискание ученой степени кандидата наук и доктора наук, 29 публикаций в других изданиях.

Структура диссертации определяется поставленными в работе задачами, отражает основные этапы и логику развития исследования. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка литературы и четырех приложений, в которых систематизированы материалы психолингвистического эксперимента.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ДИСПОЗИТИВНОСТИ ДИСКУРСА

Под эгидой междисциплинарности трансфер знаний из смежных областей науки в дискуртологию отражает стремление ученых к более полному рассмотрению объекта исследования. Перенос теоретических конструкций, установок, предпочтений при решении научных проблем из одной «информационной системы» в другую или в другую позицию той же системы является эвристическим подспорьем в анализе научного объекта под новым углом зрения [Демьянков 1999: 232, 2016: 38-40; Лингвистика и семиотика культурных трансферов 2016].

Термин *диспозитивность* сложился в риторике [Анисимова 2004; Ключев 1999; Липатова 2014] и стал широко применяться в теории права для обозначения *свободы* и *императива* в выборе, предоставленном субъекту уровнем развития правовых норм (А. С. Александров, А. В. Демин, Н. К. Краснослободцева и др.). В правоведении принято считать, что в совокупности норм, регламентирующих выбор, диспозитивность задает оппозицию императивного, безусловно обязательного и свободного, подчиненного волеизъявлению и интересам субъекта [Горлова 2006].

Этимология слова *диспозитивность* восходит к латинскому *dispono/располагаю, устраиваю* и позднелатинскому *dispositivus/распоряжающийся*. *Dis* – латинский префикс, происходящий от числительного *deux/два*, развивает понятие дуальности в идею любого деления и рассеивания [Breal 2008 :67]. Латинский глагол *pono, posui, positum/класть, располагать, расставлять, размещать* [<http://linguaeterna.com>] транслирует идею «расположения», т. е. распоряжения, управления по своему усмотрению чем-то уже имеющимся.

Содержание, закрепленное за обсуждаемым термином в философской трактовке, направляет фокус внимания на субъекта, «способного начинать ряд событий» (И. Кант). В самом общем смысле это допущение возможности

выбора из вариантов, предоставленных субъекту социумом.

В рамках проводимого когнитивно-дискурсивного исследования предполагается доказать, что обращение к понятию диспозитивности с позиций теории языка способствует углублению понимания интерпретирующей природы дискурсивного процесса в пределах оппозиции *свободы индивидуального выбора* средства интерпретации и *объективных пределов выбора*, заданных дискурсом как средой речевых взаимодействий в лингвокультурном сообществе.

В данной главе формулируются теоретико-методологические основы исследования диспозитивности как категории дискурса. В этих целях определены положения, ставшие гносеологическими предпосылками введения диспозитивности в анализ дискурса, и обобщены теории, раскрывающие его интерпретирующую природу. В главе обсуждаются свойства дискурса, реализующие потенциал языковой интерпретации, а также теории, релевантные для анализа предзаданности дискурса. Выделяются содержательные характеристики *дискурса объекта*, подлежащие систематизации в рамках исследования категории диспозитивности, производится анализ лингвокультурной специфики дискурса как системы ресурсов интерпретации.

1.1. Гносеологические предпосылки изучения диспозитивности в дискурсологии

Методология научного анализа, позволяющая выделить диспозитивность как категорию дискурса и определить ее гносеологический статус, формируется под влиянием базовых установок современной науки о языке. К ним мы относим следующие.

Функционализм предполагает включение в лингвистическое исследование всего, что имеет отношение к существованию и функционированию языка. Это предопределяет расширение объекта

исследования [Алпатов 2019; Schiffrin 1995] вне зависимости от этапа анализа: то, что не попало в границы языкового факта в текущем рассмотрении, может «включаться на следующем» [Кибрик 1992: 20].

Коммуникативность устанавливает необходимость рассматривать различные аспекты речевой деятельности во взаимодействии с целями коммуникации [Арутюнова 1993: 3; Сидоров 2008; Степанов 1995]. При этом акцентируется прагматическая ценность языковых структур в их соотношении с друг с другом и с участниками коммуникативно-знаковой ситуации [Алефиренко 2009: 220; Слышкин 2001].

Когнитивизм ориентирует исследователя на выявление соотношения языковых структур и мыслительных механизмов [Скребцова 2011: 26-29; Миньяр-Белоручева 2014; Fodor 1983; Goossens 2003; Itkonen 2003] и объяснение специфики речевых явлений когнитивными функциями [Александрова 2018; Касевич 1990; Кацнельсон 2001; Кибрик 2003; Корниенко 2013; Резанова 1999; Уфимцева 1988; Ушакова 2000; Chafe 1974; Lakoff 1980].

Интегральность способствует системному пониманию контекста языкового объекта [Хомутова 2009: 148]. Многомерность лингвистической реальности обуславливает для исследователя неисчерпаемые возможности в выборе параметров и сечений языка [Архипов 2003; Лыкова 1999: 54; Резанова 2010].

Дискурсивизм способствует обнаружению факторов, определяющих востребованность языкового объекта в актах коммуникации, и рассмотрению языковых средств в процессе их приспособления «к условиям и требованиям нормального протекания дискурсивной деятельности» [Кубрякова 2008: 31].

Языковой факт становится элементом процесса речевого взаимодействия, осуществляемого в контексте социокультуры, лингвокультуры, фоновых знаний участников, речевых произведений носителей языка, а также под влиянием опыта продуцирования и понимания этих произведений.

Координаты функционализма, коммуникативности, когнитивизма и дискурсивизма помещают методологию анализа речевых фактов в систему установок интерпретационизма. Познавательные процессы, владение языком и использование языка обеспечены единым интерпретационным механизмом, вовлекающим различные сферы знаний [Демьянков 1995, 1999]. Значение речевого средства – результат субъективной деятельности языкового сознания, воплощенного в факте [Демьянков 1995].

В самом широком толковании интерпретация понимается как «практически любая мыслительная операция, направленная на получение нового знания коллективного уровня, и в этом отношении она шире языковой когнитивной деятельности» [Бабина 2017: 22]. В узком – это «языковая познавательная активность преимущественно отдельного индивида, раскрывающая в своих результатах его субъективное понимание объекта интерпретации или его отдельных характеристик» [Бабина 2017: 120].

Интерпретационный подход в лингвистическом анализе предполагает, что в своей познавательной деятельности человек не отражает мир, его объекты и взаимосвязи, как они есть, а конструирует его в своем сознании, опираясь на собственный и коллективный опыт взаимодействия с действительностью, выбирая в качестве средства формирования и реализации смыслов формы, предоставленные языком и приобретенным языковым опытом [Болдырев 2016б: 10-11].

Интерпретационизм акцентирует взаимосвязь и взаимозависимость индивидуального и коллективного в речемыслительной деятельности человека и является основанием выделения следующих **гносеологических предпосылок** в качестве установочного звена системного анализа диспозитивности как категории дискурса межличностных отношений:

1. Анализ речемыслительного процесса не ограничивается отдельными субъектами. Познавательный процесс индивида возникает и существует в социальных и языковых взаимодействиях с другими людьми во времени и пространстве (Л. Выготский, Э. Кларк, М. Коуль, Э. Хатчинс), познание

всегда активно [Кравченко 2001, 2004; Радченко 2005; Cowley 2013; Stewart 2010]. Эдвард Хатчинс убедительно доказывает, что познание – система, распределенная по микросистемам, где индивидуальный разум является лишь интегральной частью [Hutchins 1995: 198-199]. Он описывает работу навигационной команды как единую когнитивную систему с внутренними факторами и структурами взаимодействия, которые являются внешними для отдельного индивида. Знания, компетенции и навыки распределены и частично перекрещиваются у членов команды, что дает высокую степень параллельной организации активности и возможность поддерживать нормальную работу системы в случае неспособности одного или нескольких членов. Тем самым система существует без внешнего контроля, надзора или плана [Сушин 2014: 106-116; Hutchins 1995: 205; Nelson 1996; Palmer 1996].

2. Общий порядок, влияющий на познавательную активность индивида, эмерджентен по своей природе и возникает как постоянное свойство из локальных социальных и речевых взаимодействий, осуществляемых в социо- и лингвокультурной среде. Это утверждение базируется на теории сложных адаптивных систем (Complex Adaptive Systems) [Frank 2015; Hashimoto 1998; Waldrop 1992]. Эмерджентные свойства познавательной деятельности как системы (макроуровень) нельзя считать ни зеркальным отражением свойств познания каждого человека (микроуровень), ни суммой познания отдельных индивидов в группе. Взаимодействующие индивиды как компоненты системы сами по себе являются сложными системами, поэтому результирующие общие свойства познания являются качественно новыми [Ashby 2014: 159].

Эвристическую ценность для нас имеет мысль Фарзада Шарифиана о том, что все культурное в познании эмерджентно [Sharifian 2017: 3-5]. Глобальное культурное возникает из локальных взаимодействий между членами культурной группы [Sharifian 2001]. Взаимодействуя, участники делятся только частью культурного знания, которое по-разному распределено между индивидами, но является объединяющим целым, локализуясь в концептуальной системе каждого из них. Этим объясняются и различия (даже

самые кардинальные) между индивидами одной социокультурной группы, а также преимущество культурного знания в целом по отношению к отдельному представителю [Колмогорова 2012: 39; Sharifian 2017: 5]. Эмерджентность культурного реализуется за счет каждодневного осознанного или неосознанного выбора из «банка данных» идиолектов и культурных знаний [Frank 2015: 494-496; Sharifian 2017: 3-5].

3. Объект внеязыковой действительности (как внешней по отношению к субъекту, так и внутренней), на который направлен когнитивный процесс, принципиально интерпретируем. Во-первых, языковые значения, которыми субъект оперирует в процессе языковой репрезентации, формируются как обобщение феноменологического опыта проживания мира и основываются на физиологической системе восприятия человека и связях, заложенных в этой системе [Мерло-Понти 1999]. Во-вторых, человек как познающий и как говорящий каждый раз заново формирует смыслы и выбирает средства их репрезентации, а не строит свои высказывания по готовым моделям [Болдырев 2009, 2016б: 10; Кубрякова 2004; Шаховский 1996; Parrill 2012]. И в-третьих, в каждой конкретной коммуникативной ситуации или, шире, ситуации смыслопорождения, различные элементы или аспекты смысла обладают разной степенью значимости для говорящего. Языковой опыт предоставляет ему в распоряжение богатую систему форм, способных придать необходимую степень выделенности различным частям языкового выражения [Dijk 1998: 23].

Таким образом, выделение категории диспозитивности дискурса, раскрывающей его интерпретирующий феномен, должно происходить с учетом взаимосвязи и взаимообусловленности коллективного и индивидуального, как в познавательном процессе, так и в реализации его результатов в коммуникативной ситуации.

Дискурсивная деятельность определяется как речемыслительная деятельность коммуникантов, связанная с познанием, осмыслением и презентацией мира говорящим, и осмыслением, реконструкцией воспринятого

слушающим [Алимурадов 2010; Дубровская 2012; Кащеева 2005; Милевская 2002; Резанова 2011б]. В коммуникативной ситуации происходит *оречевление* мысли — процесс, в полном объеме связанный с означиванием и выражением продуктов речевой деятельности [Фефилов 2020; Чернейко 2005].

Оречевление — это производство смыслов для других в ракурсе адресанта и воссоздание смыслов, полученных извне, со стороны адресата. Оно в значительной степени обусловлено системами когнитивных и лингвистических ресурсов взаимодействующих субъектов, а также их общими знаниями, полученными в предшествующем опыте.

Сквозь призму названных гносеологических установок дискурс предстает сложной динамичной системой, где каждое высказывание, возникшее в локальном взаимодействии, индивидуально и ситуативно, но одновременно не противоречит общему порядку. Дискурс формируется субъектами как сложными адаптивными системами в социально обусловленных и культурно-значимых условиях.

Выделяемая нами *категория диспозитивности* отражает свойства дискурса влиять на интерпретацию объекта речи в актуальной коммуникативной ситуации через закономерности, возникающие эмергентно в дискурсивной деятельности участников коммуникации как часть их общего знания.

В данной работе категория диспозитивности получает теоретико-методологическое обоснование с позиций говорящего субъекта. Процессы рецепции речи, роль и характеристики воспринимающего сознания, являясь условием дискурсивной деятельности, остаются на «втором» плане. Такое «затемнение» значимой константы согласуется с *принципом неопределенности* В. Гейзенберга: при описании исследовательской проблемы вместе со стремлением к максимально точной фиксации одних характеристик объекта происходит увеличение степени неопределенности других [Гейзенберг 2006; Карасик 2004]. При этом и первые, и вторые являются не взаимоисключающими, а взаимодополняющими.

Методологический базис исследования диспозитивности дискурса формируют теории, удовлетворяющие критерию *относительной приемлемости* К. Поппера [Комарова 2012]. Основой рассуждений, таким образом, становятся концепции, которые обладают наибольшей объяснительной силой в представлении системы теоретических положений диссертации и адекватны комплексному анализу эмпирического материала в практических главах работы.

1.2. Теоретические основания анализа диспозитивности дискурса

Изучение диспозитивности дискурса основывается на положениях философии и когнитивно-дискурсивных теорий, утверждающих следующие свойства дискурса: 1) интерпретативность; 2) «бессубъектность» определенных устойчивых элементов, детерминирующих продуцирование новых высказываний; 3) регулятивность. В нижеследующих параграфах обосновывается утверждение о том, что осмысление *значимых условий в системе ориентиров* дискурсивной деятельности с учетом ситуативности коммуникации объясняет целесообразность выделения категории диспозитивности, которая отражает закономерности организации дискурса и качественное своеобразие речевых произведений в сфере межличностных отношений.

1.2.1. Интерпретация языковая и дискурсивная. Значимость речевого знака

Языковая интерпретация рассматривается в единстве ее коллективного и индивидуального, статического и динамического аспектов [Болдырев 2014, 2015: 5-6; 2016а; 2016б 2019,]. Интерпретирование происходит в соответствии со структурой личности и видами деятельности человека с опорой на общие (коллективные) и частные (индивидуальные) схемы знаний. Оно вместе с тем

ориентировано концептуальной системой индивида.

Индивидуальная концептуальная система является результатом «выделения единиц знания (концептов) с помощью языка и их объединение в категории с общим языковым обозначением» [Болдырев 2007, 2015б]. Происходит первичная интерпретация знаний о мире в языке. Вторичная интерпретация также индивидуальна, но представляет собой интерпретацию коллективных схем в концептуальной системе индивида [Бабина 2017; Болдырев 2016б, 2018; Магировская 2012, 2017].

Интерпретирующий характер языковой репрезентации отмечается на **всех уровнях функционирования** языковой системы. Человеческое сознание выделяет *один из типов* отношений объектов и явлений реального мира и интерпретирует выделенное в материальной форме *однородных* языковых знаков.

Лексическая интерпретация проявляется в значении лексической единицы: субъект устанавливает прототипические признаки и соответствующие связи между концептуальными категориями [Панасенко 2014; Рахилина 2008; Стернин 2005]. Интерпретирующий потенциал морфологической формы проявляется в репрезентации концептуального содержания, обеспечивающего формирование соответствующих морфологических категорий как каркаса для концептуального материала, выраженного лексически [Беседина 2015]. Результаты синтаксической интерпретации представлены различными моделями построения предложения. Каждая синтаксическая модель интерпретирует связь элементов картины мира между собой, репрезентирует логико-денотативные аспекты, вычленяемые человеческим мышлением, разорванность которых приводит к утрате смысла [Фурс 2004; 2010]. Интерпретирующий потенциал языковых категорий проявляется в возможности их единиц выступать в качестве инструмента идентификации и характеристики объектов познания и событий окружающей действительности [Панасенко 2014: 11].

Введение в науку термина *дискурс* [Бенвенист 2002; Harris 1952] позволило поместить в фокус анализа лингвистический объект объемнее предложения, фразы, текста и рассматривать явления, существующие в потенциально бесконечном комплексе предложений, фраз, текстов [Кибрик 2003: 4]. Основопологающим условием производства и существования дискурса является факт коммуникации. Текст как результат коммуникативного процесса предстает вместе со своим экстралингвистическим фоном и в соотнесенности со множеством существующих и потенциальных текстов [Арутюнова 1990, 1993; Карасик 2000; Седов 2004; Чернявская 2006: 75-76]. Анализ совокупности текстов как многочисленных примеров динамики дискурса направляет фокус внимания на коммуникативную ситуацию речемыслительного процесса [Григорьева 2007:11; Карасик 2002: 192-193; Красных 2001:200-201] и позволяет представить дискурс способом действий, значимых в рамках ситуаций и релевантных для определенной культуры [Болдырев 2015; Формановская 2000: 61; Widdowson 1996]. Ориентация на коммуникативный процесс в анализе речевых фактов разделяет актуальное (существующее в уникальной ситуации речевого взаимодействия) и предшествующее (то, что обуславливает существующее).

В основе исследования *интерпретативности дискурса* лежит понимание дискурсивной деятельности как интеграции всех имеющихся языковых ресурсов для производства высказываний и их интерпретирующего потенциала. В процессе коммуникации *не* образуются *новые знаки*, которые участвовали бы в осмыслении нового типа отношений между реальным миром и человеческим сознанием. Дискурсивная деятельность осуществляется речевыми знаками.

Главным функциональным свойством знаковости называют виртуализацию реальности [Иванов 2017]. В языковом знаке это происходит в семантике: значение трактуется как мыслимая предметная реальность, закрепленная за его формой. *Речевой знак* – материальный объект, с помощью

которого говорящий «виртуализирует» коммуникативную ситуацию согласно своей глубине понимания *и* предъявляет его результат другому человеку. Фактом становится не предметная реальность, а сам знак, данный *здесь и сейчас*, со всеми качествами, атрибутами и отношениями. Н. В. Иванов особо отмечает невозможность противопоставления речевых знаков языковым: без последнего речевой знак просто теряет свои устойчивые основания [Иванов 2017: 26-27].

По данным «Лингвистического энциклопедического словаря», речевые знаки выделяются из языковых по способу знакообразования и по способу законченности / незаконченности процесса порождения высказывания [ЛЭС 1990: 167]. Высказывания являются речевыми знаками вторичного означивания, осуществляемого единством составляющих речевых средств.

Знак осуществляет референцию и становится номинантом обозначаемого объекта. В этом аспекте средство выражения «упирается в имманентные априорные свойства предметной семантики» [Федулова 2019: 76]. Знак работает как символ, т. к. замещает действие, направленное на другого человека. Являясь фактом коммуникации, речевой знак обусловлен предполагаемой ответной реакцией – смыслом. Смысл управляет формой сигнала: предметная семантика переосмысливается говорящим в зависимости от возможной, на его взгляд, интерпретации адресатами, и на основе этого выбирается требуемое ситуацией обозначение [Иванов 2017: 35-36].

Речевой знак устанавливает уникальную связь между семантическим компонентом и личностным смыслом участника коммуникации в соответствии с актуальной коммуникативной ситуацией в комплексе всех ее элементов, а также согласно опыту прежних речевых взаимодействий. *Речевым средством* выступает уже существующая в лингвокультурной среде и усвоенная в языковом опыте материальная форма.

Многие концепции, представляющие дискурс как сложное коммуникативное и когнитивное явление, так или иначе указывают на *дуальность* речевого знака, то есть его способность быть одновременно

инструментом речевого мышледействия и речевого взаимодействия [Алефиренко 2002; Арутюнова 1990: 136-137; Демьянков 2005].

Как *инструмент речевого мышледействия* речевой знак обладает первостепенной значимостью для говорящего. Т. А. ван Дейк и В. Кинч напрямую связывают когнитивный процесс, сопровождающий реализацию дискурса, со стратегическими этапами действия, – формированием представления о событии, семантической обработкой личных представлений, активацией всего фона знаний о подобных событиях, включая убеждения, мнения, установки [Дейк 1988, 1989]. Знание, реализуемое индивидом в ситуации *здесь и сейчас*, А. А. Залевская называет знанием-переживанием, результатом взаимодействия перцептивных, когнитивных и аффективных (эмоционально-оценочных) процессов человека [Залевская 2010: 12-13]. В противоположность этому, коллективное знание есть достояние лингвокультурной общности. Оно закреплено в продуктах деятельности и принадлежит всему социуму. Являясь инструментом речевого мышледействия, речевой знак определен интенциональностью говорящего.

Интенциональность понимается в работе как направленность на объект речи, т. е. коммуникативное намерение (интенция) адресанта объективировать в вербальном знаке переживание, вызванное внешним / внутренним стимулом (ср. *речевая воля говорящего* [Бахтин 1986: 258–259]; *выход к объекту* [Фролов 2013]). Интенциональность представляет собой структуру переживаний и принадлежит субъективной сфере [Брентано 1996: 24; Гуссерль 2001: 347; Хайдеггер 2001: 78-79]. Она порождена восприятием актуальной ситуации как проблемной и лежит в основе формирования ситуационного смысла [Алефиренко 2013; Polkinghorne 1988]. Согласно О. А. Алимурadowу, интенциональность устанавливает многоплановую систему корреляции между значением, смыслом и концептом как содержанием, вызываемым формой [Алимурadow 2004: 3-4]. Интенция предшествует речевым актам. Благодаря ей осуществляется воплощение в речевой форме *определенной смысловой версии об объекте речи*, или, другими словами, определенного

концептуального комплекса, соответствующего личному «видению» объекта речи говорящим.

Как инструмент речевого взаимодействия, речевой знак реализует целеполагание. Цель в речевом акте так же объективна, как и интенция говорящего. Субъект осознает свои потребности, мотивы, установки в ситуации общения, и прогнозируемый результат активно воздействует на содержание и форму высказывания [Арутюнова 1993; Иссерс 1999; Zlatev 2009]. Целеполагание – процесс формирования образа предстоящей коммуникативной деятельности, вызванный интенцией *сказать*. При этом осуществляется движение от реально существующей ситуации к воображаемой результирующей [Борисова 1999: 82-83]. Анализ целеполагания направлен на установку говорящего как превербального компонента. Подчеркнем, что фокус исследовательского внимания в данной работе направлен на производство смысла для других (оречевление).

В коммуникативном действии говорящий совершает воплощение смысла в речь. В рамках принятых в конкретной лингвокультуре способов общения мысль «облекается» во внешнюю форму, предназначенную для других, посредством общего кода [Ахутина 2022; Вержбицкая 2009; Глухов 2005]. *Речевой знак рассматривается в работе как средство оречевления*, а предпринимаемый нами анализ направлен на изучение способов репрезентации смысла в речевых средствах.

Необходимо отметить, что коммуникативное действие, несомненно, зависит от субъективной воли говорящего. Однако оно не является абсолютно индивидуальным. Так, Й. Златев утверждает, что коммуникативное намерение говорящего всегда осознанно и происходит с использованием знаков [Zlatev 1997]. Ученый характеризует язык в целом как сознательно контролируемую, конвенциональную репрезентативную систему для коммуникации и мысли [Zlatev 2005, 2006: 12, 2009]. Конвенциональность – неотъемлемая характеристика человеческой культуры и познания. Термин также используется для обозначения общих знаний и правил [Clark 1996; Itkonen

1978].

Конвенциональность задается правилами и нормами, но не отождествляется с ними. Высказывание может не соответствовать общепринятым критериям правильности использования знаков и не отвечать норме в широком смысле – от грамматических правил до интуитивного представления «так у нас говорят». Суть конвенциональности как свойства лингвистических средств, согласно Й. Златеву, заключается в неизбежном сравнении реального употребления знака и потенциального соответствия или несоответствия опыту предыдущих использований в языковом сознании коммуникантов [Zlatev 2005, 2006].

Конвенциональность скорее подразумевает знания об использовании знаков участниками речевых взаимодействий, а не связь формы и содержания в языковом знаке. В представлении Д. К. Льюиса *конвенция* – регулярно повторяющаяся закономерность в поведении членов общества в определенной ситуации [Lewis 1969: 76-78]. Результатом конвенции являются все компоненты когнитивно-коммуникативного порядка. К ним относят форматы, типизированные субъекты, прототипические ситуации, нормы [Рахилина 2008; Филипс 2004], а также интересубъективные структуры, связанные с правилами, убеждениями, ценностями других людей [Кожемякин 2011].

В противопоставлении конвенциональности и интенциональности находится реальный баланс индивидуальных интересов говорящего и коллективных интересов потенциальных участников данного типа общения в пределах общих знаний всех носителей языка [Хазагеров 2006: 43]. Интенциональность предполагает возможность выбора способа и средства интерпретации, но конвенция ограничивает «опции» через различение форм в соответствии с оттенками значения [Хазагеров 2006: 46; Якобсон 1990].

О. В. Магировская убедительно доказывает, что каждый участник дискурса выступает субъектом дискурсивного знания и субъектом дискурсивной организации знаний [Магировская 2009]. Выступая в роли субъекта дискурсивного знания, говорящий конструирует актуальный смысл,

ориентируясь на мнения, желания и оценки других людей. Как субъект дискурсивной организации знания, говорящий выбирает способ конструирования в соответствии с прошлым опытом подобных ситуаций [Магировская 2009: 267-272].

Дискурсивная деятельность основывается на знаниях говорящего о том, *как* ему сказать, *какое* языковое средство будет *наиболее значимым* в данной ситуации для себя и для других. Дискурс становится пространством, порождающим новые внутридискурсивные значимости по отношению к языковым.

Высказанная мысль развивается нами применительно к дискурсивным практикам с учетом классического понимания значимости языкового знака Ф. де Соссюра. Он, в частности, подчеркивал, что только являясь элементом системы, отдельный знак обладает значимостью, которая определяется наличием других подобных знаков в системе, возможностью соотнесения знака с другими, языковой реальностью [Ф. де Соссюр 1977: 147-148]. В современных исследованиях значимость описывается в анализе проявления целостности языковой системы. Например, значимость системы падежей русского языка [Уфимцева 1976], значимость значения в языковой картине мира [Уфимцева 2004].

Значимость речевого знака, по нашему мнению, определяется дискурсом как совокупностью материальных знаков. При этом дискурс, по мнению Е. И. Шейгал, рассматривается в двух измерениях — как поле коммуникативных практик и как семиотическое пространство. В первом, реальном, дискурс состоит из совокупности дискурсивных событий. Это текущая речевая деятельность в определенном социальном пространстве, связанная с реальной жизнью и реальным временем. Второе – потенциальное – представляет собой семиотическое пространство из вербальных и невербальных знаков, ориентированных на обслуживание данной коммуникативной сферы, а также тезаурус прецедентных высказываний и текстов, представлений о типичных моделях речевого поведения и действиях

коммуникантов [Шейгал 2000]. Рассуждая так, полагаем, что в оречевлении смыслов *говорящий пользуется речевыми средствами как инструментами, предоставленными ему дискурсом.*

Дискурс формируется субъектом, но одновременно определяется и ограничивается социокультурным контекстом из коллективных знаний [Дубровская 2015; Турбина 2015]. В концепции О. Г. Дубровской активизация социокультурных знаний в индивидуальной концептуальной системе происходит через интерпретанту, отсылающую к коллективным метаконцептам (схемам), в частности, таким, как РОЛЬ, СТЕРЕОТИП, ЦЕННОСТЬ, НОРМА, ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ, ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ [Дубровская 2015: 12]. Каждый из них представляет собой набор признаков и вариантов для селекции, классификации, оценки. В конкретных актах коммуникации указанные метаконцепты вступают во взаимодействие с другими концептуальными структурами. Полученная конфигурация – интерпретанта – репрезентирует социокультурные смыслы в высказываниях [Болдырев 2015а: 18-23]. Таким образом, регулирующее действие социокультурных знаний осуществляется опосредованно через конфигурации метаструктур.

Структура языкового знака, включающая образ объекта, образ знака и алгоритм смыслопорождения, который ориентирует слушающего на определенный тип взаимодействия с объектом окружающей среды, закрепляется в языковом сознании представителей лингвокультурного сообщества [Колмогорова 2006].

В данном исследовании влияние социо- и лингвокультурного контекста на дискурс раскрывается путем выделения конструкторов, аккумулирующих общие знания говорящих, и ряд типизированных моделей, обеспечивающих культурно-специфичный ракурс «видения» объекта речи.

Лингвокультура осмысливается как самостоятельная система, возникающая на стыке языка и культуры, существующая в виде некоторого пространства из общих компонентов языкового сознания и культураносных

смыслов, облеченных в языковые знаки [Красных 2003, 2017], инвентарь культурозначимых смыслов и размышлений о них [Герасименко 2012; Федоров 2013, 2014: 85].

В процессе коммуникации человек реализует себя через язык и с помощью языка [Красных 2015; Кубрякова 1991; Человеческий фактор в языке 1991]. *Культура* выступает феноменом, существующим как коллективная память, надындивидуальный механизм хранения и передачи сообщений (текстов) и как механизм выработки новых текстов [Лотман 1992a]. Идеи и понятия, закрепленные в языковой системе и ее формах, транслируют свое влияние на индивидуума через конгломерат текстов со сложными внутренними соотношениями и разной степенью переводимости [Лотман 1992b; Микиел 1995]. Вместе с культурозначимыми смыслами и ценностями человек усваивает привычные и приемлемые с точки зрения прототипического адресата способы выражения смыслов.

Каждая отдельная культура представляет собой познавательную экосистему (*cognitive ecosystem*) со своей культурно-специфичной матрицей восприятия окружающего мира [Hutchins 2014]. Логика познавательной экосистемы определяет характер осмысления физических сущностей и сочетания языковых конструкций в рассуждениях о них. Э. Хатчинс указывает на связь между привычными речевыми оборотами и общей логикой системы. Так, смысл фраз *Кто следующий в очереди? Кто приехал перед кем? Сколько человек передо мной (как долго я должен ждать, прежде чем) до получения услуги?* обусловлен логикой восприятия очереди как линии, которая, в свою очередь, восходит к практике упорядочивать хаотичную массу объектов в линейную последовательность. Культурная практика *линии как порядка* интегрирована и в другие виды общественных практик, например, расположение текста в книге, обозначения домов, улиц, номера строк, ноты и пр. [Hutchins 2014: 42].

Способ видения хаотичной массы в форме линии – это пример накладки культурно сформированной схемы на фрагмент реального

мира, который становится привычной («очевидной») практикой организации объектов в последовательность. Лингвокультура интегрирована в речевое взаимодействие через сформированные дискурсивно и поддерживаемые дискурсивными практиками регулярные модели осмысления реальности и способы выражения смыслов.

Диалектика дискурса добавляет новое измерение в понимание интерпретативности познавательной деятельности субъекта, осуществляемой языковыми знаками [Беляевская 2016а; Плотникова 2014]. Инструментом дискурсивной интерпретации являются речевые знаки, семантика которых задает смысловые векторы [Плотникова 2005, 2013]. Выбор речевых знаков предопределен мировоззренческими установками говорящего, формируемыми под влиянием социума и культуры.

Концепция *языковой интерпретации* ставит во главу угла обусловленность речевых действий субъекта коллективными схемами (когнитивный аспект). *Дискурсивная интерпретация* смещает фокус исследовательского внимания на особенности смыслоформирования *для других* в речи. Дискурсивная деятельность субъекта осуществляется речевыми знаками согласно принятым в лингвокультуре способам. Полагаем, что **речевые действия субъекта определяются и одновременно ограничиваются как общекогнитивными, так и дискурсивными факторами, которые усваиваются, формируются, закрепляются в опыте предшествующих речевых взаимодействий.**

На основании вышесказанного подведем промежуточный итог. Речевой знак – **оперативная единица дискурса**. Ее интерпретирующий потенциал определяется характеристиками, ведущими из которых считаем:

- взаимосвязь актуальной коммуникативной ситуации с предшествующим опытом;
- зависимость выбора речевого знака от интенции говорящего и его предназначения быть средством смыслоформирования для адресата;
- воплощение индивидуальной смысловой версии об объекте речи

средством, усвоенным в речевых взаимодействиях, т. е. предоставленным дискурсом.

В дискурсивном процессе говорящий осуществляет выбор средств и способов интерпретации объекта речи. *Значимость речевого знака* возникает из соотнесения актуальной коммуникативной ситуации:

- с динамичным пространством из когнитивных и лингвистических ресурсов интерпретации объекта речи;
- с опытом использования и организации речевых знаков в актуальных и потенциальных речевых взаимодействиях;
- со знанием о подобных типизированных ситуациях речевого взаимодействия.

Значимость речевого знака определяется не языковой системой, но образуется из прежнего опыта использования знаков. Она зависит как от личностного понимания мира субъектом речи, так и от характера коммуникативной ситуации, социокультуры, лингвокультуры. Значимость речевого знака формируется дискурсивно и существует в дискурсивной среде, сформированной регулярными речевыми взаимодействиями представителей лингвокультурной общности.

Влияние дискурсивных закономерностей на выбор интерпретирующего средства достаточно полно раскрывается в концепциях «бессубъектного» дискурса. В следующем параграфе приводятся аргументы в пользу того, что свобода субъекта в выборе форм речевого мышледействия ограничивается дискурсом как средой, внешней по отношению к говорящему.

1.2.2. Концепции «бессубъектного» дискурса

Идея *бессубъектности* восходит к французскому структурализму и французской школе дискурсивного анализа (Л. Альтюссер, П. Анри, Ж. Ж. Лакан, Кл. Норман, М. Пеше, П. Серио, М. Фуко) и понимается как

нейтрализация субъективного начала в дискурсе незаметным и поэтому естественным для говорящего образом. В качестве причин этого явления исследователи называют неосознаваемое субъектом следование правилам и обычаям коммуникативного взаимодействия, использование навязанных культурой моделей и шаблонов, воспроизведение идей, функционирующих в социуме как общее знание.

Говоря о внешнем регулировании производства высказывания, Патрик Серио предлагает трактовать соотношение *субъект — язык* следующим образом. Центральной установкой антропоцентризма является то, что субъект полностью включен в речевой акт, он свободен в выборе средств говорения. Но если, по словам ученого, различать субъекта говорящего (*locuteur*) и субъекта, производящего речевой акт (*énonciateur*), получается два разных субъектных пространства. Пространство *производящего субъекта* акцентирует выбор лишь тех средств, которые необходимы для осуществления речевого действия. Обнаруживается новая область обычая, регулируемая системой условных соглашений [Серио 1993: 44]. Это, по нашему мнению, путь к пониманию того, что некоторые элементы дискурса являются объективной данностью по отношению к субъекту, например, условия, обычаи, шаблонные выражения, чужие слова — все то, что субъект вынужден использовать, чтобы быть понятным для других.

Наиболее рельефно идея бессубъектности очерчена в работах Мишеля Фуко. Философ подвергает сомнению традиционные основания объединения текстов в дискурс (тематика, форма, тип соединений, авторство), так как «невозможно определить начало вторжения подлинного события в строй дискурса», и «все, что дискурс может сформулировать, оказывается уже произнесенным» [Фуко 1996: 28-30]. В работах М. Фуко дискурс определяется как совокупность всего высказанного и произнесенного. Его существование происходит в *условиях, выработанных социумом*, которые предопределяют мыслительный процесс и возникновение определенных высказываний [Фуко 1996]. Дискурсы выступают в данном случае организаторами знаний на

уровне всего сказанного и механизмом формирования новых идей в социуме.

Развитие знаний о сущностях и объектах (особенно абстрактных) происходит вместе с появлением дискурсов о них. Под объектом в концепции М. Фуко подразумеваются понятия, формирующиеся в общественном сознании или научной области, и идеи, признаваемые в высказываниях истинными. Не объект определяет высказывание, а *дискурс определяет объект*. За счет проговаривания и появления дискурсов идеи становятся *видимыми* и существующими для говорящих субъектов. Единство дискурса понимается как *порядок* появления, одновременного существования, преобразования, корреляции высказываний, или *системы рассеиваний* высказываний в дискурсивных практиках [Фуко 1996: 38-39]. Порядок дискурса означает некоторое состояние дискурсивной среды, обеспечивающее абстрактные идеи условиями истинности.

М. Фуко убедительно показывает, что психиатрический дискурс характеризуется тем, как этот дискурс формирует свои объекты [Фуко 1996: 44]. Если система идей составляет способ видения реального мира, то *дискурс – способ представления знаний о мире, опосредованный речевыми знаками, которые комбинируются особым образом под регулирующим влиянием социума и культуры*.

С одной стороны, субъекты являются создателями дискурса, с другой – они вовлечены в дискурс через знания, полученные из дискурсивной среды. По мнению З. Ягера, нет автономного субъекта, «очищенного» от дискурсов, существовавших до него и вне его. Субъект полностью контролирует свое речепорождение, но ни один из субъектов не имеет полного контроля над дискурсом, так как дискурс наиндивидуален [Jäger 2001: 38-41]. Субъекты обладают конвенциями усвоенных значений слов, что позволяет им интерпретировать реальность так, как она ранее интерпретировалась другими. Поэтому дискурсы – материальная реальность, средство порождения социальной реальности.

Единицей «бессубъектного» дискурса является высказывание, которое

трактуются как материальная сущность, повторяющаяся в целом поле подобных высказываний [Ревзина 1999]. Коррелятом высказывания выступает совокупность областей, в которых могут возникать объекты (идеи и понятия) и устанавливаться отношения между ними [Фуко 1996: 92]. На примере «китайской энциклопедии» М. Фуко показывает, что в пределах определенной культуры могут существовать мыслительные конфигурации, рациональность которых неочевидна для представителей другой культуры [Розин 2000; Фуко 1994]. Механизмы того, что может быть сказано, формируются в дискурсивной практике и составляют специфическое пространство знания [Бурцев 2008: 15; Розин 2011]. *Порождение одних, а не других высказываний предопределяется конфигурацией знаний, активированных в коммуникативной ситуации и общих для ее участников.*

Влияние дискурса на речевой знак феноменологическое. Единичное речевое взаимодействие подчинено культурной, смысловой и выразительной традиции дискурса [Борботько 1998, 2009; Федулова 2019: 71]. Факт индивидуальной интерпретации, осуществляемой в речевом знаке, адекватен феноменам дискурса, т. е. закономерностям, возникшим эмерджентно в речевых взаимодействиях.

В бессубъектной концепции дискурс занимает место языка в сосюрровской методологической дихотомии язык – речь [Ревзина 1999]. Дискурсивные феномены, не зависящие от пользователей языка и множества коммуникативных ситуаций, могут быть противопоставлены субъектному принципу формирования дискурса. Межсубъектность складывается из воспроизводимой специфичности, которую возможно проследить во всей совокупности текстов и которая возобновляется в каждом новом тексте в режиме повторяющейся материальности [Ревзина 1999].

Согласно концепции *повседневного языкового существования* Б. М. Гаспарова, элемент дискурса является устойчивой сущностью в целом поле подобных высказываний. Язык – это и объект, и среда, в которую погружен языковой опыт человека [Гаспаров 1996]. Языковая среда

(ассоциации, воспоминания, оценки ситуации и партнера, реакции и даже цитаты других) неотделима для говорящего от конечных продуктов языка. Язык, по Б. М. Гаспарову, — гигантский мнемонический конгломерат из разнородных фрагментов языковой ткани предыдущего языкового опыта, чьи очертания и формы находятся в состоянии постоянного движения и изменения [Гаспаров 1996: 14].

В таком аспекте владение языком представляется способностью успешно ориентироваться в разнородных элементах и непрерывных изменениях, чтобы создавать произведения, в которых говорящий и его адресат распознали бы нечто, соответствующее мысли [Гаспаров 1996: 15-16]. Накапливаемый и развивающийся конгломерат *языковой памяти* говорящего субъекта представляет собой запас коммуникативно заряженных частиц языковой ткани. Но это не «унифицированные кирпичи», а индивидуализированные предметы с текучими очертаниями и границами, сама фактура которых слита с коммуникативным ландшафтом и образом того целого, которому такой предмет принадлежит [Гаспаров 1996: 105-106].

Речевая деятельность говорящего как *успешное ориентирование в дискурсивной среде* получает философско-методологическое обоснование в идеях биологии языка и познания [Гибсон 1998; Кравченко 2003; Maturana 1978; Varela 1991]. Когнитивная динамика человека как живой системы — это интерактивное поведение, адаптивное к области языковых взаимодействий. В ней индивиды и общество развиваются как когнитивные системы [Кравченко 1993; Bottineau 2011; Schilhab 2015]. Эта область реляционная, т. е. является областью отношений: человек как организм и язык как среда существования организма влияют друг на друга. Функция языковой деятельности состоит в ориентировании другого и себя в конкретной физической и социокультурной среде. В акте коммуникации происходит не обмен информацией, а встраивание организма в среду с помощью языковой структуры. В свою очередь, аспекты языковой среды влияют на поведение субъекта [Кравченко 1993; Givon 2002, 2005; Maturana 1987]. Целостность среды речевых

взаимодействий обеспечивается ориентирующим эффектом, который имеет положительную, нейтральную или отрицательную ценность для человека как живой системы. Эта же ценность начинает выполнять роль ограничений, налагаемых на когнитивную деятельность индивида в его возможных взаимодействиях с собой и другими.

Таким образом, идея бессубъектности задает новые отношения между *говорящим субъектом* и *дискурсом как средой из совокупности всего, что сказано*. Субъекты распоряжаются и интерпретируют мир, используя знание и способы его представления, которые прежде получили в дискурсивных практиках. *Каждое новое высказывание формируется в совокупности знаний, релевантных объекту речи*. Релевантность тех или иных фрагментов знаний определяется говорящим на основе опыта речевых взаимодействий с членами своей лингвокультурной группы. Индивидуальное новое знание об объекте речи не нарушает условия релевантности, так как оно возникает из повторяющейся специфичности дискурсивных практик, т. е. произнесенного, типичного и узнаваемого каждым членом лингвокультурного сообщества.

В следующем подразделе речь идет об *условиях*, предопределяющих или ограничивающих дискурсивную деятельность субъекта. Обосновывается необходимость трансфера некоторых аналитических инструментов, предложенных М. Фуко в концепции *диспозитива*, в когнитивно-дискурсивный анализ.

1.2.3. Понятие *диспозитива* в методологии анализа дискурса

Предлагая научному сообществу идею *диспозитива*, Мишель Фуко дает три определения, которые можно назвать тремя аспектами его анализа. Во-первых, это гетерогенный ансамбль, включающий обсуждения, учреждения, архитектуру, регламентирующие решения, законы, административные мероприятия, научные высказывания, философские и моральные тезисы

[Foucault 1976: 119]. Диспозитив существует в определенном технико-пространственном порядке вещей, оттеняющем восприятие ситуации читателем, зрителем или слушателем [Пастухов 2019]. Во-вторых, это сеть, «которая может существовать между элементами» [Foucault, 1976: 119], но не как простая сумма, а как со-расположение, в котором есть источник, обеспечивающий связность. В-третьих, это «образование, важнейшей функцией которого в данный исторический момент оказывается быть ответом на некоторую неотложность» [Foucault, 1976: 119]. Данные уровни анализа исследователи называют экстенсиональным, интенциональным и стратегическим [Майоров 2015: 147; Пастухов 2019].

Диспозитив, по М. Фуко, – это *конфигурации социальных значимостей, задающие пределы в динамике дискурсивных практик и регулирующие восприятие фактов* в общественном сознании как нормальных или ненормальных.

Современная философия генерирует новые интерпретации диспозитива. Ж. Делез описывает диспозитив как переплетение нитей (*écheveau*), линий различной природы, которые неравновесно организуют гетерогенное множество [Deleuze 1981]. Для Дж. Агамбена диспозитив — это нечто, способное захватывать, ориентировать, определять, пересекать, моделировать, контролировать и гарантировать поведение, жестикуляцию, мнения и дискурсы живых людей [Агамбен 2012: 26]. Поведение человека в диспозитиве обусловлено не жизненными ценностями, а непосредственным реагированием.

Связка *дискурс – диспозитив* является изначальной данностью при анализе кардинальных процессов в социальных практиках. М. Фуко, например, исследует диспозитив *сексуальность*, который приходит на смену диспозитиву *супружества*. По его наблюдению, в дискурсивных практиках *секс* сводится к некоторому полю рациональности, предопределенному логикой вожеления и желания [Фуко 1996: 177].

Созвучно с этой работой А. В. Смирнов утверждает, что понятие

национальное также является диспозитивом, за счет которого знания о различиях в языке, религии, территории расселения, историческом происхождении, антропометрических особенностях приводят к дискурсивным практикам в терминах государственности и политики [Смирнов 2002]. Он также указывает на то, что появление диспозитива *повседневности* и *повседневной жизни* в качестве предмета наук о человеке обуславливает разрушение предметно-тематических и методологических границ между традиционными областями научного знания [Смирнов 2013].

В своей концепции М. Фуко предлагает научному сообществу методологию анализа условий, программирующих возникновение нового понятия в культуре и социуме, через заданный дискурсом ракурс осмысления проблемы [Бернштейн 2008: 230; Гусаковский 2011; Розин 2007]. Философское осмысление диспозитива позволяет обнаружить его свойство фиксировать систему целеполагания, задаваемую комплексом *власть – знание*, и имплицитно конституировать гештальтный *инвариант* типовых для культуры стратегий общественных практик [Малахов 1998]. Общественная практика реализуется в рамках особого парадигмального контура и определенной регламентации, заданных диспозитивом.

В исследованиях медиа и политических систем фуконианский термин *власть* трактуется буквально. Выявляются способы манипуляции общественным мнением, устанавливаемые государственными структурами и институтами [Пастухов 2015; Петренко 2015; Elsaesser 2015; Stauff 2005]. Критический анализ *власти дискурса* направлен на раскрытие форм индивидуальных, но в действительности вмененных субъекту [Фуко 1996: 440]. Диспозитив исследуется как устройство нормирования порядков знания, не *определение* направления мысли, а *о-пределивание* [Bührmann 2012]. За счет такого регулирования и нормирования *власть* дискурса увеличивается.

Общая идея *власти* дискурса как способности рационально координировать различные отношения между социальными феноменами получила две интерпретации: создание значений через порядок знаний и

регулирование дискурсивного процесса через создание предельных рамок. Обе интерпретации развиваются в концепциях критического анализа.

Т. А. ван Дейк раскрывает власть идеологии в терминах *контроля над дискурсом* через доступ к его производству, а значит, к его содержанию, стилю и, далее, к общественному сознанию [Дейк 1989, 2013]. Критический анализ в этом случае направлен на определение социальных сил, задающих линии интерпретации и воздействия [Вахштайн 2011; Якоба 2019; Kammiller 1990; Wodak 2006]. Технология коммуникативного воздействия выявляется через экспликацию смыслов *общего интереса* [Плотникова 2011; Якоба 2019].

Для Зигфрида Ягера *диспозитив* – это постоянно развивающийся *контекст элементов* знания [Jäger 2001: 38, 2012]. Он говорит о комплекте отношений (*package of relations*), который дискурс должен задавать, чтобы иметь возможность говорить о тех или иных объектах [Jäger 2001: 39-41]. *Соотношение* элементов определяет способ и линии, по которым общество интерпретирует реальность, организует последующие языковые и неязыковые дискурсивные практики.

Каждый дискурс располагает утверждениями, которые возможно сделать, и этим препятствует другим утверждениям, которых сделать нельзя. Так появляются *дискурсивные пределы*, которые могут быть расширены или сужены различными стратегиями [Link 1990]. Например, когда говорят *нет альтернативы* конкретному образу действий, это предполагает, что нет возможности поставить действие под сомнение и публично обсудить его. Иными словами, дискурсивные пределы сужаются [Jäger 2012]. По мнению З. Ягера, отдельный текст имеет минимальный эффект пределов.

Напротив, дискурс с его *повторяющимся* содержанием, символами и стратегиями приводит к возникновению и укреплению знаний и, следовательно, имеет *устойчивые следствия*. Предопределенность в характере развертывания дискурса появляется в результате регулярной активации форм.

Внутренняя стабильность языка обеспечивается языковыми знаками и

принципом материальной аналогии. Устойчивость дискурса идеальной природы обеспечивается воспроизводством в речевых знаках предыдущих признаков, когнитивных параметров, средств жанровой выразительности [Баранов 2015; Федулова 2019].

Развертывание дискурса предопределяется ракурсом, заданным совокупностью общих знаний об объекте речи. В подтверждение этого приведем рассуждения В. М. Розина, который разграничивает три разновидности педагогического дискурса в зависимости от конфигурации диспозитива *Образование* [Розин 2007]. Идея о том, что образование формирует личность человека, задает дискурс о воспитании и образовании как способе стать человеком. Идея о природосообразности образования порождает смыслы о необходимости учета особенностей развития учащихся. Идея о стимулировании активности учащегося утверждает в педагогическом дискурсе идеи о признании личности обучающегося [Розин 2007].

Развивая выводы ученого, добавим, что высказывания о взаимодействиях учителя и ученика также будут формироваться с привлечением в контекст разных сегментов знания. Первая идея предполагает учет неоспоримого авторитета учителя, вторая – необходимость координировать действия учителя в соответствии с особенностями ученика, подстраиваться под них, в рамках третьей идеи – учитель и ученик становятся равноправными участниками учебного процесса. Разные ракурсы осмысления соотношения учителя и ученика повлекут разные модели порождения высказываний, но все они станут альтернативными и допустимыми вариантами педагогического дискурса. Денотаты высказываний остаются неизменными (учитель и ученик), но ракурс осмысления объекта речи – их взаимоотношения – будет влиять на выбор модели интерпретации.

Аналитическая ценность концепции диспозитива (М. В. Розин, А. В. Смирнов, М. Фуко, З. Ягер) заключается в выводах о гештальтно-аксиологическом изоморфизме между знанием об объектах речи, регулярными явлениями дискурса и принятыми в конкретном обществе

социокультурными идеями и представлениями. Формирование социальных феноменов посредством лингвистических и нелингвистических практик представляет *дискурс реализатором определенного ракурса интерпретации объекта речи* и порождает следующие методологические допущения:

1. Дискурс реализуется в рамках определенного парадигмального контура, заданного сегментами общего знания о социальном феномене.

2. Общее знание о социальном феномене *естественно и очевидно* для говорящего, оно вырабатывается социо- и лингвокультурным обществом в процессе речевых взаимодействий и усваивается субъектом через многократное воспроизведение.

3. Сегменты общего знания регулярно воспроизводятся в дискурсивных практиках о социальном феномене и прослеживаются на уровне совокупности содержательно однородного речевого материала.

Понятие *диспозитива* раскрывает свойство социума задавать определенный порядок интерпретации фактов через элементы дискурса. Традиция использования данного термина предполагает поиск не только сегментов знаний, регулярно воспроизводимых в дискурсивных практиках, но и общественных, институциональных механизмов, которые организуют диадку *власть – знание* и регламентируют производство высказываний.

В настоящем исследовании термин *диспозитивность* выступает в качестве рабочего и используется для обозначения *моделей интерпретации объектов речи в сфере социального опыта, которые задают и ограничивают ракурс их видения, что предопределяет характер развертывания высказываний*.

Полагаем, что трактовка термина *диспозитивность* в теории права может быть продуктивно использована для углубления понимания интерпретирующего феномена дискурса. Для доказательства этого мы ставим задачу осмыслить проблемы предзаданности интерпретации существующими в языке «формами построения целого» (М. М. Бахтин), а также уделить внимание тому, что субъект *располагает* сформированными ранее

когнитивными моделями и речевыми средствами интерпретации.

1.3. Диспозитивность как категория дискурса

Диспозитивность выражает общие свойства и сущностные характеристики дискурса, без которых невозможно его функционирование. Проблема анализа категории диспозитивности зависит от понимания того, что обеспечивает единство дискурса, или рамочное пространство, благодаря которому речевые средства (высказывания) определяются как принадлежащие данному дискурсу.

Рассуждая о каком-либо явлении, говорящий пользуется знаками общего кода. Но выбор слов в линейной последовательности подчинен не только его мировоззрению и мироощущению, но и особого рода «принуждениям, которые не являются проявлением свободного индивидуального творчества» [Seriot 1985: 51]. Дискурс определяется относительно факторов, предопределяющих оречевление: аспекты коммуникативной ситуации, представления об адресанте, характеристики говорящего по социальным параметрам. Выделение *дискурса объекта* является результатом научного внимания к способам осмысления и рассуждения о фрагменте действительности, укоренившимся в определенной лингвокультуре и предшествующим речи любого ее представителя.

1.3.1. Специфика исследования дискурса объекта

Дискурс объекта представляет собой сформированную в определенных социо- и лингвокультурных условиях и реализуемую в кореферентных высказываниях систему когнитивных и лингвистических ресурсов для интерпретации социального феномена или абстрактного понятия [Секерина 2013; Чернейко 2005].

Под *дискурсом объекта* понимается «вербализация ментального

пространства, основанная на общепринятых способах восприятия и интерпретирования социального феномена», «некие правила речевого взаимодействия» [Михалева 2007]. Речь идет о регулярных способах интерпретации объекта речи, подчиняющих в конечном итоге речевую деятельность говорящего. Дискурс объекта – это не то, «о чем идет речь» (не «предмет речи»), а то, как организуется речь. Дискурс представлен отложившимся и закрепившимся в языке и культуре способами «обслуживания» определенного сегмента социальной среды, упорядочивая сознание каждого и создавая сознание коллективное [Чернейко 2005, 2010].

Дискурс объекта противопоставлен *дискурсу субъекта* [Секерина 2013], в котором выбор моделей и речевых средств обусловлен мироощущением говорящего. Анализ *дискурса субъекта* направлен на экспликацию формальных и содержательных характеристик продуцирования речи, свойственных говорящему. Делаются выводы о закономерностях *его* языкового сознания, обусловленных темой, сферой, типом общения, гендером, социальным статусом, принадлежностью к определенной лингвокультуре и т. д.

Исследование *дискурса объекта* раскрывает закономерности осмысления социального феномена и систему его характеристик, эксплицируемых в дискурсивных практиках.

В общей совокупности свойств дискурса Е. С. Кубрякова называет следующие: а) тип дискурса детерминирован характером социальной активности, ее рамками и целями; б) дискурс есть процессуальная деятельность, в которой можно выделить средства осуществления, результат и исполнителей; в) дискурс представляет собой интерперсональный речемыслительный процесс, он адресатен и интенционален; г) для объективации намерения говорящего и его ментальности в дискурсе используются особые языковые средства; д) решение всякого смыслового задания требует активизации вполне определенных черт языка, и из существующего альтернативного ряда средств, из имеющегося набора разных

возможностей и приемов выбираются или строятся конкретные языковые формы [Кубрякова 2004: 525-531]. Каждая из характеристик является отдельной исследовательской перспективой, в той или иной степени раскрывающей интерпретирующий феномен дискурса.

Осмысление сложной и противоречивой природы дискурсивности наиболее эффективно происходит за счет отграничения текста и дискурса по параметрам процесса (коммуникативного или речемыслительного) и его результата. Изучение текста происходит с привлечением экстралингвистического фона в соотнесенности со многими другими текстами [Арутюнова 1990; Карасик 2000; Чернявская 2006: 75-76]. Исследование динамики дискурса в противопоставлении к статичности текста акцентирует параметры коммуникативной ситуации речемыслительного процесса [Григорьева 2007:11; Карасик 2002: 192-193; Красных 2001: 200-201].

Выделение типов дискурса возможно по следующим параметрам: предметному содержанию общения, его типовым участникам, тональности, каналу коммуникации, акциональной природе [Карасик 2016]. Во всех случаях инструмент речевого взаимодействия – *речевой знак* – рассматривается в неразрывной связи с лингвистическими факторами. В обобщенном виде ими являются *языковое сознание коммуникантов, язык как средство общения и экстралингвистическая реальность* (социальная, психологическая, национально-культурная), *в которой происходит производство дискурса*. Схематично это продемонстрировано на рисунке (см. Рисунок 1).

Дискурс занимает промежуточное положение между языковым сознанием коммуникантов, языком и экстралингвистической реальностью. Речевой знак является результатом производства смыслов для других и осуществляет: 1) активацию сегментов знаний, высвеченных интенциональностью участников дискурса, как результата их сознательной деятельности; 2) репрезентацию в языковых значениях концептуального содержания, введенного в фокус коммуникативной ситуации; 3) соотнесение смысла высказывания и реальности (культурной, социальной, физической)

посредством референции.

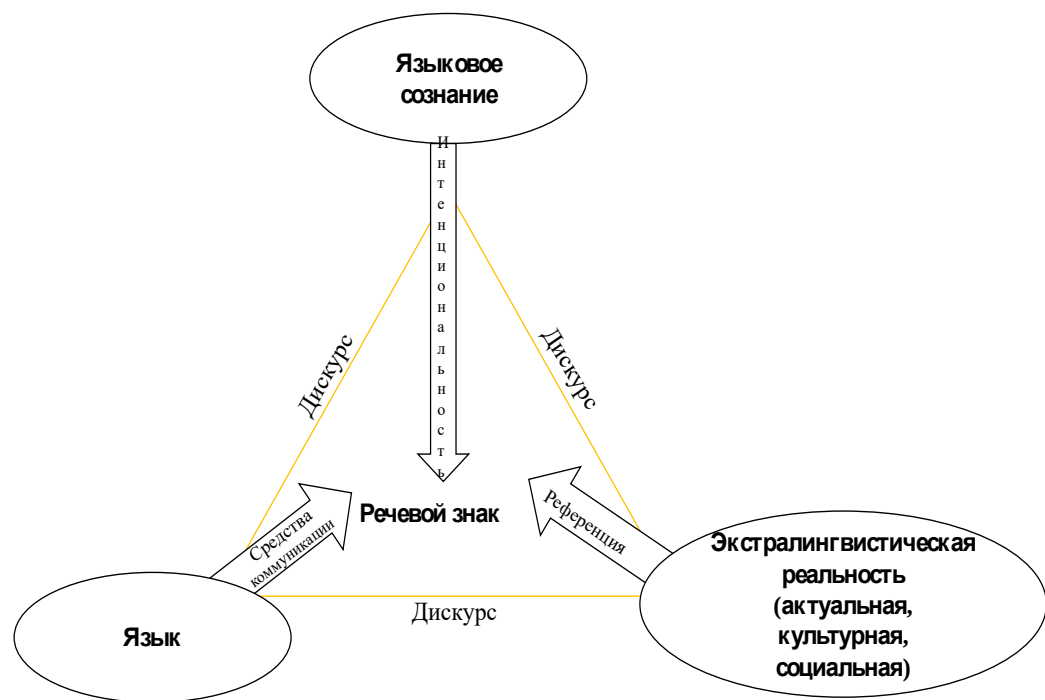

Рисунок 1 – Речевой знак в системе факторов речевого взаимодействия

Речевой знак как одна из существующих и потенциально возможных единиц дискурса связан с коммуникантами отношениями интенциональности, с языковой системой – отношением конвенциональности, с экстралингвистической реальностью – референцией.

Вершины треугольника – языковое сознание, языковая система и реальность – интегрированы в коммуникативный акт речевым знаком. Сам дискурс соотносится с языком через средства коммуникации.

Данное истолкование природы дискурса восходит к принципу «диалогичности» М. М. Бахтина, сущность которого заключается в том, что смысл актуальной ситуации не сводится к значению слов, а обусловлен пониманием ситуации говорящим, другими участниками коммуникации и общими знаниями кода общения. Смысл высказывания существует в коммуникативном пространстве «между» участниками, во встречных обменных процессах, а понимание носит «активно ответный характер» [Бахтин 1986: 260, 306-317]. Эвристики этого подхода в рамках диссертации

уточняются положениями теории социального действия (М. Вебер, Ю. Хабермас, Д. Хаймс).

Полагаем, что выделение категорий дискурса зависит от того, какая из вершин треугольника (языковое сознание, язык, экстралингвистическая реальность) высвечивается *в качестве системы более высокого порядка* по отношению к дискурсу.

Категория представляет собой фундаментальное свойство, с которым коррелирует анализ элементов и явлений в ситуативных образцах дискурса. Если одной из неотъемлемых характеристик дискурсивного процесса считать наличие *текста* как материального результата, то становится возможным применение к дискурсу категорий текстуальности – когезии, когерентности, интенциональности, информативности, ситуативности и интертекстуальности [Махницкая 2007; Beaugrande 1991: 48]. Смещение фокуса исследовательского внимания на *смысловое содержание* дискурса делает эффективным анализ категорий пропозиции, референтности, экспликации, инференции, имплицитности, релевантности, пресуппозиции [Макаров 2003: 71-82; Олешков 2006; Хомутова 2014].

Нередко анализ, ориентированный на одну категорию, позволяет обнаружить и систематизировать характеристики, составляющие специфику явлений, наблюдаемых именно в данном дискурсе. Так, категория адресатности позволила описать ценностно-стратегический потенциал политического дискурса и его социальную природу [Грушевская 2019]. Сквозь призму категории интертекстуальности постмодернистский дискурс представлен как особый способ презентирования содержания культурных традиций в глобальном культурном пространстве современности [Олизько 2009]. Категория авторитетности определяет научный дискурс [Болдырева 2006; Хомутова 2015], имплицитность – рекламный [Кудинова 2009], информативность – документный образовательный дискурс [Юзманов 2012] и др.

Определение места дискурса по отношению к другим системам

необходимо для категориального анализа потому, что последний высвечивает особые характеристики этих систем. Так, например, анализ перформативности позволяет уточнить функцию и место дискурса в речевом действии, выделить его акциональность [Горбачева 2016]. Категория театральности дискурса способствует глубокому пониманию презентационной функции языка и речи и определяет презентационную структуру в коммуникативном процессе [Олянич 2004]. Категория аттрактивности обобщает проявление синергичности дискурса и конкретизирует параметры ценностного измерения внутреннего мира человека [Серебренникова 2023].

Все перечисленные подходы к выделению типов дискурса и категорий способствуют системной организации научного знания в дискурсологии.

Для настоящей работы особое значение имеет **широкая трактовка** диалогичности М. М. Бахтина. Так, говоря о «диалогичном отношении», он подчеркивает, что любое высказывание не существует изолированно, а сохраняет связь с другими высказываниями [Бахтин 1986: 261]. Высказывания – это единицы речевого общения. Они обладают определенными и относительно устойчивыми «формами построения целого», так как формы языка мы узнаем только в формах высказываний и вместе с этими формами. Общение было бы невозможно, если бы эти формы создавались каждый раз заново [Бахтин 1986: 271-272]. Говорящий выбирает слова не из системы языка, а из других высказываний, и прежде всего – из «родственных». Предмет речи говорящего, каков бы ни был этот предмет, не впервые становится предметом речи в данном высказывании, и данный говорящий не первый говорит о нем [Бахтин 1986: 281-289].

Диалогичность М. М. Бахтина акцентирует не только влияние коммуникативного процесса на содержание высказывания, но и на среду, в которой протекает речевая деятельность, и на связь речевого знака актуальной ситуации со множеством других усвоенных и произнесенных речевых знаков, иначе – с дискурсом.

Понимание дискурса как среды, *в которой реализуется языковое*

сознание говорящих, язык как система знаков и лингвокультура как реальность, созданная речевыми взаимодействиями, меняет представление о связи речевого знака с другими системами (Рисунок 2).

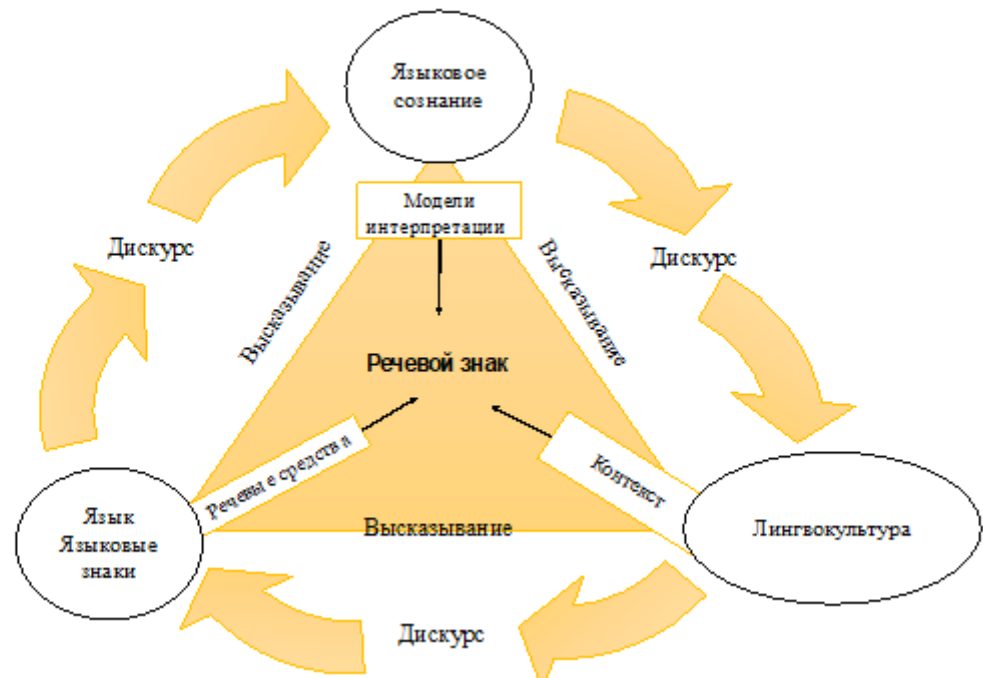

Рисунок 2 – Речевой знак в триаде языковое сознание – язык – лингвокультура

Дискурс выступает в качестве системы более высокого порядка не только по отношению к речевому знаку (уникальной смысловой версии об объекте речи), но и к языковому сознанию, языку и лингвокультуре. Объект речи принципиально интерпретируем: он формируется в коммуникативном акте и обусловлен дискурсом.

В моменте объективации намерения (интенциональности) происходит выбор ракурса, или установки говорящего по отношению к объекту речи, а также определение образов для воплощения идей. В результате устанавливается *модель интерпретации*, связывающая будущий речевой знак и языковое сознание участников. Дискурс опосредует эту связь, так как ситуативная модель интерпретации является усвоенной в речевых

взаимодействиях. Языковое сознание располагает индивидуализированными коллективными моделями как когнитивными ресурсами интерпретации объекта речи. *Речевой знак ориентирован дискурсивно усвоенной индивидуализированной моделью.*

Язык как система знаков предоставляет языковые средства и формы для репрезентации актуального смысла. Но субъектный выбор осуществляется из совокупности средств, которые благодаря опыту дискурсивных практик соотносятся с определенной социальной сферой. Выбор речевого средства подчинен дискурсу как эмпирической реальности использования знаков. Говорящий не производит новую форму, он воспроизводит существующее, пользуясь *репертуаром средств*, пригодным для интерпретации объекта речи. *Речевой знак соотносится с системой языка через лингвистические ресурсы интерпретации, усвоенные говорящим в дискурсивных практиках.*

Лингвокультура интегрирована в высказывание опосредованно — через знания, релевантные интерпретации объекта речи. Как отмечает Т. А. ван Дейк, *контекст* — операционная модель, результат субъективной интерпретации пространственно-временных, социокультурных, коммуникативно-конвенциональных характеристик актуальной ситуации [Будаев 2009: 153; Dijk 2008: 16]. Он особо подчеркивает, что контекст актуальной коммуникативной ситуации одновременно является эпистемическим контекстом [Дейк 2013; Кимов 2010; Ткаченко 2008]. Если первый связан с пространственно-временной ориентацией, то второй в полной мере воплощает интерпретационный феномен дискурсивного конструирования. Рассуждая так, Т. А. ван Дейк наделяет говорящих субъектов функцией «экспертов» интерпретации [Дейк 2013: 6-7]. При этом он апеллирует к концепции эпистемических сообществ (К. Л. Линч, Д. Х. Маркс, Д. Рагги, Б. Холзнер). Ими являются участники дискурса, объединенные эпистемическим контекстом, то есть общими представлениями о достоверности знаний, критериями и стандартами логических умозаключений и рассуждений [Ячин 2012; Naas 1992].

Мнения и социокультурные представления, ценности и культурные установки, разделяемые участниками конкретной коммуникативной ситуации и другими потенциальными представителями лингвокультурной общности, образованы дискурсивно. Лингвокультура обуславливает *контекст* сегментами общих знаний, релевантными для построения смысловой версии объекта речи в актуальной коммуникативной ситуации [Воркачев 2001; Дзюба 2012; Попова 2018, 2019]. Иными словами, *речевой знак конгруэнтен лингвокультуре*.

На рисунке 2 схематично представлено не только намерение говорящего *сказать* (обусловленность интенциональностью), но и стремление *быть понятым* (ориентирование конвенциональностью). Триада *языковое сознание – язык — лингвокультура* влияет на интерпретацию не сама по себе, а опосредованно через модели интерпретации, репертуар речевых знаков, ситуативную и социокультурную специфику контекста. Оречевление осуществляется «формами построения целого» (М. М. Бахтин), усвоенными говорящим в дискурсивной деятельности. Влияние разнотипных факторов реализуется в ограничениях, заданных логикой моделей, наличием экономичной формы выражения, допустимостью тех или иных смыслов в высказываниях. Каждый новый речевой знак становится частью дискурса.

Некий объект (явление) формирует определенный культурный код, конституируя себя как область знания, сохраняя и транслируя информацию о себе в социуме через предикаты имени, практики «думания» и вербализации представлений о нем – *дискурс объекта* [Чернейко 2005: 51-52].

Анализ *дискурса объекта* с привлечением понятия диалогичности М. М. Бахтина позволяет осмыслить проявление устойчивых следствий дискурсивных практик в каждом речевом взаимодействии. Выделение «форм построения целого» идентифицирует рамочное пространство *дискурса объекта* и раскрывает интерпретативность этой *динамической системы когнитивных и лингвистических ресурсов*.

Целью исследования дискурса объекта является систематизация

устоявшихся способов организации речевой деятельности, направленных на интерпретацию (концептуализацию и репрезентацию) некоторого объекта внеязыковой действительности [Секерина 2013].

Идентификация дискурса объекта происходит на основе моделирования *когнитивного единства (семантической целостности)*, конституирующего определенный значимый объект внеязыковой реальности. Иными словами, моделируется коммуникативный метаобъект, отвечающий референтной компетенции данного дискурса. Он соотносится с воспроизводимыми в дискурсивных практиках конвенциями представления социокультурного феномена [Секерина 2013: 67; Тюпа 2004]. Метаобъект сопоставляется с объектом речи, «как ментальное «надбытие» к фактическому бытию» [Тюпа 2007: 28, 2010, 2011]. Это концепция объекта речи, которая дифференцируется в процессе коммуникации. Так возникает методологическая проблема выделения единиц, релевантных для анализа дискурсивных практик, конституирующих дискурс объекта. Основанием выделения является экспликация (овеществление) этого метаобъекта в разнородных дискурсивных практиках.

Ниже будет продемонстрировано, что выделение *категории диспозитивности* углубляет понимание *системной организации дискурса объекта*. Анализ диспозитивности исследует возможные модели репрезентации социально значимого феномена и позволяет выделить инварианты его интерпретации как объекта речи. Данная категория высвечивает не свойства других систем (языковое сознание – язык – экстралингвистическая реальность), обуславливающих коммуникацию, а представляет фундаментальную характеристику дискурса *влиять* на *локальное* коммуникативное взаимодействие через выбор речевых средств, моделей интерпретации и условий, созданных предшествующими речевыми взаимодействиями с представителями лингвокультуры.

1.3.2. Диспозитивность как когнитивно-конструктивная категория дискурса объекта

Философское обоснование *диспозитивности*, которое в самом общем смысле означает допущение выбора, исходит из понимания соотношения свободы и императива в действиях человека. Формулируя принцип «свобода каждого совместима со свободой всех остальных», И. Кант сформулировал переход от абстрактного понятия «свобода» к ее практическому применению: действию, основанному на разуме и понимании существования свободы других людей. Идея свободы как «способности самопроизвольно начинать ряд событий» [Кант 1994: 409-410] реализуется в законах разума о том, что должно происходить, что по своей сути является императивом [Кант 1994: 586]. Практическая свобода И. Канта означает разумные социальные действия по правилам, а также интегрирует свободную волю субъекта и эмпирические условия ее проявления [Алексеев 1999; Кант 1994: 420, 584].

В дискурсивной деятельности осуществляется практическое преобразование реальности свободным действием говорящего с помощью средств, форм и правил, полученных в опыте [Алефиренко 2005, 2016]. Диспозитивность в качестве категории прикладного инструментального характера позволяет переосмыслить «всебытийную» природу владения языком. Субъект *располагает* готовыми моделями и речевыми средствами для выбора способа интерпретации объекта речи.

Введение в анализ категории диспозитивности определяется следующими характеристиками дискурсивной деятельности, которые предполагают ситуацию выбора одной из «готовых форм»:

- 1) в коммуникативной ситуации речемыслительное действие говорящего ориентировано схемами, релевантными социальной, культурной среде (Р. Д'Андрад, Ф. Варела, Т. Гивон, Т. А. ван Дейк, А. Кравченко, У. Матурана, М. А. Холодная, Ф. Шарифиан);
- 2) субъект располагает репертуаром исторически сложившихся

конвенциональных речевых ресурсов для выполнения конкретных коммуникативных задач (Й. Златев, М. Ветерелл, Р. Водак, Дж. Поттер, А. Хепберн);

3) выбор элемента и формы репрезентации смыслов в процессе дискурсивной деятельности происходит на основе языкового опыта и знаний о привычном и эффективном в типизированных ситуациях (А. П. Бабушкин, Н. Н. Болдырев, О. Г. Дубровская, Дж. Лакофф, О. В. Магировская).

Условия выбора способа и средства интерпретации являются следствием устойчивости дискурса, формирующейся в результате многократно использованного, повторенного и услышанного в дискурсивных практиках.

Категория диспозитивности позволяет исследовать *предзаданность* фрагмента социокультурного опыта дискурсом и включить в область научного познания **условия интерпретации** (*общекогнитивные и дискурсивные*), созданные в предшествующих речевых взаимодействиях и регулярно воспроизводимые в дискурсе. Анализ диспозитивности призван выявить уникальное воплощение названных условий в речевом знаке, достигаемое через выбор говорящего.

1.3.3. Диспозитивность в анализе лингвокультурной специфики дискурса объекта: социокультурные конструкты и ресурсы интерпретации

Функция дискурса в производстве социокультурных феноменов, а также предопределенность объекта речи при интерпретации связанных с ними событий раскрывается в *теории социальных представлений* [Донцов 1987; Flick 1995b; Moscovici 1984]. Согласно ее положениям, любые социальные и культурные феномены существуют только в дискурсе. Их дискурсивное воплощение и воспроизводство не мыслится без взаимодействия говорящих субъектов. Идеи и представления конструируются субъектами и их пониманием здравого смысла. Поэтому высказывания обладают особыми

характеристиками организации содержания и логики, они предопределяются контекстом, каналами распространения и функциями [Бергер 1995; Донцов 1987: 33-34; Турбина 2013, 2017]. В интерактивных процессах идеи и представления порождаются, модифицируются и распространяются в социальных группах. Они также могут конституировать социальные группы и определять их границы [Flick 1995a: 83].

Серж Московичи указывает три отличия социального представления от когнитивной структуры [Moscovici 2019]. Легитимность идеи означает ее непротиворечивость, включенность в ряд подобных. Принимая какую-либо идею, люди находят подтверждающие ее факты [Moscovici 2019: 12]. Определенность контура представлений достигается доминирующей метафорой, которая становится матрицей для классификаций и репертуара интерпретаций [Moscovici 2019: 13]. Когнитивная структура индивидуальна и формальна, тогда как социальное представление является частью социокультурного сообщества. Неясная идея сначала сводится к знакомому и привычному образу (анкоринг), далее она трансформируется в нечто конкретное, объективно существующее [Denroche 2018; Moscovici 1984; Potter 1999]. Как только фигуративное ядро входит в сферу повседневного знания, индивид стремится подтвердить его и приладить эту схему к новым действиям, восприятиям, опыту, впечатлениям.

Дискурсивно выработанные представления складываются в *социокультурный конструкт* – динамическую структуру, аккумулирующую социальные идеи и представления о человеке и его проявлениях [Брагина 2006; Серова 2017]. Концепция социальных конструктов была предложена П. Бергером и Т. Лукманом для анализа относительности значений и понятий, выработанных во взаимодействиях людей и влияющих на осмысление повседневной реальности [Бергер 1995]. Конструкты исследуются как культурные образцы, ставшие частью дискурсивных практик [Бодрова 2009; Кардапольцева 2005; Манкиева 2017; Храмченко 2013]. Социокультурные конструкты рассматриваются как объекты коллективной природы, которые

конституируются совместным образом (во взаимодействии) в разговорах и текстах.

Поднимая проблему дискурсивных представлений, Дж. Поттер придает особое значение лингвистическим ресурсам, или интерпретативным репертуарам (*interpretative repertoires*) [Potter 1982, 1987, 2008]. Они представляют собой систематически соотносимые ограниченные наборы понятий, описаний, конструкций, фигур речи, которые доступны в качестве готового источника интерпретаций. Они могут быть организованы вокруг одной или нескольких центральных метафор или ярких образов и часто используются для объяснения событий или явлений [Potter 1990: 173; 1996]. Подчеркивается, что интерпретативные репертуары складываются исторически и *составляют важную часть обыденных смыслов культуры*. Используя их, говорящие облегчают себе достижение целей коммуникации.

Продуктивность идеи интерпретативных репертуаров в анализе социальных феноменов доказывается в исследованиях национальной идентичности [Krappmann 1971; Wodak 2009], эмпатии, доброжелательности, солидарности [Плотникова 2011], чужеродности [Детинко 2013], социальной ненависти [Колосов 2004], дискурсивного конструирования расизма [Hopkins 2006; Potter 1998], легитимизации расистских высказываний [Potter 1988], национализма [Condor 2006]. Особую значимость для настоящей работы имеют выводы о том, что семья также является социальным конструктом, создаваемым в дискурсивных практиках [Billig 1992].

Названные исследования подтверждают, что социальные феномены и идеи представляют собой объекты речи, сконструированные по узловым опорам в соответствии со здравым смыслом субъектов как членов группы. Каждый *объект речи* имеет сформированный в предшествующих речевых взаимодействиях *когнитивный и лингвистический репертуар средств как готовый ресурс интерпретации*. Ключевой опорой в нем может выступать метафорический образ, предопределяющий направление интерпретации новых фактов, возникающих в сфере повседневного знания об объекте.

В ракурсе диспозитивности каждое из возможных речевых средств референции к социокультурному феномену как объекту речи является вариантом, наиболее подходящим с точки зрения говорящего в актуальной ситуации, но не единственным в силу когнитивных способностей человека и ресурсов, предоставленных дискурсом. Сформированные в контексте определенной лингвокультуры ресурсы интерпретации абстрактной идеи хранятся в языковом сознании ее представителей вместе с имеющимся опытом использования речевых средств.

Из сказанного логично вытекает, что поиск корреляций между языковым сознанием, дискурсом и лингвокультурой на эмпирическом материале разных языков позволит обнаружить лингвокультурную специфику соответствующих дискурсов.

Наши рассуждения, вместе с тем, согласуются с идеями о том, что субъект формирует дискурс. При этом он аргументирует, планирует свои действия и приписывает действия другим субъектам, руководствуясь «**правилами**» конструирования утверждений [Hutchins 1980: 121]. Такие «правила» включают не только репрезентацию объекта, но и набор логических выводов для оперирования этими репрезентациями. Обобщенная схема направляет логические связи в рассуждениях и организует контекст и смыслы.

Так, например, в работе В. И. Карасика разница в конфигурации смыслов *чистота* и *грязь* в английской и русской лингвокультурах проанализирована через противопоставление внешнего (материального) и внутреннего (морального) загрязнения. В русском языковом сознании сильнее акцентируется наличие или отсутствие внутренней моральной *чистоты* / *грязи*. В англоязычном сознании больше выделена внешняя чистая поверхность, дифференцируется *чистота* и *очищенность* вещества. Различия касаются исходного образа грязи, положенного в основу номинации и сохраненного в качестве культурно-генетического варианта образного представления (*грязь* как слякоть в русском языковом сознании и как нечистоты – в английском) [Карасик 2010: 279-295]. Этот инвариант

становится ключевой опорой конфигурации когнитивной модели, которая накладывается на образ воспринимаемой действительности. Особая чувствительность англоязычного социума к чистоте и грязи и императивность в деятельности по устранению грязи в буквальном смысле обусловлены подобной спецификой осмысления.

Исследования в русле когнитивной лингвокультурологии также свидетельствуют о выделении культурно-специфичных моделей [Евсюкова 2005; Жельвис 2013; Зализняк 2005; Карасик 2001; Кутьева 2012; Телия 1995, 2002; Хомчак 2014]. И. В. Зыкова реконструирует процесс глубинных оснований фразеологической образности через макрометафорическую концептуальную модель из неразложимых далее архетипических составляющих [Зыкова 2014а]. Например, для выделенной ею модели VERBAL COMMUNICATION IS PLAY-PERFORMANCE релевантен параметр визуального аспекта восприятия [Зыкова 2014а: 184-188]. Сформированные на базе концептосферы культуры проекции задают логику в содержании фразеологических знаков, аккумулируют в себе культурный опыт, создают общекультурную модальность восприятия лингвокультурным сообществом различных объектов, явлений и процессов мира.

Т. Н. Снитко исследует лингвокультуры через предельное понятие как максимально абстрагированный конструкт [Снитко 1999]. Природа предельного понятия проявляется во всех продуктах данной культуры (тексты, дискурсы). Так, в Западной лингвокультуре предельные понятия возникают в философском размышлении о сущности и имеют метафорическую природу. Предельным понятием становится имя, а список таких понятий принципиально открыт. Предельные понятия Восточной (японской) лингвокультуры – это отдельные знаки-иероглифы, которые изначально заданы как предельные. Их природа символическая. В сравнительном анализе устанавливается несовпадение свойств культурных продуктов: стремление к максимальной вербализации в Западной лингвокультуре и невербализованность в Восточной. Противопоставленные культуры также

имеют разные тенденции смыслообразования. Смысл транслируется в виде интерпретаций в Западной культуре. В Восточной культуре он суггестируется через идеографический смысл иероглифа [Снитко 1999]. Методология анализа лингвокультуры посредством предельных понятий была успешно применена в исследовании библеизмов в институциональных дискурсах разных культур [Боллигер 2005: 16-23], а также в сопоставительном исследовании концепта и предельного понятия *обладание* в русской и французской лингвокультурах [Нечаева 2008].

Культурная специфика моделей интерпретации порождается локальными коммуникативными взаимодействиями людей, принадлежащими одной культурной группе. Она также наблюдается на глобальном уровне и влияет на локальное. Ф. Шарифиан акцентирует соотнесенность культурной специфики с языковым сознанием, ее эмерджентность и динамический характер существования [Sharifian 2017: 13]. Согласно ученому, совместно выработанные знания (концептуализации) составляют основу использования речевых средств и принятия решений в речевом акте, а также норм мышления и поведения [Sharifian 2017: 11-14].

В ряде случаев специалисты акцентируют внимание на свойстве элементов дискурса «жить своей жизнью». Н. Ф. Алефиренко объясняет это «коллективностью» некоторых личностных смыслов за счет принадлежности индивида к определенному лингвокультурному сообществу. Субъект вынужден преодолевать влияние этнокультурных эталонов, стереотипных схем, клише [Алефиренко 2005: 7; Архипов 2008; Воробьев 1999, 2008]. Устойчивые и воспроизводимые знаки вторичного образования определяются прагматикой дискурса, формируются в синтагматических связях и закрепляются в языковом сознании субъекта.

В психологическом смысле, по Л. С. Выготскому, «зона ближайшего развития» ребенка формируется первичными символическими структурами, которые возникают из его взаимодействия со взрослыми. Усвоенные извне знаки становятся барьером между восприятием и моторикой и позволяют

осознанно направлять внимание, играют функцию внутренних регуляторов, предшествующих действию. Далее ребенок использует их в умственных операциях и коммуникации. Л. С. Выготский доказывает зависимость развития мышления от речи, средств мышления и социально-культурного опыта [Выготский 1999]. Он подчеркивает, что становление языкового сознания происходит вместе с выработкой абстрагированных и обобщенных представлений в процессе речевого взаимодействия членов лингвокультурной общности.

Языковое сознание представляет собой совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителя культуры об объектах реального мира [Тарасов 2000: 4], а также совокупность образов сознания, которые формируются и объективируются (*овнешняются*) с помощью языковых средств [Тарасов 2004: 26]. Оно является частью *когнитивного* сознания, совершенствуясь по мере пополнения знаний о значениях, правилах и нормах языка, и частью *коммуникативного* сознания, которому обеспечивает порождение и восприятие речи [Стернин 2002: 45-46]. Языковые знаки служат эталоном для идентификации познаваемого предмета или явления и квалификации его социальной значимости [Дзюба 2016].

Анализируя вербальные репрезентации национально-культурной специфики в языковом сознании, исследователи выделяют этноязыковое сознание. Согласно И. В. Приваловой, это ансамбль когнитивно-эмотивных и аксиологических структур, национальная маркированность которых обеспечивает их вариабельность от одной культуры к другой [Привалова 2006: 10].

Вслед за Н. Ф. Алефиренко, А. А. Леонтьевым, В. В. Красных, Н. В. Уфимцевой, мы считаем, что языковое сознание представляет собой сложноструктурированный лингвоментальный феномен, включающий когнитивные и аксиологические структуры языкового освоения действительности. По этой причине оно всегда соотносимо с социумом и культурой.

Национально-культурная специфика языкового сознания проявляется в интерпретациях, регулярно воспроизводимых типизированными моделями. Высказывание соотносится с лингвокультурой через индивидуальный конструкт, ориентированный моделями, существующими «межсубъектно». Как сказано в работе У. Матурана, культура объясняет, почему тот или иной элемент существует в языке, но не отвечает на вопрос, почему субъект говорит именно это в данной коммуникативной ситуации [Maturana 1970, 1978, 1980].

Сказанное дает основание утверждать, что обоснование категории диспозитивности дополняет существующие разновидности дискурсивных категорий и позволяет сделать акцент на взаимообусловленности лингвокультурной специфики дискурса и моделей интерпретации. Это, в частности, проявляется в том, что дискурс, сформированный в контексте определенной лингвокультуры, демонстрирует идеи и представления или их отрицание не сам по себе, а способами осмысления объектов речи участниками взаимодействия. *Модели интерпретации предопределены индивидуализованными социокультурными конструктами и конгруэнтны общим ценностям лингвокультурного сообщества.* В дискурсе регулярно воспроизводятся сегменты общего знания, что предопределяет способы интерпретации объектов речи.

Предлагаемая концепция исследования категории диспозитивности раскрывает лингвокультурную специфику дискурса не через описание этноспецифичных моделей и значений, а путем выделения *инвариантов интерпретации социально значимого фрагмента опыта, систематизации проявлений каждого инварианта и определение сегментов общего знания, релевантного дискурсивным практикам.* Для определения инвариантов интерпретации и анализа их лингвокультурной специфики фокус внимания направлен на речевые знаки.

1.3.4. Конститутивные признаки диспозитивности

В исследованиях деятельности говорящего диспозитивность дискурса смещает фокус внимания с дихотомии *индивидуальное – коллективное* на диалектическое *единство условий* интерпретации объекта речи субъектной и бессубъектной природы. Субъектность условий трактуется как свободное *распоряжение вариантами*, бессубъектность осмысляется через *регуляторы выбора*, заданные дискурсом (см. Рисунок 3).

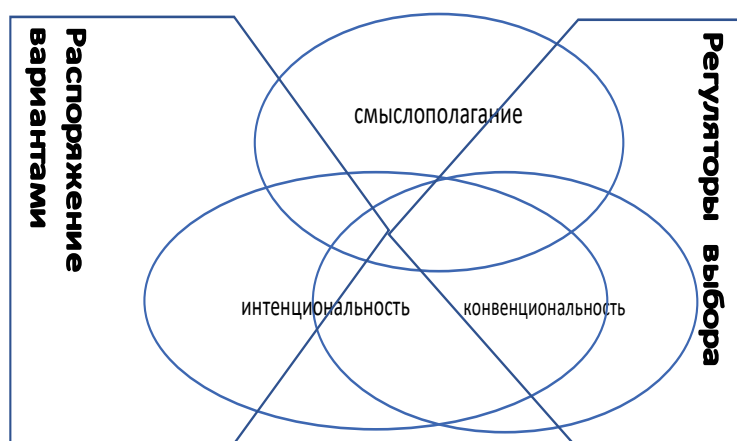

Рисунок 3 – Условия выбора средства интерпретации

Интерпретация определена интенциональностью, но ее реализация задана конвенциональностью знаков.

Распоряжение способами и средствами интерпретации объекта речи осуществляется в синхронных динамических состояниях речемыслительной деятельности. Оречевление смысла обеспечивается когнитивным варьированием в контексте актуальной ситуации и происходит посредством развертывания дискурса согласно знаниям о способах дискурсивной организации (в терминах О. В. Магировской). Динамика когнитивного варьирования активизирует модели интерпретации. Динамика производства дискурса осуществляется по линиям, заданным дискурсивной регулярностью.

Когнитивное варьирование означает способность конфигурировать концептуальное содержание различными способами языкового представления в соответствии с пониманием говорящим (концептуализатором) актуального события и ситуации. Субъект способен акцентировать любой аспект

концептуального содержания [Верхотурова 2009а, 2009б; Филлмор 1988; Хомутова 2012; Fillmore 1992; Langacker 2008, 2011; Taylor 1995]. Для описания механизмов конструирования значения Рональд Лангакер вводит понятие *сцены*, которая в зависимости от ракурса видения выстраивается по-разному на фоне сохранения всей обстановки в зоне внимания [Langacker 2008: 55]. Концептуализатор определяет, какие сегменты сцены имеют для него наибольшую значимость и насколько детально необходимо рассмотреть ее элементы.

Когнитивное варьирование обусловливается принципиальной нелинейностью когнитивных структур. Для перевода смысла в линейное представление в виде языковых форм требуется специальная упаковка. В процессе речемыслительной деятельности субъект *обладает достаточными когнитивными ресурсами для структурирования опыта и безграничным объемом речевых средств для выражения актуальных смыслов*. Несмотря на это, на вербальном уровне эксплицируется лишь часть замысла, остальная часть имплицитруется. Выбор той или иной модели интерпретации определяется личностным переживанием коммуникативной ситуации и проявляется в аспектах концептуального содержания, выделенных речевым средством.

С нашей точки зрения, оречевление в значительной степени подчиняется существующему в лингвокультуре способу интерпретации социокультурных феноменов и опыту выражения мнений о них. Смыслы дискурса не изолированы и недискретны. Содержание высказывания включает те представления, которые разделяют говорящий и слушающий как представители лингвокультуры. Актуальные речевые знаки в той или иной степени воспроизводят культурно усвоенные признаки. Повторяющиеся коммуникативные ситуации приводят к возникновению и укреплению устойчивых следствий – сегментов общего знания, регулярно воспроизводимых в дискурсе.

Под *устойчивыми следствиями* дискурса в работе понимаются

сегменты общего знания, сложившиеся в языковом сознании вместе с социальным феноменом, воспроизводимые речевыми знаками и, тем самым, предопределяющие направление интерпретации объектов речи.

Любая интерпретация, возникающая в дискурсе как индивидуально-личностное знание, распространяясь, становится для языкового сознания типовой операцией. Типизированные конструкты репрезентируют типичные соотношения между участниками и обстоятельствами [Казыдуб 2006; Цурикова 2007]. Г. Дезагюйе сближает повторяющееся и частотное в дискурсе с понятием салиентности. Утверждается, что чем высока частотность элемента, тем он салиентнее, и легче обрабатывается когнитивно [Desagulier 2005, 2007]. Следовательно, тем вероятнее его закрепление в качестве ментальной структуры и обретение им статуса конвенциональной единицы [Desagulier 2007: 159-162]. Конвенциональное привычно и понятно, не требует дополнительных усилий и способно экспортировать когнитивную схему или ее часть в построение новых конструкций. В намерении выразить актуальный смысл привлекается привычное и известное.

Регулярные явления дискурса упорядочивают коммуникативный процесс тем, что канализируют речевой замысел индивида. Такие идеи звучат в определении жанров речи, например, у М. М. Бахтина, В. В. Дементьева, В. А. Салимовского [Бахтин 1986; Волошинов 2000; Дементьев 2007: 178-179; Салимовский 2002: 37, 42].

С одной стороны, регулярные явления дискурса воплощены в привычном и обыденном, с другой — в нормативном. Представление о регулирующей норме входит в перечень основополагающих идей дискурса [Барт 2005; Ухванова-Шмыгова 2014: 72; Bauman 1988]. В. И. Карасик высказывает мнение, что общекультурная нормативность определяет формат, соответствующий общечеловеческим, этническим и групповым ценностям [Карасик 2015: 77]. Она не регламентирована специально сформулированными правилами, но складывается под влиянием рутинного поведения, социокультурных универсалий, соотнесенных с коммуникативным

намерением участников в обыденных ситуациях. О. Г. Дубровская определяет языковой опыт как некоторое интуитивное знание о соответствии между языковыми формами, вербализованными мыслями, интенциями и ситуацией, относительно которой формируются высказывания [Дубровская 2015: 228, 2015].

Отталкиваясь от этих идей, логично предполагать, что нерегламентированные, но известные большинству представителей лингвокультуры правила, нормы, типизированные модели позволяют прогнозировать способы формирования смыслов в дискурсе. Благодаря этим знаниям, говорящий выбирает привычный способ для выделения значимого или прибегает к непривычному, нетипичному для участников дискурса. Ведущая роль остается за говорящим.

Проблема соотношения и воспроизведения индивидуально-личностного и коллективного в дискурсе заслужила специального изучения.

Ментальное конструирование осуществляет субъект. *Выбор* из уже существующего, сложившегося в дискурсивных практиках определяет *уникальность речевого знака* – смысловую версию об объекте речи. Влияние на интерпретацию коллективного реализуется не в материальной форме знака самого по себе. Дискурс регулирует качественные составляющие контекста.

Контекст представляет собой конструкт, сформированный участниками дискурса на основе определения: 1) актуальных признаков коммуникативной ситуации; 2) социальных представлений, релевантных ситуации; 3) категорий, сформированных в социуме и культуре, которые в различном сочетании позволяют интерпретировать текущие коммуникативные события; 4) субъективных установок, выработанных ценностями и личностными смыслами [Dijk 1985, 2008: 16].

В понимании Т. А. ван Дейка контекст – это операционная модель, заполняющая пробел между социумом, коммуникативной ситуацией и дискурсом. Человек воспринимает общую для участников ситуацию, одновременно переходит к субъективным моделям, в которых

схематизируется набор из релевантных с точки зрения говорящего знаний, и затем — к широкому контексту социо- и лингвокультурного сообщества.

Каждая коммуникативная ситуация, в которой участникам приходится конструировать смыслы и производить высказывания, является единичной и уникальной, но не изолированной от общего социального контекста взаимодействия, социокультурных ценностей и представлений. За счет большого объема знаний, разделяемых всеми участниками (*Common Ground*), дискурс никогда не бывает полностью явным [Dijk 2008: 184]. Организуя семантические блоки в определенную последовательность, коммуниканты демонстрируют переживание «объективных» с их точки зрения измерений коммуникативной ситуации [Dijk 2008: 59], связывают события и факты отношениями темпоральности и причинности [Dijk 2008: 58]. Говорящие конфигурируют контексты из сегментов знаний, релевантных конкретным ситуациям.

Контексты возникают в процессах субъективной интерпретации социальной среды [Дейк 2013: 21]. Т. А. ван Дейк подчеркивает, что контекст — это не сумма социальных переменных, но субъективный «ментальный интерфейс» [Dijk 2008: 16-17], контролирующий процессы и результаты речепроизводства в силу своей социальной и культурной природы (знания участников дискурсивного сообщества, отношения, идеологии, грамматика, правила, нормы, ценности, и др.). Контекст адаптирует высказывание коммуникативной среде, помещая в имплицитное то, что является общеизвестным. Компоненты контекста обусловлены системой координат из убеждений и мнений, усвоенных говорящими в социо- и лингвокультурной среде. Социальные идеи воплощаются в высказываниях опосредованно, то есть через конфигурации знаний, регулярно возникающие в контекстах.

Таким образом, когнитивное варьирование, помещенное в проблемное поле дискурсивной деятельности, происходит в измерениях, онтологически связанных с коллективной природой дискурса.

На основании сказанного мы утверждаем, что *когнитивное*

варьирование и дискурсивная регулярность являются конститутивными признаками диспозитивности дискурса (см. Рисунок 4).

Рисунок 4 – Конститутивные признаки диспозитивности

Активируемая в коммуникативной ситуации модель интерпретации объекта речи адаптирует смыслополагание ограничениям, накладываемым императивом дискурса.

На рисунке 4 систематизированы конститутивные признаки диспозитивности и представлено двуединство условий формирования речевого знака. Выделяя диспозитивность как категорию дискурса, подчеркнем, что когнитивная система говорящего располагает общекогнитивными ресурсами, обеспечивающим профилирование тех или иных аспектов смысла. Дискурсивная регулярность отражает «межсубъектные» координаты выбора способа интерпретации, существующие для говорящего в качестве дискурсивных условий выбора. Смысл «для себя» уступает императиву речепроизводства «для других». Модель интерпретации сужает выбор за счет уникальной конфигурации эксплицитных и имплицитных аспектов содержания и сегментов общего знания, релевантного коммуникативной ситуации, т. е. контекста.

Таким образом, диспозитивность дискурса раскрывается в двуединстве

общекогнитивных и дискурсивных условий интерпретации, определяющих выбор *речевого знака*. Сквозь призму категории диспозитивности речевой знак представляет смысловую версию об объекте речи, производимую говорящим как представителем лингвокультуры под влиянием общих знаний, релевантных актуальной коммуникативной ситуации.

Выводы по первой главе

Разработка понятия *диспозитивности* в лингвистике открывает новые грани исследования интерпретирующей сущности дискурса.

Гносеологическими предпосылками введения категории диспозитивности в научный анализ являются философско-когнитивистские концепции, постулирующие *распределенность познания, эмерджентность культурного знания* в познавательной деятельности, а также *принципиальную интерпретируемость* объекта речи. Дискурс осмысливается как динамичная среда речевых взаимодействий, сформированная субъектами в социально обусловленных и культурно-значимых координатах. Отправным положением проводимого исследования также является представление об интерпретирующей природе дискурса.

Дискурс рассматривается как способ представления знаний о мире, опосредованный речевыми знаками, которые комбинируются особым образом под регулирующим действием социума и культуры. Интерпретирующий феномен дискурса возникает из соотнесенности речевого знака с индивидуальным концептуальным содержанием, активируемым семантикой речевых средств, и комплексом знаний говорящего, релевантным коммуникативной ситуации.

Интерпретация личностного смысла определяется имеющимся у субъекта опытом речевых взаимодействий и принятыми в лингвокультуре (типизированными) способами репрезентации. При этом каждое новое высказывание не нарушает глобальный порядок дискурса.

Предпосылочным методологическим звеном исследования диспозитивности дискурса являются доказанные в науке идеи, утверждающие фундаментальные свойства дискурсивной деятельности. В процессе *оречевления* говорящий использует речевые средства как инструменты, предоставленные дискурсом. Знания об объекте речи, усвоенные дискурсивно во взаимодействии с другими членами лингвокультурной общности, выступают ориентировочной основой речевой деятельности, и в этом смысле говорящий «ориентирован» ими в процессе речепорождения.

Важной методологической посылкой исследования диспозитивности также служит утверждение о «бессубъектности» дискурса. Порядок дискурса представляет собой материальную реальность, которая ограничивает оречевление *ресурсами интерпретации и условиями истинности*. Ракурс «видения» проблемы, заданный социокультурным конструктом и фондом общих знаний, предопределяет порождение одних, а не других высказываний в дискурсе.

Осмысление дискурса как динамичной среды, в которой реализуются языковое сознание говорящих, языковая система и лингвокультура, открывает возможности анализа речевых знаков в системе следующих установок:

- модель интерпретации объекта речи формируется в речевых взаимодействиях, ее активация обеспечивается механизмами когнитивного варьирования;
- в распоряжении говорящего имеются речевые средства как ресурсы интерпретации, усвоенные в дискурсивных практиках и соотносимые с определенной сферой социального опыта;
- каждый новый речевой знак конгруэнтен лингвокультуре и общему контексту из социальных идей и представлений. Мнения, ценности и культурные установки, разделяемые коммуникантами, вырабатываются дискурсивно и влияют на конфигурации смысловых версий объекта речи.

Интерпретация актуального смысла говорящим предполагает выбор моделей и речевых средств в системе дискурсивно сформированных условий.

Трансфер понятия *диспозитивности* из теории права в лингвистку обогащает когнитивно-дискурсивный подход к изучению языковых явлений идеями о диалектике личной свободы и императиве коллективного соглашения.

В настоящем исследовании термин *диспозитивность* используется для обозначения типизированных моделей интерпретации объектов речи в сфере социального опыта, которые задают и ограничивают ракурс их видения, что предопределяет характер развертывания высказываний.

Диспозитивность трактуется как когнитивно-конструктивная категория дискурса, реализующая его интерпретирующий потенциал в коммуникативной деятельности говорящего. Выбор говорящим речевого знака имеет общекогнитивные и дискурсивные ограничения. Конститутивными признаками категории являются синхронные динамические состояния речемыслительной деятельности: *когнитивное варьирование* и *дискурсивная регулярность*. В результате рассмотрения каждого из них выделяются условия, реализующие диспозитивность дискурса:

- общекогнитивные условия выбора способа осмысления объекта речи, заданные инвариантами интерпретации;
- дискурсивные условия, созданные контекстом из социокультурных идей и представлений и предопределяющие конфигурацию модели интерпретации.

Значимость речевого знака устанавливается фактом использования конкретных речевых средств из репертуара возможных и определяется дискурсом как средой производства и воспроизводства материальных знаков. Релевантность интерпретирующей модели общему знанию коммуникантов обеспечивается их опытом речевых взаимодействий с членами лингвокультурной общности.

В диссертации отстаивается идея о том, что категория диспозитивности наиболее глубоко раскрывается в анализе дискурса объекта. Под *дискурсом объекта* понимается система когнитивных и лингвистических ресурсов

интерпретации внешних или внутренних по отношению к говорящему феноменов, эксплицированная в кореферентных высказываниях.

Моделирование общекогнитивных и дискурсивных условий интерпретации объектов речи, соотносимых с определенным феноменом, высвечивает лингвокультурную специфику дискурса объекта. Устойчивые конфигурации знаний, регулярно воспроизводимые в дискурсе, определяются общими ценностями и представлениями лингвокультурного сообщества. По этой причине способы осмысления объектов речи коммуникантами в разных лингвокультурах отличаются моделями интерпретации и качеством речевых средств.

Предпринятый анализ диспозитивности дискурса объекта согласуется с идеей об изоморфизме (или *общности, отраженной в структурных свойствах*) лингвокультуры – моделей интерпретации – дискурса. В практических главах работы исследование категории диспозитивности призвано выявить идиоэтничность смысловых версий события со-отношения, воплощенных в высказываниях о межличностных отношениях, которые получают актуализацию в трех лингвокультурах — французской, русской и казахской.

ГЛАВА 2. МЕТОДОЛОГИЯ И ИНСТРУМЕНТЫ СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА КАТЕГОРИИ ДИСПОЗИТИВНОСТИ ДИСКУРСА МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В настоящей работе изучение диспозитивности дискурса предполагает проведение когнитивно-дискурсивного анализа когнитивных и языковых ресурсов интерпретации объектов речи в сфере межличностных отношений на материале французской, русской и казахской лингвокультур.

Общей целью главы является выработка методологии исследования категории диспозитивности и условий выбора речевых знаков как средств интерпретации в дискурсах межличностных отношений. Поставленная цель конкретизируется двумя задачами. Во-первых, анализ *общекогнитивных* условий диспозитивности направлен на систематизацию моделей событий, ориентирующих референтные сцены высказываний об объектах речи и предопределяющих их качественные характеристики. Во-вторых, анализ *дискурсивных* условий диспозитивности предпринимается для выявления сегментов общего знания, ограничивающих конфигурацию контекстов регулярным, значимым и допустимым.

2.1. Межличностные отношения как объект речи

В настоящее время межличностные отношения находятся в центре внимания когнитивных, культурологических и лингвокультурологических исследований, раскрывающих сущность личности человека и ее проявлений. В лингвистике проблематика нередко выстраивается вокруг понятия семьи.

Концепт СЕМЬЯ является объектом в ряде кандидатских диссертаций [Грибач 2005; Долбина 2004; Железнова 2009; Килина 2007 и др.]. Исследуется социокультурная специфика концептуальной сферы «семья» как источника важнейших ценностей, понятий, ассоциаций и культурных стереотипов [Монгилева 2015; Macfarlane 2004]. Признается эффективность

сопоставительных исследований концептов СЕМЬЯ и ЛЮБОВЬ на материале нескольких языков [Дружина 2012; Михалева 2009; Монгилева 2017б, 2019а, 2019б; Хутова 2008; Ян 2013; Lv 2012]. Для выявления универсальных и культурно специфических характеристик концепта СЕМЬЯ активно привлекаются индоевропейские и тюркские языки — турецкий, татарский, английский, казахский [Дюзенли 2016; Нуризянова 1999; Монгилева 2015, 2017в].

Различные аспекты собственно межличностных взаимодействий исследуются сквозь призму оппозиции индивид / группа [Васильева 2001], общность / различие [Таннен 2015], а также в контексте концептуализации эмоций и чувств, проявляемых к другому субъекту, например, таких, как страсть [Валиуллина 2006], любовь [Воркачев 2003, 2007; Кузнецова 2005], неуважение [Минченков 2019] и др. На материале русского и турецкого языков проанализирована метафорическая картина мира семейных отношений [Дюзенли 2016]. Межличностные отношения исследуются с точки зрения метасхем, регулирующих поведение человека как члена группы. Определяются оценочные характеристики взаимоотношений и вырабатываемые на их основе стратегии и аксиологические ориентиры [Фурс 2016б].

Концептуальные сферы СЕМЬЯ и СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ являются опытным знанием, которые признаны ведущими источниками в метафорическом моделировании концептов ПОЛИТИКА и ЭКОНОМИКА [Чудинов 2001: 78; 2003: 77]. Этот вывод подтверждается другими исследованиями политического дискурса [Иванова 2002; Красильникова 2005; Musolff 2004]. Отмечается, что прагматический потенциал сферы РОДСТВО в российском политическом дискурсе реализуется особенно активно по сравнению, например, с британским [Будаев 2006].

Именно на примере семейной метафоры было установлено свойство сферы-источника определять направление в развитии метафорических смыслов и выступать сценарием в дискурсе. Так, Дж. Лакофф выделяет

Модель Строгого Отца и *Модель Воспитывающего Родителя*, лежащих в основе американского политического дискурса [Lakoff 1996: 14-16, 283-321; Lakoff 2004].

В сфере-источнике СЕМЬЯ выделяются разные когнитивные сценарии. Например, у А. Мусолффа один из них называется СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ ГОСУДАРСТВАМИ — ЭТО БРАК (*COOPERATION BETWEEN STATES IS MARRIAGE*) [Musolff 2006]. На материале британского и французского дискурсов ученый исследует различные сценарии сферы-источника БРАК (*MARRIAGE*) в сопоставительном аспекте и утверждает, что сценарий ПАРТНЕРЫ В БРАКЕ (*MARRIED PARTNERS*) применим для любых двусторонних отношений [Musolff 2004; 2006: 34]. Т. Дурович и Н. Силаски доказывают, что сценарий *MARRIED PARTNERS* был использован в дискурсе о Брексите для упрощения понимания проблем между Великобританией и Евросоюзом [Đurović 2018]. Особая роль сферы-источника СЕМЬЯ в метафорических процессах аргументирована в работах в русле когнитивного переводоведения. Доказывается, что концептуальные метафоры этой сферы сохраняются на макроуровне перевода [Stienstra 1993].

Анализ метафорической модели ЛЮБОВЬ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ приводит Дж. Лакоффа к обнаружению глубинных механизмов концептуализации межличностных отношений [Lakoff 1980]. Исследование названной концептуальной метафоры в разных лингвокультурах утверждает существование и универсальных (сходных) аспектов метафорического познания, и культурную разницу в процессах метафорического расширения.

Межличностные отношения относятся к сложным и многогранным феноменам, регулярно производимым и воспроизводимым в повседневной реальности. Накопленный в лингвистике опыт позволяет утверждать, что данный тип отношений субъектов рассматривается сквозь призму следующих характеристик:

- эмоциональное переживание активной устремленности на объект отношений, а также избирательное отношение к нему, в отличие от

неизбирательного;

- абстрактный мыслительный конструкт, репрезентирующий соотнесение двух и более объектов без видимой связи между ними;
- опыт социального взаимодействия, предполагающий наличие социально-культурных ценностей, выработанных в процессе взаимодействий.

Эмоциональное переживание, направленное на другого, является основой определения межличностных связей в психологии и социологии [Бодалев 2011; Вайнер 2003; Душков 2005; Улыбина 2001]. Согласно теории В. Н. Мясищего, в отличие от обычных контактов и формального взаимодействия межличностные отношения избирательны и сознательны [Мясищев 2005]. Понятие *отношения*, «строго говоря, возникает там, где есть субъект и объект отношения» [Мясищев 2005: 6]. Нельзя относиться к кому-то или чему-то в общем. Свойства объекта существуют для всех, а действия и переживания, вызываемые объектом у разных людей, избирательны и различны [Мясищев 2005: 6-7].

Переживание *активной устремленности* на объект отношений вызывает эмоциональную насыщенность, которая может проявляться в привязанности, любви, симпатии и их противоположностях — неприязни, вражде, антипатии [Мясищев 2005: 8]. Межличностные отношения — результат потребности взаимодействия. Они имеют определенную, иногда неосознаваемую цель и мотив, ярко выраженный ментальный уровень, т. е. рефлексированы, анализируются, мысленно проигрываются и планируются. Избирательность действий и переживаний личности по отношению к другому выражается еще и в том, что среди всех социальных отношений человека наиболее осязаемыми и очевидными для него являются отношения в малом социуме — семье, кругу друзей, школе, на работе [Нартова-Бочавер 2001: 213]. В теории М. Бубера эта сфера опыта человека называется *Mitwelt*, или отношения Я–ТЫ. Эти отношения первичны (по сравнению с Я–ОНО), построены на чувствах и предполагают взаимность [Бубер 1993].

Межличностные отношения проявляются в определении *значения*

другого для себя, вследствие чего субъект выделяет кого-либо больше, чем просто как партнера по общению [Blau 1962: 42]. П. Блау исследует проблему «значимой направленности» в установлении межличностных связей. Так, например, брат не выбирает свою сестру, но решение проводить с ней больше или меньше времени зависит от его предпочтений. В указанном исследовании проводится различие оценки качеств личности (*evaluation*) и желания взаимодействовать с этой личностью (*interaction*), которое вызвано ожиданием удовлетворенности от взаимодействия.

Ключевой опорой осмысления межличностных отношений является *устремление* на субъекта, избранного из ряда подобных, то есть *мотивированное личностным переживанием выделение другого по отношению к себе*. Значимое устремление можно противопоставить выделению без личностного переживания, т. е. незначимому. Рассуждая так, мы опираемся на труды психологов, подчеркивающих способность субъекта различать изменение *значимого отношения* (устремленности, активной направленности) и *незначимого* [Бубер 1993; Карпенко 1985; Крысько 1999; Мясищев 2005; Blau 1962]. Такая позиция мотивирует нас предложить подход к исследованию смыслов о взаимоотношениях в ракурсе когнитивно-дискурсивного конструирования, а именно считать **концептуализацию значимого устремления на другого когнитивным событием соотношения**. Дадим соответствующие пояснения.

Термин *событие* давно стал элементом метаязыка научного описания с широкой сферой приложения в психологии и теории коммуникации. Осмысление *события* находится в центре различных философских систем. Так, для М. Хайдеггера это аспект сосуществования бытия и времени, определяемый человеком, который «внимает бытию, выстаивая в собственном времени, вынесен в свое собственное существо» [Хайдеггер 2001]. Он использует для события лексему *er-eignen*/ *происходить, случаться* от нем. *eraugen*/ *приближать к себе взглядом, присваивать*. Понятие *событие* конкретизируется формой *Das Ereignis* для обозначения возможности *всему*

быть самим собой, вы-своения, о-собления. Событие обособляет все, что приобретает бытийственное значение [Подорога 2001].

В лингвофилософии *событие* противопоставляется *факту*. Событие является онтологическим объектом, наряду с ситуацией, процессом, случаем. Факт – эпистемический объект, такой же, как мнение, суждение и т. д. [Арутюнова 1988: 103]. Факт восходит к логической абстракции и может характеризоваться свойствами реальности, гипотетичности, истинности, ложности и др. Событие имеет место, происходит, наступает в произвольной точке пространства-времени, а значит, предполагает свойства статичности, динамичности, градуированности, неградуированности, гомогенности, негомогенности, счетности, несчетности [Арутюнова 1988].

В данной работе мы основываемся на феноменологическом понимании события М. М. Бахтиным как события бытия, со-бытийности, которое фокусируется в понятии личности [Бахтин 1986: 80-60].

Под термином событие понимается обобщенный фрагмент среды, отражающий локализованное во времени и пространстве изменение, важность и уникальность которого отмечены социумом и индивидом [Беляевская 2016б; Заботкина 2017; Ирисханова 1997: 6; Кустова 1999]. Цель моделирования события видится в определении прототипной совокупности вызываемых вместе или вызывающих друг друга сущностей в комплексе их характеристик и соотношений. Фрагмент действительности, переживаемый как *значимое устремление одного субъекта на другого* и различимый на фоне незначимого восприятия, репрезентируется в ментальном конструкте, который мы обозначаем как «событие со-отношения». В его структуре распознаются два и более объекта в соотнесенности друг к другу.

Экскурс в психологию убеждает, что паттерны *со-отношения* между живыми объектами формируются уже в превербальном мышлении детей [Mandler 2014]. Согласно Ж. Мандлер, «охват» вниманием двух объектов без видимой связи между ними требует схематических интеграций и переосмыслений [Mandler 1984, 1992: 594-595]. В ее работе понимание

событий, не зависящих от действий или желаний субъекта и ответных реакций ребенка, формируется схемой СВЯЗЬ (*LINK*) от одного к другому и от другого к первому.

Легко заметить, что моделирование конструкта со-отношения выходит на уровень абстрагирования и переосмыслений. К настоящему времени сложилось два подхода в исследованиях способов концептуализации абстрактных понятий в значимых сферах опыта посредством образных переосмыслений.

Согласно первому, источником первичных концептуальных элементов в осмыслении абстрактного становится субъективный сенсомоторный опыт. Так формируется концептуальная метафора [Lakoff 1987]. Исследования нейрофизиологической структуры междоменных связей доказывают, что систематические и регулярные соответствия в концептуальных метафорах являются не случайными совпадениями, а обоснованы природой человека [Bryant 2008; Ekman et al. 1983; Meier 2004, 2006; Schmidt-Snoek 2015; Wilkowski 2009].

Направленность конкретной сферы-источника к сфере-цели определяется эмоциональным откликом на типичный опыт [Жаботинская 2011: 42; Grady 1997]. Плотные корреляции между различными аспектами феноменологического опыта (теплота и эмоциональная близость, тяжесть и напряжение) размыывают различие между ними на более высоком уровне когнитивной обработки. В результате возникают выражения *легкие и тяжелые обязанности* [Grady 1997]. Эмоциональные отклики есть характеристика того, что имеет значимость.

Субъективный опыт индивида определяет значимое событие и событие вообще. Так образуются первичные концептуальные соответствия, которые Дж. Грэйди называет примарными метафорами [Grady 1997]. Механизм метафоры соединяет исходные понятия (ощущение, содержащее образ) и первичные целевые концепции (сходство, счастье и достижение целей и пр.), не содержащие образа, но являющиеся эмоциональными ответами на

восприятие мира. Эмоциональная реакция определяет значимый аспект физического опыта. Далее на этой основе происходит когнитивное картирование мира.

В результате связь концептуальных сфер в метафорических проекциях приобретает особую направленность. Ориентируя смысл о трудностях сферой-источником с образной схемой ТЯЖЕСТЬ, говорящий создает **ограничение** на использование значений, описывающих легкость или закрепленных в языковом сознании как легких.

Согласно второму подходу, интерпретация важных явлений повседневной реальности в достаточной степени ограничена культурными моделями, то есть коллективными структурами знаний, разделяемыми большинством и усвоенными в готовом виде [D'Andrade 1990]. Так, для современных коммуникантов спор является в большей степени первичным опытом, чем представление о физическом конфликте. Выражение *сразить аргументом* восходит к культурно заданной метафоре СПОР – ВОЙНА [Holland 1982: 292-293].

Иными словами, говорящие активизируют определенные концептуальные метафоры, потому что им удобно их использовать. По словам Н. Куинн, некоторые репрезентации предопределены существующим культурным пониманием объекта [Quinn 1991]. В своем исследовании рассуждений американцев о браке она доказывает, что метафорические описания отражают, а не структурируют культурные идеалы брака. Тот или иной аспект отношений респонденты иллюстрируют образами на основе уже существующих моделей [Quinn 1991: 69-71]. Причина регулярности концептуальных соответствий в современной речи усматривается в приемлемости свойств и характеристик, зафиксированных в метафоре. Так, схематизация «брака» как объекта позволяет говорить о нем как о рукотворной вещи, хорошо или плохо сделанной, которая может развалиться [Holland 1982].

По нашему мнению, интеграция обоих подходов в анализе моделей

осмысления межличностных отношений как объекта речи позволит обнаружить ключевые принципы концептуализации абстрактного понятия и связать их с системой культурных ценностей.

Объект речи – это объект внеязыковой реальности, соотносимый механизмами референции с речевым знаком и концептуальной моделью на основе комплекса знаний участников коммуникации [Йокояма 2000; Падучева 1985]. Механизм референции осуществляет связь компонентов речевых высказываний с внеязыковой действительностью, ситуациями, событиями в индивидуальном и каждый раз новом их понимании говорящим. Референция является механизмом индивидуализации внеязыкового объекта, связывая его с тем речевым актом, о котором в нем сообщается [Гранева 2022; Падучева 1985; Jackendoff 1984].

Объекты референции могут быть экстенциональными (люди, предметы, животные, учреждения) и интенциональными (события, абстрактные понятия). Соответственно, в зависимости от доминирования денотативного или сигнификативного аспектов значения различается экстенциональная и интенциональная референция [Постникова 2000: 205]. Объектом интенциональной референции является обобщенная совокупность признаков и свойств.

Отталкиваясь от этого, считаем, что высказывания о межличностных отношениях содержат речевые средства, осуществляющие референцию к событию со-отношения как интенциональному референтному объекту.

Межличностные отношения как референтный объект могут быть означены по типу прямой номинации (*любовь, дружба, уважать, злиться* и т. д.), а также косвенной (производной или образной) номинации (*привязанность, мы охладели друг к другу*). Второй способ означивания определяется по-разному: названием нового с помощью уже названного [Телия 1996], переосмыслением существующего значения [Панина 2017], а также посредством интерпретации свойств других, уже названных объектов. В настоящей диссертации акцент делается на речевых средствах косвенной

номинации. Чтобы выделить состав элементов события со-отношения и их семантические роли, мы направляем внимание на речевые средства, которые позволяют восстановить модель репрезентации референта. К ним, например, относятся следующие. Ср.: *Я к маме сильно **привязана**. // **притягивать** взгляды // **узы** брака // **идти вместе** по жизни.*

Объединяя высказывания по принципу кореферентности одному объекту речи (межличностные отношения), мы получаем совокупность дискурсивных интерпретаций социально значимого феномена, производимых членами одной лингвокультурной общности.

Эти рассуждения дают основания предполагать, что анализ интерпретации *межличностных отношений* во французских, русских и казахских высказываниях может оказаться продуктивным для установления лингвокультурной специфики концептуализации события со-отношения, так как она отражена в типизированных моделях интерпретации, зафиксирована в семантике речевых средств, регулярно воспроизводимых представителями лингвокультуры в дискурсивных практиках.

Принципиально значимой для нас является мысль о взаимосвязи культурных моделей и концептуальных метафор, которая высказывается многими учеными-когнитивистами. Так, Дж. Лакофф и М. Джонсон указывают, что метафорическая проекция ЖИЗНЬ – ПУТЬ основывается на культурно-специфическом убеждении, что люди должны иметь цели в жизни и действовать для их достижения [Lakoff 1999: 60-73]. Проводя исследования этносов Южной Ганы, М. Киммел утверждает, что формирование первичных когнитивных схем опосредовано культурными практиками, а концептуальные и культурные модели находятся в диалектической зависимости [Kimmel 2005]. Например, в культуре этноса Анло-Эве схема БАЛАНС вырабатывается в процессе переноса поклажи на голове. Способ транспортировки становится моделью осмысления нравственной стойкости и психологического настроения. Данные метафоры в языке культуры Анло-Эве значительно разнообразнее, чем евро-американские аналоги [Kimmel 2005: 298-299].

Концептуальные модели приобретаются не в отдельных эпизодах, а на основе эмпирического совпадения многих контекстов, в совокупности составляющих социокультурную и лингвокультурную практику [D'Andrade 1990; Gibbs 2006, 2013; Hutchins 1980; Quinn 1991; Sharifian 2007; Tomasello 1999].

Не менее важной в рамках проводимой работы является идея о том, что регулярные метафоры предоставляют рационализированные образы. Рационализация – это психологический механизм, способ осмысления непонятного и запутанного через приемлемые для всех или для индивида факты [Кондаков 2003; Конюхов 1992]. Рационализированное предоставлено индивиду вместе с усвоением языка в значениях слов и стереотипах, поэтому оно оценивается как объективное. Рационализированный образ избирателен, так как в схематизации и стереотипизации представления он отражает лишь практически значимые для индивида реалии [Стернин 2008: 143]. Принимая такую позицию, полагаем, что регулярные метафоры демонстрируют рационализированные образы, культурно приемлемые и воспроизводимые членами лингвокультурного общества в процессах оречевления смыслов в дискурсе межличностных отношений.

Регулярная метафора предоставляет схему интерпретации. Так, военная метафора содержит представления о линии разграничения, поле битвы, сражении, зоне наступления или отступления. Эта схема актуальна для говорящих в конструировании смыслов об аргументах в споре вне зависимости от способа приобретения физического опыта [Donald 1991; Holland 1982: 292-293]. Добавим к этому, что приемлемость схемы в локальной коммуникативной ситуации предзадается социокультурными ценностями. В культурной практике, где нет линейных последовательностей, возможны другие метафоры, допускающие победы обеих сторон и их гармоничное взаимодействие (*спор – общее дерево, спор – танец* и т. д.). Схожие идеи высказываются в исследованиях метафоры ЖИЗНЬ – ОПЕРА в китайской лингвокультуре [Yu 2016], антропоморфных метафор английского

и китайского языков [Yu 2008], а также модели ГОЛОВА – ВАЖНОЕ в английской и баскской лингвокультурах [Ibarretxe-Antuñano 2013].

В высказываниях о выросших детях, которые продолжают пользоваться помощью родителей, в русской лингвокультуре регулярно используется метафорическое выражение *они сидят на шее у родителей*, во французской — *ils vivent au crochet de leurs parents* (букв. *живут на крючке*). В обоих примерах второй участник со-отношения интерпретирован схемой ОБЪЕКТ. В высказывании на русском языке объект сохраняет статические характеристики. Во французском – он *лишен* динамических характеристик. *Crochet/ крючок* — *instrument recourbé, souvent pointu, servant à fixer* (закругленный инструмент, часто острый, служащий для фиксации) [CNRTetL: <https://www.cnrtl.fr/definition/Crochet>]. Предоставляя говорящему схему для интерпретации материальной несамостоятельности детей, русское выражение конструирует ОБЪЕКТ на фоне значимости статических характеристик (*сидеть*, ср. противоположное значение *слезть с шеи*, стремление к статике положения) и акцентирует незрелость детей, а также обременение родителей. Высказывание на французском языке сконструировано на фоне значимости динамических характеристик. Сильнее выделяется зависимость от родителей и контроль родителей над детьми: находясь *на крючке*, человек не имеет возможности самостоятельно перемещаться. Ср.: *ата-ененің қолында тұру/ жить вместе с родителями* (букв. *жить в руке родителей*). В высказывании на казахском языке динамика и статика объекта отношений нивелируется. Акцентируется вовлеченность взрослых детей в повседневные действия родителей.

В реконструкции моделей интерпретации со-отношения в высказываниях на французском, русском и казахском языках нам важно не утверждение ценности того или иного аспекта сферы социокультурного опыта, а **выявление конфигураций знаний, сформировавшихся в дискурсивных практиках и ставших частью общего знания лингвокультурного сообщества.** Для достижения данной цели необходимо

ответить на следующие вопросы:

1. Какие концептуальные аспекты, выделенные говорящим, определяют *онтологию* со-отношения как объекта речи?
2. Каковы *инварианты*, ориентирующие интерпретацию?
3. Значимость каких качественных характеристик референтных сцен задается инвариантом?
4. Как реализуется интерпретирующий потенциал инварианта в оречевлении смыслов о межличностных отношениях?
5. Какие *социальные идеи и представления* предопределяют контекст смыслов о взаимоотношениях?
6. Какие фрагменты общего знания получают актуализацию в высказываниях о взаимоотношениях?

По нашему мнению, выделение инвариантов интерпретации и систематизация их проявлений позволит изучить предопределенность межличностных отношений общекогнитивными и дискурсивными условиями выбора речевого знака, т. е. раскрыть содержательную специфику категории диспозитивности.

2.2. Общие и частные методологические принципы исследования диспозитивности дискурса

В настоящем разделе обсуждаются методологические принципы, методы и методика анализа диспозитивности дискурса. Его основная цель заключается в определении **места предлагаемой в работе концепции в структуре лингвистического знания.**

2.2.1. Методологические принципы исследования диспозитивности

Принципы очерчивают круг смежных актуальных теоретико-методологических положений, с которыми соотносятся проблема и гипотеза

данного исследования.

Методологический принцип – нормативная координата методологической парадигмы исследования, или ценностный ориентир, позволяющий не «заблудиться» в паутине смысловых пространств [Пивоев 2013: 53]. В отличие от постулатов и гносеологических предпосылок, которые условно принимаются как неоспоримые, принципы нуждаются в обосновании и должны быть доказаны экспериментальным путем [Дзюба 2016]. Поэтому методологические принципы позволяют обозначить стратегические ориентиры рассматриваемой проблемы и критерии эффективности результатов ее решения.

Принципы методологии исследования, приводимые ниже, призваны связать в единую систему аналитические инструменты, методы и приемы, необходимые для анализа диспозитивности дискурса.

Принцип когерентности контекста. Зиждется на том, что сегмент знания, репрезентируемый высказыванием, обладает свойствами содержательной слитности и связанности, то есть когерентностью. Когерентность – междисциплинарный термин, востребованный во многих научных сферах, от теории текста до теории информационных систем. Под когерентностью понимается упорядоченное и согласованное функционирование большого числа внешне разнородных элементов системы, несводимое к их индивидуальным свойствам [Пригожин 1986; Шевлоков URL]. В когнитивной науке когерентизация – процесс, предполагающий многоуровневый синтез, преобразующий концептуальные структуры в целостные ментальные модели. Когерентность является следствием одновременного осмысления и согласования разнообразного материала гештальтным способом [Talmy 2000: 64-66]. По утверждению Л. Талми, в когерентизации заключается основная функция схем, заложенных в языковых значениях [Talmy 2000: 87].

Вводя в методологию исследования принцип когерентности, мы акцентируем внимание на определении общей логики когерентизации

моделируемых конструкторов. *Элементы, выделяемые в пределах одной модели, должны быть совместимы, а их признаки, свойства и проявления согласованы друг с другом.*

Принцип целостности концептуального содержания. Основывается на том, что общая программа развертывания высказывания предопределена единообразием гештальтного восприятия, элементы которого в условиях контекста подлежат репрезентации речевыми средствами [Лакофф 2004: 71-72; Фурс 2010: 90]. Вследствие этого некоторый набор концептуальных элементов репрезентируется совместным образом или один элемент автоматически активирует другой [Talmy 2000: 59-60]. Семантика речевого средства фиксирует модель, которую говорящий выбирает из потенциальных для интерпретации. Данная идея находит воплощение в ряде концепций, использующих в качестве центральных такие понятия, как событийный фрейм [Болдырев 2000; Минский 1979; Яноу 2011; Talmy 2000], агенсно-пациенские отношения [Лакофф 1981; Givon 1990], концептуальный архетип [Langacker 2008: 34; McDowell 2001], схема универсально-предметного кода [Глухов 2005: 232-237; Жинкин 1964, 1982], глубинный падеж [Fillmore 1971], когнитивная «сетка» отношений [Halliday 1993], когнитивная траектория дискурсивизации [Плотникова 2013].

Вводя в исследование принцип целостности, мы утверждаем существование в содержании высказывания профилированных и «затемненных» концептуальных аспектов образного представления. Так, Дж. Лакофф отмечает, что во фразах *Брут убил Цезаря*, *Джон ударил по мячу* лексически не выражено использование руки для удара по мячу и инструмента убийства. Без специальных уточнений эти элементы подразумеваются культурно-специфичной конфигурацией понятий в соответствующей концептуально-тематической сфере, где есть знания о способах убийства и манипуляциях с мячом, сформированные в соответствующих культурах [Лакофф 1981].

Следование принципу целостности позволит выявить взаимосвязь элементов, первоначально «схваченную» в образе, в других конструкциях и репрезентациях. В этом мы следуем идеям Р. Лангакера о том, что концептуальный архетип обеспечивает основу для структурирования опыта и применения тех же операций к другим понятиям [Langacker 2008: 34]. Его содержание – набор репрезентаций о типичном положении дел (прототипическая ситуация) и схема, применимая для тех же операций к другим понятиям [Brown 2006; Langacker 2009: 82-84]. Например, прототипом архетипа *владения* является представление об объективной ситуации, когда обладатель активно контролирует объект владения (физически или социально), имеет доступ и т.п. (например, *мое перо*). Объективная взаимосвязь обладателя и объекта в виде схемы принадлежности распространяется на все примеры. Субъективное представление об активном контроле обладателя присутствует всегда, когда есть принадлежность [Langacker 2009: 81-85].

Принцип иерархичности концептуальной структуры. Основывается на утверждении о том, что, передавая опыт, говорящий его структурирует [Croft 2004: 40]. Любое концептуальное содержание является результатом схематизации и перекодировки знаний [Кнох 2003: 55]. Следовательно, модель события со-отношения должна состоять из элементов, и ее отдельные аспекты могут быть представлены в абстрактных схемах.

Содержание речевого знака есть результат интеграции различных структур когнитивной системы. Например, максимально обобщенная и простая когнитивная схема CONTAINMENT (удержание) может быть задействована в конструировании и развитии множества смыслов. В высказываниях о заботливых родителях этот паттерн станет частью смыслов о поддержке, в разговорах об авторитарных родителях схема способствует активации моделей силы, ограничения и отделения [Кнох 2003: 65-66]. Принцип иерархичности дает основание считать глубинную схему CONTAINMENT *общекогнитивным условием* интерпретации, определяющим

онтологию объекта речи в высказываниях о родителях.

Методологическим следствием принципа иерархичности становится обнаружение в аналитически выделенной модели схем более абстрактного уровня концептуальной иерархии (вплоть до максимально обобщенных паттернов базовой онтологии).

Принцип интеграции дискурсивного и культурного знаний. Обоснован положениями культурной лингвистики Ф. Шарифиана [Sharifian 2008, 2017], концепцией познавательной экосистемы Э. Хатчинса [Hutchins 2014], а также многочисленными выводами о связи дискурса и культуры [Казыдуб 2006; Карасик 2013 и др.], а также специфике лингвокогнитивной категоризации [Дзюба 2016]. Субъект формирует дискурс, он аргументирует, планирует свои действия и приписывает действия другим, основываясь на «культурных кодах», или, другими словами, правилах, как конструировать утверждения [Hutchins 1980: 121]. Это касается не только предрасположенности к выбору способа репрезентации объекта, но и набора процедур логических выводов для оперирования этими репрезентациями. Базовые онтологические установки, обуславливающие дискурсивные шаблоны, сформированы в культурной среде [Hutchins 2014]. Все, что значимо для смыслообразования и оречевления, включая идентификацию речевых объектов, представления о приемлемости ведения коммуникации, допустимости одних смыслов и значений и недопустимости других, сформировано в культурной среде [Glenberg 1997; Grady 1999; Holland 1987; Kövecses 2000, 2002, 2018]. В результате чего каждое новое выражение конструируется по моделям, конгруэнтным культурной логике. Так, в высказываниях на русском языке *наш папа у нас, сыночек у меня* использованы местоименные формы, отсылающие к схеме ОБЛАДАТЕЛЬ / ОБЪЕКТ ВЛАДЕНИЯ. Они дополнительно акцентируют посессивность (лексемы *папа* и *сын* уже имеют сему «родственность» по отношению к говорящему). Дублируя элементы смысла, они указывают на сегменты общего знания, релевантные для смыслов о близких родственниках в русской

лингвокультуре.

Следуя принципу интеграции дискурсивного и культурного знаний, мы предлагаем **рассматривать избыточные элементы или причинно-следственные пробелы в содержании высказывания как проявление культурно-специфичной логики осмысления объекта речи, воплощенной в конфигурации контекста.**

Принцип интеграции дискурсивного и социального действия. Основанием его введения является теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса. Для нас, в частности, важна мысль ученого о том, что форма сообщения «ориентируется» на взаимодействие коммуникантов, а смысл – на достижение понимания [Хабермас 2000]. Дискурс выступает медиатором, формирующим представления о мире, и сам является социально структурируемым феноменом [Fairclough 1989; Wodak 2006].

Методологическим следствием данного принципа становится установка на анализ модели высказывания как конфигурации знаний, созданной «для других». Индивидуальные контексты выступают способом профилирования актуальных аспектов на фоне общеизвестной и типизированной последовательности событий. Ср.: *Анам бірден барлық туган-туыстарына телефон шалып, сүйінші сұрап./ Мама сразу же начала обзванивать всех родственников, просить сүйінші (сүйінші/ подарок за радостную весть).* Так, в данном высказывании на казахском языке анализу подлежит не приверженность говорящего обычаям и традициям группы, а экспликация ритуального действия. Лексема *сүйінші* акцентирует значимость известия о женитьбе. В приведенном примере говорящий стремится объяснить, насколько серьезно родители отнеслись к решению сына.

2.2.2. Методы анализа диспозитивности и терминологический аппарат исследования

Методология настоящего **исследования** следует принципу научной преемственности. Терминологический аппарат и конкретные процедуры анализа диспозитивности формируются в системе современных разноуровневых методов — от философско-общелогических к частным.

Анализ позволяет исследовать *дискурс объекта* (дискурс межличностных отношений) как целостный конструкт в аспекте составляющих его абстрактных структур (инвариантов), разложимых на части (моделей события), реализующихся во множестве вариантов (референтных сценах). Гносеологическим фундаментом трактовки дихотомии «инвариант / вариант» как сущности, постигаемой через вариации, непосредственно данные органам чувств, служат идеи Э. Гуссерля, Л. Витгенштейна. **Синтез** способствует определению элементов аналитического конструкта (образных схем) в речевых контекстах и позволяет восстановить систему когнитивных и лингвистических ресурсов в дискурсе объекта.

Особое место в методологии исследования занимает **интерпретация** как фундаментальная философско-познавательная операция, заключающаяся в осмыслении аналитического конструкта одной абстрактной теории (философское понимание диспозитивности) в предметной области другой (дискурсологии). **Интерпретативный анализ** также дает возможность считать, что дискурс объекта в целом и речевые знаки, в частности, локализованы в лингвокультурной среде речевых взаимодействий, а не в физическом пространстве и времени. Введение в анализ **диалектического метода** позволяет исследовать коммуникативную ситуацию в логике свободы и ограничений, создаваемых дискурсом, а также подчеркнуть двуединство его свойств (уникальность и регулярность, интенциональность и конвенциональность, значимость и релевантность). **Доказательство и аргументация** призваны способствовать достаточному обоснованию

выдвигаемых утверждений. **Обобщение** приводит к выделению значимых конфигураций и релевантных сегментов знаний в анализе контекстных моделей. **Объяснение** представляет способ убеждения в рациональности выявленных феноменов. **Определение** фиксирует результаты умозаключений в виде терминов и формулировок. **Сопоставление** и **сравнение** необходимы в установлении конфигурации знаний и логических пробелов для аналитических выводов о социокультурных конструктах, т. е. познавательных координатах порождения смыслов, очевидных для представителей лингвокультуры и интегрированных в механизмы языкового сознания посредством дискурса.

Общенаучные методы эмпирического, теоретического и метатеоретического уровней познания применяются в работе следующим образом. Основным эмпирическим методом является **наблюдение**, направленное на получение достоверных речевых примеров-контекстов и выявление способов репрезентации смыслов о межличностных отношениях в трех лингвокультурах с систематизацией повторяющихся примеров. В ряду теоретических общенаучных методов основным становится **метод моделирования**, позволяющий сконструировать регулярно наблюдаемые свойства речевых знаков в аналитическую модель – категорию диспозитивности дискурса – и посредством описания этой модели раскрыть предзаданность дискурсивного процесса. Применяя метод моделирования, мы следуем принципам наглядности и определенности. В работе используются элементы **аксиоматико-дедуктивного метода**: утверждения о единстве языка и культуры, а также дискурсивности познания принимаются в качестве постулатов. Метатеоретический уровень представлен **методом рефлексии**, направленным на осмысление продуктивности выделенной категории анализа дискурса (диспозитивности) и адекватности процедур и инструментов предлагаемой методологии ключевым задачам дискурсологии.

Частнонаучные методы, включенные в данное исследование, отражают социо-гуманитарную основу работы и нацелены на понимание

дискурса как социальной и лингвокультурной реальности, созданной речевыми взаимодействиями. Поэтому **метод герменевтического анализа** обеспечивает интерпретацию высказываний и их контекстов не изолированно, а как фиксированный результат взаимодействия языкового сознания и лингвокультурной среды. Высказывание – результат знаково-символической деятельности не только субъекта, но и всех участников коммуникации.

Дисциплинарные и частнодисциплинарные методы определяются установками когнитивно-дискурсивной парадигмы. **Многофакторный анализ объекта** исследования с точки зрения его роли в осуществлении познавательных и коммуникативных процессов состоит в соотнесении фактов языка и форматов знания, погруженных в контекст коммуникативной ситуации и лингвокультуры. Исследование диспозитивности как содержательной категории, раскрывающей интерпретирующий феномен дискурса, интегрирует методики, приемы и процедуры, связанные с изучением языковых репрезентаций и их результатов – знаний. Базовыми являются **методики концептуального и контекстуального анализа** в сочетании с **сопоставительным методом**, а также **лингвокультурологическое описание**. Использован **метод метафигурирования**, апробированный в работах Л. А. Фурс. Он заключается в проецировании характеристик целого на возможные конфигурации элементов [Фурс 2004, 2011, 2012: 247, 2017; Пименов 2011; Плотникова 2006; Dror 2006]. **Метод культурного комментария** позволил элиминировать смысловые лакуны и определить наиболее значимый для говорящих компонент содержания высказывания. С целью верификации полученных моделей и их взаимозависимостей была использована методика психолингвистического **эксперимента**: метод неструктурированного опроса и **переводческий эксперимент**.

Предлагаемая методология когнитивно-функционального исследования диспозитивности как категории дискурса предполагает использование определенного **терминологического аппарата**, адекватного для достижения поставленной цели:

Диспозитивность – категория дискурса, упорядочивающая проявления его интерпретирующей природы – обусловлена свойствами речемыслительной деятельности (интенциональностью и конвенциональностью) и ограничениями, накладываемыми контекстом на ее протекание. Гносеологической основой категории выступает изоморфизм лингвокультуры – моделей интерпретации – дискурса. Дискурс представляет собой рамочное пространство, включающее условия осмысления объектов речи в сфере человеческого опыта, которые задают и ограничивают ракурс их «видения». Диспозитивность определяется и ограничивается общекогнитивными и дискурсивными условиями выбора говорящим модели и речевого средства интерпретации.

Инвариант – минимальный набор необходимых, системно организованных и схематизированных элементов концептуального содержания, неизменно сохраняемых в моделях, ориентирующих интерпретацию. Инвариант отвлечен от конкретных реализаций и задает ключевое направление оречевления. Сложные явления могут исследоваться как имеющие несколько инвариантов. Инварианты, сосуществующие в рамках одной модели, описывают разные ее аспекты.

Варианты – реализации инварианта, которые отличаются друг от друга по форме и по содержанию. Анализ средства интерпретации как варианта основан на презумпции о существовании других решений смысловых задач с помощью речевых средств.

Дихотомия «инвариант — вариант» позволяет смоделировать общность, заданную инвариантом, свойства которого остаются константными, несмотря на вариативность проявлений в семантике речевых средств.

Дискурс объекта – система когнитивных и лингвистических ресурсов интерпретации, эксплицированная во множестве кореферентных высказываний в разнородных дискурсивных практиках, конституирующих определенный социокультурно значимый феномен внеязыковой реальности.

Диспозитивность дискурса объекта представляет фундаментальную характеристику дискурса *регулировать* локальное коммуникативное взаимодействие через предопределение видения объекта речи в сфере социального опыта за счет конфигураций моделей и знаний, регулярно воспроизводимых в дискурсивных практиках.

Речевой знак / высказывание – оперативная единица дискурса, воплощающая уникальную смысловую версию об объекте речи, предназначенную «для других». Устанавливает актуальную связь между объектом речи, семантическим компонентом и личностным смыслом [Иванов 2017; Федулова 2019].

Контекст – актуальное концептуальное содержание высказывания, результат субъектной интерпретации пространственно-временных, социокультурных, коммуникативно-конвенциональных характеристик, релевантных ситуации [Dijk 2008: 16]. **Конфигурация контекста** представляет собой ментальный комплекс из знаний, актуализированных семантикой речевых средств и релевантных коммуникативной ситуации. Она основана на понимании говорящим эксплицитных и имплицитных аспектов содержания. Адаптирует высказывание к коммуникативной среде.

Общее знание – знание, разделяемое представителями лингвокультуры, которое формируется вместе с социальным феноменом, является общеизвестным для участников коммуникативного акта, регулярно воспроизводится в дискурсивных практиках, прослеживается на уровне совокупности содержательно однородного речевого материала в регулярных конфигурациях контекстов высказываний об объекте речи, связанных с социальным феноменом.

Интерреляция – ментальный конструкт, репрезентирующий значимое устремление одного субъекта на другого и ожидание ответного устремления.

Концептуальные векторы – качественные характеристики референтных сцен, заданные моделью ориентирования и предопределяющие аспекты содержания, значимые для профилирования актуального смысла.

Описание концептуальных векторов инварианта позволяет выделить его свойства, воспроизводимые во множестве вариантов.

Социокультурный конструкт – познавательная координата производства высказываний, которая складывается вместе с формированием социальных идей и по мере необходимости интегрируется в дискурсивные условия интерпретации. Социокультурные конструкты, релевантные дискурсу межличностных отношений, аккумулируют идеи о ценностном отношении к личности и ее проявлениям, обуславливают востребованность того или иного инварианта интерпретации в высказываниях о межличностных отношениях.

Скрипт дискурса объекта – инферентные компоненты контекста, регулярно возникающие в высказываниях об объектах речи сферы социального опыта. Они представляют собой негласные допущения о причинно-следственных связях, обеспеченные общим знанием и ценностными установками, сложившимися вместе с социокультурно значимым феноменом. Скрипты выступают условиями истинности смысловых версий об объекте речи.

Код субъективной позиции – множественные речевые средства, сложившиеся в дискурсивных практиках, маркирующие убеждение говорящего в ценности тех или иных морально-этических установок для высказываний об объекте речи.

2.2.3. Методика когнитивно-функционального анализа категории диспозитивности

Предлагаемая в диссертации методика **когнитивно-функционального анализа категории диспозитивности** дискурса вырабатывается на основе следующих рассуждений.

1. Говорящий обладает свободой выбора способов и средств интерпретации смысла. Степень свободы определяется его интенциональностью, пониманием ситуации общения, знанием и мнением о

предмете речи, эмоциями, представлениями о мире и об общих знаниях и желаниях других участников и т. д. В контексте коммуникативной ситуации происходит интерпретация объекта речи. Говорящий совершает оречевление. Чтобы выделить аспект ситуации, он выбирает речевые средства согласно схеме, заложенной в их значении. При этом говорящий ориентируется на принятые способы коммуникации. Он интерпретирует объект речи, используя ресурсы, предоставленные ему дискурсом как средой речевых взаимодействий.

2. Всякое высказывание не отражает объект речи, а интерпретирует его моделью, воплощаемой в речевых знаках. Модель интерпретации не обладает воспроизводимостью, но производится в конкретной коммуникативной ситуации (создается говорящим в речевом акте). Речевое средство является результатом выбора из возможных лингвистических ресурсов, усвоенных благодаря предшествующему опыту.

3. Референтная сцена речевого знака предзадана онтологией объекта. Она определяется ракурсом «видения» говорящего и конфигурацией контекста коммуникативной ситуации. Абстрактные феномены или идеи имеют онтологию, созданную дискурсивно и регулярно воспроизводимую говорящими субъектами повторяющимися речевыми формами. Референтная сцена обладает свойствами когерентности, целостности и иерархичности концептуального содержания. Она интегрирует дискурсивное и культурное знание об объекте речи.

4. Высказывания об объектах речи, отсылающие к одному социальному феномену, представляют собой совокупность фактических речевых знаков, конституирующих этот феномен представителями одной лингвокультурной общности. Индивидуальные интерпретации объекта речи имеют сходства и различия в качестве референтных сцен. Систематизация сходных элементов сцен восстанавливает когнитивную топологию модели события, задающей концептуальные векторы развития смысла. Анализ регулярно воспроизводимых элементов сцен приводит к выделению нескольких

инвариантов. Инвариантные модели события рассматриваются как общекогнитивные условия диспозитивности, значимые для конструирования смыслов о явлении или феномене.

5. Для решения коммуникативной задачи в новой коммуникативной ситуации речевой знак производится на основе языковых средств, имеющихся в распоряжении представителей лингвокультуры. Выбор определенных ресурсов для выражения мнений о социальном феномене свидетельствует том, что речевой знак обладает значимостью. Предпочтение одних речевых средств другим основывается на субъективном опыте прежних речевых взаимодействий и неотделимо от регулярности дискурса и закономерностей лингвокультуры. Ориентирование говорящего в выборе речевого средства происходит в дискурсивной среде под влиянием лингвокультуры. Семантика речевого средства предзадана конфигурацией контекста. Последний, в свою очередь, создается говорящим согласно представлениям о допустимости, значимости одних и недопустимости, незначимости других смыслов и значений.

6. Сегменты общего знания об объекте речи, регулярно возникающие в контекстах, позволяют изучить речевую реализацию диспозитивности. Наблюдаемые контексты являются интерпретациями объекта речи, допустимыми дискурсом и лингвокультурной средой. Регулярно производимое содержание, типизированное в речевых формах, ориентировано знаниями об объекте речи, сформированными под влиянием социальных и культурных идей. Конгруэнтность речевого знака лингвокультуре предзадана дискурсивными условиями диспозитивности.

7. Участники дискурса обладают общими знаниями о ситуации общения, социокультурных идеях и ценностях. Это избавляет их от необходимости эксплицировать известное. В пределах референтной сцены *актуальное* выделяется на фоне значимого. Анализируя выделенность тех или иных участков сцены и обобщая конфигурации фонового содержания в кореферентных высказываниях, можно восстановить социокультурные

конструкты – дискурсивно выработанные познавательные координаты осмысления объекта речи. Моделируя значимое, мы устанавливаем предопределенность индивидуальных интерпретаций объекта речи социокультурным конструктом.

8. Говорящий свободен в выражении мнений об объекте речи, но, производя высказывание, он выбирает *речевое средство из потенциально возможного лингвистического репертуара*. Некоторые ракурсы осмысления объекта речи поддерживаются и закрепляются в метафорах, идиомах, дискурсивных формулах. Языковые средства позволяют конструировать смыслы экономично, без экспликации общих социокультурных ценностей. В иных ситуациях говорящий конструирует индивидуальный контекст. Он уточняет и детализирует аспекты смысла, эксплицирует причинно-следственные связи. Знание, которое является общеизвестным, имплицитно, являясь фоном для акцентирования значимого. В результате общеизвестное ориентирует и ограничивает содержание высказывания. Следовательно, при сопоставлении дискурсов одного объекта в разных лингвокультурах целесообразно обратиться к понятию скриптов – негласным установкам, правилам и допущениям, которые делают индивидуальные высказывания конгруэнтными общим идеям.

9. Анализ высказываний об объекте речи в разных лингвокультурах свидетельствует о двух типах диспозитивности дискурса объекта: общекогнитивной, или заданной инвариантами интерпретации, и дискурсивной, сформированной регулярными явлениями дискурса. Число инвариантных моделей и их концептуальные рамки предопределены универсальными когнитивными свойствами языкового сознания. Лингвокультурная специфика моделей интерпретации возникает под влиянием социокультурного конструкта, релевантного для дискурса объекта в определенной социо- и лингвокультурной общности.

10. Анализ категории диспозитивности обнаруживает лингвокультурную специфику дискурса объекта. Она проявляется в

концептуальных векторах референтных сцен, культурно-специфичных метафорических проекциях, скриптах и сложившимся в определенной лингвокультуре дискурсивном коде субъективной позиции. Конфигурационные параметры общекогнитивных условий вступают в диалектическое единство с дискурсивными.

Итак, термином *диспозитивность дискурса* мы обозначаем два аспекта предопределенности интерпретации объекта речи: инвариантами, сформированными в дискурсивных практиках, и контекстом из общих знаний коммуникантов как представителей лингвокультурной общности.

На основании представленных теоретико-методологических установок нами разработана комплексная **методика исследования категории диспозитивности**, которая применяется к анализу предопределенности выбора способов и средств интерпретации *межличностных отношений* во французских, русских и казахских высказываниях. Она предполагает поэтапное изучение диспозитивности в следующих аспектах:

- **вариативно-репрезентативный аспект** анализа (из чего складываются общекогнитивные условия интерпретации) нацелен на выделение инвариантов интерреляции, ориентирующих содержание высказывания о межличностных отношениях;

- **семантико-когерентный аспект** (как общекогнитивные условия предопределяют конфигурацию события со-отношения в высказываниях о межличностных отношениях) направлен на анализ референтных сцен, ориентированных инвариантом, и позволяет конкретизировать представления о константных характеристиках, воспроизводимых во множестве вариантов;

- **эпистемически-референтивный аспект** (чем предопределены дискурсивные условия интерпретации смыслов о межличностных отношениях) выявляет лингвокультурную специфику моделей интерреляции;

- **психолингвистический аспект** (как контексты высказываний отражают специфику языкового сознания) исследует модели интерреляции в высказываниях представителей разных лингвокультур.

Вариативно-репрезентативный и семантико-когерентный аспекты раскрывают общекогнитивные условия диспозитивности. Эпистемически-референтивный и психолингвистический аспекты исследования обнаруживают дискурсивные условия, существующие для говорящего в силу взаимообусловленности дискурсивной среды и лингвокультуры.

2.3. Анализ общекогнитивных условий диспозитивности

В данном разделе речь пойдет об аналитических инструментах, позволяющих установить инвариантные модели со-отношения как объекта речи, выявить их концептуальные векторы, а также определить способы описания когерентности референтных сцен.

2.3.1. Моделирование инвариантов: референтная сцена, событие, модель события

Для моделирования инвариантов интерпретации межличностных отношений необходимо прежде всего разграничить понятия референтной сцены и события.

Реальное или мыслимое положение дел (денотативная ситуация) репрезентируется в гештальте определенного концептуального содержания – сцене [Гак 1998; Падучева 2004]. Сцена — когнитивное понятие, трактуемое как совокупность элементов в представлении говорящего, служащее референтом высказывания и концептуальной основой семантики речевых средств [Колесов 2008; Огнева 2016]. *Референтная сцена* членит континуум действительности (реальные события, действия, состояния) на типизированные фрагменты. Через референтную сцену осуществляется связь между высказыванием о мире, самим миром и его репрезентацией в сознании говорящего. Существенными свойствами сцены является цельность, уникальность, а также ограниченность объемом внимания и объемом памяти.

Событие – отраженная в сознании динамическая система взаимосвязанных общих и существенных параметров (признаков) некоторого однородного класса сцен. Событие как когнитивно-семантическая структура формируется на базе сцен, имеющих совпадающие общие и существенные признаки [Шабес 1989:15-17]. **Событие и сцена соотносятся между собой как инвариант и вариант данного инварианта, репрезентируемый говорящим в коммуникативной ситуации.**

Организация референтной сцены определена фокусом внимания концептуализатора на границах, очертаниях, объектах, участниках и их характеристиках.

В когнитивной науке разработан и описан ряд систем анализа конфигурации концептуального содержания в пределах референтной сцены. К ним относятся следующие: а) система распределения внимания, или фокус внимания [Talmy 2000: 257]; б) динамика сил (force dynamic) [Talmy 1988, 2000: 407]; в) перспектива и процесс перспективизации [Graumann 1989, 1998, 2002; Langacker 1991b: 61; Linell 2002; Stutterheim 2002].

В акте конструирования концептуализатор осуществляет разделение референтной сцены на сущности, определяет их характеристики и перемещения относительно друг друга и границ сцены [Talmy 1996, 2000: 225; Tomlin 1995]. Сущности могут осмысляться как находящиеся в состоянии единственности и множественности, иметь пределы или затемненные границы расположения. Сама сцена может иметь осевую ориентацию, очертания, протяженность и т. д. Обобщение выделяемых аспектов референтных сцен, активируемых кореферентными высказываниями, позволяет свести эти характеристики к ограниченному набору и определить существенные признаки, указывающие на *модель события*.

В когнитивной семантике обсуждаются следующие способы анализа события, репрезентируемого в сознании субъекта в виде концептуального конструкта, или **модели события**.

По мнению Дж. Лакоффа, существует две концепции структуры

события (Event Structure), отвлеченные от конкретных реализаций [Lakoff 1992]. Ученый указывает на то, что каждая структура реализуется в системе метафорических переносов. СОБЫТИЕ – это МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ (т. е. область, ограниченная в пространстве) охватывает следующую систему концептуальных соответствий: *изменения* – перемещения (*в* или *из* ограниченных областей), *причины* – это силы, *действия* – движения, *цели* – это направления и т. д. На этой опоре развиваются метафорические проекции КАРЬЕРА – ПУТЕШЕСТВИЕ (*достиг признания*), ЛЮБОВЬ – ПУТЕШЕСТВИЕ и др.

Другая структура разворачивается по модели СОБЫТИЕ – ОБЪЕКТ [Lakoff 1992: 22-23], например, *получил признание*. Актуализируется иная система выводов: *свойства* – это владение объектом, *изменения* – это перемещения от владельца к владельцу, *причины* – это силы, осуществляющие контроль над перемещением. В осмыслении сложных многоаспектных явлений, таких, как *любовь* или *жизнь*, могут функционировать модели разносистемного происхождения. Ср.: *он жаждет успеха* (субъект стремится к владению объектом, СОБЫТИЕ – ОБЪЕКТ) и *путь к успеху* (субъект движется к объекту в пространстве, СОБЫТИЕ – МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ).

Во многих работах универсальными считаются только эти две структуры события. Позже Дж. Лакофф упоминает еще об одной структуре события, называя ее *естественной причинностью* (*natural causation*). Эта структура характерна для пассивных конструкций [Lakoff 1999: 213]. Ср.: *a problem has arisen in Bosnia/ Проблема возникла в Боснии*. Агент действия не определен, и процесс объясняется некоторым общим положением дел в окружающем мире.

Ключевым отличием третьей структуры является иное понимание линейности в причинно-следственных связях. Линейность не обязательно сводится к метафоре ПРИЧИНА – СИЛА (событие происходит в следствие какой-то причины) или к какой-либо другой простой схеме. Идея о существовании бесконечного количества соответствий между причиной и

следствием делает невозможным выделить одну. Например, можно предположить, что *событие* наступает за счет непрерывной подачи энергии (ср.: *Как-то сразу все хорошо сделалось.*) или сущность претерпевает физические изменения. Причинно-следственные связи могут быть осмыслены как природный или социальный процесс. Ср.: *Отношения развиваются. // Цены растут.*

В метафорическом осмыслении событий сфера физического опыта проецируется образными схемами. Образные схемы – фундаментальные, максимально абстрагированные и поэтому простые паттерны, воплощающие опыт перцептивного восприятия среды и кинестетических состояний [Bottineau 2011; Clausner 1999; Code 1980; Francisco 1991; Johnson 2015; Lakoff 1987, 1989; Maturana 1978, 1980; Merleau-Ponty 1945; Varela 1993; Wilkowski 2009]. Образные схемы интегрируют несколько сенсорно-моторных модальностей [Johnson 1987: 24-25; Lakoff 1987: 267].

Количество простых паттернов невелико (27 схем у М. Джонсона, например, КОНТЕЙНЕР, ПУТЬ, ЦЕНТР – ПЕРИФЕРИЯ, БЛИЗКО – ДАЛЕКО, ЛИНИЯ и др.). Это гибкие структуры, лишенные определенного содержания, но за счет своей доконцептуальной природы образные схемы всегда активируются в обобщении, структурировании и перекодировке нового, в том числе, не-телесного опыта [Hedblom 2015; Johnson 1991, 2012; Lakoff 1987: 453]. По мнению Дж. Лакоффа, базовая логика образных схем запускает прогнозирующий эффект, формируя причинно-следственные связи контекста [Lakoff 2014: 8], что, вероятно, позволяет метафорически осмысливать все абстрактное (например, если состояние метафорически понимается как КОНТЕЙНЕР, то сразу предполагается, что из него можно выйти и в него можно войти).

На самом высоком уровне абстракции прототипное представление события со-отношения двух участников, противопоставленное не-со-относимому, интерпретируется **ограниченным набором моделей – инвариантов, состоящих из образных схем.**

Разные инварианты активируют различные конфигурации событий. Ниже будет продемонстрировано, что в основе инвариантов со-отношения лежат абстрактные паттерны, выделенные Дж. Лакоффом, — перемещение сущностей относительно друг друга, объект и манипуляции с ним, процесс.

2.3.2. Инварианты интерреляции: движение, объект, процесс

Вариативно-репрезентативный аспект исследования диспозитивности призван выявить, какие схемы задают интерпретацию смыслов о межличностных отношениях.

Моделирование обобщенных метаструктур, обеспечивающих работу языкового сознания, является активно развивающимся направлением когнитивной лингвистики. Например, исследования моделей каузации равновесия [Фурс 2012, 2016, 2017], конструирование партитивных отношений [Фурс 2011]. Организация знаний о со-отношениях попадает в фокус научного анализа в исследовании синтаксически репрезентируемых концептов [Фурс 2004]. Согласно Л. А. Фурс, концептуальная характеристика *релятивное свойство* обобщает знание о признаках, обнаруживаемых при сопоставлении объектов, является частью семантики глаголов и репрезентируется синтаксическими концептами [Фурс 2004: 30].

Репрезентация межличностных отношений в терминах абстрактных категорий не впервые становится объектом научных изысканий [Mandler 2014; Quinn 1991, 1997]. А. В. Колмогорова делает научное описание социально-интерсубъективных практик коммуникации [Колмогорова 2012: 68-75]. На материале рассказов о семье, записанных в неструктурированных интервью, Н. Квинн моделирует паттерн, воплощающий взаимодействие субъектов [Quinn 1991]. Она определяет, что схема ОТНОШЕНИЕ активируется в комплексе с другими: СВЯЗЬ (LINK), КОНТАКТ (CONTACT), СЛИЯНИЕ (MERGING), РАСЩЕПЛЕНИЕ (SPLITTING) и др.

Эвристическую ценность имеет то, что в репрезентации

взаимоотношений Н. Квинн определяет ментальный паттерн, соответствующий уровню абстракции образных схем М. Джонсона. Она подчеркивает, что в рассуждениях о браке респонденты выделяют тот или иной аспект семейных отношений за счет активации схемы ОТНОШЕНИЕ наряду с другими образными схемами. Исследователь приходит к выводу об отсутствии какой-либо стабильной модели для репрезентации брака [Quinn 1991: 69-71]. Однако, по мнению Р. Гиббса, все разнообразие метафор, продемонстрированных респондентами Н. Квинн, можно свести к концептуальным сферам «путешествия», «нахождения в хорошем месте» и «сбалансированного существования» [Gibbs 1994: 205]. Это доказывает наличие в языковом сознании респондентов модели события, ориентирующей осмысление брачных отношений и ограничивающей содержание высказываний о браке.

Как структура высшего уровня абстракции, отношения представлены концептом, активирующим типизированные корреляции между другими элементами концептосферы [Алимурадов 2004; Kim 2021]. Семантическими вербализаторами сопоставимого концепта в английском языке служат союзы, репрезентирующие знания о функциях отдельных сегментов концепта: объединение (AND), альтернатива (OR), результат (SO). Каждая из них на уровне высказывания обнаруживает спектр окказинальных смыслов, обогащаясь оттенками перечисления, диффузности, причины и т. д. [Алимурадов 2004: 6-10].

Центральное для настоящего исследования понятие интерреляции как способа репрезентации концептуальной взаимозависимости двух сущностей разработано Л. Талми [Talmy 2000]. Согласно его теории феноменов внимания, для представления события взаимозависимости (interrelationship) существует особый фрейм – концептуальный комплекс соотнесения объектов в единстве: актуализация одного содержания неизбежно влечет наличие другого. Речь идет о восприятии целого из квазиавтономных частей [Talmy 2000: 288-289].

В целях исследования диспозитивности дискурса нами выделяется ментальный конструкт, репрезентирующий **значимое устремление одного субъекта на другого и ожидание ответного устремления**, – **модель интерреляции и ее инварианты**.

В моделировании интерреляции мы основываемся на выводах Дж. Лакоффа о структуре события (Event Structure). Ученый выделяет три инвариантных структуры, которые различаются способом осмысления изменений: 1) перемещение сущностей относительно друг друга, т. е. движение; 2) манипуляции с объектом или контроль над его перемещением; 3) процесс, т. е. изменение в силу общих внутренних или внешних закономерностей. Мы считаем, что ключевой опорой репрезентации события *со-отношения* являются те же абстрактные паттерны: движение, объект и процесс.

Структура модели интерреляции состоит из следующих элементов: двух участников (СУЩНОСТЬ 1 и СУЩНОСТЬ 2), из которых один переживает значимое устремление, второй является объектом устремления, а также **схемы интерпретации значимого устремления**.

Осмысление взаимного устремления участников происходит образно. Ср.: *Отношения завязываются. // Отношения устанавливаются. // теплые отношения // Это укрепляет наши отношения*. Значимость одного человека для другого не поддается естественному перцептивному восприятию со стороны Наблюдателя. Поэтому образное представление активирует один из абстрактных универсальных паттернов: движение, объект или процесс. Ср.: *идти вместе по жизни // взять в супруги // возникла любовь*. Соответственно, мы выделяем три инвариантных модели интерреляции:

1) инвариант движения:

значимое устремление на другого репрезентируется как движение к объекту устремления; событие *со-отношения* осмысляется в изменениях пространственных координат. Ср.: *путь к настоящей любви // достичь понимания // пройти все лишения и траты*;

2) инвариант объекта:

устремление на другого представляется как материальный объект; событие происходит как действие с материальным предметом. Ср.: *потерять* любовь // *обрести* надежного друга // *найти* свое счастье // *потерять* голову от счастья;

3) инвариант цикла:

устремление интерпретируется как состояние в общем циклическом процессе (природное развитие, физические процессы, внутренняя трансформация, процессы живого организма). Событие определено закономерностями, общими для участников и для других сущностей. Ср.: *стать одним целым* // *врасти* друг в друга // *чувствовать* друг друга.

Мы считаем, что эмпирические знания о закономерностях внешних и внутренних процессов обобщаются в представлениях о цикле. Такие рассуждения согласуются с выводами когнитологов об образных схемах, воплощающих знания о процессах. В работе Дж. Лакоффа природный процесс описан в схеме ЦИКЛ / ПРИРОДНЫЙ ЦИКЛ [Lakoff 2014: 8]. М. Джонсон в своих трудах использует множественное число для обозначения этого представления [Johnson 1989]. Схема ЦИКЛЫ (CYCLES) формируется на основе опыта переживания циклических процессов в теле человека, а также обобщает знания о временных циклах дня и ночи, сезонных изменения, стадиях развития животных и растений [Орлова 2010; Johnson 1989: 112-114]. Для Л. Талми циклическое событие – это последовательное событие без четко выраженного начала, середины и конца, но с повторяющейся последовательностью и двумя временными точками, которые концептуализируются как начало нового движения, но совпадают друг с другом [Talmy 2000: 270-279]. В силу этого мы считаем процесс и цикл одним представлением.

В моделировании интерреляции мы выделяем инвариант цикла, так как это позволяет акцентировать свойства повторения, воспроизведения на новом уровне, временной протяженности.

Таким образом, диспозитивность дискурса межличностных отношений определяется общекогнитивными условиями осмысления события со-отношения и ограничивается **тремя инвариантами интерреляции: движения, объекта, цикла.**

В своих работах о принципе инвариантности Дж. Лакофф предостерегает от стремления к выделению алгоритмов реализации инварианта в структуре сферы-цели, предлагая сосредоточиться на ограничениях, заданных инвариантной моделью. Следуя эвристикам когнитивных исследований, далее в диссертации дается объяснение концептуальной рамки модели интерреляции, ориентированной тем или иным инвариантом.

2.3.3. Концептуальная рамка модели интерреляции

Развивая идею лингвистического гештальта Дж. Лакоффа, полагаем, что **концептуальная рамка модели интерреляции представляет собой общие и существенные конститутивные элементы сцены, воспроизводимые во множестве вариантов референтных сцен.** Предназначение концептуальной рамки – упорядочить вызываемые вместе представления, параметризуя сцену и исключая неподходящие варианты.

На наш взгляд, концептуальная рамка задает формат сцены, репрезентирующей две сущности вместе как изменение действительности, которое можно противопоставить автономному (не-со-относимому) представлению.

Опираясь на методологию описания семантических агенсо-пациенских ролей в теории Дж. Лакоффа [Болдырев 2004; Лакофф 2004; Фурс 2004: 12], мы полагаем, что концептуальная рамка модели интерреляции должна рассматриваться с учетом следующих характеристик:

- 1) сущность, намеревающаяся установить со-отношение;
- 2) сущность, на которую направлено устремление;

- 3) пространственные характеристики со-отношения;
- 4) контуры и локализация события со-отношения;
- 5) локация в пространстве со-отношения каждой сущности;
- 6) атрибуты каждой сущности;
- 7) причина со-отношения;
- 8) со-отношение сущностей в пространстве или времени.

Содержание конкретного высказывания может не включать все указанные параметры. Но при актуализации одних остальные составляющие концептуальной рамки достраиваются логическими выводами. Ср.: *Мы пара*. Выделены две сущности и со-отношение между ними (в данном примере как соединение двух частей в составе целого). Другие элементы подразумеваются (положение в пространстве, устремленность обеих сущностей, характеристики сущностей, обеспечивающие со-отношение и т. д.). Возможность достраивать недостающие компоненты происходит в силу гештальтной природы представления. Гештальт задает их взаимообусловленность.

Модель интерреляции имеет трехчастную конфигурацию и складывается из метафигур СУЩНОСТЬ 1 (C1) и СУЩНОСТЬ 2 (C2), воплощающих участников события, и элемента, задающего перспективу в осмыслении со-отношения между ними: ПРОСТРАНСТВО, ОБЪЕКТ, ЦИКЛ. Третий элемент аккумулирует знания о движении и размещении в пространстве, манипуляции с предметами или циклических процессах. За счет ресурсов той или иной сферы знаний и опыта, активируемой в осмыслении события, определяется общая логика организации референтной сцены.

2.3.4. Референтные сцены высказываний и концептуальные векторы инварианта

Семантико-когерентный анализ диспозитивности выводит на первый план референтные сцены высказываний о межличностных отношениях.

Исследование концептуальных векторов инварианта позволяет конкретизировать представления о константных характеристиках, воспроизводимых во множестве референтных сцен.

Мы разделяем мнение о том, что организация контекста в целом и когерентность референтных сцен в частности не могут быть сведены к системе эксплицитных языковых маркеров и кодифицированных процедур доступа к моделям [Колесов 2008; Падучева 2004; Шабес 1989]. Согласно Л. Талми, референтная сцена открыта и подвижна для конструирования образов и смыслов. Говорящий структурирует ее в разных ракурсах и перспективах, систематически выбирая определенные аспекты и при этом игнорируя другие [Talmy 2000: 225].

В пределах референтной сцены различаются: участники, их характеристики и действия, контуры и пределы сцены, место и время. В когнитивной семантике механизм установления контуров сцены и выделения ее составляющих, или сеттинг, связан с определением сущностей и их отношений и взаимозависимостей. Вычленение фрагмента реальности как содержательной единицы сознания всегда обеспечено системой координат [Кубрякова 2008; Леонтьева 2018: 40; Петрова 2017: 271, 420; Ржешевская 2014; Bryant 2008; Dijk 2008: 61; Graumann 1989].

Как любой сегмент знания, референтная сцена обладает свойствами слитности и связанности. Когерентизация концептуального содержания, представленного в сцене (ее участки, свойства участников и объектов, их контуры и расположение относительно друг друга), задается инвариантом интерреляции.

Инвариант движения лежит в основе **модели СУЩНОСТЬ 1 – ПРОСТРАНСТВО – СУЩНОСТЬ 2 (интерреляция движения)**. Соотношение репрезентировано как стремление сущностей двигаться в одном направлении. Референтные сцены ориентированы схемами, обобщающими физический опыт согласованного / несогласованного перемещения. Идентификация двух участников происходит в динамике движения,

концептуализатор «захватывает» комплекс характеристик пространства, необходимого для перемещения, продолжения пути, траекторий и т. д.

Атрибуты со-отношения, отраженные в образных схемах, восстанавливаются в значениях речевых средств. Ср.: *Так быстрее и веселее идти вместе по жизни* (схема ДВИЖЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ). // *думать над отношениями далеко вперед* (схема ДВИЖЕНИЕ ВПЕРЕД) // *преодолевать преграды вместе* (схемы ПУТЬ, ПРЕГРАДА) // *не останавливаться на первых трудностях* (схемы ПРЕГРАДА, ПРОДОЛЖЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ).

Инвариант объекта реализуется в модели события **СУЩНОСТЬ 1 – ОБЪЕКТ – СУЩНОСТЬ 2 (интерреляция объекта)**. Устремление репрезентируется как физическое действие с предметом. Референтные сцены ориентированы схемами, сформированными на основе опыта владения, потери, перемещения объектов. Объект наделяется материальными свойствами или какими-либо функциями. Ср.: *Ребенок нас объединяет* (схемы ОБЪЕКТ, ОБЪЕДИНЕНИЕ). // *Мы как нитка с иголкой* (схемы СВЯЗЬ, ОБЪЕДИНЕНИЕ). // *донести до партнера свои намерения* (схема ОБЪЕКТ, ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ОБЪЕКТА).

Инвариант цикла представляет собой **модель СУЩНОСТЬ 1 – ЦИКЛ – СУЩНОСТЬ 2 (интерреляция цикла)**. Со-отношение осмысливается как преобразование, трансформация, вызванная внутренними или внешними процессами. Референтные сцены ориентированы схемами различных состояний, этапов, стадий процесса. Ср.: *Пылкость угасает. // проникнуться проблемой // уживаться друг с другом*. В этих примерах выделенные речевые средства имеют в своем значении схему ПРОЦЕСС, обобщающую знания о физических или жизненных циклах.

Когерентизация содержания референтной сцены осуществляется **концептуальными векторами инварианта интерреляции**. Векторы инварианта определяют не только качественные характеристики сцены, но и их значимость относительно друг друга.

Например, Дж. Лакофф [Lakoff 2014] приводит примеры о плохих отношениях. Ср.: *The marriage is on the rocks* (букв.: брак на скалах) и *We're spinning our wheels in this relationship* (букв.: мы вращаем колеса наших отношений). Оба высказывания сконструированы на основе метафоры ЛЮБОВЬ – ПУТЕШЕСТВИЕ. Межличностные отношения переосмыслены как невозможность продолжать совместное движение к целям. Референтные сцены ориентированы схемами ПУТЬ и ДВИЖЕНИЕ К ЦЕЛИ. Концептуальное содержание высказывания в первом примере восходит к метафорической проекции ТРУДНОСТИ — ПРЕПЯТСТВИЯ. Во втором высказывании чувство разочарования выражено через образ напрасно вращающихся колес. Усилия прилагаются, но автомобиль не движется [Lakoff 2014]. В названных примерах из работы Дж. Лакоффа реализуется интерреляция движения СУЩНОСТЬ 1 – ПРОСТРАНСТВО – СУЩНОСТЬ 2.

Если осмысление *со-отношения* происходит на основе интерреляции объекта, репрезентация ориентирована другой концептуальной рамкой. Модель СУЩНОСТЬ 1 – ОБЪЕКТ – СУЩНОСТЬ 2 активирует схемы опыта манипуляции предметом. Ср.: *Это мой человек. // Я ее никому не отдам*. В ракурсе интерреляции объекта смысл о разочаровании в браке интерпретируется посредством опыта владения общим предметом. Соответственно значимость динамики продвижения к целям минимальна. Высказывание *We're spinning our wheels in this relationship* (букв.: мы вращаем колеса наших отношений) приобретает положительные импликации. Брак, репрезентированный в образе автомобиля (схема ОБЪЕКТ), не распадается, объект существует, субъекты прилагают усилия, чтобы автомобиль исправно работал. Для развития смысла о невозможности продолжения отношений необходим образ поврежденной машины. Ср.: *В наших отношениях сломался мотор (отказал двигатель, полетела коробка передач и т. д.)*.

Концептуальные векторы инварианта, таким образом, задают значимость одних участков сцены по отношению к другим, предопределяя, какой аспект содержания становится фоном для

профилирования актуального смысла.

Профилирование смысла происходит посредством выдвижения фокуса внимания, «запущенного» семантикой речевых средств, к определенной части референтной сцены. Этот аспект выводится на передний план значением речевой единицы, иное содержание становится фоном [Ирисханова 2014а, 2014б; Талми 2006; Langacker 2009; Talmy 2000: 257].

Инструментами анализа, позволяющими описать распределение внимания в пределах сцены, являются понятия первичного и вторичного фокуса (*trajector – landmark*), предлагаемые Р. Лангакером [Langacker 2009: 8-9, 2010: 4, 10]. Первичный фокус, или траектор (*trajector*), высвечивает участок сцены, вторичный фокус, или ориентир (*landmark*), детализирует то, что находится в обозначенных пределах. В качестве примера Р. Лангакер приводит значения глаголов *like* и *please*, имеющих одинаковое направление вторичного фокуса: ориентир детализирует эмоциональное переживание действия. Но локализация траектора различна. Глагол *like* описывает субъекта в процессе переживания опыта, в момент взаимодействия со стимулом, поэтому в фокусе оказывается субъект. В то же время глагол *please* направляет траектор на стимул действия. В значении глагола *like* рельефнее выделены эмоции и переживания субъекта в момент стимула, тогда как семантика *please* акцентирует его ощущения после стимула.

Для иллюстрации сравним способы репрезентации смыслов о доверительных отношениях во французском, русском и казахском высказываниях. Ср.: *relations étroites* (букв. узкие отношения) // **тесные** отношения // **тыгыз** байланыстар (букв. плотные отношения, от *тыгыз/плотный, густой, частый*). Референтные сцены французского, русского и казахского выражений имеют сходства: выделены два участника, которые расположены на малом расстоянии друг от друга. Во всех трех словосочетаниях ориентир детализирует максимально близкое положение участников. Однако значение прилагательного *тесные* направляет траектор на возможность *соприкосновения*. Значение французского слова *étroites/ узкие*

высвечивает возможность *движения* участников сцены (ср.: *узкий проход*). В казахском слове *тығыз/ плотные, частые* траектор указывает на расположение участников вместе с многими другими сущностями, профилируется концентрация множества. Ср.: *тығыз ел/ густонаселенная страна*.

Сравнительный анализ демонстрирует разную организацию референтной сцены, которая является следствием активации различных сфер физического опыта, привлеченных для интерпретации со-отношения.

Проявления концептуальных векторов инварианта в пределах референтных сцен подробно анализируются в главе III.

Анализ диспозитивности дискурса межличностных отношений приводит к выделению инвариантов, лежащих в основе моделей интерреляции и ограничивающих речепорождение. Привлечение разных сфер опыта в осмыслении межличностных отношений не является произвольным. Субъект, определяющий фокус внимания, всегда имеет позицию, сформированную мнениями, убеждениями, отношениями с другими [Croft 2004: 58].

Схемы физической сферы активруются концептуальными векторами инварианта и задают необходимый ракурс видения объекта речи. Репрезентация объекта речи несвободна от ценностных установок говорящего, сформированных под влиянием социальных идей и представлений. Общекогнитивные условия диспозитивности становятся ментальной опорой для продуцирования дискурсивных практик.

2.4. Анализ дискурсивных условий диспозитивности

Исследование **дискурсивных условий** диспозитивности предполагает обращение к общему знанию, сформированному под влиянием социокультурных идей и **интегрированному в дискурсивные практики**. Фокус внимания направлен на **имплицитные и инференциальные компоненты контекста**, регулярно возникающие в дискурсе объекта. Целью

анализа контекстов становится выявление социокультурных конструктов, предопределяющих развертывание высказываний и, тем самым, регулирующих дискурсивную деятельность субъекта.

2.4.1. Регулирующее действие социокультурных конструктов

Социокультурные конструкты аккумулируют общеизвестное, то, что предшествует речи индивида. В рамках социологической науки выделяют различные типы конструктов: социально-статусный, профессионально-идентификационный, культурно-этнический и др. [Шнейдер 2004; Эриксон 1996]. В исследованиях языка и речи социокультурные конструкты описываются как продукты культуры и социальных отношений, которые находят отражение на различных уровнях языковой системы и являются частью дискурсивных практик. Сквозь приму языковых единиц описываются конструкты память, красота, хаос, чувства, имена лиц [Брагина 2006]. Регулирующее действие конструкта гендер обнаруживается в дискурсивных практиках различного типа [Бодрова 2009; Брусенская 2010; Гриценко 2005; Клюкина 2011].

По нашему мнению, производство высказываний о межличностных отношениях несвободно от социальных представлений о личности. Социокультурные конструкты, релевантные для дискурса межличностных отношений, аккумулируют представления о ценностном отношении к одним проявлениям личности, осуждению других и рассматриваются нами как познавательные координаты производства высказываний.

Такая позиция имеет свое объяснение. Так, по словам А. Вежбицкой, ценностное представление о личной автономии порождает в англоязычной лингвокультуре некоторое ограничение на использование выражений типа *you must/ вы должны*, особенно в ответ на *I can't/ я не могу* (например, в диалоге с гостеприимным хозяином). Недопустимость нарушения автономии другого предопределяет негативные коннотации выражений *to put pressure on/*

оказывать давление и *to act under pressure/ быть под давлением*, а также накладывает ограничения на различные уговоры в социальном взаимодействии [Ibarretxe-Antuñano 2013; Wierzbicka 2006: 50-52].

Регулярное акцентирование автономности личности или ее зависимости от мнения группы, указания на личный выбор или на обязательства перед другими демонстрируют, что социокультурные конструкты о личности интегрированы в дискурс межличностных отношений. Ср.: *Ensuite libre à toi de choisir la relation que tu souhaites avec lui* (букв. и потом, ты свободна выбирать отношения такие, какие ты пожелаешь с ним вместо, например, Ты не должна делать то, что ты не хочешь). В примере говорящий дает совет, апеллируя к личному выбору собеседника, не используя семантику долженствования (*надо, должен*) в обращении к адресату.

Влияние лингвокультуры на оречевление отражено в содержании некоторых терминов: предельные понятия [Снитко 1999], концептуализация [Sharifian 2017], макрометафорические модели [Зыкова 2014а] и др. В данном исследовании регулирующее действие социокультурных конструктов как элементов лингвокультуры раскрывается в конфигурациях контекста.

В концепции Т. А. ван Дейка доказывается, что контекст высказывания представляет собой субъективную интерпретацию социальной среды [Dijk 2008]. В качестве примера он приводит журналиста, который собирается писать статью о событии. Знания о новости, которую он собирается передать, являются семантической моделью [Dijk 2008: 104-105]. Процесс оречевления регулируется внешним контекстом. Это проявляется в намерении сообщить новость так, чтобы сформировать у других знания, мнения или убеждения. Поиск направлен на то, *как* это сказать, то есть выбор происходит из способов, уже установленных социумом и культурой.

Принимая трактовку контекста, предложенную Т. А. ван Дейком, подчеркнем, что **контекст** рассматривается нами как концептуальное содержание высказывания, результат субъектной интерпретации пространственно-временных, социокультурных, коммуникативно-

конвенциональных характеристик, релевантных ситуации [Будаев 2009: 153; Дейк 2013; Dijk 2008: 16; Tileaga 2011; Torfing 1999]. Конфигурация контекста высказывания состоит из сегментов знаний, актуализированных семантикой речевых средств и релевантных, по мнению говорящего, коммуникативной ситуации. Благодаря контексту в процессе речепроизводства происходит адаптация высказывания к коммуникативной среде.

Говорящий использует речевые средства, семантика которых активизирует знания, требуемые в коммуникативной ситуации. При этом он не нарушает установки, заданные извне социальными и культурными представлениями. Р. Барт объясняет «нераздельность» речи индивидуума и дискурса тем, что член определенного социума обязан соблюдать «ритуалы социальной представительности», и его речь существует только на фоне уже сказанного, из которой создается свое [Барт 2005]. Л. О. Чернейко считает дискурс вербализованным мировоззрением, выступающим по отношению к речи диктатом смысла и ценности [Чернейко 2005: 56]. В нашей работе **анализ социокультурных конструкторов раскрывает регулирующее действие общего знания на способ интерпретации актуальных коммуникативных ситуаций.**

Социокультурные конструкторы ограничивают конфигурации сегментов общего знания в контекстах. План содержания высказывания и план его выражения не совпадают. Поверхностная структура эксплицирует только часть знаний о мире, релевантных ситуации. Глубинная структура высказывания нетождественна поверхностной за счет имплицитного знания. Скрытое (имплицитное) знание относится к общеизвестным социальным идеям, разделяемым представителями соответствующей лингвокультуры. Следовательно, оно является частью контекста не в результате интенции говорящего, а за счет аккумуляции определенных сегментов знаний вокруг социальных феноменов и их регулярного воспроизводства в дискурсивных практиках. Общеизвестное не выносится в поверхностную структуру компонентов высказывания, но, тем самым, ограничивает

интерпретацию: индивидуальное всегда адаптируется к общеизвестному.

Социокультурные конструкторы выявляются путем обобщения сегментов знаний о социальном феномене, которые регулярно воспроизводятся конфигурациями контекстов.

Приходится признать, что поиск регулярно воспроизводимого в дискурсивных практиках знания является сложной научной задачей в силу динамичной и изменчивой природы дискурса [Григорьева 2007; Карасик 2000]. Многие исследователи решают ее путем определения границ, очерчиваемых дискурсом, которые отсекают идеи, смыслы, понятия и символы, не попадающие в его пространство [Чернявская 2013:134-135]. Ограничения, созданные дискурсом, интерпретируются по-разному: исключение при создании единства значения [Филипс 2004: 19-21], дискурсивные пределы [Buhrmann 2008; Jäger 2012; Link 1990], тождественность высказывания полю использования [Фуко 1996; Гашков 2016], правила формации [Кириллов 2006; Фуко 1996], дискурсивное единство [Ревзина 2005]. Специфика оформления дискурса как продукта речевого общения обсуждается в терминах следования доминирующим принципам речевого взаимодействия. Н. Н. Болдырев и В. С. Григорьева выделяют тематический, субъектный, социокультурный, инструментальный и интенциональный принципы [Болдырев 2018]. Вопрос о том, каким образом дискурс «притягивает» одно содержание и отсекает другое, остается дискуссионным. На этом фоне наша позиция основывается на следующих рассуждениях.

Контексты высказываний состоят только из компонентов, допустимых дискурсом. Например, в контексте спортивного дискурса уместны имиджевые характеристики знаменитого боксера. Ср.: *Он словно убийца. // неконтролируемый зверь.* Однако будет странным описание неконтролируемости и жестокости как качеств, обеспечивающих преимущества данной персоны перед другими, в описании событий сферы искусства, образования, учебного сотрудничества. Представление о

допустимости возникает из условий уместности и обеспечивается социокультурными знаниями участников, их опытом нарушений или соблюдения предписаний, стандартов и т. д.

В контекст высказывания привлекаются только значимые компоненты. Сравним два высказывания. *Мы все приходим к родителям и собираемся за одним столом: я, моя старшая сестра, ее дети.* // *Мы все приходим к родителям и собираемся за одним столом: я, моя старшая сестра, мои племянники.* Притяжательные местоимения *ее* и *мои* устанавливают разные события со-отношения: между объектами *сестра* и *дети*, между говорящим и объектом *племянники*. В коммуникативной ситуации использование формы третьего или первого лица определяется говорящим. Форма местоимения индивидуализирует личное осмысление детей сестры как принадлежащих его семье или как членов другой семьи. Импликативные компоненты возникают в контексте в зависимости от общих знаний коммуникантов. В ракурсе ценностного отношения к родственности использование местоименного прилагательного *ее* создает импликацию отчужденности, предположительно, натянутых отношений с сестрой.

Подчеркнем, что сквозь призму общекогнитивных условий диспозитивности речь идет о значимости, обеспеченной личным переживанием смысла, т. е. значимости для себя. Стремление использовать вариант, наиболее понятный и эффективный для других участников коммуникации, направляет выбор говорящего на средства, значимые для целей коммуникации, т. е. создается значимость для других. В коммуникативной ситуации общие знания, сложившиеся вместе с социальным феноменом (например, родственность), регулируют и ограничивают активацию необходимого значения. Это приводит к выводу о том, что познавательные координаты социокультурного конструкта восстанавливаются сквозь призму невербализованных компонентов знания, регулярно воспроизводимых в контекстах.

Культурно сформированные паттерны, влияющие на интерпретацию

сложных феноменов социальной сферы, проявляются в контекстах опосредованно — за счет семантики речевых средств, активирующей фрагменты общих знаний представителей лингвокультуры.

Мы придерживаемся мнения А. Вежбицкой о том, что анализ частотных выражений и высказываний с этими выражениями позволяет обнаружить знания, направляющие интерпретацию объектов речи [Wierzbicka 2006: 23]. Преимущество поиска лингвокультурной специфики речи через индивидуальные интерпретации, по ее словам, заключается в том, что такое описание культуры происходит изнутри. Исследователь не вносит в анализ внешние концептуальные категории «индивидуализма», «коллективизма» и т. д. Ценности, обуславливающие производство высказываний, идентифицируются с точки зрения людей, которые являются носителями постулируемых норм и ценностей, демонстрируя их в конфигурациях контекста.

А. Вежбицкая отмечает существование в речи определенных лингвистических средств, которые она называет «направляющими словами» (a guiding word). Подобные выражения настолько прочно укореняются в языковом сознании, что говорящие воспринимают их как нечто само собой разумеющееся, «как воздух, которым дышат люди» [Wierzbicka 2006: 103]. Ученый связывает развитие такой семантики с идеями и ценностями культуры.

Например, в русской лингвокультуре регулярно воспроизводимые в дискурсивных практиках наречия *по-соседски*, *по-родственному* указывают на ценностное отношение к эмоциональному компоненту общения. В составе высказываний их значения вводят в контекст компонент общего знания о приоритете личного общения над официальным.

Целью моделирования дискурсивных условий диспозитивности является выделение социокультурных конструкторов, релевантных для производства высказывания о социальном феномене как объекте речи. Сложившиеся в лингвокультурной среде и дискурсивно усвоенные

конструкты выявляются посредством анализа содержательных компонентов, привлеченных в контекст не интенцией говорящего, а дискурсом как средой речевых взаимодействий.

Далее будет продемонстрировано, что познавательные координаты социокультурного конструкта о личности, предопределяющие дискурсивные условия диспозитивности дискурса межличностных отношений, восстанавливаются посредством анализа:

- скриптов дискурса межличностных отношений, которые представляют собой инференциальное знание, обеспеченное обыденными представлениями о социокультурных нормах и традициях, а также социальных закономерностях, связанных с межличностными отношениями;

- кода субъективной позиции по отношению к объекту речи; регулярность определенной позиции указывает на ее «легитимность» в лингвокультуре, а значит, обоснованность ценностными понятиями, составляющими знание, предшествующее коммуникации;

- регулярных метафор, репрезентирующих *со-отношение* в высказываниях о межличностных взаимодействиях; метафоры указывают на исторически сложившиеся образные представления о межличностных отношениях; обнаруживают аксиологические компоненты интерпретации этого сложного социального феномена.

Закрепленное в лингвокультуре и воспроизводимое в дискурсе объекта общее знание о межличностных отношениях как социальном феномене направляет и ограничивает оречевление смыслов о взаимоотношениях в дискурсивной деятельности представителей лингвокультуры.

2.4.2. Скрипты дискурса объекта как инференциальный компонент контекста

Скрытые, не выраженные эксплицитно структуры социокультурного знания (схемы, сценарии, скрипты и др.), возникают из понимания говорящим

наличия у адресата определенных знаний о действиях и событиях окружающего мира [Баранов 2001; Болдырев 2015; Fillmore 1981, 1992; Mandler 1984; Schank 1977].

Скрипт нередко используется как термин, синонимичный сценарию. Однако сценарий позволяет связывать в единое целое смысловые блоки, воспринимаемые в объективной реальности [Демьянков 1996: 181-182; Никонова 2006; Огнева 2010; Хлебодарова 2013; Ferraro 1981, 2016], стереотипную последовательность действий [The MIT Encyclopedia of the Cognitive Sciences: 729]. Сценарии вербализуются в номинативных единицах. Номинант актуализирует одну сцену, остальная модель достраивается в сознании представителей лингвокультуры на основе экстралингвистических знаний о мире в виде типизированного представления [Мамина 2011; Fillmore 1992].

Скрипт не вербализуется, он выступает условием истинности тех или иных смыслов в контексте высказывания (Крофт, А. Круз, В. Ф. Филлмор). Д. Эдвардс называет скриптами логические имплицитные выводы, получаемые за счет такой формулировки высказывания, благодаря которой временная последовательность событий, их причинность и рациональность взаимно предполагают друг друга [Edwards 1997: 288, 2005]. Так, фраза *Just doesn't ever listen to me/ Он просто никогда меня не слушает* обнаруживает скрипт о существовании некоего «правильного выслушивания» (proper listening) в гармоничных отношениях. Содержание высказывания одновременно и объясняет причину непонимания в семье, и указывает на не зависящие от говорящего обстоятельства, вынуждающие его прийти к психологу [Edwards 2005].

Если сценарии обуславливают поведение и действия людей на основе знаний о некоторых ситуациях, то скрипты, по мнению Д. Эдвардса, объясняют допустимость конкретных смысловых версий об объекте речи [Edwards 2005]. Например, высказывание *I'm not the type that can/ Я не из тех, кто может*, произнесенное женщиной в ответ на обвинение в кокетстве, в

свернутом виде содержит знания об определенных социокультурных нормах и ожиданиях, сложившихся в той или иной культуре. В психологических исследованиях скриптами объясняется уместность тех или иных действий в представлении событий говорящим, отмечается их культурная специфичность и организованность вокруг какой-либо цели [Андреева 2004: 126].

Содержательный объем высказывания формируется семантикой языковых единиц и экстралингвистическими знаниями, что совместным образом устанавливает направление интерпретации. В результате общий смысл высказывания не сводится к сумме значений составляющих его слов, так как, помимо них, в смыслогенерации принимают участие компоненты, которые остаются невербализованными. Выводное знание рассматривается как явление импликации и инференции. Между ними усматриваются различия. Та информация, которая возникает в сочетании семантики речевых средств высказывания и общих знаний о мире, является *импликативной* [Ferraro 2016: 1-2; Linell 2002]. *Инференция* – это вывод, осуществляемый на основе семантики высказывания и знаний социокультурного характера о нормах и ожиданиях, сложившихся вокруг фрагмента опыта в конкретной культуре. Источником инференции, кроме непосредственного восприятия ситуации и лингвистических знаний, становятся фоновые знания, релевантные ситуации, устраняющие лакуны в общении и необходимые для понимания ее содержания [Hutchins 1980]. Инференция может быть автоматической, то есть «встроенной» в концептуализацию [Sanford 1981].

Скриптами заполняются «пробелы» в высказывании. «Неконкретизированные должным образом события, лица и объекты обрастают деталями или вырисовываются в ситуации целиком, так что интерпретатору бывает трудно вспомнить, что он знал ранее и что вывел логически» [Демьянков 1994: 72].

В понимании А. Вежбицкой, скрипты осмысляются интуитивно и обладают психологической реальностью [Wierzbicka 2006: 17]. Ученый трактует их как «внешнее выражение скрытой системы «культурных правил».

Поэтому культурные скрипты – закрепленные в речевом поведении, «наивная аксиология», набор предположений о том, что хорошо или плохо, что можно или нельзя делать и говорить [Rakić 2013; Wierzbicka 2002: 2, 2006: 22]. Скрипты возникают вследствие некоторой общей для всех совокупности понятий [Roch 1975]. А. Вежбицкая приводит ряд примеров существования в англоязычной культуре скрипта «разумности». Например, высказывание *the stepfather seemed to take over the role of being the good and reasonable person in the house .../ отчим, казалось, взял на себя роль хорошего и разумного человека в доме ...* содержит выражение *reasonable person/ разумный человек*. Понимание смысла выражения обеспечено культурным скриптом о способности обычного человека размышлять в ситуации, когда ему необходимо принимать решение. Данный смысл не закреплен за значением слова *reasonable*, но регулярно возникает в речи и является следствием социальной идеи о том, что мышление большинства людей заслуживает доверия, во многих ситуациях они достаточно хорошо мыслят [Wierzbicka 2006: 109-112].

В определении методики описания скриптов мы руководствовались общими положениями концепции А. Вежбицкой и работой Г. Грайса о коммуникативных импликатурах [Grice 1975].

А. Вежбицкая, в частности, использует метаязык из простых слов и грамматических моделей (*natural semantic metalanguage*) [Wierzbicka 2006]. Культурно специфичные компоненты содержания формулируются простыми и эмпирически установленными словами-универсалиями. Описание каждого скрипта А. Вежбицкой начинается формулой [*people think like this:*] *when I want to say / when I don't want/ [люди думают так:] когда я хочу сказать / когда я не хочу..* Метаязык позволяет разграничить семантику слов, коммуникативное намерение говорящего и общее для всех коммуникантов знание о способе интерпретации, понимаемое как «разрешение» использовать те или иные слова в определенных ситуациях. Метод А. Вежбицкой основан на том, что «осмыслить культурную специфику речепорождения как

отдельных лиц, так и социальных групп возможно лишь на основе того, что является общим, а единственное общее – это совокупность общечеловеческих понятий» [Wierzbicka 2006: 24]. Для нашей работы важна первая часть утверждения: культурная специфика обнаруживается в том, что является общим для коммуникантов, предопределяющим использование одних значений, а не других.

В работе Г. Грайса четко разделяются содержательные компоненты, привлеченные в контекст семантикой слов (конвенциональные импликатуры) и возникающие в силу их использования в диалоге (коммуникативные импликатуры) [Grice 1975]. В его теории коммуникация осмысливается как особый род совместной деятельности участников, осуществляемой по принципу кооперации: вклад каждого участника речевого взаимодействия предопределен совместной целью. Коммуникативные импликатуры возникают в результате следования или нарушения постулатов количества, качества, релевантности содержания, вербализуемого говорящим. В нашей работе мы используем сокращенную версию формулы определения выводного знания, предложенную Г. Грайсом:

1. [Он сказал, что p].
2. [Он не мог сказать p , если бы он не считал, что q].
3. [Он знает, что я знаю, что он знает, что я могу понять необходимость предположения о том, что он думает, что q].
4. [Он хочет, чтобы я думал (или готов позволить мне думать), что q].
5. [Итак, он имплицировал, что q].

В данной формуле P означает вербализованное знание, активируемое семантикой высказывания. Q относится к контексту, привлеченному причинно-следственными связями с P и является обоснованием вынесения P в поверхностную структуру высказывания. Третий шаг формулы (*он знает, что я могу понять необходимость*) соотносит сказанное с целью коммуникации. В нашем понимании четвертый шаг (*он хочет, чтобы я думал*) является скриптом, так как вычленяет компонент контекста, восстановленный

сегментами знаний других коммуникантов, обеспечивающими истинность сказанного.

Ср.: *Mais quel salaud, il n'a même pas payé les croissants !* Ну какой же подлец, он даже не заплатил за круассаны (высказывание девушки о свидании). Применяя формулу определения скрипта, рассуждаем следующим образом.

1. [Он сказал, что *p*]. *Mais quel salaud, il n'a même pas payé les croissants !*
Ну какой же подлец, он даже не заплатил за круассаны
2. [Он не мог сказать *p*, если бы он не считал, что *q*]. Он не сказал бы так, если бы не считал следующее:
обычно люди платят за себя и за девушку на свидании. Правильно каждому платить за себя и предложить заплатить за другого.
3. [Он знает, что я знаю, что он знает, что я могу понять необходимость предположения о том, что он думает, что *q*]. Он знает, что его собеседник думает так:
неприлично навязывать траты за себя другому.
Поэтому он понимает, почему возникает следующее ожидание:
парень по меньшей мере может предложить заплатить за себя.
4. [Он хочет, чтобы я думал (или готов позволить мне думать), что *q*]. Он готов позволить собеседнику думать так:
хорошо, когда люди сами распоряжаются своими тратами и не навязываются другим.
5. [Итак, он имплицировал, что *q*]. Он имплицировал, что *хорошо, когда люди сами распоряжаются своими тратами и не навязываются другим.*

Итак, использование существительного *salaud/ подлец* для характеристики человека и наречия *même/ даже* в описании поступка активируют выводное знание о существовании определенных правил финансового поведения в паре между парнем и девушкой. Невербализованный компонент выступает условием истинности негативной характеристики

свидания в высказывании о плохих отношениях.

Говорящий не эксплицирует некоторую общепринятую, общеизвестную последовательность причинных связей, которая складывается в дискурсивных практиках вокруг некоторого феномена как обобщенное суммарное представление о сфере его бытования (А. Н. Баранов, В. З. Демьянков, Н. В. Никитин). Если социокультурный конструкт как познавательная координата является *предпосылкой* выбора тех или иных моделей интерпретации, то скрипты являются *следствием* адаптации конфигурации контекста общим знаниям. По мнению Р. Д'Андрада, причинно-следственные связи, соединяющие культурные элементы, таковы, что любой элемент достоверен благодаря пяти – десяти причинным действиям [D'Andrade 1990; Nishida 2005]. Формула определения скриптов, используемая нами, позволяет восстановить связи компонентов контекста, обеспечивающие истинность высказывания.

Ср.: *Il s'agit de personnes sans éducation ... souvent jeunes, et qui s'octroient tous les droits.../ Это необразованные люди... часто молодые, которые считают, что им все дозволено (букв. присваивают себе все права).* Формула определения скрипта, активированного в данном высказывании, следующая. Говорящий не сказал бы это, если бы не считал, что *люди с образованием знают права, предоставленные им законом*. Он знает, что все разделяют его уверенность о том, что *несоблюдение норм поведения вызвано отсутствием образования*. Говорящий готов позволить собеседнику думать, что *у него есть образование и он уважает права других*. Возникновение данного латентного сообщения восходит к идеям и представлениям, описываемым в данной работе как социокультурный конструкт *личное пространство* (см. главу IV).

Скрипт о том, что соблюдение общественных прав свойственно обычным людям, является условием, при котором **содержание высказывания** (см. выше) **соответствует или не соответствует положению дел во внеязыковой реальности**.

Скрипты указывают на регулирующее действие социокультурных

конструктов в дискурсивных практиках. Коммуниканты продуцируют высказывания, не эксплицируя весь объем знаний о культурных традициях и социальных закономерностях, значимых для события *со-отношения*, но сказанное вводит в контекст сегмент общих знаний о личности и специфике межличностных взаимодействий, сложившейся в социуме.

Под влиянием социокультурных конструктов в дискурсе объекта формируется код субъективной позиции — имплицитный компонент контекста, соотносимый с прагматической установкой говорящего.

2.4.3. Код субъективной позиции в дискурсе межличностных отношений

Взаимообусловленность дискурса, коммуникативной ситуации и социокультурных конструктов сложна и многоаспектна.

Само высказывание не сводится к событию акта высказывания [Фуко 1996: 96]. Субъект, выражая свое мнение, «объективирует» его, отчего оно не становится объективным. М. Фуко связывает дискурсивную деятельность субъекта со статусами, «из которых» он говорит [Фуко 1996: 55].

Оречевление смысла происходит в совокупности знаний говорящего и приобретает качество дискурсивной позиции, т. е. отражает определенный способ видения объекта речи субъектом, его «точку зрения» [Серебренникова 2015: 86]. Позиция говорящего реализуется в реальности по отношению к другим точкам зрения: она легитимизируется, т. е. признается оправданной, истинностной, аттрактивной. Продвижение позиции основано **на возведении и редукционном стягивании «сказываемого» к валидным основаниям** — ценностным понятиям, т. е. общим знаниям, существующим до коммуникативного акта.

В. И. Карасик связывает позицию субъекта с оцениванием объекта речи. Выявление причин расхождения оценок у разных людей приводит к признанию существования разных групповых оценочных картин мира и

разных типов субъектного оценочного позиционирования [Карасик 2013: 17; Попова 2012].

Высказывая свое мнение, говорящий может указывать на правильность, приемлемость, необходимость определенной точки зрения на объект речи. Регулярно возникающие позиции свидетельствуют об аттрактивности тех или иных ракурсов события для представителей лингвокультуры. Как следствие в дискурсивных практиках складываются дискурсивные коды.

Согласно Э. В. Чепкиной, дискурсивные коды представляют собой часть правил, конституирующих речевую практику и типичную деятельность субъектов дискурса [Чепкина 2000]. Дискурсивный код – знаковая система, манифестирующая дискурсивные закономерности, воплощающая следы практик формирования объектов, концептов, позиций адресанта и адресата [Огнева 2023; Чепкина 2000: 84].

Существующее терминологическое сочетание *культурный код* или *код культуры* апеллирует к ценностям лингвокультурного сообщества, манифестирует особую понятийную «сетку» членения окружающего мира, сформированную в определенной культуре и воплощенную в языковых средствах [Красных 2003; Alexander 2001; Cole 1995; Holland 1997; Malcolm 2017].

Дискурсивный код (или *код дискурса*), напротив, объясняется не культурой, а современным состоянием дискурсивной среды. Дискурсивный код относится к неявным, но разделяемым членами социокультурного сообщества правилам, автоматически воспроизводимым в дискурсивных практиках, это известное всем «так говорят, так принято». То есть дискурсивный код является следствием социокультурных идей и социальных практик, сложившихся вместе ними.

Например, казахский язык имеет особые средства, позволяющие акцентировать уважительное отношение к объекту речи. Ср.: *Ол кісі сондай мейірімді, жақсы адам болса да маған біртүрлі бөтен адамдай болып тұратын/ Несмотря на то, что он был таким добрым и хорошим человеком,*

он все равно казался мне каким-то чужим. Существительное *kıcı*/ человек, личность в сочетании с личным местоимением третьего лица *ол/ он* является особой «вежливой» формой третьего лица. Сочетание *ол/ kıcı* позволяет субъекту говорить о ком-то уважительно, а также, высказывая свое несогласие с поступком человека, демонстрировать другим участникам коммуникации свое уважение к объекту речи. Ср.: *Немерем бар. Ол сурет салуга құмар/ У меня есть внук. Он увлекается живописью.* В последнем примере говорящий сообщает информацию, не используя «вежливое» *kıcı* для местоимения третьего лица.

Э. В. Чепкина выделяет в журналистском дискурсе код иронии, код фатики (фатической коммуникации), считая их частью риторической установки [Чепкина 2000: 86].

Вслед за В. И. Карасиком мы полагаем, что **в коммуникативной ситуации мнение говорящего об объекте речи является его субъективной позицией, которая может иметь отражение в высказывании. Субъективная позиция говорящего во многом определяется его ценностями, т. е. знаниями, интериоризированными в индивидуальную картину мира в соответствии с их значимостью, ставшими идеями и убеждениями, выполняющими ориентационную функцию его поведения** [Иванова 2018; Карасик 2004а, 2004б; Промм 2021]. **Следовательно, чтобы определить субъективную позицию, нужно восстановить фрагмент ценностного знания, предопределивший высказывание.**

В оречевлении смысла говорящий репрезентирует определенные характеристики объекта речи как ценностные для всех подобных объектов сферы социальных взаимодействий.

Ср.: *Cette relation est quasi obligatoire, à moins que l'autre ait disparu volontairement de la vie des enfants/ Эти отношения не являются обязательными, хотя бы потому, что другой добровольно исчез из жизни детей (высказывание о том, что адресат не обязан поддерживать отношения с отцом).* В репрезентации события *исчезнуть из жизни детей*

говорящий выделяет характеристику *volontairement*/ *добровольно*. Наречие образа действия (*volontairement*) указывает на убежденность говорящего в ценности свободного выбора в межличностных взаимодействиях (каждый, в том числе и адресат, определяет сам, с кем поддерживать связи, поэтому отношения с отцом необязательны). Элемент поверхностной структуры высказывания выражает убежденность говорящего в определенных нормах и правилах социальных взаимодействий, сложившихся в конкретном социуме, т. е. его ценностную установку относительно объекта речи.

Основываясь на формуле выводного знания Г. Грайса, восстановим сегмент знания, раскрывающий субъективную позицию говорящего, следующим образом:

1. [Говоря об этом, он сказал *p*].
2. [Он не мог сказать об этом *p*, если бы он не считал, что *q* необходимо для всех событий, подобных этому].
3. [Он хочет, чтобы я тоже считал, что *q* необходимо для всех событий, подобных этому. Говоря *p*, он хочет убедить меня в необходимости *q*].
4. [Итак, он имплицитно ценит *q* для событий подобных *p*].

В целом существование связи между поверхностной структурой высказывания, личными убеждениями говорящего и социокультурными ценностями очевидно. Но манифестация ценностной установки говорящего ограничивает развитие других смыслов, кроме допустимых в ракурсе данной субъективной позиции.

В примерах выше существительное *kici* в казахском высказывании маркирует уважительное отношение говорящего к объекту речи и предопределяет интерпретацию всего содержания. Во французском высказывании наречие *volontairement* имплицитно несет негативную окраску в высказываниях о каком-либо давлении извне. Адресат может не соглашаться с ценностной установкой говорящего в отношении объекта речи или подобных объектов речи, но он не может сомневаться в истинности высказывания, произведенного из данной субъективной позиции.

Скрипты заполняют «пробелы» контекста общим знанием о нормах и ожиданиях, сложившихся вокруг фрагмента опыта в конкретной культуре. Содержание скриптов не закреплено за значениями использованных речевых средств, но выводится из сочетания семантики и общих знаний коммуникантов.

Маркеры кода субъективной позиции – это речевые средства, вербализующие ценности говорящего как представителя лингвокультурной общности. Значения речевых средств указывают на его следование нормам и правилам межличностного взаимодействия, сложившимся в определенной лингвокультуре, демонстрируют его точку зрения на межличностные отношения как социальный феномен. Поэтому мы считаем проявления кода субъективной позиции в дискурсе межличностных отношений действием социокультурного конструкта на индивидуальном уровне.

Код субъективной позиции – прагматическая характеристика высказывания, закрепленная в языковом сознании за **множественными и вариативными речевыми средствами, указывающими на позицию говорящего по отношению к объекту речи.**

В зависимости от специфики социокультурных конструктов, релевантных для французского, русского и казахского дискурсов межличностных отношений, код субъективной позиции маркируется по-разному.

2.4.4. Регулярные метафоры в дискурсе объекта

Ракурс интерпретации абстрактной идеи, заданный метафорическим образом, культурно сформирован, что позволяет обнаружить познавательные координаты, проецируемые в дискурс социокультурным конструктом. Систематизация регулярных метафор в исследовании диспозитивности дискурса объекта предоставляет данные о: 1) материальном физическом опыте, обуславливающем формирование абстрактной идеи в культуре

социума; 2) привычных схемах осмысления сложных и многокомпонентных фрагментов социальной жизни в повседневных действиях; 3) знаниях, сложившихся в определенной культуре вместе с социальным феноменом и ограничивающих метафоризацию.

В разговорах о нематериальной, но ощущаемой или умопостигаемой сущности метафоризация является единственным способом мышления [Чернейко 2005: 57]. Предметный опыт трансформируется в «сюжетный» язык архетипических образов (А. Ю. Большакова, А. Голан, Е. М. Мелетинский, В. Н. Топоров), и, закрепившись в метафорах повседневной коммуникации, эти знания организуют и структурируют аспекты культурной деятельности человека [Pietikainen 1998: 325]. В контексте культуры архетипические образы метафор соотносятся с ее онтологическими, аксиологическими и гносеологическими установками [Богданова 2006; Пивнева 2003; Попова 2020; Турбина 2020]. Регулярно востребованные знания становятся частью привычного в дискурсе, что приводит к устойчивым последствиям и формированию культурных стереотипов [Дзюба 2023; Jäger 2001: 44].

Так, огонь представляет собой универсальный архетипический образ и общечеловеческий мировоззренческий символ источника света, тепла, жизни, домашнего очага. В контексте казахской лингвокультуры значимое устремление на другого интерпретируется в образе устремления к источнику света и тепла. Ср.: *шырағым/ лучик мой // жарығым/ светик мой // қарағым/ светик (букв. свет глаз моих) // көзімнің нұры/ свет очей моих.*

Привычные метафоры повседневного языка называют конвенциональными, языковыми, регулярными [Телия 1996; Чернейко 2010; Lakoff 1980: 66, 139; 1993]. «Стершиеся» образы практически не замечаются участниками дискурса, но их специфика заключается в том, что знание, вводимое в контекст вместе с ними, «составляет общее социальное пространство» [Wierzbicka 2006: 4].

«Избитые» метафорические образы трактуются по-разному — *рационализированные, архетипические, прототипические.* В каждом из них

выделяются определенные аспекты «привычности».

Рационализированный образ предоставляет комплекс схем, сформированный в действиях и событиях, которые являются обыденными реалиями для членов социокультурной общности. Рационализованное делает сложные социальные феномены сиюминутно понятными [Розенфельд 2008; Стернин 2008]. Метафорические рационализированные образы могут значительно варьироваться в деталях, но сохранять общую схему. Ср.: *увлечься кем-то // повод для знакомства // завести дружбу // приковывать взгляды*. Образные значения русских выражений о межличностных отношениях отсылают к предмету, с помощью которого осуществляется контроль над перемещением участников референтной сцены.

Регулярные метафоры дискурса объекта обнаруживают коллективные модели знаний, усвоенные многими в готовом виде и востребованные для интерпретации сложных многокомпонентных социальных феноменов [Дзюба 2023; Карасик 1996; D'Andrade 1990; Quinn 1991, 1997]. Отдельный субъект может соглашаться с социальными конвенциями или нет, но он знает о них, и это позволяет ему не делать свое высказывание полностью эксплицитным.

Так, выражение *mettre dehors l'enfant* (букв. *поставить вне дома ребенка*) интерпретирует смысл о прекращении совместного проживания родителей и взрослого ребенка. Выделяются следующие участники референтной сцены и семантические роли: агент инициирует перемещение пациента, изменение местоположения воплощено в образных схемах ОТДЕЛЕНИЕ и ПЕРЕМЕЩЕНИЕ. В референтной сцене отсутствует динамика сопротивления пациента или признаков дополнительных усилий агента (глагол *mettre/ ставить, поставить* не содержит сему «сопротивление усилию»). Участники референтной сцены представлены автономными сущностями. В эквивалентах на русском языке *отказать в проживании, выгнать из дома, выставить за дверь* при идентичном составе референтных объектов наблюдается динамика сопротивления со стороны пациента и усилия агента. Это возможно при концептуализации пациента как неавтономной,

зависимой сущности. Для экспликации содержания с зависимым пациенсом французский язык имеет другие единицы – *jeter, ficher, flanquer, foutre dehors*.

В русской лингвокультуре есть выражения, акцентирующие автономность участника. Ср.: *отделить детей (о молодоженах), поселить отдельно*. При этом пациент остается в зоне действия агенса (во французском языке он перемещается за ее границу *dehors/вне*). В выражении *уйти из дома* наблюдается другая организация сцены: действие производится агенсом, а изменение ситуации происходит сообразно его решению.

Разница в интерпретации события *со-отношения* в выражениях *mettre dehors l'enfant* и *выгнать из дома* предопределена разными социальными представлениями об отношениях между родителями и совершеннолетним ребенком: в первом случае он самодостаточен, во втором — зависит от родителей.

Задавая перспективу для интерпретации объекта речи [Чудинов 2013; Barcelona 2002; Caballero 2013; Fauconnier 1997], метафора фреймирует сложный социальный феномен схемами физического (или нефизического) опыта **конгруэнтно** лингвокультуре и социальным идеям.

Анализ регулярных метафорических проекций обнаруживает ограничения, вызванные спецификой осмысления социального феномена, сложившейся в определенном культурно-историческом контексте [Barcelona 2002]. Ученые утверждают обратное влияние сферы-цели на выбор элементов сферы-источника в метафоризации [Fauconnier 1997, 2006, 2008]. Идея о взаимообусловленности сфер, вступающих в проекцию, получила развитие в теории инвариантности [Lakoff 1980, 1992]. Внутренняя организация целевой сферы не только выстраивается согласно образно-схематической структуре сферы-источника, но и накладывает некоторое ограничение на развитие метафорических выводов. Из этого следует, что систематизация регулярных метафор дискурса объекта позволяет определить значимые аспекты осмысления абстрактных феноменов, которые сохраняются во всех метафорических реализациях. Так, например, во французских высказываниях

о межличностных отношениях регулярно наблюдаются примеры метафорической интерпретации гармонии в отношениях как совпадение направлений движения и разногласий как движение в разных направлениях. Ср.: *Vous et votre partenaire voudrez peut-être **emprunter des chemins différents** dans la vie/ Вы и ваш партнеро захотите, быть может, пойти разными путями в жизни (букв. занять разные дороги). // **naviguer ensemble pour les mêmes rêves/ двигаться (букв. плыть) вместе с одним целям // Les émotions sont un moyen de lier deux personnes et de les faire **avancer ensemble dans la même direction/ Эмоции – это способ сблизить двух людей и улучшить отношения (букв. заставить продвинуться в одном направлении).*****

Сформированное в социуме и культуре общее знание о межличностных отношениях содержит некий ценностный фрагмент, интерпретируемый в схеме НАПРАВЛЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ. Анализ когнитивной топологии сферы-источника (ПУТЬ) показывает, что направление пути предопределяется целью, которую выбирает участник, и его самостоятельным движением к ней. Дальнейшее восстановление метафорических соответствий ДВИЖЕНИЕ – ДЕЙСТВИЯ, ЦЕЛИ В ЖИЗНИ – НАПРАВЛЕНИЯ ПУТЕЙ приводит к заключению, что в схеме НАПРАВЛЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ интерпретируются жизненные цели каждого из партнеров. Это позволяет сделать выводы о том, что общность целей партнеров по отношениям и уважение целеустремленности каждого являются обязательным компонентом гармоничных отношений. Следовательно, знания об особом внимании к проявлениям личности и ценностном отношении к ее стремлениям, правам и интересам являются общим имплицитным компонентом контекстов высказываний об отношениях.

Вышеизложенное позволяет утверждать, что **регулярная метафора с рационализированным образом предоставляет говорящему удобный инструмент профилирования актуального на фоне общего знания. Удобство, привычность, авторитетность коллективного мнения, закрепленного в идиомах, мотивируют индивидуальную интерпретацию**

важного. Поэтому систематизация регулярных метафор с рационализированными образами, которые описывают взаимодействие людей, способствует раскрытию диспозитивности дискурса межличностных отношений. В высказывании индивидуальный смысл задается и ограничивается схемами метафор дискурса объекта, подчиняющими «видение» объекта речи общему культурно-специфичному знанию.

Рационализированные образы регулярных метафор неразрывно связаны с неявными, не выведенными в поверхностную структуру высказывания компонентами, – *скриптами*, или логическими допущениями, транслирующими обыденное знание о социокультурных нормах и социальных закономерностях.

2.4.5. Механизмы языкового сознания и дискурсивные условия диспозитивности

Общекогнитивные и дискурсивные условия интерпретации объекта речи представляют собой диалектическое единство ресурсов, активируемых в речепорождении смыслов о значимом фрагменте сферы социального опыта. Анализ взаимообусловленности моделей интерпретации и социокультурных конструкторов оставляет открытым вопрос о ее отражении в языковом сознании представителей лингвокультуры. Возникшая проблема выводит на первый план психолингвистический аспект исследования.

Релевантность социокультурных конструкторов для производства высказываний проявляется в их регулярном воспроизводстве в дискурсивных практиках. Ценностные установки культуры отражаются в причинно-следственных выводах, порядке развертывания дискурса, приписывания объектам речи определенных характеристик в обыденных рассуждениях [Федосова 2012; Hutchins 2010a, 2010b; Kimmel 2005].

Так, в работах о концептуальных метафорах нередко цитируется пример Дж. Лакоффа о неправильном понимании метафоры *the solution of my problems*

неким иранским студентом [Скребцова 2000: 40-41]. Исходя из значения английского слова *solution/ растворение*, иранец представил кипящую жидкость с растворенными проблемами в виде осадка, на который действуют катализаторы, то растворяя, то осаждая их. Такое представление метафоры предзадано эпистемическим контекстом, следствием нелинейной культурной практики, свойственной восточной ментальности. В западном мировоззрении проблемы осмысляются в последовательности этапов: проблемы приходят, решаются и уходят, исчезают. Иранец интерпретировал объект речи в характерной для восточного мировоззрения культурной практике: проблемы существуют всегда, они сгущаются, выпадают в осадок, решаются, затем снова существуют в мире в растворенном виде.

Данный пример демонстрирует то, что интерпретация объекта речи предопределяется привычным ракурсом его «видения» и может отразиться в семантике речевого материала, который респондент продуцирует в ситуации психолингвистического эксперимента. Интерпретируя объект речи в новом локальном взаимодействии, говорящий ориентирован **сложившимися в лингвокультурной среде и дискурсивно усвоенными типизированными моделями.**

Эффективность экспериментального исследования языкового сознания признается во многих трудах и концепциях (А. А. Леонтьев, Л. В. Сахарный, А. М. Шахнарович, Н. М. Юрьева и др.). Общей особенностью психолингвистического эксперимента является целенаправленная активизация определенного лингвокогнитивного феномена у испытуемых, что позволяет глубже его изучить [Глухов 2005: 294, Денисенко 2008; Леонтьев 2005]. Испытуемый оказывается в ситуации «управляемого выбора» [Денисенко 2008]. Экспериментатор оставляет неизменными все факторы, влияющие на выбор и решение испытуемого, кроме предмета исследования. Остальные обстоятельства не учитываются.

Целью психолингвистического анализа диспозитивности становится выявление корреляций между моделями интерпретации и социокультурными

конструктами. В ходе проведения экспериментальной работы устанавливается отражение специфики языкового сознания в варьировании инвариантов интерпретации.

Исследование включает два этапа. На первом этапе производится *неструктурированный опрос* русских и казахских респондентов. На втором — применяется *методика переводческого эксперимента* с представителями русскоязычной и франкоязычной языковой среды. Методика, процедура и параметры анализа каждого этапа подробно представлены в пятой главе диссертации. В ходе неструктурированного опроса выясняется, что варьирование схем интерпретации происходит в пределах концептуальных векторов инвариантной модели *со-отношения*, характерной для лингвокультуры.

Переводческий эксперимент призван доказать роль дискурсивных практик в предзаданности интерпретации тем или иным инвариантом и выявить корреляцию высказываний с *сегментами знаний*, которые *контекстуально обусловлены* и *приемлемы* в дискурсе определенного лингвокультурного сообщества.

Выводы по второй главе

Во второй главе разработана методология исследования категории диспозитивности дискурса. В ее основе лежат методологические принципы *когерентности контекста, целостности концептуального содержания, иерархичности концептуальной структуры, интеграции дискурсивного и культурного знаний, интеграции дискурсивного и социального действия.*

Обозначенная система принципов, а также методов и приемов научного познания утверждает: *значимость* речевого знака как уникальной смысловой версии объекта речи; *релевантность* контекста, активируемого речевыми средствами под влиянием социальных идей, представлений и культурных ценностей.

Категорию диспозитивности предлагается изучать в терминах моделей и средств интерпретации, сложившихся вместе с социальным феноменом в определенной лингвокультурной общности. При рассмотрении диспозитивности дискурса особое значение имеет понятие референтной сцены. Определяется, что ее конфигурация ориентирована инвариантом интерреляции и предзадана социокультурным конструктом, сформированным в контексте лингвокультуры.

Категория диспозитивности дискурса раскрывается через моделирование и описание диалектического единства общекогнитивных и дискурсивных условий выбора говорящим способа и средства интерпретации.

Предложена методика когнитивно-функционального анализа категории диспозитивности дискурса, которая далее будет применяться к дискурсу межличностных отношений во французской, русской и казахской лингвокультурах. Она включает следующие значимые аспекты исследования:

- *вариативно-репрезентативный* анализ выделяет инварианты интерпретации, которые ориентируют содержание высказывания; предполагает определение события, обеспечивающее единство дискурса, и выделение его инвариантных моделей;
- *семантико-когерентный* аспект исследует предопределенность референтной сцены, обусловленную концептуальным вектором того или иного инварианта;
- *эпистемически-референтивный* анализ выявляет ограничения интерпретации, накладываемые общим знанием коммуникантов и составляющие лингвокультурную специфику дискурса;
- *психолингвистический аспект* нацелен выявить имплицитные компоненты контекста, подтверждающие влияние общего знания на оречевление смыслов у представителей разных лингвокультурных сообществ.

Единство дискурса межличностных отношений как дискурса объекта обеспечено событием со-отношения, под которым понимается значимое устремление одного субъекта на другого и ожидание ответного устремления.

Общекогнитивные условия диспозитивности дискурса межличностных отношений заданы моделями интерреляции, т. е. моделями, которые активируются в репрезентации события со-отношения. Интерпретация события со-отношения ограничена тремя инвариантами: движения, объекта или процесса. Концептуальная рамка модели интерреляции задает формат референтной сцены с двумя участниками и третьей метафигурой, аккумулирующей эмпирические знания о движении и размещении в пространстве, манипуляциях с предметами или циклических процессах.

Концептуальное содержание, представленное в сцене, когерентизируется концептуальными векторами инварианта. Они предопределяют качественные характеристики сцены и их значимость относительно друг друга. Концептуальный вектор инварианта обуславливает концептуальное содержание фона сцены в профилировании актуального смысла. Инвариант интерпретации задает ракурс видения объекта речи, поэтому выбор модели интерпретации несвободен от ценностных установок говорящего.

Анализ дискурсивных условий диспозитивности раскрывает взаимообусловленность типизированного ракурса репрезентации объекта речи и социокультурных идей, сложившихся вместе с сегментом соответствующей сферы опыта. Выявление имплицитных и инференциальных компонентов содержания в кореферентных высказываниях обнаруживает социокультурные конструкторы, которые являются следствием субъективной интерпретации культурных установок.

Конструктор регулирует конфигурацию индивидуального смысла сегментам общих знаний. Его познавательные координаты восстанавливаются посредством анализа содержательных компонентов, привлеченных в контекст не интенцией говорящего, а скриптами, кодом субъективной позиции, регулярными метафорами, т. е. дискурсом как средой речевых взаимодействий. В диссертации предлагается авторская методика моделирования социокультурного конструктора, которая включает:

- восстановление скриптов в высказывании о межличностных отношениях с помощью формулы из пяти выводов, определяющих истинность высказывания;

- анализ субъективной позиции по отношению к объекту речи с помощью формулы из четырех выводов, раскрывающей убеждение говорящего в ценности определенных идей для всех подобных объектов сферы социальных взаимодействий;

- анализ схем интерпретации, заложенных в регулярных метафорах, которые подчиняют «видение» объекта речи конгруэнтно лингвокультуре и общему культурно-специфичному знанию, предоставляя говорящему удобный инструмент профилирования актуального на фоне общеизвестного.

Привычность и авторитетность коллективного мнения обуславливают аттрактивность тех или иных ракурсов события для представителей лингвокультуры. Корреляция между моделями интерпретации и социокультурным конструктом устанавливается в ходе экспериментального исследования с представителями разных языковых сред.

ГЛАВА 3. МОДЕЛИ ИНТЕРРЕЛЯЦИИ В ДИСКУРСЕ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Глава посвящена моделированию общекогнитивных условий интерпретации события со-отношения как объекта речи в высказываниях о межличностном взаимодействии. Рассматриваются модели интерреляции, реализующие различный объектно-событийный формат представления знаний в зависимости от ориентирующего инварианта. Выявляются аспекты референтных сцен, заданные концептуальными векторами инварианта и восстанавливаемые в семантике речевых средств. Интерпретирующий потенциал инварианта интерреляции раскрывается посредством анализа метафорических проекций и значимых атрибутов референтных сцен. Проявления инварианта описываются посредством конкретных элементов – образных схем, которые систематизированы. Определяются качественные характеристики участки референтных сцен, заданные инвариантом (фон, фокусный центр, связность, метафорическая модель). Делаются выводы о вариативно-репрезентативном и семантико-когерентном аспекте диспозитивности.

3.1. Вариативно-репрезентативный аспект анализа диспозитивности

Выбор модели интерреляции определяется тремя инвариантами, за счет которых происходит активация соответствующей сферы физического опыта — перемещения в пространстве, манипуляции с предметами или циклического развития. Концептуальные и семантические *следствия* интерпретации определяются особенностями соответствующего инварианта. Это обусловлено природой человеческого мышления, а именно тем, что любая репрезентация актуализируется в комплексе представлений, иначе, в универсально-предметном коде [Жинкин 1964: 35–38; Залевская 2011;

Ковшиков 2009; Леонтьев 2005].

Полагаем, что модель *интерреляции* может быть установлена на основе анализа комплекса взаимосвязанных представлений, значимых для речепроизводства. Активация объекта представления происходит одновременно с определением его признаков, функций, объектно-объектных и субъектно-объектных отношений [Жинкин 1996]. Характеристики со-отношения являются максимально абстрактными и сводятся к конкретной схеме. Она восстанавливается в семантике естественного языка.

Следуя этим рассуждениям, мы выделяем три инварианта интерреляции. Каждый из них обобщает комплекс представлений в модели события.

3.1.1. Модель интерреляции СУЩНОСТЬ 1 – ПРОСТРАНСТВО – СУЩНОСТЬ 2

В основе модели лежит инвариант движения, он ориентирует референтные сцены схемами физического опыта перемещения в пространстве.

Абстрактное со-отношение между двумя объектами представлено как *стремление двигаться в одном направлении*. Участники сцены профилируются в динамике движения. Значимым атрибутом сцены становится пространство, где происходит перемещение, размещение, визуализируются траектории и границы участников.

«Устремление на другого» осмысляется как *стремление сократить дистанцию с динамической сущностью и скоординировать траектории движения*. Комплекс общих и существенных признаков, активируемый инвариантом движения, можно схематически представить следующим образом (см. Рисунок 5).

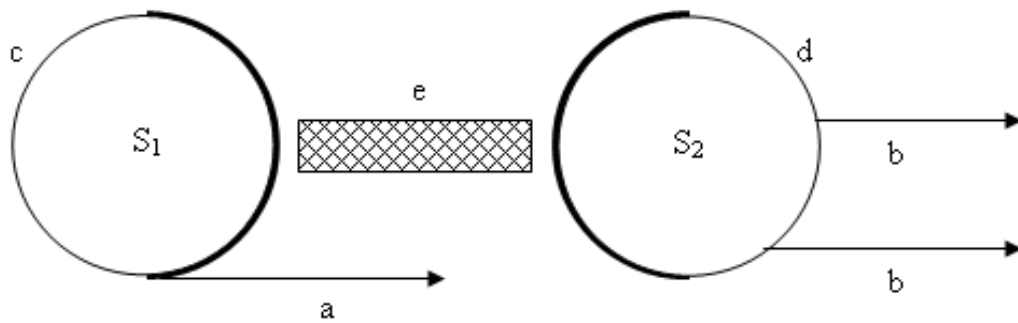

Рисунок 5 – Комплекс взаимосвязанных представлений, организующих инвариант движения

Сущность-агент со-отношения (S1) и сущность-объект со-отношения (S2) идентифицируются в динамике движения. Агент (S1) стремится к сокращению дистанции (вектор а), объект — к сохранению динамики движения (вектор б). В такой организации референтной сцены значимы контуры участников (дуги с и d), они обеспечивают координацию траекторий движения. В пределах сцены выделяется пространство между сущностями как условие сохранения возможности перемещения (четырехугольник е).

Данный комплекс представлений входит в **модель интерреляции СУЩНОСТЬ 1 – ПРОСТРАНСТВО – СУЩНОСТЬ 2**. Участники соотносятся «сопряженно» с их потенциальными действиями (движениями) в пределах пространственного континуума. Ср.: *Наши отношения **проходят** трудный этап. // Мы **продвинулись** в отношениях.*

Концептуальные векторы инварианта движения

Модель интерреляции **СУЩНОСТЬ 1 – ПРОСТРАНСТВО – СУЩНОСТЬ 2** задает референтной сцене динамику движения и наделяет ее объекты пространственными координатами. Смыслы об отношениях интерпретируются в речевых средствах, отсылающих к физическому опыту перемещения. Ср.: *Важна не проблема, а то, как двоим удастся сохранить желание **двигаться дальше** и вместе **преодолевать** сложности, которые **встречаются на их пути**. // Il était celui avec lequel je pourrais tout vivre, tout **traverser**/ Он был тем, с кем я могла бы все пережить, все преодолеть (букв. *пересечь*). // Votre partenaire vous découvrira peu à peu tout au **long de votre***

chemin ensemble/ Ваш партнер будет постепенно раскрываться на протяжении всего вашего совместного пути. Профилируется пространственное расположение участников референтной сцены относительно своих траекторий. Ср.: ... *желание **идти навстречу друг другу** в **поисках** решения кризисных ситуаций.* // *Күйеуінің жүрегін жаулағысы келген келін енесінің жүрегіне **жол** табуы тиіс/* Невестка, желающая завоевать сердце мужа, должна найти путь к сердцу свекрови.

Концептуальными векторами организации референтной сцены становятся схемы, обобщающие физический опыт согласованного или несогласованного движения. Референтные сцены ориентированы схемами ПУТЬ, ДИСТАНЦИЯ, ТРАЕКТОРИЯ, ЦЕЛЬ, ДВИЖЕНИЕ ВПЕРЕД, СОПОЛОЖЕНИЕ ТЕРРИТОРИЙ и т. д.

Ср.: *Vous avez rencontré un homme qui vous plaît, et maintenant, vous voulez **avancer** dans la rencontre/* Вы познакомились с женщиной, который вас заинтересовал, и теперь хотите двигаться дальше (букв. продвигаться вперед во встрече). Участники события наделяются динамическими характеристиками. Границы сцены затемнены, профилируется движение. Референтная сцена ориентирована схемой ДВИЖЕНИЕ ВПЕРЕД. Траектор (первичный фокус) высвечивает ПУТЬ, ориентир детализирует расположение участника в перспективе ДАЛЬШЕ – БЛИЖЕ. Стремление к доверительным и интимным отношениям осмысливается в знаниях о физическом опыте движения к цели. Чем дальше участники продвигаются, тем лучше становятся отношения.

В высказываниях о проблемах используются речевые средства с семантикой преград и помех движению. Ср.: *Identifier les points qui le **freineraient/*** Определить моменты, которые могут помешать (букв. выяснить точки, которые его тормозят). Проблемы в отношениях переосмысливаются за счет знаний о препятствиях. Ориентиром референтной сцены выступает схема ЗАМЕДЛЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ. Препятствие движению возможно, если в процессе интерпретации активизируется схема ПУТЬ и

участники-сущности двигаются по некоторой траектории. Важно отметить, что сохранение динамики движения указывает на временный характер проблем (скорость снижается, но движение продолжается). При такой организации сцены схема ОСТАНОВКА ДВИЖЕНИЯ активизирует смыслы о серьезных проблемах. Ср.: *сталкиваться с непреодолимыми проблемами // напоролись на быт // Отношения зашли в тупик.*

Когнитивная топология инварианта движения приводит к тому, что значимыми атрибутами референтных сцен являются пространство перемещения и динамика движения.

3.1.2. Семантика речевых средств, реализующих инвариант движения

Модель интерреляции СУЩНОСТЬ 1 – ПРОСТРАНСТВО – СУЩНОСТЬ 2 соотносит две сущности, наделяя их комплексом динамических характеристик. В ситуации речепорождения одна из характеристик становится схемой, которая ориентирует процесс интерпретации. Образные схемы, воплощающие опыт перемещения и движения в пространстве, реконструируются на основе значений речевых знаков. По этой причине речевые средства, объективирующие инвариант движения, можно разгруппировать по семантике движения и расположения в пространстве.

Так, событие со-отношение интерпретируется глаголами, в предметно-понятийном значении которых есть компонент «перемещение в пространстве» (*aller, traverser, passer, идти, пройти, преодолеть, шыгу, жүру, өту, кету, келу, аяқ басы*). Ср.: *traverser toutes les épreuves à nos côtés/ преодолеть все испытания, выпавшие нам // quelqu'un qui nous fera passer en premier/ Кто-то, кто позаботится о наших интересах в первую очередь (букв. даст пройти первым).* // *Si vous n'avez aucun objectif en tête pour votre relation, il vous sera plus difficile d'expliquer à votre partenaire pourquoi vous souhaitez ralentir les choses/ Если вы не понимаете, к чему стремитесь в отношениях, вам будет*

сложно объяснить партнеру, почему хотите двигаться медленнее. // Они **проходят через** череду трудностей. // **прийти** к взаимопониманию в семье // Әрине егер сүйіктіңіз шектен **шығып бара** жатса...! Конечно, если ваш возлюбленный заходит слишком далеко... // Осындай ұсақ-түйектермен бірге екеу арасындағы романтика да **кетеді**/ Вместе с подобными мелочами из отношений уходит романтика. // **құрметке өту**/ уважать (букв. перейти к уважению) // Құрметі қалса, бұл отбасы тату өмір сүруге **аяқ баса**/ Если сохранится уважение, эта семья сделает шаг (букв. ступит ногой, чтобы начать путь) к счастливой совместной жизни.

Глаголы движения с семами «продвижение вперед» также репрезентируют событие *со-отношение*, осмысленное как совместное стремление к целям. Ср.: *Les caps à passer pour **avancer**, à deux/ Усилия, которые надо сделать вместе, чтобы продвинуться дальше. // Вы сидите и беспокоитесь о том, кто будет двигаться дальше, или как **продвигаться** в отношениях вместо того, чтобы осознать, что отношения **застряли**.*

Отдельную группу составляют лексические единицы, указывающие на меру длины, расстояния, т. е. означающие различные способы продвижения (*pas*, шаг, қадам). Ср.: *Au fur et à mesure que vous faites **de petits pas vers l'objectif de votre relation/ С каждым маленьким шагом, приближающим вас к цели в ваших отношениях. // Сколько еще необходимо сделать **шагов**, чтобы прийти к нормальным отношениям? // Күйеуге шығуға арналған **қадам**/ Шаг, чтобы выйти замуж. // Үйлену – адамның өміріндегі ойланып, толғанып барып жасайтын маңызды **қадам**/ Вступление в брак – важный шаг в жизни человека, требующий тщательного обдумывания и взвешенности. // Шешім қабылдауға немқұрайлы, өмірдегі өз жолын табудан адасады, **алға қадам** басудан үркетін болады/ Он равнодушен к принятию решений, теряется в поиске своей цели в жизни и боится сделать шаг вперед.***

Кроме прямых указаний на перемещение, интерреляция движения получает оформление за счет речевых средств, значения которых отсылают к обстоятельствам и особенностям опыта перемещения в пространстве. Ими

являются лексические единицы с семантикой преград, плохих путей, преодоления препятствий на пути (*surmonter, преодолевать, сталкиваться, скатываться, кедергіден өту*). Ср.: *surmonter ces défis/ преодолеть неприятности // surmontera tous les écueils, se renforcera à chaque obstacle/ преодолеть все ловушки, стать сильнее с каждым препятствием // Мы все порой скатываемся в эту позицию. // Вы сталкиваетесь с какой-то проблемой в отношениях. // Талай кедергіден өтіп, қол ұстасқан жас жұп отбасы құрған кезде осымен бәрі тамам деседі/ После того, как молодая пара, преодолев множество препятствий, берется за руки и создает семью, кажется, что все закончилось.*

Значения лексических единиц, которые используются для описания участников референтных сцен, заданных инвариантом движения, имеют признак акциональности, т. е. готовности совершить действие (*direct, ouvert, ашық*). Ср.: *Certaines personnes sont plus directes et assertives/ Некоторые люди более прямолинейны и напористы. // Cette personne doit être ouverte, aimer s'amuser/ Этот человек должен быть открытым, любить развлечения. // Avez une attitude ouverte et bienveillante l'un envers l'autre/ Будьте открыты и добры друг к другу. // Өзінің жаңа қарым-қатынастарға ашық екенін/ Будьте открыты новым отношениям. // Бұл сіз үшін тіпті жақсы: сіз еркінсіз және жаңа таныстықтар үшін ашықсыз/ Это для вас даже хорошо: вы свободны и открыты новым отношениям.*

Описание различных аспектов взаимоотношений производится речевыми средствами, обозначающими свойства, обстоятельства движения (*tempo, cadence*). Ср.: *Chaque couple existe dans son tempo. // ralentir la cadence dans la relation/ снизить темп (букв. притормозить) в отношениях.*

Другой группой речевых средств, реализующих интерпреляцию движения, становится лексика, значение которой указывает на место и очертания объектов в пространстве (*bord, côté, границы, сторона, шекара, сызық*). Речевые средства обозначают отдельные части объектов или их контуры. Ср.: *Ça permet de mettre un bord cadre/ Это позволяет обозначить*

*границы // Сразу обозначить **границы** дозволенного и самой их не переходить.*
*// Et cette fois il n'a pas intention de rester de **côté**/ На этот раз он также не*
*собирается оставаться в **стороне**. // жеке **шекараны** құрметтемеу/*
*уважать личные границы // Егер басқа адам бұл **сызықтан** өтіп кетсе... /*
Если другой человек перейдет эту черту... .

Пространственная семантика может быть представлена словами со значением размещения, территории, другого ограниченного пространства (*terrain, территория, позиция, ограничение*). Ср.: *trouver un **terrain** d'entente // любящие люди не **вторгаются на территорию** ключевых мировоззренческих **позиций** // вы ему пытаетесь создать **ограничения***. Значение «уйти из общего пространства» репрезентирует смыслы о расставании. Ср.: *вовремя **сбежать** из неприятных отношений // Жаман қарым-қатынастан қалай шығуға болады? / Как выйти из плохих отношений*.

Предлоги с пространственным значением также являются указанием на реализацию инварианта движения. Ср.: *être **dans** la relation/ быть в отношениях // Il est perdu **entre** le fait que c'est important que j'ai une bonne relation avec ses parents et le fait qu'il est amoureux/ Он мечется между желанием, чтобы у меня были хорошие отношения с его родителями, и своими чувствами ко мне. // Сосын ұлыңа **қарсы** қояды/ Она тогда на сына обозлится (букв. встанет напротив).*

Таким образом, речевые средства, реализующие интерреляцию движения, можно систематизировать по наличию компонента «движение / отсутствие движения в пространстве» и компонента «расположение в пространстве». Первая группа представлена в трех языках глаголами и существительными с семами движения, а также прилагательными, значение которых имеет признак акциональности. Данные средства репрезентируют динамические характеристики сущностей со-отношения. Вторая группа вербализует пространственные характеристики, значимые для совершения движения. В исследуемых лингвокультурах эту роль выполняют существительные с пространственной семантикой. Во французском и русском

языках расположение сущностей относительно друг друга может быть обозначено с помощью предлогов. Данный способ реализации инварианта движения не используется в высказываниях на казахском языке.

3.1.3. Модель интерреляции СУЩНОСТЬ 1 – ОБЪЕКТ – СУЩНОСТЬ 2

Интерпретация события со-отношения происходит с привлечением знаний о физическом опыте манипуляций с одушевленными и неодушевленными предметами. Ср.: *держаться друг за друга // привязанность // он в надежных руках // потерять любовь // обрести надежного друга*. Абстрактному со-отношению приписываются *характеристики и свойства материального предмета*. Концептуальная рамка включает: 1) схемы, закрепляющие опыт контроля над перемещением предмета; 2) схемы представлений о предмете, общие для участников события или объединяющие их в одно целое. Комплекс взаимосвязанных представлений, организующих инвариант объекта, схематично представлен на рисунке (см. Рисунок 6).

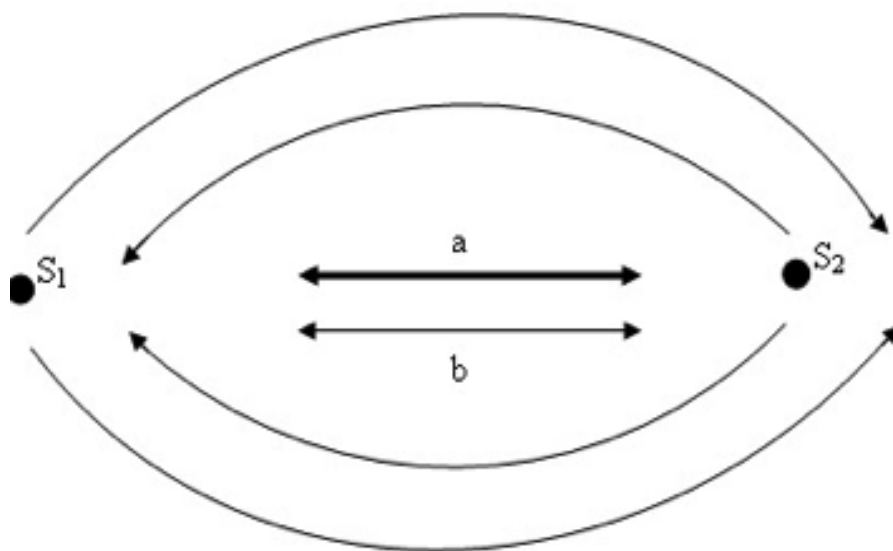

Рисунок 6 – Комплекс взаимосвязанных представлений, организующих инвариант объекта

Участники со-отношения (S1 и S2) имеют статические характеристики. В таком формате события сущности стремятся сохранить статическое состояние и устойчивое положение. Этому способствует какое-либо удержание их в зоне взаимодействия (дуги, исходящие из S1 и S2). В пределах референтной сцены значение имеет то, что сохраняет естественную статику, устойчивость положения. Ср.: *ребенок нас объединяет // завязать знакомство // привлечь на свою сторону // прочные связи.*

Данный комплекс представлений обобщается в **модели интерреляции СУЩНОСТЬ 1 – ОБЪЕКТ – СУЩНОСТЬ 2**. Вычленение соотнесенности участников происходит одновременно с профилированием их статических характеристик. Со-отношение осмысливается как наличие общего предмета или предметов, выполняющих функцию объединения участников в одно целое.

Концептуальные векторы инварианта объекта

В пределах референтной сцены профилируется стремление взаимодействующих субъектов сохранить статическое положение (*быть всегда рядом*) или установить статическое положение (*сблизились*). Участники события представлены как обладатели предмета или те, кто осуществляет контроль над перемещением предмета. Ср.: *донести свои желания до партнера*. Предмет является инструментом объединения. Ср.: *Уважение связано с доверием.*

Значимость статического положения обуславливает привлечение знаний о способах контроля и удержания (вектор б на рисунке б), что переосмысливается в образе связи или связующих предметах, или адапторах объединения. Ср.: *родственные узы // оковы брака // liens/ связи // attachement/ привязанность // байланы / связь.*

Динамические характеристики участников сцены репрезентированы как движение относительно линии осевой симметрии. Ср.: *Между ними как кошка пробежала. // Өмірдің сабағын серігіңізбен бірге алған соң енді қауышпайтындай екі жаққа кетіңіз/ Усвоив урок жизни, с мужем расстаньтесь раз и навсегда (букв. в две стороны уходите).* В фокусе

внимания оказывается участок сцены, расположенный между двумя. Ср.: *аралары жақсы/хорошие отношения (букв. между ними хорошо) // арамызда/то, что между нами, наши отношения // екеу арасында/ в паре (букв. между двумя).* Участники совершают движение либо навстречу друг другу, либо в противоположные стороны. Ср.: *Мы стали ближе. // развестись // подходить друг другу характерами // встретить подходящего человека // Арамызда бәлендей ештеңе болған жоқ, тек мінезіміз келіспей қалды/ Между нами не было ничего плохого, просто характеры разные (букв. разошлись).*

Значимым атрибутом референтной сцены является пространство между участниками (дуги на рисунке 6). Репрезентация активизирует представление об измеримости этого расстояния. Если оно больше некоего предела, соотношение прекращается. Ср.: *разбежаться // отдалиться // разойтись // развестись // екі жаққа кету/уйти в разные (букв. две) стороны.* В примерах выше семантика глаголов включает компонент «движение участников в противоположных направлениях».

Концептуальные векторы инварианта объекта реализуются в схемах ВЛАДЕНИЕ, ОБЪЕКТ ВЛАДЕНИЯ, ОБЩИЙ ПРЕДМЕТ, СВЯЗЬ, РАССТОЯНИЕ, ОБЪЕКТ, ОБЪЕДИНЕНИЕ.

Статическое положение участников референтной сцены и стремление сохранить это положение приводят к определенным предпочтениям в выборе речевых средств интерпретации события.

3.1.4. Семантика речевых средств, реализующих инвариант объекта

Семантика речевых средств, объективирующих инвариант объекта, передает знания: 1) из сферы опыта манипуляции с предметами; 2) о свойствах и признаках материального предмета; 3) о посессивности, неотчуждаемой собственности; 4) из сферы физического опыта об инструментах и способах удержания сущности в статическом положении.

Инвариант объекта обнаруживается в глаголах с семантикой манипуляции и действий с предметами (*trouver*, *найти*, *потерять*, *поддерживать*, *возлагать*, *работать над*, *приобретать*, *дарить*, *алу*, *ұсыну жіберу*, *тастау*). Ср.: **trouver** *un bon partenaire*/ *найти* *хорошего партнера* // *найти* *хорошего и надежного человека* // **поддерживать** *друг друга* // *боязнь потерять* *любимого человека* // *вместе работать над* *отношениями* // Так как всегда **приобретает** *больше и знает об этом, потому что, даря* *другому* *свою нежность, заботу и ласку, он ее получит* *взамен.* // *Әрбір сәттен ләззат алып/ От всего получать удовольствие.* // *достық ұсыну/ предлагать дружбу*// *әйел жіберу/ развестись с женой* (букв. *отпускать из рук жену*) // *Мені тастап, басқаға кетеді/ Он бросит меня, уйдет к другой.*

Интерпретация *со-отношения* инвариантом объекта реализуется в значениях речевых средств, указывающих на создание объекта (*construire*, *bâtir*, *строить*, *устанавливать*, *укреплять*, *орнату*, *құралу*). Ср.: **construire** *un nouveau couple*/ *строить* *новые отношения* // **bâtir** *une relation de confiance dès les premiers jours*/ *с первого дня укреплять доверительные отношения* // **укрепить** *отношения в паре* // **строить** *крепкую дружбу* // **установить** *доверие и взаимопонимание* // *Байланыс орнататын күрделі процесс/ Установить связи – сложный процесс.* // *Мұндай қарым-қатынастағы отбасы мәңгілік және берік, түсіністіктен құралған/ В таких отношениях семья будет вечной и крепкой, построенной на взаимопонимании.*

Вторая группа речевых средств восстанавливает признаки, свойственные материальным предметам: они состоят из частей. Ср.: *Cherchez un partenaire qui partage vos priorités/ Ищите партнера, который разделяет ваши ценности.* // *Quelle est notre part de responsabilité?/ Какова ваша часть ответственности?* // *Мы две половинки одного целого.* // *Я изо всех сил вкладывался в отношения.* Прилагательные репрезентируют характеристики, приписываемые предметам (*indefectible*, *крепкий*, *нерушимый*, *прочный*, *берік*). Ср.: *attachement indefectible/ нерушимая привязанность* // **прочные** *связи* // **нерушимая** *связь* // **берік** *достық/ крепкая дружба.*

Инвариант объекта объективируется в семантике предлогов, указывающей на участок референтной сцены между участниками (*между нами, entre nous, арасында*). Ср.: *Между нами* уже ничего общего. // Как кошка *между ними* пробежала. // *держатъ возле* себя // *Il y a toujours autant de malentendus entre nous/ Всегда столько недопонимания между нами. // Pourquoi est-ce si compliqué entre nous?/ Почему все так сложно между нами? // Арасындагы* ең үлкен құбылыс бұл қарым-қатынас/ Самое важное явление между людьми – это общение. // *Қайын ағамыз келіп ортамызға түсті/ Брат мужа* вмешался в конфликт (букв. *между нами* встал).

Третья группа речевых средств, восстанавливающих инвариант объекта, относится к сфере знаний о собственности (*être possessive, быть собственником, өзімшіл*). Ср.: *En amour comme en amitié, être possessive est un besoin d'exclusivité de la relation qui donne la sensation de rester maître de l'objet de notre amour/ В любви и дружбе собственничество — это потребность в эксклюзивности отношений, дающая ощущение контроля над объектом нашей привязанности. // быть собственником в отношениях // Кейбірі, отбасында жалғыз болғандықтан, ешкіммен ештеңені бөлісе алмайтын өзімшіл, қызғанишақ болып өседі/ Некоторые, будучи единственными в семье, вырастают неспособными ни с кем поделиться чем-либо, собственниками и ревнивцами.*

В репрезентации задействованы глаголы, значение которых активизирует опыт владения предметами (*avoir, cacher, recevoir, иметь, скрывать, предлагать, алу, жетісу*). Ср.: *Cela peut signifier qu'elle n'a pas eu de chance, mais aussi qu'elle est incapable d'avoir une relation à long terme/ Это может означать, что ей не повезло, но также и то, что она неспособна иметь длительные отношения. // Dans ce cas, ils préfèrent souvent cacher leur relation afin d'éviter la stigmatization/ В этом случае они часто предпочитают скрывать свои отношения, чтобы избежать стигматизации. // Quand une relation débute, le moins que l'on puisse espérer est de recevoir la même réciprocité de la part de l'autre, en termes de détail, d'attention et de valeur envers qui nous*

*avons à nos côtés, de lui **donner** le sentiment d'être spécial, aimé et respecté/ Когда отношения начинаются, меньшее, на что мы можем надеяться, это, чтобы **получить** такую же взаимность от другого, а именно, быть внимательным и ценить того, кто рядом с нами, дать им почувствовать себя особенными, любимыми и уважаемыми. // Кейбіріне бала кезден махаббат **жетіспейді**, сондықтан махаббатын тапқан кезде оны **жоғалтып алудан** қатты қорқады/ Некоторым не хватало любви в детстве, поэтому, когда они находят любовь, они боятся ее потерять. // Сүйіктіңізді **біреу алып** кетердей күйдесіз/ Вы переживаете ситуацию, будто кто-то отнимает у вас любимого человека.*

В высказываниях на русском языке семантика предлога у реализует отношения посессивности (обладатель – объект обладания). Ср.: *У меня парень есть. // У нас все серьезно. // У тебя есть он... хочешь ли ты его с кем-то делить? // Мужики так устроены, им интересны только те женщины, у которых уже кто-то есть.*

Инвариант объекта обуславливает использование речевых средств со значением «неотчуждаемой» собственности (термин Ч. Филлмора). Ср.: *Она – его правая **рука**. // **сердечко** мое // **бауырым**/ очень близкий и дорогой человек, близкий родственник, младший брат (букв. моя печень).*

Четвертая группа объединяет речевые средства с семантикой связи, указывающие на сферу знаний об инструментах и способах удержания (*lien, attachement, связь, привязанность, байланыс*). Ср.: *créer **un lien** plus fort/ создавать крепкую связь // Leur **lien de parenté** n'est pas toujours connu/ Их родственная связь не всегда понятна. // L'**attachement** est une certaine emprise sur l'autre, on a peur de le perdre/ Привязанность – это всегда некоторая духовная связь. // У нас с ней особая **связь**. // сердечная **привязанность** // Махаббат – сезіммен **байланысты**/ Любовь – связанность чувствами. Способы связи могут быть представлены и другими значениями (*chaîne, ancre, crochet, звено, хомут, құрық*). Ср.: *Comme s'il s'agissait d'**ancres** ou de **chaînes** pour attacher la personne de ses rêves et avoir son corps à la maison, même s'il n'a**

*plus son amour/ Словно речь шла о якорях или цепях, чтобы связать человека от его планов и удерживать его тело дома, даже если он уже не любит. // Ils vivent au crochet de leurs parents/ Они обеспечиваются родителями (букв. живут на их крючке). // Ребенок для супругов – **связующее** звено. // **хомут** на шею // Қызганышымды тез **құрықтап** үлгердім/ Мне удалось быстро обуздать свою ревность.*

Глаголы, значения которых активируют знания о манипуляциях со связующими предметами, также указывают на реализацию инварианта объекта (*accrocher, tisser, couper, оторвать, разорвать, оборвать, үзілу*). Ср.: *T'es tellement **accroché** à ton copain/ Ты настолько привязан к своему другу. // Comment **tisser** une relation de confiance sans créer de dépendance?/ Как завязать доверительные отношения, не создавая зависимости? // C'est dur de **couper** une relation, un lien avec un enfant/ Это тяжело, оборвать (букв. отрезать) отношения, связь с ребенком. // **разорвать** отношения // **оторвать** от семьи // **разорвать** связи // **вырвать** из сердца // **оторванный** кусок (о близком родственнике, который не поддерживает отношения) // **оторви** да брось (о непослушном, неподчиняющемся требованиям ребенку) // **байланыс үзілді**/ связь оборвалась // Кей нәрселерден үмітіңіз **үзіледі**/ Иногда приходится смириться с тем, что некоторые вещи не сбудутся (букв. некоторые вещи вашу надежду обрывают).*

Объединение участников со-отношения в одно целое может быть репрезентировано посредством синтаксического оформления высказывания. То, что делает субъектов одним целым, является подлежащим, участники со-отношения выполняют роль зависимых членов предложения. Ср.: ***Наши отношения** под угрозой. // **Отношения** стали для меня невыносимыми. // **Такое отношение** просто убивает (не партнер, а его отношение) // завязались **отношения** (сами по себе, без участия субъектов). // **Арамызда** бәлендей ештеңе болған жоқ/ Между нами ничего такого не было.*

Таким образом, речевые средства, реализующие интерреляцию данного типа, можно систематизировать согласно логико-денотативным признакам

объекта: его свойствам, функциям, принадлежности, а также возможности манипуляций с ним. В исследуемых лингвокультурах первую группу средств составляют глаголы, обозначающие действия по контролю и перемещению материальных предметов. Вторая группа представлена глаголами со значением действия, направленного на создание объекта, а также прилагательными, описывающими материальные характеристики и свойства объекта. Третья группа речевых средств реализует присущее предметам свойство посессивности. Это, в частности, происходит за счет актуализации значения собственности и «неотчуждаемой» собственности. В русских высказываниях посессивность может также быть выражена предлогом у. Четвертая группа средств в трех лингвокультурах представлена значениями, отсылающими к сфере знаний об инструментах, выполняющих функцию удержания, и к действиям со связующими и удерживающими предметами.

3.1.5. Модель интерреляции СУЩНОСТЬ 1 – ЦИКЛ – СУЩНОСТЬ 2

В основе этой модели интерреляции лежит инвариант цикла. Динамические и статические характеристики участников события соотношения не выделяются, поскольку в динамике общего циклического процесса свойства вовлеченных в него частиц затемняются. Оба участника охвачены центростремительной силой, внешней по отношению к ним и для бесконечного количества подобных. Ср.: *закрутило страстями // уживаться друг с другом // принадлежать одному кругу*.

Комплекс взаимосвязанных представлений, организующих инвариант (см. Рисунок 7), активизирует эмпирические знания о природном цикле, явлении, процессе. Ср.: *возникла любовь // появляется недовольство // взрастить чувство ненависти*.

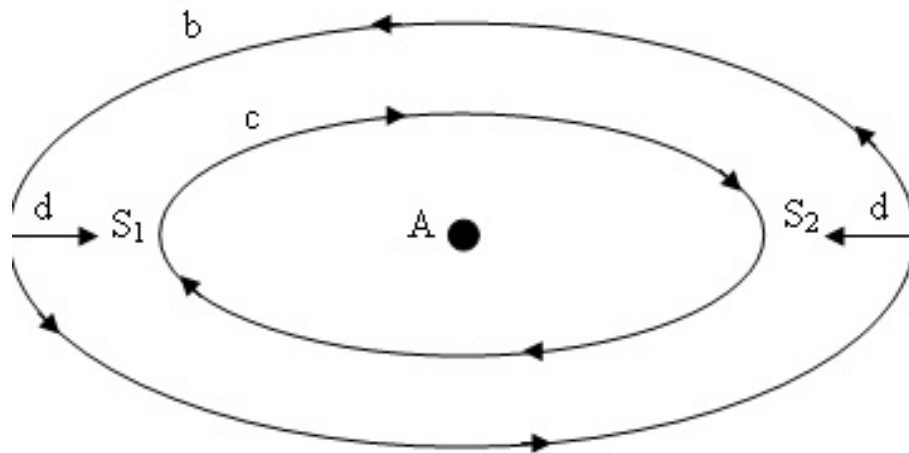

Рисунок 7 – Комплекс взаимосвязанных представлений, организующих инвариант цикла

Признаки и свойства сферы взаимодействия выделены сильнее, чем характеристики участников S1 и S2 в общем процессе (круговые стрелки c, b). Внешняя по отношению к ним центростремительная сила (векторы d) является значимым атрибутом события. В организации референтной сцены выделяется центр (точка A).

Со-отношение может быть интерпретировано в образах слияния, смешения и других состояний, где невозможно различить части целого. Ср.: *проникнуться проблемой // стать одним целым // враспи друг в друга // Ол жаңа ұжымға **сіңіп** кетті/ Он ужился (букв. пропитался) в новом коллективе.*

Внешние или внутренние границы референтной сцены затемнены. Участники выходят из одних процессов, вовлекаясь в другие, которые от них не зависят. Ср.: *чувство ревности **произрастает из** неуверенности* (как в природе, одно дает жизнь другому). Вследствие циклической организации мира сущности могут периодически сближаться и расходиться. Ср.: *Бақыты **қайтты**/ Его покинуло счастье (букв. возвратилось).* // *Доверие покинуло пару.* Сущность возвращается туда, где была прежде.

Концептуальные векторы инварианта цикла

Концептуальная рамка обсуждаемой модели интерреляции формирует представления об участниках как частицах некоего процесса: природного,

органического, социального, космогонического, мифологического и т. д. Событие является временным отрезком в континууме.

Если линейная последовательность предполагает сменяемость (прошедшее уступает место новому), то в логике цикла изменение происходит как появление не нового, а подобного. Прежнее органично растворяется / перерождается в новом. Ср.: *Любовь превратилась в привычку. // Пылкость угасает. // Чувства рассеялись, как дым. // Зажечь в нем огонь.* Интерпретация значимого устремления ориентирована схемами ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ, ПРИРОДНЫЙ ЦИКЛ. Качественные характеристики референтных сцен предопределяются значимостью постоянства, продолжительности, повторяемости.

Схема ЦИКЛ обобщает многообразные представления. Так, знания о цикле имеют тесную взаимосвязь с представлениями о движении по кругу, его центростремительных и центробежных свойствах, повторяемости. Ср.: *Все как-то быстро завертелось. // Чувства вскружили голову. // быть окруженным вниманием // кружиться возле.* В приведенных примерах референтные сцены ориентированы схемой КРУГ.

Участник со-отношения нередко выступает как экспериенцер. Он идентифицирует другого участника посредством перцептивного восприятия. Ср.: *Я вас услышал. // жақсы қарау/ любить, относиться очень хорошо (букв. хорошо смотреть) // появилось чувство // проявлять свои чувства // чувствовать настроение партнера.* В референтной сцене оба участника могут выступать экспериенцерами. Ср.: *көз көрген/ знающие друг друга, знакомые лично (букв. видящие глаза) // Мне плохо, когда он болеет. // Я чувствую его боль.* Со-отношение интерпретируется как совместно переживаемое состояние.

М. Джонсон отмечает, что образная схема ВИЗУАЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ связана с переживанием значимости объекта в зоне видимости [Johnson 1987, 1989]. Он отмечает, что содержание высказывания *Я упустил из виду основной тезис* является результатом одновременного действия схем

ВИЗУАЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ, ЦЕНТР – ПЕРИФЕРИЯ, ПОНИМАНИЕ. С точки зрения Наблюдателя объект воспринимается как центральный по сравнению с вещами, далекими и периферийными [Лакофф 2004: 358; Johnson 1987]. Схемы ЦЕНТР – ПЕРИФЕРИЯ также являются обобщением опыта фокусировать внимание на предмете, располагая его в центре зоны видимости, а все остальные объекты на периферии [Лакофф 2004: 358; Johnson 1987: 34, 1989: 112-114].

Концептуальными векторами инварианта цикла становятся схемы, обобщающие знания о циклах (природных, временных) и движении по кругу: ПРИРОДНЫЙ ЦИКЛ, ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ, ЦИКЛ, ЦИКЛИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ, СОСТОЯНИЕ, КРУГ, ДВИЖЕНИЕ ПО КРУГУ, ДВИЖЕНИЕ К ЦЕНТРУ, ЦЕНТР – ПЕРИФЕРИЯ.

3.1.6. Семантика речевых средств, реализующих инвариант цикла

Значения речевых средств активируют знания о: 1) природных процессах; 2) физических свойствах объектов реальности; 2) эмпирическом опыте движения по кругу; 3) опыте перцептивного восприятия.

Глаголы, семантика которых обозначает природные процессы, интерпретируют со-отношение как закономерность, существующую независимо от участников события (*cultiver, pourrir, развиваться, портиться, бұзылу, өсу*). Ср.: *Les habitudes qui risquent de **pourrir** votre relation de couple/ Привычки, которые рискуют испортить отношения между партнерами. // Comment **cultiver** une relation avec celui qui disparaît sans laisser de trace?/ Как развивать отношения с тем, что исчезает бесследно? // Эти манипуляции **портят** отношения. // Отношения **развиваются** по-другому. // Из взаимных интересов и общих дел **произрастает** глубокое чувство. // **развить** доверие // Тек ерлі-зайыптылардың бірі дау-жанжалдан шаршаган кезде неке **бұзылады**/ Когда один из супругов устал спорить, брак распадается (букв. тухнет).*

Инвариант цикл реализуется в значениях речевых средств, указывающих на свойства живого организма (*saine, malsaine, здоровый, нездоровый, сау, сау емес*). Ср.: *Comprendre cette position – inconfortable – de l'enfant est un premier pas dans la construction d'une relation **saine** avec lui/ Первый шаг к здоровым отношениям с ребенком – это понять его, даже когда его позиция кажется неприятной. // ... la relation **malsaine** qu'elle entretenait depuis deux ans avec un homme/ ... нездоровые отношения, которые у нее были на протяжении двух лет с мужчиной. // **нездоровая** любовная история // **здоровая** привязанность // Нәтижесінде, күйінен біз өзімізді өте тәуелді құрбанның жағдайына қоятын **сау емес** қарым-қатынасты бастаймыз/ В результате мы начинаем нездоровые отношения, где ставим себя в позицию зависимой жертвы. // Егер сіздің қарым-қатынасыңыз шынымен **сау** болса, сіз ешқашан серіктесіңізге шабуыл жасайтын адамның жағына шықпайсыз/ В здоровых отношениях вы никогда не поддержите человека, который нападает на вашего партнера.*

В пределах реализации модели формируются представления о физических свойствах материальных объектов. Это происходит за счет речевых средств семантики физическо-химических процессов и состояний (*assombrir/ отбрасывать тень, быть прозрачным, раствориться, үндесу/ звучать вместе, резонировать и др.*). Ср.: *Pourtant, une sourde inquiétude **assombrir** la relation entre le vieil homme et la jeune femme/ Однако смутное беспокойство омрачает (букв. затемняет) отношения пожилого человека и молодой женщины. // Такие отношения **прозрачны**, в них нет места обману. // **растворяться** друг в друге // **утонуть** в ее глазах // Қызғаныш тек көңілсіздікпен **үндеседі** (букв. ревность только с разочарованием резонирует). // Сізге деген **жылулығы суына** бастаған/ Его теплота к вам начала остывать. // **Мақтауға малынған** еркек алға жылжиды/ Пропитанный похвалой мужчина вперед идет (высказывание о том, что жена должна не забывать хвалить своего мужа).*

Речевыми средствами интерпретации со-отношения нередко выступают

глаголы перцептивного восприятия (*se sentir*, чувствовать, видеть, көрсу, көрсету). Ср.: *Équilibrer une relation à trois sans que l'un se sente exclu?* / Как сбалансировать отношения втроем, чтобы никто не чувствовал себя отвергнутым? // *Si vous vivez des disputes à répétition, que vous vous sentez incompris par votre partenaire* / Если вы постоянно ссоритесь, вы чувствуете: партнер вас не понимает. // **чувствовать** его настроение. // У вас конфетно-букетный этап, а вы **видите** сигналы опасности. // Не **терпите** партнера, который делает неприятные вещи. // Такого **ощущения** у меня ни с кем не было. // *Өзіңізді жақсы көрсеңіз* / Себя полюбите (букв. посмотрите на себя хорошо). // Токсик адамдар өз құрбанына психологиялық **қысым көрсету** үшін және оны әлсіз ету үшін мұндай заттарға әдейі **құрметсіздік көрсетеді** / Токсичные люди намеренно неуважительно относятся к своим жертвам (букв. без уважения смотрят), чтобы психологически угнетать их (букв. с давлением смотреть) и сделать слабыми.

Значения речевых средств, активирующие схему КРУГ в трех лингвокультурах, также указывают на инвариант цикла (*tourner, entourer, вращаться, накручивать, айналдыру*). Ср.: *Pour faire tourner les têtes, vous ne pourrez pas vous contenter d'un look purement naturel* / Чтобы вскружить головы, вам не следует рассчитывать на абсолютно естественный наряд. // *ce qui intriguera encore davantage les gens qui vous entourent* / Это еще сильнее заинтригует людей, которые вас окружают. // Ваши желания и интересы **вращаются вокруг** ребенка и его интересов. // Ты сама себя **накручиваешь**. // басын шыр көбелек **айналдыру** / вскружить голову // Ол өз ісін аз уақытта-ақ шыр көбелек **айналдырып** кетті / Он за короткий промежуток времени хорошо освоил свое дело (букв. все закрутилось под его руками). // Қас-қағым сәттің қуаныштары бізді жиі шын бақыттыға **айналдырады** / Сиюминутные радости часто делают нас по-настоящему счастливыми (букв. закружить в счастье).

Таким образом, речевые средства, реализующие интерреляцию цикла, содержат семантические компоненты «процесс» (природный, физический) и

«состояние». В трех лингвокультурах выделяются пять групп речевых средств. В первую объединены средства, указывающие на процессы, происходящие с растениями и продуктами. Вторая группа включает лексические единицы, значение которых активизирует знания о стадиях развития, а также жизнедеятельности человека или животного. Третья охватывает речевые средства со значениями физических свойств и изменений. Четвертая группа объединяет лексемы со значениями восприятия внешней среды органами чувств. Эта семантика обнаруживается в глаголах, существительных и прилагательных. Она не содержит компонентов значения, указывающих на статические / динамические характеристики участников соотношения. Пятая группа средств объединяется на основе наличия семы движения, которая различается в глаголах, обозначающих движение по кругу.

3.1.7. Концептуальные векторы инварианта в референтных сценах и семантике речевых средств

Субъекты склонны воспринимать определенные элементы как центральное идентифицирующее звено конкретного события. Другие аспекты, которые также имеют непосредственное отношение к событию, репрезентируются как второстепенные или случайные [Talmy 2000: 259].

Выделенность (*prominence*) смыслов обеспечивается посредством взаимодополняющих механизмов: активация сферы знаний в качестве фона профилирования смысла и выдвижением фокуса внимания к участку сцены [Langacker 2009: 8-9]. Оба механизма отражены в семантике высказывания и предопределены концептуальным вектором инварианта.

Концептуальный вектор инварианта определяет качественные характеристики: 1) содержания, которое становится фоном для профилирования актуального смысла; 2) участка сцены, высвеченного фокусом внимания; 3) слитности и связности частей референтных сцен.

Сопоставим два эквивалентных выражения на русском и французском

языке. Ср.: *Она пыталась захомутать Ивана* // *Une fille qui essaie de coincer Ivan* (примеры извлечены из параллельного корпуса *КонтекстоРеверсо*). Смысл заставить действовать человека в соответствии с желаниями другого представлен в русском и французском выражениях разными референтными сценами.

В высказывании на русском языке значение слова *захомутать* ориентировано схемой СВЯЗЬ, что указывает на развитие концептуальных векторов инварианта объекта. Во французском корреляте значение глагола *coincer* / *загнуть в угол* является репрезентацией схемы ПРЕГРАДА и результатом развития концептуальных векторов инварианта движения (см. Рисунок 8).

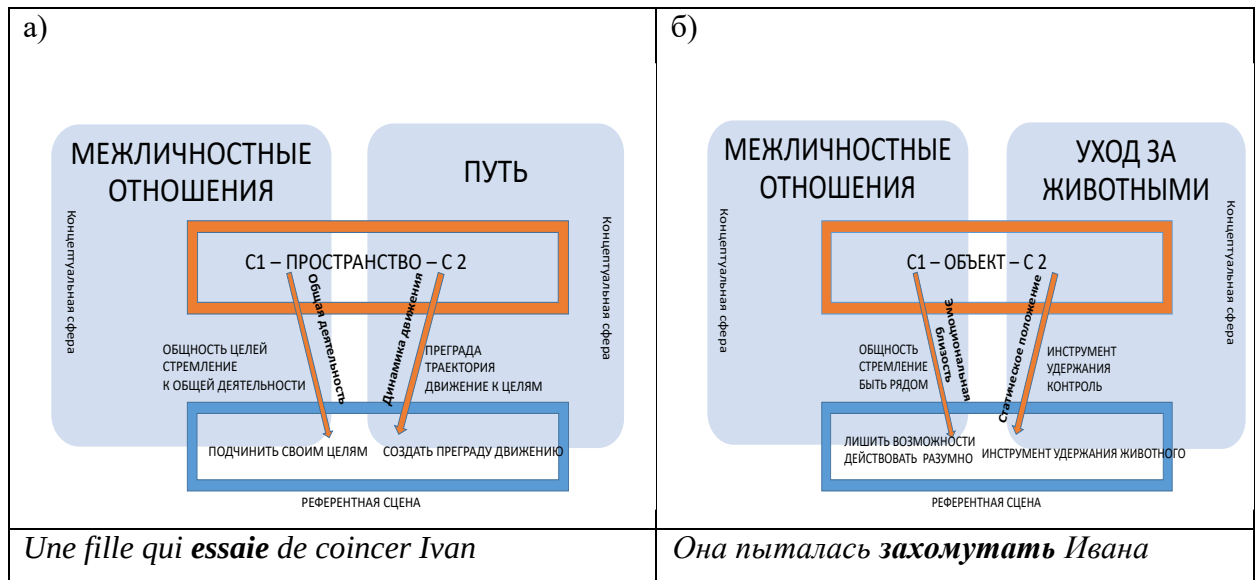

Рисунок 8 – Реализация концептуальных векторов инварианта в высказываниях на французском и русском языке

Семантика высказываний на двух языках активизирует сближение концептуальных сфер. Метафорическая проекция ориентирована инвариантами и их концептуальными векторами (красные фигуры на рисунке 8). Концептуальная рамка интерреляции предоставляет схему, которую говорящий заполняет сегментами из активируемых сфер в соответствии с концептуальными векторами инварианта. Так возникает предопределение

фонового содержания референтной сцены.

Рисунок 8 (часть а). Высказывание *Une fille qui essaie de coincer Ivan* активизирует две сферы знаний — «межличностные отношения» и «путь». Концептуальные векторы инварианта движения «запускают» форматирование содержания согласно значимому атрибуту «динамика движения». В сфере «путь» это знания о траекториях, отсутствии преград как условия движения вперед и опыте преодоления преград. В сфере «межличностных отношений» — знания о стремлении к целям и общности интересов участников как условия гармоничных отношений. Содержание референтной сцены, предопределенное интерреляцией С1 – ПРОСТРАНСТВО – С2, заполняется сегментами знаний с общей характеристикой «возможность движения». На этом фоне схема ПРЕГРАДА профилирует смысл о желании подчинить другого своим интересам.

Рисунок 8 (часть б). Семантика речевых средств в высказывании *Она пыталась захомутать Ивана* является репрезентацией взаимодействия сфер «межличностные отношения» и «уход за животными». Значимым атрибутом фона референтной сцены является стремление к статическому состоянию. В сфере «межличностные отношения» концептуальные векторы высвечивают знания о стремлении к эмоциональной близости, желании быть рядом с объектом симпатии. Сфера опыта об уходе за животными предоставляет знания о способах удержания живого существа. Концептуальная рамка интерреляции С1 – ОБЪЕКТ – С2 заполняется представлениями об удержании объекта устремления. На этом фоне схема ИНСТРУМЕНТ УДЕРЖАНИЯ профилирует стремление быть рядом. Смысл о несоответствии события гармоничным отношениям акцентируется указанием на предмет, который неприемлем для взаимодействия с человеком.

Привлечение внимания к определенному участку сцены, осуществляемое за счет выбора речевых средств, также предопределяется концептуальными векторами инварианта. Например, в высказываниях о несамостоятельности взрослого сына, его подчиненности решениям и

желаниям матери в разных лингвокультурах актуализируются схожие метафорические образы. Ср.: (1) *il est encore dans les jupes de sa mère* (букв. он еще в юбках своей матери) // (2) *он держится за юбку своей матери* // (3) *шешесінін етегінен айрылмайды* (букв. подол матери, ухватив, не отпускает), *шешесінін етегінен жабысу* (букв. прилипнуть, цепляться за подол матери).

Во всех трех примерах референтные сцены включают двух участников (концептуальные сущности): ребенок и юбка матери. В фокусе внимания находится действие первого участника сцены по отношению ко второму. Однако в приведенных высказываниях локализация фокуса отличается, что находит отражение в семантике речевых средств (см. Рисунок 9).

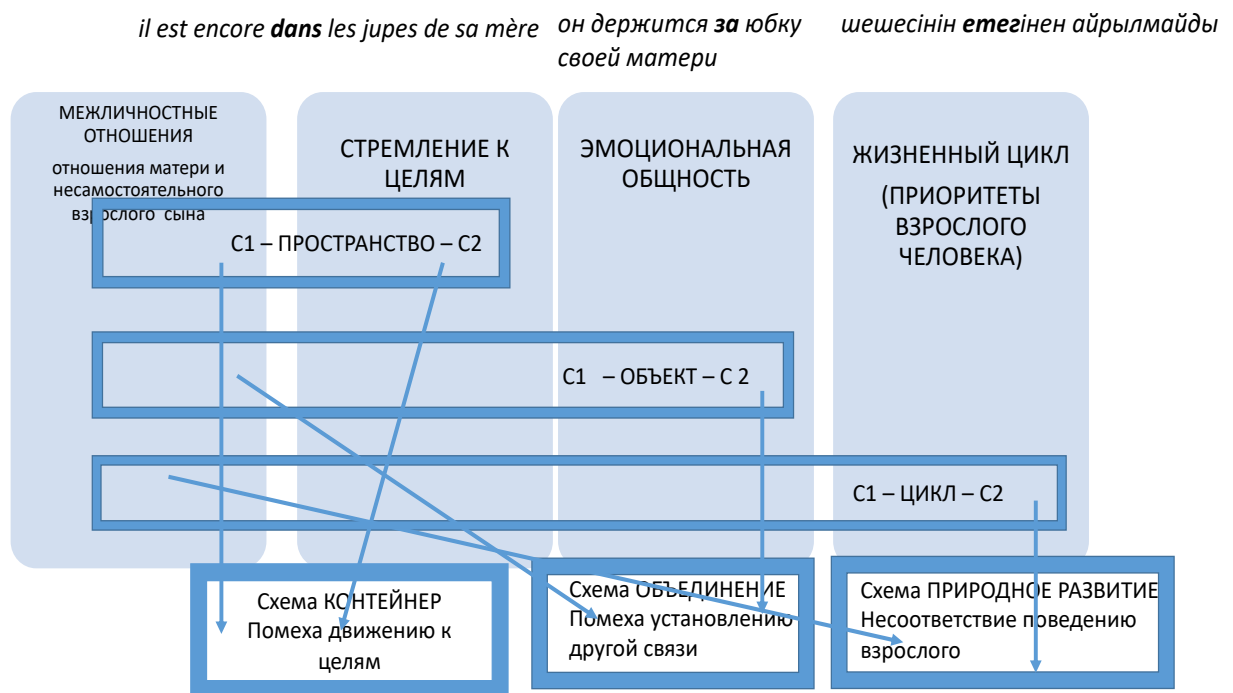

Рисунок 9 – Отражение выделенности участка референтной сцены
в семантике высказывания

В примере на французском языке выделено место расположения субъекта *dans les jupes*/ в юбках (схема КОНТЕЙНЕР). В русском – способ установления связи между двумя участниками сцены *один держится за другого* (схема ОБЪЕДИНЕНИЕ). В казахском языке на первый план выходит

не объект, а его деталь (*етек/подол, нижний край юбки*). Казахское выражение отсылает к знаниям о росте взрослого человека и ребенка (схема ПРИРОДНОЕ РАЗВИТИЕ).

Концептуальные векторы разных инвариантов определяют несовпадение участков референтной сцены. В высказывании на французском языке актуализируется инвариант движения — *место*, ограничивающее перемещение участника сцены (ему пора двигаться к своим целям). В русском языке на первый план выходит инвариант объекта: в референтной сцене акцентировано стремление остаться в статическом положении, быть рядом с другим участником сцены (ему надлежит держаться не за мать). В высказывании на казахском языке глагол *айрылмайды/ не отпускать* вводит в контекст необходимость прекратить действие, его синоним *жабысу/ прилипнуть, цепляться* имеет негативную оценку. Активируются сегменты знаний о *временном периоде* жизни человека, когда малыши держатся за одежду матери. В выражении на казахском языке несоответствие естественному положению дел профилируется через активацию общего знания о действиях, соответствующих или несоответствующих возрасту (то, что естественно для маленького ребенка, неприемлемо для взрослого мужчины).

Активация участков концептуальных сфер в метафорической проекции происходит согласно аспектам содержания, заданным инвариантом. Благодаря этому участки референтной сцены слитны и взаимосвязаны, их качественные характеристики имеют общий признак. Так, метафорические выражения *сжечь все мосты (1)* и *оборвать все связи (2)* означают *прекратить отношения в решительной и окончательной манере*. Значения существительных, номинирующих абстрактный референт «отношения», отсылают к разным сферам знаний: *мосты (1)* — знания о сооружениях для путей через препятствия, *связи (2)* — знания об инструментах объединения двух и более предметов. Схемы ПУТЬ (*мост*) и СВЯЗЬ (*связь*) реализуют разные инварианты интерреляции — движения и объекта. Концептуальные векторы

обеспечивают качественное единообразие сегментов знаний. В результате значение *сжечь* репрезентирует знания о способах создать препятствие движению по объекту (*мосты*), семантика глагола *оборвать* активирует знания о способе уничтожения инструмента удержания, означенного лексемой «связь». Реализация инварианта цикла в интерпретации того же смысла приводит к использованию других значений о действиях, которые не зависят от усилий человека. Ср.: *связи исчезли // любовь испарилась*.

Таким образом, семантика речевого средства интерпретации восстанавливает концептуальный вектор инварианта и определяет качественные характеристики референтной сцены.

3.2. Семантико-когерентный аспект анализа диспозитивности

На данном этапе исследования диспозитивность дискурса межличностных отношений рассматривается с точки зрения метафорических моделей, заданных интерреляцией, в основе которой лежит один из трех установленных инвариантов. Выявляются ограничения, заданные инвариантом, в развитии метафорических проекций. Метафорические модели и их проекции, реализующиеся в высказываниях о межличностных отношениях на трех языках, рассматриваются как система ресурсов, позволяющая говорящему интерпретировать высказывания о гармоничных или негармоничных отношениях, уместности одних и неприемлемости других поступков.

3.2.1. Модель интерреляции СУЩНОСТЬ 1 – ПРОСТРАНСТВО – СУЩНОСТЬ 2 в системе метафорических проекций

В определении концептуальных метафор и анализе их проекций в сфере межличностных отношений мы руководствуемся идеями Дж. Грэйди о том, что концептуальную основу метафор образуют соответствия эмоционального

и физического опыта [Grady 1997]. Примарные метафоры (т. е. базовые соответствия) являются закреплением в языковых элементах эмоционального отклика на то, что значимо для говорящих [Grady 1997: 23-24].

Модель **СУЩНОСТЬ 1 – ПРОСТРАНСТВО – СУЩНОСТЬ 2** реализуется в следующих метафорических репрезентациях.

Формирование метафор происходит как осмысление эмоционального контекста взаимодействия людей с общими интересами, сходными целями и мотивами к действию. Активное устремление на человека и выделение его среди других мотивирует ценностное отношение к его личности в действиях и поступках. В интерпретации уникальности личности примарные метафоры **ДЕЙСТВИЕ – ДВИЖЕНИЕ, ЖИЗНЬ – ПУТЬ, ЖЕЛАНИЯ – КОНЕЧНЫЕ ТОЧКИ ПУТИ**, сформированные на основе взаимодействия человека со средой, обеспечивают востребованность образных схем **ПУТЬ, ДВИЖЕНИЕ, НАПРАВЛЕНИЯ, ПРЕГРАДЫ, ГРАНИЦА, ТЕРРИТОРИЯ**.

В пределах обсуждаемой модели интерреляции с инвариантом движения мы выделяем две основные концептуальные метафоры **ОТНОШЕНИЯ – ПУТЬ** и **ОТНОШЕНИЯ – СОПОЛОЖЕНИЕ ТЕРРИТОРИЙ**.

Метафора ОТНОШЕНИЯ – ПУТЬ

«Устремленность на другого» закрепляется в схемах движения в одном направлении. Метафорическая проекция **ОТНОШЕНИЯ – ДВИЖЕНИЕ** имеет распространение в высказываниях на трех языках. Отношения интерпретируются с использованием семантики глаголов сохранения движения (*aller, traverser, идти, продвигаться, жүру, келу*): Ср.: **aller une relation/ идти дальше в отношениях** // **avancer** ou non avec cette personne/ *продолжать (букв. продвигаться вперед) или нет отношения с этим человеком* // *des événements que l'on traverse/ события, которые мы переживаем (букв. пересекаем)* // *Pourtant, pour mieux avancer, il est crucial de reprendre le contrôle sur ses émotions et son comportement/ Чтобы справиться (букв. продвинуться вперед), важно взять под контроль свои эмоции и свое поведение.* // *бітімге келу/ идти к согласию* // *Не могу найти способ как-то*

продвинуться в отношениях в ней. // Стараемся *идти шаг за шагом* к взаимопониманию. // Сіз *бірге жүрген* адамды құрметтесеңіз/ Если вы не уважаете человека, с которым живете (букв. вместе идете). В данной проекции стремление к гармоничным отношениям акцентируется посредством дополнительного указания на направление вперед (*plus loin*, дальше, алга) Ср.: *aller plus loin*/ *идти дальше* // *продвинуться дальше* в отношениях и все не испортить // ... тату өмір сүруге *алга* қадам басудан үркетін болады/ ... боится сделать шаг вперед, чтобы жить дружно.

Смыслы о сомнениях, неуверенность в чувствах партнера активируют образы замедления динамики движения, снижения скорости. Развивается проекция УХУДШЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ – СНИЖЕНИЕ СКОРОСТИ. Ср.: *les freins de la relation*/ *причины, мешающие отношениям* (букв. тормоза отношений) // *Il faut que ton copain soit du même avis que toi, sinon cela ne marchera pas*/ Надо, чтобы твой друг был бы того же мнения, что и ты, иначе это не действует (букв. не шагает). // *ralentir* votre relation/ *замедлить отношения* // Недавно сказал, что хочет *притормозить* с серьезными отношениями.

Репрезентация расставания или отношений, которые не удаются, осуществляется речевыми средствами, в значениях которых есть сема «остановка движения» (*s'arrêter*, *stopper*, *остановить*, *тоқтату*). Формируется проекция ПРЕКРАЩЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ – ОСТАНОВКА ДВИЖЕНИЯ Ср.: *Vous vous débrouillez pour arrêter ou c'est la personne qui arrête.* / Вы сами завершаете отношения, или их завершает ваш партнер (букв. вам удастся остановиться, или останавливает человек). // *Je viens de stopper une relation naissante*/ Я только что прекратила многообещающие отношения. // *ne pas s'arrêter* aux premières difficultés/ не останавливаться на первых трудностях. // *Остановить* тупиковые отношения, которые ни к чему не приводят. // Неке ерлі-зайыптылар бұлай өмір сүруге болмайтынын түсінген кезде *тоқтайды*/ Как только супруги понимают, что так жить больше нельзя, брак заканчивается (букв. втает на месте).

Репрезентация смыслов о преодолении трудностей в отношениях активизирует проекцию УЛУЧШЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ – ИЗМЕНЕНИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПУТИ. Ср.: *inverser la tendance/ преломить тенденцию* (букв. развернуть вспять) // *inverser la situation / преломить ситуацию.* // Қарым-қатынасты **жақсы жаққа** өзгерту үшін жұптың өзі осыны қалауы керек/ Чтобы изменить отношения (букв. развернуть) в лучшую сторону, супруги должны этого захотеть.

Динамика свободного движения участников является значимым атрибутом референтных сцен, заданных инвариантом движения. Представление о том, что мешает гармоничным отношениям (*jalousie/ ревность, pauvreté/ бедность*), интерпретируется благодаря активации схемы КОНТЕЙНЕР, смыслы об изменении к лучшему ориентированы схемой ДВИЖЕНИЕ ИЗ КОНТЕЙНЕРА. Ср.: *sortir de la jalousie/ избавиться* (букв. выйти из) *от ревности* // *sortir de la pauvreté/ выйти из бедности.* // Жаман қарым-қатынастан қалай **шығуға** болады?/ Как выйти из плохих отношений? // *Дағдарыстан, күйзелістен шығу үшін...*/ Чтобы выйти из кризиса, стресса. Метафорическая проекция ИЗМЕНЕНИЯ К ЛУЧШЕМУ – ДВИЖЕНИЕ ИЗ КОНТЕЙНЕРА позволяет акцентировать смыслы о неприемлемости, недопустимости каких-либо ситуаций.

Метафорическая проекция НЕЖЕЛАНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВОВАТЬ – ДВИЖЕНИЕ ОТ СУБЪЕКТА ориентирует смыслы о действиях, направленных на прекращение общения. Ср.: *Pourquoi j'aurais cette conversation avec la nièce du type qui m'a envoyé **bouler**?*/ Зачем мне говорить с племянницей типа, который меня кинул (букв. послал покатиться)? Глагол *bouler* обозначает движение круглого предмета, вызванное воздействием внешней силы. Участник события задает направление от себя. Значения речевых средств с семантическим компонентом «направление от говорящего» становится ресурсом для генерации смыслов об отсутствии доверия и искренности между взаимодействующими людьми. Ср.: *C'est... **déroutant et dérangeant***/ Это... сбивает с толку (букв. сворачивает с дороги) и тревожит

// Si vous voulez me **virer**, je comprendrais parfaitement/ Если вы захотите от меня избавиться, я, безусловно, пойму. (se virer, virer - поменять направление, развернуть в другую сторону) // Pas la peine de **tergiverser**, chérie/ Нет больше нужды увиливать, дорогая. // **уклониться** от неприятных разговоров // продумайте план **отступления** // **уйти** от разбирательств // **увиливать** от ответственности // Ең дұрысы ол адамның **жолынан кетіп**, бұл сезімді ұмыту/ Лучшие всего уйти с дороги этого человека и забыть о чувствах к нему.

Метафора ОТНОШЕНИЯ – СОПОЛОЖЕНИЕ ТЕРРИТОРИЙ.

Эмоциональное переживание межличностных взаимодействий с субъектом закрепляется в образах комфортной или некомфортной дистанции. Метафорическая модель регулярно используется в интерпретации смыслов о неприятии говорящим назойливости, настойчивого внимания и опеки со стороны других.

Метафорическая проекция ГАРМОНИЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – ДИСТАНЦИЯ обеспечивает возможность интерпретации взаимодействия как расположения партнеров на комфортном расстоянии и одновременно акцентирует дискомфорт в отношениях за счет образов размещения вплотную. Ср.: Elle est **fort “après lui”** dans le sens que c'est son fils et que c'est tout pour elle/ Она всегда рядом (букв. слишком возле него), убеждена, что, так как это ее сын, он – это для нее все. // Il est toujours **derrière mon dos**/ Он жить без меня не может (букв. всегда за моей спиной). // Ta belle-mère **le suit bêtement**/ Твоя свекровь тупо опекает его (букв. идет вслед, следует за). // J'essaie autant que possible de rester en bons termes avec les gens **sans les laisser me marcher sur les pieds** pour autant/ Стараюсь по мере возможности оставаться в хороших отношениях с людьми, но не позволяя им ходить по моим ногам. // Если попытки поговорить приводят к новым ссорам, попробуйте **отдалиться**. // Кей уақытта бір-бірлеріңізден **аулақтағанның** да пайдасы бар/ Иногда полезно держаться подальше друг от друга. // Сүйген жанды қашырып жіберетіндей әрекеттерден **аулақ** болыңыз/ Старайтесь не делать (букв. будьте подальше) того, что может отпугнуть любимого человека.

Образные значения лексем с компонентом «плотное прилагательное» акцентируют негативную реакцию говорящего на надоедливое или грубое поведение (*une glue, être collant, липучка, приставала*). Ср.: *Elle allait garder les gosses, ouvrait les placards, repassait, faisait la vaisselle, bref une **glue***/ Она приходила присмотреть за детьми, открывала шкафы, гладила белье, мыла посуду, короче клей. // *Vous aviez tendance à **être collant** avec votre partenaire?*/ У вас есть привычка навязываться (букв. быть прилипчивой) партнеру? // вести себя как **приставала** // не надо быть **липучкой** и всем надоедать со своими просьбами // аш кенедей **жабысу**/ прилипнуть как голодный клещ // **жабысқақ** адамдар/ люди-липучки. Подобные образы позволяют ввести в контекст смыслы о нарушении норм взаимодействия, имплицитно указывают на необходимость прекращения общения.

Смыслы о непонимании и нежелании общаться репрезентируются в рамках метафорической проекции КОНФЛИКТЫ – НАРУШЕНИЕ ГРАНИЦ. Ср.: *Je ne trouve pas normal de **s'imposer chez** les autres*/ Я не думаю, что это нормально, навязываться другим (букв. накладываться, налагаться сверху). // *Prise au dépourvue, je dis qu'il est tard (devinant qu'ils vont essayer de **s'incruster** pour manger)*/ Застигнутая врасплох, я сказала, что уже поздно (догадываясь, что они хотят прийти поесть). // *Mais tout le monde en effet **ne s'incrusterait pas** comme ça, donc ce sont des cas particuliers*/ Ни никто не стал бы бесцеремонно навязываться, так что это частные случаи. Например, в высказывании о незваных гостях (родственников) использовано значение глагола *incruster*/ инкрустировать. Личное пространство говорящего переосмыслено в образе поверхности из одного материала, а пришедшие без приглашения представлены в образе чужеродного материала.

Нежелательные контакты, конфликтные отношения репрезентируются в образах захвата, вторжения на личную территорию за счет лексем *envahir*/ захватывать, вторгаться. Ср.: *Essayez d'éviter **envahir** la vie privée de votre enfant*/ Старайтесь не вторгаться в его личную жизнь // *Bien souvent, une personne aura tendance à **envahir** son partenaire par peur que celui-ci ne la quitte*/

Очень часто некоторые начинают давить на партнера (букв. захватывать) без опасений, что он сбежит. // **лезть** в личную жизнь своих детей // **вторгаться** со своими советами и заботой.

Описание межличностных взаимодействий происходит с использованием речевых средств, значение которых указывает на пространственные координаты размещения (*le côté*, сторона, тұс, жақ). Ср.: *Nous faisons tant de choses ensemble que je n'ai plus le temps de faire des choses de mon côté*/ Мы столько всего делаем вместе, что я не успеваю заниматься своими делами (букв. вещи на моей стороне) // Адамдардың позитивті **тұстарын** байқауға тырысу/ Старайтесь подмечать лучшие качества (букв. стороны) людей. // Достарының әлсіз **тұстарына** тиісетін қалжыңбастардан аулақ болыңыз/ Избегайте шутиков, которые подсмеиваются над недостатками (букв. задевают слабые стороны) друзей. // Кез келген адам бойының жақсы **жақтарын** өзіңізде ұлғайтыңыз/ Учитесь хорошему у людей, которых встречаете в жизни (букв. хорошие стороны людей, которых встречаете, у себя увеличивайте).

Образы непротивления нарушения личных границ могут использоваться для указаний на доверие в отношениях и имплицировать смыслы об интимности. Ср.: *J'étais la personne proche de mes parents et je les laissais empiéter sur notre vie à deux*/ У меня были близкие отношения с моими родителями, и я им позволяла вмешиваться в нашу жизнь (букв. выходить за пределы чего-л., заступать за...). // *Cela pourrait amener l'un de vous à vouloir se rapprocher*/ Это могло бы привести к тому, что кто-то из вас захотел бы сблизиться // мы **сблизились** // мы **стали близки** // Мен спортпен шұғылдану барысында **ең жақын** достарымның бірі, әрі бәпкерім марқұм Серік ағамен жақсы достық қарым-қатынаста болдым/ За время занятий спортом у меня сложилась хорошая дружба с одним из моих самых близких друзей и тренером, покойным Сериком Агой.

Установленные метафорические проекции систематизированы на рисунке (см. Рисунок 10).

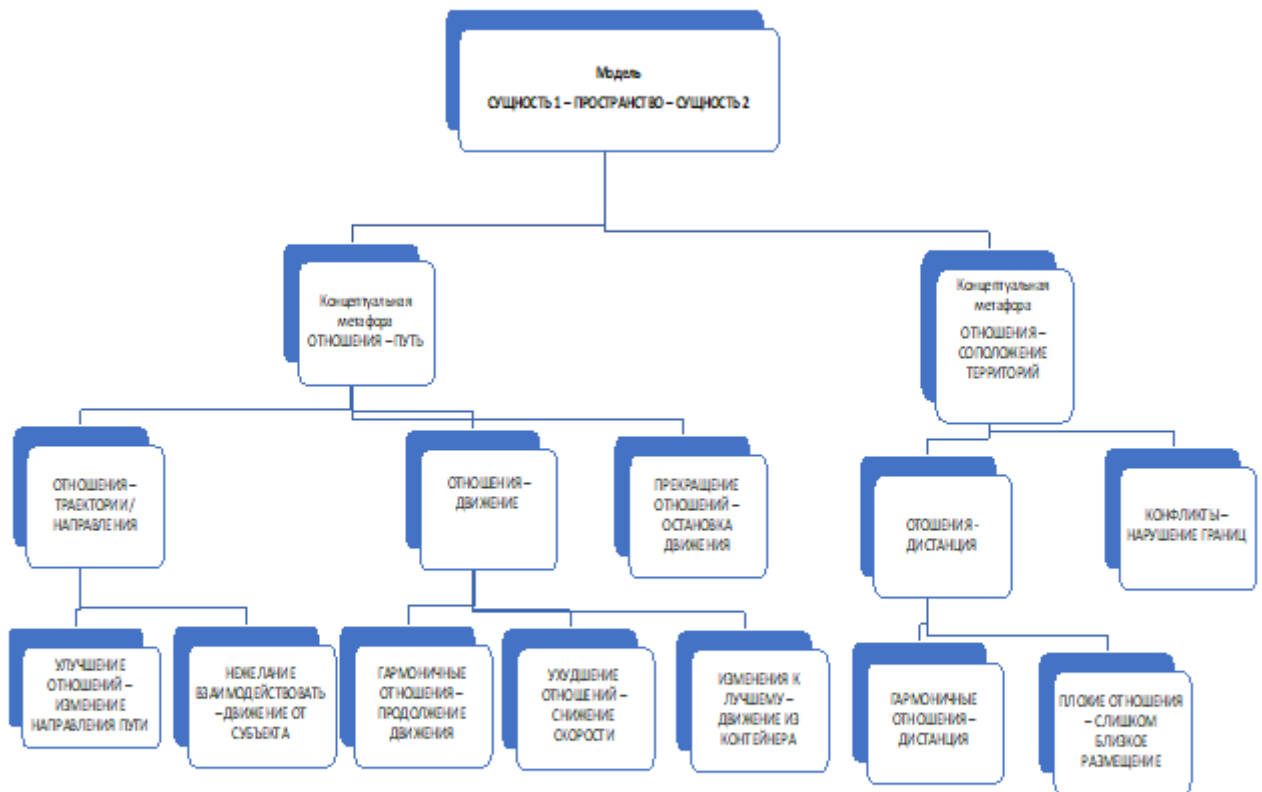

Рисунок 10 – Метафорические проекции в структуре модели интерреляции с инвариантом движения

На основе представленной схематизации выявляется следующая закономерность. Развитие метафорических проекций на базе концептуальных метафор осуществляется в концептуальной рамке интерреляции движения. Концептуальная метафора ОТНОШЕНИЯ – ПУТЬ реализуется в трех проекциях, из которых две получают дальнейшее расширение. В сферу межличностных отношений переносятся знания о движениях в одном и в разных направлениях, а также движении с разной скоростью. Свойства, связанные с совпадением направлений и скоростей, получают оценку *хорошо*, разные направления и замедления движения оцениваются негативно. Обе проекции сохраняют атрибут «динамика движения». Проекция КОНФЛИКТЫ – ПРЕГРАДЫ, напротив, не имеет каких-либо расширений (*трудные, легкие, хорошие, плохие*). Хотя смыслы о больших и малых трудностях в отношениях

могли бы привлечь сферу знаний, например, о разных физических свойствах препятствий. Данная закономерность указывает на предопределенность, созданную концептуальным вектором инварианта. Значимый атрибут задает направление и накладывает ограничение на метафорические переносы.

В метафорических проекциях, формируемых на основе модели ОТНОШЕНИЯ – СОПОЛОЖЕНИЕ ТЕРРИТОРИЙ, также усматривается закономерность, обусловленная инвариантом движения: отсутствие расширений в метафорической проекции КОНФЛИКТЫ – НАРУШЕНИЕ ГРАНИЦ и ОТНОШЕНИЯ – ДИСТАНЦИЯ. Значимый атрибут «пространство перемещения» предопределяет направление проекций в сфере межличностных отношений. Концептуальный вектор инварианта ограничивает развитие положительных импликаций в высказываниях с образами несоблюдения границ и отсутствием пространства для свободного передвижения участников.

3.2.2. Модель интерреляции СУЩНОСТЬ 1 – ОБЪЕКТ – СУЩНОСТЬ 2 в системе метафорических проекций

Репрезентация со-отношения в схеме ОБЪЕКТ происходит в результате закрепления корреляций между комфортным состоянием присутствия человека рядом (объекта значимого устремления) и физическим опытом владения ценными предметами. Основой формирования метафор становится соотнесение эмоциональных переживаний комфорта и владения.

В репрезентации событий со-отношения примарные метафоры ИЗМЕНЕНИЯ – ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ПРЕДМЕТОВ, ВПЕЧАТЛЕНИЯ – ОБРЕТЕНИЕ ПРЕДМЕТОВ, СХОДСТВО – БЛИЗОСТЬ, ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ – ФИЗИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ обеспечивают интеграцию эмоционального опыта в сферу межличностных отношений и обуславливают востребованность схем ОБЪЕКТ, ВЛАДЕНИЕ, СВЯЗЬ, ОБЪЕДИНЕНИЕ.

В теории когнитивной грамматики Р. Лангакера, которую мы принимаем за основу рассуждений, представление абстрактной сущности в схеме ОБЪЕКТ проявляется в следующем: 1) физический объект состоит из материального вещества; 2) объект имеет очертания в пространстве; 3) его свойства остаются неизменными во времени и не зависят от местоположения (в отличие от представления действия); 4) объект является концептуально автономным [Langacker 2008: 103-105].

Одним из проявлений интерреляции объекта является переосмысление взаимоотношений с опорой на *адаптор* или физический объект, используемый для объединения участников. Термин *адаптор* широко применяется в исследованиях невербальной семиотики для анализа коммуникативно значимых и семиотизированных действий человека. В роли адапторов выступают материальные объекты (*колотить в дверь* в значении *требовать немедленно войти или выйти*) или части тела (например, *пожать плечами* для смыслов о незнании, неведении; *обнять за плечи* в описании симпатии к другому и др.) [Карпенко 2017; Крейдлин 2002; Ekman 1969]. В данной работе под адаптором понимается закрепленное в образном значении или идиоме представление о материальном объекте, который используется в качестве инструмента механического соединения участников со-отношения. Ср.: *дружеские связи // оковы брака // ребенок — связующее звено*. Вслед за Г. Е. Крейдлиным мы выделяем адапторы-объекты (предметы, устанавливающие механическое соединение) и адапторы тела, т. е. части тела человека, задействованные участниками как способ удержания, сохранения положения рядом [Крейдлин 2002: 36-42]. Ср.: *сидеть на шее // Желаю пройти по жизни, держась за руки. // Взавшись за руки в этот день, я желаю, чтобы вы не отпускали их до конца жизни. // Ерлі-зайыптылар қол ұстасса, саусақтарының арасынан күнәлары төгіледі/ Если супруги держатся за руки, их проступки утекают между пальцами (т. е. прощаются обиды друг на друга). // Қол ұстасқан/ держась руки*.

Эмоциональная устремленность на другого и ожидание ответного

устремления репрезентируется адаптором-объектом в функции связи. Формируется следующая метафорическая модель.

Метафора ОТНОШЕНИЯ – СВЯЗЬ

Как правило, в роли адаптора выступают предметы, с помощью которых можно *привязать* одного участника к другому. Различные номинации адаптора-объекта в интерпретации смыслов о межличностных отношениях указывают на взаимность переживаемых эмоций, обязательств по отношению друг к другу, а также стремление продолжить общение. Ср.: *Toute relation débute par un **attachement**/ Любые отношения начинаются с привязанности // Quell est l'intérêt de se **lier** (amicalement ou amoureusement) aux autres?/ Какой интерес привязываться (дружески или по любви) к другим? // **завязать** знакомство // дружеские **связи** // У нас с дочерью особая **связь**. // Я к маме сильно **привязана**. // Нас **связывало** уважение. // **Байланьыс** орнататын кърделі/ Процесс установления **связей** сложный процесс.*

Метафорические образы описывают качество адаптора-объекта. Этот аспект представлен в системе реализуемых проекций ГАРМОНИЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – ПРОЧНАЯ СВЯЗЬ и ПЛОХИЕ ОТНОШЕНИЯ / КОНФЛИКТЫ – НЕПРОЧНАЯ СВЯЗЬ. Ср.: ***крепкие** отношения // **крепкие** связи // **прочные** связи // **нерушимая** связь.* Актуализация значений, отсылающих к знаниям о материальных предметах. Образы предметов, которые не являются надежными в использовании, репрезентируют недовольство участников отношений (*tendue, натянутые, напряженные*). Ср.: *Des désaccords fréquents peuvent éroder la confiance et la compréhension entre les partenaires, ce qui conduit à **un lien tendu**/ Частые разногласия способны подорвать доверие и взаимопонимание между партнерами, приводя к напряженности в отношениях. // любовь **истончилась** // **натянутые** отношения // отношения как **натянутая струна** // как **звонящая струна** // **напряженные** отношения.*

В высказываниях о невозможности продолжения взаимоотношений нередко объективируется проекция ПРЕКРАЩЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ –

РАЗРЫВ СВЯЗИ. Ср.: *Après vous être déchirés pendant un long moment, vous avez décidé de mettre un terme à votre relation/ После того, как вы давно расстались, вы решили определить свои отношения // **разорвать** отношения // **оборвать** все связи // **обрезать** / **разорвать** / **обрубить** все концы // **вырвать** из сердца // **оторванный** кусок (о близком родственнике, который не поддерживает, не участвует в жизни семьи) // **оторви** да брось (о непослушном, неподчиняющемся требованиям ребенку) // **оторвать** от семьи.* Значения с компонентом «разрыв» (*déchirer*, *рвать*, *разорвать*, *узу*) вводят в контекст знания о структуре адаптора. Для механического действия «связать вместе» активируются знания о прочных изделиях, состоящих из множества переплетений. Значение глагола *разорвать* подразумевает приложение усилий, что создает импликации о ценностном отношении к партнеру. Ср.: *On s'aime à la folie, on se déchire, on se quitte/ Мы любим до безумия, разрываем связи, расстаемся. // La façon de gérer le conflit peut rapprocher, ou déchirer encore plus/ То, как мы конфликтуем, может сблизить или еще сильнее оттолкнуть (букв. разорвать). // Өзіңізді серігіңіздің орнына қойып көріңіз – оған жанжал шығарып, жазғырып, сөгіс айтатын адаммен қарым-қатынасты ұзу ыңғайлырақ/ Попробуйте поставить себя на место партнера – ему комфортнее расстаться (букв. разорвать) с человеком, который ссорится, кричит и ругается.*

Лексемы, называющие адапторы-объекты высокой прочности (*цепи, оковы, кандалы*), позволяют ввести в контекст смыслы об обязательствах, чувстве долга по отношению к близким, приоритете общего благополучия над личными желаниями. Ср.: *Les chaînes d'amour peuvent rompre même l'amitié avec les meilleurs amis/ Любовные цепи могут разбить даже дружбу с лучшими друзьями. // семейные узы // оковы брака // Для кого-то брак – шелковые ленточки, а для кого-то кандалы. // семейные скрепы // Сондықтан бәрі бір-бірімен шынжыр сияқты байланысты/ Поэтому все связаны друг с другом как цепью.*

Соединение между участниками события может быть установлено с

помощью номинаций *адапторов тела*. Эмоциональное устремление на другого человека осмысливается как прямой физический контакт с ним, осуществляемый с помощью руки, рук или других частей тела и направленный на удержание объекта устремления. Формируется метафорическая проекция ОТНОШЕНИЯ – УДЕРЖАНИЕ РУКАМИ.

Различные аспекты гармоничных и негармоничных взаимоотношений репрезентируются с опорой на адаптор *рука* или *руки*. Образ непосредственного взаимного физического контакта руками становится способом выразить сходство взглядов и интересов, взаимопонимание и заботу друг о друге. Ср.: ***offrir la main***/ *предложить руку* // ***tendre la main***/ *протянуть руку, помочь* // *Toute l'année, nous travaillons main dans la main avec eux*/ *Все эти годы мы работаем с ними рука в руке*. // *ensemble bras dessus bras dessous*/ *вместе рука об руку* // *идти по жизни* ***рука об руку*** // *просить руки* // *предложить свою руку и сердце* // *протянуть руку помощи* // *протянуть руку дружбы* // ***қол беру***/ *оказывать помощь, содействовать* (букв. подавать руку) // ***қол алу***/ *договариваться, взаимно обязываться* (букв. взять руку) // ***бірге қол ұстасып кетіп***/ *идти вместе, держась за руки* // *Оларға, олардың махаббаттарына тілекші жандар «ұстасқан қолдарың ажырамасын» деп тілек білдіріп жатады* (букв. те, кто желает им любви, говорят так: чтобы ваши держащие руки не разлучались). // ***қолы ашық жан***/ *человек, готовый помочь другим* (букв. с открытой рукой).

В зависимости от способа удержания предмета адаптор «руки» становится опорой для смыслов о восхищении, готовности исполнять любые желания (*tenir la main*, *носить на руках, за ручку везде водить, за руку брать и вести, привести за ручку, алақанына салу*/ *проявлять большую заботу* (букв. класть на ладонь), *қолында болу, өсу*/ *вырасти под чьей-то опекой* (букв. быть в руках) и для смыслов о контроле, стремлении управлять поведением другого, воздействовать на него силой (*retenir, lier, avoir une poigne de fer, reprendre en main*, *держат в ежовых рукавицах, держат кого-либо в кулаке, держат обеими руками, қол астында*/ *под контролем кого-то*). Ср.: *Қатал ұстау*,

ашса алақанында, жұмса жұдырығында/ добиваться полного подчинения (букв. разожмет пальцы – на ладони, сожмет – в кулаке).

Постоянная необходимость в помощи, стремление к продолжительности взаимодействия интерпретируется как применение усилий и стараний по удержанию предмета в руках. Ср.: *s'accrocher désespéré à un homme/ отчаянно цепляться за мужчину // вцепиться* обеими руками // *изо всех сил держаться за место // ұстаған* жерде қолы/ *быть хватким, цепким* (букв. где вцепился, рука остается).

Представление межличностных отношений в образах рукотворных объектов, которые можно сделать больше, меньше, выше, прочнее и т. д., позволяет ввести в контекст смыслы о необходимости целенаправленных усилий участников.

Метафора ОТНОШЕНИЯ – ОБЪЕКТ

На базе метафоры ОТНОШЕНИЯ – ОБЪЕКТ развиваются следующие проекции.

Действия по отношению к другому человеку и ожидания ответных действий, стремление к долгосрочному взаимодействию переосмысляются в значениях, отсылающих к знаниям о строительстве сооружений (*établir, строить, выстроить, құру*). Актуализируется метафорическая проекция ОТНОШЕНИЯ – ЗДАНИЯ. Ср.: *Établir un rapport et une confiance avec les autres/ Установить отношения и доверие с другими. // Batir les relations solides et signifiantes avec les autres/ Выстроить крепкие и значимые отношения с другими. // Une base solide de confiance, d'intimité et de complicité se construit/ Складывается прочная база доверия, интимности и участия. // выстроить гармоничные отношения // построить* крепкую семью // *заложить прочный фундамент* доверия в семье // *Өзара сүйіспеншіліктен құралған отбасы берік болады/ Семья, построенная на взаимной любви, будет крепкой.* Метафорическая проекция ОТНОШЕНИЯ – ЗДАНИЕ позволяет имплицировать взаимность и многократность приложения усилий. Ср.: *установить и упрочить* дружеские отношения // *восстановить* отношения.

Метафорическая репрезентация событий сферы взаимоотношений регулярно активизирует знания, полученные путем обобщения опыта манипуляции с материальными предметами. Высокую востребованность имеет метафорическая проекция ОТНОШЕНИЯ – ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ПРЕДМЕТОВ. Ср.: *un manque de communication/ нехватка внимания // делить мужчину с другой // получить в ответ равнодушие // дарить любовь // вносить вклад // утрата доверия // Бұл біздің жан-дүниемізге жағымсыздық сыйлайды/ Это принесет (букв. даст) в нашу душу негатив.*

Активное устремление на другого, ориентированное схемой ОБЪЕКТ, наделяется материальными признаками. Абстрактное чувство приобретает очертания в пространстве и становится видимым. Ср.: *Все сразу заметили, что между нами что-то есть. // Было видно, что у них случился роман. // Близость стала не такой яркой.* Его может быть достаточно или недостаточно (количественное измерение). Ср.: *un manque d'empathie et de respect/ нехватка эмпатии и уважения // Je n'avais pas imaginé qu'il puisse à ce point exiger de moi, tant mes attentions n'étaient jamais suffisantes/ Я не представляла, что он может до такой степени быть требовательным ко мне, настолько моего внимания всегда было недостаточно.* Смысл выражения **выяснять** отношения (от ясный, т. е. хорошо видимый) ориентирован схемой ВИДЕТЬ. Значение глагола **мутить** в русском сленге (например, *Хотел бы с ней замутить. // мутить с девчонкой*) указывает на характеристику материального предмета «быть воспринимаемым органами зрения человека» (**мутить** от мутный, т. е. непрозрачный, плохо различимый). Метафорическое проецирование опыта плохой видимости в сферу межличностных отношений акцентирует смыслы об отсутствии определенности и четкого понимания длительности устремления (подробнее о концептуальном содержании **мутить** [Монгилева 2012а, 2012б]).

Приятные или неприятные переживания событий, связанных с межличностными взаимодействиями, активируют знания об опыте перемещения тяжелых и легких предметов. Ср.: *Les relations légères sont*

*souvent caractérisées par leur absence d'engagement à long terme/ Легкие отношения часто характеризуются отсутствием долгосрочных обязательств // Si vous considérez l'amitié comme cela elle restera **légère**, à vous ou à lui d'y mettre du poids ou de passer à autre chose/ Если вы рассматриваете дружбу так, она останется легкой, вам или ему придать ей веса или пройти на следующий этап. // **тяжелый** взгляд // человек, **легкий** в общении // никто не **грузит** своими проблемами // **легкие** и комфортные отношения // чтобы отношения были не **в тягость**.*

Для репрезентации желания или нежелания общаться с партнером привлекаются знания о физических свойствах предмета. Ср.: *relation chaleureuse // **горячий** прием // **теплые** дружеские отношения // **холодный** прием // **холодный** взгляд // суық сөз/ холодное слово // жылы сөз/ теплые слова.* Эти схемы интерпретации обобщаются в метафорической проекции ОТНОШЕНИЯ – АТРИБУТЫ ОБЪЕКТА. Ср.: *Әйелден **жылы** сөзіңді аямай/ Не жалейте для женщины теплых слов. // **суық** қол адам/ нечестный человек; занимающийся воровством (букв. человек с холодной рукой).*

Прекращение отношений интерпретируется в образах о прекращении существования объекта в пространстве. Ср.: *Les reproches, les incriminations, les attentes peuvent **briser les relations**/ Упреки, обвинения, ожидания могут разбить отношения. // Quelles sont les choses qui, pour vous, **ruinent une bonne relation**?/ Что, на ваш взгляд, может разрушить отношения? // Ils préfèrent s'écharper plutôt que de **rompre définitivement** en laissant de côté une partie de leur vie/ Они предпочитают сражаться друг с другом, вместо того, чтобы сломать все окончательно, оставив в стороне часть своей жизни // **разрушить** любовь // **камня на камне** не оставить // все **рухнет**, если вы не остановитесь // Если же в паре произошел **раскол** ... // Ашуға булығып тұрған күйде арадағы қатынасты **талқандауға** асықпаңыз/ Не спешите в порыве гнева разрушить (букв. разбить на мелкие частицы, вдребезги) отношения с супругом.*

Регулярная востребованность в сфере межличностных отношений

знаний о владении ценными предметами приводит к формированию метафорической проекции ОТНОШЕНИЯ – ВЛАДЕНИЕ ПРЕДМЕТОМ. Ср.: *Il m'en veut énormément de ne pas lui avoir rendu ne serait-ce qu'1% de ce qu'il m'a donné/ Он обозлился на меня за то, что я не возвратила ему и сотой доли того, что он мне дал. // J'ai perdu l'homme dont toutes les filles rêvent/ Я потеряла мужчину, о котором мечтают все девчонки. // любовь – это **принятие** другого человека // **взять** в жены // **присвоить** внимание другого // **отдастся** // **принадлежать** другому // пусть ваше внимание **принадлежит** только ребенку, когда вы вместе // **выпрашивать** внимание. // Сүйіктіңізді біреу **алып** кетердей кұйдесіз/ Вы в ситуации, будто кто-то заберет вашего любимого // Мені **тастан**, басқаға кетеді/ Он меня бросит, уйдет к другой.*

Посессивность как способ осмыслить значимое устремление на другого получает развитие в образах поглощения пищи. Формируется метафорическая проекция ГАРМОНИЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – ЕДА. Ср.: *je ne pourrai pas nourrir sa blessure narcissique et me laisser détruire/ Я не смогу удовлетворять (букв. питать, кормить) его нарциссическую рану и позволять меня разрушать. // Il n'avait pas d'autre intention que de se nourrir de moi, puis bientôt d'une autre/ У него не было других желаний, кроме того, чтобы поедать меня, а вскоре и другую. // Essayer de pimenter régulièrement les échanges et créer un désir chez l'autre en envoyant des messages coquins/ Постарайтесь приправлять регулярно общение и порождать желание другого, оправляя пикантные сообщения. // **пожирать** глазами // чувства обиды **поглотило** // так бы и **съел** // **сладкая** женщина. Переживание плохих, мучительных отношений закрепляется в значениях о пище, которая опасна для жизни человека. Возникает проекция ПЛОХИЕ ОТНОШЕНИЯ – ЕДА, КОТОРУЮ НЕЛЬЗЯ ЕСТЬ. Ср.: *Эти отношения **отравляют** меня. // **токсичные** отношения // Мы друг друга не **перевариваем**. // **отравлять** жизнь друг другу. // көзбен **iшін-жеу**/ поедать глазами // **Токсик** адам өз әрекетінің жауапкершілігін сізге ауыстыра салады/ Токсичный человек перекладывает на вас ответственность за свои действия. // Сезім білдіретін **тәтті** сөздерді СМС**

арқылы жолдап тұру/ Отправлять друг другу сладкие слова о своих чувствах по смс.

Метафорические проекции в структуре модели интерреляции с инвариантом объекта схематически представим следующим образом (см. Рисунок 11).

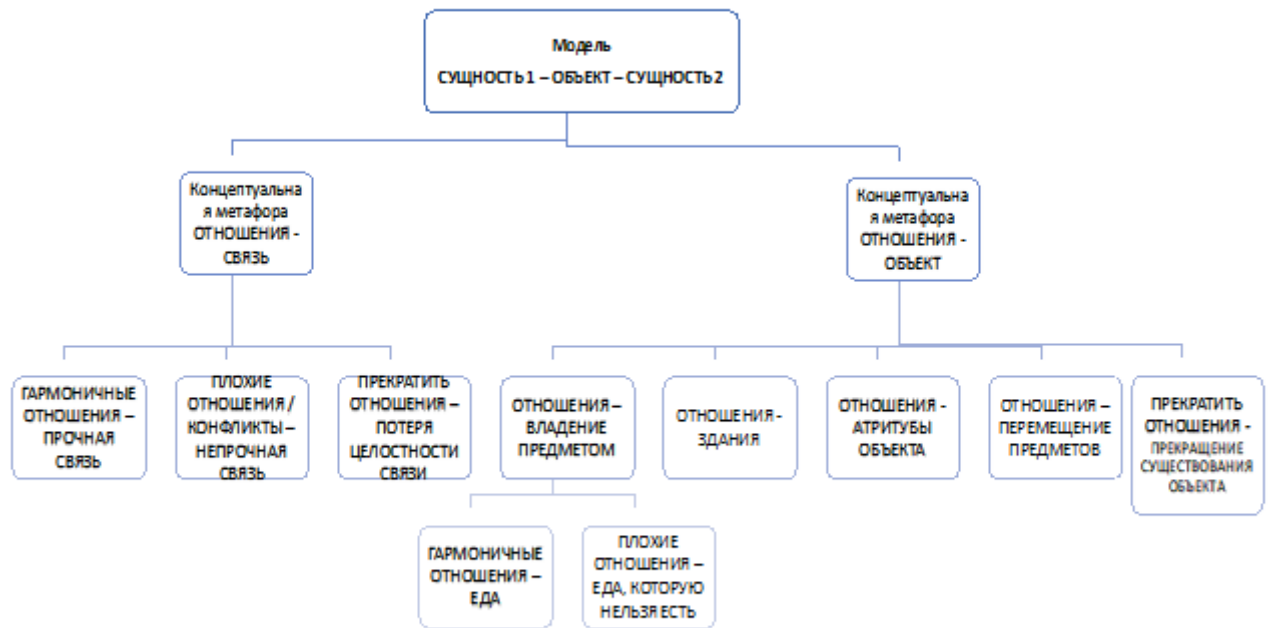

Рисунок 11 – Метафорические проекции в структуре модели интерреляции с инвариантом объекта

Концептуальная рамка интерреляции объекта предопределяет направление и накладывает ограничения на развитие метафорических проекций. Концептуальная метафора ОТНОШЕНИЯ – СВЯЗЬ интерпретирует различные аспекты межличностных отношений с привлечением знаний о видах, функциях и свойствах связующих и удерживающих предметов. Акцентирование качества взаимоотношений происходит как оценка характеристик связи. Метафора ОТНОШЕНИЯ – ОБЪЕКТ воплощает эмоциональное переживание участников события в представлениях о

свойствах ценного или незначимого предмета и манипуляциях с ним. Стремление сохранить и продлить эмоциональный комфорт участников со-отношения интерпретируется в образах владения и контроля над перемещением предметов. Желание оставаться рядом с объектом устремления переосмысливается в образах поглощения еды. Данные интерпретации возможны, если участники события наделяются статическими характеристиками. Динамика движения к целям не свойственна интерреляции объекта. Создается ограничение на развитие смыслов о свободных, независимых от партнера действиях. Объектные признаки со-отношения являются значимыми атрибутами события: уничтожение предмета или связи свидетельствует о прекращении события.

3.2.3. Модель интерреляции СУЩНОСТЬ 1 – ЦИКЛ – СУЩНОСТЬ 2 в системе концептуальных метафор

Понятие цикличности многогранно и может пониматься как повторяемость, регулярность, бесконечность, невозможность прекращения действия и т. д. Концептуальные метафоры интерреляции цикла представляют собой расширение представлений, обобщенных в образной схеме ЦИКЛ.

Модель интерреляции **СУЩНОСТЬ 1 – ЦИКЛ – СУЩНОСТЬ 2** форматирует событие со-отношения схемами, обобщающими знания о природных, органических, временных, социальных процессах. В интерпретации смыслов о взаимоотношениях примарные метафоры **ПРОЦЕССЫ – ЭТО ЖИВЫЕ СИЛЫ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ — ЭТО ЖИЗНЬ (ОТСУТСТВИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ – СМЕРТЬ), ПРИЧИНЫ – ИСТОЧНИКИ, ОБСТОЯТЕЛЬСТВА – ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ, ПОВТОРЯЕМОСТЬ – ДВИЖЕНИЕ ПО КРУГУ** обуславливают востребованность образных схем ЦИКЛ и КРУГ.

Метафорическая модель **ОТНОШЕНИЯ – ПРИРОДНЫЙ ПРОЦЕСС** формируется на основе корреляции между эмоциональным переживанием во внутреннем мире субъекта и эмоциональным откликом на закономерности природы, циклические изменения окружающей среды. Ср.: *L'amour dans une relation évolue constamment au fil du temps/ Любовь в отношениях эволюционирует в течении времени. // Pourquoi les couples arrêtent-ils de s'appeler de jolis surnoms alors que leur relation mûrit?/ Почему пары прекращают называть друг друга ласковыми прозвищами тогда, когда их отношения становятся зрелыми? // отношения развиваются* (т.е. подобно растению, по законам природы) // *зародилось* чувство // *равнодушие* означает *смерть* отношений // *увяла* любовь // Чувство ревности *произрастает* из неуверенности. // *Достық сезім көбінесе махаббатқа ұласады/ Дружеские чувства часто перерастают в любовь. // Мұндай қарым-қатынсты ары қарай берік және дамытуға көмектеседі/ Этим отношения можно еще сильнее укрепить и помочь развить.* В примерах интерпретация со-отношения активизирует знания о стадиях перехода природного объекта или явления от одного к другому состоянию. Ср.: *Мы не созрели для брака. // Настоящая любовь вызревает* гораздо дольше. // *взросление* отношений // Әйелдердің «құлақтан *семіретін*» халық екендігі ешкімге жасырын емес/ Не секрет, что женщины – тот народ, который любит комплименты (букв. жиреет от ушей, *семіру/ нагуливать жир*).

Концептуальная метафора **ОТНОШЕНИЯ – ПРИРОДНЫЙ ПРОЦЕСС** позволяет акцентировать смыслы о стремлении к продолжению отношений, их долгосрочности, вневременном характере. Этим имплицитно подчеркивается значимость описываемых событий. Ср.: *Les sentiments peuvent naître avant même la vraie rencontre/ Но настоящие чувства могут зародиться только после реальной встречи. // чувства проснулись // Так постепенно зарождалась* любовь. // *Мое чувство переросло в ... // Бұл адамдар арасында бірлескен іс-әрекет қажеттілігін тугызып, байланыс орнататын күрделі процесс қарым-қатынас деп аталады/ Этот рождающий потребность во*

взаимодействии, устанавливающий связи между людьми процесс называет отношениями. // *Махаббатқа жағымды ауа райы, үздіксіз қамқорлық, сұғару мен жағдайын күйттеу қажеттілігі **туындайды**/* Любовь рождается при хорошей погоде, беспрестанной заботе, поливе и обогреве.

Представления о физических процессах, происходящих с природными материалами, позволяют переосмыслить взаимопонимание и бережное отношение друг к другу, возникающее в результате долговременных связей. Ср.: *Ол жаңа ұжымға **сіңіп кетті**/* Он влился в новый коллектив. // *Шын жолдас, достар бірінің жақсы қасиеттерін екіншісі үлгі тұтады, **бойына сіңіреді**/* Верные друзья берут друг с друга пример хороших качеств, впитывают их (букв. впитывают друг друга). Так, значение глагола *сіңу* / *всасываться* (*Су құмға сіңіп кетті/ Вода впиталась в песок.*) позволяет интерпретировать смыслы о принятии невесткой уклада жизни и нравов семьи мужа. Ср.: *Тастай батып, **судай сіңу**/* Упасть в новую семью как камень, пропитаться ею как вода (традиционное пожелание матери дочери, выходящей замуж).

Интерпретация чувств как физического вещества позволяет выразить внутренние переживания об активном устремлении на человека или нежелании с ним общаться. Проводится аналогия с горячими и холодными материалами. Ср.: *Quand je suis loin de ma copine plus d'une semaine la relation commence à être moins **chaleureuse**/* Когда я далеко от моей подруги более чем на неделю, отношения становятся менее жаркими. // *Как-то химия возникла сразу, **вспыхнули** взаимные чувства. // Но почему я так **охладела** к нему? // Чувства **остывают** со временем. // көңіл **суыту**/* охладеть, относиться холодно // *Егер күйеуіңіз үйге кештетіп қайтып, далаға кеткісі келіп тұрса, сөзі дөрекі болса, сізге деген **жылулығы суына** бастаған/* Если ваш муж, придя домой поздно, снова хочет куда-то уйти, грубо разговаривает, его теплота к вам начала остывать.

Зависимость качества отношений от действий участников и необходимость взаимных усилий для укрепления доверия выражает метафора

ОТНОШЕНИЯ – ЖИВОЕ СУЩЕСТВО. Ср.: *les éléments qui tuent une relation de couple/ Вещи, которые убивают отношения в паре. // Mais on apprend aussi à se connaître, à s'**apprivoiser**/ Но мы также учимся понимать друг друга, приручать. // Le couple doit trouver un nouveau **souffle**/ Пара должна найти новое дыхание. // Равнодушие означает **смерть** отношений. // **ранить** чувство собственного достоинства // Сондықтан алдымен күйеуіңізбен араңыздағы сезімді қайта **оятыңыз**/ Для начала пробудите чувства между вами и вашим мужем. // Махаббаты мен ғашықтығы **әлсіреді**/ Любовь и увлечение ослабевают (букв. становятся немоющими).*

Концептуальные векторы инварианта цикла предопределяют развитие следующей образной интерпретации со-отношения: если участники воспринимают друг друга органами чувств, то между ними происходит взаимодействие. Возможность визуального, аудиального, сензитивного контактов возникает у участников события вследствие целого комплекса процессов среды (природной, социальной, космогонической). Формируется метафора **ОТНОШЕНИЯ – ПЕРЦЕПТИВНОЕ ВОСПРИЯТИЕ.** Ср.: *Rien de ces attitudes égo-centrées ne me **sautait aux yeux**/ Ничего из этих эгоцентричных поступков я не замечала (букв. не прыгало мне в глаза). // N'oubliez jamais de **montrer** votre intérêt de l'état de votre conjoint quelque soit joie, colère ou tristesse/ Не забывайте показывать свой интерес к состоянию своего спутника, будь то радость, гнев или грусть. // **Виделись** чуть ли не каждый день с ним, попросил пореже **видеться**, а то говорит боится друг другу надоесть. // Сейчас **видимся** реже, стал ходить с друзьями гулять вместо того, чтобы **видеться** со мной. // жақсы **көру**/ любить (букв. хорошо смотреть) // дос **көру**/ считать другом // жақын **көру**/ считать близким // жат **көру**/ считать чужим // Жогалт көзіңді!/ Уходи вон! (букв. исчезни с глаз).*

Привлечение знаний о внутренних состояниях и реакциях на внешние стимулы интерпретирует межличностные взаимодействия через описания человека, который находится в устойчивом положении, обладает способностями видеть и слышать. Ср.: *trouver un **équilibre** dans une relation de*

*couple avec un personne autoritaire/ Найми равновесие в отношениях с авторитарным человеком. // On peut penser qu'elle est amoureuse, qu'elle est **attentionnée et sensible**/ Думается, что она влюблена, что она внимательная и чуткая. // Я часто к ней **прислушиваюсь**, она очень **чуткий** человек.*

Метафора **ОТНОШЕНИЯ – ДВИЖЕНИЕ ПО КРУГУ** формируется на основе соотнесения эмоциональной устремленности на другого и регулярных действий, направленных на заботу, помощь, выполнение желаний объекта устремления. Интерпретацию смыслов о межличностных отношениях ориентируют схемы КРУГ и ДВИЖЕНИЕ ПО КРУГУ, обобщающие опыт повторяющихся действий. Ср.: *Vous souhaitez **entourer** votre élue de tout son amour et de son attention/ Вы хотите окружить вашего избранника всей своей любовью и вниманием. // **окружать** заботой и вниманием // **Айналайын!**/ Дорогой! Милый! (обращение с чувством любви, восхищения, благодарности от айналу/ крутится, вертится) // **айналдыру**/ ухаживать за девушкой // **бөлену**/ быть охваченным приятным, получать в изобилии (букв. быть спеленытым, быть завернутым).*

Систематизация метафорических проекций в структуре модели интерреляции с инвариантом цикла представлена на рисунке 12.

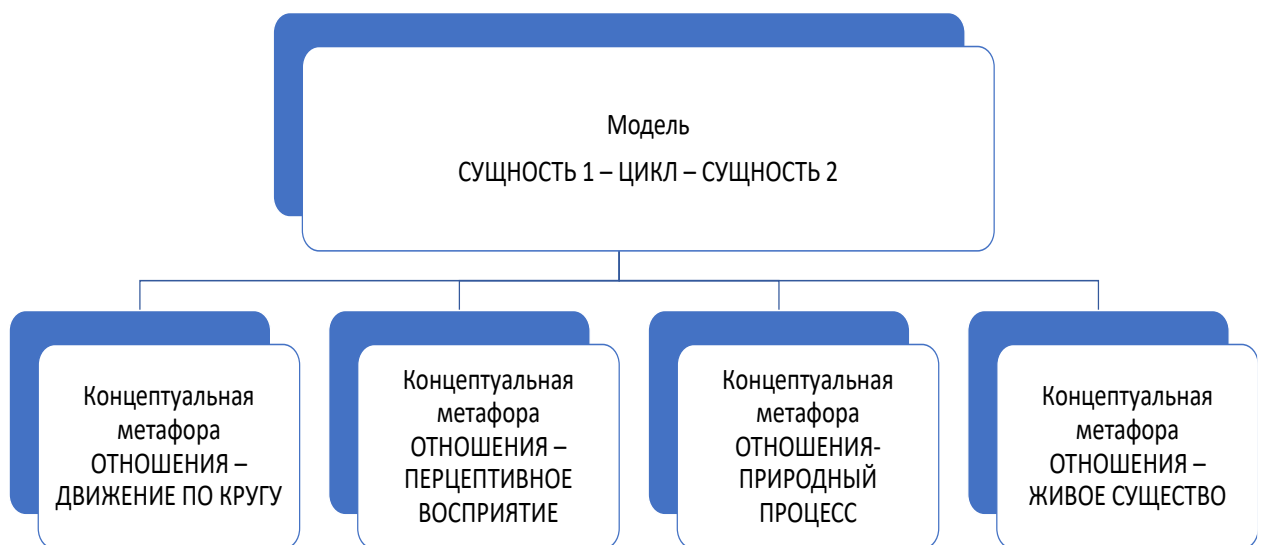

Рисунок 12 – Метафорические проекции в структуре модели интерреляции с инвариантом цикла

Представления о циклических природных процессах, движении по кругу определяют метафорические модели, развиваемые на основе интерреляции цикла. Смыслы о взаимоотношениях ориентируются схемами ПРОЦЕСС, ВИЗУАЛЬНЫЙ КОНТАКТ, КРУГ. Линейная последовательность уступает место циклическим закономерностям. Смыслы о невозможности отношений репрезентируются в образах природного цикла и процессов разложения, распада (увядание, смерть). Инвариант предопределяет характеристики содержания значимостью общих для участников процессов, существующих вне зависимости от их действий и желаний.

3.3. Интерреляция и продуктивность метафорических моделей

Особенности интерреляции проявляются в анализе концептуальных метафор как средств ментальной организации опыта и одновременно наиболее ярких средств выразительности. Исследование метафор и их проекций в высказываниях о межличностных отношениях на трех языках, проделанный в предыдущем разделе работы, демонстрирует однотипные манифестации продуктивности моделей интерреляции. Вместе с тем засвидетельствована неравновесная представленность метафорических моделей и развитие в отдельной лингвокультуре культурно-специфичных проекций.

Согласно Дж. Лакоффу, проявлением продуктивности концептуальной метафоры можно считать: 1) количество слов и устойчивых выражений, *кодирующих* различные аспекты сферы-источника метафорической модели; 2) разработку метафорических проекций путем переноса содержательных характеристик сферы-источника в сферу-мишень, что также выражается в количестве слов и устойчивых выражений [Лакофф 2004: 496-498].

По мнению З. Кевечеша, культурно-специфичные проявления метафор могут устанавливаться по критериям: 1) соответствия между метафорической моделью (уровнем обобщения) и проекциями в отдельной лингвокультуре (уровнем спецификации); 2) различию в диапазоне исходных сфер

концептуализации, которым носители языка отдают предпочтение [Kövecses 2009]. Каждая лингвокультура наполняет модель своим содержанием, что приводит к особым формам реализации метафоры.

По нашему мнению, общим показателем продуктивности модели интерреляции можно считать развитие метафорических проекций, благодаря которым в сфере-мишени разрабатываются характеристики, соотносимые с концептуальным вектором инварианта. В каждой лингвокультуре этот признак может принимать культурно-специфичные формы, что выражается в качестве метафорических проекций.

Реализация метафорических моделей, наблюдаемых во французских, русских и казахских высказываниях о межличностных отношениях, демонстрируют следующие качественные различия, происходящие в зависимости от лингвокультуры: 1) репрезентация элементов сферы-источника в культурно-специфичных метафорических образах, т. е. образах, регулярность которых объясняется культурно-историческим опытом; 2) детализация содержательной характеристики исходной модели в метафорических проекциях.

3.3.1. Культурно-специфичные метафорические образы

Понятийные сферы, активируемые метафорами, не могут проявлять равную продуктивность в разных лингвокультурах. То, что говорящие считают значимым, неотделимо от мира культуры и ограничено культурными ценностями и убеждениями [Gibbs 1994: 153]. Разные исторические условия формирования наций, географические и культурные различия приводят к тому, что определенный метафорический образ приобретает символическое содержание в одной лингвокультуре, тогда как в других он востребован относительно редко или не используется совсем [Kövecses 2000, 2002, 2018].

Так, во французских высказываниях о межличностных отношениях на базе метафорической модели ОТНОШЕНИЯ – ПУТЬ развивается проекция

ОТНОШЕНИЯ – МОРСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ. Рационализированные образы путешествия по морю входят в привычный для говорящих репертуар выражений о взаимоотношениях. Ср.: *Il faudrait d'abord **démarrer la relation** en douceur en n'organisant pas plus de deux rendez-vous par semaine/ Следовало бы начинать (букв. отшвартоваться) отношения не спеша, с не более чем двух свиданий в неделю. // Elle seule, sait comment **aborder** son père/ Она одна знает как поладить со своим отцом (букв. приблизиться бортами, взять на abordаж). // Et je lui avais dit que je ne voulais pas que ses parents **débarquent** chez nous tous les weekends en tout cas/ И я ему сказала, что я не хочу, чтобы его родителя заявлялись к нам по выходным по поводу и без (букв. сходить на берег, высаживаться с парохода). В морской метафоре переосмыслиется общность мнений. Ср.: *être / marcher **dans les eaux de**/ разделять чье-то мнение (букв. быть в чьих-то водах). В высказываниях на русском языке имеются единичные выражения (отчалить в значении уйти, бросить кого-то, быть в одной лодке в значении сотрудничать в силу обстоятельств).**

Образ, заданный лексемой *ancre/ якорь*, обозначающей способ стабилизации плывущего средства, становится средством переосмысления гармонии характеров и привычек в межличностных отношениях. Ср.: *Il est enfin quelque chose de plus fondamental que ces désaccords qui déçoivent: ce sont les points **d'ancrage**/ Вот что важно: есть нечто более фундаментальное, чем эти досадные разногласия – это наши точки соприкосновения (букв. якорного крепления). // Malgré des points **d'ancrage** forts de leur couple, elle est déçue de découvrir l'ampleur de leurs divergences/ Несмотря на сильные стороны (букв. якоренное крепление) их отношений, она была разочарована масштабом их расхождений. Подобные метафорические образы нехарактерны для высказываний об отношениях на казахском языке.*

В русских высказываниях частотна интерпретация адаптора связи в метафорических образах, связанных с опытом ухода и контроля над домашними животными. В высказываниях об активном воздействии одного партнера на другого, принуждении партнера к определенным решениям

метафорическая проекция ОТНОШЕНИЯ – УДЕРЖАНИЕ ЖИВОТНОГО активизирует знания об инструментах удержания. Ср.: *захомутать // заарканить* мужчину // *охомутать* мужчину // *натянуть вожжи // хомут на шею // Любовь и совместное счастье превращается во **впрягание в упряжь** как ломовые лошади. // быть в одной **упряжке** // Зачем держать мужчину в **узде**?* Подобных примеров нет во французском языке.

В высказываниях на казахском языке ограничения, вызванные семейным положением, переосмысляются в образе пут, связывающих живое существо. Ср.: *Аяғы **шырмалды**/ быть семейным человеком (букв. ноги опутаны) // Аяғына **тұсау** түсті/ жениться (букв.: путы на ноги наложить).* Способ и вид адаптора не конкретизирован. Профилирование части тела (*аяғы/ его ноги*) указывает на невозможность передвижения, т. е. акцентируется вынужденное ограничение желаний и поступков.

В казахских высказываниях об активном устремлении на другого регулярно использование метафорического образа огня. Метафорическая проекция ОТНОШЕНИЯ – ОГОНЬ ориентирует смыслы о симпатии к другому. Ср.: *қылығымен жұртқа **жағу**/ нравится людям своим поведением (**жағу/ зажигать огонь**). // Сөзі көңіліме **жағып** қалды/ Его слова стали мне нравится. // көңіліне **жағу**/ прийтись по душе.* В характеристике человека, поступки которого вызывают одобрение других, используется метафорический образ «излучение света». Ср.: *жаны **жарқын** адам/ жизнерадостный человек (букв. с сияющей душой) // ақ **жарқын** / приветливый (букв. сверкающий белым) // **жарқылдақ** жан/ весельчак, умеющий остроумно сказать (букв. сверкающая душа).*

Смысл о неприязненном, плохом отношении к субъекту (пострадать от действий кого-то, расстраиваться) может быть репрезентирован с помощью значений с семантическим компонентом «причинение вреда огнем». Ср.: *Сен үшін мен **күйдім**/ Из-за тебя я пострадал (күй/ обжигаться, гореть). // Бақыты **күй**/ Он несчастлив (букв. обжечься счастьем). // Ол досының иттігіне **күйіп** кетті/ Подлость друга его сильно расстроила. // сөз **күйігі**/*

горечь, обида от слов (букв. гарь, выжженное место) // Ол мені үндемей күйдірді/ Она, разозлившись, промолчала (букв. сожгла меня).

Семантика огня используется для интерпретации смыслов о вовлечении в общее действие, об ответном устремлении. Ср.: *Әңгіме қоздай түсті/ Разговор ширился (букв. постепенно разгорался, т. е. вовлекались новые участники). // Мұндай сөздер қорланған адамның теріс сезімін қоздырады/ Эти слова ранят и вызывают негативные чувства у человека, которого ими заделали (букв. такие слова у оскорбленного человека зажигают негативные чувства).*

Разница в культурно-историческом опыте может быть объяснением наличия в данной лингвокультуре одних образов и отсутствия других. Однако в высказываниях о межличностных отношениях это не является условием их рационализации и востребованности каждый раз в новых коммуникативных ситуациях. Следовательно, использование культурно-специфичных метафорических образов ограничено социальными представлениями и идеями, связанными со сферой-мишенью, т. е. сферой межличностных взаимодействий.

3.3.2. Метафорическая детализация моделей интерреляции

Метафорические проекции, которые дифференцируют, уточняют и детализируют аспекты содержания абстрактной концептуальной модели, по-разному представлены в трех лингвокультурах. В данном подразделе мы обращаемся к этому вопросу для углубления понимания идиоэтничности интерреляции.

Анализ материала исследования показывает, что в высказываниях о межличностных отношениях на русском языке обнаруживаются метафорические проекции, развиваемые на основе метафоры ОТНОШЕНИЯ – СВЯЗЬ. Лексические средства детализируют длину адаптора соединения, что находит отражение в системе культурно-специфичных проекций

КОРОТКАЯ СВЯЗЬ – ОГРАНИЧЕНИЕ, ДЛИННАЯ СВЯЗЬ – ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ СВОБОДЫ ДЕЙСТВИЙ. Ср.: *держат на коротком поводке* // *приспустить поводок* // *ослабить поводок* // *держат на длинном поводке* // *отпустить поводок* // *отпустить поводья* // *отпустить бразды правления* // *натянуть поводок*. Знания о степени свободы движений живого существа в зависимости от длины привязи активируют смыслы о большей или меньшей степени доминирования одного человека над другим. При этом общее содержание высказывания имплицитно не насильственные действия, а неравное распределение ответственности в отношениях.

В казахской лингвокультуре на базе концептуальной метафоры ОТНОШЕНИЯ – ПЕРЦЕПТИВНОЕ ВОСПРИЯТИЕ формируются проекции ГАРМОНИЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – ХОРОШИЙ ВИЗУАЛЬНЫЙ КОНТАКТ, ПЛОХИЕ ОТНОШЕНИЯ – ПЛОХОЙ ВИЗУАЛЬНЫЙ КОНТАКТ. Ср.: *жақсы көру*/ любить (букв. хорошо смотреть) // *Соңынан/ артынан еріп келген баланы өз баласындай көру*/ Принять как своего (букв. смотреть как на своего) ребенка женщины. Ситуация конфликта или неприятие субъекта переживается как нежелание визуального контакта, его плохое качество. Ср.: *жаман қарау*/ относиться плохо, с враждебностью (букв. плохо смотреть) // *жсек көру*/ испытывать сильную неприязнь, ненавидеть // *ат үсті қарау*/ относиться безответственно (букв. смотреть по верхам). В последнем высказывании плохое отношение переосмыслено как неспособность сосредоточить взгляд. Нежелание поддерживать отношения интерпретируется как стремление избежать визуального контакта. Ср.: *бас тарту*/ расстаться, не хотеть иметь дела (букв. голову в сторону тянуть) // *Сүйгенің үшін көп дүниеден бас тарту* деген керемет, әрине/ Конечно, ради любимого хорошо от многого в мире отвернуться.

В отличие от выражений с мимической кинемой в русском и французском языках (*глаза потемнели, глаза загорелись, ouvrir de grands yeux/ широко открыть глаза* в значении удивиться, *regarder du tête oeil farouche/ посмотреть злобым взглядом*), в высказываниях на казахском языке

развивается идея о стремлении партнеров быть внимательными к настроению друг друга. Метафорические проекции интерпретируют различные аспекты взаимодействия людей через указания на мимику. Основанием развития метафорического переноса становится социокультурное представление об обусловленности эффективного взаимодействия внутренним состоянием участников, которое может быть «считано» партнерами по коммуникации, что тем самым способствует или препятствует гармоничным отношениям.

Во французской лингвокультуре культурно-специфичным проявлением модели ОТНОШЕНИЯ – СОПОЛОЖЕНИЕ ТЕРРИТОРИЙ является репрезентация смыслов о межличностных конфликтах в рамках проекции КОНФЛИКТ – РАСПОЛОЖЕНИЕ ЛИЦОМ К ЛИЦУ. Ср.: *Faire front/ противостоять* (букв. делать лоб) // *En pleine face/ прямо в лицо* // *On est face à une relation amicale toxique/ Имеем дело* (букв. находимся лицом к) *с токсичными друзьями.* // *Cette dessaisie serait-elle celle à laquelle chaque femme a, dans sa vie, à s'affronter?* Является ли это отчуждение тем, с чем неизбежно сталкивается каждая женщина в жизни? // *Nous devons tous faire front face à ces comportements inacceptables/ Мы всеми силами боремся с подобным нежелательным поведением.* Расположение участников конфликта друг напротив друга является типизированной ситуацией. Но в казахской и русской лингвокультурах образ участников друг напротив друга не используется в контекстах о готовности к сопротивлению. Ср.: *Бет көрсе, жүз ұялар/ На глаза показаться стыдно* (букв. увидев лицо, сто раз устыдишься). // *бет-бетімен кету/ разбрестись кто куда* (букв. лицом от лица).

Несмотря на существование сходных прототипических ситуаций в разных сообществах, развитие метафорических проекций в отдельной лингвокультуре свидетельствует об идиоэтничности интерреляции и ее обусловленности сложившимися ценностными и представлениями о межличностных отношениях.

Культурно-специфичные компоненты знания детализируют аспекты

содержания, заданного моделью интерреляции. Так, в русской лингвокультуре концептуальная метафора ОТНОШЕНИЯ – ОБЪЕКТ с интерреляцией объекта в основе развивает специфичную проекцию ОТНОШЕНИЯ – УДЕРЖАНИЕ ЖИВОТНОГО (см. примеры выше).

В контексте французской лингвокультуры метафора ОТНОШЕНИЯ — ОБЪЕКТ проявляет идиоэтническую метафорическую проекцию ОТНОШЕНИЯ – ФИНАНСОВАЯ ОПЕРАЦИЯ. Ср.: *Je vois peut être la relation comme **une transaction** ... mais chaque relation est ainsi/ Я, может быть, рассматриваю отношения как некоторую транзакцию ... но каждые отношения таковы. // J'étais confondue par la manière dont il m'impressionnait, tant il semblait **s'investir** pour cette relation/ Меня сбило с толку его умение впечатлять, казалось, что он так вкладывался (букв. инвестировал) в эти отношения. // Au début il était investi, mais maintenant, c'est plus axé sur le sexe .../ Сначала он вкладывался (букв. инвестировал), но сейчас все сводится к сексу ...* . Привлечение в сферу межличностных отношений знаний о финансовых сделках позволяет ввести в контекст смыслы облигаторности действия в ответ на заботу, доверие и любовь со стороны одного из участников. В осмыслении абстрактной сферы метафора денег устанавливает принцип эквивалентности, так как он является основой денежных расчетов [Белозерова 2004: 109-130; Henchoz 2014]. Ср.: *Cela devrait plutôt être vu comme du **gagnant-gagnant**. Chacun dans la relation apporte un plus à l'autre et inversement/ Это должно рассматриваться как обоюдный выигрыш. Каждый в отношениях добавляет плюс другому, и наоборот. // Rélation où c'est toi qui fais **dépôt** et c'est encore toi qui demandes si c'est arrivé là, faut quitter dedans!* (букв. из отношений, в которые ты делаешь депозит и снова именно ты спрашиваешь, что же случилось, надо уходить).

Метафорическая проекция ОТНОШЕНИЯ – ФИНАНСОВАЯ ОПЕРАЦИЯ позволяет ввести в поле внимания смыслы о соответствии между количеством и степенью эмоционального комфорта участников события. Ср.: *l'une des personne est sincère et pense à une réciprocité tandis que l'autre est une*

profiteuse/ Один из людей искренен и думает о взаимности, тогда как другой спекулянт (букв. выгодоприобретатель). // *Est-ce que les relations toxiques consistent à exploiter la gentillesse des autres pour de nouvelles relations plus lucratives?*/ Имеют ли место в токсичных отношениях ситуации, когда кто-то использует доброту других людей, чтобы создать более выгодные (букв. прибыльные) отношения в дальнейшем? // *Peut-être qu'elle a des raisons personnelles pour refuser vos avances*/ Может быть, у нее какие-то личные причины, чтобы отказывать вашим ухаживаниям (букв. авансам)? // *C'est supprimer le surplus que tu mets dans la relation, le surinvestissement* (букв. пора закончить с излишками, которые ты вкладываешь в отношения, это – чрезмерные инвестиции).

В казахской лингвокультуре концептуальная метафора ОТНОШЕНИЯ – ОБЪЕКТ востребована в интерпретации уважительного отношения к кому-либо. В этом случае она наполняется культурно-специфичным содержанием. В частности, почитание достоинств репрезентируется как ценный предмет, которым одаривается уважаемый человек. Формируется метафорическая проекция УВАЖЕНИЕ – ОДАРИВАНИЕ. Демонстрация почтительного отношения, признание авторитета и заслуг посредством дарения материального предмета закрепляется в значениях лексических средств (**сый**/ подарок, уважение, **сыйлы**/ уважаемый, **сыйлық**/ дар, подарок, премия, **сыйлау**/ уважать, угощать, **сый-құрмет**/ почет и уважение). Ср.: *қонақтарға сый-сыяпат көрсету*/ оказывать почтение гостям // *Қонақтарды сый-сыяпат беріп аттандырдық*/ Гостей проводили с подарками. Интерпретация уважения как манипуляции с материальным предметом делает обязательным его проявление. Ср.: *Бұған ата-анаға тиесілі сый-құрмет те кіреді*/ Сегодня под этим понимается уважение родителей (букв. причитающееся, положенное родителям, *тиесі*/ доля, удел, то, что полагается). // **Сыйға** — **сый**, сыраға — бал/ За подарок – подарок, за пиво – мед.

Образ вещей, преподносимых в дар, позволяет профилировать смыслы о необходимости постоянных действий для поддержания уважительных

отношений. Ср.: Сүйіспеншілік, **сыйластық** сынды сұлу қасиеттерді өзара **бөліскен** ерлі-зайыптылардың қарым-қатынасы кім-кімді де сүйсіндіреді/ *Отношения супругов, которые разделяют (бөлісу/ делить, поделиться) прекрасные качества любви и уважения, порадуют любого. // Қандай да бір беделді не өзіміз құрмет тұтатын кісілер берген сый-тартулар біз үшін өте бағалы болар/ Часто подарки ценят за то, что их подарил какой-то влиятельный или очень уважаемый человек (букв. люди, держащие уважение, тұту держатъ). Корреляция знания о почтительном отношении и опыта дарения зафиксирована в устойчивых выражениях. Ср.: **сый** қонақ/ почетный гость // **сый** табақ/ блюдо для почетных гостей // **сыйға тарту**/ подарить, одаривать, принести в дар (букв. тянуть для уважения, подарка) // Бәрін **сыйлаған** әйел елін де сыйлайды/ Женщина, уважающая всех, уважает и свой народ (т. е. женщина, проявляющая уважение к родственникам мужа, тем самым повышает и уважение к своей собственной семье). // **Сыйлы** қонағың келсе, итіне сүйек таста/ Если пришел уважаемый гость, и собаке его кость кинь. // **Сыйларға** асың болмаса, сипарға тілің болсын/ Если нечем гостя угостить (букв. для того, чтобы оказать уважение нет еды), найди для него доброе слово.*

Примером детализации концептуального содержания, представленного метафорой ОТНОШЕНИЯ – ОБЪЕКТ в русской лингвокультуре, также является метафорическая проекция РАССТАВАНИЕ – РАЗРЫВ. Хотя смыслы о расставании получают развитие в высказываниях на трех языках (*se déchirer/ расстаться (букв. разорваться), разорвать отношения, қатынастарды үзу, байланысты үзу*), в примерах на русском языке данная проекция является более разветвленной. Ср.: **оборвать** связи // **порвать** с мужчиной // **рвать** отношения // **оторвать** от семьи // **оторванный** кусок (о родственнике) // Если вы уже все решили, чего **тянуть**? // Нельзя **затягивать**, надо решиться и все объяснить. В русской лингвокультуре метафора разрыва также востребована для создания смыслов о выделении двух частей из состава целого (**оторванность** маршрута от центра), о внезапном прекращении

какой-либо деятельности, состояния (*оторвать от работы, оторвать от дела, сорваться с места*), для акцентирования отчуждения (*оторва, оторви да выбрось, сорваться на ком-либо, зарваться, как с цепи сорвался*). Это свидетельствует о том, что в русской лингвокультуре образ *связи* или *связующего инструмента* как способ единения и стабилизации целостности частей является предпочтительным.

Таким образом, идиоэтничность интерреляции обусловлена культурно-специфичным содержанием коммуникации, привычным для носителей лингвокультуры и актуальным для обсуждаемого типа ситуаций.

Выводы по третьей главе

Представление знаний о межличностных отношениях определяется диспозитивностью дискурса, которая реализуется моделями интерреляции с инвариантом движения, объекта и цикла. Каждая модель имеет трехчастную концептуальную рамку, включающую две сущности (участников) и со-отношение, интерпретируемое схемами ПРОСТРАНСТВО, ОБЪЕКТ или ЦИКЛ. Инвариант интерреляции устанавливается на основе семантики речевых средств.

Концептуальная рамка модели интерреляции форматирует событие со-отношения и определяет атрибуты, значимые для организации референтной сцены. Концептуальный вектор инварианта задает качественные характеристики референтной сцены: 1) фон; 2) фокусный центр; 3) связность; 4) метафорическую модель и ее проекции. Это константные характеристики инварианта, воспроизводимые во множестве потенциальных вариантов.

Инвариант движения является основой модели интерреляции СУЩНОСТЬ 1 – ПРОСТРАНСТВО – СУЩНОСТЬ 2. В этой перспективе значимым атрибутом со-отношения является динамика движения участников и пространство перемещения. Модель активирует знания, обобщающие физический опыт согласованного или несогласованного движения к

совместным целям (схемы ПУТЬ, ДИСТАНЦИЯ, ТРАЕКТОРИЯ, ЦЕЛЬ, ДВИЖЕНИЕ ВПЕРЕД, СОПОЛОЖЕНИЕ ТЕРРИТОРИЙ).

Значения, репрезентирующие инвариант движения, представлены двумя группами речевых средств: 1) глаголами и существительными с семами движения, а также прилагательными с семантикой акциональности; 2) существительными с пространственной семантикой. Во французском и русском языках интерреляция движения также объективируется предлогами.

На основе интерреляции движения развиваются метафорические модели ОТНОШЕНИЯ – ПУТЬ и ОТНОШЕНИЯ – СОПОЛОЖЕНИЕ ТЕРРИТОРИЙ. Концептуальный вектор инварианта предопределяет развитие метафорических проекций атрибутами «сохранение динамики движения», «соблюдение границ». Гармоничные отношения интерпретируются с привлечением знаний о движении вперед. Осмысление изменений к лучшему ориентировано схемами преодоления препятствий и согласования направлений. Неприемлемое действие по отношению к другому, неуважение к личности партнера объективируется в семантике нарушения дистанций, территорий, несогласованности траекторий.

Инвариант объекта реализуется в модели СУЩНОСТЬ 1 – ОБЪЕКТ – СУЩНОСТЬ 2. Значимыми атрибутами со-отношения становятся признаки объекта, выполняющего функцию объединения участников, которые в свою очередь стремятся к статическому положению. Референтные сцены ориентированы схемами ПРЕДМЕТ ВЛАДЕНИЯ, ОБЩИЙ ПРЕДМЕТ, СВЯЗЬ, ОБЪЕКТ, ОБЪЕДИНЕНИЕ, РАСПОЛОЖЕНИЕ МЕЖДУ.

Инвариант объекта реализуется в трех лингвокультурах четырьмя группами средств, передающих семантику: 1) контроль и перемещение материальных предметов; 2) действия по созданию объекта, материальные свойства объекта; 3) собственность, «неотчуждаемая» собственность; 4) знания об инструментах, выполняющих функцию удержания, действиях со связующими предметами.

Метафоры ОТНОШЕНИЯ – СВЯЗЬ, ОТНОШЕНИЯ – ОБЪЕКТ

закрепляют эмоциональный комфорт нахождения человека рядом и физического опыта манипуляций с ценными предметами. Метафорические проекции восстанавливают материальные признаки со-отношения, интерпретируемого схемой ОБЪЕКТ. Смыслы о гармоничных и плохих отношениях репрезентируются с привлечением адаптора. В сферу межличностных взаимодействий проецируются знания о качестве связующего предмета. Стремление сохранить и продлить эмоциональный комфорт в непосредственной близости с объектом устремления активирует знания о владении и контроле над ценным предметом, образы поглощения еды, представления о рукотворном объекте, опыт перемещения тяжелых и легких предметов.

Инвариант цикла реализуется в модели СУЩНОСТЬ 1 – ЦИКЛ – СУЩНОСТЬ 2. Концептуальная рамка интерреляции форматирует событие со-отношения как одно из проявлений процесса, объединяющего участников. Референтные сцены ориентированы схемами ПРИРОДНЫЙ ПРОЦЕСС, ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ, ЦИКЛ, СОСТОЯНИЕ, ПЕРЦЕПТИВНОЕ ВОСПРИЯТИЕ, ВИЗУАЛЬНЫЙ КОНТАКТ, КРУГ, ДВИЖЕНИЕ ПО КРУГУ, ДВИЖЕНИЕ К ЦЕНТРУ, ЦЕНТР – ПЕРИФЕРИЯ.

В исследуемых лингвокультурах выделены пять групп речевых средств, реализующих инвариант цикла: 1) указывающих на естественные процессы растений; 2) отсылающих к знаниям о стадиях развития, жизнедеятельности человека или животного; 3) передающих значения о физических процессах материи; 4) обобщающих опыт восприятия внешней среды органами чувств человека; 5) имеющих семантический компонент «движение по кругу».

Метафорические модели, развиваемые на основе интерреляции цикла, являются результатом переосмысления сходства процессов внутреннего и внешнего мира. Метафора ОТНОШЕНИЯ – ПРИРОДНЫЙ ПРОЦЕСС интерпретирует со-отношения знаниями о природных, органических, временных, социальных процессах. Метафора ОТНОШЕНИЯ – ПЕРЦЕПТИВНОЕ ВОСПРИЯТИЕ способствует интерпретации

взаимодействия как результата сложных процессов окружающей среды. Метафоры ОТНОШЕНИЯ – ДВИЖЕНИЕ ПО КРУГУ и ОТНОШЕНИЯ – ЖИВОЕ СУЩЕСТВО ориентируют смыслы об устремленности на другого, привлекается сферы опыта регулярных действий (заботы, помощи, повседневного ухода).

Каждая модель интерреляции представляет собой систему когнитивных ресурсов для интерпретации межличностных отношений. Диспозитивность дискурса обеспечивает предзаданность организации референтных сцен одним из трех инвариантов, что получает выражение в системе речевых средств. Профилируемый на фоне референтной сцены актуальный смысл воспроизводит значимый атрибут инварианта способом, конгруэнтным лингвокультуре.

Продуктивность моделей интерреляции оценивается на основе концептуальных метафор и метафорических проекций, имеющих однотипные и культурно-специфичные способы воплощения. Идеи и ценности, сложившиеся в сфере межличностного взаимодействия, обуславливают лингвокультурную специфику метафорических моделей и идиоэтничность интерреляции в целом.

ГЛАВА 4. ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА МОДЕЛЕЙ ИНТЕРРЕЛЯЦИИ

Данный раздел работы посвящен анализу дискурсивных условий интерпретации события со-отношения. Исследуется диспозитивность дискурса межличностных отношений, формируемая под влиянием социокультурных идей. Лингвокультурная специфика дискурса объекта раскрывается через анализ общего невербализованного знания, привлекаемого в контекст высказывания значениями речевых средств.

Ранее в работе были сделаны выводы о том, что общекогнитивная диспозитивность дискурса реализуется в пределах моделей интерреляции с инвариантами движения, объекта и цикла. Установлено также, что концептуальные метафоры, развиваемые на основе интерреляций с тем или иным инвариантом, имеют, наряду с однотипными, культурно-специфичные проекции. Последнее обусловлено особенностью сферы-цели, складывающейся под влиянием идей и ценностей, релевантных для межличностных взаимодействий.

По нашему мнению, лингвокультурная специфика интерпретации объектов речи сферы межличностных отношений обусловлена социокультурным конструктом о личности, который складывается вместе с историко-культурным развитием сферы социальных взаимодействий. Он интегрируется в языковое сознание участников коммуникации и поэтому оказывается востребованным в коммуникативных ситуациях.

Рассуждения о способах влияния социума и культуры на метафорическое производство основываются на концепциях *культурного сита* (*culture sieve*) [Ibarretxe-Antuñano 2013], *культурного фильтра* [Yu 2008], *дифференцирующего экспериенциального фокуса* [Kövecses 2005] и *культурных схем* [Sharifian 2014]. С опорой на концепции *социальных конструктов* [Бергер 1995], *познавательной экосистемы* [Hutchins 1980],

скриптовых формулировок [Edwards 1994, 1997], *моделей контекста* [Dijk 2008] утверждается регулирующее действие общего знания на интерпретацию смыслов.

Под *социокультурным конструктом* в работе понимается познавательная координата, существующая в языковом сознании представителей лингвокультуры вследствие обобщения социальных идей о личности и ценностном отношении к ее проявлениям.

Познавательная координата *предопределяет* активацию того или иного инварианта интерреляции. Интегрированность социокультурного конструкта в дискурсивные условия проявляется посредством: 1) возникновения в контексте невербализованных компонентов содержания, соотносимых с определенными социальными идеями; 2) ограничения нежелательных импликаций за счет указаний на субъективную позицию говорящего по отношению к объекту речи; 3) рационализации одних, а не других метафорических образов.

Отдельный субъект может соглашаться или нет с социальными конвенциями, идеями, культурными устоями в сфере межличностных отношений, но, как представитель социо- и лингвокультуры, он знает об их существовании и функционировании. Конструкт выделяется на основе обобщения инференциальных компонентов (*скриптов*) в контекстах высказываний, а также анализа маркеров *кода субъективной позиции* как проявлений убежденности говорящего в ценности тех или иных социокультурных идей.

Являясь следствием типизированной, общеизвестной последовательности причинных связей, *скрипты* возникают в результате *актуализации семантики выражения и общих знаний* коммуникантов, аккумулированных в социокультурном конструкте, сложившемся вместе с фрагментом опыта в конкретной культуре [Баранов 2001; Демьянков 1996; Edwards 1994, 1997; Fillmore 1992; Schank 1977; Wierzbicka 2002, 2006;]. Выделение *кода субъективной позиции* основывается на концепциях

дискурсивных практик [Фуко 1996], области коннотативных означаемых [Барт 2005], субъектного оценочного позиционирования [Карасик 2013; Попова 2012], а также теории текстопорождающих практик [Чепкина 2000]. В качестве речевых средств, обеспечивающих возникновение скриптов и маркирующих субъективную позицию говорящего, в данной работе анализируются лексические средства.

Социокультурный конструкт определяет лингвокультурную специфику интерреляции в целом и предпочтение того или иного инварианта в оречевлении смыслов о межличностных отношениях в частности. Модели интерреляции с разными инвариантами *адаптируют* контекст высказывания ракурсу «видения» объекта речи, предопределенному социокультурным конструктом.

Авторская методика восстановления компонентов содержания, заданного скриптами и субъективной позицией говорящего, вырабатывается нами на основе трудов Г. Грайса, А. Вежбицкой, Д. Эдвардса [Edwards 1994, 1997; Grice 1975; Wierzbicka 2006]. Формулы вывода скрипта (из пяти шагов) и импликаций (из четырех) субъективной позиции, приведены в п.п. 2.4.3 и 2.4.4. соответственно.

Личное пространство, общность, родовая группа выделяются нами как конструкты, интегрированные в дискурсивные условия интерпретации смыслов сферы межличностных взаимодействий во французской, русской и казахской лингвокультурах соответственно. Каждый из конструктов определяет культурную специфику экстралингвистического контекста, обеспечивающего последовательность, причины и качественные характеристики действий участников отношений. Сопоставление французских, русских и казахских высказываний о ревности приводится в качестве примера анализа адаптации моделей интерреляции социокультурным конструктам о личности.

4.1. Социокультурный конструкт *личное пространство* во французском дискурсе и интерреляция движения

Представления о личном пространстве, т. е. области, которую индивиды устанавливают вокруг себя и в которую другие не могут вторгнуться, не вызвав дискомфорта, являются одной из основных составляющих социального поведения человека и его коммуникационной активности [Хьелл 1997; Hayduk 1983]. В межличностной коммуникации зона личного пространства варьируется в зависимости от культуры и других факторов, например, пола и степени знакомства [Нартова-Бочавер 2001].

Исследователи французской социокультуры утверждают принятие французским обществом законов римского права, приоритетность принципов общественного сосуществования и признание социальной реальности [Фульье 1899; Miletì 2001]. Обратной стороной общественности становится индивидуализм, сценарий достижения личного успеха в равноконкурентной ситуации состязания [Голованивская 2009]. Историко-культурное развитие французского общества (морские колонии, равномерность в расположении индустриальных центров, принципиальная связанность общественного устройства, возможность относительно свободно для индивида передвигаться по стране) способствует формированию идей об уникальности личности и одновременно о ее обособленности в процессах межличностных взаимодействий.

В данном разделе будет продемонстрировано, что социокультурный конструкт *личное пространство* имеет особую значимость для французского дискурса межличностных отношений. Под *личным пространством* в диссертационном исследовании понимается комплекс идей о личности как самодостаточном члене социума, ценностном отношении к ее правам и свободам, приоритете личных интересов и мотивов во взаимодействиях с другими. Знания, сформированные вместе с данным комплексом идей,

обеспечивают *качественную характеристику* осмысления событий в сфере межличностных отношений, а именно: участники автономны, каждый из них соотносит действие с личными целями. Конструкт *личное пространство* обуславливает наличие в высказываниях формально не выраженных, т. е. инференциальных компонентов контекста о *необходимости учета интересов другого и / или рационализации совместных усилий*. Содержание, не закрепленное в значении используемых речевых средств, но возникающее в контексте, представлено скриптами согласованного действия, личной автономии и рационального действия.

4.1.1. Скрипты согласованного действия, личной автономии, рационального действия во французском дискурсе

Сочетание семантики речевых средств в высказывании обеспечивает возникновение невербализованного содержания о причинах, качестве и условиях межличностных взаимодействий, которые закрепляются в виде *скриптов*.

Скрипт согласованного действия – формально не выраженное в высказываниях о межличностных отношениях содержание контекста о необходимости согласования личных целей, интересов и желаний партнеров. Возникает в результате: 1) использования речевых средств, семантика которых отсылает к знаниям о правовых и общественных нормах, для описания качества социальных действий (*droit/ право, légitime/ законный, justifié/ справедливый, оправданный* и др.); 2) актуализации значений с компонентами «эквивалентность действий», «деление на части», «согласие партнера на действие», «согласование» в интерпретации смыслов об устремленности на другого (*partager/ разделять, s'accorder/ согласовать, mettre au clair/ выяснить, laisser faire/ позволить* и др.). Скрипт устанавливает причинно-следственные связи между намерениями участников (одного из участников) и процессом согласования действий, наличием договора (между

партнерами, общественно-правовой нормы).

Ср.: *Et quand bien même vous voudriez plaire, ça reste votre droit légitime/* Тем более нравится (букв. хотеть нравится) — остается вашим законным правом (совет молодой девушке, парень которой недоволен ее макияжем).

Следуя формуле определения выводного знания, предложенной в п.п. 2.3.4., получаем следующее:

1 [Он сказал, что <i>p</i>].	<i>Et quand bien même vous voudriez plaire, ça reste votre droit légitime.</i>
2 [Он не мог сказать <i>p</i> , если бы он не считал, что <i>q</i>].	Он не сказал бы это, если бы не считал так: <i>нравиться или нет другим — законное право каждого.</i>
3 [Он знает, что я знаю, что он знает, что я могу понять необходимость предположения о том, что он думает, что <i>q</i>].	Он знает, что его собеседник знает следующее: <i>макияж не является противозаконным действием.</i> Поэтому собеседник может понять, почему возникает такое ожидание: <i>парень не будет возражать против макияжа.</i>
4 [Он хочет, чтобы я думал (или готов позволить мне думать), что <i>q</i>].	Он хочет, чтобы собеседник думал так: <i>требования и претензии партнеров друг к другу выдвигаются в рамках правовых норм. Нормы права объективны и обязательны для всех.</i>
5 [Итак, он имплицировал, что <i>q</i>].	Он имплицировал, что <i>никто не может ограничивать другого в его правах, в том числе если речь идет о любовных отношениях.</i>

Сочетание семантики речевых средств *vouloire plaire/ хотеть нравится* и *droit légitime/ законное право* устанавливает соответствие между требованием одного из участников отношений и правовыми нормами (2). Так как запрещающей нормы не существует, следствием такой комбинации значений становится ожидание отсутствия возражений со стороны партнера (3). Содержание, возникающее в контексте для обоснования *допустимости* данных ожиданий, является скриптом (4).

Активация знаний об общественном договоре в контекстах высказываний о личных отношениях предопределяется социокультурным конструктом *личное пространство*. Иными словами, взаимодействие партнеров соотносится с существующими законами. Данное содержание не имеет формального выражения, но возникает на основе сочетания семантики речевых средств и общеизвестного знания. Далее происходит развитие

импликаций о неприемлемости ограничения кого-либо в законных действиях (5). Инференциальные компоненты и импликации определяются знаниями о личности как конструктом, интегрированным в языковое сознание представителей лингвокультуры.

Ср.: (1) *Soyez, simplement, honnête avec vous-même, car vous avez aussi votre part de responsabilité, l'excuse légitime et justifiée, c'est qu'il est difficile d'être préparé à ces sentiments/ Просто будьте честны с собой, так как и на вас лежит часть ответственности, оправдание законное и справедливое, хотя трудно быть готовым к подобным чувствам* // (2) *aucunes trêves du WE ou pour eux, il est légitime de faire des travaux .../ никаких перерывов на выходные, или для них законно продолжать работы по выходным ...* (высказывание о соседях, затеявших ремонт в выходной день). В высказываниях о взаимоотношениях с партнером (1) и с соседями (2) использована лексема *légitime/ законный* (CNRTL: www.cnrtl.fr/definition/légitime). Знание, вводимое в контекст значением лексемы, устанавливает связь между объектом речи и нормами права. Возникает предположение о правомерности или неправомерности действий. Объекты речи интерпретируются с привлечением знаний о правовых нормах. В первом примере комбинация с лексемой *justifié/ справедливый, т. е. в соответствии со справедливостью, заслуженно* (CNRTL: <https://www.cnrtl.fr/definition/justifié>) имплицитно подразумевает необходимость принятия ответственности за происходящее. Во втором – создает смысл неприятия действий партнеров по коммуникации и решения проблемы в правовом поле (например, через обращение в полицию). Допустимость предположения обусловлена социокультурным конструктом *личное пространство*: свобода каждого из партнеров ограничивается законом, а не личными желаниями. Ср.: *Il n'a aucun droit de demander que vous changiez/ Он не вправе требовать от вас изменений.*

Другой группой средств, актуализирующих скрипт согласованного действия, являются лексемы со значениями «приводить в соответствие»,

«разделять», «договариваться», «обсуждать». Они участвуют в интерпретации смыслов о совместной жизни и гармонии взаимоотношений (*partager/ делить, accepter/ принимать, s'accorder/ договориться, être en accord/ быть согласным* и др.). Сочетание подобной семантики порождает предположение о необходимости равной вовлеченности каждого из партнеров в совместную жизнь. В результате инференциальное содержание о согласованности действий партнеров становится частью контекста:

[Он хочет, чтобы я думал (или готов позволить мне думать), что q].	Он хочет, чтобы собеседник думал так: <i>личность каждого имеет равную ценность.</i> Он готов позволить мне думать, что <i>все стремятся уравнивать усилия, затраты, возможности каждого из партнеров.</i>

Социокультурный конструкт *личное пространство* предопределяет ракурс интерпретации объектов речи сферы взаимоотношений. Смыслы о личном вкладе каждого партнера, а также о возможности сопоставить свои действия с участием партнера являются частью контекстов о гармоничных отношениях: участники стремятся к сотрудничеству, они готовы согласовывать свои усилия.

Ср.: ... *la belle fille et notre fils mettent au clair ce qu'ils sont prêt à **accepter** dans la relation qu'ils auront avec la mère **pour l'un** et belle mère **pour l'autre***/ Сноха и наш сын прояснили, как каждый представляет себе отношения: он — с матерью, она — со свекровью (букв. сноха и наш сын ясно определили то, что они готовы принять в отношениях, которые будут для одного с матерью, для другой со свекровью). В данном примере говорящий использует лексемы, обозначающие отношения родственности (*la mère/ мать* и *la belle mère/ свекровь*). Значение глагола *accepter/ принять* вводит в контекст содержание о необходимости адаптироваться к изменениям в семье. Сочетание указанных средств и выражения *mettre au clair/ выяснить, изучить, прояснить* «запускает» причинно-следственные связи о способе адаптации: обсудить, договориться и т. д. Грамматический параллелизм в речи говорящего (*pour l'un // pour l'autre*) акцентирует условие договора: каждый

выполняет свои обязанности. В результате в высказывании о гармоничных отношениях лексемы *la mère/ мать, la belle mère/ свекровь* со значением «родственность» (по крови и по браку) приобретают контекстуальные семы «согласие с новым качеством отношений».

В интерпретации смыслов о романтическом времяпровождении семантика глагола *partager* *делить* маркирует скрипт согласованного действия. Ср.: *Je pense qu'il faut savoir être inattendu, et pouvoir **partager des moments précieux avec l'autre***/ Я думаю, что надо уметь быть неожиданным и наслаждаться драгоценными моментами, проводимыми вместе (букв. иметь возможность разделять драгоценные моменты с другим). // *J' étais confondue par le fait qu'avec tout ce que nous **partagions**, c'était PRESQUE toujours l'accord parfait ...*/ Меня ввел в заблуждение тот факт, что чем бы мы ни занимались (букв. все, что мы делили), он был почти всегда абсолютно согласен ... Речевое средство с семой «разделение» не соответствует представлению о любящих друг друга субъектах как едином целом. В языковом сознании представителей лингвокультуры социокультурный конструкт *личное пространство* обеспечивает допустимость значений с компонентом «разделение» для интерпретации смыслов о гармонии в отношениях. Совместные выходы, праздники, вечера репрезентируются как умение разделять свое «личное пространство» с другим и согласовывать с партнером свои цели, комфорт, интересы.

Во французских высказываниях лексема *s'accorder* со значением «договориться», «согласовать» регулярно участвует в интерпретации абстрактных понятий сферы чувств. Ср.: *Par contre s'ils ne sont pas sûr de leur amour ou de la confiance **qu'ils s'accordent** ...* / Напротив, если они не уверены в своей любви или доверии, которое у них есть (букв. которое они согласовывают друг с другом). Семантика глагола *s'accorder* / *договориться* приводит в соответствие чувство привязанности и действия участников отношений. Конструкт «личное пространство» обеспечивает контекст общеизвестным знанием о самодостаточности индивидов и необходимости

согласовывать усилия для достижения гармонии. Ср.: *Si vous n'avez pas des caractères qui s'accordent/ Если вы разные ... (букв. если у вас нет качеств, которые согласовываются). // Faire des efforts de temps en temps pour votre couple en étant attentive à ses conseils peut peut-être en valoir la peine mais seulement si c'est en accord avec votre liberté et ce que vous souhaitez vous vraiment faire/ Иногда стоит вкладываться в отношения, прислушиваясь к советам партнера, если это соответствует вашим желаниям и не идет вразрез с вашими убеждениями (букв. может быть, и стоит делать усилия время от времени для вашей пары, будучи внимательной к его советам, но только если это согласуется с вашей свободой и с тем, что вы это действительно хотите делать).*

В интерпретации смыслов о характерах, интересах и желаниях партнеров значение глагола *s'accorder/ соответствовать, совпадать, соглашаться* позволяет сместить фокус внимания с эмоционального переживания говорящего на соответствие поступков одного партнера внутренним потребностям другого. Ср.: *Je ne créerais pas de relation uniquement pour le plaisir d'aimer et d'être attachée à quelqu'un au-delà de ce dont j'ai besoin, mais parce qu'elle s'accorde avec ce que je ressens/ Я бы не хотела заводить отношения только ради удовольствия любить или из-за привязанности (мне и так хорошо), меня важно, чтобы отношения давали мне то, что я ищу (букв. для того, чтобы они согласовывались с тем, что я испытываю).*

Во французских высказываниях о межличностных отношениях скрипт согласованного действия возникает в результате сочетания глагола *laisser/ позволять* и глаголов, обозначающих намерения партнеров. Ср.: *Une fois clarifié ce que l'on veut pour soi, commencez à filtrer ce que l'on veut laisser entrer ou pas/ Четко определив свои желания, отделите то, что для вас приемлемо, от того, что неприемлемо (букв. чему вы хотите позволить войти или нет).* Значение глагола *laisser/ позволять* имеет семантические компоненты «согласие», «разрешение на действие». Благодаря им появляются импликации

о личной ответственности каждого из партнеров за текущее положение дел. Ср.: *On s'évertue à nous **laisser penser** que l'on apprend à se connaître à travers les autres .../ Кто-то настойчиво убеждает нас в том (букв. упорно пытается позволить нам думать), что мы познаем себя через других. // Je ne pourrai pas nourrir sa blessure narcissique et **me laisser détruire**/ Я не смогу далее подпитывать его болезненный нарциссизм и заниматься саморазрушением (букв. позволять себе разрушаться).*

Скрипт личной автономии – формально не выраженное в контексте высказывания содержание о самодостаточности каждого из партнеров, а также о том, что они могут иметь различные мнения, мысли, переживания и т. д. Скрипт возникает в результате: 1) использования речевых средств, указывающих на личные качества говорящего в высказываниях о конфликтах (*dans mon habitude/ в моих привычках // depuis toujours je fait/ я всегда так делаю // un trait de personnalité/ черта характера*); 2) актуализации значений с компонентом «возможность» в высказываниях-советах (*la possibilité/ возможность, possible/ возможный, pouvoir/ мочь и др*); 3) использования глаголов желания (*vouloir/ хотеть, souhaiter/ желать*) в контекстах о долженствовании, манипуляциях, направленных на партнера; 4) введения различных указаний на личное мнение говорящего при апелляции к общеизвестным правилам и нормам (*je crois/ я считаю // je suis certain que/ я уверен // pour ma part/ с моей стороны*). Возникает содержание об автономности личности индивида. Контексты о требованиях, настойчивости, любом другом давлении на субъекта приобретают негативные импликации.

Ср.: *Pourtant je ne supporte pas qu'il m'engueule pour ça, car **depuis toujours je fait des grasses mat'**/ Мне неприятно, когда он повышает на меня голос из-за моей привычки долго вставать по утрам.*

Скрипт личной автономии инферируется следующим образом:

1 [Он сказал, что <i>p</i>].	<i>Pourtant je ne supporte pas qu'il m'engueule pour ça, car depuis toujours je fait des grasses mat'</i>
2 [Он не мог сказать <i>p</i> , если бы он не считал, что <i>q</i>].	Она не сказала бы это, если бы не считала так: <i>Парень не прав в том, что осуждает ее привычку поздно просыпаться.</i>
3 [Он знает, что я знаю, что он знает, что я могу понять необходимость предположения о том, что он думает, что <i>q</i>].	Она знает, что ее собеседник знает следующее: <i>привычки человека возникают в течение времени.</i> Поэтому он может понять, почему возникает следующее ожидание: <i>особенности личности человека не являются поводом для конфликта.</i>
4 [Он хочет, чтобы я думал (или готов позволить мне думать), что <i>q</i>].	Она готова позволить собеседнику думать следующее: <i>недопустимо требовать от партнера менять что-то в себе. Личность каждого уникальна.</i>
5 [Итак, он имплицировал, что <i>q</i>].	Она имплицировала, что <i>повод для ссоры абсурден.</i> <i>Она не считает, что ей стоит что-либо менять в своем поведении.</i>

Говорящий выражает непонимание, почему его поведение провоцирует ссору. Семантика составного наречия *depuis toujours/ уже всегда* в описании действий (*des grasses mat'/ оставаться в постели*) порождает смыслы о несоответствии реакции партнера (2). Несоответствие, в свою очередь, активизирует ожидание уважительного отношения (3). Содержание об уникальности личности каждого является скриптом, обеспечивающим допустимость ожиданий (4). Сочетание значений речевых средств и общеизвестного знания о праве человека поступать так, как ему свойственно, запускает импликацию о нежелании изменять своим привычкам ради гармоничных отношений (5). Конструкт *личное пространство* обуславливает возникновение содержательного компонента о недопустимости посягательств на чью-либо уникальность. Ср.: ***Dans mon habitude j'ai un style ni fait ni à faire/ Таковы мои привычки, у меня свой стиль, ни сделать, ни переделать. // S'il vous demande de changer un trait de votre personnalité ou de votre physique, ou vos amis, ou vos valeurs, changez de partenaire, c'est carrément malsain/ Если он просит изменить что-то в себе, в характере или внешности, сменить друзей, ценности, меняйте партнера, это определенно нездоровые отношения.***

Обсуждаемый социокультурный конструкт, интегрированный в

языковое сознание представителей французской лингвокультуры, обуславливает определенную сдержанность в советах том, как улучшить отношения. Значения лексем *la possibilité/ возможность, pouvoir/ мочь* позволяют дифференцировать намерение субъекта и действие, направленное на изменение ситуации. Ср.: *Je peux voir deux possibilités/ Я вижу два решения (букв. возможности)*. Возникают импликации личной ответственности за решение следовать совету или нет. Ср.: *Seule vous pouvez décider si vous vous sentez capable de changer/ Лишь вам решать, способны ли вы что-либо изменить (букв. только вы можете решить, чувствуете ли вы себя способным меняться)*. // *Poser des questions afin de lui donner la possibilité de se mettre en valeur (les hommes aiment bien ça)/ Задавайте вопросы, чтобы дать ему возможность показать свою значимость (мужчины любят это)*.

Значение глагола *vouloir/ хотеть* также позволяет дифференцировать действия партнера и его причину. Ср.: *alors n'essaye pas de vouloir dominer et régenter une relation qui ne te correspondra pas à toi/ Тогда не пытайся доминировать и управлять отношениями, которые тебе не подойдут (букв. постарайся не желать доминировать и управлять отношениями, которые тебе не соответствуют)*. В примере глаголы *dominer/ доминировать, régenter/ руководить* сочетаются с глаголом *vouloir/ хотеть*. В фокус внимания выдвигается мотивированность действия личными желаниями участника. Комбинация значений порождает содержательный компонент о том, что субъект сосредоточен на личных переживаниях и не учитывает неприкосновенность личности другого.

Маркером скрипта личной автономии являются указания на личное мнение говорящего в высказываниях об общеизвестных нормах и правилах. Ср.: *Je crois qu'il faut répondre immédiatement/ Думаю, надо ответить немедленно*. // *Je suis certain que tout le monde répondrait/ Я уверен, что любой ответили бы ...*

Личные и притяжательные местоимения, указывающие на говорящего, позволяют интерпретировать содержание высказывания как субъективное

мнение. Личная автономия партнера по общению не нарушается, поскольку адресат принимает решение разделять или нет мнение собеседника. Возникают импликации о личной ответственности за будущее решение. Ср.: *Vue de ma petite fenêtre, j'essaierai de communiquer exclusivement par écrit dans un premier temps, en lui adressant les reproches et les griefs légitimes que vous avez envers lui/ На мой взгляд (букв. глядя из моего маленького окошка), я постарался бы общаться исключительно в письменной форме в первую очередь, адресуя ему упреки и законные жалобы, которые у вас к нему есть.*

Скрипт рационального действия – невербализованное содержание контекста о способности участника отношений действовать рационально, т. е. обдумывать свои действия, соотносить их с личными целями и возможными последствиями. Возникновение скрипта обеспечивается использованием речевых средств со значением «волевое поведение» в интерпретации смыслов о желаниях и поступках партнеров (*volonté/ воля, волеизъявление, решение, volontairement/ добровольно, по доброй воле и др.*). Скрипт устанавливает причинно-следственную связь между поведением субъекта и способностью размышлять.

Существительное *volonté/ воля, волеизъявление* означает: 1) способность человека определять в полной свободе и на основе рациональных причин, делать или не делать что-либо; 2) твердое решение или решимость человека совершить или добиться чего-либо [CNRTL: <https://www.cnrtl.fr/>; <https://dictionnaire.lerobert.com/>]. В психологии феномену *воля* отводится роль сдерживания чрезмерной эмоциональной реакции и концентрации на цели действия [Бодалев 2011].

Ср.: *À ta place, épris de liberté et prisonnier d'une pression familiale exerçant sur moi des mœurs jugeant dépassées j'imposerais **ma volonté** à ma famille leur expliquant mon besoin de choisir mon avenir/ На твоём месте, движимый жаждой свободы и будучи узником семейного давления, навязывающего мне устаревшие нравы, я бы настоял на своем перед семьей (букв. я изложил бы то, что я хочу), объяснив им мою потребность самому выбирать свое*

будущее.

Формально не выраженное содержание инферируется следующим образом:

1 [Он сказал, что <i>p</i>].	<i>j'imposerais ma volonté à ma famille leur expliquant mon besoin de choisir mon avenir</i> я изложил бы то, что я хочу своей семье, объяснив им мою потребность самому выбирать свое будущее.
2 [Он не мог сказать <i>p</i> , если бы он не считал, что <i>q</i>].	Он не сказал бы так, если бы не считал: совершеннолетний человек может и должен говорить о своих желаниях и планах родителям.
3 [Он знает, что я знаю, что он знает, что я могу понять необходимость предположения о том, что он думает, что <i>q</i>].	Он знает, что его собеседник знает следующее: намерения любого разумного человека имеют основания. Он может понять, почему возникает такое ожидание: объяснение с родителями должно помочь в разрешении конфликта.
4 [Он хочет, чтобы я думал (или готов позволить мне думать), что <i>q</i>].	Он готов позволить собеседнику думать следующее: разумный человек совершает рациональные действия. Лишь он несет ответственность за свои поступки.
5 [Итак, он имплицировал, что <i>q</i>].	Он имплицировал, что возможно, родители не будут возражать, убедившись во взвешенности решения.

Значение существительного *volonté/ воля, решение* в отличие от других синонимов *souhait/ желание, désir/ желание, decision/ решение*, профилирует обдуманность намерения. Сочетание значений *volonté/ воля* и *expliquer/ объяснять* приводит в соответствие намерение субъекта и объяснение его мотивов другим (2). Содержание о потенциальной возможности убедить семью в правильности своего решения является следствием такой комбинации (3). Данное предположение обеспечивается знанием о способности человека к размышлению, следовательно, и понимаю мотивов другого (4). Сочетание общеизвестного знания и семантики речевых средств порождает импликации о благополучном исходе конфликта: возможно, родители не будут возражать, выслушав объяснения (5). Конструкт *личное пространство* обеспечивает качественную характеристику взаимодействия участников отношений: действие каждого – это проявление человека, способного самостоятельно

принимать важные для себя решения. Ср.: *La grande bêtise c'est la **volonté** de se conformer à l'homme!!* Готовность подчиняться мужчине – это великая глупость (букв. большая глупость — это волеизъявление / решение соответствовать мужчине).

Введение в состав высказывания существительного *volonté* исключает интерпретацию намерений субъекта как действий нерациональных, например, спровоцированных эмоциями. Ср.: *Il existe de nombreuses façons d'ajuster **vos volontés** afin que tout soit accompli/* Существует множество способов скорректировать ваши желания (букв. волеизъявления), прежде чем принимать окончательное решение (совет супругам, работающим вдали от дома, о возможности вместе добираться до работы). // *Elle nous a dit sa **volonté** de se marier/* Она сообщила нам о своем желании выйти замуж.

Указание на рациональность действий имплицитно предполагает наличие другого решения проблемы. Ср.: *Cette relation est quasi obligatoire, à moins que l'autre ait disparu **volontairement** de la vie des enfants/* Эти отношения не являются обязательными, хотя бы потому, что другой добровольно исчез из жизни детей (рассуждения о том, обязан ли собеседник поддерживать отношения с отцом, бросившим семью).

Произведенный анализ речевых средств позволяет заключить, что скрипты *согласованного действия, личной автономии и рационального действия* регулярно актуализируются во французском дискурсе межличностных отношений, что свидетельствует об интегрированности социокультурного конструкта *личное пространство* в дискурсивные условия интерпретации объектов речи.

4.1.2. Код *свободного выбора* во французском дискурсе межличностных отношений

Под влиянием социокультурного конструкта *личное пространство* во французском дискурсе межличностных отношений складывается код

свободного выбора – указания на убежденность говорящего в том, что каждый самостоятельно определяет систему ценностей и руководствуется ею в своих действиях. Данная прагматическая характеристика французских высказываний способствует возникновению в контексте импликаций о личной ответственности субъекта, а также ограничивает интерпретацию смыслов о взаимоотношениях неприемлемостью какого-либо давления. Речевыми средствами-маркерами кода свободного выбора являются: 1) лексемы, в значении которых есть сема «выбор» (*choisir/ выбирать, choix/ выбор*); 2) лексема *libre/ свободный* в функции атрибута действия; 3) причастие *pas motivé/ не мотивирован* в высказываниях о намерениях субъекта. Знания, аккумулированные в конструкторе *личное пространство*, обуславливают допустимость интерпретации объектов речи с позиции ценности свободы выбора для гармоничных отношений.

Содержательный компонент, раскрывающий субъективную позицию, выводится согласно четырехшаговому алгоритму, основанному на работах Г. Грайса [Grice 1975] и А. Вежбицкой [Wierzbicka 2006], изложенному в п.п. 2.4.4..

Ср.: *Organisée, la mère de famille avait acheté beaucoup de nourriture et s'était assurée qu'il y avait tout ce qu'il fallait à la maison. **Malgré tout, la grand-mère a, à plusieurs occasions, choisi d'emmener les enfants déjeuner à l'extérieur ou faire quelques activités payantes.** Résultat, au retour de la maman, la grand-mère lui a demandé de lui rembourser les sommes engagées durant ces trois jours à la garde des enfants, et notamment les billets de train ayant permis à la grand-mère de se rendre chez sa fille. Choquée, la maman a fini par être troublée au point de penser que c'était peut-être elle qui avait abusé...* / Будучи организованной, мать семейства закупила много еды и убедилась, что дома есть все необходимое. Несмотря на это, бабушка несколько раз отводила детей (букв. выбрирала отвести) пообедать вне дома или заняться какими-то платными развлечениями. В итоге, по возвращении матери, бабушка попросила ее возместить суммы, потраченные за эти три дня присмотра за детьми, в

частности, билеты на поезд, позволившие бабушке приехать к дочери. Шокированная, мать в конце концов растерялась настолько, что начала думать, возможно, это она злоупотребила ситуацией...

Для интерпретации действия одного из участников семейной истории используется глагол *choisir/ выбирать*, значение которого указывает на выбор субъекта (вместо, например, *захотеть, пожелать, быть вынужденной, взбрести в голову* и т. д.). Подробное описание приготовлений хозяйки к отъезду имплицитно подразумевает отсутствие необходимости в дополнительных тратах. Обстоятельство действия *à plusieurs occasions/ много раз* расчленяет неделимую составную форму глагола прошедшего времени. Этим акцентируется многократность действия.

Субъективная позиция говорящего инферируется следующим образом:

1 [Говоря об этом, он сказал p]	<i>Malgré tout, la grand-mère a, à plusieurs occasions, choisi d'emmener les enfants déjeuner à l'extérieur ou faire quelques activités payantes.</i> (букв. несмотря на это, бабушка несколько раз выбрала отвести детей обедать вне дома или сделать несколько платных развлечений).
2 [Он не мог сказать об этом так, если бы он не считал, что q необходимо для данного события].	Он не мог сказать об этом таким образом, если не считал: действия бабушки являются ее личным выбором, они не были случайны или совершены под давлением обстоятельств.
3 [Он считает, что q необходимо для всех событий, подобных этому. Говоря p, он хочет убедить меня в необходимости q]	Он хочет убедить меня в следующем: возможность выбора есть у каждого разумного человека. Поступки персонажей данной истории необходимо оценивать как свободное волеизъявление.
4 [Итак, он имплицитно подразумевает, что p надо рассматривать с учетом q].	Он имплицитно подразумевает, что бабушка сделала то, что сочла необходимым. Она могла не поступать таким образом. Она несет ответственность за свой выбор.

За счет указания на выбор (*choisir/ выбирать*) контекст высказывания исключает предположение о действиях под давлением внешних обстоятельств (2). Говорящий, указывая на свою позицию по отношению к содержанию высказывания, предоставляет адресату возможность оценивать произошедшее с точки зрения ценности свободы выбора (3). Говорящий не вербализует

каких-либо оценочных суждений. Но указание на субъективную позицию имплицитно несет личную ответственность каждого из участников семейной истории (4).

Социокультурный конструкт *личное пространство* задает условия, при которых субъективная позиция свободного выбора допустима в оречевлении смыслов о межличностных отношениях. Так, семантика выбора *choix/ выбор, choisir выбирать* активируется для смыслов о решении что-либо делать. Ср.: *Moi quand quelqu'un veut s'incruster je ne lui laisse pas le choix, même si c'est ma mère/ А я, если кто-то хочет нагрянуть ко мне без приглашения, я не даю ему такой возможности (букв. не оставляю ему выбора), даже если это моя мать. // Il faudrait qu'elle se mette en tête que j'ai plu 10 ans et qu'elle va pas choisir pour moi toute ma vie/ Хорошо бы ей усвоить, что мне больше не 10 лет и что она не может решать за меня (букв. выбирать для меня) всю жизнь.* Указание на убежденность говорящего в праве каждого на выбор порождает в контексте компоненты о зрелости участников событий.

Значение устойчивого сочетания *assumer ses choix* (букв. *взять на себя, принять свои выборы*) интерпретирует смыслы о личной ответственности и одновременно подчеркивает самостоятельность решения. Ср.: *il faut qu'elle assume ses choix, elle ne doit pas reporter toutes ces idioties sur toi tu n'y est pour rien/ Пусть она несет ответственность за свои поступки (букв. взять на себя свои выборы), она не должна перекладывать свои идиотства на тебя, ты здесь ни при чем. // Un tel état d'esprit demande de faire le bilan de ses forces et faiblesses, d'assumer ses choix et de se reconstruire/ В таком состоянии вам необходимо проанализировать свои сильные и слабые стороны, решить, что делать (букв. принять свои выборы), и заново начать жить. // Ensuite, vous devez assumer vos choix, en réfléchissant aux raisons qui vous ont poussées à choisir cette personne comme partenaire/ Затем вам нужно принять свои решения (букв. принять свои выборы), обдумав, почему вы выбрали именно этого человека в качестве партнера.* Множественное число существительных *ses choix/ ее выборы, vos choix/ ваши выборы* приписывает абстрактному

понятию «выбор» атрибут «исчисляемости». Абстрактный смысл интерпретируется как неоднократное решение. Имплицируется рациональность действия.

Прилагательное *libre/ свободный* в роли атрибута действия маркирует убежденность говорящего в ценности самостоятельного решения. Ср.: *Chacun est libre de construire sa vie comme il l'entend/ Каждый свободен строить жизнь так, как он ее понимает. // Ensuite libre à toi de choisir la relation que tu souhaites avec lui/ И потом, ты свободна сама выбирать такие отношения, какие ты пожелаешь.*

Маркером кода свободного выбора является речевое средство *être motivé/ быть мотивированным* в высказываниях о намерениях партнеров. Значения глаголов *vouloire/ хотеть, désirer/ желать, souhaiter/ желать* (возможные контекстуальные синонимы *être motivé*) направляют фокус внимания на эмоциональное переживание субъекта. Значение *être motivé* профилирует стимул переживания, который субъект соотносит со своими потребностями. Ср.: *Le problème c'est qu'il est souvent malade, il est très fragile du coup souvent pas motivé pour une petite sortie en boîte ou autres/ Проблема в том, что он часто болеет, может просто хандрить, часто не хочет (букв. не мотивирован) посидеть в баре или что-то еще.* Значение *pas motivé* позволяет отграничить интерпретацию смысла о равнодушии субъекта к развлечениям (*une petite sortie en boîte/ посидеть в баре*) от возможного равнодушного отношения к партнеру. Ср.: *Je comprends que tu ne sois pas motivé à reprendre contact avec ce genre de personnage/ Я понимаю, что ты не хочешь (букв. не мотивирована) снова общаться с подобными людьми. // Je ne me maquille jamais ou presque. Seulement pour des événements et encore si je suis vraiment motivée/ Я не крашусь никогда или почти никогда. Только для событий, или если мне это действительно надо (букв. мотивирована).*

В ракурсе субъективной позиции свободного выбора описание настойчивости партнера, чрезмерной учтивости, попытках манипуляции свидетельствуют о негативном отношении говорящего к содержанию

высказывания. Э. Чепкина называет подобный эффект вынесением за рамки дискурсивного кода несущественных смыслов [Чепкина 2000: 35]. Так, высказывание о настойчивости партнера имплицитно нарушает нормы поведения. Ср.: *elle le trouvait **imposant***/ Она считала его навязчивым. // *Le mec qui te saute sur le poil en **t'imposant** des rencontres*/ Парень, который следует за тобой по пятам (букв. прыгает тебе на шерсть, как блоха), навязываясь на встречи. Гостеприимное поведение, знаки внимания могут быть интерпретированы как неуважение, неадекватное поведение. Ср.: *dès qu'on vient ils veulent nous inviter à manger. Bref ils **en font trop**, ça en est **presque une obsession***/ Как только мы приезжаем, они приглашают нас к столу. Они в этом слишком настойчивы, почти маниакальны. // ... *et à côté de cela elle m'achète des cadeaux (**presque de manière exagérée**)*/ ... к тому же она покупает мне подарки (делая это чересчур).

В ракурсе субъективной позиции свободного выбора значение существительного *famille*/ семья может активировать импликации тягостной необходимости [Монгилева 2016, 2017a]. Ср.: *C'est vrai, sa **famille**, on ne l'a pas choisie*/ Это правда, семью себе не выбираешь // *En France on a un proverbe: on **choisit** ses amis, **pas sa famille***/ Во Франции есть пословица: выбирают себе друзей, а не семью.

Для обозначения семейных отношений во французском дискурсе используется существительное *couple* / муж и жена (с детьми или без них) или *ménage* / члены семьи, живущие вместе [Gubrium 1992; Guerreau-Jalabert 1986; Sanrey 2015]. Существительное *famille* регулярно становится средством референции к семье из родителей и детей. В высказываниях о взаимоотношениях лексема *famille* может быть использована в контекстах о необходимости считаться с навязчивым поведением кого-либо, о давлении семейных устоев. Ср.: *On dit aussi: **la famille** on la subit, les amis on les choisit*/ Еще говорят: семья – ее терпишь, друзей – их выбираешь. // *On ne **choisit pas sa famille***/ Семью себе не выбирают. В данных примерах *famille* обозначает родственников по факту рождения (родителям и братьям / сестрам

говорящего). Маркером ценности свободного выбора выступает глагол *choisir/ выбирать*, который создает ограничение на развитие положительных импликаций.

Произведенный анализ свидетельствует о значимости субъективной позиции свободного выбора для производства французских высказываний о межличностных отношениях, что, в свою очередь, позволяет сделать вывод об аттрактивности данного ракурса «видения» объектов речи сферы межличностных взаимодействий для представителей французской лингвокультуры.

Для доказательства того, что социокультурный конструкт *личное пространство* интегрирован в дискурсивные условия интерпретации французских высказываний, в нижеследующем параграфе производится анализ метафорических образов, реализующих модель интерреляции с инвариантом движения.

4.1.3. Инвариант движения в социокультурном преломлении

Социокультурный конструкт *личное пространство* определяет ракурс видения объектов речи, что находит выражение в используемых метафорических средствах. При этом интерреляция с инвариантом движения становится ресурсом интерпретации межличностных отношений с привлечением знаний об автономности личности. Специфика социальных взаимодействий проявляется в рационализации образа морского путешествия в метафорах.

М. К. Голованивская называет культурно-исторический опыт путешествий по морю и суше фактором, способствующим развитию идей об одновременной открытости миру и обособленности: наличие морских границ и умение преодолевать морские просторы (в отличие от жизни в лесах) позволяют не только получать информацию о мире, но и распространять через морские пути свое влияние на другие народы. Равномерное развитие крупных

центров (Париж, Лион, Марсель и др.) дало принципиальную связанность общественного устройства и возможность относительно свободно для индивида передвигаться по стране, выбирать лучшее место для проживания [Голованивская 2009: 64-65]. Подобные семиотические комплексы, формирующие национально-культурную специфику, описаны в лингвистической науке как «островное сознание» [Айрапетян 2001: 48; Гердер 1977: 351; 524; Кнабе 2003; Цивьян 2006: 238].

Четко выраженные естественные границы, относительно небольшая территория страны и мягкий климат в период формирования нации обеспечивали относительно несложное перемещение по стране и принципиальную возможность достижения ее границ. Все это – объективные факторы, способствующие мифотворческому проецированию опыта путешествий в сферу социальных отношений и его закреплению метафорах.

Архетипический образ путешествия проецируется в регулярные метафоры французского дискурса межличностных отношений как мифотворческий «сюжет» об уникальности индивида, стремлении ограничиться от внешних влияний, переживании своей «особости» в процессах социализации. И. В. Зыкова называет подобные процессы межсемиотической транспозицией – «перевод» культуурообусловленного ценностного знания в знаковое пространство естественного языка [Зыкова 2014а: 8-10; 142].

Метафора путешествия по суше и по морю предоставляет процессу оречевления схему интерпретации смыслов о взаимоотношениях в ракурсе социокультурного конструкта *личное пространство*.

Метафорический образ морского путешествия регулярно воспроизводится во французских высказываниях о межличностных отношениях. Ср.: *Les parents ont été évidemment désemparés pendant des années de voir leur enfant dériver comme ça/ Конечно, родители были в замешательстве, наблюдая столько лет, как их сын катится по кривой дорожке (букв. дрейфует, относится ветром, течет по воле волн). // Quand*

*un(e) pervers(e) narcissique vous **aborde**, c'est qu'il ou elle a vu en vous quelque chose qui l'intéresse/ Когда какой-то (какая-то) нарцисс вцепляется в вас (букв. берет на abordаж), это потому, что он видит в вас нечто, что его привлекает.*

Так, принадлежность к двум разным культурам вследствие межэтнического брака родителей переосмысливается идиомой *être **entre deux rives***/ *быть меж двух берегов* (ср. в русском *быть двух кровей*). Каждая из культур родителей переосмысливается в образе острова, континента. Референтная сцена ориентирована схемой ПУТЬ. Общие знания об усилиях, которые необходимо предпринять человеку, чтобы причалить к одному из берегов, позволяют ввести в контекст смыслы о самостоятельном волеизъявлении (ср. в русском выражении *зов крови* подразумевает зависимость индивида от внешних условий).

Временные трудности в отношениях репрезентируются посредством метафоры морского путешествия. Ср.: *Tu dis ne pas aimer ta mère, c'est "normal" c'est **un cap à passer***/ *Ты говоришь, что не любишь свою мать, это «нормально», это пройдет (букв. мыс, мимо которого надо проплыть).* // ***Le cap** des 7 ans est fréquemment évoqué, et de ce fait, redouté*/ *Кризис (букв. выступ, мыс) семи лет возникает часто, и поэтому все его боятся.* В приведенных примерах плохие отношения представлены траекторией пути мимо выступающей части суши. Проблемы в отношениях, спровоцированные характером индивида, метафорически репрезентированы как естественная конфигурация берега. В метафорической модели ОТНОШЕНИЯ – ПУТЬ значимым атрибутом является динамика движения. На фоне общих знаний о преодолимых и непреодолимых препятствиях морского пути значение *cap/ мыс* позволяет имплицировать временный характер конфликта.

Кризисное состояние брака переосмысливается в образах опасных препятствий. Ср.: *Leur mariage est vite **tombé à l'eau***/ *Их брак вскоре потерпел крах (букв. упал в воду).* // *La relation est au bord du **gouffre***/ *Отношения на грани пропасти.*

Морская метафора представлена в идиоме *méner qn en bateau/ водить кого-то за нос, обманывать*, интерпретирующей отношения, в которых партнеры лгут друг другу. Ср.: *Elle ne cherche aucun boulot ou formation et en plus ment continuellement et un mot **le mène en bateau**/ Она не заинтересована в работе или учебе, и вдобавок ко всему постоянно лжет и водит за нос (букв. везет на корабле).* // *Si l'on croit au nouveau partenaire, il arrive que celui-ci vous **mène en bateau**/ И даже если мы верим новому партнеру, бывает, что он лжет (букв. везет на корабле).*

Основой идиоматического выражения *c'est bateau/ это банально* становится образ старого, послужившего корабля. Ср.: *Pour répondre à ta question, il faut que tu gagnes de la confiance en toi. **C'est très bateau** comme réponse... mais c'est vrai/ Отвечая на твой вопрос, скажу, надо тебе научиться доверять себе. Неоригинальный ответ (букв. как корабль), но это правда.*

Метафоры морского путешествия предоставляют говорящим рационализированные образы интерпретации многокомпонентных ситуаций как совместного пути двух индивидуальностей. Ср.: *Il faudrait d'abord **démarrer la relation** en douceur en n'organisant pas plus de deux rendez-vous par semaine/ Рекомендуется начинать (букв. отшвартоваться) отношения постепенно, ограничившись двумя свиданиями в неделю.* // *Cela signifie **naviguer** ensemble pour les mêmes rêves/ Это означает двигаться (букв. плыть, держать ориентир) к одним целям.*

В контекстах французских высказываний социокультурный конструкт *личное пространство* обуславливает проявления инварианта движения. Смыслы сферы межличностных отношений регулярно ориентированы метафорой ОТНОШЕНИЯ – ПУТЬ. Ср.: *La vie n'est pas **multidirectionnelle** et nous ne pouvons pas tout avoir, nous le savons déjà/ Жизнь не разнаправлена, и мы не можем иметь все, мы это знаем.* // *Vous et votre partenaire voudrez peut-être **emprunter des chemins différents** dans la vie, mais avant d'en **arriver** là .../ Возможно, вы и ваш партнер захотите пойти разными жизненными путями,*

но прежде чем до этого дойдем ... // *Arrêter* une relation qui **ne mène à rien** n'est pas simple bien que cela soit nécessaire pour votre équilibre et votre bien-être/ Это не просто – прекратить (букв. остановить) отношения, которые ни к чему не ведут, но необходимо для вашего равновесия и благополучия.

Общее знание об автономности индивида, его право на неприкосновенность личности может быть введено в контекст предложными конструкциями, указывающими на локализацию участников референтной сцены. Ср.: *Estimer que les gens en dehors du foyer sont forcément des gros lourds...*/ Считать, что другие люди (букв. вне твоего дома) обязательно какие-то зануды... (высказывание о нежелании поддерживать отношения с дальними родственниками). // *Sens de l'hospitalité t'ennuie et tu n'as aucune considération pour les personnes extérieures à ton foyer*/ Чувство гостеприимства тебя утомляет, и ты совсем не уважаешь других людей (букв. вне твоей семьи). В референтных сценах семантика предложных конструкций *en dehors*/ за пределами, *extérieures à*/ за пределами очерчивает границы. Нежелание поддерживать отношения переосмыслено как расположение за пределами личной территории одного из участников. Ср.: *le nombre de fois ou mes parents m'on menacer de me foutre dehors pour que je me bouge le cul et ne l'on jamais fait ...*/ Количество раз, когда мои родители грозились выгнать меня (букв. вышвырнуть из, во вне), чтоб я пошевелил задницей, и так этого не сделали... В примере смысл о нежелании родителей обеспечивать взрослого сына ориентирован схемой ГРАНИЦА.

Смыслы о конфликтах, столкновении мнений, несогласии интерпретируются с профилированием расположения участников сцены друг напротив друга. Ср.: *Il va résister face à nos demandes*/ Он будет сопротивляться (букв. стоять лицом к) нашим просьбам. // *Elle a compris aussi qu'elle avait en face d'elle non pas une jeune fille, mais une femme comme elle*/ Но и она поняла, что имеет дело (букв. en face de перед ней) не с девчонкой, а со взрослой женщиной, такой же, как и она.

Регулярность интерпретации движения во французских высказываниях о

межличностных конфликтах устанавливается на основе анализа использования предлогов пространственной семантики.

1 a Elle ne savait pas comment **réagir à** tout ce qu'il se passait. 1 б Mon ex joue avec moi : Comment **réagir face à** cette situation ?

Она не знала, как реагировать на все, что происходило Мой бывший играет со мной : Как на это реагировать?

В примере (1б) семантика предложной конструкции *face à* сильнее (по сравнению с предлогом *à* в примере (1а)) высвечивает расположение объектов референтной сцены. Профилирование пространственных характеристик указывает на активацию инварианта движения. Концептуальная рамка интерпреляции заполняется сегментами знаний о преодолении препятствий. В примере (1б) акцентируется негативная оценка взаимоотношений: недопонимание с партнером интерпретируется помехой движения к цели.

Знания о личном пространстве становятся частью контекстов о сотрудничестве, готовности начать новые отношения за счет активации интерпреляции движения. Ср.: *Une ouverture vers la compréhension et l'amélioration de votre relation de couple/ Готовность (букв. открытость) к взаимопониманию и улучшению отношений к паре. // Il faut juste être ouvert à de nouvelles rencontres/ Надо быть просто открытым для новых встреч.* Референтная сцена ориентирована схемами ТЕРРИТОРИЯ, ВЫХОД, ОГРАНИЧЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО.

Во французских высказываниях о праве субъекта на личную жизнь востребованы лексемы, значения которых имеют семантический компонент «ограничение» (*les limites/ пределы, границы, l'espace/ пространство, la distance/ дистанция*). Ср.: *Quelle que soit la distance, il ne faut pas vous laisser envahir, tes beaux-parents sont en âge de comprendre que chacun a besoin de son intimité/ Как бы близки вы ни были, не позволяйте вмешиваться в свою жизнь (букв. какой бы ни была дистанция, нельзя позволять захватывать, оккупировать вас).* // *Comment fait-on pour mettre ses limites et les faire respecter?/ Что делать, чтобы установить личные границы (букв. свои границы) и заставить уважать их? // Comment pouvez-vous obliger un*

*narcissique à **respecter vos limites**?/ Вы сможете заставить нарцисса уважать ваши границы? // Dans mon histoire, j'ai lutté pendant des années pour **défendre mes limites** et mes valeurs/ Что касается меня, в течение многих лет я сражался за свои границы и ценности.* В примерах выше существительное *limites* сочетается с притяжательными местоимениями *mes/мои, tes/твои, ses/его*. Акцентируется принадлежность участка сцены участнику отношений. Содержательный компонент «личное», «частное» формально не выражен, это общеизвестное знание. В русских и казахских подобных контекстах данное содержание вербализуется. Ср.: ***Жеке** шекараны құрметтемеу/ Неуважение личных границ.* // *Важность сохранения **личного** пространства всех членов семьи.*

В ресурсах интерреляции движения возможна следующая конфигурация контекста: знания о личном пространстве являются фоновым содержанием, на котором высвечено расположение одного из участников сцены. Ср.: *L'idée que quelqu'un puisse vous aimer et souhaiter **être à vos côtés** vous surpasse/ Идея о том, что кто-то может вас полюбить и хочет быть с вами (букв. быть у ваших сторон, быть рядом), кажется невероятной.* Эмоциональная устремленность интерпретируется с активированием знаний о пределах личного пространства (*côtés*).

Анализ регулярных метафор во французских высказываниях о межличностных отношениях свидетельствует об их обусловленности социокультурным конструктом личное пространство. Привлечение знаний об автономности личности в качестве фонового содержания контекстов обеспечено ресурсом интерреляции движения.

4.2. Социокультурный конструкт общность в русском дискурсе и интерреляция объекта

Представление об общности субъекта с другим или другими является объектом научных исследований в социологии, культурологии и психологии.

Чувство общности называют фундаментальным аспектом социальности [Белая 2010: 303; Макерова 2019], возникающим на основе инстинктов, эмоций и привычек. Общность соотносится с общинностью по типу организации людей: натуральная, органическая группа и сознательная, намеренная [Земнухова 2011; Tonnies 1999]. Общность в межличностных отношениях осмысливается как эмоциональная привязанность: интенсивные чувства между двумя людьми, желающими поддерживать эмоциональную связь [Боулби 2003; Ainsworth et al 2015]. Ключевые характеристики русской ментальности, развиваемые на базе представления об общности, анализируются в научной литературе как коллективная совесть [Артамонова 2020], общинное мировоззрение [Алаев 2016].

Исследователи отмечают особенные обстоятельства формирования русского этноса: леса и болотистая местность затрудняют путешествия, поиск лучших условий для жизни, смену места проживания [Артемов 2011; Рыбаков 1981, 2015; Соловьев 1999]. Труднодоступное место защищает от нападений, а также ограничивает свободу передвижения. Культурно-историческим контекстом развития русской нации ученые считают большие расстояния, суровый климат, неудобство дорог, как зимних, так и летних, вследствие чего «объективное ограничение на волю и желания индивидов» оказывает влияние на становление мировоззренческих констант [Костомаров 1992; Хомчак 2014; Черепанова 1999].

Комплекс знаний об эмоциональной поддержке со стороны других, ценностное отношение к людям, готовым помочь, потребность в заботе о близких способствует формированию социокультурного конструкта *общность*.

Под конструктом *общность* в данной работе понимается комплекс идей о приоритете общих интересов над индивидуальными и значимость эмоционального взаимодействия между партнерами отношений. События сферы межличностных отношений имеют следующую *качественную характеристику*: участники отношений испытывают схожие переживания,

имеют подобные мотивы и цели. Конструкт *общность* обеспечивает формально не выраженное содержание контекстов о нивелировании личных границ. Данное содержание представлено скриптами *сопричастности, созависимости, единения*.

4.2.1. Скрипты русского дискурса: сопричастности, созависимости, единения

Сочетание семантики речевых средств и исторически-сложившего контекста, заданного конструктом *общность*, устанавливает следующие *причинно-следственные связи*.

Скрипт сопричастности – формально не выраженное содержание контекста о причастности субъекта к событиям, происходящим с его близкими, т. е. объектами его устремления. Возникает в контексте высказываний о межличностных отношениях за счет использования: 1) личных местоимений (*у меня, у нас* и др.); 2) инклюзивного *мы* вместо *я*; 3) притяжательных местоимений, указывающих на говорящего, в сочетании с лексемами, обозначающими родственников (*моя мама, мой брат* и др.); 4) речевых средств с компонентом принадлежности (*собственный, собственная, родная, родной*) в сочетании с номинациями родственников по факту рождения (*мать, сын, бабушка*). Скрипт устанавливает причинно-следственную связь между действием одного участника и эмоциональным переживанием другого.

Ср.: *А сынок у нас химик.*

Инферируемый компонент выводим следующим образом:

1 [Он сказал, что <i>p</i>].	<i>А сынок у нас химик.</i>
2 [Он не мог сказать <i>p</i> , если бы он не считал, что <i>q</i>].	Он не сказал бы это, если бы не считал так: <i>специализация сына имеет значимость для говорящего.</i>

3 [Он знает, что я знаю, что он знает, что я могу понять необходимость предположения о том, что он думает, что q].

Он знает, что его собеседник знает:

очень важно иметь профессию. Все родители беспокоятся о профессиональном выборе ребенка и одобряют его стремление учиться.

Поэтому понимает, почему возникает следующее ожидание:

говорящий проявит каким-то образом свое одобрение / осуждение, рассказывая об учебе / профессии сына.

4 [Он хочет, чтобы я думал (или готов позволить мне думать), что q].

Он хочет, чтобы собеседник думал так:

родители причастны к успехам сына. Все, чего достигает ребенок, является заслугой и его родителей.

Поэтому говорящий готов позволить думать следующее:

выбор профессии имеет лично для него большое значение.

5 [Итак, он имплицировал, что q].

Он имплицировал то, что *хорошо выполняет свои родительские обязанности, делает все возможное, чтобы поддерживать сына.*

Именования ближайших родственников (*папа, мама, сын, дочь*) имеют в своем значении сему «родственность по факту рождения», т. е. падежная форма личного местоимения *мы* (*у нас*) является указанием на причастность говорящего к сообщаемому. Сочетание *у нас* и лексема *химик*, указывающая на профессиональную специализацию сына, устанавливает соответствие между сферой деятельности близкого человека и говорящим (2). Так как выбор профессии является личным решением субъекта, соответствие порождает ожидание о действиях говорящего, направленных на сына (3). Обоснование ожиданий приводит к возникновению скрипта об участии говорящего и его близких в учебе, жизни сына (4). Конструкт *общность* обеспечивает условия возникновения содержательных компонентов о вовлеченности говорящего в успехи сына.

Невербализованное знание о сопричастности возникает в контекстах, в которых говорящий описывает свои личные действия, используя эксклюзивное *мы*. Ср.: *мы встречаемся* *раза два в неделю* (вместо *я с ним встречаюсь*). // *С женой состоим в браке уже 14 лет* (вместо *я в браке/женат уже*). // *Мы с мужем вместе уже 15 лет*. // *Она перепишет ее на нас с мужем* (вместо *на меня и мужа*). // *Уборка на нас с сестрой* (вместо

на мне и сестре). // **Мы с братом** (вместо я и брат) увлекаемся единоборствами.

Указание на говорящего посредством использования притяжательных местоимений *мой, моя, мои* в сочетании с именованиями ближайших родственников порождает компонент причастности говорящего ко всему, что сообщается о другом. Ср.: *А мой муж считает.* // *А сыну моему такое не нравится.* // *Мой брат* говорит, что... В примерах говорящий апеллирует к мнению близкого человека. Импликации о том, что сказанное одновременно является и точкой зрения говорящего, обеспечены конструктом *общность*.

Речевые средства со значением «принадлежащий говорящему по праву собственности» используются для интерпретации смыслов о неприемлемом поведении или, наоборот, о соответствии общепринятым нормам. Ср.: *У нее собственные родители ходят по струнке.* // *Я же не враг собственному ребенку.* // *Сама за собственным сыном уследить не может.* // *И это мне говорит мой собственный сын!* Скрипт сопричастности восстанавливает причинно-следственные связи между родственностью по факту рождения и заботливым / грубым отношением к другому.

1 [Он сказал, что <i>p</i>].	<i>У нее собственные родители ходят по струнке.</i>
2 [Он не мог сказать <i>p</i> , если бы он не считал, что <i>q</i>].	Он не сказал бы так, если бы не считал так: <i>субъект грубо обращается с родителями.</i>
3 [Он знает, что я знаю, что он знает, что я могу понять необходимость предположения о том, что он думает, что <i>q</i>].	Он знает, что его собеседник знает следующее: <i>есть разница между отношением к родителям и к другим людям.</i> Поэтому собеседник может понять необходимость указать, что речь идет о <i>родителях по факту рождения, а не о ком-то другом.</i>
4 [Он хочет, чтобы я думал (или готов позволить мне думать), что <i>q</i>].	Он хочет, чтобы собеседник думал следующее: <i>родители всегда являются «неотчуждаемой» частью своего ребенка, поэтому взрослой дочери необходимо относиться к ним бережно.</i>
5 [Итак, он имплицировал, что <i>q</i>].	Он имплицировал, что <i>она очень грубый человек, который не умеет ценить самых близких для нее людей. Поэтому невозможно объяснить ей недопустимость грубого обращения с кем-то другим.</i>

Комбинация значений прилагательного *собственные* и идиомы *ходить по струнке* (3) порождает негативную оценку поведения. Допустимость обеспечена знаниями о бережном обращении с самыми близкими родственниками и грубом, нетактичном с кем-то другим (4). Конструкт *общность* обеспечивает возможность осмыслить родственность как право собственности и имплицировать недопустимость плохого обращения. Ср.: *Что ж я, не могу для **собственной** дочери ...*

Конструкт *общность* аккумулирует знания, позволяющие вводить в контекст высказывания о родственности содержательные компоненты безусловного долженствования, обязательства. Ср.: *Если **родной** маме наплевать на ...// ... **своего собственного сына** ущемлять в угоду не пойми кому. // Я себе не **двоюродная**. // Я же **мать!** // Он же **сын**... // Какая же ты **бабушка!***

Скрипт созависимости – формально не выраженное содержание контекстов об эмоциональной потребности в партнере, приоритете эмоциональных переживаний по сравнению с целенаправленными действиями. Данный содержательный компонент противопоставлен скриптам автономности и рационального действия (п.п. 4.1.1.), в основе которых знания о самодостаточности индивида и его способности размышлять. Содержание о созависимости возникает в результате использования: 1) лексем с семантическим компонентом «не имеющий рационального объяснения» (*нереальный, невозможный, нечеловеческий, мистический* и т. д.); 2) идиоматических выражений со значением «неспособность принимать обдуманные решения» (*меня тянет, потеряла голову*, и др.); 3) безличных конструкций в описаниях действий говорящего; 4) определительных местоимений (*сам, сама*), их сочетаний с возвратными местоимениями (*сама себе, сам себе*); 5) семантики долженствования в высказываниях об общеизвестных нормах поведения, а также для выражения просьбы (*он должен, она должна, ты должен*). Скрипт делает допустимыми гиперболизацию эмоционального состояния и взаимозависимости партнеров

по отношениям.

Ср.: *И тут появился он, **невозможный** красавец, чувства захватили меня **полностью**.*

1 [Он сказал, что *p*].

*И тут появился он, **невозможный** красавец, чувства захватили меня **полностью**.*

2 [Он не мог сказать *p*, если бы он не считал, что *q*].

Она не сказала бы так, если бы не считала, что описывает первую встречу с человеком, с которым далее развились любовные отношения.

3 [Он знает, что я знаю, что он знает, что я могу понять необходимость предположения о том, что он думает, что *q*].

Она знает, что собеседник знает: влюбленный человек не контролирует свои эмоции. Она понимает, что возникает следующее предположение: в момент встречи она не смогла верно оценить личностные качества нового знакомого.

4 [Он хочет, чтобы я думал (или готов позволить мне думать), что *q*].

Она хочет, чтобы собеседник думал так: чем интенсивнее чувство к другому, тем менее рациональны его поступки. Если от эмоций человек не способен размышлять, значит, он не ошибается в своих чувствах к другому

5 [Итак, он имплицировал, что *q*].

Она имплицировала, что новый знакомый произвел настолько сильное впечатление, что у нее не было возможности поступить иначе. Она не понимает, почему кто-то может ее осуждать за неразборчивость в знакомствах.

Сочетания семантики прилагательного *невозможный* и существительного *красавец* устанавливает соответствие между чувством симпатии к новому знакомому и нерациональностью (2). Так как рациональное мышление свойственно разумному человеку, следовательно, в высказывании сообщается о состоянии «неразумности», иначе, о неспособности оценить личностные качества будущего партнера (3). Возможность положительной оценки неконтролируемых эмоций в высказывании о влюбленном человеке является скриптом созависимости, обусловленным знаниями об общности участников отношений (4). Описывая неспособность совершать обдуманные действия, говорящий имплицитно логичность своих поступков (5). Влюбленный человек сосредоточен на объекте устремления, не на личных интересах. Ср.: *Меня охватило **нереальное** чувство. // **Нереальная, нечеловеческая** история любви. // любовь **нереальная***

// *мистическое* чувство.

Скрипт созависимости восстанавливает причинно-следственную связь между нерациональностью и устремленностью на другого. Ср.: *испытала столько эмоций, что захватило полностью. И его, и меня. // Я потеряла голову от чувств. // Просто безумие* какое-то со мной произошло. // *Любовь, от которой снесло крышу.*

Использование безличных конструкций акцентирует неспособность самостоятельно принимать решения. Ср.: *Принесло меня* вчера домой поздно (вместо *пришла* домой поздно). // *Чувство захватило* (вместо *я перестала контролировать чувства*). Агентом действия в высказывании являются абстрактные понятия. Ср.: *Обида* меня взяла. // *Разница* в возрасте дает о себе знать. В контексте возникают инференциальные компоненты о неавтономности, зависимости от обстоятельств, внешнем давлении. Ср.: *Первые 2 года хотелось* замуж. А потом *перегорело* (вместо *я хотела, я перегорела*). // *Меня нельзя удержать деньгами.* // *Но его ухаживания, признания ...короче меня затянуло.*

На фоне общеизвестного знания об общности участников отношений сочетание определительного местоимения *сам, сама* и возвратного местоимения *себя* вводит в контекст содержание об автономности действия. Ср.: *Сама себя* обеспечиваю (вместо *я себя обеспечиваю*). // *Он там сам себе* хозяин (вместо *он хозяин*). // *Это проявление заботы о самой себе* (вместо *забота о себе*).

1 [Он сказал, что *p*].

Я сама себя обеспечиваю, и для этого мне не нужен мужчина.

2 [Он не мог сказать *p*, если бы он не считал, что *q*].

Она не сказала бы так, если бы не считала так:
часто женщина нуждается в финансовой поддержке со стороны мужчины.

3 [Он знает, что я знаю, что он знает, что я могу понять необходимость предположения о том, что он думает, что *q*].

Она знает, что собеседник знает:
как правило, мужчина обеспечивает женщину.
Поэтому понимает, почему возникает следующее ожидание:
женщина стремится иметь отношения с мужчиной, в том числе, для финансовой стабильности.

- 4 [Он хочет, чтобы я думал (или готов позволить мне думать), что *q*]. Она готова позволить собеседнику думать так: *иногда люди зависят друг от друга, в том числе финансово.*
- 5 [Итак, он имплицировал, что *q*]. Она имплицировала, что считает *свое независимое положение достижением, она гордится своей независимостью от мужчин.*

Скрипт созависимости обеспечивает причинно-следственную связь между финансовой самостоятельностью и указанием на нежелание иметь серьезные отношения (4). Предположение о том, что субъект может зависеть от другого, обусловлено социокультурным конструктом *общность*.

Скрипт созависимости проявляется также в высказываниях, в которых модальность долженствования сочетается с характеристиками, которыми субъект наделен по факту рождения. Ср.: *Он мужик, он должен...* // *Она же мать, она должна.* // *Раз мужик, то должен.* // *Ты баба, ты должна.*

Скрипт единения – формально не выраженный компонент контекста о том, что участники гармоничных отношений имеют схожие идеи, желания, переживают одни и те же состояния, партнеры обретают качества и привычки друг друга. Скрипт возникает в результате использования сенсем (*чувствовать, слышать, душа в душу* и др) в интерпретации смыслов о взаимодействии.

Значения с семантическим компонентом «безучастность» являются средством репрезентации смыслов о разногласиях (*равнодушный, равнодушие, все равно, неважно, безразлично* и др). Устанавливается причинно-следственная связь между гармоничными отношениями и отсутствием личных границ.

Ср.: *А мужу будто все равно.*

- 1 [Он сказал, что *p*]. *А мужу будто все равно.*
- 2 [Он не мог сказать *p*, если бы он не считал, что *q*]. Она не сказала бы так, если бы не считала так: *любящий человек не проявляет интереса к эмоциональным переживаниям партнера.*

- 3 [Он знает, что я знаю, что он знает, что я могу понять необходимость предположения о том, что он думает, что q]. Она знает, что собеседник знает: *неправильно быть равнодушным к настроению близкого человека.* Поэтому понимает, почему возникает следующее ожидание: *заметив ее негативные эмоции, партнер постарается выяснить причины.*
- 4 [Он хочет, чтобы я думал (или готов позволить мне думать), что q]. Она хочет, чтобы собеседник думал так: *любящие партнеры внимательны к настроению друг друга. Любовь мотивирует бережное обращение с чувствами партнера.* Поэтому готова позволить собеседнику думать следующее: *муж намерено причиняет страдания.*
- 5 [Итак, он имплицировал, что q]. Она имплицировала, что *подозревает своего партнера в жестокосердии, отсутствии любви и эгоизме*

Сочетание значений речевых средств *муж, все равно, будто* устанавливает соответствие между статусом члена семьи и равнодушным отношением к настроению говорящего (2). Следовательно, создается предположение о необходимости внимания к переживаниям партнера (3). Допустимость такого ожидания «притягивает» в контекст знания о том, что любящие партнеры, как правило, бережно относятся к эмоциям друг друга (4). Конструкт *общность* обуславливает знание о сходстве мыслей и чувств участников отношений. Отказ партнера демонстрировать свою заинтересованность интерпретируется говорящим как плохое обращение. Ко-активация семантики речевых единиц и общеизвестного знания порождает импликации об эгоизме партнера. Ср.: *Стал каким-то равнодушным к моим чувствам, ко мне. // А у него только равнодушие в мою сторону. // Ему неважно при этом, что я скучаю или хочу домой.*

Соответственно, акцентирование интенсивности эмоциональных переживаний другого имплицитно предполагает благоприятное развитие. Ср.: *Он искренне за меня переживает. // Он безразличен к моим делам.* Скрипт единения позволяет сопоставить незаинтересованность и плохие отношения. Ср.: *Муж говорит, что я его не ценю, я то же самое могу сказать: он меня не ценит, ему плевать на меня. // Как человек я ему не интересна. // Ей безразлично*

все, что я делаю.

Анализ семантики и синтагматики речевых средств в русских высказываниях позволяет сделать вывод о том, что скрипты *сопричастности, созависимости и единения* являются регулярными в русском дискурсе межличностных отношений. Скрипты распознаются участниками коммуникации благодаря социокультурному конструкту *общность*, интегрированному в дискурсивные условия интерпретации объектов речи в русской лингвокультуре. Говорящий производит оречевление смыслов с учетом общеизвестного знания о *неавтономности, несамодостаточности, нивелировании* личных границ взаимодействующих индивидов.

4.2.2. Код эмоциональной общности в русском дискурсе межличностных отношений

Эмоциональную составляющую коммуникативного процесса в русской лингвокультуре анализирует А. Вежбицкая. В исследовании русских культурных скриптов она выделяет семантический компонент «забота о том, приятно ли собеседнику слышать некоторые вещи» как основу различения значений слов *правда* и *искренность*. Ученый отмечает, что словами *искренность, душа, общение* описывается нечто, возникающее между людьми, глубинное чувство вне субъекта, в душе других [Wierzbicka 2002: 29-30].

Общеизвестное знание, аккумулируемое в пределах социокультурного конструкта *общность*, обуславливает код эмоциональной общности в русском дискурсе межличностных отношений. *Код эмоциональной общности* – указания на убежденность говорящего в ценности эмоциональной составляющей для гармоничных взаимоотношений. Речевыми средствами-маркерами кода становятся: 1) глаголы перцептивного восприятия, используемые в высказываниях о взаимопонимании партнеров (*чувствовать, ощущать, слышать, переживать* и др.); 2) значения с компонентом «эмоциональная реакция» (*обидеться, разозлиться, взорваться, надуть губы*

и др.) в интерпретации смыслов о расхождении мнений, несогласии; 3) лексика с семантическими компонентами «эмоциональное поведение» в описании событий; 4) гиперболизация физических и моральных страданий для акцентирования значимости события. Маркеры кода манифестируют искренность участников коммуникации.

Ср.: *Я так переживала, пока у него эти вступительные прошли, все нервы себе вымотала* (высказывание о вступительных экзаменах сына).

1 [Говоря об этом, он сказал р]	<i>Я так переживала, пока у него эти вступительные прошли, все нервы себе вымотала.</i>
2 [Он не мог сказать об этом так, если бы он не считал, что q необходимо для данного события].	Она не могла сказать это, если бы не считала так: <i>вступительные экзамены являются значимым событием в жизни сына.</i>
3 [Он считает, что q необходимо для всех событий, подобных этому. Говоря p, он хочет убедить меня в необходимости q]	Она считает так: <i>каждая мать всегда очень беспокоится за своего ребенка.</i> Она хочет убедить собеседника в следующем: <i>сделано все возможное, чтобы поддержать сына во время экзаменов.</i>
4 [Итак, он имплицирует, что p надо рассматривать с учетом q].	Она имплицирует, что <i>вступительные испытания были сложны, поэтому судить об их результатах необходимо с учетом ее личных эмоциональных затрат.</i>

Указание на беспокойство в высказывании о вступительном экзамене сына (*так переживала, все нервы вымотала*) акцентирует значимость события для говорящего (2). В контекст вводится содержание о необходимости сильного переживания (3). Гиперболизируя эмоции, говорящий предоставляет собеседнику оценивать событие согласно интенсивности эмоционального переживания (4). Манифестация субъективной позиции ограничивает негативную оценку содержания: какими бы ни были результаты, сделано все возможное.

Маркером кода эмоциональной общности являются глаголы и идиоматические выражения, означающие эмоциональную реакцию человека. Они используются для репрезентации смыслов о несогласии. Ср.: *Она надула губки и ждет сидит, когда я передумаю. // Попросила перевести все на дачу,*

*так губы надул. // Сразу **разозлилась** и наговорила всякого ... // Он мне начинает рассказывать, как надо взять сковороду и....и меня **взорвало** по самое не балуйся.*

Использование речевых средств, в значении которых есть компонент «эмоциональное поведение», указывает на значимость события. Ср.: ***поскандалить** с отделом кадров // **разобраться** со школой // **закатить** скандал учителю.* В примерах речь идет об институциональных структурах, где порядок предъявления претензий и ответов на них регламентирован. Значения глаголов *поскандалить*, *разобраться*, *закатить* фокусируют внимание на эмоциональной составляющей взаимодействия. Говорящий демонстрирует собеседнику убежденность в необходимости эмоций для подобных коммуникативных ситуаций.

Отсутствие маркеров кода эмоциональной общности может интерпретироваться как неподобающее поведение [Монгилева 2019б]. Приведем фрагмент рассказа женщины о лечении ребенка за рубежом (www.forumdaily.com/rossiayanka-o-rabote-detskih-vrachey-v-usa):

Ср: ***Я очень волновалась** (любая мама меня поймет), вспоминала, как в России детский кардиолог проводила это исследование, объясняла мне все, что видит, и **успокаивала меня**. Так как в США УЗИ делают не врачи, а технические работники, комментариев и объяснений они не дают. Становится не по себе, когда видишь на УЗИ то, что видеть у своего ребенка не хочется, **а тебе мило улыбаются и молчат**.* Приводим ниже формулу, начиная со второго вывода.

2 [Он не мог сказать об этом так, если бы он не считал, что q необходимо для всех событий, подобных этому].

Она не могла сказать об этом таким образом, если не считала так:

специалисты клиники ведут себя неподобающим образом.

3 [Он считает, что q необходимо для всех событий, подобных этому. Говоря p , он хочет убедить меня в необходимости q]

Она думает так:

для матери необходимо испытывать интенсивные переживания, когда ребенок имеет проблемы со здоровьем.

Она хочет убедить собеседника в следующем: *медицинские работники знают о переживаниях матери, и поэтому они должны успокаивать мать при обследовании ребенка.*

4 [Итак, он имплицитно, что р надо рассматривать с учетом q].

Она имплицитно, что за вежливостью специалистов скрывается бесчувственность, вежливое поведение дает повод сомневаться в их профессионализме.

Описывая свое эмоциональное состояние, говорящий манифестирует субъективную позицию эмоциональной общности. Говорящий убежден, что медицинские работники знают о беспокойстве матери (3). Указания на вежливое поведение свидетельствуют о негативной оценке ситуации и имплицитно сомнение в профессионализме медицинских работников (4).

Описание душевной или физической боли в рамках кода эмоциональной общности гиперболизируются. Ср.: *Страсти, чувства – все просто **через край** ... // Я осталась с **мучительной** болью в душе. // **дикая, безумная** боль //* *А если есть место **страданиям, чувству утраты** отношений, значит, не надо было расставаться...*

Анализ маркеров кода эмоциональной общности указывает на регулярность данной субъективной позиции в русском дискурсе межличностных отношений. Акцентирование эмоций и их гиперболизация являются допустимыми и приемлемыми. Отсутствие маркеров кода в коммуникативной ситуации может быть интерпретировано представителями русской лингвокультуры как незаинтересованность собеседника.

4.2.3. Инвариант объекта в социокультурном преломлении

Модель интерреляции с инвариантом объекта предопределяет активацию знаний о нивелировании личных границ участников отношений. Метафора связи является способом переосмысления активного устремления на партнера на основе опыта нахождения рядом со значимым человеком. В русском дискурсе межличностных отношений регулярные метафоры проявляют ракурс, заданный социокультурным конструктом *общность*.

По мнению ряда ученых, метафора связи в русском дискурсе является особой славянской формой символизации первородной связи (пуповины)

между матерью и ребенком под влиянием культа древнеславянского бога по имени Род [Колесов 1986, 2019; Рыбаков 1981; Толстой 1995; Трубаев 1959]. Данный след обнаруживается в семантических формах *народ, родить, природа, родник жизни, родина, прародитель, урожай, родня* и т. д. Род — идеальная сущность родственных, социальных или духовных связей, порождающих представление о внутренней общности двух индивидов, в отличие от случайной или временной близости [Колесов 2019: 12].

Связь / привязь является рационализированным образом, проецирующим в русский дискурс межличностных отношений социокультурный конструкт *общность*. Ср.: *родственные связи // скрепы // кровные связи // оковы брака // сердечная привязанность // узы дружбы // хитросплетение отношений*.

Культурно-специфичная проекция ОТНОШЕНИЯ – УДЕРЖАНИЕ ЖИВОТНОГО, анализируемая в п. п. 3.3.1, является примером переосмысления потребности в эмоциональных связях с другим на основе опыта удержания животного с помощью привязи. Ср.: *одеть хомут себе на шею // Иногда стоит игнорировать мужчину, чтобы держать его в узде. // У меня и муж, и собака гуляют без поводка. // Человека с низкой самооценкой легко держать на поводке. // держать в строгом ошейнике // одна упряжка на двоих*.

Метафора связи порождает интерпретации неприемлемого поведения. Ср.: *распутный, вести себя распуценно* (от *путь*) // *строптивый* характер (от *струна, стропа*) // *упрямый* характер (от *упряжь*) // *разнузданный* (от *уздать, узда*).

Образ связи востребован в выражениях о нежелании контактировать с субъектом, свидетельствует о негативной оценке поведения. Ср.: *Чего она ко мне привязывается! // Да отвязись ты! // Вот привязался! // Он просто навязывается. // Зачем вы с ней связываетесь? // связаться с кем-то* (в значении *иметь дело с нечестным, непорядочным человеком*).

Метафора связи предоставляет схему, адаптирующую смыслы о межличностных взаимодействиях познавательным координатам конструкта

общность.

Так, высказывания о наличии у партнера детей от предыдущих отношений, брака ориентированы моделью ОТНОШЕНИЯ – СВЯЗЬ. Ср.: *женщина с хвостами // мужчина с прицепом // А мы ваши хвосты принимать и любить обязаны.* В референтной цене выделены участник (женщина, мужчина, ваши) и связующий предмет (хвост, прицеп). Концептуальная рамка инварианта объекта задает негативную оценку содержания. В референтных сценах профилирован адаптор связи с предыдущим партнером (хвост, прицеп). Участок сцены, репрезентирующий актуальные отношения, затемнен. Помеха гармоничным отношениям переосмысливается как отсутствие связи с новым партнером. Ср: *франц. avec des boulets/ со снарядами.* Во французском высказывании дети от предыдущего брака репрезентированы в образе снарядов, т. е. активируется метафора войны. Выражение активирует сферу знаний о вторжениях на личную территорию. В подобных казахских выражениях (*соңынан/ артынан еріп келген баланы/ вслед, за ее спиной пришедший ребенок*) профилируется неизбежность появления еще одного участника события, он находится сзади матери и всегда следует за ней. Ср.: *Соңынан еріп келген баласы бар екен. Қайтесің, өзінің ішінен шыққан баласы зой. Қайда барады ол?! Она с ребенком (букв. за ней пришедший). Что ж поделаешь, ребенок часть ее (букв. из ее нутра вышел). Куда ж его денешь?!*

Русские высказывания о взаимоотношениях демонстрируют предпочтение модели интерреляции с инвариантом объекта. Использование неопределенных местоимений (*нечто, что-то, что, ничего*) позволяет одновременно репрезентировать устремление как сущность в пространстве и указать на его неопределенность, кратковременность или новизну. Ср.: *Не все, с чем люди приходят в отношения, становится общим. // Если вас что-то не устраивает в поведении партнера. // Важно, что вы что-то чувствуете. // Мы не просто близкие люди, мы нечто большее. // Между нами что-то есть. // После того, что между нами было. // ... и ничего такого между нами и не*

было.

Метафорическое переосмысление пространства между участниками акцентирует степень интенсивности испытываемых эмоций и продолжительность отношений. Ср.: *Между ними **флюиды** запорхали.* // *Между нами случился **роман**.* // *Между нами разгорелся **огонь**.* // *Между нами пробежала **искра**.* // *Между нами бушевали **страсти**.* Метафорические образы интерпретируют качественные характеристики: неопределенность и временность (*флюиды*), продолжительность (*роман*), внезапность (*бушевали, огонь, искра*).

На основе метафоры ОТНОШЕНИЯ – ОБЪЕКТ развивается культурно-специфичная проекция ПАРТНЕР – ЦЕННЫЙ ПРЕДМЕТ. В русских высказываниях о поиске партнера регулярно используются речевые средства, значения которых имеют коннотации труднодоступности, ценности приобретения, желания иметь в собственности (*присвоить, найти, заполучить, раздобыть* и др). Ср.: *Как же мне его **заполучить**?* // ***присвоить** себе все его время* // *Где **раздобыть** мужчину своей мечты?* // ***Найти** хорошего мужа не так-то просто.* // *Мужчин не **всем хватает**, и не выбрать.* // *Ваша половинка где-то **затерялась**.* // *Поклонников она не чуждалась, но **их качество** было **плачевное**.* // *Если видишь в нем отца своих детей, мужа и опору – такого друга **терять** нельзя.*

Анализ рационализированных образов метафор в русских высказываниях свидетельствует о том, что интерреляция объекта является ведущей моделью. Социокультурный конструкт *общность* вводит в контекст знания о необходимости эмоционального взаимодействия, сходстве интересов, нивелировании личных границ.

4.3. Социокультурный конструкт *родовая группа* в казахском дискурсе и *интерреляция цикла*

Восточное мировоззрение отличается особым осмыслением причинно-следственных связей и порядка вещей, которое противопоставляется западному. Для Востока свойственно нелинейное понимание нового, оно не сменяет прежнее, а органично растворяется в нем (А. А. Ашхамахова и др., Е. К. Гельцер, А. В. Колмогорова, С. П. Мамонтов). *Завершенность* и *конечность* трансформируются в *тотальность*: единство конечного и бесконечного, относительного и абсолютного [Бахтызин 2004а, 2004б; Борзова 2010; Куликова 2010]. В социально-философских исследованиях отмечается слияние мифологического и социального [Дашковский 2007], социального и вселенского [Акатаев 1994, 1995], природного и человеческого [Ашхамахова 2009, 2012; Габитов 2001]. Гармоничные отношения внутри семьи экстраполируются на социально-политические взаимодействия и устанавливают приоритет общественной собственности [Колмогорова 2022: 199-201]. Мир не членим на части: окружающее человека является органичным продолжением его внутреннего, и наоборот.

Культура казахов сочетает в себе мировоззрение кочевников [Кшибеков 2005], космогонистические верования и тенгриинство [Аюпов 2012; Валиханов 1961; Гачев 1994; Нысанбаев 2001; Шаяхметова 2007]. Комплекс верований кочевников опирается на представления о взаимосвязи земного бытия со вселенскими, космическими сферами, причастности каждого человека к космосу, природе, другим людям [Кшибеков 2005]. Единство мира, человека, среды его обитания приводит к слиянию личных, родственных и социальных взаимосвязей в ключевой для казахской культуры конструкт – *родовую группу*.

Род и племя представляют для кочевника социум, так как вне его и без его защиты жизнь человека была невозможна [Калликот 1990; Сулейменов 2002; Тохтабаева 2017]. Родственно-родовое начало идентифицировало

человека с общиной и со средой обитания. Оно рассматривается как стрежень социальных отношений кочевников [Алимбай 1998; Коянбаева 2011: 31]. По мнению этнографа И. С. Савина, принадлежность роду у казахов исторически формируется как система понятий, обеспечивающая идентификацию индивида в качестве субъекта социальных отношений [Савин 1999]. Любые события политической и общественной жизни трактуются в терминах кровно-родовых союзов, а различие *родов* регламентирует общественную жизнь [Савин 1999: 76-77]. Признание «общего предка» становится метафорическим и риторическим средством выяснения властно-статусных отношений. Исследователь утверждает, что данная мировоззренческая константа актуальна для современного представителя казахской лингвокультуры.

Приоритет родовой группы над нуклеарной семьей, космогоническое начало рода закрепляется во внутренней форме слов, значение которых активизирует концептуально-тематическую сферу «семья» [Монгилева 2017в]. Так, *ата/ дед* дает основу словообразовательному ряду *атабек/ воспитатель*, *аталы/ имеющий славных предков*, *атақты/ выдающийся*, *атамекен/ священная земля предков*, *Атанасия/ Бессмертие* [Кокумбаева 2012]. В актуальных коммуникативных ситуациях в значении *папа* и *мама* может использоваться *әке* и *шеше*, но для означивания родителей используется *ата-аналар/ родители*.

Космогоническое начало рода закреплено в именовании родственников и формах вежливого обращения. Например, вежливое обращение к отцу и старшим родственникам *көке* (букв. *возношу до небес*). *Көк* (в современном казахском *небо, голубой цвет*) является частью полного имени божества Тенгри — *Көк Мәңгі Тәңірі* [Федорова 2016]. Культурно-символическое наполнение этого знака раскрывается в мифологемах Великий Тополь (мировое древо), горы, подпорка юрты [Байдаров 2012: 120], *Көк турк* (небесные тюрки, Сыны Неба), *Көк бөрі* (небесный волк, Уран, символ силы и справедливости природы [Аюпов 2012: 47; 299; Мадигожин 2012], *Көк бұқа* (бык, держащий на рогах землю) [Каскабасов 1992: 58-59].

Глагол *туу/ рождаться*, давший основу лексемам *туыстар/ родственники*, *туган жұрт/ родня по отцу*, востребован в смыслах о природных циклических процессах. Ср.: *Аспанда ай туды/ На небе возшла луна. // Құйрықты жұлдыз туды/ Появилась комета. // туган ай/ молодой месяц.*

Құт/ богатство, достояние, изобилие — одна из основных констант казахской культуры и тюркского мира [Исабекова 2017]. В древнетюркском словаре описание значения *Qut* включает: а) душу, жизненную силу, дух; б) счастье, благо, благодать, благополучие, удачу, успех; в) достоинство, величие [Древнетюркский 1969: 471-472]. В словарных статьях отражена идея, заключенная в значении лексемы *Құт*: жизненная сила, имеющая и природное, и духовное (божественное) начало. *Құт* трансформируется в *Құдай* (аналог слова *Бог*). Ср.: *Құдай бұйырса/ Бог даст. // Құдай біледі/ Бог знает.* Эта форма могла быть заимствована предками алтайцев, казахов, хакасов, татар, ногайцев и другими тюркскими народами из таджикского или персидского языков в среднетюркскую эпоху (X—XV века) [Сарыбаева 1991].

От корневой морфемы *Құт* образуются названия родственников по браку (*құда/ сват*, *құдағи/ сватья*, *құдалар/ сваты*). Брачный союз представляется в казахской картине мира не только взаимодействием двух родовых групп, но и исполнением высшей воли, божественным действием продолжения жизни, нового уровня жизненной силы. Ср.: *Күйеу — жүз жылдық, құда — мың жылдық/ Зять — на сто лет, а сват — на тысячу лет. // Досты періште қосады, ұданы құдай қосады/ Друзей ангелы соединяют, сватов бог посылает.* Семантика родственности по браку востребована в выражениях об удачном способе решить конфликт, что также указывает на ценностное отношение к родственности по браку, закрепленное традицией. Ср.: *Құда да тыныш, құдағи да разы/ Тихо-мирно, без препирательств (букв. и сват спокоен, и сваха довольна).*

Идея рождения запечатлена в корневых морфемах *-ul-* и *-uŋ-* [Древнетюркский 1969], *ук/uk-* (*үк*) [Севортян 1974: 582]. *-Ul-* содержится в

формах *ұл/ сын, ұлт/ нация, народ, ұлы/ великий, ұласу/ продолжаться*. -Үгі- прослеживается в *ұрық/ семья, зародыш, потомство*, а также *ру/ казахский род, жұрт/ род, рулық/ родовой*. Анализ тематической принадлежности лексем, значения которых проявляют идею рождения, свидетельствует о том, что продолжение рода осмысливается не в линейной последовательности, а как трансформация прежнего в новое, как циклическое развитие и природный процесс. Ср.: *ұл/ сын // ұласу/ продолжатся // ұлан-байтақ/ безграничный простор // ұлғайту/ увеличить, расширить // ұлан-асыр/ с изобилием // ұлы/ великий // ұлыс/ народ, население*. Корневая морфема Уқ/ук- (ұқ) входит в состав лексем *ұқым-тұқым/ потомки, ұғым/ понятие, суть, сущность*.

В то же время лексемы в обозначении семейной группы являются производными формами с легко прочитываемыми метафорическими образами. Ср.: *жанұя от жан/ новое и ұя/ гнездо // отбасы от бас/ голова и от/ огонь // үй-іші/ семейство (букв. внутри дома) // үй-күй/ семейный быт от үй/ дом и күй/ состояние, положение // отағасы/ глава семьи (букв. старший брат огня)*. Этих форм немного по сравнению с обозначениями рода, племени, поколения, предков. Ср.: *ру/ род // рулық қатыс/ родовые связи // тайпа/ племя // жүз / одно из трех объединений казахов // шежіре/ родословная // аталар/ предки // баба/ предок // ата-баба/ предки // төркін/ отцовский род замужней женщины // тұқиян/ праотцы*.

На фоне данных идей и представлений формируется социокультурный конструкт, аккумулирующий идеи о роде как координате социальной жизни. Под социокультурным конструктом *родовая группа* в работе понимается комплекс идей о приоритете интересов рода и родственных связей над личными мотивами, а также ценностном отношении к благополучию родственников. Общеизвестным знанием является следующая *качественная характеристика* событий: взаимодействие участников происходит на фоне максимально широкого и вневременного контекста из мнений родственников, друзей, соседей, а также предков, высших сил и т. д. Конструкт обуславливает инференциальные компоненты контекста казахских высказываний,

представленные скриптами *ориентированности на группу, ориентированности на традицию, координативного действия.*

4.3.1. Скрипты казахского дискурса: ориентированности на группу, ориентированности на традицию, координативного действия

Социокультурный конструкт *родовая группа* обуславливает следующие *скрипты*, закрепляющие представления о причине, характере и условиях межличностных отношений.

Скрипт ориентированности на группу – формально не выраженное в высказываниях о межличностных отношениях содержание о необходимости учитывать мнение группы в действиях участников отношений. Возникает в казахских высказываниях за счет использования: 1) лексем с семантическим компонентом «группа людей» (*жұрт/ род, ел/ народ, әулет/ династия, көрші-көлем/ соседи и др.*); 2) лексем *дұрыс/ правильно, жөн/ правильный* в выражении положительной оценки действия. Скрипт аккумулирует предположения о том, что одобрение большинства имеет первостепенную значимость, т. к. определяет благополучие индивида.

В казахских высказываниях лексема *жұрт/ род* обозначает всех реальных и потенциальных членов группы, к которой относят себя участники события. Ср.: *Жұрт не дейді/ Что люди скажут. // Қылығымен жұртқа жағу/ Нравится всем (букв. роду) своим поведением // Әке-шешем арнамыстан аттап, жұрттың алдында масқара болғысы келмейді/ Родители не хотят, чтобы их опозорили перед людьми (букв. перед родом), переступив через обычаи.* И, наоборот, лексема *ел/ народ* может быть использована для указания на субъекта, его переживания. Ср.: *Әйел ерден кетсе де, елден кетпейді. / Жена, хоть и от мужа уйдет, от родни [букв. от народа] никогда не уйдет.* Форма *елден/ от народа* указывает на родственников, которые будут вовлечены в конфликт супругов (ср. русское высказывание *от себя не убежишь*).

Ср.: Сол отбасыға сіңу керек, сол *әулеттің-елдің* заңына *бағыну* керек. Тие сап, екі аптадан соң бөлек кетсе *жат-бауыр* боп кетпей ме?! Необходимо ассимилироваться в этой семье (букв. пропитаться этой семьей), приспособиться (букв. покориться, примириться) к законам этой семьи и людей (букв. этой династии и народа). Если сразу после свадьбы вы начнете жить отдельно, это может отдалить вас от близких (реакция на мнение девушки о том, что, спустя две недели после свадьбы можно съезжать от родителей мужа и жить отдельно).

1 [Он сказал, что <i>p</i>].	<i>Сол отбасыға сіңу керек, сол әулеттің-елдің заңына бағыну керек. Тие сап, екі аптадан соң бөлек кетсе жат-бауыр боп кетпей ме?</i>
2 [Он не мог сказать <i>p</i> , если бы он не считал, что <i>q</i>].	Он не сказал бы так, если бы не думал так: <i>девушка должна жить вместе с родителями мужа долгое время, чтобы иметь близкие отношения со всеми новыми родственниками.</i>
3 [Он знает, что я знаю, что он знает, что я могу понять необходимость предположения о том, что он думает, что <i>q</i>].	Он знает, что его собеседник может понять следующее: <i>для гармоничных отношений с родственниками необходимо хорошо их узнать.</i> Поэтому понимает, почему возникает такое ожидание: <i>вначале семейной жизни невестке лучше больше времени проводить с родителями мужа и его родней.</i>
4 [Он хочет, чтобы я думал (или готов позволить мне думать), что <i>q</i>].	Он хочет, чтобы собеседник думал так: <i>доверительные отношения с родителями и всеми родственниками мужа являются значимой составляющей семейной жизни.</i> Поэтому готов позволить мне думать следующее: <i>любая здравомыслящая девушка стремится сделать все возможное, чтобы стать частью новой семьи.</i>
5 [Итак, он имплицировал, что <i>q</i>].	Он имплицировал, что <i>настаивая на проживании отдельно от родителей, девушка поступает необдуманно, это приведет к непоправимым последствиям, может повлиять на ее отношения с мужем.</i>

В высказывании о намерении жить отдельно сочетание значений речевых средств *әулеттің-елдің заңы/ законы династии и родни, бағыну/ покориться, жат-бауыр болу/ отчуждаться от родных* устанавливает соответствие между знанием об укладе, обычаях новой семьи и гармоничными отношениями с родителями мужа (2). Так как со вступлением в брак девушка начинает часто контактировать с родственниками мужа, возникает ожидание,

что она стремится быстрее их узнать (3). Ожидание заполняется содержательными компонентами о неизбежности этих контактов, оценивания умений невестки со стороны новых родственников и т. д. Все эти трудности возможно преодолеть за счет опыта, полученного в бытовом взаимодействии со свекровью (4). Скрипт восстанавливает причинно-следственную связь между смысловыми компонентами «стать своей в семье мужа» и «иметь счастливую семью». В контексте высказывания возникают коннотации о возможных негативных последствиях переезда (5).

В казахских высказываниях о межличностных отношениях наречие *дұрыс*/ *правильно* является средством выражения одобрения, совета. Ср.: *Баланы дұрыс тәрбиелеу үшін отбасыда .../ Чтобы дать ребенку хорошее воспитание (букв. правильное)... // ақыл-есі дұрыс болу/ быть в своем уме (букв. в правильном) // Қыз бала 19 бен 25 жас арасында тұрмысқа шыққаны дұрыс/ Девушке лучше (букв. правильно) выходить замуж между 19 и 25 годами. // Бөлек шығу жақсы ғой, тек ененін тәрбиесін көріп барып, шыққан дұрыс/ Хорошо выйти замуж и жить отдельно, но лучше (букв. правильно), выходя замуж, побыть на воспитании у свекрови (букв. увидеть воспитание свекрови).* Значение *дұрыс* указывает на положительную оценку действия субъекта и одновременно вводит в контекст компонент о соответствии неким правилам, норме, т. е. инферирует компоненты об одобрении действий субъекта со стороны других.

Скрипт ориентированности на традицию – формально не выраженное в высказываниях о межличностных отношениях содержание о необходимости соотношения действий субъекта с обычаями и традициями казахской культуры. Возникает в контексте в результате использования: 1) лексем, значение которых отсылает к культурно-специфичному знанию о структуре казахской родственности, в описании причин тех или иных действий (*кенже бала/ младший сын, кенже келін/ младшая сноха, төркін/ отцовский род для замужней женщины* и др.); 2) этикетных формул пожеланий; 3) вводных конструкций, отсылающих к народной мудрости (*рас/ это правда, деген*

аталы сөз/ так старики говорят, деген сөз де бар/ как говорят и др). Инференциальные компоненты об ориентированности на традицию обусловлены ценностным отношением к обычаям и другим элементам культурного наследия. Указания на традиции вводят в контекст смыслы о зависимости субъекта от внешних обстоятельств.

Речевые средства, означающие структуру родственности, активируют культурно-специфичное знание. Ср.: *Төркіншіл келінді дер кезінде жөнге салу керек/ Невестку, слишком привязанную к своим родителям, необходимо призвать к порядку* (высказывание о молодой женщине, часто навещающей своих родителей). Лексема *төркіншіл/ часто посещающая родителей* происходит от *төр/ почетное место в юрте, төркін/ отцовский род для замужней женщины* (т. е. ее семья до замужества). Использование *төркіншіл* в высказывании о поведении невестки обеспечено знаниями об иерархии родовых связей (в казахской культуре семья мужа имеет большее значение для женщины), традициях ухода невесты в семью мужа. Ср.: *Келген жеріңе тастай батып, судай сің/ Придя в новую семью камнем упади, как водой ею пропитайся* (традиционное пожелание матери невесты на свадьбе). Фоновое содержание позволяет инферировать следующее: женщина не стремится стать частью его рода, ее поведение дискредитирует и ее собственных родителей.

В следующем примере речевые средства *кенже бал / младший из детей* и *келін/ невестка, сноха* указывают на причину конфликта. Ср.: *Алыстан ақ араласайын, бөлек тұрайық дегенмен, кенже келін мен бала ата-анасынан қалай бөлек тұрмақ?/ Возможно ли младшему сыну со снохой жить отдельно от родителей и на расстоянии иметь прекрасные отношения? Кенже бала/ младший сын* активирует общее знание о традициях казахской родственности: младший из сыновей, повзрослев и женившись, принимает на себя заботу о пожилых родителях. Лексема *келін/ невестка, сноха* вводит в контекст содержание о необходимости следовать обычаям.

Скрипт инферируется следующим образом:

- 1 [Он сказал, что *p*]. *Алыстан ақ араласайын, бөлек тұрайық дегенмен, кенже келін мен бала ата-анасынан қалай бөлек тұрмақ? Возможно ли младшему сыну со снохой жить отдельно от родителей и на расстоянии иметь прекрасные отношения?*
- 2 [Он не мог сказать *p*, если бы он не считал, что *q*]. Она не сказала бы это, если бы не считала так: *переезд младшего сына с женой не будет способствовать гармоничным отношениям с его родителями.*
- 3 [Он знает, что я знаю, что он знает, что я могу понять необходимость предположения о том, что он думает, что *q*]. Она знает, что собеседник может понять следующее предположение: *родители и другие родственники будут против переезда*
- 4 [Он хочет, чтобы я думал (или готов позволить мне думать), что *q*]. Она хочет, чтобы собеседник думал так: *младшему достается забота и любовь всех старших. Когда вырастет младший ребенок, родители уже в зрелом возрасте, теперь им требуется помощь.*
- 5 [Итак, он имплицировал, что *q*]. Она имплицировала, что *беспокоится о том, что отъезд будет воспринят родителями как предательство и пренебрежение традициями.*

Скрипт ориентированности на традицию восстанавливает причинно-следственную связь между стремлением говорящего жить отдельно от родителей мужа и опасением испортить с ними отношения (4). Возникают импликации о негативной оценке такого решения всеми другими родственниками.

Скрипт ориентированности на традицию возникает при использовании этикетных формул пожелания. Ср.: *Тағы да тойда кездесейік/ Еще раз на тойе встретимся* (пожелание радостных событий). // *Керемет той болды, шілдеханада кездесейік/ Замечательный был той. Встретимся на шилдехана* (букв. на торжестве по поводу рождения первенца). Примеры выше являются традиционным прощанием гостей после окончания свадебного торжества. В эксплицитной части высказывания обозначено ритуальное действие (*той/ торжество, шілдехана/ праздник по случаю рождения ребенка*), повод для будущего торжества формально не выражен. Общеизвестное знание о традициях позволяет говорящему имплицировать уверенность в благочестии хозяев: рождение детей не зависит от воли людей, но в их силах устроить

праздник и пригласить всех.

Речевыми средствами, способствующими возникновению скрипта ориентированности на традицию, являются различные отсылки к народной мудрости. Ср.: *Отанды сүю - отбасынан басталатыны рас/ Любовь к родине начинается с семьи, так правдиво говорят. // Келінің жақсы болсын десең, бірінші өзің келіңіңе келін бол" деген сөз де бар/ И такие слова есть: хочешь хорошую невестку, сама себе стань хорошей невесткой (т.е. представь себя невесткой в чужом доме).*

Скрипт координативного действия – формально не выраженное в высказываниях о межличностных отношениях содержание о необходимости соотнесения действий индивида с другими членами группы. Возникает в содержании казахского высказывания о межличностных отношениях при использовании: 1) лексем-именований родственников; 2) речевых средств, значение которых профилирует нескольких субъектов в составе группы (*екеуі/ вдвоем, екі жақ/ семья жены и семья мужа (букв. две стороны)*). Скрипт обеспечен культурно-специфичными представлениями о качественных характеристиках общения между теми или иными родственниками.

Структура казахской родственности существует в трех больших группах *өз жұрты* или *туған жұрты/ своя родня, родня по отцу, нағашы жұрты/ родня по матери, қайын жұрты/ родня по свойству, или родня мужа/жены*. Значения родства в казахском языке включают до шести семантических компонентов: пол, линия родства (кровное родство или свойство), вектор родства (прямое или боковое родство; восходящее или нисходящее), степень родства (первое поколение, второе и т. д.), соотносительность по мужскому полу или по женскому полу, возраст по отношению к говорящему лицу (старше или младше) [Аргынбаев 1975, Байганина 2001, Сарыбаева 1991 и др.]. Казахская система родства не претерпевает изменений, лексемы с указанными семами сохраняют свою актуальность и в современном казахском языке.

Ср.: *Ағасы бардың – жағасы бар, інісі бардың – тынысы бар/ У кого есть старший брат – тот обеспечен материально (букв.: есть воротник), у*

кого есть младший брат – тот имеет возможность отдыхать (букв. есть передышка). Представления об отношениях между братьями, активированные значениями лексем *аға/ старший брат* и *іні/ младший брат*, обеспечивают возникновение в контексте высказывания знания об ответственности братьев друг за друга, закреплённой традицией. Старший обязан материально помогать младшему, а тот, в свою очередь, обычно освобождает старшего от мелких дел и забот. Ср.: **Әкенің жақындығы жездедей, жезденің жақындығы әкедей/ Отец так же близок, как муж сестры, но муж сестры ближе, чем отец.** Традиционно мужчина берет на себя обязанности покровительства, защиты, помощи по отношению ко всем сестрам жены.

В казахской лингвокультуре существуют именованья соотношений родственников внутри родовой группы (*бажалар/ мужья двух сестер друг другу, абысындар/ жены братьев по отношению друг к другу, балдыз/ младшие братья и сестры жены по отношению к мужу, бөле/ дети родных сестер по отношению друг к другу и др.*). Ср.: *Лучше заранее знать, из какого теста сделана твоя абысын, и быть готовой, чем внезапно оказаться в гуще «несправедливости».* *Абысын/ жена брата мужа* вводит в контекст знания о потенциальном соперничестве, зависти и несправедливых обвинениях.

Ср.: *Екінші курсқа келген кезде оқуымды тастауға мәжбүр болдым. Қайын жұртым оқытпайтындарын айтты/ На втором курсе мне пришлось бросить учебу. Родные мужа сказали, что они не будут меня учить.*

1. [Он сказал, что <i>p</i>].	Қайын жұртым оқытпайтындарын айтты (букв. род мужа сказал, что не будут меня учить).
2. [Он не мог сказать <i>p</i> , если бы он не считал, что <i>q</i>].	Она не сказала бы это, если бы не считала так: мнение родственников мужа может влиять на ее решение оставить учебу.
3. [Он знает, что я знаю, что он знает, что я могу понять необходимость предположения о том, что он думает, что <i>q</i>].	Она знает, что ее собеседник знает: для невестки хорошо следовать тому, как решила родня мужа. Поэтому понимает, почему возникает следующее ожидание: это не было ее собственным решением, она подчиняется решению семьи мужа. она не возражала и прекратила учебу.

4. [Он хочет, чтобы я думал (или готов позволить мне думать), что q]. Она готова позволить думать следующее: *ориентироваться на мнение родственников означает уважение традиций. Это является ценным качеством человека.*
5. [Итак, он имплицировал, что q]. Она имплицировала, что *уважает традиции, она стремится поступать правильно.*

Указание на родственников *Қайын жұртым/ родня по мужу* в объяснении причин отказа от учебы (2) порождает допущение о влиянии других на значимые для субъекта события (3). Скрипт координативного действия восстанавливает причинно-следственную связь: для девушки правильно соотносить свои действия с мнением семьи мужа (4). Высказывание о подчинении внешним обстоятельствам имплицитно ценностные качества личности говорящего (5).

Так, младшая сестра мужа может быть означена двумя способами *қайын сіңілім/ младшая сестра мужа* и *қыз/ девушка*. Рассказывая о проблемах, которые случились в семье вследствие поведения родственницы, говорящий использует оба средства (<https://stan.kz/ysh-kyzdyn-anasy-kauyyn-sinilimbizdegi/>). В высказываниях о мыслях и характере родственницы применяется *қыз/ девушка*. Ср.: *Енді қыздың ойында не бар екенін біле алмай жүрмін/ Я не могу знать, что у девушки на уме. // Барлығы осы қыздың ырқына көніп келеді/ Все уже свыкаются с таким поведением девушки.* В других высказываниях средством референции является лексема-именование родства *қайын сіңілім/ младшая сестра мужа*. Ср.: *Былтыр тамыз айында қайын сіңілім ауылдан қалаға оқуға келді/ В августе прошлого года сестра мужа приехала из деревни в город учиться. // Қайын сіңілім мен жігіті өзара туысқан болып шықты/ Младшая сестра мужа и ее парень оказались родственниками. // Қайын сіңілім баланың тағдырымен ойнап жүр/ Моя родственница играет судьбой ребенка.* Использование именования родства в сочетании с притяжательным окончанием *-м (моя)* создает в контексте содержание о том, что говорящий не может противодействовать каким-либо образом. Согласно традициям, женщине не следует осуждать или проявлять неуважение к родственникам мужа.

Скрипт координативного действия проявляется в высказывании при указании на нескольких субъектов в составе большинства. Ср.: *Анам екеуі келіспей қала берді/ Мне с мамой не получилось договориться (букв. вдвоем с мамой к согласию не пришли). // Айжан көңгіштеу қыз екен, екеуі жарасып кетер/ Айжан покладистая девочка, они (букв. двое) ладят. // Отбасында кикілжің туып жатса, ұлымызды емес, келінді қорғаштауға тырысайық. Іштен шыққандықтан, ана мен баланың арасы көп ұзамай жарасады, екеуінің бір-біріне* деген мейірімдері оңайлықпен сөне қоймайды/ *Если в семье возникает конфликт, давайте постараемся поддержать не сына, а невестку. Так как связь между матерью и сыном крепка, они быстро помирятся, и их взаимная (букв. двоих друг к другу) любовь не угаснет так легко. Собирательное числительное екеу/ двое акцентирует участие двух субъектов в событии на фоне потенциального из множества других.*

В следующих примерах речевое средство *екі жақ/ две стороны* вводит в контекст знание об обязательности равного уважения и к родственникам по браку, и к родственникам по факту рождения. Ср.: *Екі жаққа бірдей болыңдар/ Уважайте родителей друг друга (букв. в обе стороны одинаковыми будьте). // Екі жаққа да бірдей сыйлы болсын!/ Уважайте своих родителей и родителей супруга (букв. в обе стороны одинаково уважение проявляйте).*

Проведенный анализ свидетельствует о регулярности скриптов *ориентированности на группу, ориентированности на традицию и координативного действия*, получающих объективацию в казахских высказываниях о межличностных отношениях. Социокультурный конструкт *родовая группа* интегрирован в дискурсивные условия реализации диспозитивности, что проявляется в речевых маркерах *кода уважения*.

4.3.2 Код уважения в казахском дискурсе межличностных отношений

Уважение к старшим (*Үлкенді сыйлау*) – традиционная духовная ценность и поведенческая норма казахской культуры, связывающая поколения

[Зейнулина 2013; Тохтабаева 2017].

Код уважения в казахских высказываниях о межличностных отношениях определяется в работе как указания на убежденность говорящего в ценности уважения других для гармоничных отношений. Речевыми средствами-маркерами кода являются: 1) лексема *кісі*/ человек, личность, уважаемый человек в сочетании с местоимением третьего лица *ол/ он, она*; 2) вежливые формы обращения к собеседнику, образованные от лексем-именований родственников (*атай/ уважительное обращение к пожилому мужчине, ағай/ уважительное обращение к мужчине, апай/ уважительное обращение к женщине, отағасы/ обращение взрослого мужчины к старшему по возрасту, көке/ обращение к отцу, к дяде по отцу*); 3) указания на уважение со стороны родственников в описании человека. Код уважения как прагматическая характеристика высказывания накладывает ограничения на импликации осуждения.

Использование лексемы *кісі*/ человек, личность, уважаемый человек в высказывании на казахском языке вводит в контекст содержательный компонент об уважении. Ср.: *Мен енеммен татумын, ол кісіні* анам деймін, *жақсы көріп сыйлаймын, ол кісінде* маған ақылын айтып, *жақсы көзбен қарайды/ Я живу со свекровью в мире и согласии, я ее называю мамой, люблю ее, уважаю, она мне дает советы, относится ко мне с добротой*. Референция к объекту *енем моя свекровь* осуществляется составной формой: *ол/ он, она* и *кісі/ уважаемый человек*. *Ол* является личным местоимением третьего лица и указывает на агента действия в предложении. Значение существительного *кісі/ индивидум, личность, почитаемый, уважаемый человек* (Казахско-русский словарь: <https://sozdik.kz/ru/dictionary/translate>) маркирует субъективную позицию говорящего к объекту речи. Ср.: *Анама рахмет. Ол кісі әкемді жамандап, оған айдап салған жоқ/ Маме моей спасибо. Она не говорила плохо про отца, не настраивала меня против него*.

Следующий пример является фрагментом рассуждения молодой женщины о своих отношениях с родной матерью и мачехой. Узнав во

взрослом возрасте, что является ребенком отца от первого брака, говорящий описывает знакомство с родной матерью. Ср.: *Ол мен үшін жай ғана алыстан келген қонақ секілді/ Она для меня как случайный гость издалека.* Референция осуществляется личным местоимением третьего лица *ол/ она*. В другом высказывании уже используется речевой маркер кода уважения. Ср.: *Жамал апайға қарап отырып кейде ойлаймын, ол кісі өзін ешқашан кінәлі сезінбейтін секілді/ Иногда, глядя на Жамал-апай, я думаю, что она никогда не почувствует себя виноватой.* Говорящий не прощает поступка матери, но объективация кода уважения (*кісі*) ограничивает импликации обвинения или упрёка.

Ср.: *Мен бір үйдің 2-ші келінімін. Бірақ енеммен, қайынбикеммен, абысыныммен жиі келіспей ренжісіп қала беремін. Ол кісілермен қалай түсінісуге болады?/ Я вторая сноха в этой семье. Часто не согласна со свекровью, сестрой мужа и первой снохой. Как с ними договариваться?* В высказывании об отсутствии взаимопонимания лексема *кісілер / уважаемые люди* вводит в контекст содержание об убежденности говорящего в необходимости уважительного отношения. Высказывание имплицитно выражает стремление говорящего к гармоничным отношениям.

Формы обращения к собеседнику указывают на субъективную позицию уважения. Они образованы от лексем-именований родственников. Ср.: *атай /уважительное обращение к пожилому мужчине от ата/ дедушка // ағай, агеке/ уважительное обращение к мужчине от аға/ старший брат // апай, апеке/ уважительное обращение к женщине от ана/ старшая сестра.* Уважительным обращением говорящий выражает признание «старшего» статуса собеседника, его авторитета, благожелательное отношение. Ср.: *Гульмира-апай // Рустам-ағай.*

Код уважения казахского дискурса межличностных отношений может быть объективирован посредством указаний на авторитет человека среди своих родственников. Ср.: *Әкем үйдің үлкені болғаннан кейін барлық іні-қарындастарына қамқор болып, өсіріп жеткізді. Анам болса, оның*

ақылшысы әрі қамқоршысы бола білді/ Поскольку мой отец был старшим в семье, он заботился обо всех своих младших братьях и сестрах, помогал им расти и встать на ноги. А мама была его верным советчиком и опорой (т.е. став взрослым, отец взял на себя ответственность за воспитание и поддержку младших). Говорящий описывает действия, одобряемые традицией. Быть авторитетом для родственников свидетельствует о положительных качествах субъекта. Ср.: Әкемнің әулетіміз алдындағы абыройы да жоғары/ У моего отца высокая репутация перед родственниками (букв.: в нашей династии). В высказывании речевое средство әулет/ династия детализирует степень уважения, которым пользуется отец (его уважают и младшие, и старшие).

Ср.: Жақында ауылда бір туысқанымыз қайтыс болғанда әкем барлық інілерін жинап, жалғыз қалған жеңгемізге елордадан пәтер алып берді. Біздің жанымызда болсын деп, Астанаға әдейілеп алдыртты. Қайын жұртын да ешқашан ұмытпайды/ Недавно, когда в ауле умер наш родственник, отец собрал всех братьев и отдал квартиру в столице овдовевшей жеңге (жена родственника, старшего по возрасту). Ее специально перевезли в Астану, чтобы она была рядом с нами. Он не забывает заботиться даже о ее родных (букв. о роде по линии жены родственника).

1 [Говоря об этом, он сказал р]

Қайын жұртын да ешқашан ұмытпайды. Он не забывает заботиться даже о ее родных

2 [Он не мог сказать об этом так, если бы он не считал, что q необходимо для всех событий, подобных этому].

Он не сказал бы это, если не считал так: *забота отца об овдовевшей родственнице и ее семье свидетельствует о его высоких моральных качествах.*

3 [Он считает, что q необходимо для всех событий, подобных этому. Говоря р, он хочет убедить меня в необходимости q]

Он считает следующее: *подобные поступки всегда вызывают уважение.*

Он хочет убедить собеседника в том, что *правильно преумножать свой авторитет и уважение, не жалеть сил и средств для этого.*

4 [Итак, он имплицитно, что р надо рассматривать с учетом q].

Он имплицитно, что *его отец пользуется большим авторитетом среди родственников. Быть уважаемым родственниками очень значимо для семьи говорящего.*

Говорящий акцентирует, что отца уважает родовая группа овдовевшей женщины (*қайын жұртын/ родственники со стороны матери*). Указание на уважительное отношение родственников по браку одного из братьев отца (2) является манифестацией собственной субъективной позиции на традиции казахской культуры (3) и способом акцентировать статус своей семьи: финансовую состоятельность и право решающего слова (4).

Кодом уважительного отношения к объекту речи становится также указание на участие в традиционных обрядовых действиях. Ср.: *Ата-енемнің үйінде қандай той-тоймалақ, қандай жиын болсын, құдағи болып Әлима мамам келеді/ В дом родителей моего мужа на любой праздник, на любое собрание в качестве сваты приходит мама Алия*. Приглашение мачехи на праздники в качестве *құдағи/ сваты* свидетельствует о почтении со стороны родственников мужа.

Регулярность маркеров кода уважения в казахских высказываниях свидетельствует о значимости данной субъективной позиции для оречевления смыслов о межличностных взаимодействиях.

Интегрированность социокультурного конструкта *родовая группа* в казахский дискурс межличностных отношений прослеживается в регулярно используемых метафорах, ориентированных моделью интерреляции с инвариантом цикла.

4.3.3. Инвариант цикла в социокультурном преломлении

Архетипические образы *огня* и *круга* проецируют в контекст казахских высказываний идею о космогоническом начале рода, а также об обязательных усилиях каждого как условии гармоничного взаимодействия.

Р. Лангакер выделяет в архетипе два уровня содержания: прототип и схему [Langacker 2008: 34]. Прототип формируется на обобщении эмпирических данных в течение длительного времени и представляет набор

представлений о типичном положении дел. Схема не имеет содержания, но охватывает все экземпляры. Схема становится способом быстро устанавливать взаимосвязь элементов новой ситуации согласно типичному положению дел [Langacker 2008: 34-35].

Предположительно, прототипической ситуацией, способствовавшей рационализации метафор *огня* и *круга*, стало представление о группе людей, сплотившихся вокруг источника тепла и пищи [Валиханов 2007; Ибрагимов 2007; Нурдубаева 2022]. Расположение *вокруг* обеспечивает равный доступ всех членов группы к огню и возможность визуального контакта со всеми. Метафорический образ огня в казахской лингвокультуре регулярно востребован в интерпретации гармоничного взаимодействия индивида с другими.

Культурно-специфическая проекция ОТНОШЕНИЯ – ОГОНЬ анализируется в п.п. 3.3.1. Корневая морфема *от/ огонь* входит в состав слов концептуально-тематической сферы «семья». Ср.: *отбасы/ глава огня // отау/ выделившаяся молодая семья, юрта молодых // Оты өшті/ Его семья распалась (букв. его огонь потух). // отын жағу/ создать семью (букв. огонь зажечь)*. Символ огня является частью мифо-ритуальной культуры казахов. В современных семьях существует обычай лить масло в огонь при вхождении молодой жены в дом [Ибрагимов 2007]. Ср.: *Жанып тұрған от өшіп қалмас үшін дер кезінде отын салып отыру керек емес пе?! Сезім де сондай. Сөндірмеңіздер. Сөнген от қайтадан тұтанбауы мүмкін/ Разве не нужно вовремя подкладывать дрова, чтобы огонь не угас? С чувствами так же. Не дайте им угаснуть. Погасший огонь трудно разжечь вновь*. Образ огня ориентирует смыслы о стремлении заботиться друг о друге, решать каждодневные бытовые проблемы семьи.

Образ круга в культуре казахов имеет символическое содержание. Концентрический принцип организации пространства у кочевников прослеживается в форме традиционного жилища (*киіз үй/ юрта*), в культурных символах (*шанырақ/ отверстие в верхней части юрты*), в

иерархии расположения юрт в казахском ауле от первого круга, самого почетного (где стояли белые юрты, принадлежащие старейшинам рода), до пятого, состоящего из хозяйственного пространства [Коянбаева 2011: 30; Нурланова 1994]. Ср.: *Үй болған соң, белбау да керек, желбау да керек/ Чтобы дом стоял, необходимо и белбау, и желбау. Белбау, желбау* названия укреплений, опоясывающих юрту (*белбау* от *бел/ внутренняя сущность, мощь, желбау* от *жел/ ветер*). Высказывание означает пожелание семье противостоять как проблемам внутренним (*белбау*), так и проблемам внешним (*желбау*).

Движение по кругу является частью ритуальной практики. Перед опасной дорогой уезжающий обходил очаг дома с его близкими, далее, двигаясь по спирали, юрту и аул. Возвратившись, он совершал снова круги от большого до малого вокруг своего очага [Желтоксан 1993: 183-184].

Модель интерреляции с инвариантом цикла задает интерпретацию объектов речи в сфере межличностных отношений как циклическое повторение сходных процессов и явлений. Референтная сцена акцентирует вовлеченность множества других участников в событие со-отношение. Событие со-отношения переосмысливается как производное от множества факторов, лишь часть которых подконтрольна непосредственным участникам.

Так, знания о центростремительной силе, возникающей в результате движения по кругу, обуславливают формирование культурно-специфической проекции ОТНОШЕНИЯ – КРУГОВОЕ ДВИЖЕНИЕ. Семантика глаголов *айналдыру/ вертеть, вращать, кружить, айналу/ кружиться, вертеться, вращаться, бөлену/ заворачивать, пеленать* репрезентирует смыслы об устремленности на другого. Ср.: *Айналып кетейін!/ Будь другом! // Әр әйел адамның бақыты алдымен отбасын құру, ана атану, отбасының қуанышына, мейіріміне бөлену/ Для каждой женщины одним из главных источников счастья является создание крепкой семьи, материнство и возможность разделить радость и тепло семейного очага (букв. быть завернутой в радость и счастье). Значение бөлену/ заворачивать во что-то*

репрезентирует участника сцены, окруженного другими. Его эмоциональное состояние является результатом действий и взаимодействий близких людей. Ласковое обращение к младшим образовано также от *айналу/ кружиться*. Ср.: *Айналайын!// Милый (букв. кружусь вокруг тебя)! // Айналым!// Миленький, ненаглядный!*

Семантика движения по кругу интерпретирует поступки участника отношений как действие, запускающее причинно-следственную связь с другими событиями, которые приводят к трансформации состояния всей группы. Ср.: *Өз қызымыздан көретін құрметті, өз қызымыздан күтетін сыйды келінімізден қаласақ, қызымызға сыйлық алғанда келінді де бөле-жармауды әдетке айналдырайық/ Если мы хотим от невестки того уважения и почитания, которые видим от своей дочери, давайте возьмем в привычку (букв. оборотимся, извернемся к том, чтобы делать по-другому) относиться к ним одинаково (букв. не различать их). // Зерттеу нәтижелерін қарым-қатынасты түзеудің басты «құралына» айналдырыңыз/ Сделайте (букв. закружите, оберните) наблюдение главным «средством» улучшить отношения (высказывание о том, что невестке следует подмечать предпочтения и привычки свекрови).*

Использование глагола *айналу/ вертеться, кружиться* в интерпретации смыслов о начале действия вводит в контекст содержание о взаимозависимости событий. Ср.: *Үш тарап үшін де ең көркем амал – отбасындағы татулық пен мамыражайлықты ұстап тұру/ Алайда, бұл мүмкін бола бермейтін жағдайға айналып бара жатқаны ащы шындық. Лучший способ для всех трех сторон – сохранить мир и согласие в семье. Однако горькая правда заключается в том, что порой сделать это невозможно (букв. преобразить, обратить к лучшему состоянию).*

Проявлением социокультурного конструкта *родовая группа* становится метафорический образ идиомы *айрандай ұю/ скваситься как айран*. Референтная сцена высказывания с данной идиомой ориентирована интерреляцией цикла. Белый цвет айрана, кисломолочного напитка,

символизирует благие намерения, чистоту помыслов, добрые поступки [Мусагажинова 2021]. Знания о густом, плотном, свежем напитке и, наоборот, жидком, испорченном позволяют метафорически переосмыслить дружбу, взаимопомощь и конфликты, отсутствие взаимопонимания в семье. Формируется культурно-специфическая проекция ОТНОШЕНИЯ – СГУЩЕНИЕ на основе интерреляции цикла. Ср.: *Арамызда айрандай ұйып отырған отбасылар аз емес/ Среди нас есть много дружных семей (букв. сквашившихся как айран). // Бүгінгі ибалы ұл-қыз тәрбиелеп отырған, айрандай ұйыған үлгілі, өнегелі отбасылар қонаққа келеді/ Сегодня к нам в гости придут высоконравственные (букв. пример сквашившихся как айран) семьи, воспитывающие сыновей и дочерей, пример сплоченных и дружных семей. // айрандай іру/ разлад, быть в ссоре (букв. испортиться как айран).*

Метафорический образ *сүйек/ кость* проецирует в дискурс межличностных отношений знания о наиболее прочной и неразлагающейся части человеческого организма. Переосмыляется устойчивость родственных связей, вневременная ценность родовой группы [Куркебаев 2013: 113]. Ср.: *сүйегі жақын/ кровный родственник (букв. близкая кость) // сүйектес/ родственник по браку детей // сүйек алысу/ сродниться через браки детей (букв. обмениваться костями) // сүйек жаңғырту/ вновь стать сватами (букв. обновить кость) // сүйекке таңба салу/ опозорить всю семью, весь род (букв. на кости клеймо поставить) // сүйек тістеген ит/ плохой зять (букв. собака, кусающая кость) // Сүйегің кім?/ Какого ты рода?*

Регулярность метафорических образов огня, круга, кругового движения, кости, белого айрана обусловлена интегрированностью в дискурс межличностных отношений социокультурного конструкта *родовая группа*. Модель интерреляции с инвариантом цикла служит основным ресурсом введения в контекст высказываний знаний о космогоническом начале рода, его сакральной ценности и необходимости учитывать мнение группы.

4.4. Адаптация моделей интерпретации социокультурным конструктам: сравнительно-сопоставительный анализ высказываний о ревности

Данный раздел работы посвящен сопоставительному анализу французских, русских и казахских высказываний о ревности сквозь призму общекогнитивных и дискурсивных условий *диспозитивности дискурса*, заданных социокультурными конструктами о личности.

Лингвокультурная специфика модели интерпретации проявляется в конфигурации референтных сцен, отображающих событие ревности, а также характеристиках ревнующего человека и особенностях взаимодействия с ним. Социокультурные конструкты о личности, интегрированные в дискурсивные условия интерпретации, оказывают влияние на предпочтение тех или иных моделей интерпретации и предметно-тематическое содержание высказываний.

Материалом для сравнительного анализа французских, русских и казахских высказываний являются фрагменты публицистических текстов-советов психологов, размещенные на интернет-сайтах о межличностных отношениях (см. список сайтов в библиографии). Общая коммуникативная направленность статей – убедить читателя в деструктивном влиянии ревности на отношения и личность партнера. В статьях описываются поступки ревнующего человека и его эмоции. Авторы предлагают способы изменить ситуацию.

В интерпретации смыслов о ревности активируется модель интерпретации. В референтной сцене присутствуют два участника, между которыми есть со-отношение. Анализ высказываний позволил сделать выводы о конфигурациях референтных сцен, типизированных для каждой из названных лингвокультур. Модели сопоставляются с фрагментами знаний, привлекаемыми в контексты высказываний. Изменение состояния ревнующего человека интерпретируется выражениями *sortir de la jalousie*, *избавиться от ревности*, *қызғаныштан құтылу*. Каждое из них репрезентирует определенный ракурс осмысления события о ревности.

Sortir de la jalousie

Значение речевой единицы *sortir de la jalousie* (букв. выйти из ревности) активирует схемы КОНТЕЙНЕР и ДВИЖЕНИЕ ИЗ КОНТЕЙНЕРА. Ср.: *Jalousie malade: comment en sortir/ Болезненная ревность: как из нее выйти. // Jalousie malade: comment la repérer... et s'en sortir !/ Болезненная ревность: как ее распознать ... и справиться с ней (букв. выйти из нее)! // Témoignages : elles sont sorties de la jalousie malade/ Истории очевидцев: они преодолели (букв. вышли из) болезненную ревность. // Jalousie dans le couple, comment en sortir?/ Ревность в паре, как от нее избавиться (букв. выйти из)?* Референтные сцены ориентированы инвариантом движения.

Участник события выделен, указано направление движения. Ср.: *sortir de cet enfermement/ выйти из заточения // sortir de son schéma obsessionnel/ выйти из шаблона своей одержимости // sortir le jaloux de cette relation fusionnelle/ вывести ревнивца из слишком близких отношений.*

Значимым атрибутом референтной сцены являются динамические характеристики. Ср.: *l'accompagner dans ce processus/ сопровождать его (букв. идти рядом) в этом процессе // ne pas s'arrêter aux premières difficultés/ не останавливаться на первых трудностях // La reconnaissance retirée tout au long de votre parcours plutôt que sur l'instant présent/ Благодарность ушла постепенно (букв. на протяжении всего вашего пути), а не только что. // Ce partenaire tient à vous, et ne veut pas vous laisser partir/ Такой партнер вцепился в вас и не хочет вас отпускать (букв. позволить идти). Семантика речевых средств профилирует преодоление преград (*surmonter*), продолжение пути (*accompagner, ne pas s'arrêter*), отдаление (*la reconnaissance retirée*).*

В высказываниях о способах решения проблемы реализуется концептуальная метафора ОТНОШЕНИЯ – ПУТЬ. Описание деструктивных отношений ориентировано проекцией ОТНОШЕНИЯ С РЕВНИВЦЕМ – ОГРАНИЧЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ. Ср.: *prisonnier d'une mauvaise série/ узник плохого сериала // La victime du jaloux finit, enfermée, par ne plus voir personne/ В конечном счете жертва ревнивца остается взаперти, больше не общаясь*

ни к кем.

Смыслы об исправлении ситуации вводит метафорическая проекция УЛУЧШЕНИЕ – НАЧАЛО ПУТИ. Ср.: *Ce sont des données importantes et un excellent **point de départ**/ Это важные предпосылки и отличный способ начать все заново (букв. пункт отправления). (о работе над собой, способ избавиться от ревности) // Réparer un défaut est aussi un aveu que vous aviez un défaut **au départ**/ Исправлять свой изъян – это прежде всего признать, что он у вас есть, для начала (букв. для отправления) // Et, si nécessaire, **trouver** votre propre **voie**/ Если это необходимо, найдите ваш собственный путь (решению расстаться с ревнивцем).*

Метафорическая модель ОТНОШЕНИЯ – СОПОЛОЖЕНИЕ ТЕРРИТОРИЙ ориентирует смыслы о том, как взаимодействовать с ревнивым партнером. Значения с компонентом «расположение в пространстве» позволяют ввести в контекст знание о личной автономии. Ср.: *La jalousie est comme un néon qui indique **les zones** de réelle faiblesse/ Ревность как неоновый прожектор указывает на действительно слабые зоны (личности). // Plutôt que de **faire face à ces sentiments** d'insuffisance et de **les surmonter**, il est plus facile de pointer du doigt quelqu'un d'autre/ Легче тыкать пальцем на другого вместо того, чтобы бороться (букв. противостоять, стать лицом к лицу) с ощущением неполноценности и избавиться от него (букв. преодолеть). // Vous êtes peut-être conscient de votre propre tendance à la paresse ou à **l'évitement de la confrontation**/ Возможно, вы осознаете свою склонность к лени или стремлению избежать конфронтации.*

Концептуальная рамка интерпретации движения предоставляет оречевлению смыслов о ревности схему, которая заполняется знаниями о траекториях и способах перемещения в пространстве. Ср.: *La jalousie s'est accompagnée de l'anxiété de savoir que **j'évite** la vérité/ Ревность сопровождалась (букв. шла вместе с) страхом узнать, будто я закрываю глаза на правду (букв. избегаю правды). // Vous n'êtes pas jaloux parce que quelqu'un vous a fait quelque chose ; vous êtes jaloux parce que **VOUS** vous êtes*

laissé tomber/ Вы ревнуете не потому, что вам кто-то что-то сделал; вы ревнуете, потому что ВЫ себе это делаете (букв. позволяете себе упасть).
 // *Un partenaire qui vous manque vraiment de respect doit être confronté/ Необходимо противостоять партнеру, который не уважает вас.*
 Привлечение ресурсов интерпреляции движения позволяет задать такие параметры со-отношения, как активность участников и наличие личного пространства.

Концептуальные векторы интерпреляции объекта проявляются в интерпретации смыслов о неприемлемости нарушения личного пространства и собственности. Ср.: *Être possessif/ быть собственником // C'est éprouver le besoin de s'approprier l'autre/ Это испытывать потребность кем-то владеть.* // *Une relation normale ne se nourrit pas de possessivité/ Нормальные отношения не подпитываются собственничеством.* Референтные сцены ориентированы схемами ОБЪЕКТ, ВЛАДЕНИЕ ПРЕДМЕТОМ. Ср.: *une peur irraisonnée de vous perdre/ необоснованный страх вас потерять // l'idée que vous leur appartenez/ мысль, что вы им принадлежите // Personne n'appartient à personne!/ Никто никому не принадлежит!* Регулярны речевые средства, в значении которых есть семантические компоненты «собственность», «обладание» (*possessivité, possessif, s'approprier, appartenir*).

Смыслы о последствиях отношений с ревнивцем вводит в контекст проекция ДЕСТРУКТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – ПОГЛОЩЕНИЕ ЕДЫ. Ср.: *Ce sentiment empoisonne/ Это чувство отравляет.* // *Un poison qui ronge le couple/ Яд, который сжирает семью.* // *Mais ce problème était comme le cheveu dans la soupe/ Подобная проблема, как волос в супе.* // *Puis j'ai fini par rompre car notre relation devenait toxique, que ce soit pour ma vie personnelle ou professionnelle/ В конце концов я порвал с этим, так как наши отношения стали отравлять и мою личную и профессиональную жизнь.*

Во французских высказываниях ревность регулярно репрезентирована как местоположение, из которого необходимо выйти, так как оба участника лишены свободы перемещения, у них нет личного пространства. Участники

события стремятся обрести возможность двигаться к своим целям.

Интегрированность социокультурного конструкта *личное пространство* в дискурсивные условия интерпретации смыслов о ревности проявляется также в предметно-тематическом содержании советов. Ревность может быть сопоставлена с психологической зависимостью (*dépendance affective*). Человек, умеющий справиться с ревностью, самодостаточен. Ср.: *Avec une autonomie affective, vous pouvez vous éloigner de cette jalousie malade qui risque de foutre en l'air votre couple et votre vie/ Имея эмоциональную автономию, вы сможете справиться (букв. отдалиться) с болезненной ревностью, которая испоганит и вашу семью, и вашу жизнь.*

Межличностные или семейные отношения сравниваются с деловыми. Ср.: *Ma dernière copine était une femme extrêmement jalouse, malgré tous mes efforts pour la rassurer quant à mon engagement profond concernant notre relation/ Моя бывшая была женщиной чрезвычайно ревливой, несмотря на все усилия, что я делал, чтобы убедить ее в моем огромном желании быть с ней (букв. в моих принятых обязательствах по поводу наших отношений).* Авторы статей предлагают представить, насколько зависть к успехам коллег вредит человеку, который не может сосредоточиться на своих целях (*cette haine de la réussite/ эта ненависть к успеху*). Акцентируется, что ревность к другому является признаком плохого отношения к себе.

Событие *избавиться от ревности*

Значение речевого средства *избавиться от ревности* активирует схемы ОБЪЕКТ, ВЛАДЕНИЕ ПРЕДМЕТОМ. Семантика глагола *избавиться* профилирует компоненты обременения (ср. *оставить, потерять, забыть*).

Высказывания о взаимоотношениях с ревнивцем ориентированы концептуальной метафорой ОТНОШЕНИЯ – ОБЪЕКТ. Ср.: *страх потерять // страх найти* новый объект обожания // Человек испытывает *дефицит* внимания и ласки. // ... не *получить* того, в чем он *нуждается*. // Это *страх быть брошенным*. Глагольные лексемы обозначают действие, производимое над объектом.

Состояние партнеров переосмысливается в метафорических образах, реализующих схему СВЯЗЬ. Ср.: *испытывать болезненную **привязанность** // Отношения превратились в **тяжелые оковы**, которые хочется скинуть. // держать своего партнера на **эмоциональном поводке**.*

Русские высказывания о стремлении к гармоничным отношениям соотносятся с референтными сценами, ориентированными интерреляцией объекта. Ср.: *Этот **капитал** – вещь слишком **ценная**. // совместный «любовный **капитал**» // Ваши отношения не так просто **обменять** на что-то еще. // **Избавьте** своего партнера от лишних поводов. // **добавить** эмоций // Вы увидите, Вас **есть за что** полюбить.*

Высказывания о гармоничных и плохих отношениях различаются качеством и степенью интенсивности эмоций. Негативные контексты создаются значениями лексем *страх, беспокойство, угроза, переживания* в сочетании с атрибутами *сильный, неосозанный, изматывающий, опустошающий, буквально разрушающий*.

Деструктивное влияние ревности на отношения переосмысливается в образах уничтожения объекта, потери его функциональности. Ср.: ***уничтожить** отношения // **убить** любовь // **убить** доверие // **разрушить** отношения. В референтных сценах детализированы характеристики, указывающие на свойства предмета. Ср.: *Не надо **держат** его на **коротком поводке**. // Постоянные ссоры **препятствуют** **укреплению** привязанности.**

В интерпретации смыслов о неприемлемости ревности в гармоничных отношениях востребованы речевые средства с семантикой чрезмерности, крайней степени. Ср.: ***чрезмерное** чувство собственности // **абсолютный** контроль // **тотальный** контроль // **безграничное** право на обладание // **сильно** отравляет // **остро** чувствуем. Регулярны указания на меру, количество, степень. Ср.: *Дайте ему **минимум** свободы. // **Ослабьте** поводья. // не загонять под **жесткий** контроль // Не надо его **постоянно** контролировать.**

Высказывания о плохих отношениях, в которых объективируется

метафорическая проекция ОТНОШЕНИЯ – ПОГЛОЩЕНИЕ ЕДЫ, также содержат компоненты чрезмерности. Ср.: *Ревность – это приправа, при **чрезмерном употреблении** данной специи блюдо никто есть не будет.*

В референтных сценах события со-отношения профилируются статические характеристики участников. Интерпретация ориентирована схемами ОБЪЕКТ, ВЛАДЕНИЕ ОБЪЕКТОМ. Смыслы о гармоничных отношениях активируют метафору ОТНОШЕНИЯ – СВЯЗЬ. Участники отношений стремятся сохранить, укрепить общий объект или поменять его на другой. Ср.: *укрепить эмоциональную **связь** // Пусть страх ревности **заменит** другой: своими истериками вы **потеряете** человека, который вам **дорог**. // Успокойтесь, это **принадлежит** вам, и точка.*

В системе ресурсов интерреляции объекта формируется следующее представление о ревности: участники события имеют общий предмет плохого качества, владение им ухудшает эмоциональное состояние обоих. Значимыми атрибутами референтных сцен являются свойства общего предмета, способы манипуляции с ним. Улучшение отношений предполагает обретение участниками эмоционального комфорта через переоценку, замену того, чем они владеют.

Социокультурный конструкт *общность* проявляется в предметно-тематическом содержании советов. Ревность сравнивается с детскими страхами (одиночество). Авторы статей призывают сосредоточиться на том, что объединяет партнеров. Ср.: *Если в паре **надежная, безопасная связь**, ревнующий человек может открыто сказать о своих чувствах. // Как сделать, чтобы я **чувствовал себя в безопасности**. // Спокойно скажите ему **о своих ощущениях и страхах**. Межличностные отношения сравниваются с детскими желаниями, соперничеством с братьями, сестрами, с привязанностью детей к матери.*

Событие қызғаныштан құтылу

Казахские высказывания о ревности формируются на основе модели интерреляции цикла. Акцентируется закономерность взаимодействия

индивида со всеми, кто его окружает.

Смысл выражения *қызғаныштан құтылу* генерируется на основе метафорической проекции УЛУЧШЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ – ПЕРЕРОЖДЕНИЕ, которая, в свою очередь, входит в концептуальную метафору ОТНОШЕНИЯ – ПРИРОДНЫЙ ПРОЦЕСС. Корневая морфема *құт* имеет семантический компонент «хорошее состояние субъекта после изменения», т. е. *құтылу* имеет семантический компонент «сделать так, чтобы стало лучше». В древнетюркском словаре приводятся следующие значения *qutul* : 1) спастись, освободиться; 2) родить [Древнетюркский 1969: 474]. О значении существительного *qut* упоминалось на стр. 273 данной работы. Анализ использования глагола *құтылу* в речи позволяет выделить следующие семантические компоненты: 1) избавиться, отвязаться, освободиться от чего-то дурного или плохого, например, от *болезни*, от *неприятных людей*; 2) отделаться, отвязаться от какого-либо обременения. Ср.: *Закончили трудное дело – мы говорим құтылдым. // Құдайға шүкір, бүкіл қарыздан құтылдым! / Слава Богу, избавился от всех долгов! // Бәрінен бұрын 40 күндік міндетімнен құтылдым. Енді қыдырамын! / От 40-дневного дежурства я избавился. Теперь пойду гулять! (высказывание молодого отца; речь идет о казахской традиции, по обычаю родители самостоятельно заботятся о новорожденном в течении сорока дней, чтобы оградить его от «сглаза» и болезней и т. д.. По истечении срока малыша показывают родственникам, и помощь близких становится возможной).*

Синонимом выражения *қызғаныштан құтылу* является *қызғаныштан арылу/ очиститься, вылечить от ревности*. Значение глагола *арылу* имеет семантический компонент «изменение живого организма».

Ревность в казахских высказываниях чаще описывается в терминах природных состояний и жизненных процессов. Ср.: *қызғаныш тудырған/ Зародившаяся ревность // Қызғаныш – махаббатпен бірге туады, алайда, махаббатпен бірге өлмейді/ Ревность – с любовью вместе рождается, но с любовью вместе не умирает. // ... баласы өзі толыққанды өмір сүре алмайды*

және басқаға да өмір сүруге кедергі **тудырады**/ ... не дают жить полной жизнью своим детям, осложняют жизнь окружающим (букв. всем трудности порождают, речь идет о поведении ревностной матери). // **Қызғанишақ** адамдар – жағымсыз **энергияның иелері**/ Ревнующие люди – владельцы отрицательной энергии. // **Қызғаныш** не береді? Ол тек жағымсыз толқу және көңілсіздікпен **үндеседі**/ Что дает ревность? Она сопровождается (букв. перекликается от үн/голос, үндес/созвучие) только с негативным волнением и разочарованием.

В казахских высказываниях чаще описывается деструктивное действие ревности на внутреннее состояние ревнующего. Ревность переосмыслиется в образах живой сущности, которой субъект позволил оказаться внутри себя. Ср.: ... **беріксіздігінен туындауы**/ ... рождается от непрочности характера. // **Құрттар жүректеріне ұя салады**/ В сердце черви гнездо свили. Метафорические образы переосмысливают ее как нечто, вытесняющее изнутри человека все хорошее. Ср.: **Тыныштығыңызды кетіріп жатыр**/ Ваш покой уходит. // **Қызғанишақтық – сыртқа шықпай қоймайтын ішкі былық**/ Ревность - не выйдя наружу, внутри делает хаос. // ... адамның **жанын** жегідей жеген/ ... разъедающая душу.

Содержание высказываний описывает саморазрушение субъекта. Ср.: **Бір кездегі денелі, салмақты жас жігіт, енді күжіреген, қас-қабағы түнерген, ашулы кісіге айналады десе**/ Трудно поверить, что некогда солидный, статный молодой человек превратился в сгорбленного, вечно недовольного и злого человека. Образы «плохих» существ интерпретируют смыслы о пагубности процессов. Ср.: **ішінен бір қара мысығы тырмайлап тұратын**/ Внутри какая-то черная кошка царапает. // **құрт ауру**/ червивая болезнь // **жанды жаулап алатын құрттар**/ завоевавшие душу черви.

Ресурсы интерреляции цикла позволяют ввести в контекст содержание о процессах, развитие которых не зависит от субъекта. Ср.: **Оқиға суынған соң бәрі анықталады**/ После того, как все успокоится (букв. охладится), все выяснится (т. е. ситуация прояснится сама по себе). // **Арты жанжалға**

ұласпауын қатты қадағалаңыз/ Следите, чтобы разговор не перерос в конфликт. // Қызғаныш – өте күшті сезім. Ол **бақылау мен қадағалауға илікпейді**. Оны **құрықтау** қиын/ Ревность – очень сильное чувство. За ним не уследишь, контролю не подчиняется. Обуздать его трудно. (Құрық шест с арканом для ловли пасущихся лошадей, құрықтау набрасывать укрюк, удерживать).

Референтные сцены высказываний-советов, как избавиться от ревности, ориентированы схемой ЦИКЛИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ. Ср.: *Жаңа іспен айналысуды бастап...*/ Новым делом начав увлекаться (от айналысу/ совместно вертеться, кружиться)... // *Бастысы – өзіңізге деген құрметтің жоғалып кетпегені*/ Главное – не теряйте уважение к себе (букв. не превращайте в ничто уважение, от жоғалу/ превратиться в ничто). // *Жақсы жақтарын өзіңізде ұлғайтыңыз*/ Преумножайте свои хорошие стороны (от ұлғаю/ разрастание). Чтобы излечиться от ревности, необходимо переродиться, изменить себя, свои мысли, т. е. изменить свое внутренне состояние. Ср.: *Ойыңызбен жамандық шақырмай, тек жақсы тұстарды ойлаңыз*/ Плохие мысли не зови, только о хороших моментах думай // *Ойға алған нәрсеңіздің жүзеге асатынын білетін боларсыз?*/ Вы знаете, что все, что вы думаете, будет реализовываться? (жүзе асу претворять в жизнь) // ... деп неге *ойламасқа?*/ ... а так почему не подумаешь?

Существительное *қызғаныш/ ревность* регулярно используется с притяжательными окончаниями, указывающими на говорящего (у имени существительного в казахском языке есть категория притяжательности, которая позволяет в одном слове выражать предмет обладания и лицо обладателя). Ср.: *Қызғанышыңыздың себебін табыңыз*/ Найдите причину вашей ревности. // *Қызғанышыңыз қиялыңызды шарықтатып...*/ Ваша ревность будоражит ваше воображение.... Фокусом внимания выделена принадлежность негативного чувства субъекту. Контекст имплицитно личную ответственность индивида за конфликтные ситуации в семье и их

последствия.

Концептуальная рамка интерреляции цикла задает следующий ракурс интерпретации: внутреннее саморазрушение индивида влечет негативное состояние других. Невозможность контроля над своим состоянием приводит к отсутствию хороших чувств к другим. Значимым атрибутом референтных сцен является интегрированность участника во взаимодействие с группой, взаимозависимость внутренних процессов индивида и социальных отношений.

Социокультурный конструкт *родовая группа* обуславливает акцентирование устремленности субъекта на других. Ср.: *«Кең болсаң, кем болмайсың» дейді дала даналығы/ «Будь открытым, щедрым, тогда не будешь хуже других», – говорит степная мудрость (букв. широким будешь, меньше не станешь, т. е. бойся стать закрытым от людей).* Поведение ревнующего связывается с состоянием всей семьи, которой вредят его недостойные мысли.

В высказывании ревность может быть представлена следствием плохих качеств индивида. Ср.: *Тек «мен» деп өскен адам жақын адамын басқалармен бөліскісі келмегенде туатын сезім/ Это чувство зарождается, когда человек, выросший с убеждением «только Я», не хочет делить своего близкого человека с другими.* Лексема *бөліскісі* состоит из *бөліс/* деление на части и *кісі/* уважаемый человек. В контексте возникает скрипт координативного действия: «делить с другим» является действием, преумножающим благополучие группы.

В казахских высказываниях ревность сравнивается с *көре алмаушылық/ завистливость* (букв. неспособность видеть хорошее у других). Значение *көре алмаушылық* имеет сильную негативную коннотацию. В референтной сцене высвечено отсутствие ответного действия (например: похвалы, поздравления) на нечто хорошее, что случилось с другим. Ср.: *Ну, это, например, на работе премию тебе дали, все рады, поздравляют, говорят, молодец, а кто-то – так, через силу, и даже не поздравит ... Вот тогда говорят, көре алмаушылық.*

Синонимом *көре алмаушылық/ завистливость* является выражение *iші тар/ человек, внутри которого тесно от плохих чувств*. Чувство ревности сравнивается с плохим ответным действием, осуждаемым культурной группой. Ревнующий причиняет вред не только себе, но и окружающим: его эмоциональное переживание нарушает закономерность социальных процессов.

Сравнительно-сопоставительный анализ французских, русских и казахских высказываний о ревности свидетельствует о конгруэнтности интерпретации смыслов социокультурным конструктам о личности. Концептуальные векторы инварианта движения проявляются во французских высказываниях, контексты которых адаптируются к конструкту *личное пространство*. Модель интерреляции объекта ориентируют интерпретацию смыслов о ревности в русских высказываниях и являются ресурсом реализации познавательных координат конструкта *общность*. Контексты казахских высказываний о ревности адаптированы к социокультурному конструкту *родовая группа* за счет ресурсов интерреляции цикла.

Выводы по четвертой главе

Диспозитивность дискурсивных условий интерпретации межличностных отношений проявляется в описании лингвокультурной специфики моделей интерреляции и социокультурных конструктов о личности.

В дискурсивных взаимодействиях социальные феномены возникают, модифицируются, обретают комплекс представлений. В коммуникативной ситуации часть знаний об объекте речи остается неэксплицированной, поскольку оказывается общеизвестной для говорящих. Модели и средства интерпретации складываются вместе с сегментами знаний, соотносимыми с социальными идеями. Предопределенность активации модели интерреляции в высказываниях о межличностных отношениях обусловлена социокультурным

конструктом о личности, специфичным для каждой из лингвокультур. Анализ речевого материала свидетельствует о том, что доминирование модели с тем или иным инвариантом в основе зависит от релевантности контексту высказывания знаний, аккумулированных в социокультурном конструкте.

Проведенный на основе инференции анализ позволяет констатировать наличие трех социокультурных конструктов, интегрированных в высказывания о межличностных отношениях: 1) *личное пространство* во французских высказываниях; 2) *общность* — в русских высказываниях; 3) *родовая группа* — в высказываниях на казахском языке. Установлено, что сложившееся в каждой лингвокультуре ценностное отношение к тем или иным аспектам межличностного взаимодействия закреплено в виде скриптов и кодов субъективной позиции, что предопределяет качество референтных сцен и выбор речевого средства интерпретации.

В высказываниях на французском языке невербализованные причинно-следственные связи устанавливаются на основе скриптов *согласованного действия*, *личной автономии* и *рационального действия*. В пределах проанализированных речевых произведений реализуется *код свободного выбора*. Он позволяет говорящему заявить свою убежденность в ценности свобод и норм права, ввести в контекст смыслы о личной ответственности каждого партнера, ограничить интерпретацию неприемлемостью давления на субъекта. Определено, что образы морского путешествия проецируют в сферу межличностных взаимодействий опыт обособленности, неприкосновенности границ, знания о траекториях пути и преодолении препятствий. Интерреляция движения является ресурсом интерпретации объектов речи в ракурсе ценностного отношения к уникальности личности и ее самодостаточности.

Социокультурный конструкт *общность* определяет когнитивно-ценностные характеристики русских высказываний о межличностных отношениях. К ним относятся приоритет общих интересов над индивидуальными, нивелирование личных границ партнеров, а также внимание к эмоциональным состояниям участников взаимоотношений.

Регулярную объективацию в контекстах высказываний получают *скрипты сопричастности, созависимости, единения*. Ценность эмоциональной общности взаимодействующих субъектов формирует соответствующий код субъективной позиции. В русском дискурсе межличностных отношений допустимы гиперболизация эмоций, указания на подчинение внешнему давлению. Маркеры кода эмоциональной общности имплицитно заинтересованность, решимость, готовность партнеров к действию, его сложность. Метафора связи проецирует в контекст высказываний о взаимоотношениях опыт удержания и взаимозависимости субъектов. Интерреляция объекта выступает ресурсом интерпретации объектов речи сферы межличностных взаимодействий.

Социокультурный конструкт *родовая группа* является когнитивно-ценностной опорой казахских высказываний о межличностных отношениях. Общее знание, определяющее содержание рассматриваемого типа высказываний в казахской лингвокультуре, складывается вместе с социокультурными идеями о космогоническом начале рода, его вневременной ценности. Оречевление смыслов о межличностном общении выстраивается на знаниях о благополучии рода, его сакральности, одобрении и возможном осуждении. Инференциально выводятся скрипты *ориентированности на группу и на традицию*, а также скрипт *координативного действия*. Непреходящая ценность родовой группы и ее традиций фиксируется кодом *уважения*. Специальные формы обращения и лексические средства позволяют говорящему манифестировать субъективную позицию уважительного отношения, исключить импликацию осуждения или пренебрежения. Интерреляция цикла является ресурсом интерпретации объектов речи в ракурсе ценностного отношения к членам родовой группы.

Сопоставительный анализ французских, русских и казахских высказываний о ревности демонстрирует, что интерпретация смыслов о проблемах отношений с ревнивцем адаптируется социокультурным конструктам, релевантным для каждой лингвокультуры.

Во французских высказываниях ревность регулярно репрезентирована как местоположение, из которого необходимо выйти. Привлечение ресурсов интерреляции движения позволяет задать такие параметры со-отношения, как самодостаточность, активность участников, наличие личного пространства. В русских высказываниях доминирует модель интерреляции объекта. Ревность представляется предметом плохого качества, владение им ухудшает эмоциональное состояние участников отношений. Улучшение предполагает обретение участниками эмоционального комфорта через переоценку / замену того, чем они владеют. Ресурсы интерреляции цикла позволяют ввести в контекст высказываний на казахском языке содержание о внутренних переживаниях, которые влекут негативное состояние других. Ревность сравнима с плохим действием по отношению к другим.

ГЛАВА 5. ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ МОДЕЛЕЙ ИНТЕРРЕЛЯЦИИ

Анализ лингвокультурной специфики моделей интерреляции в дискурсе межличностных отношений оставляет открытым вопрос об отражении этих особенностей в языковом сознании носителей языка. Возникшая проблема выводит на первый план психолингвистический аспект исследования.

В данной главе модели интерреляции исследуются как единицы языкового сознания. Психолингвистический аспект выбора модели интерпретации анализируется на основе исследования средств референции к объектам сферы межличностных отношений в производстве высказываний и интерпретации речевых знаков иной лингвокультуры. Экспериментальное исследование включает два этапа. На первом этапе производится *неструктурированный опрос* с русскими и казахскими респондентами, на втором – применяется *методика переводческого эксперимента* с представителями разной языковой среды (русскоязычной и франкоязычной).

Общей целью является подтверждение или опровержение гипотезы об изоморфизме (или общности, отраженной в структурных свойствах) лингвокультуры – моделей интерреляции – дискурса. Предпринятый анализ призван доказать, что **конгруэнтность референтных сцен лингвокультуре обеспечивается дискурсивными условиями диспозитивности.**

Экспериментальная работа проводилась автором самостоятельно, а также в рамках магистерских проектов в период 2015-2022 гг. Основные результаты были обнародованы в виде публикаций [Монгилева 2017г, 2018, 2019, 2022].

5.1. Влияние лингвокультуры на организацию референтных сцен

Лингвокультура интегрируется в речемыслительную деятельность индивида посредством общего для ее представителей знания. Для членов

социо- и лингвокультурного сообщества она существует как регулярно повторяющаяся закономерность [Lewis 1969: 76-78] и условие «нормального протекания дискурсивной деятельности» [Кубрякова 2008: 31].

В репрезентации межличностных отношений выбор модели интерпретации неизменно обуславливается лингвокультурой. Лингвокультурная специфика моделей интерреляции отражается в метафорических проекциях и регулярных метафорах, скриптах дискурса объекта, элементах дискурсивного кода, т. е. в целом ряде явлений, воспроизводимых во французских, русских и казахских высказываниях о межличностных отношениях.

Высказывание, являясь продуктом речемыслительной деятельности, воплощает личное «видение» объекта речи, обусловленное языковым опытом. Проводимая на данном этапе экспериментальная работа призвана раскрыть *конгруэнтность индивидуальной интерпретации лингвокультурной специфике модели интерреляции.*

5.1.1. Методика психолингвистического исследования интерреляции в высказываниях о семье

Эффективность экспериментального исследования языкового сознания подтверждается многими трудами и концепциями (В. П. Беянин, А. А. Леонтьев, Л. В. Сахарный, А. М. Шахнарович, Н. М. Юрьева и др.). Общей особенностью метода психолингвистического эксперимента является целенаправленная активизация лингвокогнитивного феномена у испытуемых с целью наблюдения и глубокого его познания [Беянин 2023; Глухов 2005: 294]. Испытуемый ставится в ситуацию «управляемого выбора» [Леонтьев 2005]. Экспериментатор оставляет неизменными все факторы, влияющие на выбор и решение испытуемого в данной ситуации, кроме предмета исследования. Остальные обстоятельства не учитываются, но продолжают действовать.

Для выработки методики исследования интерреляции в языковом сознании представителей разных лингвокультур были изучены положения и требования к организации психолингвистических экспериментов в трудах ведущих российских психолингвистов (А. А. Залевская, Л. В. Сахарный, Н. В. Уфимцева, Р. М. Фрумкина), а также научные традиции применения методов межкультурных исследований (З. И. Комарова, О. А. Леонтович).

Методика неструктурированного опроса продолжает традиции антропометрических методов в лингвистике [Стернин 2008], позволяющих получить фактические образцы спонтанных, развернутых высказываний. Виды опросов (структурированные и неструктурированные) различаются в зависимости от вопроса – закрытого, открытого и «полузакрытого типов» [Леонтович 2011]. Неструктурированный опрос предполагает вопросы открытого типа. Их достоинства: отсутствие подсказок для респондентов, возможность получить детализированную информацию и расширить классификацию ответов постфактум, исходя из особенностей ответов [Леонтович 2011: 59].

Обращение к самим носителям языка посредством открытого вопроса позволяет получить лингвистический материал, ценным преимуществом которого является языковая раскованность и разговорная речь. Подобные приемы используются в фокусированном интервью [Мертон 1991; Никандров 2002] и нарративном интервью [Лапшина 2008].

Неструктурированный опрос «запускает» неформальный диалог с респондентами, максимально приближенный к реальным условиям коммуникации [Леонтович 2011: 57]. Специально разработанное обращение к респонденту стимулирует неподготовленную речь, концентрацию на субъективном опыте рассказчика. Испытуемые самостоятельно определяют наиболее значимые для себя аспекты ситуации и затем последовательно развивают свои ответы. Ответ непосредственно и является результатом, анализ которого приводит к обобщениям и выводам [Стернин 2008]. Эффективность этого вида опросов зависит также от умения

экспериментатора, не влияя на содержание ответа, демонстрировать активную заинтересованность в коммуникации.

Целью проводимого в диссертации неструктурированного опроса является установление корреляций между моделями референции к объектам сферы межличностных отношений и лингвокультурой респондентов.

Специальным заданием, стимулирующим свободный ответ респондента, стала просьба *Расскажите о своей семье*.

Рассказ о семье активизирует знания, соотносимые с опытом сферы межличностных взаимодействий: семейные отношения – неотъемлемая часть взаимоотношений. Задание активирует сферу личного опыта респондента и одновременно сферу универсальных общекультурных ценностей.

Формулировка максимально приближена к вопросам открытого типа, нацеливает на стимулирование свободных ассоциаций испытуемого. Представляя семейную группу в целом, испытуемый сам определяет содержание ответа. Другие возможные формы задания в виде вопроса (*Что бы Вы могли /хотели рассказать о своей семье? Как бы вы охарактеризовали свою семью? Какие у Вас отношения в семье? Что для Вас значит семья?*) профилируют один из аспектов семейных отношений, а также могут стать поводом для отказа от участия и т. д.

Параметры анализа результатов

Называя своих родных, описывая состав семьи, рассуждая о семейных отношениях, респондент осуществляет референцию к объектам семейной сферы. Конструируется смысловой уровень представления – модели, которые соотносятся с референтами (людьми, ситуациями, событиями, положением дел и т. д.) и с лингвистическими средствами референции [Йокояма 2000; Падучева 1985; Постникова 2000].

Референция к объектам внеязыковой действительности индивидуализирует их на основе фоновых знаний говорящего и контекста коммуникативной ситуации [Постникова 2000]. Однако истинностное значение языковых средств в высказывании и указания на связь референтного

объекта с тем речевым актом, в котором о нем идет речь, не тождественны [Падучева 1985: 9-10]. Любое высказывание, произнесенное в речевом акте, имеет центр внутренней референции [Падучева 1985: 41]. Рассказывая о других, говорящий задает в концептуальном содержании высказывания своеобразное *origo*, под которым понимается точка отсчета пространства, времени или субъекта, их воспринимающих [Бюлер 1993: 116; Падучева 1993].

Ситуация неструктурированного опроса *Рассказать о своей семье* провоцирует респондента порождать высказывание, которое, в терминах Е. В. Падучевой, самоверифицировано, т. е. истинно по факту произнесения [Падучева 1985: 20]. В описании своей семьи дейксис семантики целиком предопределяется говорящим, и *origo* высказывания и *Я-центр* совпадают. Ср.: *Папа у нас очень добрый. // У моих родителей много братьев и сестер родных.*

В смоделированной ситуации мы получаем речевые примеры экстенциональной референции к родственникам респондента (*папа, у родителей*). Речевые средства, используемые для номинации референтных объектов *папа, родители*, указывают на говорящего по факту произнесения. Ср.: *Папа очень добрый // У родителей много братьев ...* «Лишние» элементы также являются операторами референции. Но они порождают различные модальности высказывания [Падучева 1985: 10]. Говорящий убежден, что во фразе *мы все очень дружны* сочетание форм *мы все* лучше удовлетворяет условия коммуникативной ситуации и точнее описывает объект речи, чем *все очень дружны* или *мы очень дружны*.

По нашему мнению, в высказываниях о семье избыточными речевыми средствами осуществляется интенциональная референция. Говорящий использует отсылку на себя при номинации родственника: в контекст вводится событие со-отношения между двумя объектами референции. Референтным объектом является со-отношение. Ср.: *мой папа // мой младший брат // мы с мамой (вместо я и мама).*

Когнитивные исследования механизмов референции [Кибрик 2003,

2004] доказывают, что чем сильнее выделен референтный объект для говорящего (своими свойствами или дискурсивным контекстом), тем более редуцировано средство референции: местоимения, предлоги и даже нулевые формы. Это объясняется статусом референта в рабочей памяти говорящего [Кибрик 2003], направленностью «фокуса эмпатии» [Падучева 1985: 115; Kuno 1976]. Вероятно, поэтому исследование референции в естественном языке неизбежно обращается к местоимениям и местоименным элементам [Падучева 1985: 10].

Ценностное отношение респондента к близким обеспечивает максимальную активацию референтов в неструктурированном опросе *Расскажите о своей семье*. Описывая отношения между членами семейной группы, респондент конструирует следующие референтные сцены:

- 1) соотносит себя и другого члена семьи;
- 2) соотносит членов семьи между собой в составе семейной группы;
- 3) приписывает атрибуты со-отношения.

Каждая из референтных сцен реализует модель интерреляции с одним из инвариантов в основе.

В качестве **речевых маркеров интерреляции** в рассказе о семье мы выделяем местоименные формы и их сочетания с предлогами. Значение речевых маркеров указывает на модель, ориентирующую «локальное» соотнесение двух и более референтных объектов. Так, в высказывании *Мой папа уже на пенсии* семантика притяжательного местоимения *мой* отсылает к схеме ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ в соотнесении говорящего и объекта референции, номинированного *папа*. Ср.: *мама у меня* (схема ВЛАДЕНИЕ) // *наша семья* (схема ОБЪЕДИНЕНИЕ) // *каждый из нас* (схемы ЦЕНТР, ПЕРИФЕРИЯ).

Образная схема, активируемая семантикой речевого маркера, высвечивает один из участков референтной сцены в репрезентации семейной группы. В ответах мы имеем возможность наблюдать модели интерреляции, позволяющие профилировать сразу несколько референтов на фоне группы

(*мама нас с братом воспитала одна*), устанавливать границы семейной группы (*собираемся все вместе*), акцентировать принадлежность к Я-центру (*мой папа бизнесмен*) и другие.

Единицей анализа в корпусе полученного речевого материала является относительно самостоятельный речевой отрезок, сопоставимый с предложением, в котором наблюдается событие со-отношение между одним и более референтами. **Предметом анализа** являются модели интерреляции, аналитически восстановленные на основе семантики речевых маркеров.

В постановке дальнейших целей и задач анализа наши рассуждения исходят из того, что рассказ о семье в ситуации неструктурированного опроса – это частное коммуникативное событие, которое несвободно от языкового опыта респондента, регулярных явлений дискурса межличностных отношений как дискурса объекта. Следовательно, высказывания о близких и семье испытуемых могут быть материалом исследования лингвокультурной специфики моделей интерреляции.

Эксплицитная часть высказывания является центральным элементом общего когнитивного множества, обладающего информационной ценностью [Йокояма 2005: 27-30]. Говорящий осуществляет референцию к тому, что, по его мнению, находится в фокусе внимания собеседника [Кибрик 1987: 79-81]. Респондент убежден, что содержание и форма высказывания точно указывает на объект референции, выделяя в общем поле зрения необходимые аспекты смысла.

Выбор модели интерпретации, реализующей тот или иной инвариант, происходит в общекогнитивных условиях диспозитивности. Концептуальные векторы инварианта определяют качественные характеристики референтной сцены. Поэтому, например, значения речевых средств *мы*, *мой*, которые отсылают к схемам ОБЪЕДИНЕНИЕ, ВЛАДЕНИЕ, указывают на активацию интерреляции объекта.

В ситуации опроса испытуемый активирует способы, усвоенные им в прежних речевых взаимодействиях в своей лингвокультурной среде. Поэтому

в высказываниях о семье у представителей разных лингвокультур варьирование инвариантами интерреляции может быть различным.

Гипотезой экспериментальной работы является предположение о том, что высказывания о семье казахско-русских билингвов на русском языке будут иметь отличия от высказываний русских респондентов, обусловленные диспозитивностью дискурсов межличностных отношений в русской и казахской лингвокультурах.

С учетом вышесказанного изложим основные параметры психолингвистического исследования интерреляции в двух лингвокультурах при помощи неструктурированного опроса.

Отбор испытуемых

Участники неструктурированного опроса отбирались среди студентов и магистрантов гуманитарных специальностей Костанайского регионального университета. Тем самым достигается единообразие ряда важных для психолингвистических экспериментов факторов:

- возраст испытуемых – 18-25 лет;
- социальное положение – обучающиеся;
- место проживания – Костанайская область и город Костанай;
- гендерные характеристики – не учитывались;
- сфера профессиональных интересов – будущие филологи и переводчики. Область профессиональной деятельности респондентов предполагает навыки излагать свои мысли на родном и иностранном языках.

Первым критерием формирования двух экспериментальных групп из русских респондентов и казахско-русских билингвов является язык обучения испытуемых и их этническая принадлежность.

Термином *родной язык* означает язык, усваиваемый неосознанно в раннем детстве вместе со становлением речевой деятельности без специального обучения (В. И. Беликов, Л. П. Крысин). В русле функционального подхода актуальным является выделение основного или первого языка: язык, на котором легче, проще и быстрее человек мыслит и

выражает свои мысли в устной и письменной форме (Н. Б. Вахтин, Е. В. Головкин, М. В. Дьячков). Языковая ситуация Костаная и Костанайской области как части региона Северного Казахстана характеризуется массовым казахско-русским и русско-казахским билингвизмом [Сулейменова 2005; Mongilyova 2015]. Социолингвистическое исследование языковой ситуации в Костанайском регионе [Mongilyova 2015] показало, что этнические казахи, даже при слабом владении казахским языком, часто указывают его как родной. Для русско-казахских билингвов такой выбор отражает осознание своей этнической принадлежности. В процессе обучения язык приобретает доминирующее положение в распределении языковых функций, выступая основным инструментом формирования знаний и освоения профессиональных компетенций. Соответственно, у респондентов с казахским языком обучения основным языком профессиональной и бытовой коммуникации является казахский. С другой стороны, этнический казах, знающий только русский язык и обучающийся в русской группе в казахстанском вузе, не лишен казахской лингвокультурной среды: он общается со старшими родственниками, участвует в традиционных праздниках, у него казахскоязычные друзья, он пользуется казахскоязычными СМИ и т. д. [Mongilyova 2015]. Необходимость учета этнической принадлежности респондента вызвана стремлением сопоставить ответы представителей двух лингвокультур.

В экспериментальной работе опрашиваются этнические казахи из учебных групп с казахским языком обучения и этнические русские из учебных групп с русским языком обучения.

Отношения в семье как тема интервью предопределяет *второй критерий отбора* испытуемых — семейное положение. К опросу привлекаются студенты и магистранты, проживающие вместе с родителями, не имеющие собственной семьи и детей. Таким образом, создается экспериментальная коммуникативная ситуация, в которой испытуемый, продуцируя высказывание, представляет себя частью группы, укладу и

традициям которой он подчинен в силу возраста, финансовой несамостоятельности, совместного быта.

Процедура проведения

Неструктурированный опрос проводится в индивидуальном общении, в доверительной дружеской атмосфере. Эксперимент предваряется приглашением принять участие в лингвистическом исследовании, уточнением языка обучения и семейного положения. Ведущий предупреждает о записи ответа и формулирует задание *Расскажите о своей семье*. Поведение ведущего регламентируется следующим образом: запрещаются уточняющие вопросы, разрешается мимика и движение головы для демонстрации заинтересованности и поощрения к свободному повествованию. Допускаются одна-две поощрительные реплики *А еще что можно добавить? Еще что-нибудь расскажите*.

Затем диктофонные записи транскрибируются. В транскрипциях не применяется техника записи устной речи, так как просодия высказывания не входит в задачи исследования. Транскрипции разделяются на фрагменты, соотносимые по структуре с предложением, т. е. речевые отрезки, в котором возможно выделить предикатную синтагму (подлежащее и сказуемое или одно из них). Данные речевые отрезки мы считаем высказываниями, продуцированными представителями русской и казахской лингвокультур в естественных условиях беседы.

Транскрибировано 60 рассказов о семье, сделанных на русском языке, из них 30 продуцированы респондентами-казахами и 30 – респондентами-русскими. Объем одного ответа варьируется от 6 до 12 высказываний. Весь речевой материал систематизируется в два списка с привлечением ресурсов программы Excel. Реплики, в которых нет указаний на соотнесение референтных объектов, исключаются из корпуса. Ср.: *Что мне такого рассказать // Всем так любопытно // Здравствуйте! Меня зовут... // Ну, во всяком случае я так думаю*.

Корпус речевого материала данного экспериментального исследования

составил 485 высказываний русских респондентов и 548 высказываний, продуцированных казахско-русскими билингвами на русском языке.

Этапы исследования и критерии анализа результатов неструктурированного опроса

В ходе **первого этапа** в каждом высказывании мы выделяем речевые маркеры – операторы, которые осуществляют интенциональную референцию к событию со-отношения. Анализ семантики речевых маркеров позволяет выделить схемы, ориентирующие содержание референтных сцен. Ср.: *мой papa* (схема ВЛАДЕНИЕ) // *papa у нас* (схема ВЛАДЕНИЕ) // *papa для меня* (ПЕРИФЕРИЯ – ЦЕНТР) и т. д.

На **втором этапе** выявляются образные схемы, регулярно активируемые значениями речевых маркеров интерреляции. Их мы считаем **значимыми атрибутами** референтной сцены. Таковыми являются: ЦЕНТР, ПЕРИФЕРИЯ, ВЛАДЕНИЕ и др.

Параметры анализа

Модели интерреляции в высказываниях респондентов систематизируются согласно следующим характеристикам в организации референтных сцен: 1) активации схемы ЦЕНТР при указании на референтный объект; 2) соотнесение объектов сцены между собой. В ходе этого этапа обнаружилось, что в описании взаимоотношений в семье часто используются речевые средства, активирующие пространственные и временные атрибуты со-отношения (*всегда, вместе*). Наличие или отсутствие в высказывании указаний на данные атрибуты также становится параметром систематизации. Анализ использования местоименного наречия *всегда* в высказываниях респондентов позволил выделить две качественные характеристики временного атрибута: непрерывность и дискретность. В итоге значимыми атрибутами референтных сцен являются ЦЕНТР, ПЕРИФЕРИЯ, ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ, НЕПРЕРЫВНОСТЬ, ДИСКРЕТНОСТЬ.

На **третьем этапе** вырабатываются **критерии** сопоставительного анализа организации референтных сцен в ответах русских и казахских

респондентов: 1) выбор *Я* или *Мы* в высказываниях о своей семье; 2) указания на соотнесение ЦЕНТРА и ПЕРИФЕРИИ; 3) указания на соотнесенность референтных объектов; 4) наличие схем ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ.

На четвертом этапе проводится количественный подсчет маркеров интерреляции в высказываниях русских и казахских респондентов. Определяются наиболее частотные модели в ответах каждой группы. Количественные данные позволяют сделать выводы о *разной значимости* тех или иных атрибутов в референции к со-отношению у представителей разных лингвокультур. Результаты сравнения демонстрируются диаграммами программы Excel.

На пятом этапе выделенные значимые атрибуты анализируются с точки зрения соответствия концептуальным векторам того или иного инварианта интерреляции. Так, выделенность в референтной сцене схем ПЕРИФЕРИЯ и ЦЕНТР свидетельствует о реализации концептуальных векторов инварианта цикла. Интерреляция объекта актуализирует знания о манипуляции с предметами, поэтому схема ВЛАДЕНИЕ в значении речевых средств является следствием ориентирования смысла моделью с этим инвариантом в основе.

Далее приводится подробное описание результатов каждого этапа анализа неструктурированного опроса.

5.1.2. Речевые маркеры интерреляции и референтные сцены в высказываниях о семье

В настоящем разделе в фокус внимания помещаются качественные характеристики референтных сцен, а именно образные схемы, активируемые семантикой речевых маркеров.

В описании значений маркеров интерреляции мы использовали терминологию анализа местоимений как инструментов референции, предложенную Е. В. Падучевой [Падучева 1985], «лексикографические портреты» местоимений русского языка [Гранева 2022; Носкова 2021], а также

анализ референтных значений местоименных форм Б. Ю. Нормана, А. М. Плотниковой, С. В. Постниковой, О. Н. Селиверстовой, И. В. Труфановой, И. Е. Шуваловой.

Анализ высказываний о семье позволил систематизировать речевые маркеры интерреляции следующим образом.

Речевые маркеры, активирующие схему ЦЕНТР

Выбор личного местоимения *я* или *мы* в высказывании о семье сигнализирует о разном ракурсе референтной сцены: с *Я* в качестве центральной точки или с эксклюзивным *Мы*. В зависимости от числа личного местоимения первого лица мы различаем *маркеры Я-центра* и *маркеры Мы-центра*.

Маркеры Я-центра (я, мной, мне)

Представляя нескольких членов семьи, говорящий определяет себя центральной точкой референтной сцены. Ср.: *Семья у меня небольшая. // Родители, брат и я.*

Маркеры Мы-центра (мы, наш, нас)

Личное местоимение первого лица множественного числа *мы* имеет несколько коммуникативно-ориентированных употреблений (К. Бругман, К. Бюлер, Б. А. Успенский). Различается *мы-инклюзивное* (говорящий и его слушатель) и *мы-эксклюзивное* (говорящий и другие адресанты сообщения, исключая позицию слушателя) [Гранева 2022: 47]. Использование *мы-эксклюзивного* сигнализирует о том, что говорящий считает других людей потенциальными участниками ситуации [Норман 2016: 127].

Значение личного местоимения *мы*, являясь средством референции к группе из говорящего и одного или нескольких других членов его семьи, задает иной ракурс референтной сцены. Ср.: *Мы стараемся навещать бабушек и дедушек ... // И мы очень дорожим временем, которое мы проводим вместе.* С точки зрения истинности высказывания ложны: говорящий не может точно знать мнение других людей о том, стараются ли они и чем дорожат. Значение *мы-эксклюзивного* указывает на репрезентацию

нескольких объектов одновременно (условно *я + они*).

В корпусе речевого материала *Расскажите о своей семье* есть высказывания **без указаний** на *Я-центр* или *Мы-центр*. В дальнейшем анализе подобными высказываниями считаются:

- высказывания без глагольных или местоименных форм, указывающих на грамматическую категорию первого лица. Ср.: *Папе пятьдесят четыре, он предприниматель. // Бабушка тоже очень вкусно готовит*. Семантика слов *папа, бабушка* указывает на говорящего, но соотнесение с говорящим не акцентируется;

- высказывания, содержание которых валидно по отношению к каждой семье. Ср.: *Семья — это люди от которых можно получить всегда понимание, заботу, внимание, поддержку и любовь*;

- высказывания с личными местоимениями второго лица *ты / вы* во внереферентном употреблении, т. е. без отсылки к определенному референту. Данные высказывания являются примерами «обобщенно-личного», или универсального употребления, указывающими на множество всех лиц, включая говорящего [Гранева 2022: 155]. Ср.: *От того, как комфортно **ты** ощущаешь себя в семье, зависит и **твоя** жизнь вне, вне семьи. // Семья – это единственное место, где **тебя** принимают таким, какой ты есть и прощают твои промахи и ошибки*.

Значения личных местоимений *я* и *мы* в сочетании с предлогами задают направление фокуса внимания от референтного объекта к ЦЕНТРУ и от ЦЕНТРА к референтному объекту.

Маркеры направленности к Я-центру (для меня, мне, меня / для нас, нам, нами)

Сочетание значений личного местоимения и предлога *для* активирует внимание по направлению от ПЕРИФЕРИИ к ЦЕНТРУ. Референтная сцена ориентирована схемой ПЕРИФЕРИЯ – ЦЕНТР. Ср.: *Брат **для меня** являлся всегда опорой, защитой. // Она **для меня** самый дорогой и близкий человек*.

Маркеры направленности от Я-центра (для нее, для них, его, ее, их)

Референтная сцена организована противоположным образом. Фокус внимания направлен от ЦЕНТРА к ПЕРИФЕРИИ. Ср.: *Я всегда знала, что я могу на **него** положиться. // Я благодарна родителям за каждый момент, проведенный с **ними**.*

Маркеры дистрибутивной общности (каждый)

Определительное местоимение *каждый* своим значением вводит в контекст наличие многих других объектов [Падучева 1985]. В высказывании о семье семантика *каждый* направляет фокус внимания к одному из референтных объектов сцены. Другие объекты также выдвинуты в фокус внимания, но являются фоном для профилирования одного. Референтная сцена ориентирована схемами ЦЕНТР и ПЕРИФЕРИЯ. Ср.: *Она настолько знает подход к **каждому** из нас. // У **каждого** члена семьи есть свое место, и оно незаменимо.*

Маркеры выделенности на фоне группы (нас с ..., мы с ...)

Семантика референтного средства помещает в фокус внимания больше одного референта из всей семейной группы. Референтное средство указывает на несколько объектов (и говорящего в том числе), выделяя их из состава семьи (условно *я + этот/эти*). Фокус внимания направлен от ПЕРИФЕРИИ к ЦЕНТРУ, происходит ориентирование схемой ПЕРИФЕРИЯ – ЦЕНТР. Ср.: ***Мы с папой** зимой катаемся на лыжах, а летом ходим купаться. // Мама **нас с братом** воспитывала одна.* В примерах использование форм единственного числа не влияет на истинность высказывания (*я и мама, меня и брата, у моих*).

Речевые маркеры соотнесения референтных объектов

В характеристиках членов семьи респонденты использовали речевые средства, значения которых указывали на объекты референтной сцены без отсылки к ЦЕНТРУ.

Маркеры владения (мой/моя / мои, наш/наша / наши)

Исследователи отмечают, что значения притяжательных местоимений *мой, моя, мои* реализуют коммуникативно-прагматическую установку

говорящего, придавая особую доверительную тональность высказыванию, подчеркивая ценностное отношение к содержанию [Колесникова 2013]. Ср.: *Моего папу зовут Николай Владимирович. // У меня в семье четыре человека, это, конечно, **моя** мама, **мой** отец, **мой** братишка.* В ответах, продуцированных в экспериментальной ситуации *Расскажите о своей семье*, значения притяжательных местоимений указывают на соотнесение референтных объектов – говорящего и членов его семьи. Ср.: *У **моих** родителей много братьев и сестер родных.* Значение *мои* активирует схему ВЛАДЕНИЕ в репрезентации со-отношения между говорящим и референтным объектом *родители*.

Притяжательное местоимение в постпозиции к номинанту объекта референции акцентирует данный способ соотнесения. Ср.: *Мама **моя** просто герой. // Папа **мой** был очень веселый открытый трудолюбивый человек. // Семья **моя** очень дружная.*

Формы притяжательных местоимений первого лица множественного числа *наш, наша, наши* являются маркерами активации схем ВЛАДЕНИЕ. Со-отношение устанавливается между говорящим и несколькими членами семьи, которые репрезентируются вместе. Ср.: *Что еще сказать о **нашей** замечательной семье ... // У **наших** мужчин у всех похожи голоса.*

Маркеры присвоения (у меня, у нас)

Со-отношение между говорящим и другим членом семьи ориентируется схемами ВЛАДЕНИЕ, ОБЛАДАТЕЛЬ и ПРЕДМЕТ ВЛАДЕНИЯ. Ср.: *Папа **у меня** очень увлекается музыкой.* Подобные конструкции в постпозиции по отношению к номинанту И. Ю. Гранева называет лексикализованными формами, которые усиливают идею присвоения говорящим реферируемого объекта в диктуме события. По ее словам, целью использования форм *у меня* является в том числе «узаконить» право переосмыслить изображаемое в своих интересах, вынести свое оценочное суждение [Гранева 2022: 217]. В высказываниях о семье значение личного местоимения с предлогом *у меня* вводит в контекст компонент «присвоения» говорящим качеств другого

человека, вынесенных в эксплицитную часть высказывания. Ср.: *Папа у меня инженер. // Мама у меня тоже очень умная.*

Маркеры отчуждения (другой, своя, ее)

В ряде высказываний респонденты используют определительное местоимение *другой*, значение которого является указанием на некоторое несоответствие объекта референции и семейной группы. Подобную семантику местоимений И. Е. Шувалова описывает как «противопоставленность данному» [Шувалова 2007: 71]. Ср.: *Другие бабушка и дедушка уже умерли.* Респонденты используют речевые средства, позволяющие разграничить родственников между собой.

Значение определительного местоимения *другой* активирует сферу знаний о личной сфере и ее границах, т. е., по нашему мнению, происходит ориентирование референтной сцены схемой ПРОСТРАНСТВО. Подтверждением такого предположения является то, что в ответах данное местоимение может сочетаться с лексемами пространственной семантики. Ср.: *По другой стороне бабушка работала тоже в больнице. // Дедушка же по другой линии работал все время.*

Ср.: *Это обязательно семейный ужин, то есть собираются мама, ее сестры, их мужья, мои братья, сестры.* В примере разница в семантике речевых средств, указывающих на соотнесенность с говорящим (*мои*) и с другими референтами (*ее, их*) и используемых в перечислении родственников, активирует схемы РАЗДЕЛЕНИЕ, ПРОСТРАНСТВО. Референтные объекты, к которым отсылают лексемы *мужья* и *сестры*, располагаются по направлению от Я-Центра в пределах сцены.

Маркеры конкретного множества (весь, вся, все)

Весь, вся, все являются формами единственного и множественного числа определительного местоимения. Семантика этих местоимений описывается лингвистами как обобщение, выделение совокупности, полнота охвата и т. д. [Падучева 1985; Шувалова 2007]. В нашем речевом материале значение этого местоимения указывает на следующее.

Ср.: *Мы все очень дружны и любим вместе отдыхать. // А мужчины у нас в доме все высокие. // Уже все взрослые. // Нас всего трое человек.* Значение местоименных форм вводит в контекст компоненты об обобщенности нескольких референтных объектов, известных говорящему и собеседнику. В фокусе внимания находится общность референтных объектов, которые уже номинированы или могут номинироваться другими средствами. Это позволяет выделить полноту охвата: все возможные референты помещены в пределы сцены, остальные исключаются. Активируются схемы ПРОСТРАНСТВО, ГРАНИЦА. Местоимение *все* является речевым маркером конкретного множества, акцентирует объединение референтов общим признаком, свойством, действием и т. д.

Маркеры совокупности признаков (весь, вся, все)

Местоименные формы *весь, вся, все* могут быть средством введения в контекст компонента «совокупность признака». Ср.: *Мы поддерживаем отношения практически со всеми родственниками. // Все остальные, так скажем, необходимые компоненты.* В данных примерах местоименные прилагательные сочетаются с существительными собирательного значения. Объекты не конкретизируются, профилируется обобщенность. Активирована схема ПРОСТРАНСТВО, количество участников сцены потенциально бесконечно, так как периферийные участки референтной сцены затемняются.

Речевые маркеры пространственного и временного атрибутов соотношения

Маркеры совместного действия (вместе, вместе с)

Рассказывая о дружеской атмосфере, семейном согласии, респонденты описывают общие интересы, занятия, увлечения, которые приносят радость от семейного общения. Ср.: *Стараемся проводить все наше время вместе.* Семантика *вместе* вводит в контекст смыслы об общности, указывая на пространственное расположение объектов референтной сцены. Ср.: *мы все живем вместе. // Решения мы принимаем вместе. // Мы с мамой вместе ходим по магазинам.* Переосмысление общих интересов ориентировано

схемой ПРОСТРАНСТВО. Схема активизирует опыт пространственной близости.

Маркеры непрерывности (всегда)

Всегда является определительным местоименным наречием, семантика которого используется для приписывания временных атрибутов соотношению. В контекст высказывания вводится компонент продолжительности свойства, признака, действия и т. д. [Падучева 1985: 224-233].

Семантика *всегда* активизирует схемы ВРЕМЯ. В описании какого-либо состояния, свойства детализируется его неограниченная протяженность во времени. Ср.: *моя мама всегда отзывчива и добра* (схема ВРЕМЯ в интерпретации отношения референта к говорящему).

Говорящий описывает повторяющиеся действия референтов. Ср.: *Они мне всегда помогали. // Мы всегда собираемся на праздники.* Множество разных событий интерпретируются как общее целое. Ср.: *Мы всегда общаемся друг с другом* (схема ВРЕМЯ интерпретирует общность по действию).

В следующих примерах непрерывность является характеристикой условия действий. Ср.: *С мамой я могу поделиться абсолютно всем, всегда, и я знаю, я всегда знаю, что она меня поддержит, успокоит... // Если мне, допустим, нужен какой-то такой мудрый конструктивный совет, то я всегда могу обратиться к папе* (обратиться к папе при условии «необходимость совета»). Респондент устанавливает связь: одно действие выступает условием другого (схема ВРЕМЯ в интерпретации условий, обеспечивающих общность).

Во всех трех контекстуальных значениях *всегда* временное измерение ситуации является способом акцентировать качественную характеристику общности говорящего и референтного объекта или объектов.

Когнитивно-референциальный анализ высказываний о семье позволяет систематизировать модели интерреляции в высказываниях о семье следующим образом (см. Таблицу 1).

Таблица 1 – Речевые маркеры интерреляции и участки референтных сцен

	Речевые маркеры	Речевые средства	Особенности организации референтной сцены	Профилируемый аспект	Активируемые образные схемы
	Указания на схему ЦЕНТР				
1	Маркеры выделенности Я-центра	<i>Я, мой, мне</i>	Говорящий указывает на себя как центральный участок референтной сцены	Я-центр	ЦЕНТР
2	Маркеры общности	Эксклюзивное <i>мы, наш, нас</i>	Говорящий в указании на центральный участок соотносит себя с другими референтными объектами	Общность референтных объектов	ЦЕНТР
3	Маркеры направленности к Я-центру	<i>для меня, мне, меня / для нас, нам, нами</i>	Направленность на говорящего – условие введения объекта в референтную сцену	направление внимания от референтного объекта к Я-центру	ПЕРИФЕРИЯ – ЦЕНТР
4	Маркеры направленности от Я-центра	<i>Ее, для нее, для них, его, ее, их</i>	Референтный объект подвергается действию говорящего	Направленность от Я-центра на референтный объект	ЦЕНТР – ПЕРИФЕРИЯ
5	Маркеры дистрибутивной общности	<i>Каждый</i>	Выделенность одного референта в составе группы	Расположение референта в центре на фоне других объектов	ЦЕНТР-ПЕРИФЕРИЯ
6	Маркеры выделенности на фоне группы	<i>Нас, мы с мамой, нас с братом</i>	Объединение двух и более референтов в составе группы	Выделение нескольких референтов на фоне группы Границы группы затемнены	ПЕРИФЕРИЯ-ЦЕНТР
	Указания на соотнесенность референтов				
7	Маркеры владения	<i>Мой, моя</i>	Принадлежность говорящему – условие введения референта в пределы сцены	Привлечение опыта владения предметами, опыта неотчуждаемой собственности	ВЛАДЕНИЕ
		<i>наш, наши</i>	Принадлежность группе – условие введения референта в пределы сцены		ВЛАДЕНИЕ

8	Маркеры присвоения	<i>У меня</i>	Присвоение качеств референта говорящему	Привлечение сферы опыта контроля и манипуляции с предметами	ВЛАДЕНИЕ
		<i>у нас</i>	Присвоение качеств референта семейной группе говорящего		ВЛАДЕНИЕ
9	Маркеры отчуждения	<i>Своя, другой, ее, его</i>	Введение в референтную сцену оппозиции <i>свой</i> или <i>не-свой</i>	Разделение референтов в составе семейной группы	ПРОСТРАНСТВО
10	Маркеры конкретно-го множества	<i>весь / вся, все</i>	Акцентирование полноты охвата референтов одним признаком, свойством, действием	Выделение общности объектов в пределах сцены	ПРОСТРАНСТВО
11	Маркеры совокупности признаков		Референты в пределах сцены не конкретизированы, их количество потенциально бесконечно	Акцентирование общности, границы сцены затемнены	ПРОСТРАНСТВО
	Пространственный и временной атрибуты со-отношения				
12	Маркеры совместного действия	<i>Вместе, вместе с</i>	Акцентируется пространственное расположение референтов	Близкое расположение переосмыслиается как общность	ПРОСТРАНСТВО
13а	Маркеры непрерывности состояния	<i>всегда</i>	Акцентируется продолжительность состояния	Вневременность качественных характеристик референтного объекта	ВРЕМЯ
13б	Маркеры непрерывности действия		Акцентируется вневременная характеристика действия	Объединение референтов на основе повторяющихся действий	ВРЕМЯ
13в	Маркеры непрерывности условий		Объединение устанавливается на основе условий	Вневременное состояние условий	ВРЕМЯ

Сведение в таблицу речевых маркеров и актуализированных схем позволяет выявить **значимые атрибуты** референтных сцен. Прежде всего, это выбор **Я** или **Мы** в установлении центрального участка референтной сцены. **Я** или **Мы** предопределяет способ дальнейшей организации. В сценах с **Я-центром** введение референта в пределы сцены происходит с указанием на говорящего. В сценах с **Мы-центром** профилирование того или иного референта происходит на фоне общности говорящего с одним или несколькими референтами.

Количество конфигураций и множество средств референции свидетельствуют о востребованности моделей интерреляции для

ориентирования смыслов о семье и семейных отношениях. Говорящие регулярно конструируют со-отношения между референтными объектами и собой, направляют фокус внимания к разным участкам референтных сцен, активируя схемы ЦЕНТР – ПЕРИФЕРИЯ и ПЕРИФЕРИЯ – ЦЕНТР. Схемы ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ являются частью референтных сцен, в которых профилируются качественные характеристики со-отношения.

Таким образом, общекогнитивные условия выбора модели интерпретации предопределены: 1) исходной точкой (*origo*) Я или Мы; 2) направлением фокуса внимания от ЦЕНТРА к ПЕРИФЕРИИ и от ПЕРИФЕРИИ к ЦЕНТРУ; 2) соотносением нескольких референтов в пределах сцены. Думается, что приписывание пространственных и временных свойств со-отношения находится в зависимости от указанных выше способов.

Дальнейший этап исследования предполагает установление различий моделей интерпретации, наблюдаемые в высказываниях представителей разных лингвокультур и объяснение выявленных закономерностей.

5.1.3. Концептуальные векторы инварианта и принадлежность лингвокультуре

На данном этапе проводится сравнительный анализ высказываний русских и казахских респондентов. В фокусе внимания частотность речевых маркеров. Выводы о предпочтении той или иной модели интерпретации делаются на основе регулярной активации схем, реализующих концептуальные векторы того или иного инварианта. На основе анализа семантики речевого маркера определяется профилируемый аспект референтной сцены и схема, ориентирующая *со-отношения*.

Транскрипции двух групп систематизированы в программе Excel. Общий объем – 485 высказываний русских респондентов и 548 высказываний казахских респондентов на русском языке.

Далее приводятся показатели частотности маркеров интерпретации.

Количественные данные систематизированы согласно параметрам и профилируемым аспектам, выделенным в предыдущем разделе работы. Расчет процентного соотношения речевых маркеров производился от общего количества высказываний отдельно в русской и казахской группе. В итоге получены следующие данные (см. Таблицу 2).

Таблица 2 – Процентное соотношение речевые маркеров интерреляции в высказываниях русских и казахских респондентов

№	Параметр анализа	Группа испытуемых	Русские респонденты	Казахские респонденты
Общее количество высказываний			485	548
1	ЦЕНТР	Выделенность Я-центра (Я, мой, мне)	37%	45%
2	ЦЕНТР	Общность (эксклюзивное мы, наш, нас)	39%	24%
3	-	б/у Ц	3%	1%
4	ПЕРИФЕРИЯ – ЦЕНТР	Направленность к Я-центру (для меня, мне, меня, для нас, нам, нами)	7%	15%
5	ЦЕНТР – ПЕРИФЕРИЯ	Направленность от Я-центра (ее, для нее, для них, его, ее, их)	5%	4%
6	ЦЕНТР – ПЕРИФЕРИЯ	Дистрибутивная общность (каждый, каждая)	2%	2%
7	ПЕРИФЕРИЯ – ЦЕНТР	Выделенность на фоне группы (нас, мы с ..)	8%	11%
8	ВЛАДЕНИЕ	Владение (мой, моя, наш, наша)	16%	21%
9	ВЛАДЕНИЕ	Присвоение (у меня, у нас)	16%	7%
10	ПРОСТРАНСТВО	Отчуждение (другой, ее, его, своя)	3%	0%
11	ПРОСТРАНСТВО	Конкретное множество (весь, все, вся)	4%	4%
12	ПРОСТРАНСТВО	Совокупность признаков (весь, все, вся)	3%	2%
13	ПРОСТРАНСТВО	Совместное действие (вместе)	10%	6%
14	ВРЕМЯ	Непрерывность состояния (всегда)	1%	6%
15	ВРЕМЯ	Непрерывность действия (всегда)	3%	5%
16	ВРЕМЯ	Непрерывность условий (всегда)	0%	2%

Процентные показатели количества речевых маркеров интерреляции в высказываниях о семье позволяют проанализировать взаимосвязь между выбором модели интерпретации и лингвокультурой респондентов в продуцировании высказываний о своей семье. Полученные данные демонстрируют следующее.

В ответах русских респондентов не наблюдаются предпочтения в выборе Я-центр или *Мы-центр* (37% и 39%). Одинаковы также числовые показатели маркеров присвоения (*у меня, у нас*) и маркеров владения (*мой, наш*) – 16% и 16%. Русские респонденты чаще использовали маркеры совместного действия (10%) по сравнению с указаниями на непрерывность действия (общее количество маркеров временного измерения 4%).

В ответах казахских респондентов численность высказываний с Я-Центром выше по сравнению с Мы-Центром (45% и 24%). Согласно количеству маркеров направленности к Я-Центру (15%) и маркеров владения (21%), респонденты предпочитают использование указаний на себя, описывая членов семьи. Процентный показатель маркеров *выделенности на фоне группы* также выше (11%). В корпусе высказываний респондентов-билингвов отсутствуют маркеры *отчуждения* (0%). Респонденты чаще, чем в русской группе, предпочитали указывать на продолжительность в характеристиках членов семьи: суммарное количество маркеров продолжительности – 13% (в русских высказываниях суммарный показатель 4%).

Далее проводится сравнительный анализ моделей интерреляции, активированных семантикой референциальных средств.

Предопределенность контекста Я- или Мы-центром.

Соотнесение референтного объекта с Я- или Мы-центром задает разное концептуальное содержание референтных сцен. Мы-центр устанавливает общность всех объектов сцены. Я-центр предполагает направление внимания к ЦЕНТРУ или *от* ЦЕНТРА. Следовательно, от выбора Я- или Мы-Центра варьируется количество указаний на соотнесение в одном высказывании.

В таблице ниже приведены сведения о количестве высказываний с

одним, двумя, тремя и четырьмя указаниями на соотнесение референтных объектов в зависимости от Я- или Мы-Центра сцены (см. Таблица 3). Процентный показатель каждого вида маркеров высчитывался от количества высказываний с Я-центром, Мы-центром и без указаний (б/у) на Центр соответственно.

Таблица 3 – Частотность речевых маркеров в соотношении с выбором центра

Группа респондентов	ЦЕНТР	Количество высказываний	0	1 маркер	2 маркера	3 маркера	4 маркера
Русская	Я	95	28,7%	59,6%	8,5%	2,1%	-
	Мы	99	41,4%	50,5%	8,1%	-	-
	б/у	58	72,4%	17,2%	-	-	-
Казахская	Я	115	26,1%	65,2%	7,0%	2,6%	0,9%
	Мы	60	41,7%	33,3%	18,3%	5,0%	-
	б/у	91	96,2%	3,8%	-	-	-

В обеих группах наблюдается относительно равное количество высказываний без маркеров интерреляции. Ср.: *Я очень люблю маму, братишку (KAZ 169).*

Высказывания без указаний на Я- или Мы-Центр либо не содержат маркеров интерреляции, либо только один. Казахские респонденты реже указывали на соотнесении, продуцируя высказывания без Я-или Мы-Центра (17,2% в русской группе и 3,8% в казахской). Ср.: *Мама домохозяйка (KAZ 190).* // *Она очень мудрая, понимающая, заботливая, внимательная (KAZ 16).* // *Сегодня папа приезжает (RUS 117).* // *Мама дома убирается и готовит (RUS 119).*

Продуцируя высказывания в первом лице единственного числа, русские респонденты используют меньше форм, репрезентирующих со-отнесение (59,6% с одним маркером, 8,5% с двумя и 2,1% с тремя). В высказываниях от первого лица множественного числа количество маркеров еще меньше (50,5% с одним, 8,1% с двумя).

Респонденты-казахи в высказываниях с *Я-центром* сильнее акцентируют общность группы, т. е. соотнесение говорящего с другими

является более востребованным компонентом контекста (65,2% фраз с одним маркером, 7,0% с двумя, 2,6% с тремя и 0,9% с четырьмя). Ср.: *Мои родители делают для нас для меня и для моего братишки* (KAZ 77). В высказывании, ориентированном Я-центром, содержатся четыре речевых маркера (неотчуждаемой собственности – 1; выделенности на фоне группы – 1; координации к ЦЕНТРу – 2). В высказываниях с Мы-центром наблюдается меньше указаний на соотнесение референтов.

Качественные характеристики контекстов в ответах казахских респондентов

Процентные показатели в группе казахских респондентов по каждому виду маркеров интерреляции в зависимости от Я или Мы-центра представлены на рисунке 13 (см. Рисунок 13).

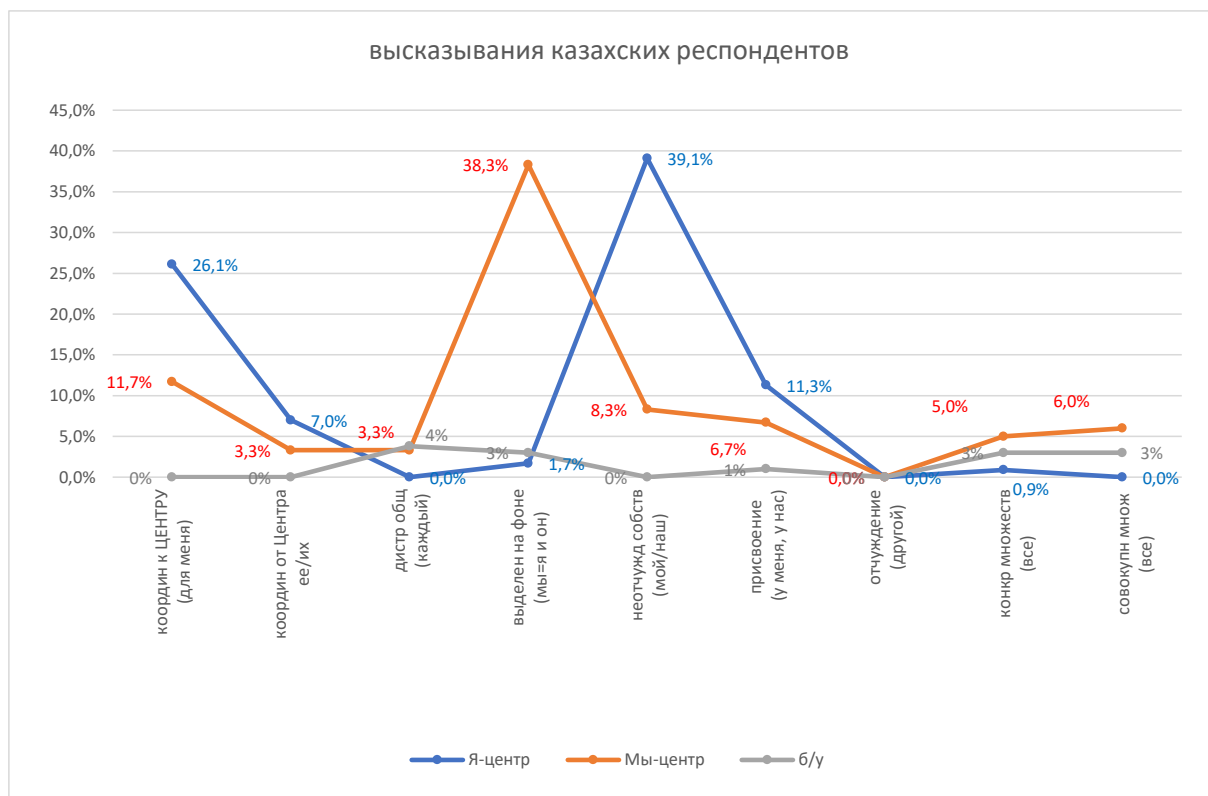

Рисунок 13 – Качественные характеристики речевых маркеров в высказываниях казахских респондентов в зависимости от выбора центра

В высказываниях с Я-центром (синяя линия на графике) наблюдается наибольшее количество местоименных форм *мой, моя, мои* (39,1% маркеров владения). Ср.: *Моя семья это моя крепость и опора* (KAZ 59). // *Тепло и уют*

для нас создает *моя* мама (KAZ 251). Второй по численности показатель у форм *для меня*, *для нас* (маркеры направленности к Я-Центру 26,1%). Ср.: *Лично для меня он самый верный друг* (KAZ 216). // *Потому что я именно для этой семьи я учусь* (KAZ 224). Нередко данные виды маркеров наблюдаются в одной фразе. В корпусе ответов казахских респондентов 8% высказываний с Я-Центром имеют и маркер владения, и маркер направленности к Центру. Ср.: *Я благодарна моим родителям за то, что они делают все для меня и моего брата* (KAZ 33). // *Для меня семья – это место, где меня ждут и любят мои родные и близкие* (KAZ 57).

В высказываниях казахских респондентов с Мы-Центром (красная линия) личное местоимение *мы* вводит в контекст общность с одним из членов семьи в каком-либо действии или состоянии (38,3% фраз с маркером выделенности на фоне группы). Ср.: *С отцом мы часто играем в шахматы* (KAZ 37). // *... хоть у нас с ним небольшая разница в возрасте* (KAZ 104). // *... но сейчас мы живем втроем* (KAZ 190). Местоименные формы *наш*, *наша*, *наши* (маркеры владения 8,3%) и местоимение с предлогом *для нас* воспроизводятся также часто (11,7%). Ср.: *Мама также для нас всегда была близкой* (KAZ 216). // *... все они работают, зарабатывают только для нас, чтобы воспитать* (KAZ 78).

С выбором Мы-Центра увеличивается востребованность местоимений *вся*, *все* и в качестве маркера конкретного множества, и маркера совокупности множества (5% и 6%). Ср.: *Мы всегда, всегда вместе, уже все взрослые* (KAZ 239) (респондент говорит о себе и сестрах, множество, указанное маркером конкретно). // *Живем, наслаждаемся жизнью и хотим, чтобы все было хорошо у всех* (KAZ 520) (маркер указывает на неопределенную совокупность людей).

В ответах казахских респондентов взрослые сестры и братья, их супруги и дети описываются как часть семьи говорящего. В высказываниях отсутствуют маркеры отчуждения вне зависимости от указаний на Центр. Ср.: *А мой зять, кстати, тоже в Лондоне сейчас живет, учится* (KAZ 194). // *Две*

мои старшие сестры, они уже замужем (KAZ 188).

Качественные характеристики контекстов в ответах русских респондентов

Качественные характеристики речевых маркеров в высказываниях русских респондентов следующие (см. Рисунок 14).

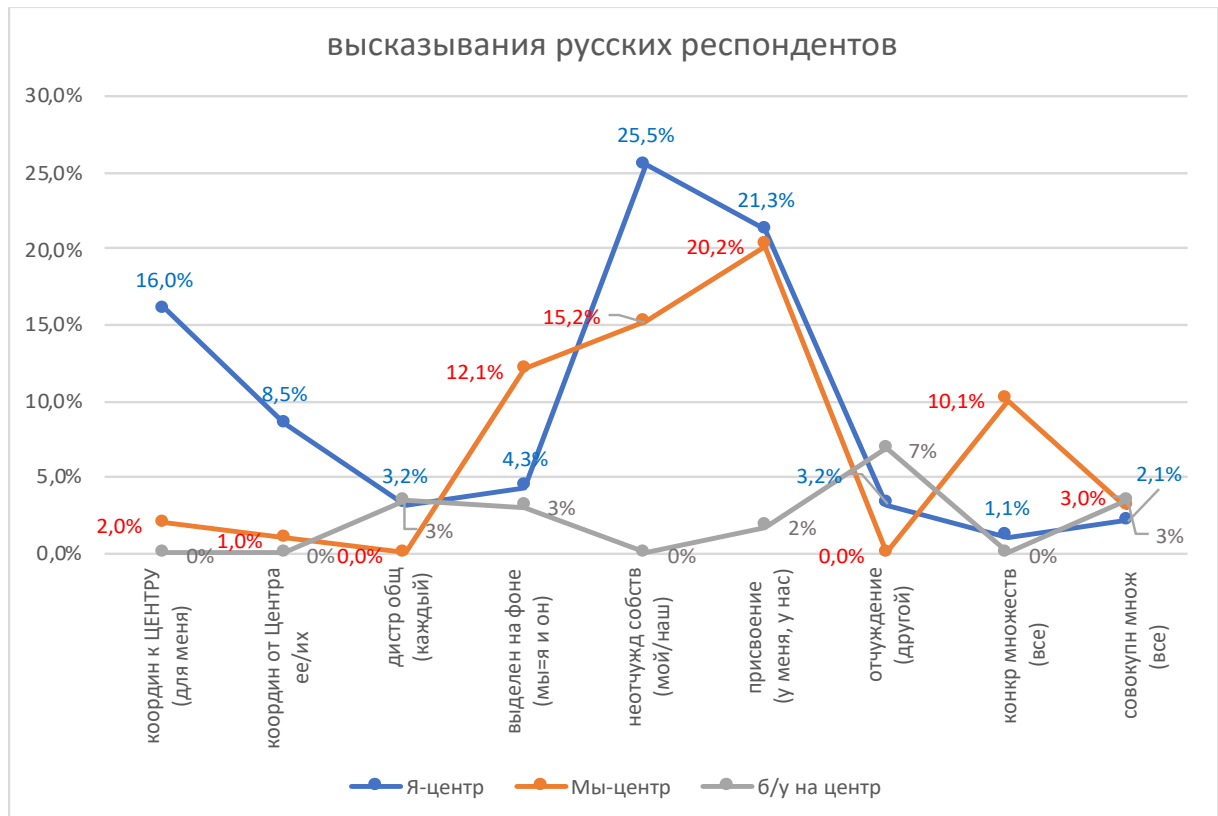

Рисунок 14 – Качественные характеристики речевых маркеров в высказываниях русских респондентов в зависимости от выбора центра

В высказываниях от первого лица русские респонденты чаще, чем казахские испытуемые, предпочитают форму *у меня* в рассказах о своей семье (21,3 % маркеров присвоения) и реже вводят во фразу притяжательные местоимения *мой, моя, мои* (25,5% маркеров владения). С выбором Мы-центра востребованность указаний на присвоение (*у нас*) сохраняется (20,2 % маркеров присвоения), маркеров владения применяется меньше (15,2%). Ср.: *Семья у нас в принципе не большая (RUS 53). // Мама у меня очень любит свою работу (RUS 241).*

Респонденты прибегают к маркерам отчуждения, чтобы обозначить степень родственных связей (3,2% маркеров отчуждения). Ср.: *У моей сестры*

есть *своя* семья: двое детей, муж (RUS 240). Притяжательное местоимение *своя* указывает на соотнесение объекта референции с другим объектом, а не с говорящим. Ср.: *Собираются мама, ее сестры, их мужья* (RUS 223) (вместо тети и дяди).

С выбором **Мы-центра** (красная линия) снижается частотность маркеров, свидетельствующих об ориентации к Центру и от Центра в организации референтных сцен. Напротив, респонденты чаще вводят в высказывания указания на полноту охвата группы действием или качеством (10,1% маркеров конкретного множества и 3% совокупного множества). Ср.: *Помимо моей сестры, все мы живем вместе* (RUS 115). // *Мы на каждый праздник собираемся все вместе* (RUS 221). // *Мы все его ждем* (RUS 118).

Анализ использования моделей интерреляции в высказываниях о семье

Исследование речевых маркеров интерреляции в п.п. 5.1.2. позволило нам сделать выводы об образных схемах, активируемых значением маркеров (см. Таблицу 1). Семантика маркеров направленности к Центру и выделения на фоне группы ориентирует референтную сцену схемами ПЕРИФЕРИЯ и ЦЕНТР, внимание направлено от ПЕРИФЕРИИ к ЦЕНТРУ. Значения маркеров дистрибутивной множественности (каждый) и направленности от Центра организуют сцены в противоположном направлении – от ЦЕНТРА к ПЕРИФЕРИИ. Маркеры присвоения и владения указывают на активацию схемы ВЛАДЕНИЯ. Маркеры отчуждения, конкретного множества, совокупности признаков и совместного действия сигнализируют о схеме ПРОСТРАНСТВО. Маркеры непрерывности вне зависимости от качественной характеристики (действия, условия или состояния) указывают на схему ВРЕМЯ в организации референтных сцен.

Сопоставление процентных показателей дает представление об образных схемах, ориентирующих интерпретацию со-отношения между референтными объектами в высказываниях о семье. Сравнение результатов двух групп демонстрирует следующее (см. Рисунок 15).

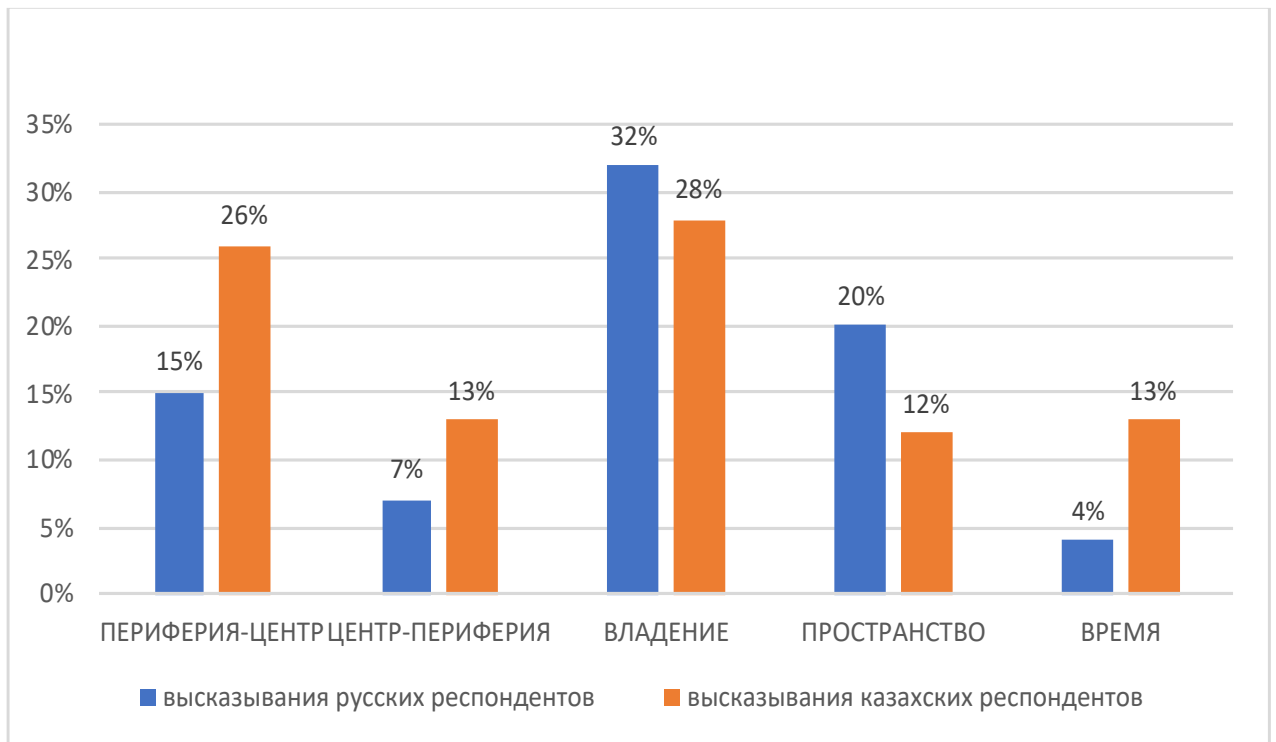

Рисунок 15 – Сравнительная диаграмма частотности образных схем в референтных сценах высказываний о семье

Согласно диаграмме, референтные сцены высказываний казахских респондентов чаще ориентируются схемой ЦЕНТР: в направлении к центру и от центра. Процент схем ВЛАДЕНИЯ выше в русских контекстах. Также в содержании русских высказываниях чаще активируются схема ПРОСТРАНСТВО. Схема ВРЕМЯ чаще наблюдается в референтных сценах высказываний, продуцированных казахско-русскими билингвами.

Данные закономерности сопоставимы с **концептуальными векторами инвариантов.**

Анализ моделей интерреляции в референтных сценах высказываний респондентов-казахов позволяет резюмировать следующее. Ориентированность ЦЕНТРОМ является проявлением концептуальной рамки интерреляции цикла. Взаимодействие участников события происходит в результате центростремительного движения. Концептуальный вектор инварианта накладывает ограничение на развитие смыслов о разделении: в

высказываниях отсутствуют маркеры отчуждения. Профилирование объекта с удержанием в фокусе внимания всей группы (маркеры *выделенности на фоне группы*) также является следствием центростремительной организации референтной сцены. Доля речевых маркеров противоположного направления (от Центра *ее, их*) невысока.

Высказывания русских респондентов реализуют концептуальные векторы интерреляции объекта. Схема ВЛАДЕНИЯ в семантике речевых маркеры присвоения (*у меня/ у нас*) и отчуждения (*другой*) проецируют опыт манипуляции с предметами в интерпретации *со-отношения*.

Маркеры владения частотны в обеих группах, в казахской выше (21% по сравнению с 16% в высказываниях русских респондентов). Мы полагаем, что это следствием разных инвариантов.

Посессивность в концептуальных векторах интерреляции объекта воплощает устремление на другого с привлечением опыта бережного отношения к ценностному объекту. Притяжательные местоимения – способ интерпретировать стремление сохранить, удержать то, что дорого.

В динамике циклического процесса близкое расположение – результат центростремительной силы, сущности «притянуты» друг к другу внешними по отношению к ним процессами (например, природными). Посессивность является способом переосмыслить стремление к слиянию, сохранению состояния в природном процессе.

Следовательно, единицы языка со значением притяжательности могут стать речевыми средствами, реализующими как интерреляцию цикла, так и концептуальные векторы интерреляции объекта.

На рисунке 15 (см. выше) маркеры владения в высказываниях респондентов-казахов имеют различные показатели в зависимости от Я- или Мы-центра: 39,1% и 11,3%. Соответствующие показатели в высказываниях русских респондентов примерно одинаковы – Я-центр 21,3% и Мы-центр 20,2% (см. Рисунок 15). Притяжательные местоимения *Мой/моя* в высказываниях казахских респондентов указывают на объект речи,

интерпретируемый интерреляцией цикла (*мой как предоставленный мне динамикой циклического процесса*).

Концептуальный вектор инварианта предопределяет также значимость одних качественных характеристик референтной сцены по отношению к другим. Так, в концептуальной рамке интерреляции объекта соотнесение двух участников сцены возможно при условии их статического расположения. Статические характеристики значимы. Следовательно, близость является характеристикой, указывающей на эффективность события.

В концептуальной рамке интерреляции цикла значимой характеристикой является временная протяженность. Участники стремятся продлить состояние, действие или обстоятельство, позволяющие им находиться в общем для них процессе.

Пространственные и временные атрибуты референтных сцен, выявленные в ответах респондентов, высказываний подтверждают эти выводы.

Распределение речевых маркеров, указывающих на пространственные и временные аспекты в высказываниях респондентов обеих групп, следующее (см. Рисунок 16).

На диаграмме отразились разные предпочтения в приписывании характеристик *со-отношения*.

Семантика местоименного определительного наречия *всегда* может указывать на вневременное качество какого-либо состояния / действия / условия [Падучева 1985: 224-233]. В ответах казахской группы указания на эти качества распределились таким образом: непрерывность состояний – 6%, действий – 5%, условий – 2%. В сумме маркер непрерывности выше, чем аналогичный в русской группе в три раза. Ср.: *Я всегда знала, что я могу на него положиться (KAZ 23)*. // *Всегда выслушает, который всегда помогает в трудных ситуациях (KAZ 215)*.

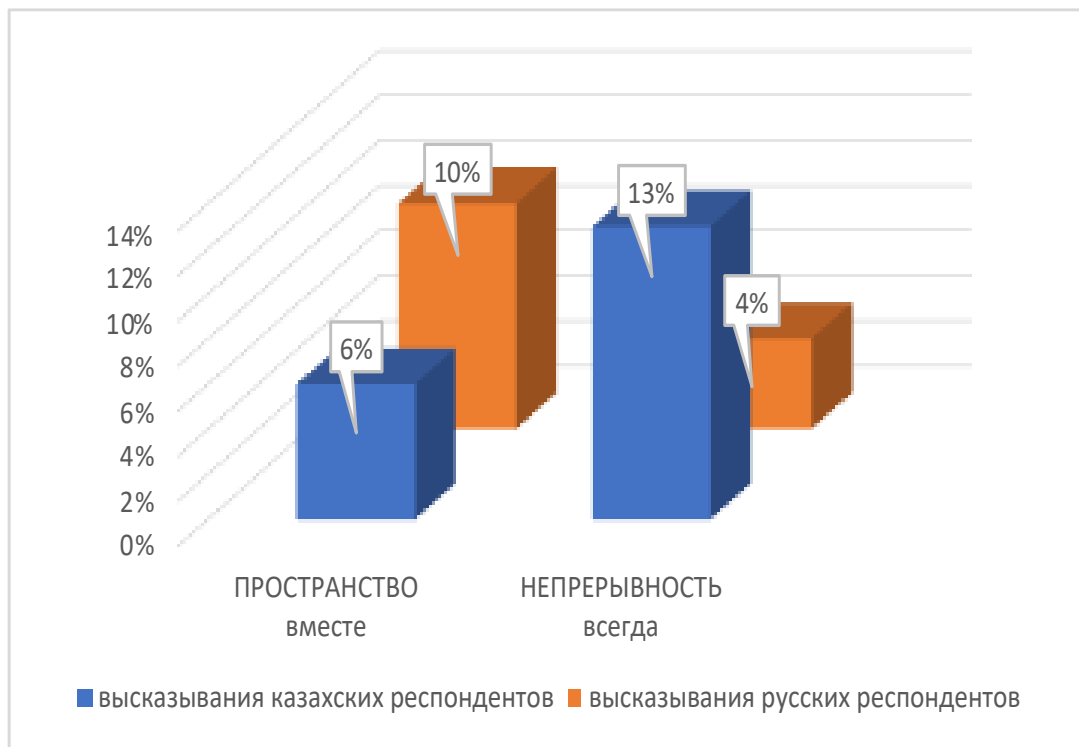

Рисунок 16 – Сравнение показателей частотности речевых маркеров совместного действия и непрерывности

Выделение в представлении семейной группы атрибутов близость или отдаленность от говорящего теряет актуальность в логике цикла: родственники остаются таковыми, даже если живут не вместе. Ср.: *У меня в семье **пять** человек: **папа, мама, брат с женой и племянницей, я и братишка** (KAZ 168). // Моя семья состоит из **пяти** человек, но сейчас мы живем **втроем**, так как две мои старшие сестры, они уже замужем (KAZ 186-189).*

В высказываниях русских респондентов чаще акцентируется совместность действия в описании семьи. Ср.: *Мы все это, конечно, делаем **вместе** (RUS 176). // Люблю, когда мы выезжаем **вместе** на природу (RUS 27).* При этом есть и маркеры отчуждения – 3% (т. е. близость противопоставляется отдаленности). Наречие *всегда* чаще используется для указания на непрерывность действий – 3%) (состояний 1% и 0% условий). Ср.: *Мы свободное время проводим **всегда** вместе (RUS 162).*

Исследуя специфику репрезентации временных характеристик в

корпусе речевого материала, из корпуса речевого материала были извлечены контексты с другими темпоральными указателями – лексическими средствами, непосредственно передающими значение времени. Основываясь на критериях анализа категории времени в лингвистике текста [Шевченко 2003: 39], мы выделили следующие речевые средства, используемые испытуемыми: 1) существительные темпоральной семантики (*минута, миг, секунда, время, момент, день, лето, вечер* и т. д.); 2) наречия *сейчас, часто, иногда, долго, по-прежнему*; 3) отрицательное местоименное наречие *никогда*; 4) словочетания в описании непрерывности или повторяемости *ни разу в жизни // в любой ситуации*.

Количественный подсчет частотности выделенных речевых средств (*всегда* не учитывалось) подтверждает выводы, сделанные на основе анализа местоимений и местоименных форм. Речевые средства, указывающие на темпоральность, используются в 13,8 % высказываний от общего количества фраз у казахских респондентов, в 15,5% у респондентов русской группы. Однако значения этих речевых средств актуализируют противоположные аспекты – непрерывность или дискретность.

Под дискретностью понимается существование минимальных отрезков времени, непрерывность осмысливается как целостность, однородность элементов времени. Так, в выражении *проводить **время** вместе* в описании совместного действия значение существительного *время* направляет фокус внимания на неопределенную продолжительность действия, в референтную сцену включена схема НЕПРЕРЫВНОСТЬ. Значение сочетаний *свободное время, как можно больше времени* высвечивает отрезок времени, отличающийся от других. Со-отношению приписывается смысловой компонент, ориентированный схемой ДИСКРЕТНОСТЬ.

Речевые средства, семантика которых акцентирует свойство непрерывности, содержатся в 48% высказываний казахских респондентов (в подсчет не включаются высказывания с наречием *всегда*). Ср.: *Меня же с мамой никто **никогда** не путает (KAZ 182). // Нет такой минуты в которой*

бы я не ощущала бы ее поддержки заботы и любви (KAZ 144). // Семья – это то, что было, есть и будет (109). // Каждую минуту я думаю, чтобы сделало мою маму счастливой (KAZ 88). // Все это не покидает нас на протяжении всей нашей жизни (KAZ 46). // Мы никогда не отлучались от своих родителей на очень длительный срок, ни разу в жизни (KAZ 237). В последнем высказывании непрерывность состояния акцентирована дважды.

В высказываниях русских респондентов наблюдаются чаще речевые средства, значения которых вводят в контекст смыслы о прерывности, сменяемости, делимости временного континуума на части. В 69% высказываний темпоральная семантика является средством профилирования дискретности. Ср.: *Где-то раз в месяц я с ними точно вижу (RUS 234). // Мы стараемся проводить все наше время вместе (RUS 187). // Мы можем там в какие-то моменты не понимать друг друга (RUS 208).*

Сопоставительный анализ средств темпоральной семантики подтверждает выводы о предпочтении интерреляции цикла в высказываниях о семье, которые продуцируются казахскими респондентами. В ответах русских респондентов для выражения ценностного отношения к родным и семье интерреляция цикла не является доминирующей.

Таким образом, в экспериментальной ситуации неструктурированного опроса в рассказах о семье установлена корреляция качественных характеристик референтных сцен и лингвокультуры респондентов. Выявленные закономерности индивидуальных речевых знаков, продуцированных респондентами, коррелируют с их принадлежностью к лингвокультуре и воспроизводят лингвокультурную специфику моделей интерреляции.

Дальнейший анализ призван продемонстрировать обеспеченность моделей интерреляции механизмами работы языкового сознания на основе исследования влияния дискурсивной среды на продуцирование высказываний.

5.2. Психолингвистическое исследование лингвокультурной специфики моделей интерреляции

Лингвокультурная специфика моделей интерреляции в высказываниях о межличностных отношениях рассматривается сквозь призму теории социального конструирования. Вместе с представлениями о личности в дискурсе формируется лингвистический репертуар для выражения соответствующих идей. При этом в дискурс о социальном феномене проецируется социокультурный конструкт – ракурс «видения» объектов речи, соотносимый с идеями и представлениями.

Результаты анализа речевого материала, полученного в ходе неструктурированного опроса, свидетельствуют об интегрированности лингвокультуры в механизмы языкового сознания. Выбор модели интерпретации происходит в дискурсивных условиях диспозитивности. На этом фоне важно исследовать влияние дискурсивных практик на этот выбор. Была разработана следующая методика экспериментального исследования.

Основными требованиями в поиске модели эксперимента стали: 1) минимизация влияния личного опыта, обстоятельств в продуцировании высказывания о межличностных отношениях; 2) возможность сравнить высказывания респондентов с опытом речевых взаимодействий в разных лингвокультурных сообществах. Экспериментальной ситуацией с четко заданным «извне» объектом речи является перевод с иностранного языка на родной.

5.2.1. Методика переводческого эксперимента в исследовании моделей интерреляции

Общей особенностью психолингвистических переводческих экспериментов является целенаправленное наблюдение за когнитивными явлениями и процессами, которые лежат в основе перевода (Л. В. Кушнина, А. Г. Минченков, И. Н. Ремхе). Перевод рассматривается как эвристический

процесс речемыслительной деятельности, осуществляемый переводчиком в социокультурном контексте [Зыкова 2014б; Минченков 2008: 4; Lavrova 2020]. Исследуется ориентирование переводчика в эксплицитно-имплицитных смыслах [Кушнина 2009; 2016б: 85]. В фокусе исследовательского внимания – многоаспектность знаний агента перевода и специфика их использования в процессе выражения смысла исходного текста средствами другого языка [Владимов 2005; Груздев 2013; Нефедова 2013; Яковлев 2019].

Основанием применения переводческого эксперимента в анализе моделей интерреляции в языковом сознании стали теоретические положения когнитивных исследований перевода. На одном из его промежуточных этапов в сознании переводчика происходит мысленное создание динамических фреймов на основе текста оригинала и их соотнесение с эквивалентными структурами в языке перевода, а также решается проблема их отсутствия [Огнева 2008, 2010; Ремхе 2011: 263-264, 2016: 84]. Взаимодействие знаний исходного текста, фоновых знаний и знаний контекста порождает субъективную концептуальную структуру [Минченков 2008: 9; Rydning 2002]. Языковое сознание переводчика проецирует в текст новую систему образов [Бушев 2010; Куницына 2011; Кушнина 2016а; Шевченко 2005; Яковлев 2015].

Переводческий эксперимент доказывает свою эффективность в исследованиях процессов языкового сознания. Полученный речевой материал позволяет установить обусловленность итогового текста тезаурусом языковой личности переводчика и его национальной языковой картины мира [Серова 1985; Rydning 2002, 2004: 863, 2008: 762], эксплицировать разновекторность формирования образа-гештальта текста [Кушнина 2004].

Ценным преимуществом методики переводческого эксперимента является возможность получить лингвистический материал, ограниченный смыслами исходного текста на иностранном языке, но продуцированный согласно нормам и правилам «принимающей» лингвокультуры [Яковлев 2019]. Лингвистические элементы текста переводческого задания становятся инструментом, позволяющим направить индивидуальные речевые реакции

испытуемых по заданным экспериментатором ориентирам.

Целью данного переводческого эксперимента стало установление корреляций между референтными сценами и регулярными явлениями русского дискурса межличностных отношений как дискурса объекта. В фокусе исследовательского внимания оказывается опосредованность дискурсивных условий интерпретации языковой средой респондентов.

Поиск **материала для переводческого задания** осуществляется на ресурсах www.femmeactuelle.fr, официального сайта Парижского еженедельника *Femme actuelle* *Современная женщина*. Тематической составляющей журнала являются, в том числе, отношения мужчины и женщины. Тексты издания регулярно становятся предметом научного анализа: отмечается трансляция социокультурных ценностей и гендерных установок, тенденция к стереотипизации паттернов внутрисемейного поведения [Теребилина 2014].

Статья для подготовки эксперимента отбиралась по соответствию общей тематике исследования – межличностное взаимодействие, а также по наличию в тексте лингвистических и содержательных элементов, отражающих лингвокультурную специфику французского дискурса межличностных отношений. Критериями отбора текста стали:

- метафорические образы и метафоры, регулярные во французском дискурсе межличностных отношений, ориентированные интерреляцией движения;
- скрипты согласованного действия, личной автономии и рационального действия;
- знаки кода свободного выбора, т. е. лингвистические средства, указывающие на убежденность говорящего о том, что волеизъявление партнера и уважение его намерений являются ценностными условиями межличностных взаимодействий.

Тематика эксперимента определила раздел сайта: *Amour* *Любовь* под рубрикой *Couple* *Семья*.

Указанным выше критериям соответствует статья *Il m'aime, mais ne veut pas s'engager...* (<https://www.femmeactuelle.fr/amour/couple/engagement-couple-26920>), автора А. Tixeront. Общий объем статьи 1059 слов.

Исследователи отмечают ценность жанровой специфики публицистических текстов для переводческих экспериментов [Delisle 1982; Krings 1986; Kussmaul 1995]. Требования ясности и точности изложения отодвигают на второй план стремление к изящности речи, поэтому такие тексты можно противопоставить художественным [Delisle 1982: 32].

Для переводческого задания текст был сокращен до 779 слов по следующим причинам. Необходимые для исследования метафоры и дискурсивные элементы находятся в первых двух третях текста. В конце статьи автор меняет семейную тематику на вопросы внутренней гармонии. Стремясь минимизировать у потенциальных респондентов впечатление о необходимости усилий и временных затрат, мы стремились ограничить объем текста одной страницей формата А4. Итоговый текст для перевода см. в ПРИЛОЖЕНИИ.

Параметры анализа результатов

Дальнейшие *цели* и *задачи анализа* основываются на следующем. Осуществляя перевод, испытуемый убежден, что использованные им речевые средства не только верно интерпретируют смыслы французских фраз, но и являются приемлемыми в подобных коммуникативных ситуациях.

Высказывания как продукты речемыслительной деятельности говорящих – фактические образцы дискурса – коррелируют с сегментами знаний, которые *контекстуальны* и *приемлемы* в дискурсе определенного лингвокультурного сообщества.

Перевод является одной из коммуникативных ситуаций. Испытуемый распоряжается моделями, выбор которых предопределяется общекогнитивными условиями диспозитивности. Интегрированность лингвокультуры в эти процессы проявляется опосредованно и подвергается наблюдению. Лингвокультурная среда обуславливает индивидуальные

речевые действия за счет ее неотделимости от дискурсивных практик говорящих.

Регулярные способы и средства закрепляются в языковом сознании и становятся частью дискурсивных условий выбора средства. Дискурсивные условия ориентируют речепорождение регулярным, типичным и допустимым.

Актуальный аспект содержания профилируется на концептуальном фоне. Общее и очевидное не нуждается в проговаривании, но оно, как и все, что релевантно, становится знанием, которое значимо для актуального. Так, через конфигурацию «значимостей» лингвокультура интегрируется в дискурсивные практики. Разные лингвокультуры отличаются характером реализации дискурсивных условий диспозитивности.

В предыдущих разделах диссертационной работы исследуется дискурсивная диспозитивность во французском дискурсе межличностных отношений. Определено, что значимые атрибуты референтных сцен французских высказываний предопределяются социокультурным конструктом *личное пространство*. Интерпретация объектов речи происходит с регулярным привлечением в контекст знаний о необходимости уважать личность партнера и его жизненные цели, ценности общих интересов. Модель интерреляции с инвариантом движения являются системой когнитивных и лингвистических ресурсов, востребованной для продуцирования высказываний о взаимоотношениях конгруэнтно идеям и представлениям французского общества.

Гипотезой переводческого эксперимента стало предположение о том, что переводы на русский язык французского текста, сделанные русско-французскими билингвами, приведут к определенным изменениям в контекстах высказываний на русском языке. Опыт дискурсивных практик обусловит у русско-французских билингвов использование в тексте перевода речевых средств, проецирующих социокультурный конструкт *общность*, характерный для русского дискурса межличностных отношений.

Установка анализа эмпирического материала следующая. Каждый

индивидуальный перевод является качественно отличающимся от других частным случаем речемыслительной деятельности. Так как перевод также является продуцированием высказывания в коммуникативной ситуации, он несвободен от языкового опыта респондента.

Единицей анализа определяется фрагмент перевода, синтаксически сопоставимый с предложением во французском тексте переводческого задания.

Предмет анализа – сходства и различия в моделях интерреляции, активируемых в высказываниях на французском языке и их параллельных переводах. Соотносимые речевые отрезки объединены в *битексты* (см. подробнее в процедуре обработки материала).

С учетом поставленных задач основные параметры психолингвистического исследования методом переводческого эксперимента следующие.

Отбор испытуемых

Для участия в эксперименте была сформирована группа из этнических русских, проживающих в г. Костанай. Гипотеза эксперимента обусловила основные критерии, направленные на достижение единообразия условий эксперимента:

- обучение / профессиональная деятельность в русскоязычной группе / школе;
- внутрисемейное общение на русском языке;
- владение французским языком в качестве иностранного.

Гендерные характеристики, социальное положение, возраст - не учитывались.

Участниками эксперимента стали магистранты Костанайского регионального университета, изучающие французский язык как второй иностранный, и учителя-выпускники университета, преподающие французский язык как второй иностранный в школах города Костаная в классах с русским языком обучения. Область профессиональных интересов

респондентов предполагает знание французского языка, живой интерес к французской культуре, регулярное чтение текстов различных стилей и жанров на французском языке.

Испытуемые не имеют опыта профессионального перевода. Преимущества участия непрофессиональных переводчиков в психолингвистических экспериментах отмечается многими учеными. При общем сходстве стратегий такие респонденты выделяют менее объемную единицу перевода, поэтому сильнее концентрируются на форме оригинала, а не на благозвучии готового текста [Бушев 2010; Kussmaul 1995: 9; Lorsch 2005: 605-606].

Для сравнительного анализа было сделано три контрольных перевода русскими респондентами, проживающими в течение 20 лет во Франции. Профессиональная деятельность участниц (преподаватель вуза, кадровое агентство), внутрисемейное и бытовое общение (франкоязычные семьи) происходят на французском языке. Их переводы рассматривались как высказывания на русском языке, продуцирование которых происходит без влияния русской дискурсивной среды.

Процедура проведения.

Задания для перевода рассылались по электронной почте по предварительной договоренности. Участникам было разрешено пользоваться словарями. Использование систем автоматического перевода запрещалось. Испытуемые сами определяли объем времени для выполнения задания. Запись перевода осуществлял испытуемый, наблюдение экспериментатора не требовалось.

Текст оригинала сопровождался приглашением к участию. Чтобы снизить частоту обращения к лексикографическим источникам и другим справочникам, задание предварялось краткой инструкцией, характерной для подобных переводческих заданий [см. Jääskeläinen 1991]. Испытуемым давалась возможность не переводить непонятые фрагменты текста.

Текст задания.

Приглашаю принять участие в лингвистическом эксперименте!

*Перед Вами отрывок из статьи Парижского еженедельника *Femme actuelle*.*

Переведите, пожалуйста, данный текст на русский язык. Если это необходимо, Вы можете пользоваться словарем, но не автоматизированными системами перевода. Если Вы считаете, что Вы не сможете передать даже приблизительный смысл фразы, ставьте XXXX и продолжайте перевод! Удачи!

В итоге получено 20 переводов на русский язык, сделанных участниками, принадлежащими русской лингвокультурной среде, и 3 перевода – респондентами, живущими во французской лингвокультурной среде. Согласно комментариям участников, выполнение переводческого задания занимало в среднем 40-60 минут. Каждому тексту перевода присваивался номер.

Процедура обработки материала.

Текст оригинала и переводы были организованы по методу составления параллельных корпусов – выравнивание: каждому фрагменту текста на языке X соответствует фрагмент на языке Y [Беляева 2014; Козеренко 2013; Véronis 2004]. С помощью такой организации формируются устойчивые пары «исходная лексическая единица – перевод» [Беляева 2004: 2-3]. Так как дополнительная разметка не делалась, стратегией обработки материала стало *выравнивание по фразам* — синтаксически значимым единицам в составе предложения [Козеренко 2013: 82]. *Фразой выравнивания* установлены фрагменты, сопоставимые с предложением. Для удобства дальнейшей работы один фрагмент не превышал двух строк. Многосоставные предложения (в шести случаях) делились на фрагменты, согласно смысловой целостности итоговой фразы.

В результате текст оригинала был преобразован в 60 фрагментов.

В ходе обработки встречались три вида соответствия: 1) французское предложение переведено предложением на русском языке; 2) фрагмент текста

оригинала, поделенный в ходе обработки на две части, переведен на русский язык одним простым предложением; 3) предложение не переведено (респондент поставил XXXX). Большинство установленных соответствий принадлежит первому типу. Во втором случае русский перевод помещался в ячейки соответствий для обоих фрагментов оригинала. В восьми ответах были фрагменты, вызвавшие затруднения (XXXX).

Таким образом, в результате обработки данных было получено 60 совмещенных документов (*битекстов*), состоящих из исходной версии предложения на французском языке и двадцати переводов на русский язык респондентами русскоязычной среды (всего 1800 предложений), а также 60 битекстов с тремя контрольными переводами, произведенными респондентами франкоязычной среды (180 предложений). Общее количество речевого материала – 1980 высказываний. Материал систематизирован. Переводы русских респондентов русской лингвокультурной среды имеют шифр (*RUS XY*), где *X* – номер битекста, *Y* – номер перевода. Контрольные переводы получили шифр (*FR XY*).

Этапы и критерии анализа

На первом этапе французский текст подвергается предэкспериментальному исследовательскому анализу. Выделяются метафоры, ориентированные интерреляцией движения, примеры реализации метафоры ОТНОШЕНИЯ – ПУТЬ и ее проекции. Анализируется организация референтных сцен высказываний с метафорическими выражениями. Фокус внимания направлен на образные схемы, реализующие концептуальные векторы инварианта движения в референтных сценах. Выделяются номинанты референтных объектов сферы межличностных отношений (*relation/ отношения, partenaire/ партнер, couple/ пара*). Определяются речевые средства, указывающие на интенциональные объекты референции (*s'engager, engagement*). Выявляются речевые средства, значения которых обеспечивают инференциальные компоненты контекста – скрипты, а также маркеры кода свободного выбора во французских высказываниях. Целью

предпереводческого анализа является конкретизация моделей и речевых средств, которые в комплексе проецируют в контекст высказывания социокультурный конструкт *личное пространство*.

На втором этапе анализируются битексты с метафорическим переосмыслением *со-отношения*, ориентированные метафорой ОТНОШЕНИЯ – ПУТЬ в группе *RUS*. В каждом битексте выделяются переводы трех типов: ориентированные той же метафорической моделью, с замененным метафорическим образом и переведенные с использованием эквивалента с неметафоричным значением. Вслед за Н. Б. Гвишиани последний вид определяется как *референциальное означивание* [Гвишиани 2018].

Исследование переводов первого типа нацелено на анализ организации референтных сцен в русских высказываниях. Критерием анализа является соответствие моделей объектов речи в текстах переводов концептуальным векторам инварианта движения. В фокусе внимания находится семантика речевых средств, использованная респондентами для воспроизведения метафорических образов. Выявляются концептуальные векторы инвариантов объекта и цикла.

В исследовании переводов второго типа анализ направлен на восстановление моделей интерреляции, привлеченных механизмами языкового сознания испытуемых. Устанавливается способ перевода французских метафор: индивидуальный метафорический образ или метафоры, регулярные в русском дискурсе межличностных отношений. Определяются схемы ориентирования.

В переводах третьего типа на основе анализа значения определяется сфера знаний, привлекаемая в контекст высказывания на русском языке. Так, если в переводе выражения *aller plus loin dans la relation* (букв. *идти дальше в отношениях*) респондент использует *жениться, заключить брак*, мы считаем, что способом восстановления содержания на русском языке является референциальное означивание, в результате которого в контексте появляются

компоненты о действиях, одобренных традицией.

Контрольные переводы анализируются по тем же критериям.

На основе исследования организации референтных сцен в переводах группы *RUS* определяются концептуальные векторы инварианта. Делаются выводы о востребованности интерреляции движения для продуцирования высказываний.

На **третьем этапе** анализируются переводы французских фраз со средствами референции к объектам речи сферы межличностных отношений. Определяются значения французских лексем, вызвавших затруднения в поиске переводческого решения. Определяются компоненты содержания, добавленные респондентами в контекст высказываний на русском языке. Восстанавливаются причинно-следственные связи, обусловившие трансформацию содержания. На данном этапе контрольные переводы считаются примерами интерпретации объектов речи, произведенной без влияния русской лингвокультурной среды.

На **четвертом этапе** устанавливаются элементы «невербализованного» знания. Прежде всего исследуется комплекс битекстов контрольных переводов. Фокус исследовательского внимания направлен на переводческие решения, позволяющие на русском языке воспроизвести с минимальными искажениями компоненты контекста, анализируемые в диссертации как скрипты французского дискурса и маркеры кода свободного выбора. Выявляются речевые средства, позволяющие акцентировать смыслы об уважении личных границ партнера и его права выбора. Определяются речевые средства, позволяющие восстановить в русском высказывании ракурс интерпретации объекта речи, задаваемый социокультурным конструктом *личное пространство*.

Далее переводы группы *RUS* исследуются с точки зрения объективации скриптов русского дискурса, отсутствующих в тексте оригинала. Результаты сравнения позволяют сделать выводы о конфигурациях контекста, возникших под влиянием регулярностей русского дискурса межличностных отношений.

Делается заключение о влиянии лингвокультурной среды на дискурсивные условия выбора речевого средства. Подробное описание результатов анализа каждого этапа переводческого эксперимента представлено в следующих разделах работы.

5.2.2. Концептуальные векторы инварианта интерреляции в интерпретации метафорического образа

В ходе предэкспериментального исследовательского анализа в тексте задания были выявлены фразы, реализующие метафору ОТНОШЕНИЯ – ПУТЬ и ее проекции.

Образцы на французском языке приводятся ниже с указанием номеров битекстов (в круглых скобках). Переводы респондентов сопровождаются квадратными скобками с RUS (русскаяязычная лингвокультурная среда) и FR (франкоязычная лингвокультурная среда) и шифром варианта: первая цифра — номер битекста, вторая – порядковый номер респондента.

Метафора *aller plus loin avec quelqu'un* (букв. *идти дальше с кем-то*) представлена в шести контекстах (№ 10, 13, 22, 32, 46, 53). Участники референтной сцены (мужчина и женщина) движутся в одном направлении. В содержании высказывания реализуются проекции ОТНОШЕНИЯ – ПУТЬ, ГАРМОНИЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – СОВПАДЕНИЕ НАПРАВЛЕНИЙ ДВИЖЕНИЯ. В пределах сцены высвечиваются динамические характеристики участников. Значение глагола *aller/ идти* имеет сему «движение вперед от говорящего». Семантика наречия в сравнительной степени *plus loin/ дальше* высвечивает участок на расстоянии от Наблюдателя. Референтная сцена ориентирована схемами ДВИЖЕНИЕ, ПРЕДЕЛЬНАЯ ТОЧКА, ДВИЖЕНИЕ ЗА ПРЕДЕЛ.

В других фразах модель интерреляции ОТНОШЕНИЯ – ПУТЬ ориентирует смыслы о рациональности в решениях любовных проблем, опасности поспешных действий. Ср.: (53) *Attention à ne pas aller trop vite* (букв.

Внимание! Не идите слишком быстро). // (7) *Chacun **avance** à son rythme* (букв. *каждый продвигается в своем ритме*). Смысл об изменении к лучшему интерпретируется схемами СОХРАНЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ и ДВИЖЕНИЕ ВПЕРЕД, о бережном отношении к своему партнеру – схемой СКОРОСТЬ (*trop vite/ слишком быстро, à son rythme/ в своем ритме*).

Проблемы репрезентируются схемой ПОМЕХА ДВИЖЕНИЯ. Ср.: *Identifier les points qui le freineraient/ Определить моменты, которые тормозят*. В приведенном контексте значение глагола движения *freigner/ тормозить* сочетается со значением *point/ точка*. Фокус внимания высвечивает место на фоне общей траектории следования. Имплицируется временность остановки движения, направленность к цели пути сохраняется.

Интерреляция движения наблюдается в значениях речевых средств, которые используются во французском тексте для описания негативных эмоций партнера. Ср.: *Il peut avoir peur de se sentir **prisonnier*** / Он может испытывать страх почувствовать себя пленником. // *La personne ne veut donc pas **entrer dans un carcan*** / Никто не хочет оказаться в оковах. // *Il peut **sortir d'une relation** pas encore totalement réglée* (букв. *он может не выйти еще из неурегулированных отношений*). Смыслы об отношениях ориентируются схемой КОНТЕЙНЕР. Концептуальный вектор инварианта движения предопределяет негативной импликацией содержание об ограничении и преградах.

Смыслы о необходимости подумать и не навредить отношениям ориентированы схемой ТРАЕКТОРИЯ ДВИЖЕНИЯ. Ср.: *Prenez du recul* (букв. *сдайте назад*). // *laissez-le revenir quand il se sentira prêt* (букв. *позвольте ему вернуться, когда он будет готов*).

Переводы группы **RUS**

Переводы контекста (№№ 10, 13, 22, 32, 46, 53) *aller plus loin avec quelqu'un* (букв. *идти дальше с кем-то*) систематизируются при помощи программы Excel. Всего получено 88 высказываний на русском языке, и двое респондентов отказались переводить.

Н. Б. Гвишиани сопоставляет перевод метафор с процессами репрезентации и референции [Гвишиани 2018: 6]. Индивидуальное метафорическое конструирование, которое происходит при передаче метафоры средствами своего языка, вынуждает субъекта привлекать дополнительный контекст. Исследователь наблюдает индивидуальное осмысление респондентом объекта референции, сравнимое с процессом репрезентации смысла. По утверждению ученого, когда субъект использует для перевода регулярную метафору, он может не осознавать ее образность. Процесс перевода приближен к референции и проявляет черты «практического» использования языка [Гвишиани 2018: 8].

Русские переводы были организованы в три списка: детализирующие метафорическую модель ОТНОШЕНИЯ – ПУТЬ, переведенные с использованием иного метафорического образа, а также те, в которых была произведена замена образа эквивалентом с неметафоричным значением. Подсчитано процентное соотношение каждого способа перевода относительно общего количества (всего 88) ответов (см. Рисунок 17).

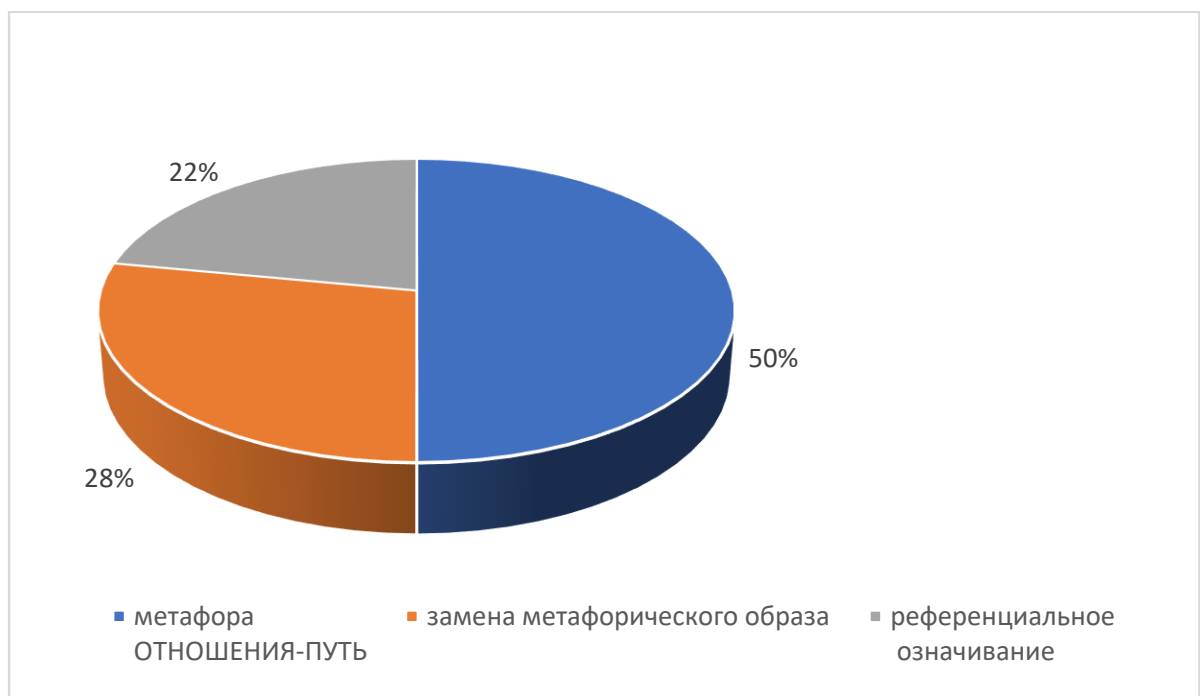

Рисунок 17 – Способы перевода метафоры *aller plus loin* респондентами группы *RUS*

Диаграмма, представленная на рисунке, демонстрирует, что в 50% случаев респонденты конструируют контексты с привлечением метафоры ОТНОШЕНИЯ – ПУТЬ.

Анализ переводов на русский язык выражения *aller plus loin avec quelqu'un* свидетельствует о том, что только в 15% контекстах схема ПУТЬ восстанавливается без искажений. Ср.: *двигаться с Вами дальше* (RUS 32.10), (RUS 32.15). // *идти дальше вместе* (RUS 22.10) // *движение дальше* (RUS 10.9) // *идти по жизни* (RUS 13.7), (RUS 13.9).

В переводах различаются следующие аспекты:

- НАЧАЛО ПУТИ. Ср.: *пойти дальше* (RUS 10.12), (RUS 10.13).
- КОНЕЧНАЯ ТОЧКА ПУТИ. Ср.: *зайти далеко* (RUS 10.14), *зайти дальше* (RUS 10.6), *заходят далеко* (RUS 22.5).
- ГРАНИЦА. Ср.: *заходить все дальше и дальше* (RUS 10.4), *пойти гораздо дальше* (RUS 10.10).
- КРАТНОСТЬ ДЕЙСТВИЯ. Ср.: *сделать серьезный шаг* (RUS 13.3), *следующий шаг* (RUS 13.6), (RUS 22.6), *последующий серьезный шаг* (RUS 13.13), *делать следующие шаги* (RUS 32.13).
- ДВИЖЕНИЕ К ОБЪЕКТУ. Ср.: *с кем-то сойтись* (RUS 22.15), *сблизиться* (RUS 32.1).

Индивидуальное метафорическое конструирование влечет изменение референтной сцены, заданной фразой на французском языке. В русских переводах движение трансформируется в кратное действие, у которого есть начало и конечная точка. Участники референтных сцен наделяются статическими характеристиками: они начинают движение и стремятся его закончить.

В ряде ответов метафорическая модель ОТНОШЕНИЯ – ПУТЬ заменяется на другую. В контекстах активируются метафоры:

- ОТНОШЕНИЯ – ЗДАНИЯ. Ср.: *выстраивая любовные отношения* (RUS 10.2) // *не строить дальнейшую жизнь вместе с вами* (RUS 13.1) // *выстраивать отношения с вами* (RUS 32.8);

- ОТНОШЕНИЯ – ПРИРОДНОЕ РАЗВИТИЕ. Ср.: *расти в любовных отношениях (RUS 10.8) // развитию отношений с вами (RUS 32.6) // отношения развиваются успешно (RUS 46.9) // развивать отношения дальше (RUS 22.11).*

- ОТНОШЕНИЯ – СОСТОЯНИЕ. Ср.: *у вас все хорошо (RUS 46.8) // быть с вами (RUS 13.14); (RUS 32.7).*

Метафора ОТНОШЕНИЯ – ЗДАНИЯ реализует модель интерреляции объекта. ОТНОШЕНИЯ – ПРИРОДНОЕ РАЗВИТИЕ и ОТНОШЕНИЯ – СОСТОЯНИЕ развиваются на основе интерреляции цикла. В данных переводах отсутствуют речевые средства, значения которых вводят в контекст прерывание действия, процесса или их окончание (например, *выстроить, построить, развить* и т. д.). В примерах акцентируется качество отношений. Ср.: *новые крепкие (RUS 32.20) // серьезные (RUS 32.4), (RUS 32.5) // место новому чувству (RUS 32.19).* Смыслы о взаимоотношениях ориентируются схемой ОБЪЕКТ.

При переводе фраз, описывающих переживания партнера, респонденты группы RUS нередко используют речевые средства, значение которых имеет ярко выраженную коннотацию бремени, трудностей, безысходности. Ср: *в ловушке (RUS 16.1), связанный по рукам и ногам (RUS 16.4), быть узником обстоятельств (RUS 16.7), в заточении (RUS 16.17)* (примеры перевода *prisonnier/ пленник*). Ср.: *хомут (RUS 18.1), кандалы (RUS 18.2), (RUS 18.11), (RUS 18.12), оковы (RUS 18.5), быть связанным смиренной рубашкой (RUS 18.6), в строгом ошейнике (RUS 18.11), с цепями на шее (RUS 18.13), попасть в капкан (RUS 18.14)* (примеры перевода *carcan ошейник/ ярмо*).

Смысл французского высказывания (20) *Vivre ensemble c'est **entrer dans l'intimité** de l'autre* (букв. *жить вместе – это войти в интимность другого*) ориентируется метафорой ОТНОШЕНИЯ – СОПОЛОЖЕНИЕ ТЕРРИТОРИЙ, развивающейся на основе инварианта движения. Значение существительного *intimité/ приватность, интимность* активирует схему КОНТЕЙНЕР в репрезентации абстрактного понятия. Действие второго участника означено глаголом *entrer/ войти* – действие, нарушающее личное пространство

партнера. В четырех ответах респонденты использовали речевое средство *войти* (нейтральное значение). Ср.: *войти в интимный мир (RUS 20.11) // войти в личное пространство (RUS 20.14)*. В других переводческих решениях акцентируется эмоциональная ответная реакция. Смысл о нарушении приватности переосмысливается в образах насильственных действий. Ср.: *вторгаться в чужое (RUS 20.9) // посягать на частную жизнь другого (RUS 20.4) // захватить свободу партнера (RUS 20.6) // вторгаться в личное пространство (RUS 20.3)*.

Результаты анализа трансформаций референтных сцен, которые наблюдаются в русских переводах представлены на рисунке (см. Рисунок 18).

В ряде переводов активируются метафоры с интерреляциями объекта и цикла. Использование в русских высказываниях речевых средств семантики пути приводит к акцентированию пределов, остановок и прерывности движения.

Контрольные переводы

В переводах *aller plus loin/ идти дальше* активируется модель ОТНОШЕНИЯ – ЗДАНИЯ. Ср.: *строить что-то большее (FR 22.1), не строить с Вами никаких отношений (FR 13.2)*. Один раз используется метафора ОТНОШЕНИЯ – ПРИРОДНОЕ РАЗВИТИЕ. Ср.: *расцвету отношений с вами (FR 20.2)*. Глагол *пойти* используется один раз.

Для перевода французских высказываний с существительными *carcan ошейник/ ярмо* и *prisonnier/ пленник* привлекаются значения без ярких коннотаций. Ср.: *почувствовать себя пленником (FR 16.1) // чувствовать как в тюрьме (FR 16.2) // боится ограничений (FR 16.3) // не хочет входить в рамки (FR 18.1) // не хочет ограничительных рамок (FR 18.3) // думает, что будет контроль постоянный (FR 18.2)*. В последнем примере респондент прибегает к объяснительному переводу.

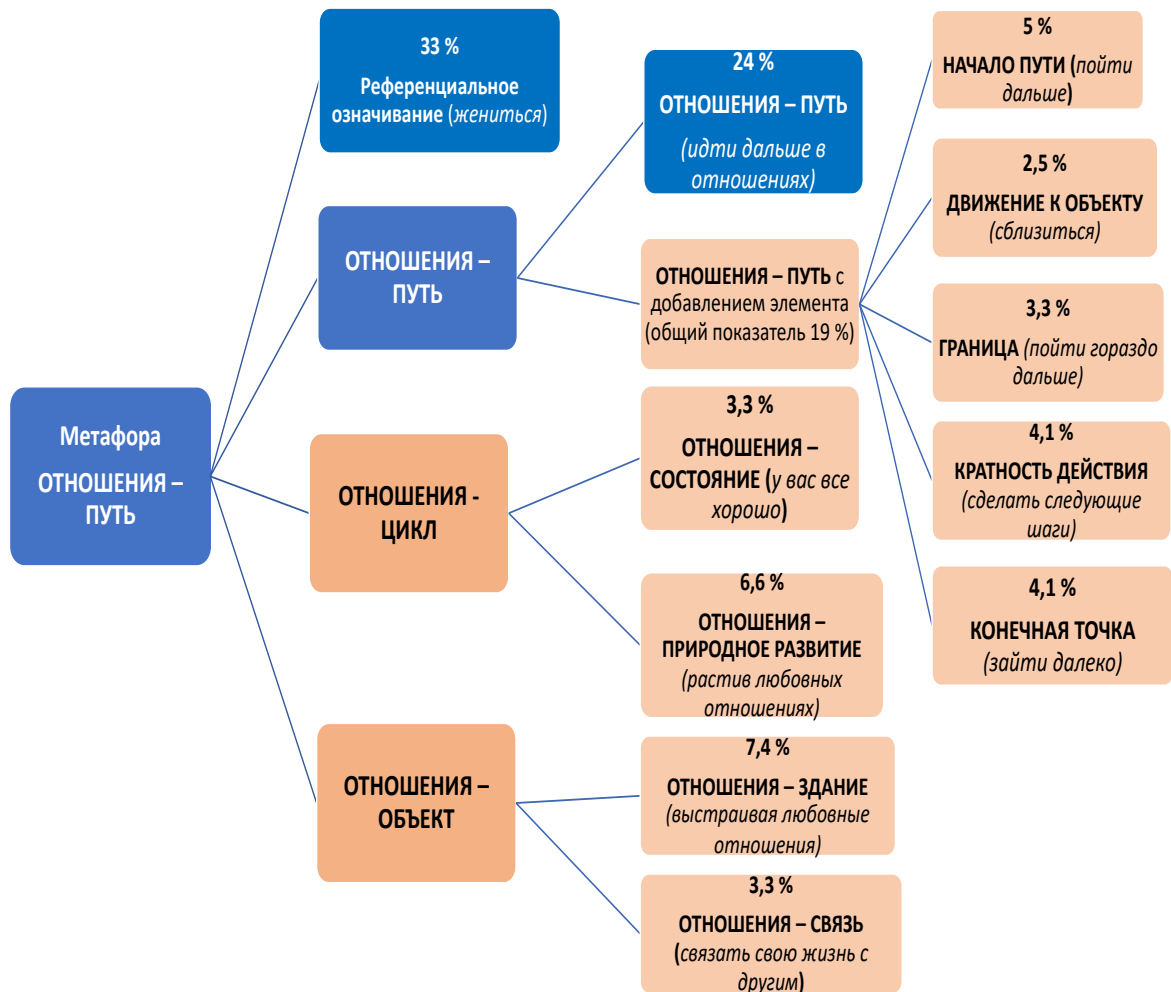

Рисунок 18 – Трансформации метафоры ОТНОШЕНИЯ – ПУТЬ в переводах респондентов группы *RUS*

Анализ переводов русской группы показывает, что контексты высказываний в значительной степени определяются концептуальным вектором инварианта объекта. Динамические характеристики референтных сцен регулярно подвергаются трансформации.

На следующем этапе экспериментального исследования сравнительно-сопоставительный анализ направлен на выявление новых содержательных компонентов в переводах.

5.2.3. Перевод средств референции к объектам сферы межличностных отношений

Анализ производится в следующем порядке: во-первых, определяются

речевые средства референции к объектам сферы межличностных отношений, использованные во французском тексте; во-вторых, выявляются трансформации в контрольных переводах; в-третьих, сравниваются переводы респондентов группы *RUS*.

Разнообразие или повторяемость значений речевых средств в русских переводах являются критерием выводов о востребованности того или иного способа интерпретации в работе механизмов языкового сознания. Регулярность речевого средства (больше 50 % употреблений) указывает на фиксированность соответствия значения лексемы и объекта референции, сформированную в прежних речевых взаимодействиях. Разнообразие средств перевода свидетельствует об отсутствии фиксированного соответствия. Переводы в данном случае являются результатом индивидуального осмысления объекта речи и предоставляют собой речевой материал для исследования сегментов знаний, привлеченных в контекст лингвистическими средствами в результате индивидуального переводческого решения, т. е. актуального для респондента как представителя определенной дискурсивной среды.

Предпереводческий анализ позволил выделить ряд средств, осуществляющих референцию к экстенциональным объектам сферы межличностных отношений: *partenaire/ партнер, la personne/ человек, hommes/ мужчины, couple/ пара, personnalités/ личности*.

Интенциональная референция осуществляется в двух контекстах, где используются существительное *la relation/ отношения* и ряд однокоренных форм *s'engager, non-engagement, engagement, petits engagements*.

Выбор средств экстенциональной референции

Для перевода *partenaire* (буксты 11; 14) респонденты обеих группы используют существительное *партнер*.

Лексемы *la personne* в контрольных переводах трансформируется в существительное *человек*, что позволяет воспроизвести в русском контексте и гендерную нейтральность, и максимальный охват возможных объектов

референции. Значение лексемы *человек* вводит в контекст имплицативные компоненты «любой», «каждый», «все». Ср.: *La **personne** ne veut donc pas entrer dans un carcan/ **Человек** не хочет входить в рамки (FR 18.1). // Il en veut encore à la **personne** avec qui il a vécu une précédente histoire/ Он в обиде на **человека**, с которым он состоял в отношениях ранее (FR 20.1) // И он думает еще, что он еще в той, прошлой своей любовной истории (FR 20.2).*

Респонденты группы *RUS* также задействуют существительное *человек*, но для фрагмента французского текста о прошлых отношениях партнера (29) *Il en veut encore à la **personne** avec qui il a vécu une précédente histoire*. В 38% примерах семантика существительных индивидуализирует объект речи. Ср.: в обиде на *женщину* (*RUS 29.1*) // обязан своей *экс-партнерше* (*RUS 29.4*) // злится на предыдущую *партнершу* (*RUS 29.5*) // с *той*, с которой он пережил (*RUS 29.9*).

Существительное *couple* обозначает совокупность двух людей, объединенных связями любви, брака (*ensemble de deux personnes unies par les liens de l'amour, du mariage* CNRTL: URL: <https://www.cnrtl.fr/definition/couple>). В контрольных переводах трижды используется существительное *пара*. Ср.: (56) *Apprenez à vivre pour vous et non pas pour votre **couple**/ Научитесь жить для себя, а не для вашей пары*. В референтной сцене действие агента направлено на сущность, репрезентированную как совокупность двух людей (*пара*).

В группе *RUS* существительное *пара* выбирается в 70% переводах. В 30% привлекаются значения, активирующие референтную сцену, в которой действие направлено на второго участника сцены (*для своего партнера* (*RUS 56.2*)), внимание смещено на цель (*для того, чтобы выйти замуж* (*RUS 56.1*)) или второй участник сцены затемняется (*не ради кого-то* (*RUS 56.8*)).

В рассуждениях о партнерах, которые могут испытывать страх серьезных отношений, во французском тексте используется (14) *certaines **personnalités***. В контрольных переводах используется лексема *личность*. Ср.: *многие личности* (*FR 14.1*) // *некоторые личности* (*FR 14.2*), (*FR 14.3*). В

переводах группы *RUS* существительное *личность* для номинации второго участника отношений не востребована (*люди, некоторое*). Значение лексемы *личности* вводит в контекст смыслы об уникальности каждого человека. Существительное *люди* выделяет совокупность признаков, общих для всех возможных объектов референции.

Выбор средств интенциональной референции

Существительное *relation/ отношения* сочетается во французском тексте с прилагательными (10) *amoureuse/ любовные*, с причастием прошедшего времени и наречиями (28) *une relation pas encore totalement réglée/ еще полностью не урегулированные отношения*. В сочетании с глаголами лексема *relation* выступает в роли агента действия. Ср.: (54) *une relation se construit/ отношения строятся* // (46) *votre relation va/ ваши отношения продвигаются* // (47) *votre relation vous apporte/ вам приносят*). Один раз выступают объектом действия Ср.: (51) *contrôler la relation/ контролировать отношения*.

В контрольных переводах сочетания с существительным *relation* воспроизводятся дословно. Единожды приписывается характеристика *серьезные*. Агентивные конструкции не трансформируются. *Contrôler la relation* переводится дословно *контролировать отношения*. Сочетания с причастиями и наречиями преобразуются в сложно-подчиненное предложение. Ср.: *Ваш партнер может также находится в фазе завершения отношений, с которыми он еще полностью не разобрался (FR 28.1).* // *Также мужчина может только что выйти из какой-то любовной ситуации, которая не совсем закончилась (FR 28.2).* // *которая для него еще имеет последствия (FR 28.3)*

В переводах группы *RUS* появляются прилагательные, значение которых вводит в контекст содержание о качественных характеристиках референтного объекта *relation отношения*. Ср.: *хорошие (RUS 46.1), (RUS 46.2) // серьезные (RUS 10) // крепкие (RUS 54.12) // истинные (RUS 54.9) // нормальные (RUS 54.14) // новые крепкие (RUS 32.10) // прошлые (RUS 32.12)*

// неудачные (RUS 33.16).

Для перевода (28) *une relation pas encore totalement réglée/ еще полностью не урегулированные отношения* респонденты выбирают значения речевых средств, привлекающие в контекст сферу опыта об устойчивости рукотворного объекта. Ср.: *нестабильные* (RUS 28.1) // *шаткие* (RUS 28.2) // *несостоявшиеся* (RUS 28.7). Данные примеры манифестируют ориентирование сцены схемой ОБЪЕКТ, так как представление происходит с приписыванием атрибутов объекта.

Перевод выражения *contrôler la relation* происходит с активированием метафоры ОТНОШЕНИЯ – ОБЪЕКТ, развиваемой на основе инварианта объекта. Ср.: *взять отношения под строгий контроль* (RUS 51.5) // *брать под контроль отношения* (RUS 51.7) // *не ищите контроля в отношениях* (RUS 51.8). Значения глаголов привлекают в контекст сферу знаний о манипуляциях с предметами.

Переводческие решения для лексем *s'engager, non-engagement, engagement, petits engagements* демонстрируют разнообразие интерпретаций долгосрочных межличностных отношениях.

Семантика корневой морфемы *gage/ залог, вклад* следующая: то, что отдают в руки кого-либо с гарантией (*ce que l'on dépose entre les mains de quelqu'un en garantie* CNRTL: URL: <https://www.cnrtl.fr/definition/gage>). Варианты перевода *s'engager* в ресурсах словаря Реверсо-контексто *участвовать, встать, вступить, начать, включиться, продвигаться, брать на себя обязательства и т. д.* (Реверсо-контексто: <https://context.reverso.net/перевод/французский-русский/s'engager>).

Соответственно, *engagement (m)* – это *приверженность, обязательство, участие, готовность и т.д.* В лексикографических данных, извлеченных из ресурса CNRTL, указывается следующее: 1) совершить результативный волевой акт; 2) участвовать в чем-то согласно выбору, соответствующему истинным убеждениям субъекта, принимая на себя последующие риски в плане социальной, политической, интеллектуальной или религиозной жизни

(CNRTL: <https://www.cnrtl.fr/definition/engager>).

С целью выяснить ассоциативный ряд, активированный значением *s'engager* во французском контексте, нами проводится анализ семантики этого слова на основе данных словаря Larousse под редакцией Д. Пешуена (Pechoin 2004). Словарь тезауруса распределяет значение *s'engager* по следующим идеям и понятиям (см. Таблица 4).

Таблица – 4 Соотношение значения *s'engager* с идеями и понятиями согласно словарю тезауруса Larousse

Группа идей	мир			человек		общество	
Подгруппа	L'ordre et la mesure/ порядок и мера			Action/ действие		Relation/ отношение к другому	
Идея	L'ordre/ порядок	Le mouvement/ движение		Projet et son resultat/ планирование и его результат		Comportements/ поведение	
Понятие	Commen- cement/ начало	Entree/ вход	Penetra- tion/ проник- новение	Tentative/ попытка	Entreprise/ предприятие	Loyaute/ законность	Promesse/ обещание
Famille de sens Родствен- ные смыслы	Se mettre a	S'intre- duire	S'enfoncer	Essayer, faire une tentative, se jeter, se lancer dans	Entreprendre S'atteler a, se charger de	Jurer foi et hommage S'engager (vieilli)	Donner sa parole Promettre de Prendre un engageme nt Prendre une option

Значение *s'engager* в перечне идей о закономерностях мира помещено авторами словаря в разделы о порядке и умеренности, где оно выступает синонимом других значений, объединенных понятиями начала процесса или вхождении в какое-либо пространство (*se mettre/ приступить к, s'enfoncer/ внедряться*). В группе идей о человеке глагол *s'engager* расположен в ряду значений о планировании действий и их результатах (*essayer/ пытаться, faire une tentative/ пытаться, se jeter/ бросаться*). В группе идей о социальной сфере может репрезентировать представления об обязательствах (*jurer foi/ клясться, promettre de/ обещать, prendre un engagement/ брать ответственность*).

Таким образом, значение глагола *s'engager* переосмысляет отношения между любящими людьми с привлечением знаний об обязательствах, сопровождающих сотрудничество людей, которое предполагает планирование, взаимные обязательства и обоюдную нацеленность на успех. Семантика *s'engager* во французских контекстах о любовных отношениях позволяет автору акцентировать важность совместных планов (долгосрочных и краткосрочных), обоюдную заинтересованность и уважение жизненных целей каждого из партнеров.

В контрольных переводах лексемы *s'engager* и *engagement* воспроизводятся существительным или словосочетанием существительное + прилагательное *отношения, серьезные отношения, большие отношения*; идиомами *брать на себя серьезные обязательства, брать на себя ответственность, строить серьезные отношения, вступать в серьезные отношения*. Наиболее частотным переводческим решением является *отношения* и *брать на себя ответственность*. Существительное *обязательства* используется дважды и только одним из респондентов.

В переводах группы *RUS* интенциональный референтный объект межличностные отношения регулярно номинируется существительным *обязательства*. Респонденты демонстрируют предпочтение идиом *брать на себя (взять на себя, иметь) обязательства* (см. битексты №№ 1, 7, 9, 35, 43, 44, 47, 48). Референтный объект наделяется характеристиками *лишние (RUS 8.1), никакие (RUS 8.12), новые (RUS 9.1)*. Профилируется направление действия *обязательства перед Вами (RUS 8.14)*. Существительное *ответственность* используется реже.

Значения лексем *ответственность* и *обязательства* синонимичны, но отличаются разным направлением фокуса внимания. В референтной сцене *ответственность* профилируется внутренний стимул действия (готовность отвечать). Значение *обязанность* акцентирует безусловную необходимость, которая возлагается на субъекта внешним стимулом.

Третий частотный способ восстановления содержания, активируемого

значением лексем *s'engager*, *engagement*, *non-engagement* в переводах респондентов группы RUS, представляет собой использование речевых средств семантики институционального акта. Ср.: *женитьба* (RUS 44.3) // *шаг в сторону брака* (RUS 44.6) // *вступать в брак* (RUS 9.6) // *обременять себя браком* (RUS 9.5) // *вступить в официальные отношения* (RUS 43.5) // *обручиться* (RUS 1.16) // *стать спутниками жизни* (RUS 43.3). Вариант *серьезность намерений* (RUS 44.14) в контексте русского высказывания имплицитно подразумевает намерение заключить официальный брак.

Соотнесение модели, отражающей индивидуальное понимание объекта речи, и средства референции происходит на основании общего для говорящего и его потенциального адресата когнитивного множества из активизированных элементов знания [Йокояма 2005: 30]. Так, например, переводы выражения (59) *Il y a là une recherche fusionnelle* демонстрируют следующее. Респондент группы RUS интерпретирует высказывание с привлечением сферы знаний о научных исследованиях, считая их релевантными для данного контекста. Ср.: *На эту тему существует одно научное исследование* (RUS 59.18). Другие примеры иллюстрируют привлечение сферы опыта о способах улучшить взаимоотношения. Ср.: *поиск полного слияния* (FR 59.1) // *общая работа по изучению* (FR 59.2) // *Тут и поиск излечения от иллюзий* (RUS 59.10) // *В этом есть попытка залечить раны* (RUS 59.9). Недостаточное знание французского языка прослеживается в двух ответах. Ср.: *флюзионное исследование может вылечит раны* (RUS 59.3) // *существует объединенное исследование* (RUS 59.7).

Акцентирование тех или иных аспектов содержания в механизмах референции к объектам сферы межличностных отношений обусловлено **разной конфигурацией общих знаний у респондентов двух групп**. Данные различия, обусловленные спецификой дискурсивной среды испытуемых, стали предметом научного анализа следующего этапа.

5.2.4. Скрипты дискурса межличностных отношений и объективация кода субъективной позиции

В нескольких фрагментах французского текста есть высказывания, в контекстах которых сочетание значений речевых средств приводит к актуализации определенной связи между сегментами опыта, обеспеченной общими знаниями представителей французской лингвокультуры. В тексте задания имеются следующие высказывания с невербализованными компонентами контекста, восходящими к социокультурному конструкту личное пространство.

Ср.: (41) *laissez-le revenir quand il se sentira prêt à en parler. Позвольте ему вернуться к этому, когда он почувствует, что готов.* Содержательный компонент о мотивированности любого действия человека личными целями возникает в контексте за счет сочетания значений глагола *se sentir/ почувствовать* и выражения *être prêt à/ быть готовым*. Общие знания представителей французской лингвокультуры об уважении эмоциональной сферы партнеров обуславливают инференцию скрипта личной автономии: невозможно принуждать кого-либо к разговору, партнер сам примет решение. На фоне скрипта фраза имплицитно означает, что обсуждение отношений улучшит их только при обоюдном желании участников.

Ср.: (6) *Prendre un **appart** ensemble, désirer un **enfant**, vouloir **se marier**/ Снять квартиру, желать ребенка, захотеть жениться.* Во фрагменте перечисляются возможные радостные события, которые ожидаются участниками отношений. Значение *désirer/ желать* и *vouloir/ хотеть* синонимичны, в составе одного высказывания их использование избыточно. Сочетание каждой из лексем *enfant/ ребенок* и *se marier/ жениться* с глаголом семантики «желания» продуцирует в контексте скрипт личной автономии. Значение глагола акцентирует важность каждого события, это решение и осознанный выбор обоих партнеров.

Сочетание семантики глагола *partager/ делить* и контекста

высказываний о романтическом времяпровождении продуцирует скрипт согласованного действия (см. подробнее п.п. 4.1.1). Ср.: (8) *la personne avec qui vous partagez votre vie*/ Человек, с которым Вы делите свою жизнь ... // (24) *partager son temps libre*/ делить свое свободное время.

В тексте задания имеются средства-маркеры кода свободного выбора. В п.п. 4.1.2 доказано, что маркерами кода в высказываниях об отношениях становятся лексемы, в значении которых есть сема «выбор». Во французских высказываниях, предложенных в переводческом задании, указаниями на код свободного выбора являются глагол *accepter*/ *принять* (битексты №№ 24, 9, 10) и выражение *faire le choix*/ *выбирать* (№ 22). Ср.: (24) **accepter** notamment de partager son temps libre // (9) Elisabeth Couzon, psychologue, rappelle que *s'engager, c'est aussi «prendre des risques, et **accepter** d'avoir confiance en soi, en l'autre et en la vie ...* // (10) *Aller plus loin dans une relation amoureuse implique de s'abandonner, **d'accepter** de toucher la vulnérabilité que l'on a à l'intérieur de nous... »* // (22) *lorsque l'on fait le choix d'aller plus loin avec quelqu'un.*

В контрольных переводах наблюдается стремление восстановить содержательный компонент о «разделении» личного времени с партнером.

(8) *la personne avec qui vous partagez* человек, с которым **вы живете** (FR 8.1)
votre vie

человек, с которым **вы делите вашу жизнь** (FR 8.2)

(24) *partager son temps libre*

проводить свободное время с партнером (FR 24.1)

ты **делишь** свое свободное время с партнером (FR 24.2)

В контекстах респондентов группы *RUS* демонстрируется большее разнообразие речевых средств. Ср.: *хотите **разделить** свою жизнь* (*RUS* 8.6), (*RUS* 8.7) // ***распределить** свое свободное время* (*RUS* 24.2) // ***поделиться** своим свободным временем* (*RUS* 24.3) // ***раздельный** досуг* (*RUS* 24.7) // ***разделение** своего личного времени с другим* (*RUS* 24.13) // ***разделить** свое свободное время* (*RUS* 24.17).

Однако в ряде контекстов обнаруживаются содержательные компоненты о единении, нивелировании личных интересов, жертвенности в пользу гармоничных отношений. Ср.: ***посвящаете** свою жизнь* (*RUS* 8.3) //

*вошел в вашу жизнь (RUS 8.5(// разделяете свое **существование** (RUS 8.11) // **отказаться** от многих вещей, в частности от свободного времени (RUS 24.4) // **придется** вместе проводить (RUS 24.5) // свободное время надо будет **тратить** на кого-либо кроме себя (RUS 24.6) // в ущерб своему свободному времени (RUS 24.10) // **пожертвовать** частью своего свободного времени (RUS 24.12).*

В контрольных переводах скрипт личной автономии сохраняется. Ср. переводческие решения для (41) *quand il **se sentira prêt à en parler***: *когда он почувствует, что готов когда он **почувствует себя готовым** к разговору (FR 41.1). // когда он будет **уже** готов поговорить об этом (FR 41.2).*

В ответах группы RUS в 40% переводческих решений не акцентируются волеизъявление партнера и его мотивированность как первопричины поступков. Вводятся дополнительные речевые средства, чтобы эксплицировать необходимость предоставить партнеру право принятия решения. Ср.: *он **сам** будет готов (RUS 41.2) // **самому** почувствовать, что он готов поговорить (RUS 41.5).* В остальных переводах имплицитный компонент «право принимать решение» трансформируется в содержание о возможности контролировать действия партнера. Ср.: ***позвольте ему** решить, когда об этом поговорить (RUS 41.6) // **вы дадите ему** время подготовиться (RUS 41.7) // **оставляете ему** возможность поговорить, как он почувствует себя готовым к этому (RUS 41.15).*

В контрольных переводах высказывание (6) *Prendre un appart ensemble, **désirer** un enfant, **vouloir** se marier* воспроизводится с сохранением импликаций о необходимости обсуждать каждое из решений. Ср.: ***желание** завести ребенка, **желание** вступить в брак (FR 6.1) // **захотеть** иметь ребенка, **захотеть** жениться (FR 6.2).* С помощью семантики глагола *захотеть* и повторения лексемы *желание* усиливается различие двух действий, возникает компонент о временных промежутках между событиями.

В переводах группы RUS акцент на разграничении каждого действия воспроизводится не во всех контекстах. Ср.: ***завести** ребенка, **пожениться***

(RUS 6.17) // **хотеть** ребенка, **официально оформить** супружеские отношения (RUS 6.5) // **мечтать** о детях, **хотеть** пожениваться (RUS 6.2) // *Вести совместное хозяйство, мечтать о ребенке, о свадьбе* (RUS 6.7). Контексты о важных решениях трансформируются в перечисление возможных событий.

Семантика глагола *accepter* профилирует добровольное согласие на действие, означенное последующей лексемой. В контрольных переводах компонент «добровольного согласия» воспроизводится. Ср.: *предполагает умение оставить часть себя* (FR 10.1) // *когда они делают выбор идти дальше* (FR 22.2). При переводе высказываний с данным глаголом в контексты группы RUS привлекаются речевые средства с семами «подчинение внешнему давлению» (*сломать свое самолюбие, смиряться*), «эмоциональный стимул» (*когда хочешь*).

Другие указания на свободный выбор в переводах респондентов группы RUS часто заменяются речевыми средствами с семантикой долженствования (т.е. подчинения внешней необходимости). Так, (13) *il peut y avoir de nombreuses raisons/ Он может иметь множество причин...* переводится **должно быть** множество причин ((RUS 13.13). В выражении (7) *ce genre de décisions se prend à deux/ такие решения принимаются вдвоем* в 20% переводов модальность высказывания меняется на долженствование. Ср.: *Решения такого рода должны приниматься вместе* (RUS 7.15). // *Подобные решения должны принимать двое* (RUS 7.4).

В высказывании (57) *Parfois, il faut aussi faire le deuil du rêve de princesse/ Иногда надо похоронить свою мечту...* семантика безличного оборота *Il faut* надо репрезентирует необходимость действия (*faire le deuil/ скорбеть*). В русских переводах акцентируется подчинение внешней силе. Ср.: *иногда придется забыть* (RUS 57.8) // *Иногда стоит также* (RUS 57.9), (RUS 57.11) // *Порой лучше забыть* (RUS 57.3).

В переводах высказывания (42) *Sachez aussi que la confiance se construit avec le temps/ Знайте также, что для построения доверия нужно время*

глагол *savoir/ знать* трансформируется в *помните, имейте ввиду, надо помнить*. Обращение к потенциальному собеседнику приобретает оттенки безапелляционности, авторитетности мнения. Ср.: ***Вам также следует знать*** (RUS 42.11).

Сравнительный анализ переводов двух групп демонстрирует следующее. В ответах группы *RUS* регулярно используются речевые средства семантики эмоциональных состояний, гиперболизирующие эмоции. Это указывает на появление в контекстах скриптов русского дискурса межличностных отношений: сопричастности, созависимости, эмоциональной общности. Так, для выражения (59) *satisfaire les blessures* в контрольных переводах привлекаются значения словосочетаний *покрыть наши раны* и *закрыть те раны, заполнить свои недостатки*. Интерпретация выражения в группе *RUS* происходит с введением в контекст содержания о боли, страданиях, болезненных состояниях. Ср.: ***заживление ран*** (RUS 59.2) // ***затягивания душевных ран*** (RUS 59.4) // ***залечить полученные раны*** (RUS 59.5) // ***успокоить свою боль*** (RUS 59.6). Значение глагола *satisfaire/удовлетворить* направляет внимание на результат действия. Семантика использованных в переводах речевых средств смещает внимание на процесс, который может быть болезненным.

В переводах группы *RUS* акцентируется глубина переживаний. Ср.: ***душевные раны*** (RUS 30.5) // ***незалеченные раны*** (RUS 30.1) // ***раны еще не зажили*** (RUS 30.3) // ***раны еще свежи*** (RUS 30.7). В выражении (39) *se types de sujets délicats* компонент «деликатность» трансформируется в ***душещипательные темы*** (RUS 39.2).

В (11) *Comprendre les réticences de son partenaire* лексема *réticences* означает внешнее проявление сдержанности, решение не сказать того, что можно или нужно сказать (CNRTL: <https://www.cnrtl.fr>). Ср.: ***недомолвки партнера*** (RUS 11.9) // ***О чем молчит ваш партнер*** (RUS 11.10)? // ***Понимать то, что недоговаривает ваш партнер*** (RUS 11.15).

Но в других ответах используются лексемы, значение которых

указывает на причину несогласия. Респонденты интерпретируют неизвестные им факты. Ср.: *отступление* (RUS 11.3) // *нерешительность* (RUS 11.2), (RUS 11.11), (RUS 11.12) // *нежелание* (RUS 11.10) // *возражение* (RUS 11.14).

Добавляются характеристики эмоционального состояния агентов действия. Ср: (12) *discutez de la situation/ спокойно проанализируйте ситуацию* (RUS 12.5). Ср.: (12) *avant de vous braquer / прежде чем скандалить* (RUS 12.14) // *вставить на дыбы* (RUS 12.11) // *прежде чем бросаться на него с обвинениями* (RUS 12.8).

Императивная форма глагола (55) *Relativisez!* переводится в *Будьте проще! Думайте!*. В вариантах группы RUS обнаруживаются компоненты о сдерживании эмоций. Ср.: *Успокойтесь!* (RUS 55.1) // *Мыслите трезво!* (RUS 55.9), (RUS 55.13) // *Вздохните!* (RUS 55.17).

Содержание об интимности, которая неизбежно нарушается, репрезентируется в тексте оригинала сдержано. Ср.: (20) *c'est une mise à nu*. Данная сдержанность сохранена в контрольных переводах. Ср.: *оголять себя*. (FR 20.1) // *видеть все интимные стороны другого человека* (FR 20.2) // *видеть другого в его повседневной интимности* (FR 20.3). В ряде интерпретаций группы RUS появляются речевые средства, значения которых указывают на крайнюю степень действия. Ср.: *обнажиться перед ним во всех отношениях* (RUS 20.11) // *со всеми его обнаженными чувствами* (RUS 20.9) // *полностью обнажиться перед ним* (RUS 20.13) // *обнажить перед ним душу* (RUS 20.14) // *лишиться защиты* (RUS 20.5) // *обнажить свое сокровенное* (RUS 20.1) // *осознавать его полное физическое и духовное обнажение* (RUS 20.4).

В русских контекстах возникают компоненты невербализованного знания о следовании в личных отношениях неким внешним правилам / нормам. Ср.: *Каковы же знаки что отношения движутся в правильном ключе?* (RUS 46.13) // *отношения развиваются нормально?* (RUS 46.5) // *правильно выстраивать отношения с вами* (RUS 32.9).

В контекстах высказываний на русском языке, продуцированных

респондентами группы RUS, обнаруживаются скрипты русского дискурса межличностных отношений и маркеры кода эмоциональной общности.

Содержание о самостоятельном решении регулярно трансформируется в действие по принуждению, появляются компоненты о нивелировании личных интересов и жертвенности, о возможности контроля над партнером. Семантика свободного регулярно заменяется на долженствование или подчинение давлению. Появляются указания на убежденность говорящего в ценности эмоциональной составляющей для гармоничных взаимоотношений. Мы считаем данное содержание контекстов результатом проявления диспозитивности русского дискурса межличностных отношений.

Выводы по пятой главе

Психолингвистический анализ моделей интерреляции позволяет сделать вывод о том, что их лингвокультурная специфика является частью языкового сознания представителей казахской, русской и французской культур.

Экспериментальное исследование, выполненное при помощи метода неструктурированного опроса, доказывает, что модели интерреляции активируются интенцией ввести в контексте событие со-отношения между референтными объектами.

На основе эмпирического материала рассказов о семье мы установили и систематизировали речевые маркеры интерреляции, репрезентирующие событие со-отношения. В описании членов семьи говорящего устанавливается соотнесение с Я- или Мы-Центром высказывания, а также между референтными объектами, выделение одного или больше членов семьи на фоне группы.

Сравнительный анализ рассказов, продуцированных русскими и казахскими респондентами, обнаружил различия, обусловленные лингвокультурной спецификой интерреляции.

Референтные сцены высказываний казахских билингвов демонстрируют

концептуальные векторы инварианта цикла. В описаниях семьи и близких наблюдается предпочтение временных атрибутов. Концептуальное содержание сцен высказываний русских респондентов различается указаниями на концептуальные векторы инварианта объекта. Чаще используются указания на пространство участников со-отношения. Допускается разграничение родственных линий.

Переводческий эксперимент позволяет доказать, что лингвокультурная специфика интерреляции поддерживается дискурсивной средой говорящих.

В высказываниях, продуцированных русско-французскими билингвами, проживающими в русской дискурсивной среде, обнаруживаются компоненты, свидетельствующие об адаптации контекста социокультурному конструкту общность. Контрольные переводы, продуцированные респондентами, проживающими долгое время во франкоязычной среде, не имеют подобных акцентов.

В переводах респондентов группы RUS искажаются контексты французского оригинала, ориентированные метафорическими моделями инварианта движения. Референтные сцены переводных высказываний обнаруживают статические характеристики. Активируются метафоры с инвариантом объекта.

В сравнении средств референтии к объектам речи сферы межличностных отношений переводы респондентов группы RUS свидетельствуют об актуальности модели интерреляции с инвариантом объекта. Семантика, развивающаяся во французском контексте импликации о сотрудничестве и планировании, трансформируется в русских высказываниях в значения об институциональных актах и обязательствах.

Сравнительный анализ невербализованного знания в русских контекстах обеих групп демонстрирует различия, обусловленные спецификой дискурсивной среды испытуемых. В высказываниях респондентов русскоязычной дискурсивной среды обнаруживаются компоненты о единении, нивелировании личных интересов, жертвенности в пользу

гармоничных отношений, возможности контролировать близкого человека. Регулярно используются речевые средства семантики эмоциональных состояний, эмоции гиперболизируются.

В переводах не восстанавливаются содержательные компоненты о волеизъявлении партнера, личной заинтересованности каждого в принятии решений. Компоненты о мотивированности трансформируются в долженствование.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование диспозитивности как категории дискурса делает необходимым осмысление проблем, связанных с пониманием того, как дискурс влияет на интерпретацию объектов речи.

Закономерности, возникающие эмергентно в речевых взаимодействиях между членами лингвокультурной группы как постоянное свойство дискурсивных практик, регулируют выбор говорящим модели и способа интерпретации из репертуара средств, предоставленным дискурсом, что ограничивает индивидуальную интерпретацию.

Продуцируемые говорящим высказывания о межличностных отношениях формируются под регулирующим действием социума и культуры. Ресурсы интерпретации и общие знания коммуникантов существуют для субъекта-представителя лингвокультурной группы как объективная реальность, которой подчиняется его индивидуальное оречевление.

В диссертационном исследовании доказано, что трансфер понятия диспозитивности из философии познания и теории права в дискурсологию позволяет исследовать предопределенность интерпретации межличностных отношений дискурсивными практиками во французской, русской и казахской лингвокультурах. Дискурс является динамичной речевой средой, сформированной взаимодействующими субъектами как представителями определенной лингвокультуры. Предзаданность складывается на основе прежнего опыта речевых взаимодействий, принятых в лингвокультуре способов осмысления и репрезентации социальных феноменов и в обязательном порядке соотносится с социокультурными идеями.

Философская идея о диалектике личной свободы и императиве коллективного соглашения трансформируется в дихотомию личного выбора модели и средства интерпретации в пределах, предоставленных говорящему дискурсом.

В разработанной концепции диспозитивность рассматривается как когнитивно-конструктивная категория дискурса, которая выражает его сущностную характеристику – быть рамочным пространством, обеспечивающим и одновременно ограничивающим интерпретацию объектов речи. Единицей анализа диспозитивности выступает высказывание как речевой знак вторичного означивания (по Э. Бенвенисту), представляющий индивидуальную смысловую версию об объекте речи.

На основе анализа кореферентных речевых знаков выделяются инвариантные модели интерпретации и их реализации в трех лингвокультурах. Систематизируются речевые средства, соотносимые с определенной сферой социального опыта.

Обосновывается, что категория диспозитивности реализуется под влиянием *общекогнитивных* и *дискурсивных* условий выбора говорящим способа и средства интерпретации объекта речи.

Исследование показывает, что понятие диспозитивности эффективно используется для изучения *дискурса объекта* – системы когнитивных и лингвистических ресурсов интерпретации внешнего или внутреннего по отношению к говорящему феномена, которая эксплицируется во множестве кореферентных высказываний, конституирующих социокультурно значимый феномен внеязыковой реальности.

В диссертации предложена концепция исследования категории диспозитивности дискурса межличностных отношений, позволяющая моделировать дискурс объекта из инвариантов интерпретации объектов речи, соотносимых с социальным феноменом, и сегментов знаний, общих для представителей лингвокультурной группы.

Единство дискурса межличностных отношений обеспечивает событие со-отношения. Понятие вводится для обозначения качества взаимодействия, при котором один субъект устремлен к другому. Ментальный конструкт, репрезентирующий значимое устремление одного субъекта на другого и ожидание ответного устремления, обозначается в работе термином

«интерреляция». В ходе лингвистического анализа интерреляция реконструируется с помощью моделирования.

Модель имеет концептуальную рамку, состоящую из трех элементов – два участника и *со-отношение*, интерпретируемое схемами ПРОСТРАНСТВО, ОБЪЕКТ или ЦИКЛ. Выделяются три базовых модели интерреляции с инвариантами движения, объекта, цикла.

Общекогнитивные условия диспозитивности дискурса межличностных отношений раскрываются в *вариативно-репрезентативном* и *семантико-когерентном* аспектах анализа речевых знаков. На данном этапе ключевым понятием является референтная сцена – совокупность элементов в представлении говорящего, которая выступает референтом высказывания о межличностном взаимодействии и концептуальной основой семантики речевых средств.

В результате *вариативно-репрезентативного анализа* устанавливаются инварианты интерреляции и модели, которые их реализуют и ориентируют содержание высказываний о межличностных отношениях. Анализ организации референтных сцен определяет концептуальные векторы инварианта.

Концептуальный вектор задает качественные характеристики референтной сцены: 1) фон; 2) фокусный участок; 3) слитность и связность частей; 4) метафорические модели и проекции, развиваемые на основе инварианта. Демонстрируется, что инварианты интерреляции обнаруживают сходство речевой объективации в трех лингвокультурах.

Семантико-когерентный аспект диспозитивности направлен на анализ когерентности референтных сцен и обнаруживает ограничительное действие концептуальных механизмов в контексте речевого знака.

Инвариант движения является основой *модели интерреляции* СУЩНОСТЬ 1 – ПРОСТРАНСТВО – СУЩНОСТЬ 2. Организация референтных сцен ограничивается значимыми атрибутами: динамика движения участников и пространство перемещения. Модель активизирует

знания, обобщающие физический опыт согласованного или несогласованного движения к совместным целям. Участки референтных сцен ориентированы схемами ПУТЬ, ДИСТАНЦИЯ, ТРАЕКТОРИЯ, ЦЕЛЬ, ДВИЖЕНИЕ ВПЕРЕД, СОПОЛОЖЕНИЕ ТЕРРИТОРИЙ. Эта модель объективируется значениями речевых средств с семами движения, пространства, имеющими признаки акциональности. В высказываниях на французском и русском языках интерреляция с инвариантом движения также репрезентируется предложениями пространственной семантики. Инвариант движения накладывает ограничения на активацию значений с семантикой остановки, закрытых пространств, близкой дистанции.

На основе интерреляции движения развиваются метафорические модели ОТНОШЕНИЯ – ПУТЬ и ОТНОШЕНИЯ – СОПОЛОЖЕНИЕ ТЕРРИТОРИЙ. Гармоничные отношения интерпретируются с привлечением знаний о движении вперед. Осмысление изменений к лучшему ориентируется схемами преодоления препятствий и согласования направлений. Неприемлемое действие по отношению к партнеру, а также нарушение личной свободы каждого из участников передается семантикой дистанции, территории, направления движения.

Когнитивные ресурсы интерреляции с инвариантом движения – это модели интерпретации смыслов о межличностных отношениях, воплощающие опыт эмоционального переживания взаимодействия людей с общими интересами, сходными целями и мотивами к действию.

Инвариант объекта является когнитивным центром в *модели интерреляции* СУЩНОСТЬ 1 – ОБЪЕКТ – СУЩНОСТЬ 2. Благодаря этому значимыми атрибутами референтных сцен становятся признаки объекта, выполняющего функцию объединения. Динамические характеристики участников затемняются. Акцентируется стремление к статическому положению. Референтные сцены ориентируются схемами ПРЕДМЕТ ВЛАДЕНИЯ, ОБЩИЙ ПРЕДМЕТ, СВЯЗЬ, ОБЪЕКТ, ОБЪЕДИНЕНИЕ, РАСПОЛОЖЕНИЕ МЕЖДУ. В трех лингвокультурах выделяются четыре

группы средств с семантикой контроля и перемещения материальных предметов, собственности и «неотчуждаемой» собственности, а также со значениями, отсылающими к сфере знаний об инструментах, выполняющих функцию удержания, и к действиям со связующими, удерживающими предметами. Используются глаголы действий, направленных на создание объекта. Инвариант объекта накладывает ограничения на активацию значений самостоятельного движения субъекта от объекта устремления.

На основе модели интерреляции с инвариантом объекта развиваются метафоры ОТНОШЕНИЯ – СВЯЗЬ, ОТНОШЕНИЯ – ОБЪЕКТ. Формируются метафорические проекции, восстанавливающие материальные признаки со-отношения. Метафорические образы гармоничных и плохих отношений интерпретируются с привлечением знаний о качестве связующего предмета. Стремление сохранить эмоциональный комфорт в непосредственной близости с объектом устремления активирует знания о владении ценным предметом, порождает образы поглощения еды. Опыт перемещения тяжелых и легких предметов привлекается для создания смыслов о желании или нежелании взаимодействовать.

Модель интерреляции с инвариантом объекта – система когнитивных ресурсов для интерпретации событий со-отношения в ракурсе стремления партнеров к общности, единению.

Инвариант цикла лежит в основе *модели интерреляции* СУЩНОСТЬ 1 – ЦИКЛ – СУЩНОСТЬ 2. В концептуальной рамке интерреляции локальное взаимодействие является одним из процессов, объединяющих участников. Референтные сцены ориентируются схемами ПРИРОДНЫЙ ПРОЦЕСС, ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ, ЦИКЛ, СОСТОЯНИЕ, ПЕРЦЕПТИВНОЕ ВОСПРИЯТИЕ, ВИЗУАЛЬНЫЙ КОНТАКТ, КРУГ, ДВИЖЕНИЕ ПО КРУГУ, ДВИЖЕНИЕ К ЦЕНТРУ, ЦЕНТР – ПЕРИФЕРИЯ. В исследуемых лингвокультурах интерреляцию цикла реализуют речевые средства с семантикой, указывающей на естественные процессы растительного и животного мира, отсылающей к знаниям о стадиях развития и

жизнедеятельности человека, о физических процессах, обобщающей опыт перцептивного восприятия, имеющей компонент «движения по кругу». Инвариант цикла накладывает ограничения на активацию значений линейной последовательности в причинно-следственных связях.

Метафорические модели, развиваемые на основе интерреляции с инвариантом цикла, являются результатом осмысления сходства процессов внутреннего и внешнего мира. Метафора ОТНОШЕНИЯ – ПРИРОДНЫЙ ПРОЦЕСС интерпретирует со-отношение на основе знаний о природных, органических, временных, социальных процессах. Закономерности внешней среды позволяют переосмыслить долговременность отношений, трансформацию переживаний участников, степень интимности и доверия. В метафоре ОТНОШЕНИЯ – ПЕРЦЕПТИВНОЕ ВОСПРИЯТИЕ взаимодействие осмысливается как результат сложных процессов окружающей среды. Метафора ОТНОШЕНИЯ – ДВИЖЕНИЕ ПО КРУГУ соотносит устремленность на другого и опыт регулярных действий (заботы, помощи, участия) по отношению к нему. Метафора ОТНОШЕНИЯ – ЖИВОЕ СУЩЕСТВО позволяет акцентировать обусловленность качества отношений усилиями участников.

Модель интерреляции с инвариантом цикла представляет собой когнитивные ресурсы интерпретации межличностных отношений в ракурсе общих для участников повторяющихся процессов, которые существуют и воспроизводятся независимо от индивидуального поведения и намерений.

Эпистемически-референтивный аспект анализа диспозитивности нацелен выявить лингвокультурную специфику, предопределяющую дискурсивные условия интерпретации. Устанавливается, что в исследуемых лингвокультурах модели интерреляции демонстрируют различную продуктивность в зависимости от идей и ценностей, сложившихся в сфере межличностного взаимодействия. Это наглядно показано на примере метафор, которые демонстрируют различия в образах, регулярность которых объясняется культурно-историческим опытом.

Рационализированные образы путешествия по морю входят в привычный репертуар выражений о взаимоотношениях французского дискурса межличностных отношений. На базе метафорической модели ОТНОШЕНИЯ – ПУТЬ развивается проекция ОТНОШЕНИЯ – МОРСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ. В русских высказываниях адаптор связи интерпретируется в метафорических образах, связанных с опытом ухода и контроля над домашними животными. Метафорическая проекция ОТНОШЕНИЯ – УДЕРЖАНИЕ ЖИВОТНОГО ориентируется смыслом о принуждении партнера. В казахских высказываниях регулярно востребован метафорический образ огня. Метафорическая проекция ОТНОШЕНИЯ – ОГОНЬ ориентирует смыслы о симпатии к другому.

В результате анализа устанавливается, что метафорические проекции по-разному детализируют содержательные характеристики исходной модели. Во французской лингвокультуре культурно-специфичным проявлением модели ОТНОШЕНИЯ – СОПОЛОЖЕНИЕ ТЕРРИТОРИЙ является проекция КОНФЛИКТ – РАСПОЛОЖЕНИЕ ЛИЦОМ К ЛИЦУ. Такие контексты приобретают импликации готовности к сопротивлению, об угрозе активного противодействия. Идиоэтническая метафорическая проекция ОТНОШЕНИЯ – ФИНАНСОВАЯ ОПЕРАЦИЯ с инвариантом объекта в основе вводит в контекст смыслы облигаторности ответного действия на заботу, доверие и любовь со стороны одного из участников.

В высказываниях о межличностных отношениях на русском языке развивается система метафорических проекций КОРОТКАЯ СВЯЗЬ – ОГРАНИЧЕНИЕ, ДЛИННАЯ СВЯЗЬ – ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ СВОБОДЫ ДЕЙСТВИЙ о неравновесном распределении ответственности в отношениях. Наблюдается востребованность проекции РАССТАВАНИЕ – РАЗРЫВ для создания смыслов о выделении двух частей из состава целого, о внезапном прекращении какой-либо деятельности, состояния, об отчуждении. Образ *связи* или *связующего инструмента* акцентирует единение и стабилизацию целостности частей.

В казахской лингвокультуре метафорическая проекция ГАРМОНИЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – ХОРОШИЙ ВИЗУАЛЬНЫЙ КОНТАКТ, ПЛОХИЕ ОТНОШЕНИЯ – ПЛОХОЙ ВИЗУАЛЬНЫЙ КОНТАКТ детализирует мимические движения, по которым участники коммуникации «считывают» внутреннее состояние друг друга, что может способствовать или препятствовать гармоничным отношениям. Проекция развивается на основе идеи о стремлении партнеров быть внимательными к настроению друг друга.

Социокультурные представления о признании статуса и авторитета партнера наполняет культурно-специфичным содержанием метафору ОТНОШЕНИЯ – ОБЪЕКТ. Идиоэтническая проекция УВАЖЕНИЕ – ОДАРИВАНИЕ репрезентирует уважительное отношение как ценный предмет, демонстрация которого осуществляется посредством дарения обязательна. Проекция также профилирует смыслы о необходимости постоянных действий для поддержания уважительных отношений.

Дискурсивные условия диспозитивности дискурса межличностных отношений раскрываются в *эпистемически-референтивном анализе*. На данном этапе ключевым понятием является общее знание, под которым понимаются разделяемые представителями лингвокультуры общеизвестные сегменты знаний, формируемые вместе с социальным феноменом и регулярно воспроизводимые в дискурсивных практиках. На основе методов вывода коммуникативных импликатур Г.Грайса и семантического метаязыка А. Вежбицкой в диссертации предлагается авторская методика установления имплицитных и инферентных компонентов высказывания, привлеченных в контекст не интенцией говорящего, а дискурсом как средой речевых взаимодействий. Обобщение имплицитных содержательных компонентов выявляет социокультурные конструируемые, релевантные для дискурса межличностных отношений. Социокультурный конструкт аккумулирует представления о ценностном отношении к одним проявлениям личности, осуждению других. Он интегрируется в дискурсивные условия продуцирования смыслов как познавательная координата, ограничивающая

конфигурации контекстов, и проявляется в виде скриптов и элементов кода субъективной позиции. Было установлено наличие трех социокультурных конструкторов о личности: 1) *личное пространство* во французских высказываниях; 2) *общность* — в русских высказываниях; 3) *родовая группа* — в высказываниях на казахском языке.

Дискурсивные условия диспозитивности французского дискурса межличностных отношений предопределяют возникновение в высказываниях скриптов *согласованного действия, личной автономии и рационального действия*. Невербализованные причинно-следственные связи в пределах проанализированных речевых произведений устанавливаются относительно представлениям о ценности личного пространства. Складывается код *свободного выбора*, элементы которого позволяют говорящему манифестировать собеседнику свою убежденность в ценности свобод и норм права, ввести в контекст смыслы о личной ответственности каждого, ограничить интерпретацию неприемлемостью давления на субъекта.

Исследование дискурсивных условий диспозитивности русского дискурса обнаруживает координаты социокультурного конструктора *общность*. Высказывания о межличностных отношениях продуцируются относительно приоритета общих интересов над индивидуальными, нивелирования личных границ партнеров, а также внимания к эмоциональным состояниям участников взаимоотношений. В контекстах регулярно возникают *скрипты сопричастности, созависимости, единения*. Устанавливается проявление кода *эмоциональной общности*, в рамках которого допускается гиперболизация эмоций, указания на подчинение внешнему давлению. Маркерами кода имплицитируются заинтересованность, решимость, готовность партнеров к действию, его сложность.

Анализ дискурсивных условий диспозитивности дискурса в высказываниях на казахском языке позволяет утверждать о социокультурном конструкторе *родовая группа*. Оречевление смыслов о межличностных отношениях выстраивается на знаниях о благополучии рода, его сакральной,

вневременной ценности, о необходимости одобрения и возможном осуждении со стороны членов родовой группы. В пределах исследуемого речевого материала наблюдаются скрипты *ориентированности на группу и на традицию*, а также скрипт *координативного действия*. Высказывания регулярно демонстрируют маркеры кода *уважения*. Специальные формы обращения и лексические средства позволяют говорящему исключить импликацию осуждения или пренебрежения.

Эпистемически-референтивный аспект исследования диспозитивности дискурса межличностных отношений выделяется для того, чтобы установить идиоэтничность интерреляции. Ее специфика заключается в том, что модели и средства интерреляции складываются в социуме и культуре вместе с сегментами знаний, соотносимыми с социальными идеями. Импликативный уровень высказывания создается говорящим посредством готовых ресурсов интерпретации. Во французской лингвокультуре ценностное отношение к уникальности личности и ее самодостаточности предопределяет активацию интерреляции движения в интерпретации объектов речи сферы межличностных взаимодействий. В русской лингвокультуре интерреляция объекта является доминирующим ресурсом интерпретации объектов речи сферы межличностных взаимодействий в ракурсе, заданном социокультурным конструктом *общность*. Интерреляция цикла является ресурсом интерпретации объектов речи в ракурсе ценностного отношения к членам родовой группы в казахской лингвокультуре.

Психолингвистический анализ диспозитивности дискурса межличностных отношений исследует отражение лингвокультурной специфики интерреляции в языковом сознании представителей разных лингвокультур и позволяет установить обусловленность этой специфики дискурсивными практиками говорящих.

Разработанная автором методика неструктурированного опроса подтверждает выводы о том, что модели интерреляции активируются интенцией говорящего акцентировать связь между референтными объектами.

Эксперимент с представителями русской и казахской лингвокультур позволил также выявить различия в выборе моделей интерпретации в рассказах о семье. Контексты высказываний казахско-русских билингвов демонстрируют концептуальные векторы интерреляции цикла (схемы ПЕРИФЕРИЯ – ЦЕНТР, выделение объектов на фоне группы). Высказывания русских респондентов чаще содержат указания на сопричастность, совместность действий членов семьи (схема ВЛАДЕНИЕ). Предпочтение временных атрибутов в контекстах респондентов-билингвов является также следствием ориентирования моделью интерреляции с инвариантом цикла в основе. В высказываниях русских респондентов чаще наблюдается использование пространственных атрибутов со-отношения.

Выводы, полученные в результате переводческого эксперимента, доказывают, что лингвокультурная специфика интерреляции интегрируется в языковое сознание говорящих посредством дискурсивных практик. Переводы французского текста на русский язык, сделанные русско-французскими билингвами, проживающими в разных дискурсивных средах, демонстрируют различную степень искажения французских контекстов.

Динамика движения не всегда воспроизводится в переводах представителей русскоязычной дискурсивной среды. Модели движения сменяются ориентированием интерреляцией объекта и цикла. Интерпретация объекта речи происходит под влиянием дискурсивных условий диспозитивности русского дискурса: в высказываниях акцентируются эмоциональное переживание, сопричастность участников взаимоотношений. В референтные сцены, ориентированные интерреляцией движения, вводятся статические характеристики. Знания об общей для всех норме, нивелировании личных границ становятся новыми имплицативными компонентами контекстов. Семантика, развивающаяся во французском контексте импликации о сотрудничестве и планировании, трансформируется в русских высказываниях в значения об институциональных актах и обязательствах.

Контрольные переводы, сделанные респондентами-представителями

франкоязычной дискурсивной среды, не содержат дополнительных эмоциональных акцентов. Содержательные компоненты, соотносимые с социокультурным конструктом *личное пространство*, эксплицированы.

Проведенное исследование было посвящено комплексному изучению общекогнитивных и дискурсивных условий реализации категории диспозитивности дискурса межличностных отношений.

Перспективы исследования включают поиск методов, позволяющих обнаружить новые аспекты и параметры категории диспозитивности дискурса, а также изучение общекогнитивной и дискурсивной диспозитивности других дискурсов объекта. Последующее развитие анализа инвариантов интерпретации, выявление новых социокультурных конструктов, обуславливающих идиоэтничность когнитивных моделей, станет вкладом в исследование категории диспозитивности. Открытие новых принципов, факторов и компонентов, ограничивающих дискурсивную деятельность, позволяет рассматривать дискурс как динамичную среду, создаваемую речевыми взаимодействиями представителей лингвокультуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автономова, Н. С. Концепция «археологического знания» М. Фуко / Н. С. Автономова // Вопросы философии. – 1972. – № 10. – С. 142–150.
2. Автономова, Н. С. Мишель Фуко и его книга «Слова и вещи» / Н. С. Автономова // Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – СПб. : А-сad, 1994. – 408 с.
3. Агамбен, Дж. Что такое диспозитив? / Дж. Агамбен // Что современно? / пер. с итал. А. Соколовски. – К. : Дух і Літера, 2012. – С. 13–44.
4. Айрапетян, В. Толкуя слово. Опыт герменевтики по-русски / В. Айрапетян. – М., 2001. – 484 с.
5. Акатаев, С. Н. Мировоззренческий синкретизм казахов / С. Н. Акатаев. – Алматы, 1994. – 230 с.
6. Акатаев, С. Н. Мировоззренческий синкретизм казахов : автореферат дисс. ... д-ра филос. наук: 09.00.09 / С. Н. Акатай. – Алматы, 1995. – 38 с.
7. Алаев, Л. Б. Сельская община: «роман, вставленный в историю»: критический анализ теории общины, исторических свидетельств ее развития и роли в стратифицированном обществе / Л. Б. Алаев. – М. : ЛЕНАНД : URSS, 2016. – 475 с.
8. Александров, А. С. Диспозитивность в уголовном процессе / А. С. Александров. – Н. Новгород : НЮИ МВД РФ, 1997. – 209 с.
9. Александрова, О. В. Виды пространств текста и дискурса / О. В. Александрова, Е. С. Кубрякова // «Категоризация мира: пространство и время» : мат-лы научной конф. – М. : Диалог-МГУ, 1997. – С. 15–25.
10. Александрова, О. В. Особенности терминологии современной лингвистики / О. В. Александрова // Когнитивные исследования языка: *Cognitio* и *Communicatio* в современном глобальном мире : материалы VIII международного конгресса по когнитивной лингвистике. 10-12 октября 2018 г. / отв. ред. Л. А. Манерко. – М. : МГУ им. М.В. Ломоносова : Неолит, 2018. – Вып. XXXIV. – С. 27–29.

- 11.Алексеев, С. С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования / С. С. Алексеев. – М. : Статут, 1999. – 712 с.
- 12.Алефиренко, Н. Ф. Дискурс как смыслопорождающая категория (дискурс и вторичное знакообразование) / Н. Ф. Алефиренко // Язык. Текст. Дискурс: Межвузовский научный альманах. – 2005. – Вып. 3. – С. 5–13.
- 13.Алефиренко, Н. Ф. Современные проблемы науки о языке : учеб. пособие / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 416 с.
- 14.Алефиренко, Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка : учебное пособие / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 288 с.
- 15.Алефиренко, Н. Ф. Смысл как лингвофилософский феномен / Н. Ф. Алефиренко // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2013. – № 1. – С. 5–14.
- 16.Алефиренко, Н. Ф. Дискурс в свете нейрокогнитивистики / Н. Ф. Алефиренко // Научные ведомости БелГУ. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2016. – № 7(228). – С. 5–12.
- 17.Алещанова, И. В. Нарратив как культурная модель / И. В. Алещанова // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2006. – Т. 4. – №. 1. – С. 38–43.
- 18.Алимбай, Н. Община как социальный механизм жизнеобеспечения в кочевой этноэкосистеме / Н. Алимбай // Традиционная культура жизнеобеспечения казахов: очерки теории и истории. – Алматы : Гылым, 1998. – С. 10–62.
- 19.Алимурадов, О. А. Значение, смысл, концепт и интенциональность: Система корреляций : автореферат дис. ... д-ра. филол. наук : 10.02.19 / Олег Алимурадоваич Алимурадов. – Ростов-на-Дону, 2004. – 52 с.
- 20.Алимурадов, О. А. Структурная и признаковая модели концепта beauty (красота), объективируемого в современном англоязычном женском дискурсе / О. А. Алимурадов, М. А. Гусева // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 3. – С. 12–19.

21.Алпатов, В. М. Функциональная лингвистика: новое и возврат к традициям / В. М. Алпатов // Современные направления в лингвистике и преподавании с 56 языков: проблема метода : сб. науч. ст. по материалам III междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. – Т. I. Методы в лингвистике / под общ. ред. Т. В. Дубровской. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2019. – С. 5–9.

22.Амирова, Т. А. Очерки по истории лингвистики / Т. А. Амирова, Б. А. Ольховиков, Ю. В. Рождественский ; отв. ред. Г. В. Колшанский. – М. : Наука, 1975. – 559 с.

23.Андерсон, Джон Р. Когнитивная психология / Джон Р. Андерсон. – 5-е изд. – СПб. : Питер, 2002. – 496 с.

24. Андреева, Г. М. Психология социального познания / Г. М. Андреева. – М. : Аспект-пресс, 2004. – 288 с.

25.Андреева, К. А. Общие и идиоспецифичные когнитивные технологии Стивена Кинга в конструировании фантастического многомирия / К. А. Андреева // Когнитив. исслед. языка. – 2016. – № 26. – С. 409–412.

26.Андреева, К. А. Перцептивные коды в конструировании литературных миров / К. А. Андреева, Е. В. Горчакова // Язык и культура. – 2019. – № 45. – С. 31–43.

27.Андреева, К. А. Эти удивительные текстовые миры : монография / К. А. Андреева, Е. С. Курукалова. – СПб : СПбГЭУ, 2021. – 103 с.

28.Анисимова, Т. В. Современная деловая риторика : учебное пособие : учебно-метод. пособие / Т. В. Анисимова, Е. Г. Гимпельсон. – М. ; Воронеж, 2004. – 430 с.

29.Анистратенко, И. В. Русский религиозно-философский дискурс начала XX в.: лингвориторические параметры групповой языковой личности: на материале сборника статей "Из глубины", 1918 г. : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.19 – Сочи, 2009. – 231 с.

30.Антологии концептов : сб. науч. тр. / ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Т. 1-8. – Волгоград : Парадигма, 2005 ; 2011.

31.Апресян, Ю. Д. Основные принципы и понятия системной

лексикографии / Ю. Д. Апресян // Языковая картина мира и системная лексикография / отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М., 2006. – С. 33–34.

32. Аргынбаев, Х. А. Брак и семья у казахов : автореферат дис. ... докт. ист. наук : 07.00.07 / Х. А. Аргынбаев. – Алма-Ата : АН Каз. ССР, 1975. – 130 с.

33. Артамонова, Т. А. «Коллективная совесть» как основной фактор поддержания социального порядка в крестьянском мире / Т. А. Артамонова // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). – 2020. – № 4(26). – С. 7–12.

34. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. / Н. Д. Арутюнова – М. : Наука, 1988. – 338 с.

35. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 136–137.

36. Арутюнова, Н. Д. Стратегия и тактика речевого поведения / Н. Д. Арутюнова // Прагматические аспекты изучения предложения и текста. – Киев, 1993. – С. 3–15.

37. Архипов, И. К. Стрела познания и стрела номинации / И. К. Архипов // Язык. Глагол. Предложение: к 70-летию Г. Г. Сильницкого. – Смоленск, 2000. – С. 38–51.

38. Архипов, И. К. Проблемы языка и речи в свете прототипической семантики / И. К. Архипов // Человеческий фактор в языке. – СПб. : НИЯК, 2003. – С. 38–54.

39. Архипов, И. К. Когнитивные структуры знания и средства их выражения в языке / И. К. Архипов // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования : сборник научных трудов ИЯ РАН. – М., 2008. – С. 158–168.

40. Архипов, И. К. Язык и языковая личность : учеб. пособие / И. К. Архипов. – СПб. : Книжный дом, 2008. – 244 с.

41. Ахутина, Т. В. Модель порождения речи школы Л. С. Выготского:

основы и верификация / Т. В. Ахутина // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. – 2022. – Т. 164. – № 1-2. – С. 7–27.

42. Ашхамахова, А. А. Менталитет: общее и особенное / А. А. Ашхамахова. – Краснодар, 2009. – 374 с.

43. Ашхамахова, А. А. Влияние менталитета и религии на формирование экологического сознания / А. А. Ашхамахова, А. Р. Ашхамаф // Научный журнал КубГАУ. – 2012. – № 79(05). – С. 619–644.

44. Аюпов, Н. Г. Тенгрианство как открытое мировоззрение : монография / Н. Г. Аюпов. – Алматы : КазНПУ им. Абая, 2012. – 256 с.

45. Бабаева, Р. И. Незнаменательная лексика в немецком обиходном дискурсе: прагматический аспект : автореф. дис. ... доктора филологических наук : 10.02.04 / Раиса Ивановна Бабаева. – Москва, 2008. – 42 с.

46. Бабина, Л. В. Интерпретирующий потенциал производных слов / Л. В. Бабина // Интерпретация мира в языке : колл. монография / науч. ред. Н. Н. Болдырев. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. – С. 287–310.

47. Бабина, Л. В. Механизмы интерпретации мимического движения / Л. В. Бабина // Когнитив. исследования языка. – 2019. – № 37. – С. 388–392.

48. Байганина, Н. М. Термины родства в картине мира носителей современного казахского языка / Н. М. Байганина // Человек и Вселенная. – 2001. – № 5. – С. 88–93.

49. Байдаров, Е. У. Религиозно-философский контекст традиционного мировоззрения казахов / Е. У. Байдаров // Новые исследования Тывы. – 2012. – №2. – С. 117–121.

50. Баранов, А. Г. Речевой жанр в системе дискурсивных структур / А. Г. Баранов // Медиалингвистика. – 2015. – № 2(8). – С. 47–57.

51. Баранов, А. Н. Постулаты когнитивной семантики / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский // Известия Российской академии наук. Литература и язык. – 1997. – Т. 56. – № 1. – С. 11–21.

52. Баранов, А. Н. Введение в прикладную лингвистику / А. Н. Баранов. – Москва : Эдиториал УРСС, 2001. – 360 с.

- 53.Барсау, Л. Системы перцептивных символов / Л. Барсау // Когнитивная психология: история и современность : хрестоматия / под ред. М. Фаликман, В. Спиридонова. – М., 2011. – С. 125–138.
- 54.Барт, Р. Философия науки: Общие проблемы познания / Р. Барт // Методология естественных и гуманитарных наук : хрестоматия / сост. Л. А. Микешина. – М. : Прогресс-Традиция : Флинта, 2005. – С. 832–840.
- 55.Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества : сб. трудов / сост. С. Г. Бочаров. – 2-е изд. – М. : Искусство, 1986. – С. 250–297.
- 56.Бахтызин, А. М. Границы идентичности: западные и восточные традиции / А. М. Бахтызин // «Путь Востока. Культурная, этническая и религиозная идентичность» : мат-лы VII молодеж. науч. конф. по проблемам философии, религии, культуры Востока. – СПб., 2004а. – Вып. 33. – С. 18–22.
- 57.Бахтызин, А. М. Граница: бытие, сущность, рефлексия : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01 / А. М. Бахтызин. – Омск, 2004б. – 18 с.
- 58.Белая, Е. А. Концептуализация понятия «Общность» в классической социологии / Е. А. Белая // Социолог. альманах. – 2010. – № 1. – С. 114–121.
- 59.Белозерова Н. Н. Когнитивные модели дискурса : учебное пособие / Н. Н. Белозерова, Л. Е. Чуфистова. – Тюмень : Изд-во ТГУ, 2004. – 254 с.
- 60.Беляева, Л. Н. Лексикографический потенциал современных лингвистических технологий / Л. Н. Беляева, О. А. Данилова, Т. Л. Джепа [и др.] ; под ред. Л. Н. Беляевой. – СПб. : Книжный дом, 2014. – 168 с.
- 61.Беляевская, Е. Г. Дискурсивная интерпретация и реинтерпретация знаний о мире в языке / Е. Г. Беляевская // Вестник МГЛУ. – 2016а. – Вып. 19(758). – С.18–27.
- 62.Беляевская, Е. Г. Моделирование семантики события: событие vs событийность / Е. Г. Беляевская // События в коммуникации и когниции : материалы международной научной конференции. 19–20 мая 2016 г. – М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016б. – С. 44–45
- 63.Беляевская, Е. Г. Стратегии формирования скрытых смыслов в

медиадискурсе (на материале британской прессы) / Е. Г. Беляевская // Вестник Московского гос. лингв. ун-та. Гуманитарные науки. – М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2017. – № 6(777). – С. 109–122.

64. Белянин, В. П. Введение в психолингвистику : учебник / В. П. Белянин. – М. : Флинта, 2023. – 238 с.

65. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : УРСС, 2002. – 448 с.

66. Бергер, П. Социальное конструирование реальности / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Моск. Филос. фонд, 1995. – 322 с.

67. Бернстейн, Б. Класс, коды и контроль: структура педагогического дискурса / Б. Бернстейн ; пер. с англ. И. В. Борисовой. – М. : Просвещение, 2008. – 272 с.

68. Беседина, Н. А. Морфологически передаваемые концепты : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04, 10.02.19 / Н. А. Беседина. – Тамбов, 2006. – 354 с.

69. Беседина, Н. А. Морфология: от морфемы к морфологически передаваемому концепту / Н. А. Беседина // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2015. – № 1. – С. 4–13.

70. Богданова, И. А. Функционирование архетипического концепта «вода» в текстах народного и индивидуального творчества : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / И. А. Богданова. – Пермь, 2006. – 231 с.

71. Богословская, В. Р. Структурно-семантическая и функциональная адаптация заимствований: на материале спортивной лексики английского и русского языков : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / В. Р. Богословская. – Волгоград, 2003. – 201 с.

72. Богоявленская, Ю. В. Воздействующий потенциал парцелированной конструкции в политическом медиатексте / Ю. В. Богоявленская // Политическая коммуникация : материалы междунар. науч. конф. – Екатеринбург : УрГПУ, 2013. – С. 45–49.

73. Богоявленская, Ю. В. Теория и методология сопоставительного

когнитивно-семиотического корпусного исследования парцелляции во французских и русских печатных СМИ : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / Ю. В. Богоявленская. – Екатеринбург, 2016. – 50 с.

74.Бодалев, А. А. Психология общения. Энциклопедический словарь / под общей редакцией А. А. Бодалева. – М. : Когито-Центр, 2011. – 598 с.

75.Бодрийяр, Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального (A l'ombre des majorités silencieuses, ou la fin du social) / Ж. Бодрийяр ; перевод с фр. Н. В. Сулова. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2000. – 84 с.

76.Бодрова, А. А. Невербальные элементы конструирования контекста интерпретации в кинотексте / А. А. Бодрова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2009. – № 1. – С. 208–210.

77.Болдырев, Н. Н. Фреймовая семантика как метод когнитивного анализа языковых единиц / Н. Н. Болдырев // Проблемы современной филологии. – Мичуринск, 2000. – Вып. 1. – С. 37 – 45.

78.Болдырев, Н. Н. Репрезентация языковых и неязыковых знаний синтаксическими средствами / Н. Н. Болдырев, Л. А. Фурс // Филологические науки. – 2004. – № 3. – С. 67–74.

79.Болдырев, Н. Н. Проблемы исследования языкового знания / Н. Н. Болдырев // Концептуальный анализ языка: Современные направления исследования : сб. научных трудов. – М. ; Калуга : Эйдос, 2007. – С. 95–108.

80.Болдырев, Н. Н. Принципы и методы когнитивных исследований языка : сб. науч. трудов / отв. ред. Н. Н. Болдырев. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Державина, 2008. – 308 с.

81.Болдырев, Н. Н. Прототипы в языковой репрезентации знаний / Н. Н. Болдырев // Когнитив. исслед. языка. – 2009. – Вып. II. – С. 36–44.

82.Болдырев, Н. Н. Роль интерпретирующей функции в формировании языковых категорий / Н. Н. Болдырев. // Вестник Тамбовского университета. Гуманитарные науки. – 2011. – № 1(93). – С. 9–16.

83.Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную

лингвистику : курс лекций / Н. Н. Болдырев. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014а. – 236 с.

84.Болдырев, Н. Н. О формировании социокультурной специфики дискурса / Н. Н. Болдырев, О. Г. Дубровская // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015а. – № 3. – С. 14–25.

85.Болдырев, Н. Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях / Н. Н. Болдырев. // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015б. – № 1. – С. 5–12.

86.Болдырев, Н. Н. Когнитивная лингвистика / Н. Н. Болдырев. – М. : Директ-Медиа, 2016а. – 252 с.

87.Болдырев, Н. Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитив. лингвистики. – 2016б. – № 4. – С.10–20.

88.Болдырев, Н. Н. Когнитивные доминанты речевого взаимодействия // Н. Н. Болдырев, В. С. Григорьева // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2018. – № 4. – С. 15–24.

89.Болдырев, Н. Н. Концептуальная деривация как основа вторичной языковой интерпретации / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. – 2018. – С. 37–42.

90.Болдырева, А. А. Категория авторитетности в научном дискурсе : автореферат дис. ... кандидата филол. наук : 10.02.19 / А. А. Болдырева. – Воронеж, 2006. – 19 с.

91.Боллигер, Е. И. Сопоставление использования библеизмов в институциональном дискурсе разных культур : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Е. И. Боллигер. – Тверь, 2005. – 231 с.

92.Борботько, В. Г. Общая теория дискурса: Принципы формирования и смыслопорождения : дисс. ... док. филол. наук : 10.02.01 / В. Г. Борботько. – Краснодар, 1998. – 250 с.

93.Борботько, В. Г. Принципы формирования дискурса. От психолингвистики к лингвосинергетике : монография / В. Г. Борботько. – Изд. 3-е, испр. – Москва : URSS, 2009. – 286 с.

94. Борзова, Е. П. Восток и Запад: сравнительный анализ культур / Е. П. Борзова // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2010. – № 190. – С. 282–311.
95. Борисова, И. Н. Категория цели и аспекты текстового анализа / И. Н. Борисова // Жанры речи. – Саратов : Колледж, 1999. – Вып. 2. – С. 81–96.
96. Боулби, Дж. Привязанность / Дж. Боулби. – Москва : Гардарики, 2003. – 477 с.
97. Брагина, Н. Г. Социокультурные конструкты в языке : диссертация ... доктора филол. наук : 10.02.01 / Н. Г. Брагина. – Москва, 2006. – 406 с.
98. Brentano Ф. Избранные работы / Ф. Brentano. – М., 1996. – 176 с.
99. Брусенская Л. А. Гендер как социокультурный конструкт: условия коммуникации / Л. А. Брусенская // Филос. права. – 2010. – № 4. – С. 82–86.
100. Брюхов, Р. Д. Диспозитивность в гражданском праве России : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Р. Д. Брюхов. – Екатеринбург, 2006. – 200 с.
101. Бубер, М. Я и Ты / М. Бубер. – М. : Высшая школа, 1993. – 175 с.
102. Будаев, Э. В. Россия, Грузия и страны Балтии в зеркале российских и британских метафор родства / Э. В. Будаев // Политическая лингвистика. – 2006. – № 18. – С. 34–57.
103. Будаев, Э. В. Недостающее звено дискурс-анализа: контекстуальные модели Т. Ван Дейка / Э. В. Будаев // Политическая лингвистика. – 2009. – № 28. – С. 153–155.
104. Бурцев, В. А. Дискурсивная формация как единица анализа дискурса / В. А. Бурцев // Вестник Тамбовского университета. Гуманитарные науки. – 2008. – № 10. – С. 9–16.
105. Бушев, А. Б. Русская языковая личность профессионального переводчика : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / А. Б. Бушуев. – М., 2010. – 367 с.
106. Бюлер, К. Теория языка. Репрезентативная функция языка / К. Бюлер ; пер. с нем. ; общ. ред. и коммент. Т. В. Булыгиной ; вступ. ст. Т. В.

Булыгиной, А. А. Леонтьева. – М. : Прогресс, 1993. – ххiii, 501 с.

107. Вайнер, Э. Н. Краткий энциклопедический словарь: Адаптивная физическая культура / Э. Н. Вайнер, С. А. Кастюнин. – Москва : Флинта, 2003. – 144 с.

108. Валиуллина, С. В. Средства репрезентации эмоции «страсть» как фрагмента русской языковой картины мира : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / С. В. Валиуллина. – Иркутск, 2006. – 184 с.

109. Валиханов, Ч. Тенгри / Ч. Валиханов // Собр. соч: в 5 томах. – Т. 1. – Алма-Ата, 1961. – С. 112–120.

110. Валиханов, Ч. Этнографическое наследие казахов / Ч. Валиханов. – Изд. 2-е, доп. – Астана : Алтын кітап. 2007. – 291 с.

111. Васильева, Е. В. Концептуальная оппозиция ИНДИВИД ГРУППА в языковой картине мира : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Васильева Е. В. – М., 2001. – 164 с.

112. Вахштайн, В. С. Анализ фреймов голосования. Эссе об организации электорального опыта / В. С. Вахштайн // Социологическое обозрение. – 2011. – Т. 10. – № 1-2. – С. 114–136.

113. Верхотурова, Т. Л. Лингвофилософская природа метакатегории "наблюдатель" : дисс. ... докт. филол. наук : 10.02.19 / Т. Л. Верхотурова. – Иркутск, 2009а. – 366 с.

114. Верхотурова, Т. Л. Наблюдатель в концепции У. Матураны (опыт лингвистического анализа) / Т. Л. Верхотурова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009б. – № 2. – С. 136–141.

115. Волошинов, В. Н. Марксизм и философия языка. М. М. Бахтин под маской : сб. статей / В. Н. Волошинов. – М. : Лабиринт, 2000. – С. 350–486.

116. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.

117. Воркачев, С. Г. Концепт любви в русском языковом сознании / С. Г. Воркачев // Коммуникативные исследования 2003: Современная антология. –

Волгоград : Перемена, 2003. – С. 189–208.

118. Воркачев, С. Г. Любовь как лингвокультурный концепт : монография / С. Г. Воркачев. – М. : Гнозис, 2007. – 285 с.

119. Воробьёв, В. В. О статусе лингвокультурологии / В. В. Воробьёв // Доклады и сообщения российских ученых : материалы IX конгресса МАПРЯЛ. – Братислава, 1999. – С. 125–126.

120. Воробьёв, В. В. Лингвокультурология : монография / В. В. Воробьёв. – М. : Изд-во РУДН, 2008. – 336 с.

121. Вундт, В. Проблемы психологии народов / В. Вундт. – М. : Академический Проект, 2011. – 136 с.

122. Выготский, Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. – Изд. 5-е, испр. – М. : Лабиринт, 1999. – 352 с.

123. Габитов, Т. Культурология : учебник для студентов вузов и колледжей / Т. Габитов, Ж. Муталипов, А. Кулсариева. – Алматы : Раритет, 2001. – 406 с.

124. Гадамер, Х. Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Х. Г. Гадамер. – М. : Прогресс, 1988. – 704 с.

125. Гак, В. Г. Языковые преобразования : монография / В. Г. Гак. – М. : Языки русской культуры, 1998. – 768 с.

126. Галич, Т. С. Когнитивные механизмы организации дискурса ток-шоу : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Т. Галич. – Красноярск, 2018. – 215 с.

127. Гаспаров, Б. М. Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – М. : Новое лит. обозрение, 1996. – 351 с.

128. Гачев, Г. Д. Ментальность или национальный космопсихологос / Г. Д. Гачев // Вопросы философии. – 1994. – № 1. – С. 25–28.

129. Гашков, С. А. К определению понятия «Эпистема» в работе «Слова и вещи» Мишеля Фуко / С. А. Гашков // Вестник Томского гос. ун-та. Филос. Социология. Политология. – 2016. – № 4(36). – С. 234–241.

130. Гвишиани, Н. Б. Референция и репрезентация в структуре концептуальной метафоры (в аспекте компьютерно-корпусного исследования и перевода) / Н. Б. Гвишиани // Вопр. когнит. лингв. – 2018. – № 3. – С. 5–15.

131. Гейзенберг, В. Избранные философские работы: Шаги за горизонт. Часть и целое / В. Гейзенберг ; пер. с нем. – СПб. : Наука, 2006. – 572 с.
132. Герасименко, И. Е. Лингвокультурология как комплексная научная парадигма / И. Е. Герасименко // Ученые записки. – 2012. – № 3-2(23). – С. 16–19.
133. Гердер, И. Г. Идеи к философии истории человечества / И. Г. Гердер. – М. : Наука, 1977. – 703 с.
134. Гибсон, Дж. Экологический подход к зрительному восприятию / Дж. Гибсон. – М. : КоЛибри, 1988. – 464 с.
135. Глухов, В. П. Основы психолингвистики : учеб. пособие для студентов педвузов / В. П. Глухов. – М. : АСТ : Астрель, 2005. – 351 с.
136. Голованивская, М. К. Ментальность в зеркале языка. Некоторые базовые концепты в представлении французов и русских / М. К. Голованивская. – М., 2009. – 376с.
137. Голованова, Е. И. Введение в когнитивное терминоведение / Е. И. Голованова. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 224 с.
138. Голованова, Е. И. Обыденное профессиональное сознание в лингвистическом аспекте / Е. И. Голованова // Вестник Пятигорского гос. лингв. ун-та. – 2016. – № 2. – С. 144–148.
139. Голованова, Е. И. Когнитивные ориентиры в речемыслительной деятельности профессионала / Е. И. Голованова // Гуманитарно-педагогические исследования. – 2020. – Т. 4. – № 4. – С. 50–54.
140. Горбачева, Е. Н. Дискурсивная перформативность: признаки, типы, жанры : автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.02.19 / Е. Н. Горбачева. – Тамбов, 2016. – 40 с.
141. Горлова, С. В. Уголовное преследование как проявление публичности в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / С. В. Горлова. – Челябинск, 2006. – 273 с.
142. Горский, Д. П. Вопросы абстракции и образование понятий / Д. П. Горский. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. – 351 с.

143. Гранева, И. Ю. Русские личные местоимения в свете интегрального описания языка: коммуникативно-прагматические, лингвокультурологические и когнитивно-дискурсивные аспекты : дисс. ... доктора филол. наук : 10.02.01 / И. Ю. Гранева. – Нижний Новгород, 2022. – 488 с.

144. Грибач, С. В. Образ семьи в языковом сознании русских (гендерный аспект) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / С. В. Грибач. – М., – 2005. – 252 с.

145. Григорьева, В. С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты : монография / В. С. Григорьева. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. – 288 с.

146. Григорьева, В. С. Интегративность формата речевого взаимодействия в диалогическом дискурсе: на примере бытовых дискурсивных жанров : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.19 / В. С. Григорьева. – Тамбов, 2018. – 349 с.

147. Гриценко, Е. С. Язык как средство конструирования гендера : автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.02.19 / Е. С. Гриценко. – Тамбов, 2005. – 48 с.

148. Гришаева, Л. И. Введение в теорию межкультурной коммуникации / Л. И. Гришаева, Л. В. Цурикова. – М. : Академия, 2007. – 336 с.

149. Грушевская, Е. С. Адресатность в политическом дискурсе: ценности, стратегии, способы выражения : автореферат дис. ... доктора филол. наук : 10.02.19 / Е. С. Грушевская. – Майкоп, 2019. – 43 с.

150. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1984. – 398 с.

151. Гусаковский, М. А. Дискурс университета и порядки образования / М. А. Гусаковский // материалы межд. научно-практич. конф. Минск, 2010, 2011 гг. / ред. А. А. Полонников. – Мн. : Изд-во БГУ, 2011. – С. 137–148.

152. Гуссерль, Э. Логические исследования : собр. соч. : в 3 т. – Т. II(1) / Э. Гуссерль ; пер. с нем. В. И. Молчанов. – М. : Гнозис : Дом интеллектуальной книги, 2001. – 529 с.

153. Гуссерль, Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / Э. Гуссерль ; пер. с нем. Д. В. Складнева. – СПб. : Владимир Даль, 2004. – 398 с.

154. Гуссерль, Э. Картезианские размышления / Э. Гуссерль ; пер. с нем. Д. В. Складнева. – Изд. 2-е, стер. – СПб. : Наука, 2006. – 315 с.

155. Дашковский, П. К. Сакрализация правителей кочевых обществ Южной Сибири и Центральной Азии в древности и средневековье / П. К. Дашковский // Известия Алтайского государственного университета. – 2007. – № 4-2. – С. 46–52.

156. Дейк, ван Т. А. Стратегии понимания связного текста / Т. А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике: Когнитивные аспекты языка. – М. : Прогресс, 1988. – Вып. 23. – С. 153–211.

157. Дейк, ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация = Познание : сб. работ / Т. А. ван Дейк. – Москва : Прогресс, 1989. – 310 с.

158. Дейк, ван Т. А. Дискурс и знание / Т. А. ван Дейк // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. Научные ведомости БелГУ. Гуманитарные науки. – 2013. – Т. 18. – № 13(156). – С. 5–23.

159. Дементьев, В. В. Исследования по речевым жанрам в России: XXI век / В. В. Дементьев // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы. – СПб., 2007. – С. 162–196.

160. Демин, А. В. Диспозитивность как общеправовой концепт / А. В. Демин // Право и государство. – 2016. – № 3(72). – С. 94–100.

161. Демьянков, В. З. Личность, индивидуальность и субъективность в языке и речи / В. З. Демьянков // «Я», «субъект», «индивид» в парадигмах современного языкознания. – М. : ИНИОН РАН, 1992. – С. 9–34.

162. Демьянков, В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания, 1994. – № 4. – С. 17–33.

163. Демьянков, В. З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века / В. З. Демьянков // Яз. и наука конца 20 в. – М., 1995. – С. 239–320.

164. Демьянков, В. З. Сценарий / В. З. Демьянков // Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина ; под общей редакцией Е. С. Кубряковой. – М. : Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – С. 181–182.

165. Демьянков, В. З. Схема / В. З. Демьянков // Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина ; под общей редакцией Е. С. Кубряковой. – М. : Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – С. 179–181.

166. Демьянков, В. З. Рец. на: Степанов Ю. С. Язык и метод. К современной философии языка / В. З. Демьянков // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – М., 1999. – № 4. – С. 232–238.

167. Демьянков, В. З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка / В. З. Демьянков // Язык. Личность. Текст : сборник к 70-летию Т. М. Николаевой / под ред. В. Н. Топорова. – М. : Языки славянских культур, 2005. – С. 34–55.

168. Демьянков, В. З. Об антропоцентрическом направлении в когнитивной лингвистике / В. З. Демьянков // Когнитивные исследования языка. – 2016. – Вып. 27. – С. 36–45.

169. Денисенко, В. Н. Современные психолингвистические методы анализа речевой коммуникации : учебное пособие / В. Н. Денисенко, Е. Ю. Чеботарева. – М. : РУДН, 2008. – 258 с.

170. Деррида, Ж. Голос и феномен / Ж. Деррида ; перевод с фр. С. Г. Кашина, Н. В. Суслов. – СПб. : Алетейя, 1999. – 208 с.

171. Детинко, Ю. И. Дискурсивное конструирование чужеродности в современной британской политической коммуникации : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. / Ю. И. Детинко. – Красноярск, 2013. – 198 с.

172. Дзюба, Е. В. Лингвокультурные особенности президентского дискурса / Е. В. Дзюба, Г. Н. Плотникова // Политическая лингвистика. – 2012. – № 1. – С. 249–251.

173. Дзюба Е. В. Лингвокогнитивная категоризация действительности в

русском языковом сознании : дис. ... доктор наук : 10.02.01 / Е. В. Дзюба. – Екатеринбург, 2016. – 629 с.

174. Дзюба, Е. В. «Архитектура многополярного мира»: строительная метафора в представлении политического образа мира / Е. В. Дзюба, С. А. Еремина // Политическая лингвистика. – 2023. – № 6(102). – С. 77–87.

175. Долбина, И. А. Художественный концепт БРАТ и его языковая репрезентация в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И. А. Долбина. – Томск, 2004. – 195 с.

176. Донцов, А. И. Концепция социальных представлений в современной французской психологии / А. И. Донцов, Т. П. Емельянова. – М. : Изд-во МГУ, 1987. – 127 с.

177. Древнетюркский словарь / В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. – Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1969. – 677 с.

178. Дружина, Н. Л. Семантическое поле «семья» в разных типах дискурса (на материале русского, белорусского и немецкого языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Н. Л. Дружина. – Минск, 2012. – 24 с.

179. Дубровская, О. Г. Когнитивно-дискурсивное направление когнитивной лингвистики как парадигма знания для интерпретации контекста / О. Г. Дубровская // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2011. – № 4. – С. 155–161.

180. Дубровская, О. Г. Специфика и субъектный принцип реализации социокультурного компонента в дискурсе / О. Г. Дубровская // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2012. – № 2. – С. 131–140.

181. Дубровская, О. Г. Субъектный принцип формирования социокультурной специфики дискурса : дисс. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Ольга Георгиевна Дубровская. – Тамбов, 2015. – 383 с.

182. Душков, Б. А. Психология труда, профессиональной, информационной и организационной деятельности / Б. А. Душков, А. В. Королев, Б. А. Смирнов // Словарь : уч. пособие. – Изд. 3-е, доп. и перераб. –

М. : Академич. Проект, 2003. – 846 с.

183. Дюзенли, М. В. Реконструкция метафорической картины мира семейных отношений: корпусно-идеографический подход : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / М. В. Дюзенли. – Екатеринбург, 2016. – 23 с.

184. Евсюкова, Т. В. Построила ли лингвокультурология свой предмет? / Т. В. Евсюкова, Т. Н. Снитко // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2005. – № 1. – С. 77–82.

185. Ермоленкина, Л. И. Метаречевые реализации дискурсивной идеологии информационно-аналитического радио (на примере канала «Эхо Москвы») / Л. И. Ермоленкина // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2014. – № 10. – С. 145–152.

186. Жаботинская, С. А. Основы теории примарной метафоры / С. А. Жаботинская // Вестник Киевского национального лингвистического университета. Филология. – 2011. – Т. 14. – № 1. – С. 35–45.

187. Железнова, Ю. В. Лингвокогнитивное и лингвокультурное исследование концепта семья : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Ю. В. Железнова. – Ижевск, 2009. – 27 с.

188. Желтоксан, Ж. Ақ Сарбаз - Космический Воин / Ж. Желтоксан. – Алматы : Жасушы, 1993. – 144 с.

189. Жельвис, В. И. Лингвокультурная личность в грамматическом аспекте / В. И. Жельвис, М. В. Кутьева // Иностранные языки в высшей школе. – 2013. – № 3(26). – С. 50–58.

190. Жижек, С. Возвышенный объект идеологии / С. Жижек. – М. : Худож. журн., 1999. – 235 с.

191. Жинкин, Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи / Н. И. Жинкин // Вопросы языкознания. – 1964. – № 6. – С. 26–38.

192. Жинкин, Н. И. Речь как проводник информации / Н. И. Жинкин. – М. : Наука, 1982. – 159 с.

193. Заботкина, В. И. Репрезентация событий: интегрированный подход с позиции когнитивных наук : коллективная монография / В. И. Заботкина, Е.

М. Позднякова, В. З. Демьянков [и др.] ; отв. ред. В. И. Заботкина. – Москва : ИД ЯСК, 2017. – 360 с.

194. Залевская, А. А. Двойная жизнь значения слова и возможности ее исследования / А. А. Залевская // Язык, сознание, коммуникация. – М. : МАКС Пресс, – 2010. – Вып. 40. – С. 9–15.

195. Залевская, А. А. Значение слова сквозь призму эксперимента : монография / А. А. Залевская. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2011. – 240 с.

196. Зализняк, А. А. Ключевые идеи русской языковой картины мира : сборник статей / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – 554 с.

197. Зейнулина, А. Ф. Гендерные признаки «Внутреннего человека» в русском и казахском языках / А. Ф. Зейнулина // Вестник Омского университета. – 2013. – № 3(69). – С. 117–121.

198. Земнухова, Л. В. Понятие общности в контексте исследования профессиональной общности работников it / Л. В. Земнухова // Петербургская социология сегодня. – 2011. – № 3. – С. 322–335.

199. Златев, Й. Значение = жизнь (+ культура): набросок единой биокультурной теории значения / Й. Златев // *Studia Linguistica Cognitiva*. Язык и познание: методологические проблемы и перспективы. – М. : Гнозис, 2006. – Вып. 1. – С. 308–361.

200. Златев, Й. Образные схемы, миметические схемы и жесты детей / Й. Златев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 1(034). – С. 14–31.

201. Зыкова, И. В. Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / И. В. Зыкова. – М., 2014а. – 510 с.

202. Зыкова, С. А. Когнитивные стратегии в переводческом процессе / С. А. Зыкова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014б. – № 6(335). – С. 19–21.

203. Ибрагимов Ш. Очерки быта казахов / Ш. Ибрагимов. – Астана : Алтын кітап, 2007. – 72 с.

204. Иванов, Н. В. Диалектика знака в речи и в языке (лингвофилософский анализ) / Н. В. Иванов // Военно-гуманитарный альманах. Лингвистика. “Язык. Коммуникация. Перевод” : материалы XI межд. науч. конф. по актуальным проблемам языка и коммуникации. Москва. Военный университет. 30 июня 2017 г. / под общ. ред. Н. В. Иванова. – М. : Международные отношения, 2017. – Вып. 2. – Т. 1 – С. 26–36.

205. Иванова, Е. М. Прототипная метафора в английской ораторской речи второй половины XX века: На материале американского варианта английского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. М. Иванова. – СПб., 2002. – 195 с.

206. Иванова, С. В. Культурологическая модальность в политическом дискурсе / С. В. Иванова // Медиалингвистика. – 2018. – Т. 5(2). – С. 199–209.

207. Ирисханова, О. К. Семантика событийных имен существительных в языке и речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О. К. Ирисханова. – М., 1997. – 24 с.

208. Ирисханова, О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования / О. К. Ирисханова. – М., Языки славянской культуры, 2014а. – 320 с.

209. Ирисханова, О. К. Социокогнитивная лингвистика: структуры социальных знаний и проблемы их описания / О. К. Ирисханова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014б. – № 4. – С. 5–17.

210. Исабекова, У. К. Концепт «Qut» в историческом ракурсе / У. К. Исабекова // Язык и культура. – 2017. – № 37. – С. 48–59.

211. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. / О. С. Иссерс. – Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 1999. – 285 с.

212. История философии. Энциклопедия / сост. А. А. Грицанов. – Мн. : Интерпрессервис : Книжный Дом, 2002. – 1376 с.

213. Йокояма, О. Б. Эмпатия в рамках трансакционной модели дискурса / О. Б. Йокояма // Русский язык сегодня : сб. статей / отв. ред. Л. П. Крысин. – М., 2000. – Вып. 1. – С. 276–292.

214. Йокояма, О. Б. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов / О. Б. Йокояма. – М. : Языки славян. культуры, 2005. – 424 с.
215. Казыдуб, Н. Н. Дискурсивное пространство как фрагмент языковой картины мира: теоретическая модель : автореферат дисс. ... докт. филол. наук : 10.02.04 / Н. Н. Казыдуб. – Иркутск, 2006. – 34 с.
216. Калликот, Б. Азиатская традиция и перспективы экологической этики: пропедевтика / Б. Калликот // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. – М. : Прогресс, 1990. – С. 3–18.
217. Кант, Иммануил (1724-1804.). Критика чистого разума / Кант ; пер. с нем. ; примеч. Ц. Г. Арзаканяна. – Москва : Мысль, 1994. – 591 с.
218. Карасик, В. И. Культурные доминанты в языке / В. И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты : сб. науч. тр. – Волгоград ; Архангельск, 1996. – С. 3–16.
219. Карасик, В. И. Этнокультурные типы институционального дискурса / В. И. Карасик // Этнокультурная специфика речевой деятельности : сборник обзоров. – М. : ИНИОН РАН, 2000. – С. 37–64.
220. Карасик, В. И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И. А. Стернина. – Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 2001. – С. 75–81.
221. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004а. – 389 с.
222. Карасик, В. И. Аксиологическая лингвистика: концепты и дискурс / В. И. Карасик // Германистика в России. Традиции и перспективы. – Новосибирск : Изд-во НГУ, 2004б. – С. 28–32.
223. Карасик, В. И. Иная ментальность / В. И. Карасик, О. Г. Прохвачева, Я. В. Зубкова, Э. В. Грабарова. – М. : Гнозис, 2005. – 352 с.
224. Карасик, В. И. Языковая кристаллизация смысла / В. И. Карасик. – Волгоград : Парадигма, 2010. – 428 с.
225. Карасик, В. И. Языковая матрица культуры : монография / В. И.

Карасик. – М. : Гнозис, 2013. – 318 с.

226. Карасик, В. И. Интерпретация дискурса: топик, формат, модус / В. И. Карасик // Известия ВГПУ. – 2015. – № 1(96). – С. 73–79.

227. Карасик, В. И. Дискурсивное проявление личности / В. И. Карасик // Russian Journal of Linguistics. – 2016. – № 4. – С. 56–77.

228. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 261 с.

229. Кардапольцева, В. Н. Женственность как социокультурный конструкт [Электронный ресурс] / В. Н. Кардапольцева // Вестник РУДН. Социология. – 2005. – №1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhenstvennost-kak-sotsiokulturnyy-konstrukt> (дата обращения: 20.04.2024).

230. Карпенко, Е. И. Жест «object-adaptor» как средство конструирования мены коммуникативных ролей в дискурсе (на материале программы "heute-show" телеканала ZDF) / Е. И. Карпенко, Е. О. Курило // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2017. – №10(783). – С. 168–181.

231. Карпенко, Л. А. Краткий психологический словарь / Л. А. Карпенко ; под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – М. : Политиздат, 1985. – 431 с.

232. Касевич, В. Б. Язык и знание / В. Б. Касевич // Язык и структура знания. – М. : Наука, 1990. – С. 8–25.

233. Каскабасов, С. А. Колыбель искусства / С. А. Каскабасов. – Алма-Ата : Онер, 1992. – 368 с.

234. Кацнельсон, С. Д. Категории языка и мышления: Из научного наследия / С. Д. Кацнельсон ; отв. ред. Л. Ю. Брауде. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 864 с.

235. Кащеева, А. В. Системный подход в исследовании дискурсивной деятельности / А. В. Кащеева // Вестник Тамбовского университета. Гуманитарные науки. – 2005. – № 4. – С. 152–157.

236. Кечерукова, М. А. Прагматический текст в методике обучения иностранным языкам / М. А. Кечерукова, А. М. Телевич // Научный диалог. – 2016. – № 5(53). – С. 214–224.

237. Кибрик, А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе : автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.02.19 / А. А. Кибрик. – Москва, 2003. – 90 с.

238. Кибрик, А. А. Референция и рабочая память: о взаимодействии лингвистики с психологией и когнитивной наукой / А. А. Кибрик // Материалы первой российской интернет-конференции по когнитив. науке ; ред.: А. Н. Гусев, В. Д. Соловьев. – М. : УМК Психология, 2004. – С. 29–43.

239. Кибрик, А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов / А. А. Кибрик // Вопросы языкознания. – 2009. – № 2. – С. 3–21.

240. Килина, Л. Ф. Языковая реализация концепта «семья» в «Повести Временных лет» / Л. Ф. Килина // Социальные варианты языка-V : материалы межд. науч. конф. 19-20 апреля 2007 года. – Н. Новгород, 2007. – С. 106–108.

241. Кимов, Р. С. Когнитивный и эпистемический аспекты представления мира в языке: на материале кабардинского, русского и английского языков : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Р. С. Кимов. – Нальчик, 2010. – 52 с.

242. Кириллов, П. Е. Дискурс М. Фуко как методология анализа современных социальных институтов и процессов : автореферат дис. ... кандидата филос. наук : 09.00.11 / П. Е. Кириллов. – Москва, 2006. – 18 с.

243. Клюев, Е. В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция) / Е. В. Клюев. – М. : ПРИОР, 1999. – 272 с.

244. Клюкина, Ю. В. Гендерные стереотипы внешнего портрета человека: на материале русскоязычной и англоязычной художественной прозы начала XXI века : диссертация ... кандидата филол. наук : 10.02.19 / Ю. В. Клюкина. – Тамбов, 2011. – 175 с.

245. Кнабе, Г. С. Культурология: История мировой культуры : учеб. пособие / Г. С. Кнабе, И. В. Кондаков, Т. Ф. Кузнецова [и др.] ; под ред. Т. Ф.

Кузнецовой. – М. : Академия, 2003. – 607 с.

246. Ковшиков, В. К. Психоллингвистика. Теория речевой деятельности / В. К. Ковшиков, В. П. Глухов. – М. : АСТ, 2009. – 346 с.

247. Кожемякин, Е. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования / Е. Кожемякин // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2010. – Вып.11. – № 2(73). – С.13–21.

248. Кожемякин, Е. А. Производство знания в политическом дискурсе: социально-эпистемологический взгляд / Е. А. Кожемякин // Политическая лингвистика. – 2011. – № 4. – С. 52–56.

249. Козеренко, Е. Б. Стратегии выравнивания параллельных текстов: семантические аспекты / Е. Б. Козеренко // Информ. и ее применение. – 2013. – Т. 7. – Вып. 1. – С. 82–89.

250. Кокумбаева, Б. Д. Культурология тенгрианского искусства : учебное пособие / Б. Д. Кокумбаева. – Павлодар : ПГПИ, 2012. – 156 с.

251. Колесникова, Э. В. Свой или мой: синтактика, семантика, прагматика / Э. В. Колесникова // Вестник Российского университета дружбы народов. Вопросы образования. Языки и специальность. – 2013. – № 1. – С. 74–80.

252. Колесов, В. В. Человек в слове Древней Руси / В. В. Колесов. – Л., 1986. – 312 с.

253. Колесов, В. В. Концепты «Природа», «Родина», «Народ» в русском языковом сознании / В. В. Колесов // Политическая лингвистика. – 2019. – № 2(74). – С. 12–23.

254. Колесов, И. Ю. К вопросу о роли понятия когнитивной сцены в концептуальном анализе языка И. Ю. Колесов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 2. – С. 19–31.

255. Колмогорова, А. В. Языковое значение и речевой смысл: опыт функционально-семиологического исследования прилагательных-обозначений светлого и темного в современных русском и французском языках : монография / А. В. Колмогорова. – Новокузнецк, 2006. – 379 с.

256. Колмогорова, А. В. «Мамин язык»: практики материнского общения в контексте распределенной модели языка и когниции / А. В. Колмогорова. – М. : Флинта : Наука, 2012. – 177 с.

257. Колмогорова, А. В. Реализация стратегии «мягкой силы» в официальном дискурсе военно-политического руководства Китайской Народной Республики: эколингвистический аспект : коллективная монография / А. В. Колмогорова, А. А. Хабаров. – Красноярск : Изд-во СФУ, 2022. – С. 197–215.

258. Колосов, С. А. Конструирование социальной ненависти в дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Сергей Александрович Колосов. – Тверь, 2004. – 18 с.

259. Комарова, З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике : учебное пособие / З. И. Комарова. – Екатеринбург : Изд-во Ур-ФУ, 2012. – 818 с.

260. Комарова, З. И. Коммуникативно-прагматическая парадигма в дисциплинарно-методологическом пространстве современной лингвистики / З. И. Комарова // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2013. – Вып. 73. – № 1(292). – С. 66–71.

261. Кондаков, Н. И. Логический словарь-справочник / Н. И. Кондаков. – М. : Наука, 1975. – 721 с.

262. Корниенко, А. Ф. Соотношение понятий «язык», «мышление» и «сознание» в психологии и когнитивной лингвистике / А. Ф. Корниенко // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 3(036). – С. 5–15.

263. Костомаров, Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях / Н. И. Костомаров. – М. : Республика, 1992. – 303 с.

264. Коул, М. Культурно-историческая психология: наука будущего / М. Коул. – М. : Когито-Центр : ИП РАН, 1997. – 431 с.

265. Коянбаева, Г. Р. Мировоззренческие универсалии казахов: опыт кочевой культуры / Г. Р. Коянбаева, Л. Р. Заурбекова // Известия НАН РК. –

2011. – № 6. – С. 27–33.

266. Кравченко, А. В. К проблеме наблюдателя как системообразующего фактора в языке / А. В. Кравченко // Изв. АН. Литература и язык. – 1993. – № 3. – С. 45–57.

267. Кравченко, А. В. Когнитивная лингвистика и новая эпистемология / А. В. Кравченко // Изв. АН. Лит-ра и язык. – 2001. – Т. 60. – № 5. – С. 3–13.

268. Кравченко, А. В. К биокогнитивной концепции языка / А. В. Кравченко // II Международная научная конференция «Язык и культура». Москва, 17-21 сентября 2003 г. : тез. докл. – 2003. – С. 168–169.

269. Кравченко, А. В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации / А. В. Кравченко. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2004. – 206 с.

270. Красавчиков, О. А. Диспозитивность в гражданско-правовом регулировании / О. А. Красавчиков // Советское государство и право. – 1970. – № 1. – С. 41–49.

271. Красильникова, Н. А. Метафорическая репрезентация лингвокультурологической категории СВОИ – ЧУЖИЕ в экологическом дискурсе США, России и Англии : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Н. А. Красильникова. – Екатеринбург, 2005. – 207 с.

272. Краснослободцева, Н. К. Диспозитивность как инструмент закрепления свободы личности в законодательстве / Н. К. Краснослободцева // Юридическая наука. – 2011. – № 2. – С. 7–11.

273. Красных, В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации : курс лекций / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2001. – 270 с.

274. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих» миф или реальность / В. В. Красных – М. : Гнозис, 2003. – 375 с.

275. Красных, В. В. Роль и функции языка как объект современных интегративных исследований (психолингвистический, лингвокультурологический, психолингвокультурологический и комплексный общегуманитарный подходы) / В. В. Красных // Вопросы психолингвистики. –

2015. – № 2. – С. 90–97.

276. Красных, В. В. Что день грядущий нам готовит? (К вопросу о современной научной парадигме в области гуманитарного знания) / В. В. Красных // Жанры речи. – 2017. – № 2(16). – С. 172–192.

277. Крейдлин, Г. Е. Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык / Г. Е. Крейдлин. – М. : Новое лит. обозр., 2004. – 581 с.

278. Крысько, В. Г. Этнопсихологический словарь [Электронный ресурс] / В. Г. Крысько. – М., 1999. – 343 с. – Режим доступа: <https://vocabulary.ru/slovari/etnopsihologicheskii-slovar.html> (дата обращения: 21.07.2024).

279. КТТС - Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі / жалпы ред. Т. Жанұзақов. – Алматы : Дайк-Пресс, 2008. – 968 с.

280. Кубрякова, Е. С. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи / Е. С. Кубрякова, А. М. Шахнарович, Л. В. Сахарный. – М. : Наука, 1991. – 240 с.

281. Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века : сборник статей / под ред. Ю. С. Степанова. – М. : Ин-т языкознания РАН, 1995. – С. 144–238.

282. Кубрякова, Е. С. Виды пространств текста и дискурса / Е. С. Кубрякова, О. В. Александрова // Категоризация мира: пространство и время. – М., 1997. – С. 98–106.

283. Кубрякова, Е. С. О контурах новой парадигмы знания в лингвистике / Е. С. Кубрякова, О. В. Александрова // Структура и семантика художественного текста : доклады VII международной конференции. – М. : 1999. – С. 186–197.

284. Кубрякова, Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике / Е. С. Кубрякова // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты : сб. обзоров. – М. : ИНИОН РАН, 2000. – С. 7–25.

285. Кубрякова, Е. С. Когнитивная лингвистика и проблемы

композиционной семантики в сфере словообразования / Е. С. Кубрякова // Известия АН. Литература и язык. – 2002. – Т. 61. – № 1. – С. 13–24.

286. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 555 с.

287. Кубрякова, Е. С. О термине «дискурс» и стоящей за ним структуре знания / Е. С. Кубрякова // Язык, личность, текст : сборник статей к 70-летию Т. М. Николаевой. – М., 2005. – С. 23–33.

288. Кубрякова, Е. С. О методике когнитивно-дискурсивного анализа применительно к исследованию драматургических произведений (пьесы как особые форматы знания) / Е. С. Кубрякова // Принципы и методы когнитивных исследований языка : сб. науч. тр. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. – С. 30–45.

289. Кубрякова, Е. С. В поисках сущности языка / Е. С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – № 1. – С. 5–12.

290. Кубрякова, Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Е. С. Кубрякова. – М. : Знак, 2012. – 203 с.

291. Кудинова, И. А. Категория имплицитности в рекламном дискурсе: на материале современного английского языка : автореферат дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / И. А. Кудинова. – Белгород, 2009. – 23 с.

292. Кузнецова, Л. Н. В. В. Виноградов как профессиональная языковая личность ученого-филолога: лингвориторический аспект: на материале текстов о языке и стиле русских писателей : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Л. Н. Кузнецова. – Сочи, 2013. – 234 с.

293. Кузнецова, Л. Э. Любовь как лингвокультурный эмоциональный концепт: ассоциативный и гендерный аспекты : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Л. Э. Кузнецова. – Краснодар, 2005. – 206 с.

294. Кузнецова, Н. В. Маркеры разговорной речи в текстах интернет-форумов / Н. В. Кузнецова // Мир русского слова. – 2009. – № 1. – С. 44–51.

295. Куликова, Т. В. Экзистенциально-антропологические смыслы

границы / Т. В. Куликова // Вестник Нижегородского университета. Социология. Психология. Философия. – 2010. – № 3(1). – С. 369–375.

296. Куркебаев, К. К. Семантические поля и ассоциативные связи концепта «сүйек / кость» в казахском языковом сознании / К. К. Куркебаев // Язык и культура. Филологический сборник. – Алматы ; Кемерово ; Витебск ; Донецк, 2013. – Вып. 12. – С. 113–121.

297. Кустова, Г. И. Перцептивное событие: участники, наблюдатели, локусы / Г. И. Кустова // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М. : Индрик, 1999. – С. 229–238.

298. Кутьева, М. В. Воплощение доминантных черт испанского национального характера в базовой лексике / М. В. Кутьева // Иностранные языки в высшей школе. – 2012. – № 4(23). – С. 24–35.

299. Кушнерук, С. Л. Теория текстовых миров как исследовательская программа в рамках когнитивной лингвистики / С. Л. Кушнерук // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – № 1. – С. 45–51.

300. Кушнерук, С. Л. Дискурсивный и текстовый миры: возможности уровневой стратификации дискурса / С. Л. Кушнерук // Политическая лингвистика. – 2012. – № 2. – С. 93–102.

301. Кушнерук, С. Л. Развитие теории когнитивно-дискурсивного миромоделирования за рубежом и в России / С. Л. Кушнерук // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2018. – № 4. – С. 115–125.

302. Кушнерук, С. Л. Когнитивно-дискурсивное миромоделирование: Опыт сопоставительного исследования рекламной коммуникации : монография / С. Л. Кушнерук. – М. : Флинта, 2019. – 368 с.

303. Кушнина, Л. В. Языки и культуры в переводческом пространстве / Л. В. Кушнина. – Пермь : Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2004. – 163 с.

304. Кушнина, Л. В. Языковая личность профессионального переводчика: когнитивный аспект / Л. В. Кушнина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2016а. – № 4(386). – С. 85–88.

305. Кушнина, Л. В. Метапереводческая деятельность как когнитивный процесс / Л. В. Кушнина, Н. А. Пластинина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016б. – № 4-1(58). – С. 118–120.
306. Кшибеков, Д. К. Ментальная природа казаха / Д. К. Кшибеков. – Алматы : Галым, 2005. – 72 с.
307. Лакофф, Дж. Лингвистические гештальты. Новое в зарубежной лингвистике / Дж. Лакофф // Лингвистическая семантика / пер. с англ. ; сост. ; общ. ред. и вступ. ст. В. А. Звегинцева. – М. : Прогресс, 1981. – Вып. X. – С. 350–369.
308. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф ; пер. с англ. И. Б. Шатуновского. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
309. Лапшина, А. Ю. Коммуникативная ситуация нарративного интервью / А. Ю. Лапшина // Вестник Самарского государственного университета. Языкознание. – 2008. – № 63. – С. 71–79.
310. Лассуэлл, Г. Язык власти / Г. Лассуэлл // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2006. – Вып. 20. – С. 264–279.
311. Леонтович, О. А. Методы коммуникативных исследований / О. А. Леонтович. – М. : Гнозис, 2011. – 224 с.
312. Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев. – М. : Смысл : Академия, 2005. – 288 с.
313. Леонтьев, А. А. Языковое сознание и образ мира / А. А. Леонтьев // Вопросы психолингвистики. – 2016. – № 1(27). – С. 296–299.
314. Леонтьева, К. И. Доминантный принцип перевода и механизмы его реализации в дискурсе / К. И. Леонтьева // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2018. – № 4. – С. 37–46.
315. Лингвистика и аксиология: этносемиометрия ценностных смыслов : коллективная монография / Е. Ф. Серебренникова [и др.]. – М. : ТЕЗАУРУС, 2011. – 351 с.
316. Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы,

принципы, технологии : коллективная монография / отв. ред. В. В. Фещенко ; ред. колл. : Н. М. Азарова, С. Ю. Бочавер ; отв. секретарь: В. З. Демьянков, М. Л. Ковшова, И. В. Силантьев, М. А. Тарасова, Т. Е. Янко. – М. : Культурная революция, 2016. – 500 с.

317. Липатова, В. Ю. Изучение диспозиции на занятиях по риторике как средство развития интеллектуальных и нравственных качеств студентов-филологов / В. Ю. Липатова // Начальная школа плюс До и После. – 2014. – № 3. – С. 26–32.

318. Лотман, Ю. М. Культура и взрыв / Ю. М. Лотман. – М. : Гнозис, 1992а. – 270 с.

319. Лотман, Ю. М. Память в культурологическом освещении / Ю. М. Лотман // Избранные статьи. – Т. 1. – Таллинн, 1992б. – С. 200–202.

320. Лузина, Л. Г. Виды информации в дискурсе / Л. Г. Лузина // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты : сб. обзоров / под. ред. С. А. Ромашко [и др.]. – Москва, 2000. – С. 69–76.

321. Лурье, С. В. Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы : учебное пособие для вузов / С. В. Лурье. – 2-е изд. – М. : Академически Проект : Альма Матер, 2005. – 624 с.

322. Лыкова, Н. А. Континуальное и дискретное в языке / Н. А. Лыкова // Филологические науки. – 1999. – № 6. – С. 54–62.

323. ЛЭС. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – 683 с.

324. Магировская, О. В. Репрезентация субъекта познания в языке : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.19, 10.02.04 / О. В. Магировская. – Тамбов, 2009. – 351 с.

325. Магировская, О. В. Интерпретационный потенциал языка и познания как теоретическая проблема когнитивной лингвистики / О. В. Магировская // Когнитив. исследования языка. – 2012. – Вып. XI. – С. 78–80.

326. Магировская, О. В. Перспективы когнитивных исследований дискурса / О. В. Магировская // Вестник Челябинского государственного

университета. – 2014. – Вып. 88. – № 6(335). – С. 151–154.

327. Магировская, О. В. Универсальные когнитивные механизмы дискурсивной организации знания / О. В. Магировская // Когнитивные исследования языка. – 2016а. – Вып. XXIV. – С. 451–453.

328. Магировская, О. В. Интерпретативная сущность когниции / О. В. Магировская // Когнитив. исслед. языка. – 2016б. – Вып. XXVI. – С. 450–460.

329. Магировская, О. В. Антропоцентрическая природа языковой интерпретации / О. В. Магировская // Интерпретация мира в языке : коллективная монография / отв. ред. Н. А. Беседина. – Тамбов : ТГУ им Г.Р. Державина, 2017. – С. 158–183.

330. Мадигожин, Д. Т. Логика Небесного Закона. Көк Төре / Д. Т. Мадигожин, С. С. Аязбаев. – Алматы : Изд-во Арыс, 2012. – 168 с.

331. Майоров, Н. В. Понятия дискурса и диспозитива в контексте медиаисследований / Н. В. Майоров // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2015. – №18(215). – С. 145–148.

332. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М. : ИТДГК Гнозис, 2003. – 280 с.

333. Макерова, В. В. Социальная психология: современная теория и практика : учебное пособие для академического бакалавриата / В. В. Макерова [и др.] ; под общ. ред. Л. В. Оконечниковой. – Москва : Юрайт, 2019 ; Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. – 231 с.

334. Малахов, В. С. Современная западная философия : Словарь / В. С. Малахов, В. П. Филатов. – М. : ТОН-Остожье, 1998. – 544 с.

335. Мальцева, В. А. Стратегии речевого воздействия в профессиональной коммуникации: на примере юридического дискурса : дисс. ... кандидат филол. наук : 10.02.19 / В. А. Мальцева. – 2011. – 256 с.

336. Мамина, Т. В. Специфика лингвокогнитивного моделирования сценария «карьера» в русском языке : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т. В. Мамина. – Томск, 2011. – 23 с.

337. Мамонтов, С. П. Основы культурологи / С. П. Мамонтов. – М. : РОУ, 1995. – 207 с.

338. Манаенко, Г. Н. Дискурс как когнитивно-коммуникативно феномен и его структура / Г. Н. Манаенко // Когнитивно-дискурсивные стратегии развития языка : сб. научн. тр. межд. научн. конф. к юбилею Н. Ф. Алефиренко. 11-12 января 2016 г. / сост.: Е. Г. Озерова, К. К. Стебунова, И. И. Чумак-Жунь. – Белгород : Эпицентр, 2016. – С. 279–286.

339. Манерко, Л. А. Структуры знаний, представленные в художественном и академическом дискурсах / Л. А. Манерко // Вестник Московского университета. Теория перевода. – 2013. – № 1. – С. 100–118.

340. Манкиева, Э. Х. Гендер как социокультурный конструкт (на материале поэмы М. Ю. Лермонтова «Беглец») / Э. Х. Манкиева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 12-3(78). – С. 35–38.

341. Маслова, В. А. Методология и методы лингвокультурологии / В. А. Маслова // Лингвокультурология : уч. пособие. – М. : Академия, 2001. – С. 33–47.

342. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика : уч. пособие / В. А. Маслова. – Минск : ТетраСистемс, 2004. – 256 с.

343. Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2010. – 562 с.

344. Матурана, У. Биология познания / У. Матурана // Язык и интеллект : сбор. / пер. с англ., нем. ; сост. В. В. Петрова. – М. : Прогресс, 1996. – 416 с.

345. Махницкая, Е. Ю. Современный экономический дискурс в когнитивной парадигме / Е. Ю. Махницкая. – Ростов-на-Дону, 2007. – 232 с.

346. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. – Изд. 3-е, репринтное – М. : Наука, 2000. – 407 с.

347. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти ; перевод с французского ; под ред. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. – Санкт-Петербург : Ювента : Наука, 1999. – 605 с.

348. Мертон, Р. Фокусированное интервью / Р. Мертон, М. Фиске, П. Кендалл ; пер. с англ. Т. Н. Федоровской ; под ред. С. А. Белановского. – М. : Ин-т Молодежи, 1991. – 195 с.
349. Микиел, де М. О восприятии работ Ю. М. Лотмана в Италии / М. де Микиел // Лотмановский сборник 1. – М., 1995. – С. 294–306.
350. Милевская, Т. В. Дискурс, речевая деятельность, текст / Т. В. Милевская // Вестник Российской коммуникативной ассоциации : сб. науч. тр. «Теория коммуникации & прикладная коммуникация» / под общ. ред. И. Н. Розиной. – Ростов н/Д : ИУБиП, 2002. – Вып. 1. – С. 88–91.
351. Минский, М. Фреймы для представления знаний / М. М. Минский. – М. : Энергия, 1979. – 151 с.
352. Минченков, А. Г. Когнитивно-эвристическая модель перевода (на материале английского языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04, 10.02.20 / А. Г. Минченков. – СПб, 2008. – 43 с.
353. Минченков, А. Г. Концепт disrespect: содержание и языковая репрезентация / А. Г. Минченков, А. А. Горелова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2019. – № 4. – С. 141–150.
354. Миньяр-Белоручева, А. П. Смена парадигм в истории и лингвистике / А. П. Миньяр-Белоручева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Лингвистика. – 2014. – Т. 11. – № 1(11). – С. 11–17.
355. Михайлова, Е. В. Интертекстуальность в научном дискурсе: на материале статей : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Е. В. Михайлова. – Волгоград, 1999. – 205 с.
356. Михалева, М. В. Структура и содержание концепта брак / marriage в языковом сознании русских и американцев : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / М. В. Михалева. – Курск, 2009. – 150 с.
357. Михалева, О. Л. Дискурс объекта vs дискурс субъекта: системообразующие признаки / О. Л. Михалева // Материалы международной научной конференции «Системное и асистемное в языке и речи». Иркутск. 10-13 сентября 2007 года / отв. ред. М. Б. Ташлыкова. – Иркутск : Изд-во ИГУ,

2007. – С. 360–377.

358. Михальская, А. К. Педагогическая риторика. Теория и история / А. К. Михальская. – М. : Наука, 1998. – 284 с.

359. Молчанова, Т. Н. Диспозитивность в советском гражданском праве : автореф. ... дис. канд. юрид. наук : 12.00.00 / Т. Н. Молчанова. – Свердловск, 1972. – 23 с.

360. Монгилева, Н. В. Глагол «тупить» как вербализация особенностей концепта ЗНАНИЕ в ЯКМ молодежи / Н. В. Монгилева // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах : материалы VI международной научной конференции. 23-24 апреля 2012 г. – Челябинск : Изд-во Челябинского госуд. универ, 2012а. – С. 43–47.

361. Монгилева, Н. В. Опыт метафорической сленга / Н. В. Монгилева // Вестник КазУМОиМЯ. Филология. – Алматы : КазУМОиМЯ, 2012б. – № 2(26). – С. 41–47.

362. Монгилева, Н. В. Этнокультурные особенности когнитивной метафоры «семейная жизнь - путь» (на материале свадебных тостов-пожеланий) / Н. В. Монгилева // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 4(45). – С. 54–63.

363. Монгилева, Н. В. Семантическое развитие латинских обозначений родства и семейных отношений во французском смысловом пространстве «Семья» / Н. В. Монгилева // Вестник Башкирского университета. – 2016. – Т. 21. – №. 4. – С. 1107–1113.

364. Монгилева, Н. В. Дискурс «границ»: анализ франкоязычного дискурса о семье / Н. В. Монгилева // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Гуманитарные и социальные науки. – 2017а. – № 4. – С. 98–107.

365. Монгилева, Н. В. Функционирование образной схемы «связь» в системе метафорических расширений / Н. В. Монгилева // Политическая лингвистика. – 2017б. – № 5(56). – С. 199–125.

366. Монгилева, Н. В. Элементы космогонической картины мира в

лингвоментальном пространстве «семья» у казахов / Н. В. Монгилева // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. – 2017в. – Вып. 108. – № 9(405). – С. 50–57.

367. Монгилева, Н. В. Этнокультурный аспект смыслового пространства «моя семья» (на материале устных высказываний о семье) / Н. В. Монгилева // Вопросы психолингвистики. – 2017г. – №2(32). – С. 94–109.

368. Монгилева, Н. В. Когнитивный анализ дискурса о взаимоотношениях сквозь призму переводческого эксперимента / Н. В. Монгилева // Когнитивные исследования языка : Когнитивные исследования в гуманитарных науках. – 2018. – Вып. 33. – С. 687–693.

369. Монгилева, Н. В. Метафора СТРУКТУРА СОБЫТИЯ как культурный код в нарративе о ревности / Н. В. Монгилева, А. П. Чудинов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2019а. – № 4. – С. 87–95.

370. Монгилева, Н. В. Нарративные схемы лингвокультуры / Н. В. Монгилева // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. – 2019б. – № 6(428). – С. 107–114.

371. Монгилева, Н. В. Принцип конвенциональной значимости в формировании дискурса / Н. В. Монгилева, Р. Муханбетжанова // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. – 2022. – № 9(467). – С. 161–169.

372. Мусагажинова, А. А. Ритуальные и обрядовые функции пищи казахов СарыАрки (XX-XXI вв.) / А. А. Мусагажинова, Ж. Д. Кабиденкова // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2021. – № 2(53). – С. 138–145.

373. Мясищев, В. Н. Психология отношений: Избранные психологические труды / В. Н. Мясищев ; под ред. Бодалева А. А. – 4-е изд. – Москва : Изд-во Московского психолого-социального ин-та ; Воронеж : МОДЭК, 2011. – 398 с.

374. Нартова-Бочавер, С. К. Психология личности и межличностных отношений / С. К. Нартова-Бочавер. – М. : Эксмо-Пресс, 2001. – 413 с.

375. Нечаева, Е. Ф. Концепт "обладание" как предельное понятие во французской и русской лингвокультурах : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Е. Ф. Нечаева. – Тверь, 2008. – 17 с.

376. Никандров, В. В. Вербально-коммуникативные методы в психологии (беседа и опрос) : учеб. пособие / В. В. Никандров. – СПб. : Речь, 2002. – 68 с.

377. Никонова, Ж. В. Теория фреймов в аспекте лингвистических исследований / Ж. Никонова. – СПб. : Изд-во фил. фак. СПбГУ, 2006. – 142 с.

378. Ноблок, Н. Л. Авторские стратегии в англоязычном политическом дискурсе: на материале теледебатов Дж. Буша - Дж. Керри : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н. Л. Ноблок. – Тамбов, 2007. – 177 с.

379. Норман, Б. Ю. Конструкции с местоимением мы: формирование актуальной или окказиональной коллективной идентичности / Б. Ю. Норман, А. М. Плотникова // Вестник НГУ. – 2016. – Т. 6. – № 6. – С. 126–138.

380. Носкова, В. Н. Функционирование местоимения другой и особенности его словарного представления / В. Н. Носкова, И. П. Матханова // Вопросы лексикографии. – 2021. – № 22. – С. 64–85.

381. Нурдубаева, А. Р. «Круг и точка»: предфилософия сферического типа культуры казахов / А. Р. Нурдубаева // Вестник Казанского государственного ун-та культуры и искусств. – 2022. – № 4. – С. 101–108.

382. Нуриязнова, З. Х. Сопоставительный анализ фразеологических единиц фразеотематического поля «семья» в английском и турецком языках : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / З. Х. Нуриязнова. – Казань, 1999. – 173 с.

383. Нурланова, К. Н. Человек и мир: казахская национальная идея. / К. Н. Нурланова. – Алматы : Қаржы- қаражат, 1994. – 48 с.

384. Нысанбаев, А. Н. Философия взаимопонимания / А. Н. Нысанбаев – Алматы : Қазақ энциклопедиясы. – 2001. – 544 с.

385. Огнева, Е. А. Степень искажения фреймовой структуры текста-источника при переводе / Е. А. Огнева // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов, 2008. – № 1. – С. 39–53.

386. Огнева, Е. А. Сценарий как способ репрезентации динамики

концепта / Е. А. Огнева. // Известия Волгоградского государственного педагогич. ун-та. Филологические науки. – 2010. – № 5(49). – С. 7–11.

387. Огнева, Е. А. Когнитивная сцена как формат репрезентации религиозного знания (на материале проповеди Митр. Антония Сурожского «Sunday before Pentecost») / Е. А. Огнева // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2016. – Т. 2. – № 1(7). – С. 31–38.

388. Огнева, Е. А. Моделирование текстовых миров как динамичных форматов знания / Е. А. Огнева, Н. Л. Гусакова, А. В. Марков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022а. – Вып. 15. – № 3. – С. 930–935.

389. Огнева, Е. А. Концепция когнитивного моделирования текстового художественного пространства / Е. А. Огнева // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2022б. – № 2. – С. 37–49.

390. Огнева, Е. А. Маркеры невербального кода как компоненты дискурсивного информативного кода / Е. А. Огнева, Н. А. Трофимова // Филол. науки. Вопросы теории и практики, – 2023. – № 16(1). – С. 296–300.

391. Олешков, М. Ю. Пропозициональная синхронизация в дидактическом дискурсе / М. Ю. Олешков // Известия УрГПУ. Лингвистика. – 2005. – № 15. – С. 201–208.

392. Олешков, М. Ю. Моделирование коммуникативного процесса : монография / М. Ю. Олешков. – Нижний Тагил, 2006. – 423 с.

393. Олизько, Н. С. Семиотико-синергетическая интерпретация особенностей реализации категорий интертекстуальности и интердискурсивности в постмодернистском художественном дискурсе : дисс. ... доктора филол. наук : 10.02.19 / Н. С. Олизько. – Челябинск, 2009. – 343 с.

394. Олянич, А. А. Презентационная теория дискурса : монография / А. А. Олянич. – Волгоград : Парадигма, 2004. – 506 с.

395. Орлова, О. В. Жизненный цикл и миромоделирующий потенциал медиаконцепта / О. В. Орлова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2010. – Вып. 6(69). – С. 79–84.

396. Остин, Дж. Слово как действие / Дж. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов / под ред. Городецкий Б. Ю. – Москва : Прогресс, 1986. – вып. 17. – С. 22–129.

397. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью / Е. В. Падучева. – М. : Наука, 1985. – 272 с.

398. Падучева, Е. В. Говорящий как наблюдатель: об одной возможности применения лингвистики в поэтике / Е. В. Падучева // Известия РАН. Лит. и яз. – 1993. – № 3. – С. 33–45.

399. Падучева, Е. В. Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.

400. Панасенко, Л. А. Интерпретирующий потенциал лексических категорий: дис. ... д-ра филологических наук : 10.02.04, 10.02.19 / Л. А. Панасенко. – Тамбов, 2014. – 351 с.

401. Панина, Т. Г. Фразеологическая номинация как способ актуализации языковой оценки по признаку «значимый/незначимый» (на материале современного немецкого языка) / Т. Г. Панина, Л. Р. Хомкова // Вестник ТвГУ. Филология. – 2017. – № 2 – С. 132–138.

402. Пастухов, Г. А. «Отражение» дискурса: насколько оправдано введение в научный оборот понятия «медийный диспозитив»? / Г. А. Пастухов // Современный дискурс-анализ. – 2019. – № 3(24). – С. 4–23.

403. Петренко, Д. В. Диспозитивы медиа: философско-антропологическое исследование / Д. В. Петренко // Гилея: научный вестник. – 2015. – № 102. – С. 173–176.

404. Петрова, Н. Ю. Принципы и стратегии перспективизации в драматическом тексте : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.19 / Н. Ю. Петрова. – Москва, 2017. – 511 с.

405. Пеше, М. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / М. Пеше; пер. с фр. и португальского ; сост. П. Серио ; предисл. Ю. С. Степанова ; общ. ред., вступ. ст. и коммент. П. Серио. – М. : Прогресс, 1999. – 413 с.

406. Пивнева, Н. С. Архетипические образы в русской культуре : дисс. ... канд. филол. наук : 24.00.01 / Н. С. Пивнева. – Ростов-на-Дону, 2003. – 117 с.
407. Пивоев, В. М. Философия и методология науки : учеб. пос. для магистров и аспирантов / В. М. Пивоев. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2013. – 320 с.
408. Пименов, Е. А. Типология когнитивных моделей: метаязык описания / Е. А. Пименов, М. В. Пименова // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2011. – С. 226–231.
409. Плотникова, С. Н. Я-Наблюдатель и Я-Конструктор : дискурсивный мониторинг и дискурсивное конструирование мира / С. Н. Плотникова // Лингвистические парадигмы и лингводидактика : материалы X между- нар. науч.-практ. конф. Иркутск. 14–18 июня 2005 г. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2005. – Ч. 1. – С. 101–107.
410. Плотникова, С. Н. Когнитивно-дискурсивная деятельность: наблюдение и конструирование / С. Н. Плотникова // *Studia Linguistica Cognitiva*. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. – М. : Гнозис, 2006. – вып. 1. – С. 66–81.
411. Плотникова, С. Н. Дискурсивные технологии и дискурсивное оружие как реалии современной информационной эпохи / С. Н. Плотникова // Технологизация дискурса в современном обществе : коллективная монография / под ред. С. Н. Плотниковой. – Иркутск : ИГЛУ, 2011. – С. 6–43.
412. Плотникова, С. Н. Когнитивная траектория дискурсивизации: дестинация, стратегия, технология / С. Н. Плотникова, Е. Ф. Серебренникова // Вестник Иркутского гос. лингвистич. ун-та. – 2013. – № 1(22). – С. 183–188.
413. Плотникова, С. Н. Дискурсивное конструирование как теоретическое понятие / С. Н. Плотникова // Известия Волгоградского государственного педагогического ун-та. – 2014. – № 5(90). – С. 41–46.
414. Подорога, В. А. Гибель Twinpeaks (заметки по поводу события) / В. А. Подорога // Отечественные записки. – 2001. – № 1. – С. 238–252.

415. Попова, Т. Г. Категория «Ценность» как сущностная характеристика языка / Т. Г. Попова, Ю. С. Бокова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Лингвистика. – 2012. – № 2(261). – С. 72–73.

416. Попова, Т. Г. Экстралингвистические знания как компонент речевой коммуникации / Т. Г. Попова, О. В. Мингалева // Вестник Костромского государственного университета, – 2018. – Т. 24. – № 1. – С. 121–123.

417. Попова, Т. Г. Факторы, влияющие на формирование национального характера / Т. Г. Попова // Вестник Нижегородского гос. лингв. ун-та им. Н. А. Добролюбова. – 2019. – № 45. – С. 57–66.

418. Попова, Т. Г. Метафора как важный элемент когниции / Т. Г. Попова, Е. В. Саушева // Политическая лингвистика, – 2020. – №1(79). – С. 68–72.

419. Постникова, С. В. К вопросу о референциально-прагматической природе языковых знаков // Вестник Нижегород. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Филология. – Н. Новгород : ННГУ, 2000. – № 1. – С. 202–207.

420. Привалова, И. В. Языковое сознание: этнокультурная маркированность: теоретико-экспериментальное исследование : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / И. В. Привалова. – М., 2006. – 486 с.

421. Пригожин, И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс ; пер. с англ. Ю. А. Данилова. – М. : Прогресс, 1986. – 431 с.

422. Пром, Н. А. Метод субъектного позиционирования как способ выявления аксиологических характеристик (на примере медиатекста) / Н. А. Пром // Верхневолжский филол. вестник. – 2021. – № 4(27). – С. 135–143.

423. Радченко, О. А. Язык как мирозидание: Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства / О. А. Радченко. – Изд. 2-е. – М. : Едиториал УРСС, 2005. – 312 с.

424. Рахилина, Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость / Е. В. Рахилина. – М. : Русские словари, 2008. – 416 с.

425. Ревзина, О. Г. Язык и дискурс / О. Г. Ревзина // Вестник Московского университета. Филология. – 1999. – № 1. – С. 25–33.

426. Ревзина, О. Г. Дискурс и дискурсивные формации / О. Г. Ревзина // Критика и семиотика. – 2005. – № 8. – С. 66–78.
427. Резанова, З. И. Язык и человек: субъектно-объектные отношения (варианты интерпретации в европейской культурной традиции) / З. И. Резанова // Вестник Томского гос. ун-та. – 1999. – № 268. – С. 86–89.
428. Резанова, З. И. От новых лингвистических объектов – к интегрированной интерпретации естественного языка (на материале виртуального дискурса) / З. И. Резанова, Н. А. Мишанкина // Филология и философия в современном культурном пространстве: проблемы взаимодействия. – Томск, 2006. – С. 53–66.
429. Резанова, З. И. Когнитивная лингвистика в парадигмах лингвистического функционализма и интегральной концепцией сознания / З. И. Резанова // Вестник Томск. гос. ун-та. – 2010. – № 334. – С. 195–199.
430. Резанова, З. И. Картины русского мира: современный медиадискурс : монография / З. И. Резанова, Л. И. Ермоленкина, Е. А. Костяшина [и др.] ; ред. З. И. Резанова. – Томск : ИД СК-С, 2011а. – 287 с.
431. Резанова, З. И. Языковая и дискурсивная картина мира – аспекты соотношений / З. И. Резанова // Сибирский филологический журнал. – 2011б. – № 3. – С. 184–194.
432. Ремхе, И. Н. Языковая личность переводчика и когнитивные особенности переводческого процесса / И. Н. Ремхе // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 24. – С. 262–264.
433. Ремхе, И. Н. Матричная модель перевода: новый взгляд на структуру когнитивного моделирования в переводеведении / И. Н. Ремхе, Л. А. Нефедова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – № 1. – С. 70–90.
434. Ремхе, И. Н. Матричная модель кооперативного перевода / И. Н. Ремхе, Л. А. Нефедова // Вестник Волг. ГУ. Языкознание. – 2023. – Т. 22. – № 3. – С. 30–42.
435. Ржешевская, А. А. Языковые средства построения перспективы в дискурсе конфликта (на материале английской драмы) : дис. ... канд. филол.

наук: 10.02.04 / А. А. Ржешевская. – М., 2014. – 201 с.

436. Розенфельд, М. Я. Перцептивный образ в структуре значения слова : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / М. Я. Розенфельд. – Воронеж, 2008. – 255 с.

437. Розин, В. М. Опыт гуманитарного изучения творчества (Эволюция взглядов М. Фуко) / В. М. Розин // Общественные науки и современность. – 2000. – № 3. – С. 131–141.

438. Розин, В. М. Философия образования: Этюды-исследования / В. М. Розин. – Москва ; Воронеж : Изд-во Моск. психолого-социального инст., 2007. – 574 с.

439. Розин, В. М. Введение в схемологию: Схемы в философии, культуре, науке, проектировании / В. М. Розин. – М. : ЛИБРОКОМ, 2011. – 256 с.

440. Рухленко, Н. Н. Концепт СЕМЬЯ в жанре семейных родословных : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. Н. Рухленко. – Белгород, 2005. – 202 с.

441. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян / Б. А. Рыбаков. – М. : Наука, 1981. – 607 с.

442. Рыбаков, В. В. Человеческий мир: дискурсивная и трансдискурсивная интерпретация / В. В. Рыбаков // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2015. – № 6. – С. 208–223.

443. Савин, И. С. О категориях группового сознания у казахов-кочевников / И. С. Савин // Вестник Евразии. – 1999. – № 1-2. – С. 73–86.

444. Салимовский, В. А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст) / В. А. Салимовский. – Пермь : ПГУ, 2002. – 236 с.

445. Сарыбаева, М. Ш. Система обозначений родства в английском, русском и казахском языках : автореферат дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04, 10.02.01, 10.02.02 / М. Ш. Сарыбаева. – Алма-Ата, 1991. – 33 с.

446. Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на гласные) / Э. В. Севортян. – М. : Наука, 1974. – 767 с.

447. Седов, К. Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции / К. Ф. Седов. – М. : Лабиринт, 2004. – 320 с.

448. Секерина, М. А. Объектный дискурс: принципы выделения и специфика исследования / М. А. Секерина // Вестник Челябинского гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. – 2013. – №14(305). – С. 65–70.

449. Серебренникова, Е. Ф. Аксиологические аспекты реализации дискурсивной позиции как точки зрения / Е. Ф. Серебренникова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2015. – № 3(714). – С. 84–93.

450. Серебренникова Е. Ф. Аттрактивность как качественная характеристика педагогического дискурса / Е. Ф. Серебренникова // Педагогический дискурс в современной научной парадигме и образовательной практике : материалы III всерос. конф. Москва. 27 февраля - 1 марта 2023 года. – М. : Языки народов мира, 2023. – С. 341–346.

451. Серио, П. В поисках четвертой парадигмы / П. Серио // Философия языка: в границах и вне границ. – Харьков : Око, 1993. – С. 83–100.

452. Серио, П. Анализ дискурса во Французской школе [Дискурс и интердискурс] / П. Серио // Семиотика: Антология / сост. Ю. С. Степанов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Академический Проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2001. – С. 549–562.

453. Серль, Дж. Р. Классификация иллокутивных актов / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 17. – С. 170–194.

454. Серова, И. Г. Социокультурный конструкт "гендер" в интерпретативном пространстве языка и дискурса : диссертация ... доктора филол. наук : 10.02.19 / И. Г. Серова. – СПб., 2017. – 375 с.

455. Серова, Т. С. Тезаурусно-целевой подход в организации и введении лексики при обучении профессионально-ориентированному чтению на иностранном языке в вузе / Т. С. Серова // Иностранные языки в высшей школе. – 1985. – Вып. 18. – С. 109–116.

456. Сидоров, Е. В. Онтология дискурса / Е. В. Сидоров. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 232 с.
457. Скребцова, Т. Г. Американская школа когнитивной лингвистики / Т. Г. Скребцова ; послесл. Н. Л. Сухачева. – СПб, 2000. – 202 с.
458. Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика : курс лекций / Т. Г. Скребцова. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2011. – 256 с.
459. Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. – Изд. 4-е., стер. – М. : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999. – 2985 с.
460. Слышкин, Г. Г. Аксиология языковой личности и сфера активной лингвистики / Г. Г. Слышкин // Социальная власть языка : сб. науч. тр. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2001. – С. 53–64.
461. Смирнов, А. В. «Национальное» как диспозитив власти / А. В. Смирнов // *Studia culturae*.. Альманах кафедры Философии культуры и культурологии и Центра изучения культуры философского ф-та СПбГУ. – СПб., 2002. – Вып. 4. – С. 35–45.
462. Смирнов, А. В. Концептуализация повседневности: исторический и методологический аспекты : автореферат дис. ... доктора философских наук : 24.00.01 / А. В. Смирнов. – СПб, 2013. – 40 с.
463. Снитко, Т. Н. Предельные понятия в Западной и Восточной лингвокультурах / Т. Н. Снитко. – Пятигорск : ПГЛУ, 1999. – 156 с.
464. Соловьев, С. М. Чтения и рассказы по истории России / С. М. Соловьев. – М. : Правда, 1999. – 765 с.
465. Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. – М. : Прогресс, 1977. – 695 с.
466. СРЯ (Словарь русского языка) / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Русский язык, 1978. – 846 с.
467. Степанов, Ю. С. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия / Ю. С. Степанов, С. Г. Проскурин. – М. : Наука, 1993. – 156 с.

468. Степанов, Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и Принцип причинности / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца 20 века. – М., 1995. – С. 33–71.
469. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М. : Аккад. проект, 2001. – 989 с.
470. Стернин, И. А. Коммуникативное и когнитивное сознание / И. А. Стернин // С любовью к языку. – М. ; Воронеж : Изд-во ВГУ, 2002. – С. 44–51.
471. Стернин, И. А. Типы значений и концепт / И. А. Стернин // Концептуальное пространство языка : сб. науч. тр. / под ред. Е. С. Кубряковой. – Тамбов : Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2005. – С. 257–282.
472. Стернин, И. А. Слово и образ : монография / И. А. Стернин, М. Я. Розенфельд ; под ред. И. А. Стернина. – Воронеж : Истоки, 2008. – 243 с.
473. Столнейкер, Р. С. Прагматика / Р. С. Столнейкер // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1985. – С. 419–438.
474. Сулейменов, О. О. Тюрки в доистории / О. О. Сулейменов. – Алматы : Атамұра, 2002. – 320 с.
475. Сулейменова, Э. Д. Языковая ситуация и языковое планирование в Казахстане / Э. Д. Сулейменова, Ж. С. Смагулова. – Алматы, 2005. – 330 с.
476. Сущин, М. А. Концепция ситуативного познания в когнитивной науке: критический анализ : дисс ... канд. философ. наук : 09.00.01 / М. А. Сущин. – Москва, 2014. – 137 с.
477. Талми, Л. Феномены внимания / Л. Талми // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2(008). – С. 23–44.
478. Талызина, Н. Ф. Педагогическая психология : учеб. пособие / Н. Ф. Талызина. – М. : Академия, 1998. – 288 с.
479. Таннен, Д. «Мы никогда не были близки, мы очень разные»: три типа нарратива в дискурсе сестер / Д. Таннен // Жанры речи. – 2015. – № 2(12). – С. 48–62.
480. Тарасов, Е. Ф. Языковое сознание – перспективы исследования / Е. Ф. Тарасов // Языковое сознание: содержание и функционирование : матер.

XIII межд. симп. по психолингв. и теории коммуник. – М., 2000. – С. 3–4.

481. Тарасов, Е. Ф. Языковое сознание / Е. Ф. Тарасов // Вопросы психолингвистики. – 2004. – № 2. – С. 34–47.

482. Телия, В. Н. Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности / В. Н. Телия [и др.] – М. : Наука, 1991. – 214 с.

483. Телия, В. Н. О методологических основаниях лингвокультурологии / В. Н. Телия // XI Международная конференция «Логика, методология, философия науки». – М. : Обнинск, 1995. – 102–104.

484. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 288 с.

485. Телия, В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В. Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. – М., 1999. – С. 13–24.

486. Телия, В. Н. Объект лингвокультурологии между Сциллой лингвокреативной техники языка и Харибдой культуры (к проблеме частной эпистемологии лингвокультурологии) / В. Н. Телия // С любовью к языку : сб. науч. трудов. – М. : Ин-т языкознания РАН ; Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2002. – С. 89–97.

487. Теребилина, М. В. Проблема гендера во французских женских журналах : дис. ... кандидат наук : 10.01.10 / М. В. Теребилина. – Москва. 2014. – 192 с.

488. Ткаченко, С. Л. Эпистемологическое сообщество: роль ученых и банкиров в создании ЭВС в Европе / С. Л. Ткаченко // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Философия. Политология. Международные отношения. – 2008. – № 2. – С. 81–86.

489. Толстой, Н. И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. – М. : Индрик, 1995. – 512 с.

490. Тохтабаева, Ш. Этикетные нормы казахов. Часть II. Семья и социум : монография / Ш. Тохтабаева. – Алматы, 2017. 170 с.

491. Трубачев, О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя / О. Н. Трубачев. – М. : Изд-во Академии Наук СССР, 1959. – 215 с.

492. Турбина, О. А. Природа эмотивного синтаксиса и его категорий / О. А. Турбина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Лингвистика. – 2013. – Т. 10. – № 2. – С. 4–9.

493. Турбина, О. А. Норма в ряду категорий национального языкового сознания / О. А. Турбина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Лингвистика. – 2015. – Т. 12. – № 3. – С. 50–53.

494. Турбина, О. А. Лингвистическая дискурсология и единицы дискурса-анализа: дискурс-компонент / О. А. Турбина // Вестник Южно-Уральского государственного ун-та. Лингвистика. – 2017. – Т. 14. – № 2. – С. 44–49.

495. Турбина, О. А. Архетипы и символы в когнитивно-семиотической модели текста / О. А. Турбина // Филологический класс. – 2020. – Т. 25. – № 2. – С. 80–92.

496. Тюпа, В. И. Основания сравнительной риторики / В. И. Тюпа // Критика и семиотика. – Новосибирск, 2004. – Вып. 7. – С. 66–87.

497. Тюпа, В. И. От поэтики к риторике / В. И. Тюпа // Дискурс. – 2007. – № 14-15. – С. 6–33.

498. Тюпа, В. И. Дискурсные формации. Очерки по компаративной риторике / В. И. Тюпа. – М. : Языки славянской культуры, 2010. – 320 с.

499. Тюпа, В. И. Жанр и дискурс / В. И. Тюпа // Критика и семиотика. – Новосибирск, 2011. – Вып. 15. – С. 31–42.

500. Улыбина, Е. В. Психология обыденного сознания / Е. В. Улыбина. – М. : Смысл, 2001. – 263 с.

501. Уфимцева, А. А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира / А. А. Уфимцева // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебренников. – М. : Наука, 1988. – С. 108–140.

502. Уфимцева, А. А. Опыт изучения лексики как системы: на материале

английского языка / А. А. Уфимцева. – Изд. 2-е., испр. – М. : УРСС, 2004. – 286 с.

503. Уфимцева, Н. В. Лингвистический и психолингвистический анализ структуры падежной системы: на материале рус. языка : автореферат дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Н. В. Уфимцева. – Москва, 1976. – 21 с.

504. Ухванова-Шмыгова, И. Ф. Каузально-генетический подход в контексте лингвистики дискурса / И. Ф. Ухванова-Шмыгова. – Минск : БГУ, 2014. – 223 с.

505. Ушакова, Т. Н. Языковое сознание и принципы его исследования / Т. Н. Ушакова // Языковое сознание и образ мира : сборник статей / под ред. Н. В. Уфимцевой. – М. : Институт языкознания РАН, 2000. – С. 13–19.

506. Федоров, М. А. От лингвистической относительности к относительности культурной / М. А. Федоров // Вестник Иркутского гос. лингвистического ун-та. Филология. – 2013. – № 2(23). – С.181–186.

507. Федоров, М. А. Термин «Лингвокультура» в аспекте теории культуры / М. А. Федоров // Вестник Бурятского гос. ун-та. Педагогика. Филология. Философия. – 2014. – № 6-2. – С. 83–86.

508. Федорова, Л. В. К вопросу идентичности концептов «язычества» славян, тенгриинианства тюрков и монголов / Л. В. Федорова // Concorde. – 2016. – № 1. – С. 72–88

509. Федосова, О. В. Лексико-прагматические особенности современного испанского обиходного дискурса в национально-культурном аспекте : автореф. дис. ... доктора филологических наук : 10.02.05 / Оксана Витальевна Федосова. – Москва, 2012. – 42 с.

510. Федулова, М. Н. Интерпретационная природа дискурса в социокультурном и коммуникативном измерениях: на материале английских и русских текстов судебной риторики : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.19 / М. Н. Федулова. – Москва, 2019. – 315 с.

511. Федяева, Н. Д. Нормы в пространстве языка : монография / Н. Д. Федяева. – Москва : Флинта, 2011. – 170 с.

512. Фефилов, А. И. Говорение как форма речемыслительной деятельности / А. И. Фефилов // Ученые записки Ульяновского государственного университета. Актуальные проблемы теории языка и лингводидактики. Лингвистика / под ред. проф. А. И. Фефилова. – Ульяновск : Изд-во УлГУ, 2020. – Вып. 1(25). – С. 7–13.

513. Филлипс, Л. Дискурс-анализ. Теория и метод / Л. Филлипс, М. Йогерсон ; под ред. А. А. Киселевой. – Харьков : Гум. центр, 2004. – 336 с.

514. Филлмор, Ч. Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике : Когнитивные аспекты языка. – М. : Прогресс, 1988. – Вып. 23. – С. 52–92.

515. Формановская, Н. И. Размышления о единицах общения / Н. И. Формановская // Русский язык за рубежом. – 2000. – № 1. – С. 56–63.

516. Фосслер, К. Эстетический идеализм. Избранные работы по языкознанию / К. Фосслер. – М. : ЛКИ, 2007. – 144 с.

517. Фролов, А. В. Интенциональность и объективность: эволюция понятия интенциональности в феноменологии / А. В. Фролов // Вестник Московского университета. Философия. – 2013. – № 1. – С. 33–44.

518. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитар. наук / Мишель Фуко ; пер. с фр. ; вступ. ст. Н. С. Автономовой, (С. 7-27.). – СПб. : А-сад : Талисман, 1994. – 405 с.

519. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко ; пер. с фр. ; общ. ред. Бр. Левченко. – К. : Ника-Центр, 1996. – 208 с.

520. Фуко, М. Дискурс и истина / М. Фуко ; пер. с англ. А. М. Корбута. – Минск : ПроPILEI, 2006. – 152 с.

521. Фуллье, А. Психология французского народа / А. Фуллье. – СПб., 1899. – 310 с.

522. Фурс, Л. А. Синтаксически репрезентируемые концепты : дисс. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Л. А. Фурс. – Тамбов, 2004. – 370 с.

523. Фурс, Л. А. Когнитивная основа синтаксической репрезентации / Л. А. Фурс // В поисках смысла : сборник научных трудов, посвященный памяти

профессора А. А. Худякова / отв. ред Т. А. Клепикова. – СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2010. – С. 92–97.

524. Фурс, Л. А. Концептуальная основа партитивности в английском языке / Л. А. Фурс, А. Н. Коржук // Вестник Тамбовского университета. Гуманитарные науки. – 2011. – № 2(94). – С. 218–225.

525. Фурс, Л. А. Особенности конструирования каузации равновесия / Л. А. Фурс, Л. Ю. Копырюлина // Социально-экономические явления и процессы. – 2012. – № 1. – С. 245–249.

526. Фурс, Л. А. Когнитивное моделирование каузации равновесия в аспекте антропоцентризма / Л. А. Фурс, Л. Ю. Копырюлина // Когнитивные исследования языка. – 2016. – Вып. 36. – С. 283–287.

527. Фурс, Л. А. Метасхемы межличностных отношений / Л. А. Фурс, А. Н. Худанян // Когнитивные исследования языка. – 2016. – № 27. – С. 321–328.

528. Фурс, Л. А. Репрезентация неагентивной каузации равновесия в языке / Л. А. Фурс // Неофилология. – 2017. – Т. 3. – № 4(12). – С. 5–9.

529. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас ; пер. с нем. ; под ред. Д. В. Складнева. – СПб., 2000. – 380 с.

530. Хазагеров, Г. Г. Ось интенции и ось конвенции: к поискам новой функциональности в лингвокультурологических исследованиях / Г. Г. Хазагеров // Социологический журнал. – 2006. – № 1-2. – С. 40–62.

531. Хайдеггер, М. Время картины мира / М. Хайдеггер // Новая технократическая волна на Западе : сб. стат. / сост. П. С. Гуревич. – М. : Прогресс, 1986. – С. 93–119.

532. Хайдеггер, М. Основные проблемы феноменологии / М. Хайдеггер. – СПб., 2001. – ix, 445 р.

533. Хачецукова, З. К. Лингвориторические параметры советского официального дискурса периода Великой Отечественной войны : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / З. К. Хачецукова. – Сочи, 2007. – 213 с.

534. Хлебодарова, А. Г. Когнитивный сценарий дискурса мечты: конструирование возможного мира / А. Г. Хлебодарова. // Вестник Иркутского

гос. лингвистического ун-та. – 2013. – № 3(24). – С. 33–39.

535. Холодная, М. А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования / М. А. Холодная. – СПб. : Питер, 2001. – 272 с.

536. Хомутова, Т. Н. Научные парадигмы в лингвистике / Т. Н. Хомутова // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2009. – Вып. 37. – № 35(173). – С. 142–151.

537. Хомутова, Т. Н. Научный текст: анализ вариативности / Т. Н. Хомутова. – Челябинск : ЮУрГУ, 2012. – 212 с.

538. Хомутова, Т. Н. Типология дискурса: интегральный подход / Т. Н. Хомутова // Вестник Южно-Урал. гос. ун-та. Лингвистика. – 2014. – Т. 11. – № 2. – С. 14–22.

539. Хомутова, Т. Н. Стратегии научного дискурса: интегральный подход / Т. Н. Хомутова // Вестник Южно-Урал. гос. ун-та. Лингвистика. – 2015. – № 3(12). – С. 15–22.

540. Хомчак, Е. Г. Когнитивная модель концепта ДОРОГА в русской языковой картине\ Грانی сучасної лінгвістики : монографія / Е. Г. Хомчак ; за ред. д-ра філол. наук Олени Геніївни Фоменко та д-ра філол. наук Віри Костянтинівни Харченко. – Запоріжжя : Класичний приватний університет, 2014. – С. 192–206.

541. Храмченко, Д. С. Дестабилизация функционального пространства английского делового дискурса как эффективный полемический прием / Д. С. Храмченко // Вестник Российского университета дружбы народов. Вопросы образования: языки и специальность. – 2013. – № 2. – С. 38–43.

542. Хутова, Л. Р. Бинарная оппозиция «любовь / ненависть» в разносистемных языках: лингвокультурологический аспект (на материале русского, английского и кабардино-черкесского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Л. Р. Хутова. – Нальчик, 2008. – 21 с.

543. Хьелл, Л. А. Теории личности : Основные положения, исслед. и применение : учеб. пособие / Л. А. Хьелл, Д. Зиглер ; пер. с англ. – СПб. : Питер-пресс, 1997. – 606 с.

544. Цивьян, Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы / Т. В. Цивьян. – Изд. 3-е, испр – М., 2006. – 280 с.

545. Цурикова, Л. В. Дискурсивные стратегии как объект когнитивно-прагматического анализа коммуникативной деятельности / Л. В. Цурикова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 4. – С. 98–108.

546. Чепкина, Э. В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды / Э. В. Чепкина. – Екатеринбург, 2000. – 279 с.

547. Черепанова, О. А. Путь и дорога в русской ментальности и в древних текстах / О. А. Черепанова // Матер. XXVIII межвуз. научн.-метод. конф. препод. и аспирантов. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1999. – Вып. 7. – С. 29–36.

548. Чернейко, Л. О. Базовые понятия когнитивной лингвистики в их взаимосвязи / Л. О. Чернейко // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М., 2005. – Вып. 30. – С. 43–72.

549. Чернейко, Л. О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. / Л. О. Чернейко. – Изд. 2-е, перераб. – М. : ЛИБРОКОМ, 2010. – 272 с.

550. Чернова, Ю. В. Концепции письменности и устности в чате / Ю. В. Чернова // Труды и материалы IV Международного конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». – М. : МГУ, 2010. – С. 791–792.

551. Чернявская, В. Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия : уч. пособие / В. Е. Чернявская. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 132 с.

552. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса : учеб. пособие / В. Е. Чернявская. – М. : Флинта : Наука, 2013. – 208 с.

553. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) : монография / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т., 2001, – 238 с.

554. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : монография / А. П. Чудинов. – Екатеринбург :

Урал. гос. пед. ун-т., 2003. – 248 с.

555. Чудинов, А. П. Когнитивно-дискурсивное исследование политической метафоры / А. П. Чудинов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1(001). – С. 91–105.

556. Чудинов, А. П. Очерки по современной политической метафорологии : монография / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2013. – 176 с.

557. Шабес, В. Я. Событие и текст / В. Я. Шабес. – М. : Высш. шк., 1989. – 175 с.

558. Шанский, Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская ; под ред. С. Г. Бархударова. – М. : Просвещение, 1971. – 542 с.

559. Шарандин, А. Л. Методологический статус понятий «Инвариант» и «Прототип» в современной лингвистике / А. Л. Шарандин // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – № 4. – С. 121–127.

560. Шаховский В. И. Эмоциональные культурные концепты: параллели и контрасты. / В. И. Шаховский // Языковая личность: культурные концепты : сб. науч. трудов / под ред. В. И. Карасик. – Волгоград ; Архангельск : Перемена, 1996. – 259 с.

561. Шаяхметова, А. А. Языковое сознание и особенности его проявления у представителей русского и казахского этносов (социолингвистический и психолингвистический аспект) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А. А. Шаяхметова. – Алматы, 2007. – 205 с.

562. Шевлоков, В. А. Когерентность и информация в процессах самоорганизации / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spkurdyumov.narod.ru/Shevlovkov5.htm> (дата обращения: 24.06.2024).

563. Шевченко, Н. В. Основы лингвистики текста : учеб. пособие / Н. В. Шевченко. – М. : Приориздат, 2003. – 160 с.

564. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.01, 10.02.19 / Е. И. Шейгал. – Волгоград,

2000. – 431 с.

565. Шнейдер, Л. Б. Профессиональная идентичность: теория, эксперимент, тренинг / Л. Б. Шнейдер. – М. : МПСИ, 2004. – 600 с.

566. Шоттер, Д. Интериоризация как «феномен границы» / Д. Шоттер, М. Бахтин, Л. С. Выготский // Вопр. психологии. – 1996. – № 6. – С. 108–117.

567. Шувалова, И. Е. Семантика русских местоимений / И. Е. Шувалова. – Курск : Изд-во Курск. гос. ун-та, 2007. – 143 с.

568. Эммер, Ю. А. Миромоделирование в современном песенном фольклоре: когнитивно-дискурсивный анализ : дис... докт. филол. наук : 10.02.01 / Ю. А. Эммер. – Томск, 2011 – 457 с.

569. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон ; пер. с англ. ; под общ. ред. А. В. Толстых. – М. : Прогресс, 1996. – 344 с.

570. Юзманов, П. Р. Категория информативности в русском и немецком документном образовательном тексте/дискурсе : автореферат дис. ... кандидата филол. наук : 10.02.20 / П. Р. Юзманов. – Тюмень, 2012. – 22 с.

571. Юнг, К. Архетип и символ / К. Юнг. – М. : Ренессанс, 1991. – 297 с.

572. Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов / К. Г. Юнг ; пер. с англ. – К. : Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. – 384 с.

573. Якоба, И. А. Когнитивно-коммуникативная параметризация медийного дискурса : диссертация ... доктора филол. наук : 10.02.19 / И. А. Якоба. – Иркутск, 2020. – 399 с.

574. Якобсон, Р. О. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений / Р. О. Якобсон // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990. – С. 110–132.

575. Яковлев, А. А. Об одной тенденции в российских экспериментальных исследованиях перевода / А. А. Яковлев, М. И. Мельникова // Актуальные вопр. совр. филологии и журналистики. – 2019. – № 2(33). – С. 78–85.

576. Ян, Ф. Концепт «семья» в русской и китайской языковых картинах мира / Ф. Ян // Известия Томского политехнического университета. – 2013. – Т. 323. – № 6. – С. 250–255.

577. Яноу, Д. Фреймы политического: от фрейм-анализа к анализу фреймирования / Д. Яноу, М. ван Хульст // Социологическое обозрение. – 2011. – Т. 10. – № 1-2. – С. 87–113.

578. Ячин, С. Е. От экспертных к эпистемическим сообществам: К трансформации институциональных рамок власти знания в современном мире / С. Е. Ячин, М. Ю. Смирнова // Информационное общество. – 2012. – № 3. – С. 39–48.

579. Adamson, T. Cognition and conflation: Addressing a paradox in cognitive linguistics [Электронный ресурс] / T. Adamson // Cognitive Semiotics. – 2007. – № 1. – Режим доступа: <https://www.researchgate.net/publication/240819259> дата обращения: 14.08.2024)

580. Ainsworth, M. D. S. Patterns of attachment: A psychological study of the strange situation / M. D. S. Ainsworth, M. C. Blehar, E. Waters, S. N. Wall. – New York : Psychology Press, 2015. – 466 p.

581. Alexander, J. C. Theorizing the “Modes of Incorporation”: assimilation, hyphenation, and multiculturalism as varieties of civil participation / J. C. Alexander // Sociological theory. – 2001. – Vol. 19(3). – P. 237–249.

582. Althusser, L. Selected texts / L. Althusser // Ideology / ed. Terry Eagleton. – New York : Longman. 1994. – 317 p.

583. Altman, M. Understanding embodiment. Psychophysiological models in traditional medical systems / M. Altman, V. Evans, S. Pourcel // New directions in cognitive linguistics. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamin’s Publishing Company, 2009. – Vol. 24. – P. 311–329.

584. Ashby, W. R. Design for a brain: The origin of adaptive behavior / W. R. Ashby. – Martino fine books, 2014. – 298 p.

585. Barcelona, A. Clarifying and applying the notions of metaphor and metonymy within cognitive linguistics: An update / A. Barcelona // Metaphor and metonymy in comparison and contrast. – Berlin ; N.Y., 2002. – P. 209–277.

586. Barnabem, A. De l’expemrience kinesthemsique aM la structuration prepositionnelle du scheMme-image du chemin chemin [Электронный ресурс] /

Corela. – 2013. – Vol. 11(1). – Режим доступа: <https://doi.org/10.4000/corela.2886> (дата обращения: 22.05.2024).

587. Bauman, Z. Freedom / Z. Bauman. – Minneapolis : Univ. Minnesota Press, 1988. – 106 p.

588. Beaugrande, R. Introduction to text linguistics / R. Beaugrande, W. Dressler. – London ; N.Y. : Longman, 1981. – 270 p.

589. Beaugrande, R. de. Linguistic theory : the discourse of fundamental works / R. de Beaugrande. – London ; New York : Longman, 1991. – 403 p.

590. Benveniste, E. Termes de parenté dans les langues indo-européennes / E. Benveniste // L'Homme. – 1965. – T. 5. – № 3-4. – P. 5–16.

591. Billig, M. Talking of the Royal family / M. Billig. – London ; N.Y. : Routledge, 1992. – 244 p.

592. Blau, P. M. Patterns of choice in interpersonal relations / P. M. Blau // American Sociological Review. – Feb. 1962. – Vol. 27(1) – P. 41–55.

593. Bottineau, D. « Heureux comme un poisson dans l'eau, anxieux comme un humain sous l'eau: les locutions prepositionnelles en sous, une routine énonciative variable » / D. Bottineau // L'information grammaticale. Les locutions prepositionnelles en sous. – 2008. – № 117. – P. 13–17.

594. Bottineau, D. Les locutions prepositionnelles en sur: des invariants prepositionnels aux spécialisations sémantiques / D. Bottineau // Le français moderne. Locutions: continuité et innovation. – 2010. – № 1. – P. 28–43.

595. Bottineau, D. Parole, corporellement, individu et socialement: l'embodiment dans les linguistiques cognitives / D. Bottineau // La revue de l'Association pour la Recherche sur les sciences de la Cognition (ARCo). – 2011. – P. 187–220.

596. Bréal, M. Dictionnaire étymologique latin / M. Bréal, A. Bailly. – University of Michigan. – 2008. – 463 p.

597. Brown, J. M. An empirical test of Carl Jung's collective unconscious (Archetypal) / J. M. Brown, T. P. Hannigan // Memory Journal of Border Educational Research. – 2006. – Vol. 5. – P. 114–128.

598. Bryant, J. Best-Fit Constructional Analysis : UC Berkeley dissertation / J.

Bryant. – 2008. – iv, 223 p.

599. B hrmann, A. Vom Diskurs zum dispositiv / A. B hrmann, D. Andrea, Schneider, Werner // Eine Einf hrung in die Dispositivanalyse. – Aufl. 2, unver nd. – Bielefeld : transcript Verlag, 2012. – 176 p.

600. Caballero, R. Ways of perceiving, moving, and thinking: Re-vindicating culture in conceptual metaphor research / R. Caballero, Ibarretxe-Antucano // Journal of Cognitive Semiotics. – 2013. – 5(1-2). – P. 268–290.

601. Chafe, W. Discourse, consciousness, and time: the flow and displacement of conscious experience in speaking and writing / W. Chafe. – Chicago ; London, 1994. – 392 p.

602. Cienki, A. Some properties and groupings of image schemas / A. Cienki // Lexical and Syntactical Constructions and the Construction of Meaning / eds. Marjolijn Verspoor, Kee Dong Lee, Eve Sweetser. – Amsterdam : John Benjamins, 1997. – P. 3–15.

603. Clark, H. H. Using Language / H. H. Clark. – Cambridge : Cambridge University Press, 1996. – 436 p.

604. Clausner, T. C. Domains and image schemas / T. C. Clausner, W. Croft // Cognitive Linguistics. – 1999. – № 10(1). – P. 1–31.

605. Code, L. Language and knowledge / L. Code. – WORD. – 1980. – Vol. 31(3). – P. 245–258.

606. Cole M. Socio-cultural-historical psychology: some general remarks and a proposal for a new kind of cultural-genetic methodology / M. Cole ; ed. James V. Wertsch // Sociocultural Studies of Mind. – Cambridge University Press, 1995. – P. 187–214.

607. Condor, S. They're not racist...' Prejudice mitigation and suppression in dialogue / S. Condor, L. Figgou, J. Abell, S. Gibson, C. Stevenson // British Journal of Social Psychology. – 2006. – 45(3). – P. 441–462.

608. Cowley, S. J. Cognition beyond the brain: Computation, interactivity and human artifice [Электронный ресурс] / eds. S. J. Cowley, F. Valleme-Tourangeau. – London : Springer. 2013. – viii, 292 p. – Режим доступа:

<http://dx.doi.org/10.1007/978-1-4471-5125-8> (дата обращения: 27.06.2024).

609. Croft, W. Cognitive linguistics / W. Croft, Alan D. Cruse. – New York : Cambridge University Press, 2004. – 374 p.

610. D'Andrade, Roy G. Some propositions about the relations between culture and human cognition / Roy G. D'Andrade // Cultural Psychology Essays on Comparative Human Development. – Cambr. Univ. Press, 1990. – P. 65–129.

611. D'Andrade, Roy G. The development of cognitive anthropology / Roy G. D'Andrade. – Cambridge, UK : Cambridge University Press, 1995. – 272 p.

612. Davies, B. Positioning: The Discursive production of selves / B. Davies, R. Harrem // Journal for the theory of Social Behaviour. – 1990. – Vol. 20(1). – P. 43–63.

613. Deleuze, G. Mille plateaux / Gilles Deleuze, Fйlix Guattari – Paris : Minuit, 1981. – 645 p.

614. Delisle, J. L'analyse du discours comme мйthode de traduction / J. Delisle. – Ottawa : Editions de l'Universitй d'Ottawa, 1980. – 282 p.

615. Denroche, C. Text metaphonymy: The interplay of metonymy and metaphor in discourse [Электронный ресурс] / C. Denroche // Metaphor and the social world. – 2018. – Vol. 8(1). – P. 1–24. – Режим обращения: <https://doi.org/10.1075/msw.16011.den> (дата обращения: 17.04.2024).

616. Derrida, J. Negotiations / J. Derrida. – Stanford : Stanford University Press, 2002. – P. 372–373.

617. Desagulier, G. Modйlisation cognitive de la variation et du changement linguistiques: Etude de quelques cas de constructions йmergentes en anglais contemporain : thest dt doctorat : linguistique / G. Desagulier. – Universitй Bordeaux 3, 2005. – 507 p.

618. Desagulier, G. Figures et forces en linguistique cognitive: Pour une redйfinition du concept de reprйsentation dans une Grammaire de Constructions Floue / G. Desagulier // Thйorie, littйrature, йpistйmologie. – Presses universitaires de Vincennes, 2007. – № 24. – P. 95–113.

619. Dijk, van T. A. Introduction: Discourse analysis as a new cross-discipline

/ T. A. van Dijk // Handbook of discourse analysis. Disciplines of discourse. – Academic Press, 1985. – Vol. 1. – P. 1–10.

620. Dijk, van T. A. Discourse as structure and process / T. A. van Dijk. – London : Sage Publications, 1997. – xii, 356 p.

621. Dijk, van T. A. Discourse and context: A sociocognitive approach / T. A. van Dijk. – Cambridge ; N.Y. : Cambridge University Press, 2008. – xiii, 267 p.

622. Donald, M. Origins of the modern mind. Three stages in the evolution of culture and cognition / M. Donald. – Cambridge, MA ; London : Harvard University Press, 1991. – viii, 413 p.

623. Dror, I. E. Cognition distributed: how cognitive technology extends our minds / I. E. Dror, S. Harnad. – Amsterdam ; Philadelphia : Benjamins, 2006. – 258 p.

624. Duprř, J. Human nature and the limits of science / J. Duprř. – Oxford : Clarendon Press. 2001. – x, 201 p.

625. Purovicм, T. The end of a long and fraught marriage: Metaphorical images structuring the Brexit discourse / T. Purovicм, N. Silaљki // Metaphor and the Social World. – 2018. – Vol. 8(1). – P. 25–39.

626. Edwards, D. Script formulations: A study of event descriptions in conversation / D. Edwards // Journal of Language and Social Psychology. – 1994. – № 13. – P. 211–247.

627. Edwards, D. Discourse and cognition [Электронный ресурс] / D. Edwards. – London ; Thousand Oaks : Sage, 1997. – 356 p. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.4135/9781446221785> (дата обращения: 05.04.2024).

628. Edwards, D. Discursive psychology / D. Edwards ; eds. K. Fitch, R. Sanders // Handbook of Language and Social Interaction. – Mahwah : Erlbaum, 2005. – P. 257–273.

629. Ekman, P. The repertoire of nonverbal behaviour, categories, origins, usage and coding / P. Ekman, W. Friesen // Semiotica. – 1969. – № 1. – P. 49–52.

630. Ekman, P. Autonomic nervous system activity distinguishes among emotions [Электронный ресурс] / P. Ekman, R. W. Levenson, W. V. Friesen //

Science. – 1983. – Vol. 221. – P. 1208–1210. – Режим доступа : <https://www.science.org/doi/10.1126/science> (дата обращения: 11.05.2024).

631. Elsaesser, T. Between knowing and believing: The cinematic dispositive after cinema. / T. Elsaesser, F. Albera, M. Tortajada // *Cine dispositives: essays in epistemology across media*. – Amsterdam : Amst. Univ. Press, 2015. – P. 45–72.

632. Evans, V. Cognitive linguistics. An introduction / V. Evans, M. Green. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2006. – 830 p.

633. Fairclough, N. Language and Power / N. Fairclough. – London : Longman, 1989. – 259 p.

634. Fauconnier, G. Mappings in thought and language / G. Fauconnier. – Cambridge : Cambridge University Press, 1997. – xi, 205 p.

635. Fauconnier, G. Mental spaces: conceptual integration networks / G. Fauconnier, M. Turner // *Cognitive linguistics: basic readings* / ed. Dirk Geeraerts. – Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2006. – P. 303–371.

636. Fauconnier, G. The way we think: Conceptual blending and the mind's hidden complexities / G. Fauconnier, M. Turner. – New York : Basic Books, 2008. – 464 p.

637. Ferraro, F. A unified Bayesian model of scripts, frames and language / F. Ferraro, Van B. Durme // *Proceedings of the 30th AAAI conference on Artificial Intelligence (AAAI-16)*. – 2016. – P. 2601–2607.

638. Fillmore, C. J. The case for case / C. J. Fillmore ; eds. E. Bach, R.T. Harms // *Universals in linguistic theory*. – London : Holt, Rinehart and Winston, 1968. – P. 1–25.

639. Fillmore, C. J. Types of lexical information / C. J. Fillmore // *Semantics: an interdisciplinary reader in philosophy, linguistics and psychology* / eds. D. D. Steiberg, L. A. Jokolaits. – Cambridge, 1971. – P. 370–392.

640. Fillmore, C. J. Frame semantics / C. J. Fillmore // *Linguistics in the morning calm: selected papers from SICOL - 1981*. – Seoul, 1982. – P. 111–137.

641. Fillmore, C. J. Toward a frame-based Lexicon: The semantics of RISK and its neighbors. Frames, fields and contrasts / C. J. Fillmore, B. T. Atkins // *New*

Essays in Semantic and Lexical Organization / eds. A. Lehrer, E. Kittay. – Hillsdale, 1992. – P. 75–102.

642. Flick, U. Psychologie des Sozialen: Repräsentationen in Wissen und Sprache / U. Flick. – Reinbeck : Rowohlt, 1995a. – 352 p.

643. Flick, U. Social representations / U. Flick // Rethinking Psychology. – London, 1995b. – P. 70–96.

644. Fodor, J. Modularity of mind / J. Fodor. – Cambridge : MIT Press, 1983. – 158 p.

645. Foucault, M. Histoire de la sexualite : in 3 vols. – Vol. 1 : La volonte de savoir / M. Foucault. – Paris : Gallimard, 1976. – 224 p.

646. Francisco, V. The embodied mind: Cognitive science and human experience / V. Francisco, E. Thompson, E. Rosch. – Cambridge ; London : MIT Press, 1991. – 328 p.

647. Frank, R. M. A future agenda for research on language and culture / R. M. Frank // The Routledge handbook of language and culture / ed. F. Sharifian. – London : Routledge, 2015. – P. 493–512.

648. Gavins, J. The text world theory: An introduction / J. Gavins. – Edinburgh : Univ. Press, 2007. – 193 p.

649. Geertz, C. The interpretation of cultures / Clifford Geertz. – New York : Basic Books, 1973. – 470 p.

650. Gibbs, R. The Poetics of mind: figurative ought, language, and understanding / R. Gibbs. – Cambridge : Camb. University Press, 1994. – 540 p.

651. Gibbs, R. Embodiment and cognitive science / R. Gibbs. – Cambridge, UK : Cambridge University Press, 2006. – vii, 337 p.

652. Gibbs, R. Why do some people dislike conceptual metaphor theory? / R. Gibbs // The Journal of Cognitive Semiotics. – 2013. – № 5(1-2). – P. 14–36.

653. Givon, T. Syntax: A functional-typological introduction. – Vol. II. / T. Givon, L. Talmy. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 1990. – xxv, 552 p.

654. Givon, T. Bio-linguistics : The Santa Barbara lectures / T. Givon. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2002. – xviii, 383 p.

655. Givon, T. Context as other minds: the pragmatics of sociality. *Cognition and communication* / T. Givon. – N. Y., 2005. – xv, 283 p.

656. Glenberg, A. M. What memory is for / A. M. Glenberg // *Behavioral and brain sciences*. – 1997. – № 20. – P. 1–55.

657. Goossens, L. Patterns of meaning extension, “parallel chaining”, subjectification, and modal shifts / L. Goossens // *Metaphor and metonymy at the crossroads : A cognitive perspective* / ed. A. Barcelona. – Berlin ; N. Y. : Mouton de Gruyter, 2003. – 356 p.

658. Grady, J. Foundations of meaning: primary metaphors and primary scenes : Ph.D. in linguistic ... dissertation / J. Grady. – Berkeley, University of California, 1997. – v, 299 p.

659. Grady, J. Blending and metaphor / Joseph Grady, Seana Coulson, Todd Oakley // *Metaphor in Cognitive Linguistics* / eds. G. Steen, R. Gibbs. – Philadelphia : Benjamins John, 1999. – P. 101–124.

660. Graumann, Carl F. Perspective structure in language production and comprehension / Carl F. Graumann, C. Michael Sommer // *Journal of Language and Social Psychology*. – 1988. – № 7(3-4). – P. 193–212.

661. Graumann, C. F. Perspective Setting and Taking in Verbal Interaction / C. F. Graumann // *Language processing in social context* / eds. R. Dietrich, C. F. Graumann. – Amsterdam : North Holland, 1989. – P. 95–122.

662. Graumann, C. F. An introduction / C. F. Graumann, W. Kallmeyer // *Perspective and Perspectivation in Discourse (human cognitive processing)* / eds. C. F. Graumann, W. Kallmeyer. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2002. – P. 1–11.

663. Grice, H. P. Logic and conversation / H. P. Grice // *The Logic of Grammar* / eds. D. Davidson, G. Harman, C. Encino. – California : Dickenson, 1975. – P. 64–75.

664. Gubrium, J. F. What is family? [Электронный ресурс] / J. F. Gubrium, J. A. Holstein // *Teaching sociology*. – American Sociological Association, 1992. – Vol. 20(3). – 262 p. – Режим доступа: <http://www.jstor.org/stable/1319073> (дата

обращения: 25.06.2024).

665. Guerreau-Jalabert A. La désignation des relations et des groupes de parenté en latin medieval / A. Guerreau-Jalabert // Archivum Latinitatis Medii. – 1986. – Vol. 46-47. – P. 65–108.

666. Haas P. M. Introduction: epistemic communities and international policy coordination / P. M. Haas // International Organization. Knowledge, Power, and International Policy Coordination. – Cambridge : MIT Press, 1992. – Vol. 46(1). – P. 1–35.

667. Halliday, M. A. K. Towards a language-based theory of learning / M. A. K. Halliday // Linguistics and Education. – 1993. – № 5. – P. 93–166.

668. Harris, Z. S. Discourse analysis / Z. S. Harris // Language. – 1952. – Vol. 28. – P. 1–30 ; 474–494.

669. Hashimoto, T. Dynamics of internal and global structure through linguistic interactions / T. Hashimoto ; eds. J. S. Sichman, R. Conte, N. Gilbert // Multi-agent Systems and Agent Based Simulation LNAI Series. – Berlin : Springer-Verlag, 1998. – Vol. 1534. – P. 124–139.

670. Hayduk, L. A. Personal space: where we now stand / L. A. Hayduk. Psychological Bulletin. – 1983. – Vol. 94(2). – P. 293–335.

671. Hedblom, M. Image schemas as families of theories / M. Hedblom, O. Kutz, F. Neuhaus // Proceedings of the workshop “computational creativity, concept invention, and general intelligence”. – Publications of the Institute of Cognitive Science. – 2015. – Vol. 2. – P. 19–33.

672. Henchoz, C. La production quotidienne de l’amour en Suisse et au Québec: comptabilités intimes / C. Henchoz // Sociologie et société. – 2014. – Vol. 46(1). – P. 17–36.

673. Herman, D. Basic elements of narrative / D. Herman. – Oxford : Wiley-Blackwell, 2009. – P. 1–9.

674. Holland, D. Conventional metaphors in human thought and language; review article «Metaphors We Live By», by G. Lakoff, M. Johnson / D. Holland

// *Reviews in Anthropology*. – 1982. – № 9(3). – P. 287–297.

675. Holland, D. *Cultural models in language and thought* / D. Holland, N. Quinn. – New York : Cambridge University Press, 1987. – 400 p.

676. Holt, D. J. Neural correlates of personal space intrusion / D. J. Holt, B. S. Cassidy, X. Yue, S. L. Rauch, E. A. Boeke, S. Nasr, R. B. Tootell // *Journal of Neuroscience*. – 2014. – Vol. 34(12). – P. 4123–4134.

677. Hopkins, N. Minority group members' theories of intergroup contact / N. Hopkins, V. Kahani-Hopkins // *British journal of social psychology*. – 2006. – Vol. 45(2). – P. 245–264.

678. Hutchins, E. *Culture and inference: A trobriand case study* / E. Hutchins. – Cambridge : Harvard University Press, 1980. – 153 p.

679. Hutchins, E. *Cognition in the Wild* / E. Hutchins. – Cambridge, Massachusetts : The MIT Press ; London : A Bradford Book, 1995. – 381 p.

680. Hutchins, E. Cognitive ecology / E. Hutchins // *Topics in Cognitive Science*. – 2010a. – № 2(4). – P. 705–715.

681. Hutchins, E. Enculturating the supersized mind / E. Hutchins // *Philosophical Studies*. – 2010b. – Vol. 152(3). – P. 437–446.

682. Hutchins, E. Concepts in practice as sources of order / E. Hutchins // *Mind, Culture and Activity*. – 2012. – Vol. 19(3). – P. 314–323.

683. Hutchins, E. The cultural ecosystem of human cognition [Электронный ресурс] / E. Hutchins // *Philosophical Psychology*. – 2014. – № 27(1). – P. 34–49. – Режим доступа – DOI: 10.1080/09515089.2013.830548 (дата обращения: 08.07.2024).

684. Ibarretxe-Antucano, I. The relationship between conceptual metaphor and culture / I. Ibarretxe-Antucano // *Intercultural Pragmatics*. – 2013. – Vol. 10(2). – P. 315–339.

685. Itkonen, E. *Grammatical theory and metascience: A critical inquiry into the philosophical and methodological foundations of “Autonomous” linguistics* / E. Itkonen. – Amsterdam : John Benjamins, 1978. – x, 355 p.

686. Itkonen, E. *What is Language?* / Esa Itkonen. – Turku : University of

Turku Press, 2003. – 226 p.

687. Jääskeläinen, R. Automatised processes in professional vs. non-professional translation: A think-aloud protocol study / R. Jääskeläinen ; ed. S. Tirkkonen-Condit // Empirical research in translation and intercultural studies. – Tübingen : Gunter Narr, 1991. – P. 89–110.

688. Jackendoff, R. Sense and reference in a psychologically based semantics / R. Jackendoff // Talking Minds: The study of language in cognitive science. – Cambridge, 1984. – P. 49–72.

689. Jäger, S. Discourse and knowledge: Theoretical and methodological aspects of critical discourse analysis / S. Jäger // Methods of CDA / eds. R. Wodak, M. Meyer. – London : Sage Publications, 2001. – P. 32– 62.

690. Jäger, M. Deutungskämpfe. Theorie und praxis kritischer diskursanalyse / M. Jäger, S. Jäger. – VS Verlag für, 2007. – 324 p.

691. Jäger, S. Theoretical and methodological aspects of foucauldian critical discourse analysis and dispositive analysis / S. Jäger, F. Maier // Methods of CDA / eds. R. Wodak, M. Meyer. – London : Sage Publications, 2009. – P. 34–61.

692. Johnson, M. The body in the mind: The bodily basis of meaning, imagination and reason / M. Johnson. – Chicago ; London : University of Chicago Press, 1987. – xxxviii, 233 p.

693. Johnson, M. Image-schematic bases of meaning / M. Johnson. – Recherches Sémiotique Semiotic Inquiry: Canadian semiotic association. – 1989. – Vol. 9(1-2-3). – P. 109–118.

694. Johnson, M. H. Biology and cognitive development: The case of face recognition / M. H. Johnson, J. Morton. – Oxford : Blackwell, 1991. – x, 180 p.

695. Johnson, M. Embodied understanding [Электронный ресурс] / M. Johnson // Frontiers in Psychology. – Eugene, Oregon, 2015. – Vol. 6. – art. 875. – Режим доступа: doi: 10.3389/fpsyg.2015.00875 www.frontiersin.org (дата обращения: 14.11.2024).

696. Kammler, Cl. Historische diskursanalyse (Michael Foucault) / Cl. Kammler // Neue literaturtheorien. Eine einföhrung. – Opladen : Westdeutscher

Verlag, 1990. – P. 31–55.

697. Kant, E. Critique de la raison pure / E. Kant. – Paris : Flammarion, 2006. – 766 p.

698. Kim, M. The Story of two connectives: Korean tunci ‘or’ and kena ‘or’ / M. Kim. – Discourse Studies. – 2021. – Vol. 23(4). – P. 497–518.

699. Kimmel, M. Culture regained: situated and compound image schemas / M. Kimmel // From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics / ed. B. Hampe. – Berlin : Mouton de Gruyter, 2005. – P. 285–311.

700. Knox, J. Archetype, attachment, analysis: Jungian psychology and the emergent mind / J. Knox. – Hove : Brunner-Routledge, 2003. – 230 p.

701. Kövecses, Z. Metaphor and emotion: Language, culture, and body in human feeling / Z. Kövecses. – Cambridge : Cambridge University Press, 2000. – 242 p.

702. Kövecses, Z. Metaphor: A practical introduction / Z. Kövecses. – New York, NY : Oxford University Press, 2002. – xvi, 285 p.

703. Kövecses, Z. Metaphor in culture. Universality and variation / Z. Kövecses. – Cambridge : Cambridge University Press, 2005. – 314 p.

704. Kövecses, Z. Metaphorical meaning making: discours, language and culture / Z. Kövecses // Quaderns de Filologia. Estudis lingüístics. – 2009. – Vol. XIV. – P. 135–151.

705. Kövecses, Z. Metaphor, cognition, culture / Z. Kövecses // Handbook of advances in culture and psychology / eds. M. J. Gelfand, Ch. Chiu, Y. Hong. – New York, 2018. – Vol. 7. – P. 61–106.

706. Krappmann, L. Soziologische dimensionen der Identität : Strukturelle bedingungen für die teilnahme an interaktionsprozessen / L. Krappmann. – Stuttgart : Klett-Cotta, 1971. – 231 p.

707. Krings, H. P. Translation problems and translation strategies of advanced German learners of French (L2) / H. P. Krings // Interlingual and intercultural communication. – 1986. – P. 263–276.

708. Kroeber, A. L. Culture: a critical review of concepts and difinitions / A. L.

Kroeber, C. Kluckhohn. – Cambridge : Peabody Museum. – 1952. – Vol. 47(1). – viii, 223 p.

709. Kuno, S. Three perspectives in the functional approach to syntax / S. Kuno // *Sound, sign and meaning*. – Ann Arbor : Univ. Mich., 1976. – P. 119–190.

710. Kussmaul, P. Training the translator / P. Kussmaul. – Amsterdam ; Philadelphia : Benjamins, 1995. – 176 p.

711. Laclau, E. Hegemony and socialist strategy. Towards a radical democratic politics / E. Laclau, C. Mouffe. – 2-nd ed. – London ; New York : Verso, 2001. – xix, 198 p.

712. Lakoff, G. *Metaphors We live by* / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago : University of Chicago Press, 1980. – xiii, 242 p.

713. Lakoff, G. *Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind* / G. Lakoff. – Chicago : Univ. of Chic. Press, 1987. – xvii, 614 p.

714. Lakoff, G. *More than cool reason: A field guide to poetic metaphor*. / G. Lakoff, M. Turner. – Chicago ; London : The Univ. of Chic. press, 1989. – 237 p.

715. Lakoff, G. *The Contemporary theory of metaphor* / George Lakoff // *Metaphor and thought* / ed. Andrew Ortony. – 2nd edition. – Cambridge University Press, 1993. – P. 202–252.

716. Lakoff, G. *Moral politics: What conservatives know that liberals don't* / G. Lakoff. – Chicago ; London : University of Chicago Press, 1996. – xi, 413 p.

717. Lakoff, G. *Philosophy in the flesh: The embodied mind and its challenge to western thought* / G. Lakoff, M. Johnson. – New York : Basic Books, 1999. – 312 p.

718. Lakoff, G. Mapping the brain's metaphor circuitry: metaphorical thought in everyday reasonb [Электронный ресурс] / George Lakoff // *Frontiers in human neuroscience*. – 2014. – Vol. 8. – Art. 958. – Режим доступа: <https://www.frontiersin.org/journals/humaneuroscience/articles/10.3389/fnhum.2014.00958/full> (дата обращения: 29.06.2024).

719. Langacker, R. W. *Concept, image and symbol: the cognitive basis of grammar* / R. W. Langacker. – Berl. ; N.Y. : Mouton de Gruyter, 1991a. – x, 395 p.

720. Langacker, R. W. Foundations of cognitive grammar. – Vol. II : descriptive application / R. W. Langacker. – Stanford ; California : Stanford University Press, 1991b. – xv, 589 p.

721. Langacker, R. W. Dimensions of defocusing / R. W. Langacker // Voice and Grammatical Relations / eds. Tasaku Tsunoda, Taro Kageyama. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2006. – P. 115–137.

722. Langacker, R. W. Cognitive grammar: a basic introduction / R. W. Langacker. – Oxford University Press, 2008. – x, 562 p.

723. Langacker, R. W. Investigations in cognitive grammar. / R. W. Langacker. – Berlin ; N.Y. : Mouton de Gruyter, 2009. – xiv, 396 p.

724. Langacker, R. W. Reflections on the Functional Characterization of Spatial Prepositions [Электронный ресурс] / R. W. Langacker // Corela. – 2010. – HS-7. – Режим доступа: <https://core.ac.uk/download/pdf/224149837.pdf> (дата обращения: 11.04.2024).

725. Lantz, D. Language and cognition revisited / D. Lantz, V. Stefflre // Journal of Abnormal and Social Psychology. – 1964. – Vol. 69(5). – P. 472–481.

726. Lewis, D. K. Convention: A Philosophical study / D. K. Lewis. – Cambridge, 1969. – xii, 213 p.

727. Linell, P. Perspectives, implicitness and recontextualisation / P. Linell // Perspective and perspectivation in discourse (human cognitive processing) / eds. C. F. Graumann, W. Kallmeyer. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Pub Co, 2002. – P. 41–57.

728. Link, J. Diskurs, interdiskurs und literaturanalyse / J. Link, U. Link-Heer // Zeitschrift fur Literaturwissenschaft und Linguis. – 1990. – Vol. 20. – P. 88–99.

729. Lörcher, W. The translation process: methods and problems of its Investigation / W. Lörcher // Meta. – 2005. – Vol. 50(2). – P. 597–608.

730. Lv, Z. Universality and variation of conceptual metaphor of love in Chinese and English / Z. Lv, Yi. Zhang // Theory and Practice in Language Studies. – 2012. – Vol. 2(2). – P. 355–359.

731. Macfarlane, D. Family mediation in France [Электронный ресурс] / D. Macfarlane // Journal of Family Studies. – 2004. – Vol. 10(1). – P. 97–112. – Режим доступа: <https://doi.org/10.5172/jfs.327.10.1.97> (дата обращения: 18.05.2024).

732. Makerova, A. V. Vers une pragmatique de la pratique langagière de jeunes à Montreuil et à Tcheliabinsk: l'exemple de textes de chansons de rap : thèse de doctorat en Sciences du langage / A. V. Makerova. – Paris, 2011. – 479 p.

733. Malcolm, I. G. Terms of adoption: Cultural conceptual factors underlying the adoption of English for Aboriginal communication / I. G. Malcolm ; ed. F. Sharian. – Advances in Cultural Linguistics, 2017. – P. 625–659.

734. Mandler, J. Stories, scripts, and scenes: aspects of schema theory / J. Mandler. – Hillsdale, 1984. – 132 p.

735. Mandler, J. M. 'How to build a baby : II. Conceptual primitives' / J. M. Mandler // Psychological Review. – 1992. – Vol. 99(4). – P. 587–604.

736. Mandler, J. M. On defining image schemas [Электронный ресурс] / J. M. Mandler, C. P. Canovas // Language and Cognition. – 2014. – № 6. – P. 510–532. – Режим доступа: [doi:10.1017/langcog.2014.14](https://doi.org/10.1017/langcog.2014.14) (дата обращения: 07.05.2024).

737. Marcoccia, M. L'analyse conversationnelle des forums de discussion: questionnements méthodologiques [Электронный ресурс] / M. Marcoccia // Les Carnets du Cediscor. – 2004. – № 8. – P. 23–37. – Режим доступа: <http://cediscor.revues.org/220> (дата обращения: 27.08.2024).

738. Maturana, H. R. The biology of cognition / H. R. Maturana // BCL Report 9.0 – Urbana : University of Illinois, 1970. – 27 p.

739. Maturana, H. R. "Biology of language: The epistemology of reality" / H. R. Maturana // In Psychology and Biology of Language and Thought: Essays in Honor of Eric Lenneberg / dir. A. George, Miller, E. Lenneberg. – New York : Academic Press, 1978. – P. 27–64.

740. Maturana, H. R. Autopoiesis and cognition: the realization of the living / H. R. Maturana, F. J. Varela. – Dordrecht, Holland : Reidel Pub. Co., 1980. – xxx, 131 p.

741. Maturana, H. R. The tree of knowledge: The biological roots of human

understanding / H. R. Maturana, F. J. Varela. – Boston : Shambala, 1987. – 272 p.

742. McDowell, M. Principles of organization: a dynamic-systems view of the archetype-as-such / M. McDowell // *Journal of Analytical Psychology*. – 2001. – Vol. 46(4). – P. 637–654.

743. Meier, B. P. Why the sunny side is up: Associations between affect and vertical position / B. P. Meier, M. D. Robinson // *Psychological Science*. – 2004. – Vol. 15(4). – P. 243–247.

744. Mercer, N. The Guided Construction of Knowledge / N. Mercer. – Clevedon : Multilingual Matters, 1998. – 160 p.

745. Merleau-Ponty, M. *Phénoménologie de la perception* / M. Merleau-Ponty. – Paris : Gallimard, 1945. – xvi, 531 p.

746. Mileti, F. G. Construction sociale des catégories d'altérité et d'identité des populations migrantes. Remflexion théorique et étude de cas / F. G. Mileti. – Université de Neuchâtel, 2001. – P. 152–164.

747. Minsky, M. A Framework for representing knowledge / M. Minsky // *Frame conceptions and text understanding* / ed. D. Metzing. – Berlin : Walter de Gruyter, 1980. – P. 1–25.

748. Mongilyova, N. Research into functioning of the state language in the situation of mass bilingualism of north Kazakhstan using the differential technique [Электронный ресурс] / N. Mongilyova // *SAGE Open*. – 2015. – July 10. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1177/2158244015593120> (дата обращения: 15.04.2024).

749. Moscovici, S. The phenomenon of social representations / S. Moscovici // *Social Representations*. – Cambridge, 1984. – P. 3–69.

750. Moscovici, S. Trois présupposés sur les représentations sociales / S. Moscovici // *Psychologie des représentations sociales. Textes rares et inédits* / eds. N. Kalampalikis, Serge Moscovici. – Paris : Editions des Archives contemporaines, 2019. – P. 9–16.

751. Musolff, A. Metaphor and political discourse. Analogical reasoning in debates about Europe / A. Musolff. – Basingstoke, England : Palgrave-Macmillan,

2004. – viii, 211 p.

752. Musolff, A. Metaphor scenarios in public discourse / A. Musolff // *Metaphor and Symbol*. – 2006. – Vol. 21(1). – P. 23–38.

753. Musolff, A. Metaphor and cultural cognition / A. Musolff // *Advances in Cultural Linguistics* / ed. F. Sharifian. – Singapore : Springer Nature, 2017. – P. 325–344.

754. Neisser, U. *Cognitive psychology* / U. Neisser. – N.Y. : Appleton-Century-Crofts, 1967. – 351 p.

755. Nelson, K. *Language in cognitive development. The Emergence of the mediated mind* / K. Nelson. – Cambridge : Cambridge University Press, 1996. – xiv, 432 p.

756. Nishida, H. *Cultural Schema Theory* / H. Nishida // *Theorizing about intercultural communication* / ed. W. B. Gudykunst. – California : California State University, 2005. – P. 401–418.

757. Ogden, C. K. *The meaning of meaning* / C. K. Ogden, I. A. Richards. – London : Routledge and Kegan Paul, 1923. – xxxi, 544 p.

758. Ogneva, E.A. Model “THE HARSH NORTH” in the cognitive-plot matrix of J. London’s “The call of the wild” [Электронный ресурс] / E. A. Ogneva // *Russian Linguistic Bulletin*. – 2023. – № 12(48). – Режим доступа: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.48.7> (дата обращения: 18.07.2024).

759. Palmer, G. B. *Toward a theory of cultural linguistics* / G. B. Palmer. – Austin : University of Texas Press, 1996. – 348 p.

760. Parrill, F. Interactions between discourse status and viewpoint in cospeech gesture / F. Parrill ; eds. B. Dancygier, E. Sweetser // *Viewpoint in language: A multimodal perspective*. – Cambridge : Cambridge University Press, 2012. P. 97–112.

761. Pechoin, D. *Thesaurus larousse. Des idées aux mots, des mots aux idées* / D. Pechoin. – Paris : Larousse, 2004. – 1184 p.

762. Piaget, J. *La formation du symbole chez l'enfant* / J. Piaget. – Paris : Delachaux and Niestle, 1945. – 310 p.

763. Pietikainen, P. Archetypes as symbolic forms / P. Pietikainen // *Journal of Analytical Psychol*, 1998. – Vol. 43(3). – P. 325–343.

764. Polkinghorne, D. Narrative knowing and the human sciences / D. Polkinghorne. – Albany, 1988. – P. 13–14.

765. Potter, J. Scientists' interview talk: Interviews as a technique for revealing participants' interpretative practices / J. Potter, M. Mulkay // *The Research Interview: Uses and Approaches* / eds. M. Brenner, J. Brown, D. Canter. – London : Academic Press, 1985. – P. 247–271.

766. Potter, J. Discourses of community and conflict: The organization of social categories in accounts of a 'riot / J. Potter, S. Reicher // *British Journal of Social Psychology*, 1987. – Vol. 26. – P. 25–40.

767. Potter, J. Accomplishing attitudes: Fact and evaluation in racist discourse / J. Potter, M. Wetherell // *Text - Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse*. – 1988. – Vol. 8(1-2). – P. 51–68.

768. Potter, J. Discourse - noun, verb or social practice? / J. Potter, M. Wetherell, R. Gill, D. Edwards // *Philosophical Psychology*. – 1990. – Vol. 3(2-3). – P. 205–217.

769. Potter, J. Discourse analysis and constructionist approaches: theoretical background / J. Potter // *Handbook of qualitative research methods for psychology and the social sciences* / ed. J. T. H. Richardson. – Leicester : BPS Blackwell, 1996. – P. 125–140.

770. Potter, J. Social representation and discursive psychology: from cognition to action / J. Potter, D. Edwards // *Culture & Psychology*. – 1999. – Vol. 5(4). – P. 447–458.

771. Potter, J. Discursive constructionism / J. Potter // *Handbook of constructionist research* / eds. J. A. Holstein, J. F Gubrium. – New York : Guildford, 2008. – P. 275–293

772. Prince G. Narratology. The form and functioning of narrative / G. Prince. – Mouton, 1982. – 184 p.

773. Quinn, N. The cultural basis of metaphor / N. Quinn // *Beyond Metaphor:*

The theory of Tropes in Anthropology. – Stanford : Stanford University Press, 1991.
– P. 56–93.

774. Quinn, N. A Cognitive Theory of Cultural Meaning / N. Quinn, C. Strauss.
– Cambridge : Cambridge University Press, 1997. – xii, 323 p.

775. Rakicm, Je. Emotions in English: Cultural scripts as mediators between language and culture / Je. Rakicm // FACTA UNIVERSITATIS. Linguistics and Literature. – 2013. – Vol. 11(1). – P. 75–89.

776. Raskin, V. Semantic mechanisms of humor / V. Raskin. – Dordrecht ; Boston ; Lancaster : D. Reidel Publishing Company, 1985. – 284 p.

777. Rastier, F. La semmantique cognitive. Emlemments d'histoire et d'empistemmologie / F. Rastier // Histoire Empistemmologie Langage. Histoire de la Semmantique. – 1993. – Vol. 15(1). – P. 153–187.

778. Roch, E. Universals and cultural specifics in human categorization / E. Roch // Cross-cultural perspectives on learning / eds. R. W. Brislin, S. Bochner, W. J. Lonner. – New York : SAGE Publications, 1975. – P. 177–206.

779. Roesler, C. Are archetypes transmitted more by culture than biology? Questions arising from conceptualizations of the archetype. / C. Roesler // Journal of Analitical Psychol. – 2012. – Vol. 57. – P. 223–246.

780. Rosch, E. H. Principles of Categorization / E. H. Rosch // Cognition and Categorization. – Hillsdale : Lawrence Erlbaum, 1978. – P. 27–48.

781. Rosen, D. H. Empirical Study of Associations between symbols and their meanings: Evidence of collective unconscious (archetypal) memory. / D. H Rosen, S. M. Smith, H. L. Huston, G. Gonzalez // Journal of Analitical Psychol. – 1991. – Vol. 36. – P. 211–228.

782. Ryan, M-L. Toward a definition of narrative / M-L. Ryan // The Cambridge companion to narrative. – Cambridge, 2007. – P. 22–36.

783. Rydning, A. F. Concept memtaphorique et expression memtaphorique dans une perspective cognitiviste / A. F. Rydning // Romansk Forum / ed. H. Durrum. – 2002. – Vol. 16(2). – P. 723–733.

784. Rydning, A. F. Le demfi du procemdem synecdoquien en traduction / A. F.

Rydning // *Meta: Journal des traducteurs*. – 2004. – Vol. 49(4). – P. 856–875.

785. Rydning, A. F. La demmarche de l'expert-traducteur face aM un probleMme de reformulation / A. F. Rydning. – *Meta: Journal des traducteurs* – 2008. – Vol. 53(4). – P. 748–764.

786. Sanford, A. S. Understanding written language: explorations of comprehension beyond the sentence / A. S. Sanford, S. Garrod. – Chichester : John Wiley & Sons Ltd, 1981. – 238 p.

787. Sanrey, C. "Homosexual marriage" or "marriage for all"? Social lexical markers' effects on persuasion [Электронный ресурс] / C. Sanrey, B. Testem, J. Mange / *Journal of Language and Social Psychology*. – 2015. – Vol. 35(5). – P. 471–490. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1177/0261927X15612197> (дата обращения 18.02.2024).

788. Schacter, D. Searching for memory: The brain, the mind and the past / D. Schacter. – New York : Basic Books, 1996. – xiii, 398 p.

789. Schank, R. C. Scripts, plans, goals, and understanding: An inquiry into human knowledge structures / R. C. Schank, R. P. Abelson. – Hillsdale : Lawrence Erlbaum Associates, 1977. – 248 p.

790. Schiffrin, D. Approaches to Discourse / D. Schiffrin. – Cambridge : Blackwell Publishers Inc., 1995. – 470 p.

791. Schilhab, T. Words as cultivators of other minds [Электронный ресурс] / T. Schilhab // *Frontiers in Psychology*, 2015. – Vol. 6. – Режим доступа: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.01690> (дата обращения: 11.04.2024).

792. Schmidt-Snoek, G. L. Auditory and motion metaphors have different scalp distributions: an ERP study [Электронный ресурс] / G. L. Schmidt-Snoek, A. R. Drew, E. C. Barile, S. J. Agauas // *Frontiers in Human Neuroscience*. – 2015. – Vol. 9. – art. 126. – Режим доступа : doi: 10.3389/fnhum.2015.00126 (дата обращения : 05.09.2024).

793. Searle, J. Mind, language and society. Philosophy in the real world / J. Searle. – London : Weidenfeld and Nicolson, 1999. – xii, 175 p.

794. Seriot, P. Analyse du discours politique soviemtique / P. Seriot. – Paris :

Institut d'etudes slaves, 1985. – xi, 362 p.

795. Sharifian, F. I Association-interpretation: A research technique in cultural and cognitive linguistics / F. Sharifian // Proceedings the 6th annual round table of the Centre for Applied Language and Literacy Research. – Western Australia : Cowan University, 2001. – P. 1–15.

796. Sharifian, F. Aboriginal language habitat and cultural continuity / F. Sharifian // The Language Habitat of Aboriginal English / eds. G. Leitner, I. Malcolm. – Berlin : De Gruyter Mouton, 2007. – P. 181–196.

797. Sharifian, F. Distributed, emergent cultural cognition, conceptualisation, and language / F. Sharifian // Body, Language, and Mind / eds. R. M. Frank, R. Dirven, T. Ziemke, E. Bernandez. Sociocultural Situatedness. – Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2008. – Vol. 2 – P. 109–136.

798. Sharifian, F. Cultural schemas as 'common ground' / F. Sharifian // Wrestling with words and meanings: Essays in honour of Keith Allan / eds. K. Burridge, R. Benczes. – Monash University Publishing, 2014. – P. 219–235.

799. Sharifian, F. Cultural linguistics: Cultural conceptualisations and language / F. Sharifian. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2017, – xvii, 171 p.

800. Sheets-Johnstone, M. The corporeal turn: An interdisciplinary reader / M. Sheets-Johnstone. – Charlottesville : Imprint Academic, 2009. – 400 p.

801. Sotirova-Kohli, M. Symbol/meaning paired-associate recall: An “archetypal memory” advantage? / M. Sotirova-Kohli, C. Roesler, S. M. Smith, K. Opwis // Behavioral Sciences, 2013. – Vol. 3(4). – P. 541–561.

802. Souman, Jan L. Walking straight into circles [Электронный ресурс] / Jan L. Souman, I. Frissen, M. N. Sreenivasa, Mark O. Ernst // Current biology, 2009. – Vol. 19(18). – P. 1538–1542. – Режим доступа: <https://researchgate.net/publication/26759492> (дата обращения: 13.06.2024).

803. Stauff, M. Das neue fernsehen. Machtanalyse, gouvernementalität und digitale medien / M. Stauff . – Hamburg : Lit, 2005. – 304 p.

804. Stewart, J. R. Enaction: Towards a new paradigm for cognitive science /

eds. J. R. Stewart, O. Gapenne, E. A. Di Paolo. – Cambridge : MIT Press, 2010. – xvii, 463 p.

805. Stienstra, N. YHWH is the husband of his people. Analysis of a biblical metaphor with special reference to translation / N. Stienstra. – Heerlen : Kok Pharos : Kampen, 1993. – 252 p.

806. Strandell, J. The cultural schema: towards conceptual compatibility in culture-cognition interaction : doctoral dissertation / J. Strandell // Culture-cognition interaction bridging cognitive science and cultural sociology. – University of Copenhagen, 2017. – P. 58–95.

807. Stutterheim von, C. Quaestio and L-perspective / C. von Stutterheim, W. Klein. // Perspective and perspectivation in discourse (human cognitive processing) / eds. C. F. Graumann, W. Kallmeyer. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Pub Co, 2002. – P. 59–88.

808. Talmy, L. Force dynamics in language and cognition / L. Talmy // Cognitive Science, 1988. – Vol. 12(1). – P. 49–100.

809. Talmy, L. Fictive motion in language and «ception». Language and space / L. Talmy ; eds. Paul Bloom, Mary Peterson, Lynn Nadel, Merrill Garrett. – Cambridge : MIT Press, 1996. – P. 211–275.

810. Talmy, L. Toward a cognitive semantics : Concept structuring systems / L. Talmy. – Cambridge : MIT Press, 2000. – Vol. I. – viii, 495 p.

811. Taylor, J. R. Language and the cognitive construal of the world / J. R. Taylor, R. E. MacLaury. – Berlin : Mouton de Gruyter, 1995. – 406 p.

812. The MIT Encyclopedia of the cognitive sciences / eds. R. A. Wilson, F. C. Keil. – Cambr. ; London: A Bradford Book : The MIT Press, 1999. – 1097 p.

813. Tileaga, C. Context, mental models and discourse analysis / C. Tileaga // Journal of Sociolinguistics. – 2011. – Vol. 15(1). – P. 124–134.

814. Tinceva, N. Text structure: A window into discourse, context and mind / N. Tinceva. – POLIS Publ, 2015. – 232 p.

815. Tomasello, M. The cultural origins of human cognition / M. Tomasello. – Cambridge : Harvard University Press, 1999. – 248 p.

816. Tomlin, R. Focal attention, voice, and word order: an experimental, cross-linguistics study / R. Tomlin // Word order in discourse / eds. P. Downing, M. Noonan. – Amsterdam : Benjamins, 1995. – P. 517–554.

817. Tonnies, F. Community and society (gemeinschaft und gesellschaft) / F. Tonnies, C. P. Loomis. – Routledge, 1999. – 324 p.

818. Torfing, J. New theories of discourse: Laclau, Mouffe and Žižek / J. Torfing. – Oxford : Blackwell, 1999. – 342 p.

819. Turner, S. Neurons and practices: A response to Lizardo / S. Turner, P. Mirror // Journal for the Theory of Social Behaviour. – 2007. – Vol. 37(3). – P. 351–371.

820. Vandeloise, C. Au-dela des descriptions géométriques et logiques de l'espace: Une description fonctionnelle / C. Vandeloise // Linguisticae Investigationes. – 1985. Vol. 9. – P. 109–129.

821. Vandeloise, C. Are there spatial prepositions ? / C. Vandeloise ; eds. Maya Hickmann, Stéphane Robert // Space in languages. Linguistic systems and cognitive categories. – Philadelphia : John Benjamins, 2006. – P. 139–154.

822. Varela, F. J. The Embodied mind: Cognitive science and human experience. / F. J. Varela, Evan Thompson, Eleanor Rosch. – Cambridge : MIT Press, 1993. – 334 p.

823. Vermeulen, T. Notes on metamodernism [Электронный ресурс] / T. Vermeulen, R. van den Akker // Journal of Aesthetics and Culture. – 2010. – Vol. 2(1). – Art. 5677. – Режим доступа : Doi: 10.3402/jac.v2i0.5677 (дата обращения: 12.02.2024)

824. Vemronis, J. From the Rosetta stone to the information society: A survey of parallel text processing / J. Vemronis // Parallel text processing. – Kluwer, 2000. – P. 1–25.

825. Vygotsky, L. S. 1978 Mind in society. The development of higher psychological processes / L. S. Vygotsky. – Cambridge : Harvard University Press, 1978. – 159 p.

826. Waldrop, M. M. Complexity: The emerging science at the edge of order

and chaos / M. M. Waldrop. – New York : Simon and Schuster, 1992. – 380 p.

827. Werth, P. Text Worlds: Representing conceptual space in discourse / P. Werth. – London : Longman, 1999. – 390 p.

828. Whorf, B. L. Science and linguistics / B. L. Whorf // Language, thought and reality: selected writings of Benjamin Lee Whorf / ed. John B. Carroll. – Cambridge : MIT Press, 1956. – P. 207–219.

829. Widdowson, H. G. Linguistics / H. G. Widdowson. – Oxford : Oxford University Press, 1996. – xiv, 134 p.

830. Wierzbicka, A. Russian cultural scripts: The theory of cultural scripts and its applications / A. Wierzbicka // Ethos. – 2002. – Vol. 30(4). – P. 401–432.

831. Wierzbicka, A. Cross-cultural pragmatics: The semantics of human interaction A. Wierzbicka. – Berl. ; NY : De Gruyter Mouton, 2003. xxxvii, 502 p.

832. Wierzbicka, A. English: meaning and culture / A. Wierzbicka. – Oxford University Press, 2006. – 368 p.

833. Wilkowski, B. M. “Hot-headed” is more than an expression: the embodied representation of anger in terms of heat [Электронный ресурс] / B. M. Wilkowski, B. P. Robinson, M. S. Meier, R. F. Carter // Emotion. – 2009. – Vol. 9(4). – P. 464–477. – Режим доступа : doi: 10.1037/a0015764 (дата обращения: 12.04.2024).

834. Wodak, R. Mediation between discourse and society: assessing cognitive approaches in CDA / R. Wodak // Discourse Studies. – 2006. – Vol. 8(1). – P. 179–190.

835. Wodak, R. The discursive construction of national identity / R. Wodak, R. de Cillia, M. Reisigl, K. Liebhart. – 2-nd edition. – Edinburgh : Edinburgh University Press Ltd, 2009. – 276 p.

836. Wodak, R. The politics of fear: The shameless normalization of far-right discourse / R. Wodak. – 2nd ed. – London : Sage, 2021. – 337 p.

837. Yu, N. Metaphor from body and culture / N. Yu // The Cambridge handbook of metaphor and thought / ed. R. W. Gibbs. – Cambridge : Cambridge University Press, 2008. – P. 247–261.

838. Yu, N. Metaphor in culture: LIFE IS A SHOW in Chinese [Электронный

ресурсы] / N. Yu, J. Dingding // Cognitive Linguistics. – 2016. – Vol. 27(2). – P. 147–180. – Режим доступа : <https://doi.org/10.1515/cog-2015-0080> (дата обращения: 23.05.2024).

839. Zlatev, J. Situated embodiment: Studies in the emergence of spatial meaning / J. Zlatev. – Stockholm : Gotab, 1997. – P. 395–418.

840. Zlatev, J. What's in a schema? Bodily mimesis and the grounding of language / J. Zlatev // From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics / ed. Beate Hampe. – Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2005. – xi, 485 p.

841. Zlatev, J. Embodiment, language, and mimesis / J. Zlatev J. Embodiment, Language, Mimesis // Body, Language, Mind. Embodiment. – 2006. – Vol 1. – P. 297–337.

842. Zlatev, J. The co-evolution of intersubjectivity and bodily mimesis / eds. J. Zlatev, T. Racine, C. Sinha, E. Itkonen // The shared mind: Perspectives on Intersubjectivity. – Amsterdam ; Philadelphia : Benjamins, 2008 – P. 215–244.

843. Zlatev, J. The semiotic hierarchy: life, consciousness, signs and language / J. Zlatev // Cognitive Semiotics. – 2009. – Vol. 4. – P. 169–200.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ИНСТРУКЦИЯ ДЛЯ ИНТЕРВЬЮЕРА ПО ПРОВЕДЕНИЮ НЕСТРУКТУРИРОВАННОГО ОПРОСА «РАССКАЖИТЕ О СВОЕЙ СЕМЬЕ»

Уважаемый интервьюер!

Прежде чем проводить опрос внимательно изучите положения данной инструкции. Соблюдение требований инструкции – непереносимое условие Вашего участия в проводимом исследовании.

Вы являетесь участником психолингвистического исследования. Ваша задача – записать на диктофон небольшой рассказ респондента о его семье. Именно от Вас зависит успешность результатов эксперимента.

Критерии отбора респондентов: студенты и магистранты, обучающиеся в группах с казахским или русским языком обучения, проживающие с родителями.

Опрос проводится на русском языке.

Эксперимент предваряется приглашением принять участие в лингвистическом исследовании, уточнением языка обучения и семейного положения.

Исследование проводится методом неструктурированного опроса, который состоит в следующем. Вы должны предварительно пригласить респондента принять участие в лингвистическом исследовании. Необходимо уточнить язык обучения и семейное положение.

Опрос должен проходить в индивидуальном общении в доверительной дружеской атмосфере. Интервьюер предупреждает о записи ответа.

Интервьюер устно озвучивает просьбу испытуемому «Расскажите о своей семье». Далее он записывает на диктофон спонтанный ответ респондента, сделанный в виде свободного повествования.

Задача интервьюера – получить связный небольшой ответ, который представляет собой подлинные, ничем неискаженные высказывания на русском языке об отношениях в семье, об отношении говорящего к своим родным.

Интервьюеру запрещается: задавать наводящие вопросы, высказывать личную точку зрения, направлять или прерывать каким-то образом повествование.

Интервьюеру разрешается: стимулировать повествование кивком головы, мимикой, демонстрировать свою активную заинтересованность. Допускаются одна-две поощрительные реплики *А еще что можно добавить? Еще что-нибудь расскажите.*

По окончании ответа, аудиофайл шифруется следующим образом: указывается язык обучения испытуемого (RUS для участников русских групп или KAZ для участников казахских групп), порядковый номер записи. Аудиофайл высылается руководителю исследования.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

**МАТРИЦА АНАЛИЗА РЕЧЕВЫХ МАРКЕРОВ
ИНТЕРРЕЛЯЦИИ В РАССКАЗАХ О СЕМЬЕ****1 Ответ респондента**

Я живу в замечательной и любимой **мною** семье. **Мы все** очень дружны и любим вместе отдыхать, заниматься спортом, ходить в гости и принимать гостей. В нашем большом уютном доме живет шесть человек. Я, **мои** родители, два **моих** брата, младший и старший, и бабушка. Тепло и уют **для нас** создает **моя** мама, Ляззат Кабиевна. Она замечательный человек, заботится, любит и опекает **всех нас**. **Вместе мы** очень любим ходить на фитнес, готовить вкусную еду для домочадцев, секретничать. **Мой** старший брат учится в университете. Брат **для меня** это всегда опора, защита. **Папа у нас** очень добрый, любит читать: может читать целыми днями. Но **нам** он всегда уделяет время, поддерживает и даже часто балует, особенно Рахошку (это **мой** младший брат). Ему одиннадцать лет. Рахымжан увлекается теннисом. Он учится в пятом классе. Брат часто спорит со мной, но несмотря на это, мне всегда интересно проводить **вместе с ним** время

2 Шифрт (KAZ15)

3 Количественный подсчет распределения речевых маркеров интерреляции в высказываниях

№№		Маркеры	Образная схема																																		
1	Я живу в замечательной и любимой мною семье	1	Выделенность Я-центра (Я, мой, мне)	ЦЕНТР		Общность Эксклюзивное мы, наш, нас	ЦЕНТР		б/уЦ	-	Направленность к Я-центру (для меня, мне, меня, для нас, нам, нами)	ПЕРИФЕРИЯ – ЦЕНТР	Направленность от Я-центра (Ее, для нее, для них, его, ее, их)	ЦЕНТР – ПЕРИФЕРИЯ	Дистрибутивная общность (каждый, каждая)	ЦЕНТР-ПЕРИФЕРИЯ	Выделенность на фоне группы (нас, мы с ..)	ПЕРИФЕРИЯ-ЦЕНТР	Владение (мой, моя, наш, наша)	ВЛАДЕНИЕ	Присвоение (у меня, у нас)	ВЛАДЕНИЕ	Отчуждение (другой, ее, его, своя)	ПРОСТРАНСТВО	Конкретное множество (весь, все, вся)	ПРОСТРАНСТВО	Совокупность признаков (весь, все, вся)	ПРОСТРАНСТВО	Совместное действие (вместе)	ПРОСТРАНСТВО	Непрерывность состояния (всегда)	ВРЕМЯ	Непрерывность действия (всегда)	ВРЕМЯ	Непрерывность условий (всегда)	ВРЕМЯ	
2	Мы все очень дружны и любим вместе отдыхать...		1																					1													
3	В нашем большом уютном доме живет шесть человек.		1																																		

4	Я, мои родители, два моих брата, младший и старший, и бабушка.	1						2									
5	Тепло и уют для нас создает моя мама, Ляззат Кабиевна...		1		1			1									
6	Она замечательный человек, заботится, любит и опекает всех нас				1						1						
7	Вместе мы очень любим ходить на фитнес..		1										1				
8	Мой старший брат учится в университете...	1						1									
9	Брат для меня это всегда опора, защита	1			1												
10	Папа у нас очень добрый, любит читать		1			1											
11	Но нам он всегда уделяет время, поддерживает и даже часто балует, особенно Рахошку (это мой младший брат).		1		1			1	1							1	
12	Ему одиннадцать лет.				1												
13	Рахымжан увлекается теннисом.				1												
14	Он учится в пятом классе.				1												
15	Брат часто спорит со мной, но несмотря на это, мне всегда интересно проводить вместе с ним время		1		1			1						1			
	итога	4	7	3	5	2		2	5			2		2	1	1	

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

ЗАДАНИЕ-ПРИГЛАШЕНИЕ К УЧАСТИЮ В ПЕРЕВОДЧЕСКОМ ЭКСПЕРИМЕНТЕ

Приглашаем принять участие в лингвистическом эксперименте!

Инструкция участника

Внимание! Прежде чем приступить к переводу, внимательно прочтите данную инструкцию. Соблюдение требований инструкции – непременное условие Вашего участия в проводимом исследовании.

При выполнении задания Вы можете пользоваться словарем, если это необходимо, но не автоматизированными системами перевода. Если Вы считаете, что Вы не сможете передать даже приблизительно содержание фразы, ставьте XXXX и продолжайте перевод! Удачи!

Переводческое задание

Перед Вами отрывок из статьи «Il m'aime, mais ne veut pas s'engager» Парижского еженедельника Femme actuelle, опубликованной 20/01/2016.

Переведите, пожалуйста, данный текст на русский язык.

Il m'aime, mais ne veut pas s'engager...

Parfois dans un couple, tout va bien, jusqu'au jour où les envies ne sont plus les mêmes... Il vous aime, mais ne souhaite pas s'engager ? Notre spécialiste nous aide à faire le point sur ces situations qui peuvent parfois faire souffrir.

Ça veut dire quoi « s'engager » ?

Prendre un appart ensemble, désirer un enfant, vouloir se marier... Chacun avance à son rythme, mais ce genre de décisions se prend à deux. Alors comment faire lorsque la personne avec qui vous partagez votre vie ne souhaite pas s'engager ?

Elisabeth Couzon, psychologue, rappelle que s'engager, c'est aussi « prendre des risques, et accepter d'avoir confiance en soi, en l'autre et en la vie. Aller plus loin dans une relation amoureuse implique de s'abandonner, d'accepter de toucher la vulnérabilité que l'on a à l'intérieur de nous... »

Comprendre les réticences de son partenaire

Tout d'abord, avant de vous braquer, posez-vous et discutez de la situation, il peut y avoir de nombreuses raisons à ce refus d'aller plus loin avec vous, sans que cela vous implique directement.

Certaines personnalités ont peur de « rater », et recherchent ainsi la partenaire idéale, une quête de la perfection qui n'existe évidemment pas, mais qui permet du coup de ne pas se lancer...

- Il peut avoir peur de se sentir prisonnier. Cette crainte est souvent en lien avec des parents très contrôlant, autoritaires. La personne ne veut donc pas entrer dans un carcan.

- Des hommes peuvent aussi paniquer à l'idée de l'intimité. Vivre ensemble c'est entrer dans l'intimité de l'autre, c'est une mise à nu.

- Certains vont avoir une difficulté à renoncer : lorsque l'on fait le choix d'aller plus loin avec quelqu'un, il faut renoncer à certaines choses, accepter notamment de partager son temps libre...

- Le sentiment de perdre le pouvoir sur sa vie peut l'envahir. En effet, si vous prenez un appart, ou décidez d'avoir un enfant, beaucoup de décisions seront communes. On ne prend plus uniquement des décisions pour soi.

Il peut sortir d'une relation pas encore totalement réglée. Il en veut encore à la personne

avec qui il a vécu une précédente histoire, il y a des blessures pas encore refermées, le deuil n'est pas encore fait, ce qui l'empêche d'aller plus loin avec vous. Il peut avoir peur aussi de recommencer le même schéma qui l'a fait souffrir dans le passé.

... Que faire ?

Une fois que vous avez identifié les raisons possibles de son non-engagement, parlez-en avec lui, pour mettre du sens et savoir comment le rassurer. Identifier les points qui le freineraient c'est aussi un moyen de l'aider à prendre conscience de la situation dans laquelle il est.

Dans le cas où il ne souhaiterait pas répondre à vos questions et en discuter, la spécialiste conseille vivement de lui laisser du temps. Nous ne sommes pas disponibles forcément au même moment pour échanger sur ce types de sujets délicats. Montrez-lui que vous restez ouverte à la discussion, ne le braquez pas et laissez-le revenir quand il se sentira prêt à en parler.

Sachez aussi que la confiance se construit avec le temps, pour s'engager il faut avoir confiance l'un en l'autre, cette question d'engagement est aussi l'occasion de faire un bilan sur votre confiance mutuelle. Où en êtes-vous ?

Quels sont les petits signes que la relation va bien ? Au quotidien, quelles sont les preuves que votre relation vous apporte ce dont vous avez besoin, vos besoins sont-ils comblés ? Regardez du côté des petits engagements au quotidien. Certes il ne souhaite pas emménager avec vous, mais c'est lui qui propose des escapades en amoureux, c'est lui aussi qui vous surprend régulièrement, qui prend soin de vous et qui vous rend heureuse.

Même si votre désir d'enfant se fait de plus en plus pressant, ne cherchez à contrôler la relation : plus vous lui mettez la pression, plus il va s'enfuir ou résister face à nos demandes.

Attention à ne pas aller trop vite, une relation se construit avec le temps.

Relativisez ! Prenez du recul, n'en faites pas un enjeu vital. Apprenez à vivre pour vous et non pas pour votre couple.

Parfois, il faut aussi faire le deuil du rêve de princesse : toute la magie autour des contes lorsqu'on était petite, l'image véhiculée par la société du « mariage parfait », de la famille « modèle ». Il y a là une recherche fusionnelle pour satisfaire les blessures que l'on a, là il y a donc un travail à faire sur soi en ce qui concerne l'estime de soi et la confiance que l'on a en soi.

РЕЧЕВОЙ МАТЕРИАЛ, ПОЛУЧЕННЫЙ В РЕЗУЛЬТАТЕ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

А) Корпус битекстов респондентов группы FR (контрольные переводы)

№	Фрагмент текста переводческого задания
1	Il m'aime, mais ne veut pas s'engager...
1.1	Он меня любит, но не хочет серьезных отношений
1.2	Он меня любит, но не хочет больших отношений
1.3	Он любит, но не хочет ничего больше
2.	Parfois dans un couple, tout va bien, jusqu'au jour où les envies ne sont plus les mêmes...
2.1	Порой в паре все хорошо, пока желания не начинают расходиться
2.2	Иногда у них все хорошо, пока желания одного человека совпадают с желаниями другого
2.3	Все идет хорошо, но только пока желания одного те же, что и другого
3	Il vous aime, mais ne souhaite pas s'engager ?
3.1	Он любит вас, но не хочет серьезных отношений ?
3.2	Он Вас любит, но не хочет продолжения?
3.3.	Он вас любит, но не хочет чего-то большего?
4	Notre spécialiste nous aide à faire le point sur ces situations qui peuvent parfois faire souffrir.
4.1	Наш специалист поможет нам подвести итог этой ситуации, что иногда может даже быть болезненной.
4.2	Наш специалист нам помогает разобраться в этом вопросе по ситуациям, которые иногда могут привести к страданию.
4.3	Наш специалист поможет нам разъяснить ситуации, которые могут быть болезненными.
5	Ça veut dire quoi « s'engager » ?
5.1	Что значит вступать в серьезные отношения ?
5.2	Что значит быть ответственным в паре
5.3	Что подразумевает под собой это: пускаться в отношения?
6	Prendre un appart ensemble, désirer un enfant, vouloir se marier...
6.1	Вместе поселиться, желание завести ребенка, желание вступить в брак ...
6.2	Снять квартиру вместе, захотеть иметь ребенка, либо же захотеть жениться
6.3	Жить в одной квартире, желать ребенка, думать о браке...
7	Chacun avance à son rythme, mais ce genre de décisions se prend à deux.
7.1	Каждый прогрессирует согласно своему ритму, но подобные решения должны приниматься вместе.
7.2	Каждый продвигается в своем ритме, но эти решения принимаются двумя членами в паре
7.3	Каждый движется в своем ритме, но решения порой обсуждаются вместе.
8	Alors comment faire lorsque la personne avec qui vous partagez votre vie ne souhaite pas s'engager ?
8.1	Тогда как быть, если человек с которым вы живете не хочет брать на себя серьезные обязательства ?
8.2	Так значит, что делать, если человек, с которым вы делите вашу жизнь, не хочет быть ответственным / брать на себя ответственность
8.3	Как быть, если человек в котором у вас отношения, не хочет ответственных решений?
9	Elisabeth Couzon, psychologue, rappelle que s'engager, c'est aussi « prendre des risques, et accepter d'avoir confiance en soi, en l'autre et en la vie.
9.1	Элизабет Кузон, психолог, напоминает, что брать на себя подобные обязательства – это также «рисковать и довериться себе, другому и жизни.
9.2	Элизабет Кузон, психолог, нам напоминает, что брать на себя ответственность, это также брать на себя риски и видеть себя в другом, в жизни другого человека
9.3	Элизабет Кузон, психолог, разъясняет, что ответственные решения – это еще и риски, и понимание, что можешь доверить и себе, и другому, и жизни принимать решения и их последствия

10	Aller plus loin dans une relation amoureuse implique de s'abandonner, d'accepter de toucher la vulnérabilité que l'on a à l'intérieur de nous... »
10.1	Идти дальше в любовных отношениях предполагает умение оставить часть себя, принятие того, что наша внутренняя уязвимость будет задета
10.2	Идти дальше в любовных отношениях подразумевает собой отдалиться и принять какую-то чувственность, тонкую чувственность, которая внутри нас и к которой только мы имеем доступ
10.3	Идти дальше в отношениях подразумевает способность отдавать и принимать, т.е. взаимодействовать с партнером внутренними нашими материями ...
11	Comprendre les réticences de son partenaire
11.1	Понять колебания своего партнера
11.2	Понять сомнения своего партнера
11.3	Как понять колебания партнера
12	Tout d'abord, avant de vous braquer, posez-vous et discutez de la situation,
12.1	Прежде чем воспринимать все в штыки, присядьте и обсудите ситуацию,
12.2	Прежде чем быть недовольным, вставать на дыбы, сядьте и поговорите об этой ситуации
12.3	Прежде чем негативно реагировать на его молчание по этому вопросу, присядьте и попробуйте обсудить недомолвки,
13	il peut y avoir de nombreuses raisons à ce refus d'aller plus loin avec vous, sans que cela vous implique directement.
13.1	множество причин могут быть основой для отсутствия желания пойти дальше с вами, и причина может быть вовсе не в вас.
13.2	Могут быть различные доводы по этому отказу идти дальше с Вами по жизни. Даже если это Вас напрямую не касается
13.3	У человека бывает много всякого, того, что и не касается вопросов продолжения отношений и вас лично
14	Certaines personnalités ont peur de « rater », et recherchent ainsi la partenaire idéale
14.1	Многие личности могут испытывать страх , что ничего не получится, вследствие чего находятся в поисках идеального партнера,
14.2	Некоторые личности боятся не быть счастливым в жизни, таким образом они ищут идеального партнера,
14.3	Некоторые личности боятся, что ничего не получится, ищут идеального партнера
15	une quête de la perfection qui n'existe évidemment pas, mais qui permet du coup de ne pas se lancer
15.1	поиск идеала, которого естественно нет, но что в итоге позволяет оставаться на той же позиции в отношениях и не продвигаться дальше...
15.2	чтобы быть идеальным по жизни, идти по жизни в поисках идеализма, который естественно не существует, но перфекционизм нас останавливает в продолжении отношений
15.3	А поиск идеала, который может продолжаться и продолжаться, как известно, и не позволяет продолжать отношения
16	- Il peut avoir peur de se sentir prisonnier.
16.1	Возможен также страх почувствовать себя пленником.
16.2	Также может быть страх быть себя чувствовать как в тюрьме, как будто бы все свободы перекрыли
16.3	Кто-то, возможно, боится ограничений.
17	Cette crainte est souvent en lien avec des parents très contrôlant, autoritaires.
17.1	Этот страх часто связан с авторитарными, все контролирующими родителями.
17.2	Этот страх чаще всего идет по жизни вместе с воспитанием родителей, которые слишком контролируют детей и которые слишком авторитарны в детстве с ребенком
17.3	Такое, как известно, бывает, если ребенка воспитывали авторитарные, все контролирующие родители
18	La personne ne veut donc pas entrer dans un carcan.
18.1	Человек не хочет входить в рамки.
18.2	И поэтому человек не хочет отношений, потому что он думает, что будет все также , будет контроль постоянный
18.3	Человек не хочет ограничительных рамок
19	Des hommes peuvent aussi paniquer à l'idée de l'intimité.
19.1	Мужчины часто паникуют об одной мысли об интимной личной жизни.

19.2	У мужчин есть также идея того, что потревожат что-то интимное в их душе, касающееся только его.
20.3	Некоторые мужчины также паникуют при мысли об интимности с женщиной
20	Vivre ensemble c'est entrer dans l'intimité de l'autre, c'est une mise a nu.
20.1	Жить с другим – это входить в интимную зону другого, оголять себя.
20.2	А жить вместе это значит видеть все интимные стороны души другого человека
20.3	А жить вместе – это еще и видеть другого в его повседневной интимности
21	Certains vont avoir une difficulté a renoncer :
21.1	Для некоторых сложностью будет необходимость отказываться от чего-либо:
21.2	Другие люди могут также иметь они могут бояться сказать нет,
21.3	Некоторые еще боятся отказываться от привычек
22	lorsque l'on fait le choix d'aller plus loin avec quelqu'un,
22.1	когда мы решаем строить что-то большее в отношениях с другим,
22.2	когда они делают выбор идти дальше с кем-то по жизни ,
22.3	когда они делают выбор в пользу продолжения отношений
23	il faut renoncer a certaines choses,
23.1	нам приходится отказываться от некоторых вещей,
23.2	нужно отдалить от себя некоторые вещи по жизни, отказать от некоторых вещей по жизни
23.3	уже надо отказываться о некоторых предпочтений или занятий
24	accepter notamment de partager son temps libre...
24.1	в том числе и проводить свободное время с партнером...
24.2	принять тот факт, что ты делишь свое свободное время с партнером, но во вред каких-то вещей, которые тебе нравятся
24.3	соглашаться проводить вместе время, которые было предназначено какому-то досугу
25	- Le sentiment de perdre le pouvoir sur sa vie peut l'envahir.
25.1	Партнера может охватывать чувство потери контроля над своей жизнью.
25.2	Чувство, что можно потерять власть над своей жизнью, также может играть роль
25.3	Вот тогда охватывает чувство потери контроля над своей жизнью
26	En effet, si vous prenez un appart, ou décidez d'avoir un enfant, beaucoup de décisions seront communes.
26.1	И действительно, если вы принимаете решение жить вместе или завести ребенка, многие решения придется принимать вместе.
26.2	Например, когда вы переезжаете в квартиру вместе или решаетесь иметь ребенка, множество решений принимаются сообща
26.3	И действительно, переезжая жить вместе, решаясь на ребенка, все становится общим
27	On ne prend plus uniquement des décisions pour soi.
27.1	Мы больше не можем принимать решения только для себя.
27.2	И мы не можем принимать решения в одиночку
27.3	Уже принимаешь решения, обсуждая его вдвоем
28	Il peut sortir d'une relation pas encore totalement réglée.
28.1	Ваш партнер может также находится в фазе завершения отношений, с которыми он еще полностью не разобрался.
28.2	Также мужчина может только что выйти из какой-то любовной ситуации, которая не совсем закончивалась
28.3	Партнер может еще мысленно быть в какой-то прежней истории, которая для него еще имеет последствия
29	Il en veut encore a la personne avec qui il a vécu une précédente histoire,
29.1	Он в обиде на человека, с которым он состоял в отношениях ранее,
29.2	И он думает еще, что он еще в той прошлой своей истории
29.3	Еще есть какие-то обиды
30	il y a des blessures pas encore refermées,
30.1	-
30.2	есть какие-то раны , которые не закрыты еще
30.3	может быть, и история была не слишком хорошей
31	le deuil n'est pas encore fait,
31.1	-
31.2	Еще грустит о чем-то
31.3	Может быть даже с этим связаны какие-то печальные воспоминания

32	ce qui l'empêche d'aller plus loin avec vous.
32.1	что ему мешает вступить в отношения с вами.
32.2	Это тоже мешает расцвету отношений с вами
32.3	И это тоже мешает идти дальше
33	Il peut avoir peur aussi de recommencer le même schéma qui l'a fait souffrir dans le passé.
33.1	Он может также бояться, что предыдущая схема событий, что привела его к страданиям, повторится снова
33.2	Он может иметь страх вновь начать ту же схему отношений, которая его заставила его страдать в прошлом
33.3	Он может также бояться, что предыдущее развитие событий повторится, опять ничего не получится
34	... Que faire ?
34.1	Что делать?
34.2	И что делать?
34.3	Что делать?
35	Une fois que vous avez identifié les raisons possibles de son non-engagement,
35.1	Как только вы поняли возможные причины его нежелания вступать в серьезные отношения,.
35.2	Когда Вы идентифицировали все какие-то возможные резоны его не продолжения этих отношений,
35.3	Как только что-то из выше сказанного кажется вам возможным резонем нежелания вашего партнера вступать в отношения
36	parlez-en avec lui, pour mettre du sens et savoir comment le rassurer.
36.1	поговорите с ним, чтобы лучше понять его и узнать как его успокоить
36.2	поговорите с ним, чтобы найти смысл в этом всем и смочь сказать ему, что все будет хорошо, ты не переживай!
36.3	Поговорите с ним, что-то узнать поточнее и как-то попробуйте обнадежить
37	Identifier les points qui le freineraient c'est aussi un moyen de l'aider a prendre conscience de la situation dans laquelle il est.
37.1	Определить то, что его притормаживает – это также способ помочь ему осознать ситуацию в которой он находится.
37.2	Идентифицировать какие-то основные стороны проблемы, это также с помощью этого вы сможете также помочь этому человеку понять ситуацию в которой он находится
37.3	Определить что же его сдерживает – это и способ помочь ему осознать безвыходность такой ситуации, в которую он себя помещает
38	Dans le cas où il ne souhaiterait pas répondre a vos questions et en discuter, la spécialiste conseille vivement de lui laisser du temps.
38.1	В случае если он не желает с вами вести беседу и отвечать на ваши вопросы, специалист настоятельно советует дать ему время.
38.2	Мы не все может размышлять о чем-то,
38.3	В случае, если он не обсуждает ваши сомнения, уходит от объяснений, наш специалист советует не торопить его
39	Nous ne sommes pas disponibles forcément au même moment pour échanger sur ce types de sujets délicats.
39.1	Мы не всегда готовы разговаривать на подобные деликатные темы.
39.2	говорить о чем-то в один и тот же момент, не готовы размышлять и поговорить друг с другом по этим деликатным темам
39.3	Мы не все может умеем разговаривать на подобные темы, они деликатные
40	Montrez-lui que vous restez ouverte a la discussion,
40.1	Покажите ему, что вы открыты для разговора,
40.2	Покажите ему, что вы остаетесь открытыми для дискуссии
40.3	Покажите ему свою готовность к беседе на эти вопросы
41	ne le braquez pas et laissez-le revenir quand il se sentira prêt a en parler.
41.1	не настраивайте его против себя и дайте ему время вернуться к вам самому, когда он почувствует себя готовым к разговору.
41.2	не нужно его злить. И дайте ему время, чтобы он к вам вернулся, когда он будет уже готов поговорить об этом
41.3	Не настраивайте его против себя, дайте ему время, он поговорит об этом тогда, когда будет готов

42	Sachez aussi que la confiance se construit avec le temps,
42.1	Знайте также, что для построения доверия нужно время,
42.2	Знайте также что доверие оно строится со временем
42.3	Знайте, что доверие строится постепенно
43	pour s'engager il faut avoir confiance l'un en l'autre,
43.1	чтобы строить серьезные отношения нужно доверять друг другу,
43.2	нужно иметь доверие по отношению друг к другу
43.3	чтобы двигаться в отношениях надо доверять друг другу
44	cette question d'engagement est aussi l'occasion de faire un bilan sur votre confiance mutuelle.
44.1	вопрос о продолжении ваших отношений также является хорошей возможностью проверить насколько вы доверяете друг другу.
44.2	И этот вопрос развития дальнейших отношений также это случай того что вы можете сделать некий вывод о вашем доверии друг к другу . доверяете ли полностью друг другу или отчасти или не совсем или никак
44.3	этот вопрос продолжения отношений является также возможностью оценить, доверяете ли вы друг другу
45	Où en êtes-vous ?
45.1	На какой стадии вы находитесь ?
45.2	Что именно с вашими отношениями?
45.3	На каком этапе отношений вы и ваш партнер?
46	Quels sont les petits signes que la relation va bien ?
46.1	Небольшие знаки, позволяющие понять что отношения идут хорошо ?
46.2	Каковы же маленькие стороны отношений которые идут хорошо?
46.3	Каковы маленькие маячки, что дело движется?
47	Au quotidien, quelles sont les preuves que votre relation vous apporte ce dont vous avez besoin, vos besoins sont-ils comblés ?
47.1	В повседневной деятельности, что доказывает, что ваши отношения приносят вам то, что вы желаете, ваши желания преисполнены ?
47.2	Каждодневно, какие же есть ситуации, что ваши отношения вам вас полностью устраивают и ваши нужды полностью реализованы
47.3	В повседневных делах, есть ли сигналы, что отношения удовлетворяют ваши потребности, вам хорошо и вы довольны?
48	Regardez du côté des petits engagements au quotidien.
48.1	-
48.2	Смотрите ежедневно эти вещи
48.3	Посмотрите, что происходит каждый день
49	Certes il ne souhaite pas emménager avec vous, mais c'est lui qui propose des escapades en amoureux,
49.1	Возможно, он не хочет пока жить с вами, но именно он предлагает вам любовные вылазки,
49.2	Даже если не хочет переезжать, именно он предлагает вам какие-то любовные приключения, путешествия
49.3	Да, он не соглашается жить в одной квартире, но вероятно, именно он организует ваш совместный досуг
50	c'est lui aussi qui vous surprend régulièrement, qui prend soin de vous et qui vous rend heureuse.
50.1	именно он вас постоянно удивляет, ухаживает за вами и делает вас счастливой.
50.2	Именно он вам постоянно делает сюрпризы, и именно он делает вас счастливой
50.3	Именно он также вас удивляет, заботится и именно он делает вас счастливой.
51	Мême si votre désir d'enfant se fait de plus en plus pressant, ne cherchez à contrôler la relation :
51.1	Даже если ваше желание иметь ребенка становится все более сильным, не пытайтесь контролировать ваши отношения,
51.2	Даже если вы хотите иметь ребенка чем быстрее быстрее и быстрее вы говорите это вашему партнеру, не нужно контролировать ситуацию

51.3	Если же ваше желание иметь ребенка становится невыносимым, старайтесь избегать что-то контролировать и решать все самой
52	plus vous lui mettez la pression, plus il va s'enfuir ou résister face a nos demandes.
52.1	чем больше вы на него давите, тем больше он будет отдаляться и сопротивляться вашим желаниям.
52.2	Больше вы ему оказываете прессинг, быстрее он от вас убежит
52.3	Чем больше вы давите, тем хуже, тем быстрее он уйдет или будет противостоять таким требованиям
53	Attention a ne pas aller trop vite,
53.1	Не спешите,
53.2	Так же будьте внимательны! не нужно слишком быстро идти в отношениях.
53.3	Не спешите в отношениях
54	une relation se construit avec le temps.
54.1	для построения отношений нужно время.
54.2	Отношения складываются со временем
54.3	Они складываются постепенно
55	Relativisez ! Prenez du recul, n'en faites pas un enjeu vital.
55.1	Будьте проще. Посмотрите на ситуацию со стороны, не принимайте это за жизненно важную игру
55.2	Думайте! Обдумывайте каждый шаг, не нужно из этого делать какую-то жизненную ситуацию жизненную цель
55.3	Подумайте! Посмотрите на ситуацию проще
56	Apprenez a vivre pour vous et non pas pour votre couple.
56.1	Научитесь жить для себя, а не для вашей пары.
56.2	Научитесь жить для себя, а не для вашей пары.
56.3	Постарайтесь жить для себя, а для вашей пары.
57	Parfois, il faut aussi faire le deuil du r�ve de princesse : toute la magie autour des contes lorsqu'on �tait petite,
57.1	Иногда нужно похоронить свою мечту принцессы : вся магия сказок, в которой мы жили пока были маленькими,
57.2	Также иногда вы должны забыть о мечте принцессы, которая имеется в каждой девочке с детства : вся эта магия вокруг этих сказок, когда мы маленькие
57.3	Иногда надо оставить мечтания маленькой принцессы: все эти чудесные сказки для детей
58	l'image v�hicul�e par la societ� du « mariage parfait », de la famille « module ».
58.1	представление об «идеальном браке», «экземплярной» семье, что пытается нам дать общество.
58.2	это все картинка безупречного брака и безупречной семейной модели, которая дается обществом
58.3	картинки об идеальном доме и безупречной семье, что транслируются на нас обществом
59	Il y a la une recherche fusionnelle pour satisfaire les blessures que l'on a,
59.1	Во всем этом кроется поиск полного слияния, чтобы покрыть наши раны,
59.2	В этом всем вопрос есть какие-то общие изыскания, этюд, общая работа, чтобы закрыть те раны, которые были у нас ранее
59.3	Во всех таких недопониманиях кроется стремление заполнить другим человеком свои недостатки, свои какие-то проблемы
60	la il y a donc un travail a faire sur soi en ce qui concerne l'estime de soi et la confiance que l'on a en soi.
60.1	и в этом и заключается наша работа над собой в повышении уверенности в себе и самоуважения.
60.2	Эта долгая работа, которую мы должны делать над собой, касающаяся отношения к самому себе и доверия, которое есть к самому себе
60.3	Осознать ситуацию с такой стороны и есть начало работы над собой, поиска уважения и доверия к себе.

Б) Корпус битекстов респондентов группы *RUS*

№	Фрагмент текста переводческого задания
1	Il m'aime, mais ne veut pas s'engager...

1.1	Он меня любит, но не хочет обременять себя...
1.2	Он меня любит, но не хочет брать на себя обязательства.
1.3	Он меня любит, но не хочет обязательств...
1.4	Он меня любит, но не хочет брать на себя обязательства...
1.5	Он любит меня, но не хочет брать на себя обязательства
1.6	Он меня любит, но боится брать на себя ответственность
1.7	Он меня любит, но не хочет вступать в брак
1.8	Он меня любит, но не хочет брать на себя обязательства
1.9	Он любит меня, но не хочет что-либо решать...
1.10	Он меня любит, но не хочет брать на себя обязательства...
1.11	Он любит меня, но не хочет принимать участия в решении вопросов
1.12	Он меня любит, но обручаться не торопится...
1.13	Он меня любит, но не хочет обязательств...
1.14	Он меня любит, но не хочет брать на себя ответственность...
1.15	Любит, но не хочет жениться..
1.16	Он меня любит, но не хочет обручиться
1.17	Он любит меня, но не хочет связывать себя обязательствами...
1.18	Он меня любит, но не хочет идти дальше
1.19	Он меня любит, но не хочет делать следующие шаги
1.20	Он любит меня, но не женится...
2.	Parfois dans un couple, tout va bien, jusqu'au jour où les envies ne sont plus les mêmes...
2.1	Иногда в паре все хорошо, до того дня, когда намерения остаются обоюдными...
2.2	Иногда в паре все идет хорошо до того момента, когда желания расходятся.
2.3	Иногда в отношениях все идет хорошо, до тех пор пока желания в паре одни и те же...
2.4	Часто в отношениях пары все бывает хорошо до того самого дня, когда желания становятся уже не теми...
2.5	Иногда в паре все хорошо, до того дня, пока желания начинают не совпадать.
2.6	Иногда в супружеской паре все гладко в отношениях до тех пор, пока желания и мысли совпадают
2.7	Иногда в отношениях все идет хорошо до тех пор, пока не захочется изменить ситуацию
2.8	Иногда в парах все идет хорошо до того дня, когда желания перестают совпадать...
2.9	Иногда в паре, все в порядке, до того дня, когда желание больше не то же самое
2.10	Случается, что отношения в паре складываются прекрасно до того момента, когда чувства начинают угасать...
2.11	Иногда у пары все идет хорошо, пока не наступит день, когда желания перестанут быть прежними...
2.12	Иногда в паре все хорошо, ровно до того дня, когда меняются желания
2.13	Иногда в отношениях все складывается, до тех пор пока желания в паре не начинают расходиться
2.14	Иногда пары живут дружно, но однажды их желания могут не совпасть...
2.15	Зачастую, отношения влюбленных развиваются прекрасно ровно до тех пор, пока их желания не начинают расходиться.
2.16	Иногда в отношениях все гладко, но порой их желания становятся различными...
2.17	Иногда в паре все идет хорошо, пока не наступает день, когда желания перестают совпадать...
2.18	Порой в отношениях идет все хорошо до того момента, когда желания начинают не совпадать....
2.19	Часто между парнем и девушкой все идет хорошо до того самого дня, пока отношение к происходящему не начинает меняться...
2.20	Иногда в отношениях все хорошо, пока желания каждого не перестают совпадать...
3	Il vous aime, mais ne souhaite pas s'engager ?
3.1	Он вас любит, но не хочет обременять себя?
3.2	Он вас любит, но не хочет брать на себя обязательства.
3.3	Он вас любит, но не хочет жениться?
3.4	Он вас любит, но не хочет обязательств?
3.5	Он вас любит, но не желает брать на себя обязательства?
3.6	Он вас любит, но не желает брать на себя обязательства.
3.7	Он вас любит, но не хочет официально оформить отношения?

3.8	Он Вас любит, но не хочет брать на себя обязательства?
3.9	он любит вас, но не хочет заниматься?
3.10	он вас любит, но не хочет ответственности?
3.11	Он любит вас, но не хочет принимать участия в решении вопросов?
3.12	Он вас любит, но не желает обручаться?
3.13	... он вас любит, но не хочет жениться?
3.14	Он вас любит, но не желает ответственности?
3.15	Он вас любит, но не хочет жениться?
3.16	Он любит вас, но не хочет связывать себя обязательствами?
3.17	Он вас любит, но не хочет брать обязательств перед Вами?
3.18	Он Вас любит, но не хочет жениться?
3.19	Он любит Вас, но не желает что-то делать дальше?
3.20	Он вас любит, но не хочет каких-либо обязательств?
4	Notre sp�cialiste nous aide a faire le point sur ces situations qui peuvent parfois faire souffrir.
4.1	Наш специалист нам поможет разобраться в таких ситуациях, в которых иногда приходится испытывать страдания.
4.2	Наши специалисты помогут вам поставить точку в этих болезненных ситуациях.
4.3	Наш специалист поможет прояснить ситуации, которые иногда заставляют нас страдать...
4.4	Наш специалист поможет разобраться в ситуациях, способных зачастую причинить боль.
4.5	Наш специалист помогает нам задуматься над такими ситуациями, которые иногда могут заставить страдать.
4.6	Наш специалист поможет нам разобраться в ситуациях, которые заставляют иногда страдать.
4.7	Наш специалист помогает разобраться в подобных ситуациях, которые могут иногда причинить страдания
4.8	Наш специалист поможет нам разобраться в ситуациях, которые иногда заставляют страдать.
4.9	Наш специалист помогает оценить такие ситуации, которые могут привести к переживаниям.
4.10	Наш специалист поможет разобраться в ситуациях, которые иногда могут нас заставить страдать.
4.11	Наш специалист поможет нам проанализировать такие ситуации, которые иногда могут причинить страдания.
4.12	Наш специалист помогает нам провести исследование таких ситуаций, которые иногда причиняют страдания.
4.13	Наш специалист поможет прояснить ситуации, от которых иногда мучаешься и страдаешь..
4.14	Наш специалист поможет вам решить ситуации, которые мешают вам жить.
4.15	Наш специалист поможет разобраться в этой ситуации, которая порой причиняет боль и страдания.
4.16	Наш специалист помогает нам разобраться в этих порой болезненных ситуациях.
4.17	Наш специалист поможет вам решить, что делать в ситуациях, из-за которых приходится страдать.
4.18	Специалист нам поможет найти решение в ситуациях, которые причиняют боль и страдания
4.19	Наш специалист вам поможет разобраться, что делать, если ситуация в отношениях заставляет Вас страдать
4.20	Наш специалист помогает выяснять проблемы и решать ситуации, которые порой причиняют столько боли.
5	Za veut dire quoi « s'engager » ?
5.1	Что это значит – обременять себя?
5.2	Что означает "брать на себя ответственность"?
5.3	Что это значит – брать на себя обязательства?
5.4	Что означает «обязательства»?
5.5	Что значит «брать на себя обязательства (связывать себя)»?
5.6	Так что же все-таки означает выражение «взять на себя обязательство» ?
5.7	Что же означает «официальный брак»?
5.8	Что значит «брать на себя обязательства»?
5.9	Что же это означает?
5.10	Что значит «брать на себя обязательства» ?
5.11	Что означает «участвовать/быть вовлеченным»?
5.12	Что значит «обручиться»?

5.13	Что это значит – брать на себя обязательства?
5.14	Что означает «взять на себя ответственность»?
5.15	Что означает «жениться»?
5.16	Что означает "принять участие"?
5.17	Что означает «брать на себя обязательство перед кем-либо»?
5.18	Что же это значит – сделать серьезный шаг в отношениях?
5.19	Так что это такое – взять на себя ответственность?
5.20	Что означает связывать себя обязательствами?
6	Prendre un appart ensemble, d��sirer un enfant, vouloir se marier...
6.1	Иметь совместную недвижимость, мечтать завести ребенка, хотеть связать себя узами брака
6.2	Жить вместе, мечтать о детях, хотеть пожениться
6.3	Снимать вместе квартиру, желать ребенка, пожениться
6.4	Поселиться вместе, хотеть ребенка, жениться
6.5	хотеть ребенка, официально оформить супружеские отношения
6.6	Начать совместное проживание, желать завести ребенка, хотеть пожениться
6.7	Вести совместное хозяйство, мечтать о ребенке, о свадьбе
6.8	Жить вместе, хотеть ребенка, официально оформить супружеские отношения
6.9	Жить вместе, мечтать о детях, хотеть пожениться
6.10	Совместное жилье, планы завести ребенка, жениться
6.11	Вместе снимать квартиру, мечтать о детях, о совместной жизни
6.12	Вместе снимать квартиру, завести ребенка, пожениться
6.13	Снимать вместе квартиру, хотеть ребенка, жениться...
6.14	Совместное проживание, желание иметь ребенка, желание связать свою жизнь узами брака
6.15	Делить вместе дом, иметь общее желание завести детей и создать семью..
6.16	Снять квартиру вместе, захотеть ребенка, захотеть пожениться
6.17	Вместе снимать квартиру, завести ребенка, пожениться
6.18	Купить жилье, родить ребенка, жениться...
6.19	Переехать к нему, хотеть детей, жениться...
6.20	Жить вместе, хотеть детей и вступить в брак...
7	Chacun avance a son rythme, mais ce genre de d��cisions se prend a deux.
7.1	каждый приходит к этому своим путем, но некоторые решения принимаются вместе.
7.2	Каждый двигается в своем ритме, но такие решения должны приниматься обоюдно
7.3	Каждый партнер живет по-своему, но есть решения, что принимаются совместно.
7.4	И хотя каждый из нас живет в своем ритме, подобные решения должны принимать двое.
7.5	Каждый в паре идет к этому по-своему, но решение принимают вместе.
7.6	Каждый идет к этому в своем темпе, но такие решения принимаются в паре
7.7	... каждый движется в своем собственном темпе, но ведь такие решения принимаются совместно.
7.8	Каждый живет в своем ритме, но такого рода вопросы решаются обоюдно
7.9	Каждый движется в своем ритме, но подобного рода решения принимаются двоими.
7.10	Каждый существует в своем ритме, но такие решения принимаются только вдвоем.
7.11	Каждый имеет свой ритм жизни, но такое решение принимается на двоих.
7.12	Каждый двигается в своем ритме, но это те решения, которые принимаются двумя людьми.
7.13	Каждый двигается в своем ритме, но решения такого типа принимаются вместе.
7.14	Каждый из вас двигается вперед по-своему, но такие решения принимаются вами обоими
7.15	Каждый живет в своем ритме, но решения такого рода должны приниматься вместе.
7.16	Каждый движется в своем темпе, но такие решения принимаются вдвоем.
7.17	Каждый приближается к важным событиям в своем темпе, но некоторые проблемы решаются только вдвоем.
7.18	У каждого свой ритм жизни, но некоторые вопросы решаются вместе.
7.19	И так как каждый движется в своем ритме, есть решения, которые принимаются на двоих
7.20	Каждый живет в своем темпе, но решения все равно принимать вдвоем.

8	Alors comment faire lorsque la personne avec qui vous partagez votre vie ne souhaite pas s'engager ?
8.1	Но что делать если человек, с которым вы живете вместе не хочет лишних обязательств?
8.2	Тогда как быть, если человек, с которым Вы делите свою жизнь, не хочет брать на себя обязательства?
8.3	Итак, что делать, если человек, которому вы посвящаете свою жизнь, не хочет отдаваться отношениям полностью?
8.4	Что же делать, если человек, с которым вы живете вместе, не отваживается сделать серьезный шаг?
8.5	Как быть, если человек, который вошел в вашу жизнь, не хочет брать на себя ответственность?
8.6	Итак, как же подтолкнуть спутника, с которым вы хотите разделить свою жизнь, к тому, чтобы он/она захотел/а бы того же с вами?
8.7	Как же быть, когда человек с которым вы хотите разделить жизнь, не принимает участия в отношениях?
8.8	Итак, что же предпринять, когда человек, с которым вы живете, не желает брать на себя ответственность?
8.9	Что делать, когда человек, с которым вы разделяете вашу жизнь, не хочет брать на себя ответственность?
8.10	И что же делать, когда тот, с кем вы живете, не готов к обязательствам?
8.11	Итак, как быть с человеком, с которым вы разделяете свое существование, но он не хочет брать на себя обязательства?
8.12	Тогда как поступить, если человек, с которым вы готовы разделить вашу жизнь, не хочет никаких обязательств?
8.13	Итак, как же все-таки поступить, если человек, с которым вы делите свою жизнь не хочет быть вовлеченным?
8.14	Как быть в том случае, когда тот, с кем выделите свою жизнь, не хочет брать на себя обязательства перед вами?
8.15	Так что же делать если человек, с которым вы разделяете свою жизнь не желает жениться?
8.16	Итак, что же делать, если человек, с которым вы делите свою жизнь, не хочет брать на себя обязательства?
8.17	Тогда что предпринять, если человек, с которым ты живешь, не желает брать на себя ответственность?
8.18	Итак, что же делать, если твой партнер не готов взять на себя ответственность?
8.19	Как же быть, если человек, с которым вы разделяете жизнь и быт, не хочет жениться?
8.20	А что, если человек, с которым вы разделяете свою судьбу, не хочет брать на себя ответственность?
9	Elisabeth Couzon, psychologue, rappelle que s'engager, c'est aussi « prendre des risques, et accepter d'avoir confiance en soi, en l'autre et en la vie.
9.1	Элизабет Кузон психолог, напоминает, что новые обязательства – это и дополнительные риски, и большая ответственность за себя, за партнера, за вашу жизнь.
9.2	Психолог Элизабет Кузон напоминает, что брать на себя обязательства это также «идти на риск, быть уверенным в себе, в другом человеке и в жизни, в целом.
9.3	Психолог Элизабет Кузон напоминает, что, «быть парой» значит «рисковать, быть уверенным в себе и в другом человеке
9.4	Элизабет Кузон, психолог, также напоминает, что обязательство – это «риск и поддержание уверенности в себе, друг в друге и в жизни».
9.5	Элизабет Кузон, психолог, напоминает, что обременять себя браком – «это означает, также, и то, что человеку придется взять на себя новые риски, принять факт, что придется быть ответственным не только за себя, но и за другого и за вашу общую жизнь
9.6	Элизабет Кузон, психолог, напоминает, что вступать в брак – это также «рискнуть, поверить в себя, в партнера и в будущую семейную жизнь.
9.7	Психолог, Элизабет Кузон, напоминает, что быть ответственным означает также «принимать риски и доверять себе, другому и жизни в целом.
9.8	Психолог Элизабет Кузин напоминает, что «ответственность – это принимать риски, иметь доверие к себе, к партнеру, к жизни.
9.9	Психолог Элизабет Кузон напоминает, что взять на себя обязательства, кроме всего прочего означает «принимать риски, поверить в себя, в другого человека, в жизнь.
9.10	Элизабет Кузон, психолог, считает, что брать на себя обязательства, это означает рисковать и принимать решение не только за себя самого, но и за другого человека.
9.11	Элизабет Кузон, психолог, утверждает, что иметь обязательства – это также «брать на себя все

	риски и быть готовым верить в себя, в другого человека и в вашу жизнь.
9.12	Элизабет Кузон, психолог, утверждает, что иметь обязательства – это также «брать на себя все риски и быть готовым верить в себя, в другого человека и в вашу жизнь».
9.13	Э.К. психолог, напоминает нам, что брать на себя обязательства, значит принимать на себя и все риски отношений, поддерживать веру партнера в себя в любых ситуациях,
9.14	Элизабет Кузон, психолог, XXXX что обручиться это также и «идти на риск, брать ответственность за себя, за других и за саму жизнь».
9.15	Элизабет Кузон, психолог, характеризует «участие/вовлеченность» как «осознание риска, доверие самому себе, другим людям и к жизни».
9.16	Элизабет Кузон, психолог, поясняет, что «жениться» также означает «принять все возможные риски и довериться себе, другим и жизни».
9.17	Элизабет Кузон, психолог, напоминает, что «брать на себя ответственность» - это еще и «рисковать, верить в себя, доверять другому человеку, жизни».
9.18	Психолог Элизабет Кузон напоминает, что взять на себя обязательства — это также «рисковать и принимать необходимость доверять себе, другому и жизни».
9.19	Элизабет Кузон напоминает нам, что принять решение быть вместе – значит пойти на риск, быть уверенным в себе, других и своей будущей жизни
9.20	Элизабет Кузон, психолог, выясняет, что «брать ответственность» значить и «осознавать все возможные риски и доверять при этом себе, другим и течению жизни в целом».
10	Aller plus loin dans une relation amoureuse implique de s'abandonner, d'accepter de toucher la vulnérabilité que l'on a à l'intérieur de nous... »
10.1	Развивать новые отношения – это еще и отказываться от своих личных приоритетов, открываться сильнее другому человеку, делаться ранимее.
10.2	Выстраивая любовные отношения подразумеваем возможность расставания, и чувство уязвимости, которое мы ощущаем внутри себя
10.3	Серьезные отношения подразумевают самоотдачу, демонстрацию уязвимости
10.4	Заходить все дальше и дальше в любовных отношениях подразумевает полностью полагаться на близкого человека, доверять ему, и в то же время быть уязвимым.
10.5	Развитие любовной связи предполагает некоторое самопожертвование, вторжение в свой внутренний мир
10.6	Зайти дальше в любовных взаимоотношения подразумевает некое отрицание самого себя, принятие уязвимости, которая существует во всех нас...»
10.7	Переходя к сути любовных отношений, вам нужно отказаться от собственного эго, чтобы затронуть ту уязвимость, которая внутри... »
10.8	Расти в любовных отношениях предполагает уметь довериться, допустить другого до своего внутреннего хрупкого мира, присущего всем...»
10.9	Движение дальше в любовных отношениях предполагает некое самоотречение, допущение к своей внутренней уязвимости.»
10.10	Пойти гораздо дальше в отношениях, в доверии, стать уязвимее...»
10.11	Для того чтобы отношения развивались необходимо уступать в отношениях, быть готовым сломать свое самолюбие...
10.12	Чтобы пойти дальше в любовных отношениях, нужно довериться, позволить затронуть ту уязвимость, которая есть внутри нас...
10.13	Чтобы пойти дальше в амурных делах необходимо полностью отдаваться, позволять другому человеку прочувствовать нашу уязвимость
10.14	Зайти далеко в любовных отношениях, чтобы получить шанс прикоснуться к той уязвимости, что есть внутри нас».
10.15	Чтобы дальше продвигаться в делах амурных, нужно сдаться, признать свою слабость
10.16	Развивать отношения подразумевает отказать себе в чем-то, позволить другому увидеть свою уязвимость...»
10.17	Идти дальше в отношениях означает отдаться без остатка, и ... стать уязвимым
10.18	Продвигаться дальше в романтических отношениях означает открыться, принять и соприкоснуться с уязвимостью, которая есть внутри нас...
10.19	А продолжать отношения – это отдаться нежным чувствам внутри нас, быть более уязвимым перед другим.
10.20	Идти дальше в отношениях значит довериться друг другу, позволить другому увидеть свою уязвимость...»
11	Comprendre les ríticences de son partenaire
11.1	Надо понимать сдержанность партнера
11.2	Понять нерешительность своего партнера

11.3	Поймите причину отступления своего партнера
11.4	Понимать неуверенность и нерешительность своего партнера.
11.5	Понять, чего действительно хочет ваш партнер
11.6	Понимание причин нежелания партнера
11.7	Осознание нерешительности партнера
11.8	Надо понимать недомолвки партнера
11.9	Понять недомолвки партнера
11.10	О чем молчит ваш партнер
11.11	Понять нерешительность своего партнера
11.12	Понять нежелание партнера
11.13	Понимать нерешительность своего партнера
11.14	Научитесь понимать возражения своего партнера
11.15	Понимать то, что недоговаривает ваш партнер
11.16	Поймите, что не устраивает вашего партнера.
11.17	Ваш партнер хочет расстаться
11.18	Понять нерешительность своего партнера
11.19	Попытаться понять нерешительность своего партнера
11.20	Попытайтесь понять, что он не договаривает
12	Tout d'abord, avant de vous braquer, posez-vous et discutez de la situation,
12.1	Прежде всего, не ссорьтесь из-за этого, выдохните и обсудите ситуацию.
12.2	Вместо того, чтобы нагнетать задайте себе вопрос и обсудите ситуацию,
12.3	Прежде всего, спросите себя и обсудите ситуацию.
12.4	Прежде всего, перед тем , как заключить брачный союз, необходимо еще раз все обсудить.
12.5	Во-первых, прежде чем обидеться, спокойно проанализируйте ситуацию,
12.6	Прежде всего, хотелось бы вам посоветовать обговорить с вашим партнером ситуацию, он
12.7	Во-первых, перед тем, как вы поставите себе цель, вам нужно обсудить сложившуюся ситуацию, возможно,
12.8	Прежде чем бросаться на него с обвинениями, обдумайте ситуацию
12.9	Для начала, прежде чем настраивать себя против, возьмите паузу и обсудите ситуацию.
12.10	Прежде всего, XXXX, обсудите ситуацию.
12.11	Для начала, прежде чем вставать на дыбы, присядьте и обсудите ситуацию.
12.12	Прежде всего, прежде чем обижаться, обдумайте и обсудите ситуацию,
12.13	Прежде всего, перед тем как заняться самобичеванием, переведите дух и обсудите ситуацию
12.14	Прежде чем скандалить обсудите ситуацию,
12.15	Прежде всего, задайте себе вопросы и обсудите ситуацию
12.16	Прежде чем обижаться, постарайтесь сесть и обсудить ситуацию.
12.17	Прежде чем принимать все в штыки, успокойтесь и обсудите ситуацию
12.18	Прежде всего, постарайтесь обсудить вопрос спокойно, чтобы не принять поспешного решения
12.19	Во-первых, вместо того, чтобы расстраиваться, спросите себя и обдумайте ситуацию.
12.20	Прежде всего, вместо того, чтобы вставать на дыбы, успокойтесь и подумайте над ситуацией
13	il peut y avoir de nombreuses raisons a ce refus d'aller plus loin avec vous, sans que cela vous implique directement.
13.1	У него может быть миллион причин не строить дальнейшую жизнь вместе с вами, которые не касаются непосредственно вас.
13.2	наверняка существует множество причин для того, чтобы не строить с Вами дальше никаких отношений.
13.3	Может оказаться намного больше причин нежелания сделать серьезный шаг, чем кажется.
13.4	У партнера могут быть многочисленные причины для отказа вступать с вами в брак идти по жизни вместе с вами, и эти моменты нужно разрешить перед свадьбой.
13.5	возможно, у него есть определенные причины отказа от дальнейших отношений с вами, хотя он об этом прямо не говорит.
13.6	может иметь множество причин для подобного отказа от следующего шага в ваших отношениях, не касающихся вас непосредственно.
13.7	есть причины нежелания идти по жизни вместе с вами.

13.8	у него может быть множество причин отказаться от вашего предложения жить вместе, причины, которые никак не связаны с вами.
13.9	Он может иметь множество не касающихся вас напрямую причин для отказа двигаться с вами дальше.
13.10	Возможно, существует масса причин для отказа идти дальше вместе с вами и это не обязательно напрямую касается именно вас.
13.11	каковы могут быть причины отказаться развивать ваши отношения, то, что вам может помешать.
13.12	должно быть множество причин на это далекое от вас отрицание, не упоминая того, что оно связано с вами напрямую.
13.13	у него может быть множество причин отказывать Вам в последующем серьезном шаге, и они необязательно затрагивают непосредственно вас.
13.14	Возможно, у вашего партнера появилось множество мотивов для того, чтобы не быть с вами, кроме тех, о которых уже говорилось ранее
13.15	Необходимо обсудить ситуацию, так как причин для расставания может быть много, и необязательно вы всему виной.
13.16	В отказе вашего партнера двигаться дальше могут быть разные причины, которые никак с вами не связаны.
13.17	у него, возможно, есть тысяча причин отказаться идти дальше в отношениях с вами, пока это все не поглотило вас.
13.18	ведь причины, почему он начал строить с вами отношения, могут быть не связаны с вами.
13.19	У вашего партнера может быть множество причин нежелания жениться, не касающихся лично вас.
13.20	У него, вероятно, есть множество причин отказываться делать следующий шаг, и все они могут быть не связаны с Вами
14	Certaines personnalités ont peur de « rater », et recherchent ainsi la partenaire idéale
14.1	Некоторые люди боятся ошибиться и постоянно находятся в поиске идеального партнера
14.2	Некоторые люди боятся «потерпеть фиаско» в отношениях и ищут идеального партнера
14.3	Некоторые люди боятся «поступить опрометчиво» и потому ищут идеального партнера.
14.4	Некоторые мужчины боятся потерпеть фиаско на любовном фронте, и поэтому заняты поиском идеальной партнерши.
14.5	Многие боятся ошибиться, «проиграть», и поэтому ищут идеальную партнершу,
14.6	Некоторые люди боятся прогадать, они ищут некоего идеального партнера,
14.7	У некоторых есть боязнь «ошибиться», и поэтому идет поиск идеала и
14.8	Некоторые боятся упустить шанс встретить свой идеал, образ, который существует в его голове,
14.9	Некоторые боятся ошибиться, "промазать" в поисках идеального партнера
14.10	Некоторые люди боятся все испортить, ищут идеального партнера,
14.11	Некоторые люди боятся «промахнуться», и поэтому ищут идеального партнера,
14.12	Некоторые люди боятся «промахнуться» и ищут идеального партнера,
14.13	Некоторые люди боятся "упустить" время и ищут идеального партнера,
14.14	Некоторые боятся «потерпеть неудачу», находясь в поиске идеального партнера
14.15	Некоторые люди из-за боязни «потерпеть неудачу» ищут несуществующего принца на белом коне, и это мешает им начать отношения...
14.16	Некоторые боятся «провалиться» и поэтому ищут идеального партнера
14.17	Некоторые люди боятся «ошибиться» и ищут идеального партнера.
14.18	Некоторые мужчины очень боятся неудач в отношениях и, поэтому, всегда в поисках идеала
14.19	Есть люди, которые просто боятся «упустить» и продолжают искать идеального партнера,
14.20	Некоторые люди боятся «промахнуться» и ищут себе идеального спутника жизни.
15	une quête de la perfection qui n'existe évidemment pas, mais qui permet du coup de ne pas se lancer
15.1	поиск совершенства, которое как правило не существует, но из-за этого он не позволяет себе решиться на что-то большее
15.2	это поиск несуществующего совершенства, но он позволяет не бросать друг друга."
15.3	Этот поиск совершенства, которого, очевидно, не существует, бережет от необдуманного поступка...
15.4	Это своего рода поиск совершенства, которого в общем – то не существует, но который позволяет мужчине оставаться на плаву
15.5	устраивают настоящую погоню за совершенством, которого на самом деле не существует, но

	этот поиск позволяет не торопиться с принятием решения.
15.6	который, очевидно, не существует, но и, судя по всему, позволяет не кидаться на первый попавшийся удачный вариант.
15.7	и совершенства, которые, очевидно, не существуют, и по этой причине позволяют ему не заниматься отношениями...
15.8	в погоне за совершенством, которого, явно, не существует. Но эти поиски не позволяют начать в отношения.
15.9	совершенства, которого, очевидно, не существует. Что позволяет не кидаться на первого попавшегося.
15.10	которого, очевидно, не существует, но это позволяет им действовать осторожно...
15.11	стремятся к совершенству, которого, очевидно, не существует, и это мешает строить отношения
15.12	это поиски совершенства, которого, конечно же, не существует, но они позволяют не бросаться сразу в омут с головой.
15.13	набор самых лучших качеств, который конечно же не существует, но не позволяет сразу обжечься.
15.14	Совершенства, которого явно не существует, а если так, то и не стоит бросаться в новые поиски
15.15	стремятся к совершенству, которого явно не существует, но которое позволяет ничего не делать.
15.16	Это стремление к совершенству, которого не существует, становится удобным поводом не делать серьезных шагов.
15.17	Стремления к совершенству, которого не найдешь, но которое становится поводом не решаться на серьезные отношения
15.18	Таким образом им удастся уходить от обязательств в отношениях, но поиск идеала ни к чему не приводит...
15.19	так сказать совершенство, которого не существует в природе, но, которое не позволило бы ему сразу броситься с головой в это ...»
15.20	ведут погоню за совершенством, которого, очевидно, не существует, и как следствие не готовы остепениться...
16	- Il peut avoir peur de se sentir prisonnier.
16.1	Он может чувствовать себя в ловушке.
16.2	Он может чувствовать себя заключенным.
16.3	Человек может опасаться стать пленником.
16.4	Он может бояться чувствовать себя связанным по рукам и ногам.
16.5	Он может бояться потерять свободу.
16.6	Ваш партнер может бояться ощутить себя в роли заключенного в тюрьме.
16.7	Боязнь остаться узником обстоятельств.
16.8	У партнера может появиться страх лишиться свободы.
16.9	Это опасение
16.10	Он может бояться почувствовать себя узником.
16.11	Он может чувствовать себя пленником.
16.12	Партнер может бояться ощущать себя заключенным.
16.13	Он может бояться почувствовать себя пленником.
16.14	Он может чувствовать себя заключенным.
16.15	Он может бояться потерять свою свободу.
16.16	Он боится почувствовать себя узником
16.17	Он может бояться оказаться в заточении
16.18	Он, возможно, боится стать связанным по рукам и ногам
16.19	Он может бояться почувствовать себя с тюрьме
16.20	Возможно, у вашего партнера есть страх быть связанным
17	Cette crainte est souvent en lien avec des parents très contrôlant, autoritaires.
17.1	Этот страх части связан со властными, авторитарными родителями.
17.2	Этот страх зачастую связан со строгими родителями.
17.3	Этот страх часто связан с гипер-опекающими, авторитарными родителями.
17.4	И этот страх зачастую связан с авторитарными родителями, которые постоянно контролировали его в детстве.
17.5	Этот страх часто связан с тем, что родители в детстве очень строго его контролировали.
17.6	Этот страх часто связан с очень властными и авторитарными родителями.
17.7	Такой страх часто связан с контролем авторитарных родителей.
17.8	Это часто связано с воспитанием контролирующими и авторитарными родителями.

17.9	Это опасение также может быть связано с родителями, которые держат свое «дитя» всю жизнь на коротком поводке, полностью контролируя его жизнь
17.10	Часто это связано с авторитарными родителями.
17.11	Этот страх часто связан со слишком властными родителями.
17.12	Этот страх часто связан с очень контролирующими, авторитарными родителями.
17.13	Этот страх часто связан с чрезмерно контролирующими, авторитарными родителями.
17.14	Этот страх часто связан с очень строгими и авторитарными родителями.
17.15	Такой страх часто связан с чрезмерным контролем и авторитарностью со стороны родителей в прошлом.
17.16	Этот страх часто связан с очень строгими родителями, которые все контролировали
17.17	Этот страх часто связан с гиперконтролем авторитарных родителей
17.18	Этот страх часто связан с тем, что его родители были достаточно авторитарными и контролировали его жизнь
17.19	Этот страх очень часто связан с очень авторитарными родителями.
17.20	Этот страх часто связан с наличием авторитарных родителей, помешанных на контроле.
18	La personne ne veut donc pas entrer dans un carcan.
18.1	Никто не хочет надевать на себя хомут.
18.2	Он не хочет надевать кандалы.
18.3	Человек не хочет надевать ошейник
18.4	Поэтому он не желает наступать на одни и те же грабли
18.5	И теперь он боится снова оказаться в оковах.
18.6	Человек не хочет быть связанным смиренной рубашкой.
18.7	Поэтому такие люди неохотно связывают себя узами брака.
18.8	Как следствие, человек не хочет связывать себя путами.
18.9	поэтому мужчина не хочет снова оказаться связанным по рукам и ногам.
18.10	Человек не хочет надевать кандалы.
18.11	Никто не хочет оказаться в строгом ошейнике
18.12	Никто не хочет иметь кандалы
18.13	Таким образом, человек не хочет оказаться с цепями на шее.
18.14	Человек просто не хочет попасть в капкан. -
18.15	Человек просто вновь не хочет надеть на себя эти узы
18.16	И человек больше не хочет попасть в западню.
18.17	Человек просто не хочет попасть в «рамки».
18.18	и как следствие, человек не хочет надевать оковы семейной жизни.
18.19	Поэтому человек не хочет вступать в эти узы.
18.20	Человек не желает, так сказать, быть в оковах.
19	Des hommes peuvent aussi paniquer a l'idée de l'intimité.
19.1	Мужчины могут также бояться близости.
19.2	Также мужчины могут бояться мысли о нарушении личного пространства.
19.3	Мужчины так же могут запаниковать от идеи о близости
19.4	Мужчинам может также лстыть идея близости
19.5	Мужчины часто приходят в ужас от мысли о близких отношениях
19.6	Мужчина могут паниковать от мысли о том, что их свободу ограничат
19.7	Мужчины могут также запаниковать при мысли о близости
19.8	мужчины также могут панически бояться сближения
19.9	Также мужчины могут паниковать по поводу личного пространства
19.10	Мужчины также могут паниковать от мысли об излишней близости.
19.11	Мужчины могут также паниковать при мысли о близости
19.12	Мужчины могут также паниковать от мысли о близости.
19.13	У мужчин может также вызывать панику сама идея близости.
19.14	Мужчины также могут паниковать при мысли сближения.
19.15	Мужской пол также пугает мысль о близких отношениях
19.16	Бывает, что мужчины панически боятся близости.
19.17	Мужчины также могут паниковать при мысли о близости.
19.18	Мужчины могут впадать в панику, когда думают об близости
19.19	Мужчины также могут нервничать при мысли о близости.
19.20	Мужчины также могут впасть в панику от мысли близких отношений.
20	Vivre ensemble c'est entrer dans l'intimité de l'autre, c'est une mise a nu.

20.1	Жить вместе это быть одним целым с другим человеком, обнажить свое сокровенное
20.2	Жить вместе значит входить в личное пространство другого человека, это обнажение."
20.3	Жить вместе значит вторгаться в личное пространство.
20.4	Жить вместе – значит посягать на частную жизнь другого, осознавать его полное физическое и духовное обнажение.
20.5	Жить вместе – значит находиться в личном пространстве другого человека, это все равно, что оказаться обнаженным, лишиться защиты
20.6	Жить вместе – это захватить свободу партнера, выставить его в переносном смысле голым.
20.7	Жить вместе – обнажать свою душу перед другим
20.8	Жить вместе означает вторгаться в пространство друг друга, и полностью обнажить себя.
20.9	Ведь жить вместе – это значит, соприкасаться каждый день с другим человеком, со всеми его обнаженными чувствами.
20.10	Жить вместе - это вторгаться в чужое, обнажая свое.
20.11	Жить вместе – это значит войти в интимный мир другого человека, обнажиться перед ним во всех отношениях.
20.12	Жить вместе означает нарушить личное пространство, раскрыться.
20.13	Жить вместе - значит быть в тесной связи с другим человеком, полностью обнажиться перед ним.
20.14	Жить вместе означает войти в личное пространство другого, обнажить перед ним душу.
20.15	Жить вместе – обнажать самое сокровенное свое и видеть личное пространство другого
20.16	Совместная жизнь — это проникновение в личное пространство другого человека, своеобразное обнажение души.
20.17	Жить вместе означает обнажить свою душу, открыться другому человеку.
20.18	Жить вместе – значит войти в личную жизнь друг друга, раскрыть свою истинную сущность.
20.19	Жить вместе – значит войти в интимную жизнь другого, это равно разоблачению.
20.20	Совместное проживание - это еще и интимные отношения с другим человеком, XXXXX.
21	- Certains vont avoir une difficulté a renoncer :
21.1	некоторым трудно отказываться от своих привычек:
21.2	Некоторым с трудом дается отказ от чего-либо.
21.3	Некоторые с трудом сдают:
21.4	Некоторые видят проблему в том, что в связи с новым статусом им придется отказаться от многих вещей,
21.5	Некоторым трудно отказаться от привычных вещей:
21.6	У некоторых есть сложность с отказом от привычного:
21.7	Возможны трудности с некоторого рода отречением:
21.8	У некоторых возникают трудности с отказом:
21.9	Некоторым трудно поступиться определенными вещами
21.10	Некоторым трудно отказаться:
21.11	Некоторым бывает трудно отказаться от привычек:
21.12	Некоторым будет сложно перенести лишения:
21.13	Некоторые испытывают трудность с отказами:
21.14	Некоторые видят трудности в обязательном отказе от чего-либо:
21.15	Некоторым будет сложно уступить:
21.16	Некоторым мужчинам с трудом удастся идти на уступки:
21.17	Некоторых пугает перспектива отказа от привычных вещей:
21.18	Некоторые сталкиваются с трудностью отказа от привычного образа жизни:
21.19	У некоторых сложности с отказом от привычек:
21.20	Некоторым мужчинам с трудом удастся идти на уступки:
22	lorsque l'on fait le choix d'aller plus loin avec quelqu'un,
22.1	когда принимаешь решение связать свою жизнь с другим,
22.2	Чтобы идти с кем-то дальше
22.3	когда человек решается на серьезные отношения,
22.4	Некоторые видят проблему в том, что в связи с новым статусом им придется отказаться от многих вещей,
22.5	когда отношения заходят далеко,
22.6	когда делается выбор сделать следующий шаг в отношениях с кем-либо
22.7	когда принимается решение пойти дальше с кем-либо,
22.8	выбор отношений с кем-либо,

22.9	Некоторым трудно поступиться определенными вещами
22.10	когда хочешь идти дальше вместе с кем-то,
22.11	когда принимается решение развивать отношения дальше,
22.12	когда решаешься пойти дальше в отношениях с кем-то,
22.13	в то время как идет выбор за продолжение отношений,
22.14	из того, что они делают выбор в пользу дальнейшей жизни с партнером,
22.15	когда вы решите с кем-то сойтись,
22.16	если он решит идти дальше в отношениях,
22.17	когда двое решают быть вместе,
22.18	сделать выбор в пользу отношений с кем-то
22.19	когда мы решаем жить с кем-то дальше,
22.20	если мы решаемся на дальнейшие отношения
23	il faut renoncer a certaines choses,
23.1	это значит отказываться от некоторых вещей
23.2	нужно отказаться от некоторых вещей,
23.3	приходится отказаться от некоторых вещей,
23.4	в частности от свободного времени.
23.5	всегда надо от чего-то отказываться,
23.6	нужно отказаться от привычек
23.7	необходимо уметь отказываться от некоторых вещей
23.8	предполагает отказ от некоторых вещей
23.9	трудно поступиться определенными вещами
23.10	приходится отказываться от некоторых вещей,
23.11	это означает отказаться от привычных дел
23.12	нужно отказаться от определенных вещей,
23.13	нужно отказаться от некоторых вещей,
23.14	всегда следует необходимость отказаться от некоторых вещей,
23.15	вам придется отказаться от определенных вещей,
23.16	то ему придется идти во многом на уступки,
23.17	придется отказаться от некоторых вещей,
23.18	значит отказаться от чего-то,
23.19	приходится идти во многом на уступки
23.20	нам приходится отказываться от определенных вещей,
24	accepter notamment de partager son temps libre...
24.1	проводить вместе свободное время.
24.2	особенно для того чтобы распределить свое свободное время
24.3	чтобы поделиться своим свободным временем...
24.4	отказаться от многих вещей, в частности от свободного времени
24.5	смиряться с тем, что придется вместе проводить свободное время...
24.6	принять тот факт, что свободное время надо будет тратить на кого-либо кроме себя
24.7	Например раздельный досуг
24.8	совместное проведение времени
24.9	например, делить свое свободное время.
24.10	главным образом, в ущерб своему свободному времени
24.11	проводить совместно свободное время...
24.12	пожертвовать частью своего свободного времени
24.13	разделение своего личного времени с другим
24.14	в том числе согласиться пожертвовать частью своего свободного времени...
24.15	особенно принять разделение своего личного времени с другим....
24.16	например, делить с кем-либо свое свободное время
24.17	разделить свое свободное время
24.18	а также разделять свое свободное время ...
24.19	проводить вместе свое свободное время...
24.20	В частности, делить с кем-то свое свободное время
25	- Le sentiment de perdre le pouvoir sur sa vie peut l'envahir.
25.1	также он может бояться потерять единоличный контроль над своей жизнью.
25.2	Им может овладеть чувство потери власти над жизнью.

25.3	Может возникнуть чувство потери власти над собственной жизнью.
25.4	Партнера может охватывать чувство потери контроля над своей жизнью.
25.5	Чувство потерять контроль над ситуацией, власть над собственной жизнью может иногда отпугнуть мужчину.
25.6	Его может охватить чувство потери контроля над жизнью.
25.7	Мужчину может захватить страх потери власти над своей собственной жизнью.
25.8	У мужчины может возникнуть чувство утраты контроля над собственной жизнью.
25.9	Потерять чувство контроля над собственной жизнью непозволительно.
25.10	Его может охватить чувство утери власти над своей жизнью.
25.11	Чувство потери контроля над своей жизнью может им овладеть.
25.12	Чувство потери власти над своей жизнью может испугать:
25.13	Чувство утраты власти над своей жизнью может захватить его.
25.14	Возрастает чувство потери контроля над своей жизнью
25.15	Ему может казаться, что он теряет контроль над своей жизнью.
25.16	Ощущение, что вы больше не контролируете свою жизнь.
25.17	Ощущение потери власти над своей жизнью может одолеть его.
25.18	Его также может одолевает чувство потери власти над своей жизнью.
25.19	
25.20	
26	En effet, si vous prenez un appart, ou d'écidez d'avoir un enfant, beaucoup de d'écisions seront communes.
26.1	Действительно, когда вы вместе снимаете квартиру, решаете завести ребенка, многие решения необходимо принимать сообща,
26.2	Действительно, если вы живете вместе и решили завести ребенка, большинство ваших решений будут обоюдными.
26.3	И действительно, если вы съезжаетесь, или решаете завести ребенка, многие решения станут совместными..
26.4	И действительно, если вы принимаете решение жить вместе или завести ребенка, многие решения придется принимать вместе.
26.5	Действительно, если у вас совместный быт, вы хотите завести ребенка, многие решения вы будете принимать отныне вдвоем.
26.6	В самом деле, если вы начинаете жить вместе, или намерены завести ребенка, многие решения придется принимать вместе.
26.7	В действительности, если вы покупаете недвижимость или решаете завести ребенка, большинство решений будут приняты совместно.
26.8	И ведь действительно, покупка квартиры и появление ребенка, теперь многие решения общие.
26.9	Действительно, если вы сходите с кем-то и у вас совместный быт, дети, общие решения,
26.10	Действительно, если берете жилье или заводите ребенка, то многие решения будут общими.
26.11	На самом деле, если вы снимете квартиру или решите завести ребенка, многие решения будут совместными
26.12	действительно, если вы решите жить вместе или иметь ребенка, многие решения станут совместными.
26.13	Вообще, если вы живете вместе или решаете завести ребенка, многие решения будут приниматься сообща.
26.14	На самом деле, если вы берете квартиру, или решаете завести ребенка, большинство решений будут совместными.
26.15	Совместные решения, такие как аренда жилья или рождение ребенка, требуют согласования,.
26.16	Такие решения, как съём жилья, планирование ребенка, станут общими.
26.17	Действительно, если вы снимаете квартиру или решаете завести детей, многие решения являются общими.
26.18	Действительно, если вы живете под одной крышей или решаете завести детей, то многие решения станут общими.
26.19	Решение проживать вместе или завести ребенка должны приниматься совместно.
26.20	В самом деле, если съезжаетесь, чтобы жить вместе, заводите ребенка, такие решения не принимаются в одиночку
27	On ne prend plus uniquement des d'écisions pour soi.
27.1	больше не принимать решения одному.

27.2	Мы принимаем решения не только за себя.
27.3	Люди перестают принимать решения только за себя
27.4	Мы больше не можем принимать решения только для себя.
27.5	И эти решения теперь не будут приниматься только для себя.
27.6	Будет невозможно действовать самостоятельно
27.7	Невозможно будет принимать решения только за себя.
27.8	Мы больше не вправе отвечать только за себя.
27.9	ты уже не принадлежишь себе лично.
27.10	Они больше не личные.
27.11	Теперь решения принимаются не только за себя.
27.12	Больше не получится принимать только собственные решения.
27.13	Вы больше не принимаете решения исключительно сами за себя.
27.14	Больше нет решений только для себя самого.
27.15	а это означает, что он больше не сможет принимать решения только для себя
27.16	Решения только для себя больше не принимаются.
27.17	Мы больше не принимаем решения только для себя.
27.18	Он больше не принимает решения за самого себя.
27.19	Отныне такие решения нельзя принимать отдельно.
27.20	Больше не получится поступать так, как тебе хочется
28	Il peut sortir d'une relation pas encore totalement réglée.
28.1	Он может прекратить нестабильные отношения
28.2	Есть вариант завершить шаткие отношения.
28.3	Может быть не так давно у него были отношения, где он был слишком под контролем
28.4	Мужчина может пойти на попятную вследствие неудачных отношений в прошлом.
28.5	Возможно, он еще не освободился окончательно от прежних отношений.
28.6	Мужчина может принять решение выйти из отношений, пока они не достигли слишком контролируемой фазы
28.7	Он может разорвать еще несостоявшиеся отношения
28.8	Возможно, что партнер только что завершил сложные отношения
28.9	Возможно, он или она не оправился (ась) еще от прошлых отношений.
28.10	Он может выйти из отношений, еще не полностью устоявшихся.
28.11	Он может оказаться на выходе из не совсем законченных отношений.
28.12	Партнер может отказаться от крепких отношений.
28.13	Возможно, он только что закончил отношения с не до конца разрешенными в них проблемами.
28.14	У него возможно еще остались неулаженные дела с прошлых отношений.
28.15	Ему, возможно, еще не все ясно с прежними отношениями
28.16	Возможно, он еще не завершил предыдущие отношения.
28.17	Он может прекратить отношения, в которых остались еще не разрешенные вопросы.
28.18	Он может выйти из неофициальных отношений.
28.19	Он может вышел из отношений, которые еще не до конца закончены.
28.20	Из незаконных отношений можно выйти.
29	Il en veut encore a la personne avec qui il a vécu une précédente histoire,
29.1	Он еще в обиде на женщину, с которой недавно встречался,
29.2	Он все еще хочет быть с человеком из прошлого,
29.3	потому что по-прежнему хочет быть с человеком, с которым ранее жил
29.4	Этим он обязан своей экс-партнерше
29.5	Он еще злится на предыдущую партнершу
29.6	Он хочет отношений с тем, с кем у него были отношения до вас,
29.7	Ведь он все еще зол на предыдущего партнера,
29.8	Он еще обижен на своего предыдущего избранника,
29.9	с той, с которой он пережил
29.10	Он еще помнит свою бывшую
29.11	Он хочет отношений с той, с которой он пережил предыдущую историю
29.12	Он все еще зол на ту, с кем пережил предыдущий эпизод,
29.13	Он еще помнит о прошлых отношениях,
29.14	Он все еще злится на человека, с которым пережил предыдущую историю,
29.15	Он еще хочет этого с тем, кто прожил с ним прошлые отношения,

29.16	Он все еще обижен на ту женщину, с которой у него были отношения до вас,
29.17	Он все еще держит обиду на человека, с которым у него был предыдущий роман
29.18	Он может все еще злиться на бывшего партнера или быть не до конца эмоционально свободным.
29.19	Он еще желает быть с человеком, с которым у него были предыдущие отношения
29.20	Тот факт, что он все еще злится на человека, с которым был связан,
30	il y a des blessures pas encore refermées,
30.1	есть незалеченные раны,
30.2	раны еще не зажили,
30.3	раны еще не зажили
30.4	Душевные раны не затянуты,
30.5	Душевные раны не затянуты, все еще свежо в памяти.
30.6	у него есть незажившие раны,
30.7	раны еще свежи
30.8	его раны еще не совсем затянулись,
30.9	Причиненная боль еще свежа в памяти
30.10	есть еще не затянувшиеся раны,
30.11	у него еще не зажили раны,
30.12	имеются свежие воспоминания
30.13	у него есть еще не затянувшиеся раны,
30.14	есть еще незакрытые раны,
30.15	есть незажившие раны,
30.16	есть раны, которые еще не зажили,.
30.17	Эти незажившие раны мешают ему идти дальше.
30.18	Раны еще не зажили
30.19	и те раны еще не зажили
30.20	и что у него еще не зажили раны,
31	le deuil n'est pas encore fait,
31.1	не закончившийся траур,
31.2	печаль не прошла
31.3	-
31.4	все еще тяжело на сердце
31.5	траур не закончен
31.6	еще не закончился траур,
31.7	и печаль не покинула его
31.8	траур по отношениям еще не завершен.
31.9	и страх от потери
31.10	не пережитая горечь,
31.11	траур еще не снят
31.12	Еще все плохо внутри
31.13	скорбь не прошла,
31.14	траурный этап не пройден,
31.15	траур,
31.16	всякая разная боль
31.17	XXX
31.18	Он еще страдает
31.19	Боль не прошла
31.20	-
32	ce qui l'empêche d'aller plus loin avec vous.
32.1	все это может мешать ему сблизиться с вами.
32.2	и это мешает ему быть с Вами.
32.3	Он не может зайти далеко,
32.4	Это не дает ему решиться на серьезные отношения с вами.
32.5	Все это мешает ему решиться на серьезные отношения с вами.
32.6	И это мешает развитию отношений с вами.
32.7	возможно, это и мешает ему быть с вами.
32.8	Все это мешает ему правильно выстраивать отношения с вами.

32.9	Все это мешает ему правильно выстраивать отношения с вами.
32.10	Все это не дает строить новые крепкие отношения, чтобы двигаться с Вами дальше
32.11	и все это мешает ему пойти дальше с вами
32.12	и это может помешать строить новые крепкие отношения.
32.13	и это мешает ему делать следующие шаги с вами.
32.14	именно это и мешает пойти дальше с вами.
32.15	что и мешает ему двигаться с Вами дальше
32.16	что и мешает ему идти по жизни с вами
32.17	и это мешает ему двигаться дальше
32.18	Кроме того, он может бояться повторения прежнего сценария, который принес ему боль в прошлом.
32.19	и страх от потери не дает место новому чувству.
32.20	Все это может ему мешать строить новые крепкие отношения.
33	Il peut avoir peur aussi de recommencer le même schéma qui l'a fait souffrir dans le passé.
33.1	Он просто может бояться повторить сценарий, который принес ему страдания в прошлом.
33.2	Он боится пойти по тому же пути, который заставил его страдать.
33.3	Он также может бояться повторить то же самое, что заставило его страдать в прошлом.
33.4	Он может также бояться, что предыдущая схема событий, что привела его к страданиям, повторится снова
33.5	Он боится действовать по схеме, которая заставила его страдать в прошлом.
33.6	Он также может бояться повторения истории по схеме, которая заставила его страдать в прошлом.
33.7	Кроме этого, он может иметь страх повторения негативного опыта, который он ранее пережил.
33.8	Страх повторить прошлые отношения, которые принесли страдания.
33.9	У него может возникнуть страх снова действовать по тому же сценарию, в котором он страдал в прошлом.
33.10	Человек просто боится испытать очередное разочарование
33.11	Он боится повторения того, что причинило ему боль в прошлом.
33.12	Он также может бояться того, что возобновится старая схема, что заставила его страдать в прошлом.
33.13	Он может попытаться выстраивать подобные отношения
33.14	Он также может бояться снова пойти по той же схеме, которая причинила ему боль в прошлом.
33.15	Он боится вновь повторить ту же схему отношений, что заставили его страдать в свое время.
33.16	Он боится новых неудачных отношений, так как пришлось страдать в свое время
33.17	Возможно, он опасается повторения той же схемы отношений, которые в прошлом оказались неудачными
33.18	Он также может бояться повторения той же модели поведения, из-за которой он страдал ранее.
33.19	Он также может бояться повторения неудачных отношений.
33.20	Он также может бояться повторения болезненных моментов.
34	... Que faire ?
34.1	Что делать?
34.2	Что же делать?
34.3	Что же делать?
34.4	Что делать?
34.5	Что делать?
34.6	Что делать?
34.7	Что делать?
34.8	Как быть?
34.9	Что делать?
34.10	-
34.11	Что делать?
34.12	Что делать?
34.13	Что делать?
34.14	Как поступим?
34.15	Что же делать?
34.16	Что делать?
34.17	Что делать?

34.18	Что делать?
34.19	Что же делать?
34.20	Что Вам делать?
35	Une fois que vous avez identifi� les raisons possibles de son non-engagement,
35.1	Как только вы поняли, почему он не хочет жениться,
35.2	Когда вы определили возможные причины его избегания обязательств,
35.3	После того, как вы определили причины проблемы
35.4	Однажды наступает день, когда все возможные доводы по поводу его нерешительности становятся слишком очевидными.
35.5	Как только вы определили возможные причины его нежелания вступать в брак,
35.6	После того, как вы определили причины его нежелания обременять себя браком,
35.7	После определения причин невовлеченности партнера,
35.8	После того как вы выяснили причины его отказа жить вместе,
35.9	Когда вы определитесь с причинами его неготовности,
35.10	Как только вы идентифицировали возможные причины его нежелания ответственности,
35.11	После того, как вы определили возможные причины не вовлеченности партнера,
35.12	Как только вы установили возможные причины его невовлеченности,
35.13	Если вы заметили одну из перечисленных причин его не-вовлечения,
35.14	Как только вы уяснили возможные мотивы его нежелания быть ответственным за вас,
35.15	Как только Вы выяснили возможные причины его колебаний
35.16	Как только вы разобрались в причинах его нежелания жениться,
35.17	После того, как вы определили возможные причины его отказа от обязательств,
35.18	Как только вы определите возможные причины его отстраненности,
35.19	После того, как вы определили возможные причины его нежелания помолвки,
35.20	Однажды, если вы заметили одну из этих возможных моделей его поведения,
36	parlez-en avec lui, pour mettre du sens et savoir comment le rassurer.
36.1	поговорите с ним об этом, чтобы выяснить и знать как ему помочь.
36.2	поговорите с ним чтобы понять и узнать как его успокоить.
36.3	обсудите их, чтобы привести чувства в порядок и суметь успокоить своего любимого.
36.4	Поговорите с ним об этом, чтобы внести ясность в ваши отношения и чтобы успокоить его.
36.5	поговорите с ним об этом, чтобы понять и узнать, как его убедить сделать этот шаг.
36.6	поговорите с ним, чтобы внести ясность и понять как его убедить
36.7	нужно обсудить это с ним, чтобы понять и приободрить его
36.8	поговорите с ним об этом, поддержите его. Постарайтесь подобрать нужные слова, чтобы он осознал себя здесь и сейчас.
36.9	поговорите с ним об этом, чтобы он поверил в себя(?) и убедить его.
36.10	поговорите с ним об этом, чтобы все осмыслить и понять как его ободрить.
36.11	поговорите с ним, чтобы понять и узнать, как успокоить его.
36.12	поговорите с ним о них, чтобы придать им значение и понять, как его ободрить.
36.13	поговорите об этом с ним, чтобы знать каким образом переубедить.
36.14	поговорит о них, чтобы понять их смысл и знать как его успокоить.
36.15	Стоит поговорить с ним, прояснить недомолвки, разубедить в чем-то..
36.16	поговорите о них с ним, чтобы понять его и суметь его разубедить.
36.17	поговорите с ним об этом, чтобы их устранить.
36.18	поговорите об этом с ним, чтобы разобраться в этом и успокоить его.
36.19	поговорите с ним об этом, чтобы понять, как его успокоить.
36.20	поговорите с ним об этом, чтобы узнать причину и успокоить его.
37	Identifier les points qui le freineraient c'est aussi un moyen de l'aider a prendre conscience de la situation dans laquelle il est.
37.1	Определить, что мешает вашим отношениям, уже средство помочь ему справиться с ситуацией, в которой он оказался
37.2	Определение моментов, которые его останавливают, является также способом, который поможет прояснить ситуацию, в которой он находится.

37.3	Определение мешающих причин – также способ помочь ему осознать ситуацию, в которой он находится.
37.4	Выясните причины, которые могли его сдерживать, это тоже способ помочь ему осознать ситуацию, в которой он оказался.
37.5	Определите пункты, которые могут мешать вашему партнеру принять решение, это также поможет ему осознать ситуацию, в которой он находится.
37.6	Определите пункты, которые помогли бы его обуздать и это станет способом помочь ему принять логичное решение в той ситуации, в которой он оказался.
37.7	Для того, чтобы помочь ему понять ситуацию в которой он находится, нужно определить моменты, которые останавливают его.
37.8	Выявление моментов, которые мешают продвигаться вперед, также может помочь осознать ситуацию, в которой он оказался
37.9	Определите точки, которые его тормозят. Это поможет ему осознать его ситуацию.
37.10	Установить моменты, что его тормозят, это также способ помочь ему осознать положение, в котором он оказался.
37.11	Определите причины, которые ему могут помешать, это также способ помочь ему осознать ситуацию, в которой он находится.
37.12	Определите пункты, которые могли бы его удерживать, - это еще один способ помочь ему осознать ситуацию, в которой он находится.
37.13	Определите препятствия - это один из способов для понимания ситуации, в которой он находится.
37.14	Обозначьте проблемы, которые ему мешают, это поможет ему осознать ситуацию, в которой он пребывает
37.15	Выявление моментов, которые могут его замедлять, также является способом помочь ему осознать ситуацию, в которой он находится.
37.16	Выяснить причины, из-за которых он не решается что-либо делать, уже будет тем, с чем можно начинать разговор
37.17	Осознать моменты, которые ему мешают, это уже способ помочь ему справиться с ситуацией, в которой он запутался
37.18	Выясните, что мешает ему, помогите осознать положение, в котором он находится.
37.19	Выявление моментов, которые могут его сдерживать, поможет ему лучше осознать ситуацию.
37.20	Попытайтесь найти моменты, которые мешают ему, это поможет ему осознать ситуацию, в которой он находится.
38	Dans le cas ou il ne souhaiterait pas r�pondre a vos questions et en discuter, la sp�cialiste conseille vivement de lui laisser du temps.
38.1	В случае, если он не отвечает на ваши вопросы и не хочет их обсуждать, специалист советует дать ему время.
38.2	Если он не хочет отвечать на Ваши вопросы, отложите разговор на потом.
38.3	Если он не хочет отвечать на ваши вопросы и обсуждать их, специалист настоятельно советует дать ему время.
38.4	В том случае, если мужчина не идет на открытый разговор, специалист рекомендует дать ему время на раздумье.
38.5	В случае, если он не захочет отвечать на ваши вопросы и обсуждать что-либо, психолог настоятельно рекомендует дать вашему партнеру время.
38.6	В случае, если он не отвечает на ваши вопросы и не желает это обсуждать, специалистка настоятельно советует дать вашему мужчине время.
38.7	Если же с вами не хотят обсуждать проблемы и искать выходы из сложившейся ситуации, то вам стоит дать ему время.
38.8	В случае, если он не захочет отвечать на ваши вопросы и обсуждать это, специалист советует дать ему время.
38.9	В том случае, если он не желает отвечать на ваши вопросы о обсуждать их, специалист настоятельно советует дать ему время.
38.10	Если он не хочет отвечать на ваши вопросы и обсуждать их, специалист настоятельно советует дать ему время.
38.11	В случае, если он не захочет отвечать на ваши вопросы и обсуждать это, наш специалист настоятельно советует дать ему время.
38.12	В случае если он не захочет отвечать на ваши вопросы и обсуждать их, специалист советует не давить и дать немного времени.
38.13	Если же он не пожелает разговаривать и обсуждать что-либо, наш специалист настоятельно советует оставить его на время в покое

38.14	В случае если он не хочет отвечать на ваши вопросы и обсуждать их, специалист настоятельно рекомендует вам дать ему немного времени.
38.15	Если же он не желает отвечать и говорить, наш специалист настоятельно рекомендует дать ему время
38.16	В случае если он не желает отвечать на ваши вопросы и не хочет их обсуждать, специалист настоятельно советует дать ему время.
38.17	Если он не желает отвечать на ваши вопросы и обсуждать их, специалист советует дать ему время.
38.18	В случае, если он не желает отвечать на ваши вопросы и обсуждать их, Элизабет Кузон настоятельно советует дать ему время.
38.19	Если он не желает отвечать и обсуждать с вами вопросы, специалист настоятельно советует дать ему время.
38.20	В случае, если он не желает отвечать на ваши вопросы или отказывается поговорить, наш специалист советует вам оставить его на время.
39	Nous ne sommes pas disponibles forcément au mkme moment pour йchanger sur ce types de sujets dйlicats.
39.1	Мы не всегда одинаково готовы для того, чтобы обсуждать деликатные вопросы.
39.2	Мы не способны одновременно говорить на такие душещипательные темы.
39.3	Люди не могут начать обсуждать подобные деликатные темы ни с того, ни с сего.
39.4	В то же время мы не всегда вправе обмениваться мнениями по поводу таких деликатных ситуаций.
39.5	Ведь мы не всегда готовы обсуждать такие деликатные вопросы.
39.6	Мы не всегда находимся в подходящем расположении духа для решения деликатных вопросов.
39.7	Нам не всегда доступно в тот же момент перекинуться парой фраз по таким деликатным темам.
39.8	Мы не всегда бываем расположены откровенничать, говоря о такой деликатной теме.
39.9	Мы не можем сразу же открываться.
39.10	XXX
39.11	Мы можем не совпасть в своей готовности обмена мнениями по таким деликатным темам.
39.12	В то же самое время, есть такие деликатные темы, которые сложно обсуждать.
39.13	Мы вовсе не всегда готовы в тот же момент поделиться своими чувствами в таких деликатных вопросах.
39.14	Мы не всегда готовы открыто поговорить на деликатные темы в одно и то же время.
39.15	Мы не всегда можем быть доступны в одно и то же время, чтобы обсуждать такие деликатные темы.
39.16	Люди не всегда готовы обсуждать такие деликатные темы.
39.17	Мы не обязательно готовы одновременно обсуждать такие деликатные темы.
39.18	Такие деликатные темы требуют больше времени
39.19	Не всегда люди оба готовы обсуждать такие деликатные вопросы.
39.20	Мы не можем быть всегда в зоне доступа, чтобы проконсультировать вас в деликатных вопросах.
40	Montrez-lui que vous restez ouverte a la discussion,
40.1	Покажите ему, что вы всегда готовы к разговору,
40.2	Дайте ему понять, что вы открыты для разговора,
40.3	Покажите ему, что вы открыты для обсуждения,
40.4	Покажите ему, что вы остаетесь открытой для разговора,
40.5	Покажите ему, что вы всегда открыты для разговора,
40.6	Покажите ему вашу открытость к обсуждению,
40.7	Лишь покажите ему, что вы открыты для обсуждения и не настаиваете на разговоре,
40.8	Покажите ему, что вы открыты к обсуждению,
40.9	Покажите своему партнеру, что вы готовы выслушать его в любое время,
40.10	Покажите, что вы остаетесь открыты для диалога,
40.11	Покажите ему, что вы открыты для диалога,
40.12	Покажите ему, что вы всегда готовы к диалогу
40.13	Покажите ему, что вы остаетесь открыты для обсуждения,
40.14	Покажите ему свою открытость к дискуссии,
40.15	Покажите ему, что вы открыты для обсуждения
40.16	Покажите ему, что вы открыты для обсуждения,
40.17	Покажите ему, что вы открыты для обсуждения,

40.18	Покажите ему, что вы открыты для обсуждения
40.19	Покажите ему, что вы открыты для обсуждения,
40.20	Покажите ему, что вы всегда готовы к дискуссии
41	ne le braquez pas et laissez-le revenir quand il se sentira prêt à en parler.
41.1	не отталкивайте его, дайте ему возможность подумать и после поговорить с ним когда он будет к этому готов.
41.2	не настаивайте и подождите пока он сам будет готов об этом поговорить.
41.3	не настаивайте, пусть он вернется к обсуждению, когда будет готов.
41.4	но не торопите его и дайте ему время самому почувствовать, что он готов поговорить.
41.5	не сердитесь на него и позвольте ему самому почувствовать, что он готов поговорить
41.6	не давите на него и позвольте ему решить, когда об этом поговорить
41.7	тем самым вы дадите ему время подготовиться.
41.8	не напрягайте и позвольте ему вернуться к теме, когда он будет готов.
41.9	когда он или она будет готов(а). Не давите на него.
41.10	отложите разговор до того времени, когда он будет готов к нему.
41.11	не задирайте его и пусть он вернется, когда будет готов поговорить.
41.12	и можете вернуться к разговору, когда он будет готов
41.13	не обвиняйте его и позвольте ему вернуться к этому, когда он почувствует, что будет готов говорить.
41.14	не давите, а позвольте высказаться когда он будет к этому готов.
41.15	оставляете ему возможность поговорить, как он почувствует себя готовым к этому
41.16	и оставляете ему возможность поговорить, как он почувствует себя готовым к этому.
41.17	не настаивайте, пусть сам решит, когда он будет готов поговорить.
41.18	позвольте ему вернуться самому к этому разговору тогда, когда он почувствует свою готовность к нему.
41.19	не загоняйте его в угол и позвольте ему вернуться, когда он почувствует, что готов говорить об этом.
41.20	не отворачивайтесь от него, дайте ему возможность вернуться к предмету разговора, когда он будет готов поговорить об этом.
42	Sachez aussi que la confiance se construit avec le temps,
42.1	Знайте что доверие завоевывается со временем,
42.2	Также помните, что нужно быть уверенным в себе и в партнере,
42.3	Помните также, что доверие строится со временем,
42.4	Знайте также, что доверие строится со временем, по кирпичикам.
42.5	Также помните, что для доверия нужно время,
42.6	Также знайте, что доверие приходит со временем,
42.7	Нужно понимать, что доверие крепчает со временем,
42.8	Помните также, что для построения доверия нужно время,
42.9	Доверие не рождается за короткий срок, его нужно заслужить,
42.10	Помните, что доверие выстраивается со временем,.
42.11	Вам также следует знать, что доверие строится со временем,
42.12	Помните также, что доверие возникает постепенно,
42.13	Также знайте, что доверие строится со временем,
42.14	И надо помнить, что доверие возникает не сразу;
42.15	Важно помнить, что доверие формируется со временем,
42.16	
42.17	
42.18	Имейте в виду, что доверие строится со временем,
42.19	Также знайте, что доверие строится с течением времени.
42.20	Знайте также, чтобы завоевать доверие необходимо время,
43	pour s'engager il faut avoir confiance l'un en l'autre,
43.1	чтобы быть вместе надо доверять друг другу,
43.2	этот вопрос об обязательствах также дает возможность оценить ваше взаимное доверие.
43.3	и чтобы стать спутниками жизни, нужно доверять друг другу.
43.4	Чтобы продвинуться далеко в своих отношениях, нужно безгранично доверять друг другу.
43.5	надо доверять друг другу,
43.6	чтобы связать свою жизнь с другим человеком нужно доверие друг другу,
43.7	и прежде чем взять на себя обязательства необходимо доверять друг другу

43.8	чтобы взять на себя обязательства, нужно доверять друг другу.
43.9	используйте этот период чтобы понять на каком уровне находится ваше взаимопонимание и доверие.
43.10	чтобы включиться в диалог, нужно иметь доверие друг к другу
43.11	чтобы взять на себя ответственность, нужно доверять друг другу.
43.12	чтобы взять на себя обязательства, необходимо взаимное доверие
43.13	в серьезных отношениях нужно доверять друг другу,
43.14	чтобы отношения имели более серьезный характер, необходимо доверять друг другу.
43.15	чтобы стать ответственным за партнера, нужно иметь доверие друг к другу,
43.16	и чтобы взять на себя обязательства, нужно доверять друг другу.
43.17	Доверие приходит со временем:
43.18	и чтобы решить жениться, нужно научиться доверять друг другу,
43.19	Чтобы взять на себя обязательства, вы должны доверять друг другу,
43.20	а чтобы взять на себя ответственность нужно доверять друг другу,
44	cette question d'engagement est aussi l'occasion de faire un bilan sur votre confiance mutuelle.
44.1	вопрос близости это также повод подумать о доверии друг к другу.
44.2	возможность оценить ваше взаимное доверие.
44.3	Вопрос о женитьбе также дает возможность оценить уровень вашего взаимного доверия.
44.4	XXX
44.5	чтобы вступить в официальные отношения.
44.6	подобный шаг в сторону брака является вашим взаимным итогом доверия друг другу.
44.7	И вопрос о вовлеченности также является возможностью для того чтобы оценить плоды вашего взаимного доверия.
44.8	чтобы понять на каком уровне находится ваше взаимопонимание и доверие.
44.9	и это включение в диалог - результат вашего взаимного доверия
44.10	Вопрос ответственности – это также случай проверить как у вас дела с взаимным доверием.
44.11	необходимо взаимное доверие
44.12	этот вопрос обязательств - еще одна возможность подвести итог вашего взаимного доверия
44.13	И этот вопрос о дальнейшей жизни – это возможность проверить ваши отношения на доверие
44.14	Таким образом, вопрос о серьезности намерений проверяет ваши отношения на взаимное доверие.
44.15	кстати вопрос взаимных обязательств является поводом поговорить о вашем взаимном доверии
44.16	Вопрос об обязательствах - это еще и возможность подвести итоги вашего взаимного доверия.
44.17	чтобы участвовать в жизни другого человека, вы должны доверять друг другу.
44.18	и этот вопрос с женитьбой является отличной возможностью оценить ваше взаимное доверие.
44.19	этот вопрос также является возможностью подвести итоги вашего взаимного доверия.
44.20	вопрос ответственности – это итог взаимного доверия.
45	Où en êtes-vous ?
45.1	Как у вас с этим?
45.2	Как обстоят дела?
45.3	На каком уровне вы?
45.4	Что Вы делаете?
45.5	Насколько вы доверяете друг другу?
45.6	XXX
45.7	Есть ли оно у вас?
45.8	И есть ли оно?
45.9	На каком вы этапе в данный момент?
45.10	XXX
45.11	На каком вы этапе?
45.12	Что скажете?
45.13	Готовы ли вы к этому?
45.14	На какой стадии вы находитесь?
45.15	Есть ли оно у вас?
45.16	Как с этим у вас?
45.17	Как далеко вы продвинулись?

45.18	На каком этапе вы сейчас?
45.19	Так где же вы?
45.20	XXXX
46	Quels sont les petits signes que la relation va bien ?
46.1	Каковы признаки хороших отношений?
46.2	Каковы признаки хороших отношений?
46.3	Каковы признаки того, что отношения хорошие?
46.4	Каковы признаки хороших отношений?
46.5	Каковы признаки того, что отношения развиваются нормально?
46.6	Каковы признако того, что в отношениях все хорошо?
46.7	Каковы признаки, что ваши отношения в порядке?
46.8	Какие признаки того, что у вас все хорошо?
46.9	Каковы признаки того, что отношения развиваются успешно?
46.10	Каковы признаки того, что отношения у вас серьезные?
46.11	Каковы скромные признаки того, что в отношениях все хорошо?
46.12	Как понять, что отношения складываются?
46.13	Каковы же знаки что отношения двигаются в правильном ключе?
46.14	Каковы малейшие признаки того, что в отношениях все развивается благополучно?
46.15	Как понять, что отношения развиваются хорошо?
46.16	По каким знакам Вам понятно, что отношения складываются хорошо?
46.17	Какие есть крохотные признаки того, что отношения складываются хорошо?
46.18	Какие мелкие знаки говорят о том, что отношения идут хорошо?
46.19	Каковы небольшие признаки того, что отношения идут хорошо?
46.20	Каковы же признаки хороших отношений?
47	Au quotidien, quelles sont les preuves que votre relation vous apporte ce dont vous avez besoin, vos besoins sont-ils comblés ?
47.1	обычно, как вы показываете партнеру, что вы нуждаетесь в нем, отвечает ли он на ваши просьбы?
47.2	Какие существуют доказательства, что Ваши отношения приносят Вам то, что вам нужно, удовлетворены ли Ваши потребности?
47.3	Что является ежедневным доказательством того, что отношения приносят вам то, что нужно, и ваши потребности удовлетворены?
47.4	Какие доказательства изо дня в день говорят о том, что вы получаете все от этих отношений, всем ли вы удовлетворены?
47.5	Что в повседневной жизни можно считать доказательствами того, что все идет в соответствии с вашими запросами?
47.6	В повседневной жизни какие существуют доказательства того, что ваши отношения дают вам тот вклад, который наполняет ваше совместное пребывание смыслом?
47.7	Какие существуют доказательства того, что в повседневной рутине эти отношения удовлетворяют вас и приносят вам, то что вы хотели?
47.8	В повседневной жизни ест докозательства того, что вы удовлетворены в этих отношениях, ваши потребности?
47.9	В повседневности, каковы свидетельства того, что отношения приносят то, в чем вы нуждаетесь, что ваши потребности восполнены?
47.10	Каковы повседневные доказательства того, что ваши отношения дают вам то, в чем вы нуждаетесь, что ваши потребности удовлетворены?
47.11	Каковы признаки того, что ваши отношения приносят взаимное удовлетворение ваших потребностей?
47.12	В повседневной жизни, каковы доказательства того, что ваши отношения дают вам то, в чем вы нуждаетесь, удовлетворены ли все ваши потребности?
47.13	В повседневной жизни, видите ли вы доказательства знаков в которых нуждаются ваши отношения, восполняются ли ваши нужды?
47.14	Какие ежедневные свидетельства того, что ваши отношения дают вам то, что вам нужно? Удовлетворяются ли ваши потребности?
47.15	Какие ежедневные доказательства показывают, что ваши отношения дают вам то, что вам нужно, и что ваши потребности удовлетворяются?

47.16	В повседневной жизни, как Вы понимаете, что отношения приносят Вам то, что Вы ожидаете, что Ваши запросы удовлетворяются?
47.17	Какие повседневные действия говорят о том, что ваши отношения приносят вам то, в чем вы нуждаетесь, удовлетворены ли ваши потребности?
47.18	Что указывает на то, что ваши отношения дают вам все необходимое?
47.19	Каковы ежедневные доказательства того, что ваши отношения дают вам то, что вам нужно, удовлетворяются ли ваши потребности?
47.20	В повседневной жизни, как выглядят отношения, которые приносят то, что вам нужно, оправданы ли ваши ожидания?
48	Regardez du cftй des petits engagements au quotidien.
48.1	Посмотрите на ваши отношения со стороны.
48.2	Посмотрите со стороны ежедневных обязательств
48.3	Посмотрите со стороны на мелкие ежедневные обязательства.
48.4	Посмотрите на все это со стороны.
48.5	Посмотрите со стороны на мелкие повседневные дела.
48.6	Посмотрите со стороны на ваши взаимоотношения
48.7	Обратите внимание на маленькие ежедневные обязательства.
48.8	Выполняете ли вы свои обязательства в повседневной жизни?
48.9	Присматривались к мелким каждодневным обязательствам.
48.10	Посмотрите на это через мелкие повседневные обязанности.
48.11	Оцените ваши ежедневные отношения.
48.12	Посмотрите на это с точки зрения небольших повседневных побуждений.
48.13	Посмотрите на это со стороны ежедневных маленьких продвижений.
48.14	Посмотрите со стороны на ваши взаимоотношения
48.15	Посмотрите на мелкие повседневные обязательства.
48.16	Обратите внимание на мелкие проявления заботы в повседневной жизни.
48.17	Взгляните на ежедневные мелкие дела.
48.18	Обратите внимание на небольшие поступки человека, его действия.
48.19	Посмотрите на ежедневные доказательства.
48.20	Посмотрите со стороны на небольшие знаки внимания, которые он оказывает в обычной жизни.
49	Certes il ne souhaite pas emmйnager avec vous, mais c'est lui qui propose des escapades en amoureux,
49.1	Может быть он не помогает вам по хозяйству, но зато предлагает различные романтические свидания,
49.2	Хоть он и не хочет жить с вами, но он устраивает вам романтические выходные,
49.3	Может он и не хочет съезжаться с вами, но именно он инициатор любовных утех,
49.4	Возможно он не желает проживать с вами, но именно с ним у вас любовные приключения,
49.5	Скорее всего, он не хочет вместе обустраивать квартиру, но именно он организует милые романтические приключения,
49.6	Пусть он не желает сходить с вами, но это именно он предлагает свидания,
49.7	Возможно, он не хочет съезжаться, но устраивает романтические прогулки,
49.8	Возможно, ваш партнер не хочет с вами жить,
49.9	Хотя он не хочет съезжаться с вами, он вовлекает вас в любовные приключения,
49.10	Пусть он не желает съезжаться с вами, но это он предлагает любовные приключения,
49.11	Может быть, ваш партнер не предлагает вместе жить, но именно он инициатор романтического отпуска,
49.12	Конечно, он не хочет заселяться с вами, но он предлагает вам романтические поездки,
49.13	Хоть он не хочет съезжаться с вами, зато обещает романтику,
49.14	Это правда, что он не хочет переезжать к вам, но именно он предлагает романтические поездки,
49.15	Возможно, он пока не хочет съезжаться, но именно он предлагает романтические поездки,
49.16	Конечно, он не хочет съезжаться, но он придумывает любовные развлечения,
49.17	Он не хочет съезжаться с вами, но он привносит романтику в ваши отношения,
49.18	Возможно, он не хочет переезжать к вам, но именно он предлагает романтический отпуск,
49.19	Конечно, он не хочет переезжать к вам, но он тот, кто предлагает романтические каникулы,
49.20	Да, он не желает пока жить с вами под одной крышей, но именно он предлагает вам совершить любовный побег,

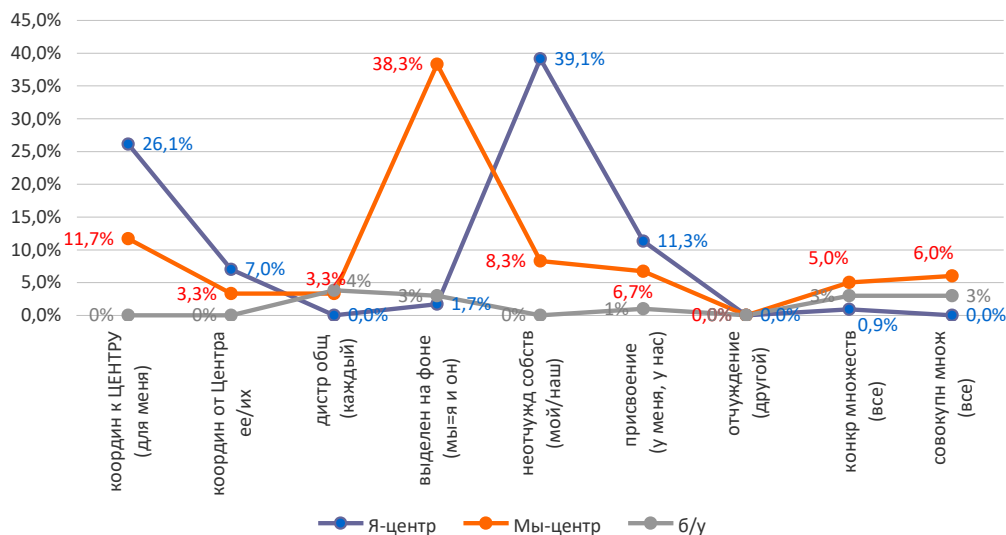
50	c'est lui aussi qui vous surprend régulièrement, qui prend soin de vous et qui vous rend heureuse.
50.1	регулярно делает вам сюрпризы, заботится о вас, делает вас счастливой
50.2	регулярно Вас удивляет, заботится о Вас и дарит Вам счастье.
50.3	тот, кто вносит разнообразие в вашу жизнь, тот, кто заботится о вас и делает вас счастливой.
50.4	это он удивляет вас регулярно, заботится о вас и кто делает вас счастливой.
50.5	он часто делает вам сюрпризы, он о вас заботится и он делает вас счастливой.
50.6	вас часто удивляет, заботится о вас и делает вас счастливой.
50.7	заботится и удивляет вас, что и делает вас счастливой.
50.8	но именно он вас радует каждый день, делает вас счастливой.
50.9	регулярно изумляет вас, заботится о вас, делает вас счастливой.
50.10	он вас постоянно удивляет, заботится о вас и делает вас счастливой.
50.11	постоянно заботится о вас и делает вас счастливым.
50.12	он регулярно удивляет вас, ухаживает за вами и делает вас счастливой.
50.13	постоянно удивляет, заботится и делает счастливой.
50.14	регулярно делает вам сюрпризы, заботится о вас и делает вас счастливой
50.15	регулярно вас приятно удивляет, заботится и делает вас счастливой.
50.16	Именно он умеет Вас удивить, заботиться и делает Вас счастливой
50.17	он также постоянно удивляет вас, заботиться о вас и делает счастливой.
50.18	и именно он тот самый, кто регулярно вас удивляет, заботится о вас и делает вас счастливыми.
50.19	он также тот, кто регулярно удивляет вас, заботится о вас и делает вас счастливой
50.20	именно он делает вам постоянно приятные сюрпризы, он заботится о вас и делает вас счастливой.
51	Même si votre désir d'enfant se fait de plus en plus pressant, ne cherchez à contrôler la relation :
51.1	Даже если ваше детское желание получить все и сразу становится невыносимым, не старайтесь изменить ситуацию,
51.2	Даже если Ваше желание завести ребенка становится все более насущным, не пытайтесь контролировать отношения:
51.3	Даже если ваше желание иметь ребенка становится все более настойчивым, не пытайтесь контролировать отношения:
51.4	Даже если идея о ребенке становится все более и более навязчивой, не пытайтесь контролировать отношения :
51.5	Даже если ваше желание родить ребенка становится все сильнее и сильнее, не старайтесь взять отношения под строгий контроль:
51.6	Даже если ваш детский каприз становится все более и более гнетущим, не пытайтесь контролировать ситуацию:
51.7	Даже если ваше желание иметь ребенка становится все более и более насущным, все же не пытайтесь брать под контроль отношения:
51.8	Даже если ваше желание иметь ребенка становится все более насущным, не ищите контроля в отношениях:
51.9	И если вы настаиваете на своем желании иметь детей, отпустите ситуацию:
51.10	Даже если желание родить ребенка становится все более серьезным, не пытайтесь контролировать отношения:
51.11	Даже если у вас большое желание иметь ребенка, не пытайтесь контролировать отношения,
51.12	Даже если ваше желание завести ребенка все усиливается, не пытайтесь контролировать ваши отношения:
51.13	Даже если ваше детское желание вас преодолевает, не пытайтесь контролировать отношения:
51.14	Даже если ваше желание завести ребенка становится все сильнее, не пытайтесь контролировать отношения:
51.15	Даже если Вы не можете справиться со своим желанием срочно завести детей, не пытайтесь давить в отношениях:
51.16	Даже если ваше желание завести детей становится все сильнее, не пытайтесь контролировать отношения:
51.17	Даже если вы очень сильно хотите детей, не пытайтесь контролировать отношения:

51.18	Даже если ваше желание завести ребенка становится невыносимым, не пытайтесь контролировать отношения:
51.19	Даже если ваше желание иметь ребенка становится все более насущным, не пытайтесь форсировать отношения:
51.20	Даже если ваше детское желание все больше давит на вас, не пытайтесь контролировать отношения:
52	plus vous lui mettez la pression, plus il va s'enfuir ou résister face a nos demandes.
52.1	чем сильнее вы на него давите, тем быстрее он сбежит от вас или будет сопротивляться вашим требованиям.
52.2	чем больше давления Вы на него окажете, тем быстрее он от вас сбежит или будет сопротивляться вашим запросам.
52.3	чем больше будете давить, тем больше он будет стремиться убежать и сопротивляться просьбам.
52.4	чем больше вы будете давить на него, тем дальше он будет отдаляться от вас и сопротивляться вашим просьбам.
52.5	чем больше вы будете давить, тем больше он будет сопротивляться.
52.6	чем больше вы оказываете на него давление, тем сильнее он захочет сбежать или сопротивляться вашим просьбам.
52.7	ведь чем больше вы давите на него, тем дальше он будет убежать или больше сопротивляться.
52.8	чем больше вы будете давить, тем больше он будет отстраняться и сопротивляться вашим запросам.
52.9	чем больше давления вы оказываете, тем больше вероятность, что он сбежит от вас.
52.10	чем сильнее вы будете давить, тем больше он будет сопротивляться вашим просьбам или стремиться сбежать.
52.11	давить на своего партнера, настаивать на своем, иначе он попытается сбежать или будет сопротивляться вашим требованиям.
52.12	чем больше давления вы на него оказываете, тем больше вероятность, что он сбежит или будет сопротивляться нашим потребностям.
52.13	чем больше вы давите, большим будет его сопротивление к просьбам.
52.14	чем больше вы будете давить, тем больше он будет либо убежать, либо сопротивляться вашим требованиям.
52.15	чем сильнее вы настаиваете, тем быстрее он сбежит от вас или будет сопротивляться
52.16	чем больше вы давите, тем быстрее он сбежит от вас или будет сильнее сопротивляться.
52.17	чем больше вы на него давите, тем больше он будет избегать наших просьб или сопротивляться им.
52.18	чем больше вы на него давите, тем сильнее он будет убежать или сопротивляться вашим просьбам.
52.19	чем больше вы будете давить на него, тем больше он будет убежать или сопротивляться нашим требованиям.
52.20	чем больше вы будете давить на него, тем больше он будет отдаляться от вас и сопротивляться вашему давлению.
53	Attention a ne pas aller trop vite,
53.1	Нельзя спешить в отношениях
53.2	Внимание! Не торопите события,
53.3	Будьте осторожны, не действуйте слишком быстро
53.4	Не стоит форсировать события,
53.5	Внимание, не надо действовать слишком быстро
53.6	Не спешите,
53.7	Не следует торопить события,
53.8	Будьте осторожны и не двигайтесь слишком быстро:
53.9	Не торопите события,
53.10	Важно не торопиться,
53.11	Будьте внимательны, не спешите,
53.12	Не торопитесь,
53.13	Будьте внимательны - не торопитесь слишком,
53.14	Не торопитесь слишком сильно,
53.15	Не торопитесь,
53.16	Не торопитесь,

53.17	Не спешите
53.18	Будьте осторожны, не торопите события:
53.19	Не торопитесь,
53.20	Внимание: отношения нельзя построить быстро,
54	une relation se construit avec le temps.
54.1	они строятся со временем.
54.2	отношениям нужно время.
54.3	отношения строятся постепенно.
54.4	отношения строятся постепенно, со временем.
54.5	для построения отношений нужно время.
54.6	для отношений нужно время.
54.7	отношения строятся со временем.
54.8	отношения строятся со временем.
54.9	истинные отношения строятся со временем.
54.10	отношения выстраиваются постепенно.
54.11	отношения строятся постепенно.
54.12	крепкие отношения строятся со временем.
54.13	Будьте внимательны - не торопитесь слишком, для построения отношений требуется время.
54.14	нормальные отношения строятся со временем
54.15	отношения не строятся за один день.
54.16	отношения строятся со временем.
54.17	отношения строятся со временем.
54.18	отношения требуют времени, чтобы выстроиться.
54.19	отношения строятся со временем.
54.20	серьезные отношения выстраиваются годами.
55	Relativisez ! Prenez du recul, n'en faites pas un enjeu vital.
55.1	Успокойтесь! Не принимайте жизненно важных решений.
55.2	Будьте разумны! Отступите и не делайте это жизненно важной проблемой.
55.3	Сделайте шаг назад, не делайте из этого жизненно важной проблемы.
55.4	Мыслите позитивно! Отступитесь от них, если нужно, не заикливайтесь на них!
55.5	Притормозите!
55.6	Не преувеличивайте! Сдайте назад, не делайте из данной ситуации трагедии.
55.7	Отпустите поводья! Сделайте шаг назад, не делайте из этого жизненную необходимость.
55.8	Сделайте шаг назад.
55.9	Мыслите трезво!
55.10	Дифференцируйте! Прикиньте, это не жизненно необходимо.
55.11	Отступайте, не делайте из этого культа.
55.12	Научитесь делать шаг назад, не делайте его жизненно важной проблемой.
55.13	Мыслите трезво!
55.14	Отступите, не делайте это смыслом всей жизни.
55.15	Измените свое отношение! Возьмите отступление, не стоит раздувать из этого фатальную проблему.
55.16	Немного отступите, не делайте из этого главную цель в жизни
55.17	Вздыхните!
55.18	Запомните! Сделайте шаг назад, не делайте из этого жизненно важного вопроса
55.19	Посмотрите на ситуацию шире! Сделайте шаг назад, не превращайте это в вопрос жизни и смерти.
55.20	Возьмите паузу!
56	Apprenez a vivre pour vous et non pas pour votre couple.
56.1	Научитесь жить для себя, а не для того, чтобы выйти замуж.
56.2	Научитесь жить для себя, а не для своего партнера.
56.3	Учитесь жить для себя, а не для вашей пары.
56.4	Научитесь жить для себя, а не для вашей пары.
56.5	Научитесь жить для себя, а не для вас обоих.
56.6	Научитесь жить для себя, а не только для вашей пары.
56.7	Научитесь жить для себя, а не для ваших отношений.
56.8	Учитесь жить для себя, а не ради кого-то.

56.9	Учитесь жить для себя, а не ради кого-то.
56.10	Научитесь жить для себя, а не для вашей пары.
56.11	Научитесь жить для себя, не для вашей пары
56.12	Учитесь жить для себя, а не для своей пары.
56.13	Научитесь жить для себя, а не для вашей пары.
56.14	Научитесь жить для себя, а не только для вашей пары.
56.15	Научитесь жить для себя, а не для вашего партнера.
56.16	Научитесь жить для себя, а не для своей пары.
56.17	Научитесь жить для себя, а не для своих отношений.
56.18	Живите для себя, а не для отношений
56.19	Учитесь жить для себя, а не только для ваших отношений.
56.20	Учитесь жить для себя, а не для вашей пары.
57	Parfois, il faut aussi faire le deuil du rêve de princesse : toute la magie autour des contes lorsqu'on était petite,
57.1	Иногда надо уметь распрощаться с мечтой маленькой принцессы: вся эта аура сказок, которые мы слышим в детстве,
57.2	Иногда нужно оплакивать «мечту принцессы»: все волшебство вокруг сказок, которые нам читали в детстве,
57.3	Порой лучше забыть детскую сказку о принцессе, волшебстве,
57.4	Приходит время, когда надо снимать розовые очки: нет больше волшебства из детских сказок в виде принца на белом коне.
57.5	Иногда приходится расстаться с мечтами маленькой девочки: забыть все это сказочное волшебство,
57.6	Иногда нужно забыть детские сказки о принцессе: всю магию в сказок из детства,
57.7	Иногда нужно время чтобы навсегда распрощаться с мечтой о принце на белом коне
57.8	Также иногда придется забыть о мечте принцессы: все это волшебство сказок, когда она была совсем маленькой,
57.9	Иногда стоит также отказаться от мечты маленькой принцессы: от волшебной сказки, услышанной в детстве,
57.10	Действительно, иногда надо оплакать и оставить мечты принцессы: все волшебство сказок для маленькой девочки,
57.11	Иногда стоит даже устроить траур по грезам принцессы: все это волшебство детских сказок,
57.12	Иногда, приходится расстаться с мечтой принцессы: все волшебство из сказок, которые вам читали в детстве исчезает,
57.13	Также порой необходимо навсегда распрощаться с мечтами о принце: вся эта магия вокруг сказок, которые рассказывали в детстве,
57.14	Иногда, стоит забыть про детские мечты и красивую жизнь сказочных принцесс,
57.15	Иногда приходится смириться с тем, что мечта о “принце на белом коне” остается в детстве: вся магия сказок, которые вдохновляли нас в детстве,
57.16	Расстаньтесь с мечтой всех принцесс: все волшебство сказок, которые мы читали в детстве,
57.17	Иногда нам становится грустно из-за мечты о принцессе: всего волшебства, связанного со сказками нашего детства,
57.18	XXX, все волшебство сказок нашего детства,
57.19	Иногда приходится оплакивать и мечту о принцессе: все волшебство сказок в детстве,
57.20	Иногда необходимо расстаться с мечтой принцессы: со всем волшебством, связанным с детской сказки об «идеальной свадьбе», об «образцовой» семье.
58	l'image véhiculée par la société du « mariage parfait », de la famille « module ».
58.1	и потом в дальнейшей жизни про «идеальный брак», «идеальную» семью.
58.2	образ «идеального брака», «образцовой семьи», придуманный обществом.
.3	«идеальном браке» и об «образцовой» семье.
.4	В реальной жизни практически не существует идеального брака и образцовой семьи, о которых принято говорить в обществе.
.5	отказаться от навязанного обществом образа «идеального замужества», «идеальной семьи».
.6	навязанный в социальных сетях образ «идеального брака» и «образцовой семьи».
.7	, о девичьих грезах о красивой свадьбе, идеальной семье как в сказках о принцессах.
.8	где описывался образ «идеального брака», определенная «модель» семьи в обществе.
.9	от навязанного обществом образа «королевской свадьбы» и «идеальной» семьи.
.10	картинку "безупречной семейной пары" созданной обществом, "модельной" семьи.

высказывания казахских респондентов

семьи.
и «образцовой» семье.
семьи.
дьябы" и "образцовой" семьи.
ый навязывает общество.
ный обществом.
обществом,
ано нам обществом
ке», «образцовой» семье.
ной свадьбе», об «образцовой»

que l'on a,
для другого
вление ран, которые мы имеем,

59.4	поиск средств для затягивания душевных ран
59.5	Нужно постараться залечить полученные раны, для
59.6	Нужно принять меры, чтобы успокоить свою боль
59.7	Существует объединенное исследование, чтобы излечить любые ваши травмы,
59.8	Да, вы будете искать причину для залечивания ран,
59.9	В этом есть попытка залечить раны, полученные прежде,
59.10	В это есть поиск излечения от иллюзий
59.11	Это стремление к слиянию зачастую связано с внутренними ранами, которые мы носим в себе.
59.12	На эту тему существует одно научное исследование, согласно которому, чтобы залечить раны,
59.13	Там есть поиск слияния, чтобы залечить раны, которые у нас есть,
59.14	нужно время чтобы залечить раны и научиться вновь жить,
59.15	Тут и поиск излечения от иллюзий,
59.16	Здесь потребуются синкретичные поиски, чтобы успокоить причиненные эти раны,
59.17	Существует фьюзиональное исследование, позволяющее пересмотреть жизненные позиции
59.18	На эту тему существует одно научное исследование
59.19	В этом есть живое стремление залечить наши раны,
59.20	Необходимо искать живые отношения, где имеют место и разногласия,
60	la il y a donc un travail a faire sur soi en ce qui concerne l'estime de soi et la confiance que l'on a en soi.
60.1	и в этом заключается трудная работа над собой, над доверием к себе, уважением к себе
60.2	поэтому следует работать над собой,самоуважением и уверенностью в себе.
60.3	но нужно работать над собой - над самооценкой и уверенностью в себе.
60.4	На самом деле это ежедневная работа над собой что касается самоуважения и доверия к самому себе, поиск средств для затягивания душевных ран.
60.5	этого нужно работать над собой, стараться уважать себя и поверить в свои силы.
60.6	и провести целенаправленную работу по вере в себя и самоуважению.
60.7	именно поэтому необходима работа над собой, когда речь идет о самооценке и уверенности.
60.8	но нужно работать над собой, над тем, что заключается в словах уважение к себе и доверие.
60.9	и, следовательно, нужно работать над собой, повышая уверенность в себе и воспитывая веру в себя.
60.10	Поэтому необходимо работать над собой, над своей самооценкой и уверенностью в себе.
60.11	помогает залечивать имеющиеся у нас раны, так вот тут самооценка и уверенность в себе.
60.12	нужно работать над собой, над самоуважением и уверенностью в себе.
60.13	поэтому необходимо проделать работу над собой в отношении самооценки и уверенности в себе.
60.14	научиться вновь жить, научиться себя уважать и ценить, работать над собой.
60.15	и работа над собой, в части уважения к себе и доверия к себе же.
60.16	работа над собой в том, что касается самоуважения и доверия к самому себе
60.17	необходима работа над собой, которая помогает развивать самоуважение и уверенность в себе
60.18	Здесь важно обратить внимание на работу над собой: над своей самооценкой и уверенностью в себе.
60.19	так что тут необходима работа над собой в отношении самооценки и уверенности в себе.
60.20	где необходима работа над собой, самоуважение, доверие к себе и своей половинке